

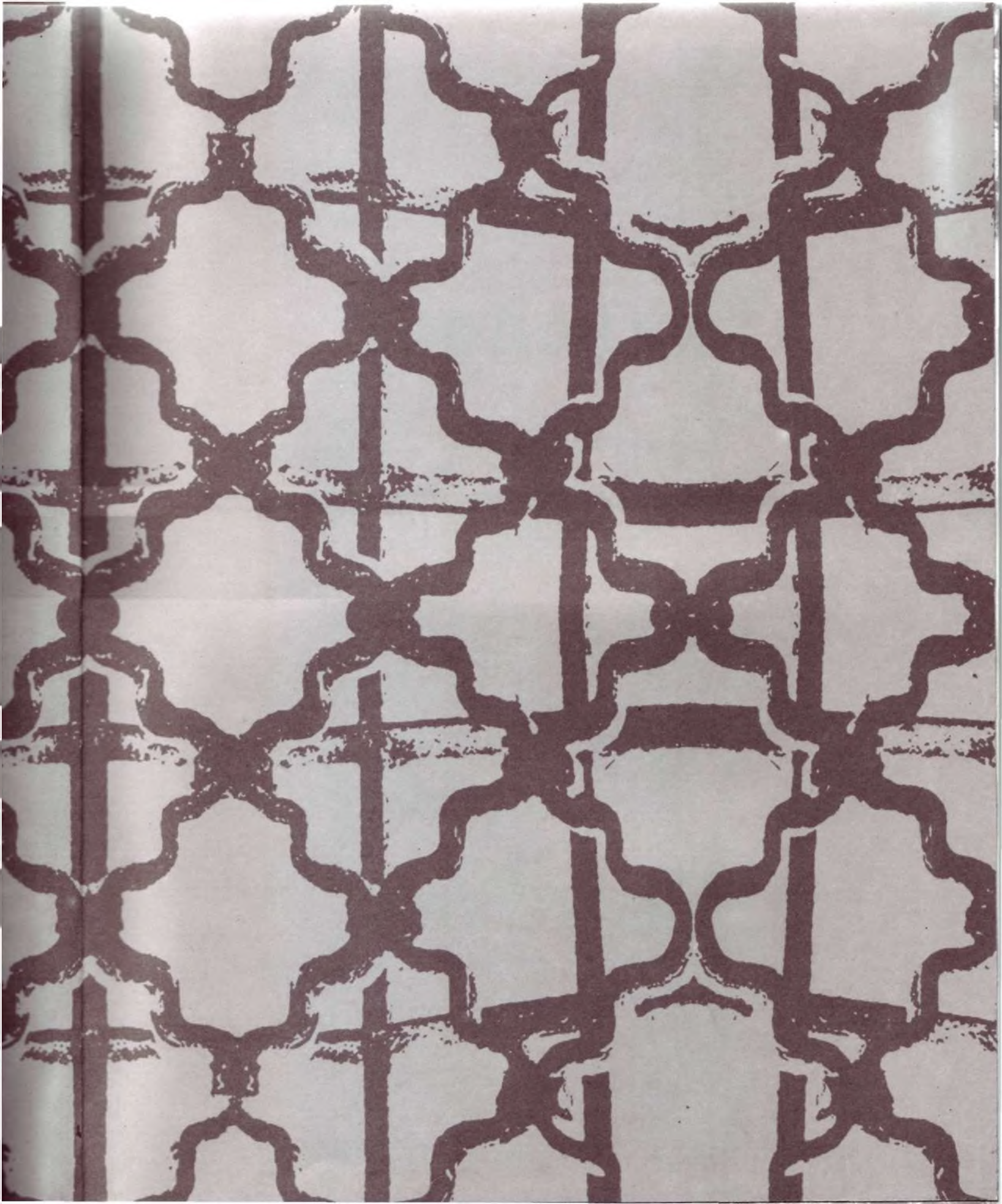
Юрий
Бродский

СОЛОВКИ

Двадцать
лет

Особого
Назначения

СОЛОВКИ

Дрий
Бродский

СОЛОВКИ.

Двадцать
лет

Особого
Назначения

ББК 63.3(2)615-4
Б 88

Бродский Ю. А.

Б 88 Соловки. Двадцать лет Особого Назначения. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. — 528 с., ил.

ISBN 5-8243-0374-6

Книга воссоздает историю первой в СССР системы концентрационных лагерей. Тысячи представителей интеллигенции, профессиональных военных, священнослужителей всех конфессий, успешно работавших крестьян и кадровых рабочих были лишены свободы по подозрению в инакомыслии, опасном для советского строя. Соловки оказались полигоном, где впервые в мире были выработаны методы изоляции и уничтожения большого количества людей.

В Соловках и связанных с ними лагерях Карелии оставили свою жизнь или часть жизни свыше миллиона наших сограждан. Важным уроком является и то, что создатели лагерей и большинство исполнителей карательных функций на Соловках, в конце концов, тоже стали жертвами созданной ими системы.

Книга включает в себя воспоминания бывших заключенных и бывших охранников, архивные документы и свыше 700 фотографий.

ББК 63.3(2)615-4

- © Бродский Ю. А. Составление, редактирование, основная фотосъемка, 2002.
- © Расковская Л. Л. Оформление, компьютерная верстка, 2002.
- © «Российская политическая энциклопедия», 2002.

В СССР — стране «окончательно и полностью победившего социализма», как провозглашала правящая партия большевиков, не было принято ставить памятники жертвам строительства коммунистического общества.

Но памятники, зарубки на память, — это не обязательно похожие друг на друга гигантские «матери-родины» или многофигурные композиции, что-нибудь символизирующие.

Памятник строителям Беломорско-Балтийского канала — сотням тысяч «заключенных каналармейцев» (отсюда и сокращение «З.К.») от эпохи Переводки — это пачка популярных папирос «Беломорканал», а парадоксальный памятник alma mater ГУЛАГа от эпохи, рожденной Перестройкой, — это российская 500-рублевая купюра, на которой изображен именно Соловецкий лагерь Особого Назначения (СЛОН), каким он был с 1923 по 1932 год, то есть в период своего наивысшего могущества.

Свечой памяти соловецким заключенным стала и книга Юрия Бродского «Соловки. Двадцать лет Особого Назначения», воссоздающая историю репрессий на Соловецких островах с 1920 по 1939 год.

Основой книги являются воспоминания бывших заключенных, которые в хронологическом порядке восстанавливают историю Соловков от прибытия первых узников в концлагерь до закрытия Соловецкой тюрьмы. Воспоминания эти частично записаны Ю. Бродским, частично получены из личных и государственных архивов, частично взяты из изданий, выходивших, главным образом, за границей СССР в 1925–1970 годах.

Воспоминания дополняются текстами из документов, иллюстрирующих историю лагеря: фрагменты из приказов по ОГПУ и НКВД, постановления правительства, отчеты из архива польской разведки и отчеты лагерной администрации, проекты развития лагерей, результаты их проверок различными комиссиями, материалы следственных дел. Контрапунктом к жестоким страницам истории Соловков 20-х — 30-х годов в книге даны выступления членов правительства СССР и публикации в официальной прессе того времени, показывающие, как советская власть представляла лагерь стране и миру. Среди воспоминаний и документов в книге помещены стихи и песни, созданные в неволе, письма узников, записки, спрятанные заключенными на территории лагерей.

Отдельные главы книги высвечивают структуру лагеря, деятельность охраны, условия быта заключенных, использование подневольного труда, положение в лагере некоторых групп заключенных: женщин, священнослужителей, иностранцев. Прослеживаются наиболее яркие или характерные лагерные судьбы заключенных.

Особое внимание уделено переломным моментам лагерной истории, отражающим, как зеркало, этапы истории страны: коллективизацию, «вредительские процессы», убийство Кирова, массовый террор.

Книга «Соловки. Двадцать лет Особого Назначения» отличается от других подобных изданий тем, что половину ее объема составляют иллюстрации. Свыше семисот фотографий снабжены важными текстами — комментариями-подписями бывших заключенных.

Фотоаппарат в руках профессионального фотографа Ю. Бродского является и инструментом исследования (целый ряд лагерных текстов удалось спасти благодаря фототехническим приемам), и служит созданию художественного образа, равноценного текстовым материалам книги.

Изобразительный ряд книги включает наиболее зрительно яркие документы, карты, лагерные деньги, надписи, оставленные заключенными на стенах камер, рисунки, выполненные узниками лагеря, например известными художниками Аваимом Миганаджаном и Осипом Бразом.

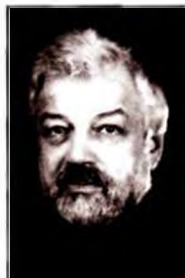
В книге воспроизводятся кадры из фильма «Соловки», снятого в 1928 году по указанию ОГПУ; фотографии, сделанные в СЛОНе по заказам лагерной администрации; материалы из личных собраний бывших заключенных и бывших охранников.

Слайды с изображениями памятников истории и архитектуры, которые обычно показывают туристам во время экскурсий, благодаря комментариям бывших заключенных превращают книгу в путеводитель по лагерным Соловкам.

Фототека Ю. Бродского по соловецкой тематике насчитывает свыше пяти тысяч негативов и слайдов. Большинство авторских фотографий сделаны специально для книги «Соловки. Двадцать лет Особого Назначения» и не экспонировались даже на выставках. Многие фотографии являются уникальными, так как сохранили следы присутствия «Красного СЛОНа на Белом море», впоследствии утраченные.

Время делает свое дело. Соловки не являются тюрьмой уже несколько десятилетий. Материальные свидетельства «средневековья XX века» исчезают. Сохранению памяти об уходящей эпохе посвящена эта книга.

А. Сорокин

Юрий Бродский, исследователь истории Соловков и профессиональный фотограф, автор публикаций в журналах и сборниках России, Германии, Италии, Нидерландов, Финляндии, Польши, США,

Японии, а также автор первой в СССР «лагерной» экспозиции в Соловецком музее-заповеднике и нескольких персональных фотовыставок по этой теме: «Соловецкий концлагерь в монастыре» (Римини-Милан, 1998), «Соловецкие парадоксы» (Варшава, 1998), «Новый человек» (Дрезден, 1999).

Научный консультант десяти историко-публицистических кинофильмов, в том числе «Власть Соловецкая» («Мосфильм», 1988), «Академия убийств» (TV-I, Польша, 1994), «Сталин и Гитлер. Патология власти» (TV-IV, Англия, 1999), «След Красного СЛОНа» (НТВ, 1999), «Белый квадрат на белом фоне» (La Sept ARTE, Франция, 2000), «Перед закрытой дверью» (ТВ «Культура», 2001).

Книга «Соловки. Двадцать лет Особого Назначения» впервые была опубликована в сокращенном варианте на итальянском языке издательством La Casa di Matriona (Милан, 1998).

Публикация осуществлена при поддержке
благотворительной организации
Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса)
и посольства Швеции в России

Документы, опубликованные в этой книге, получены
из архивов МВД и УФСБ Республики Карелия,
Государственного архива Архангельской области,
архива УФСБ Архангельской области,
из Отдела рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге,
Центрального архива МВД России,
архива НИПЦ «Мемориал»,
Государственного музея М. Горького в Нижнем Новгороде,
Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника,
архива МВД Республики Польша,
Государственного архива РФ,
из семейных архивов бывших заключенных, а также
из других хранилищ, которые разрешили автору воспользоваться имеющимися у них
материалами по истории Соловецких лагерей.

Автор и издательство выражают также признательность
за поддержку подготовки книги к изданию:

Анне Вичини
Е. Ю. Гениевой
Хелене Овсяны
И. Н. Осиповой
Н. Г. Охотину
В. П. Разину
В. В. Рождественскому
Ринату Хамиеву
И. И. Чухину
Н. И. Шилову

СОЛОВЕЦКИЕ ПАРАДОКСЫ

На шестьдесят пятом градусе северной широты, между тридцать пятым и тридцать шестым меридианами из студеного моря поднимаются острова, называемые в России Соловками. Расположенный в ста шестидесяти километрах от Полярного круга этот архипелаг из-за своих географических и климатических особенностей квалифицируется тарифными справочниками как «район Крайнего Севера», то есть один из самых суровых для жизни регионов.

Мощный ледовый панцирь на протяжении миллионов лет несколько раз сковывал Северную Европу. Ледяные поля толщиной в два километра ползали на юг, перетирая горные хребты и прогибая кору Земли, но десять тысяч лет назад ледяной плен закончился. Огромное послеледниковое озеро соединилось с Мировым океаном, превратившись в море, называемое теперь Белым. Над водами поднялся мощный утес, выстоявший под натиском льдов. Вершины этого утеса, укрытые обломками-моренами и рыхлыми породами, принесенными ледником, образовали большие и малые острова Соловецкого архипелага.

Соловки притягивали жителей материка с незапамятных времен. Древние святилища Соловецкого архипелага значительно старше, чем афинский Акрополь: каменные выкладки из валунов — лабиринты — созданы около четырех тысяч лет назад. Один из этих лабиринтов считается крупнейшим в мире.

По мнению современных ученых, на Соловках долгое время не было постоянных поселений. В сознании древних людей острова, поднявшиеся из Хаоса при сотворении Земли, находились на границе с потусторонним миром и могли посещаться лишь для совершения обрядов да захоронения вождей и героев.

Во второй четверти XV века на архипелаге обосновался монастырь, задуманный как остров спасения в мирском море. Основатели маленькой деревянной обители, Зосима и Савватий, прославившиеся многочисленными чудесами, канонизированы в 1547 году, и с тех пор почитаются всем православным миром.

Канонизация отцов-основателей точно совпадает по времени с началом нового этапа развития созданного ими монастыря, когда обитель возглавил энергичный и мужественный сорокалетний церковный деятель, вошедший в историю как святитель Филипп. Он организовал на Соловках грандиозное каменное строительство. Возведенные при нем крупнейшая на Руси монастырская трапезная палата и уникальный для своего времени двустолпный Спасо-Преображенский собор отличаются исключительным благородством пропорций и высочайшим профессионализмом исполнения. Пять веков спустя после завершения строительства эти сооружения будут включены в «Список всемирного наследия ЮНЕСКО» как шедевры архитектуры.

Особо следует отметить природоохранительную деятельность игумена Филиппа. Спасая медленно растущий приполярный лес, вопреки сиюминутной экономической целесообразности, он значительно ограничил порубку деревьев на островах для строительных нужд и солеварения — основного средства пополнения монастырской казны в XVI веке.

Стараниями предприимчивого пастыря на Соловках создаются капитальные инженерные сооружения: водяные мельницы, садки для хранения ценных пород рыб, каменная гавань с доками, использующими приливно-отливные течения Белого моря. Через леса и болота к отдаленным скитам прокладываются надежные дороги, а десятки озер соединяются каналами. Заботясь о братии, игумен Филипп внедряет целый ряд прогрессивных технических новшеств: прокладывает водопровод и квасопровод, улучшает рацион питания монахов и их одеяния, буквально на грани нарушения Устава.

В короткое время из тихой провинциальной обители, затерянной среди студеного моря, Соловки превратились в

оплот духовной и экономической жизни севера Русского государства, центр технического прогресса, место паломничества для всей страны.

Уже после вынужденного отъезда игумена Филиппа в столицу забота о сохранении достигнутого на острове благосостояния вынуждает братию организовать защиту своих ценностей. Вокруг монастыря возводится гигантский пятиугольник оборонительных стен из огромных эрратических (ледниковых) валунов. Периметр крепости превышает километр, высота — до 11 метров, а толщина у основания — около 6 метров. Над стенами поднимаются восемь башен, достигающих у вершин шатров 30 метров. Башни, согласно передовому военному опыту своего времени, далеко выступают за линию стен, обеспечивая возможность мощного флагирующего обстрела. Особенно надежно защищены въездные ворота. Их система безопасности включает в себя крутые повороты внутри проездных башен, решетки-гирсы и валунные козырьки-захабы. Соловецкая крепость — ровесница гамбетовской крепости Эльсинор — стала чудом фортификационного искусства. В XVII веке патриарх Никон назвал Соловки одной из трех главных «осударевых крепостей».

«Мрачная, обомшелая стена Кремля, исполинским утюгом придавившая землю... Темные камни лежат прочно, нерушимо... И не понять, не узнать: какой камень был положен со смиренной молитвой, и какой со стоном отчаяния? Какой полит горячей слезой и какой согрет горячей молитвой? И где прошла та трещинка, что расступилась в наше время пропастью, превратившей этот остров в место беспрерывных мук? Почему не оградили монахи своих потомков от нового бедствия? Почему их труд, их вера, их мука не принесли нам мира, а породили еще более жестокую борьбу, еще более жестокую муку? Когда и кем — ими, нами было что-то утрачено, без чего невозможен мир?», — напишет позднее соловецкий заключенный Г. Андреев.

Для защиты своих владений на материке разросшийся монастырь был вынужден содержать войско, организовывать вдали от

обитатели различные производства и промыслы, творить законы и вершить суд, подменяя органы светской власти. Монахи обучались ратному делу и по воинскому штатному расписанию имели свои места на стенах крепости, всегда готовые к убийству противника. Чего только стоят дошедшие до нас клички «смирненных иноков» — Исидор Длинная Сабля, Аника Пушкарь, Аккакий Грозный!

Уже в далекие годы формирования коллективного характера обители, когда деревянный маленький монастырь только готовился превратиться в каменный Кремль, когда лишь намечался поворот к богатству и процветанию, одной из сугубо мирских функций, принятых на себя монахами, явилось содержание на острове тюрьмы и ссылки, не прерывавшееся почти четыре столетия. Хозяевам страны казалось целесообразным иметь подальше от себя в местах отдаленных небольшой изолятор для инакомыслящих и других нарушителей спокойствия.

Тюрьма на Соловках, история которой восходит к первой трети XVI века, была самым строгим и самым вместительным среди православных монастырских мест заключения вплоть до конца XVIII века, когда в Суздальском Спасо-Ефимиевском монастыре открылось специальное «арестантское отделение».

Соловецкий острог объединял в себе функции главной тюрьмы духовного ведомства и секретной государственной темницы. Режим содержания узников зависел от персональных инструкций, поступавших в тюрьму вместе с арестантами с материка, а также от человеческих качеств настоятелей, возглавлявших монастырь. Количество заключенных, сидевших в казематах острова при предшественниках Петра I, не превышало двух—трех десятков одновременно. Некоторых из них предписывалось содержать взаперти «под крепким караулом до смерти», заковав в ручные и ножные кандалы; других достаточно было держать на привязи цепью к стене камеры; иных надлежало «использовать вечно в тягчайших трудах» под строгим надзором братии.

В остроге на острове, отрезанном от материка две трети года плавающими ледяными полями, сложились весьма суровые тюремные традиции. Камеры заключенных первые триста лет располагались по всей территории монастыря: подземные, то есть ямы с люками, находились вблизи Корюжковой башни на северо-западе; на северо-востоке несчастных держали в двух зарепеченных артиллерийских амбразурах у Никольских ворот; так называемая Головленковская тюрьма размещалась вблизи Архангельской башни за Новобратским корпусом; в центральной части обители вечно темные камеры находились в подклетах Успенской церкви. Некоторые арестанты маялись по 20-30-40 лет и более, но большинство погибали в первые годы заключения.

Без малого четыре столетия монахи Соловецкого монастыря так или иначе являлись охранниками, кормильцами и экзекуторами «своих» узников. Делали иноки это так же старательно, как молились Богу, как сажали репу или били морского зверя на промыслах, по необходимости послушно исполняя возложенные на них властями обязанности.

Вынужденное общение с образованными, зачастую знатными, а иногда просто яркими личностями из числа заключенных, разрушительно действовало на устои и без того сверх меры милитаризированной обители. Понимая это, Новгородский митрополит Никон (будущий Патриарх Московский), знавший Соловки не понаслышке, в 1651 году предупреждал старцев об опасности — «... ибо от тех ссыльных бесчинщиков бывают многие смуты».

Предсказание Патриарха оказалось пророческим. Давно готовившаяся воевать обитель оказалась легко втянутой в жестокое противостояние, получившее название «Раскол», а некоторые из узников соловецкого острога стали подстрекателями и идеологами начала смуты: князь Михаил Львов — царский стольник, бывший начальник Московского печатного двора; Феофан — архимандрит одного из афонских монастырей; Осип Пирюгин — сын боярский, ротмистр рейтарского строя; Сильвестр — участник разбойных походов и грабежей на Волге, известны историкам, как одни из зачинщиков антиправительственного мятежа.

Поводом для восстания монашеской обители оказалась разумная по сути, но резкая по форме введения реформа Патриарха Никона, ставящая своей целью унификацию церковных обрядов по всей стране. Несмотря на поддержку царя, эта реформа столкнулась с сопротивлением местнической Руси. Главным поводом для раздора оказались: отказ от многоголосия во время службы; количество пальцев, которыми выполняется крестное знамение; количество повторений слова «аллилуйя» в конце фразы, да количество букв «и» в русском написании имени Сына Божьего.

Нетерпимость, ощущение национальной исключительности, враждебная настроенность и недоверие ко всему иностранному (хотя вера-то пришла из-за границы), имевшие место быть в древнерусском обществе, подтолкнули многие сотни православных христиан к братоубийственной войне, к мученической гибели в огне и под пытками.

Соловецкий монастырь оказался крупнейшим центром Раскола. С 1667 года по

1676 год он противостоял правительственным войскам, отменив моление за здравие царя. Сложилась парадоксальная ситуация, когда «воины Царя Небесного сражались с воинами царя земного». Лишь после предательства одного из монахов, показавшего тайный проход в крепость, оборона «воинов Царя Небесного» была сломлена, мятежники перебиты с невероятной жестокостью, а монастырь разграблен стрельцами царя Алексея Михайловича под командованием воеводы Ивана Мещерянова.

Свято место пусто не бывает. В обитель прислали новых иноков, но чуждые для монашествующих роли тюремщиков, братия была вынуждена играть как и прежде. Парадоксально, но царский воевода, возглавивший разгром взбунтовавшегося монастыря, волею судеб оказался среди первых узников нового поколения соловецких заключенных.

Наследник царя Алексея Михайловича — император Петр I — значительно увеличил число своих подданных, отправляемых в Соловки под конвоем. Сначала сюда привозили противников его нововведений, а после в застенках монастырской тюрьмы оказались многие знаменитые сподвижники царя-реформатора. «Имя Соловков сделалось грозным и страшным по свидетельству истории российской», — писал соловецкий архимандрит Иларию, взявший на себя заботы по реконструкции тюрьмы.

В конце 20-х годов XIX века здание Иконописной палаты в северной части монастыря было превращено в специальный тюремный корпус, где на двух этажах размещались 28 «арестантских чуланов» с двойными решетками на окнах, а в 1842 году по ходатайству вышеупомянутого Илария архитектором Щедриным надстраивается третий этаж с девятью камерами, хотя и тогда количество заключенных на архиелаге не превышало 50 человек.

В середине XX века, уже после ухода с Соловков и монастырских узников, и советских концлагерей, именно над этим острогом будет поднят государственный флаг СССР, так как здание старой тюрьмы на многие годы станет резиденцией местных органов коммунистической власти.

Среди первых известных заключенных Соловецкого острога оказался современник святителя Филиппа — несправедливо обвиненный в ереси игумен Троице-Сергиевой лавры Артемий, а вскоре вслед за ним из Московского Кремля в Соловецкий Кремль прибыл под конвоем в ссылку один из судей безвинно осужденного игумена — духовник Ивана Грозного, автор «Домостроя», благовещенский поп Сильвестр. Такое причудливое сплетение жизненных путей соловецких узников и их судей будет повторяться еще не раз. В истории весьма засекреченной монастырской тюрьмы можно обнаружить несколько удивительных ситуаций, в которых всемогущие столичные вершители судеб вдруг (а может, и не вдруг) низвергались в те же соловецкие казематы, что и их недавние жертвы.

По сведениям историка Г. Г. Фруменкова, мартиролог Соловецкой монастырской тюрьмы со времен Ивана Грозного включает в себя не менее 400 имен. Основную массу составляли религиозные вольнодумцы и «отступники» веры, хотя в списке узников можно встретить много имен, попавших на остров не по своей воле, безотносительно их религиозных взглядов. Среди знаменитых заключенных можно вспомнить видного деятеля Смутного времени Авраамия Палицына, бывшего «царя всея Руси» Симеона Бекбулатовича; любимца Петра Великого, бессменного главу Тайной канцелярии П. А. Толстого вместе с сыном, а также соперника П. А. Толстого, наставника Петра II сенатора В. А. Долгорукого, тоже с сыном; президента коммерц-коллегии графа П. Н. Мусина-Пушкина, выступившего против бироновщины; последнего атамана Запорожской Сечи Петра Кальнишевского, без суда и следствия тайно спрятанного в соловецком подземелье; борца за освобождение Польши Иоанна Елонского; знаменитого справщика книг при Патриархе Никоне грека Арсения; видного французского сановника Августа Турналя, соучастника побега императора Наполеона из заключения с острова Эльба.

Известность и популярность Соловецкого монастыря как великого богомолья соединялась с глухой, дурной славой монастырской тюрьмы вплоть до начала XX ве-

ка. Парадоксальным остается и тот факт, что место религиозного **добровольного уединения** с благой целью спасения души оказалось центром **принудительной изоляции**, главным образом по религиозным мотивам.

Разорение соловецкой крепости стрельцами царя Алексея Михайловича, а также всевозможные поборы Петра Великого и секуляризация владений на материке при Екатерине II подорвали экономическое могущество монастыря. Соловки уже не играли роль столицы «государства в государстве» на севере России, перестав быть и крупнейшим культурным центром. Упало военно-стратегическое значение крепости. Медленно-медленно обитель, освобожденная от вериг многих светских обязательств, нащупывала свой путь развития.

Постепенно сложился облик братии, как единого коллектива, собранного единым замкнутым местом деятельности. Соловки не прославились в этот период подвигами благочестия, не создали новых архитектурных или литературных шедевров, не выдвинули из своей среды выдающихся деятелей всероссийского масштаба. Современники называли обитель тех лет «Крестьянским царством» — идеалом коллективного хозяйства. Ставка делалась на развитие ремесел и небольших производств с внедрением новейших достижений науки и техники. К середине XIX века выкристаллизовался девиз обновленного монастыря: «В труде спасаемся!»

Безусловно, близость к Северному полюсу, мореходная практика в высоких широтах и жизнь в окружении выдающихся шедевров архитектуры влияли на образ мышления братии. Писатель и путешественник В. И. Немирович-Данченко, побывавший на островах, отметил, что для понимания характера обители необходимо увидеть ее представителей в характерной для них обстановке. Соловчанина, например, нужно наблюдать во время шторма на палубе монастырского судна или во время выволочного весеннего промысла морского зверя на крутящихся среди волн льдинах; соловецкие монахи, предоставленные сами себе, даже головной убор носят не по консисторски установленному образцу, а заломив набекрень!

В 1903 году тюрьма в обители была, наконец, упразднена, и в XX век Соловецкий монастырь вошел уверенной походкой предприимчивого хозяина, достигнув на этом поприще значительных экономических успехов. Монахи под руководством талантливого организатора — архимандрита Иоанникия — приспособились к новому укладу жизни. Они имели свой флот и первый на севере России сухой док, радиостанцию, гидроэлектростанцию — одну из первых в стране, развитую сеть морских промыслов, ремесленных и сельскохозяйственных производств. Множество достижений технического прогресса без промедления внедрялось в хозяйственную жизнь обители. Благодаря эффективной рекламе десять—пятнадцать тысяч паломников ежегодно посещали далекие остро-

Соловки как частичка России, естественно, имели с ней общую историю, однако, оглядываясь назад, можно видеть, что первые камешки лавин, обрушивавшихся на страну, отчетливо прослеживаются на островах раньше, чем на материке. Лагерная присказка «Сегодня в Соловках — завтра в России» имела место и во времена опричнины, и в Смутное время, и в годы Раскола...

Так происходило и в начале двадцатого столетия, когда в монастырскую братию влилась команда флотской братвы, пережившей во время Русско-японской войны разгром и сдачу в плен под Порт-Артуром. Активные морячки (принявшие постриг по обету целым отрядом, на льготных условиях, почти сразу в иеромонахи — по

ва, принося значительный «кружечный доход». Монастырь содержал на свои средства госпиталь в столице, давал деньги в долг правительству, торговал с границей, участвовал во всемирных выставках, подумывал о покупке самолета, но в недрах здорового организма уже появилась раковая клетка... в виде красивой идеи о всеобщем равенстве во имя всеобщего счастья.

особому указанию Синода) неожиданно, прикрываясь словами о борьбе с неравенством, начали борьбу за власть в процветающей обители. Путем противоправных действий, называвшихся в прессе тех лет «соловецкой сварой», им удалось в 1917 году свергнуть настоятеля монастыря Иоанникия, воспроизведя на островах микромодель падения самодержавия в России.

Новый, избранный голосованием «коллектива верующих» настоятель Вениамин показался «флотским» монахам недостаточно прогрессивным, и бывшая братва продолжила борьбу. В прибытии на острова чекистов и введении на архипелаге Особого Управления эти монахи пытались усмотреть «Провидение Свыше», рассчитывая согласно сохранившимся документам, на помощь «соловецкой советской власти» в «справедливой» организации монастырского общежития, как, по их мнению, учил безвременно погибший еще в XVI веке святитель Филипп, «борец за угнетенных».

Реально же захват большевиками власти в стране означал для Соловков замораживание привычных форм жизни. Монастырь переименовали в Кремль, Белое озеро — в Красное. «Суровая климатическая обстановка, трудовой режим и борьба с природой будут хорошей школой для всяких порочных элементов!» — постановили победители и создали в 1920 году на территории монастыря, известного своими тюремными традициями, концентрационный лагерь для своих соотечественников — военнопленных Гражданской войны. В 1923 году этот лагерь перерос в СЛОН — Соловецкие лагеря Особого Назначения. Парадоксально, но первыми узниками СЛОНа оказались активисты тех политических партий, которые прежде были союзниками большевиков в борьбе за власть.

Особое Назначение Соловецких лагерей состояло в том, что там для «исправления», а не за провинность, первоначально изолировались люди, представляющие угрозу для советской идеи лишь только фактом своего существования. Активных противников власти, посмеявшихся взять в руки оружие или пытавшихся публично высказывать свое мнение, большевики уничтожали сразу. В концлагере же заключались те, чье воспитание не согласовывалось с коммунистической практикой, те, кто в силу своего образования, происхождения или профессиональных знаний оказались «социально-чуждыми». Большая часть этих людей была брошена в Соловки не по приговорам суда, а по решениям различных коллегий, комиссий, совещаний...

У Полярного круга возник полигон — там, вдали от посторонних глаз, постепенно стала отрабатываться организация охраны и практика расстрелов, обсуждалась вероятность применения отравляющих газов и технология захоронения трупов; определялись нормы питания и изучались возможности массового использования принудительного труда. Соловецкие охранники, прошедшие школу на островах, возглавляли потом лагерные Управления по всему СССР. На Соловках внедрялась индустрия создания граждан с принципиально новым — советским сознанием. Руководители системы считали, что ими создана «ФАБРИКА ЛЮДЕЙ». Заключенный Михаил Никонов назвал это предприятие «АДСТРОЕМ».

На островах Соловецкого архипелага была создана модель государства, разделенного на группы по классовому признаку, где имелись: своя столица, свой Кремль, своя армия, свой флот, свой суд, своя тюрьма и хорошая материальная база, доставшаяся в

наследство от монастыря. Печатались свои деньги, издавались свои газеты и журналы. Свыше шестидесяти соловецких монахов, принявших декларацию митрополита Сергия и ставших «обновленцами», работали в лагере вольнонаемными инструкторами. Имелось даже несколько театров и научное общество, изучавшее природу и памятники истории на территории лагеря.

Труд в Особом лагере сначала имел только «воспитательное» значение. Под присмотром «самоохраны», то есть бывших чекистов и бывших коммунистов, осужденных за уголовные преступления не в тюрьму, а на администрирование каторгой, узники, как правило, высококвалифицированные специалисты, носили воду из проруби в прорубь, перекладывали бревна с места на место, до потери сознания хором кричали здравницы начальству. И конечно, лучшие погибали первыми... Этот период формирования лагерной системы закончился в 1929–1930 годах массовой гибелью заключенных, главным образом, от «тяжелых условий жизни», как писали в актах о смерти, а затем и уничтожением охранников, рьяно выполнявших карательные функции.

еся вне территории островов Соловецкого архипелага, еще в начале тридцатых годов продолжали официально называться Соловецкими. Контингент заключенных значительно расширился, возросло количество технических специалистов, квалифицированных работников, а также крестьян, не понимавших счастья труда в колхозах, и другой «рабсилы», необходимой для расширения социалистических преобразований в СССР. К осени 1934 года в стране воцарился ГУЛАГ.

Главный новый лагерный закон гласил: «Хлеб по выработке!». СЛОН перевели на хозрасчет. Больные, физически слабые, пожилые заключенные были теперь изначально обречены на истощение и смерть, но те, кто выполнял нормы выработки, получали неурезанный продовольственный

Следующий этап прорастания Соловков в ГУЛАГ связан с попытками получения максимальной прибыли от принудительного труда узников и созданием все новых и новых подразделений СЛОНа на материке от Ленинградской области до Мурманска и Урала. Те лагеря, находивши-

паек, награждались грамотами и премиальными пирожками, их портреты вывешивались на лагерной «Доске почета». Сталин даже предложил награждать отличившихся заключенных орденами, но не выпуская их из лагеря, «чтобы на свободе они опять не испортились»...

Родина концлагерной системы — Соловки — после уничтожения своих природных ресурсов (древних лесов архипелага), перекачала большую часть узников с островов на «ударное» строительство Беломорско-Балтийского канала и превратилась из «Парижа Северных лагерей» (по образному выражению репрессированного профессора Ивана Озерова) в одно из многочисленных советских мест заключения. Режим изоляции заключенных на островах все больше ужесточался, узников лагерей с середины 30-х годов стали переводить на тюремное содержание. Осенью 1937 года около двух тысяч соловецких заключенных, отобранных по решению тюремной администрации, были расстреляны. Но палачи-исполнители и палачи из Москвы, отдававшие указания о массовых убийствах, ходили по земле ненамного дольше, чем их жертвы, — большинство этих гэбэшников образца 1937 года вскоре тоже были расстреляны.

Исторические этапы деятельности «исправительных лагерей» на Соловках закончились массовой гибелью «исправляемых», однако и большинство деятелей, приложивших руку к созданию концлагерей на островах, тоже стали жертвами построенной ими системы. Чекист, поднявший над Соловецким монастырем красный флаг, через три года вернулся в Соловки — уже как заключенный. Архангельский чиновник, первым предложивший превратить беломорский архипелаг в большой концлагерь, расстрелян. Заместитель председателя ВЧК, подготовивший Постановление ВЦИК СССР об Особых лагерях на Соловках, расстрелян.

Глава правительства СССР и его управляющий делами, подписавшие документ о создании Соловецких лагерей Особого Назначения, расстреляны. Жизненные пути многих и многих руководителей Соловецкого концлагеря были тоже принудительно оборваны. Оказалось, что все в проигрыше. Нет победителей. Система никому не принесла счастья.

Соловецкий архипелаг после массовых расстрелов заключенных в 1937 году был выведен из состава ГУЛАГа и превращен из лагеря в образцовую тюрьму Главного

Управления Государственной Безопасности, имевшую пять отделений на разных островах. Только штат обслуживающего персонала составлял свыше тысячи человек, одних парикмахеров — восемь. Тюрьма на Соловках отличалась очень суровым режимом, явившись вершиной пенитенциарной системы СССР, но одновременно и ее тупиком. Количество заключенных продолжало увеличиваться.

Маятник репрессий продолжал раскачиваться, уничтожая и уродуя как узников, так и их охранников.

Для содержания заключенных на Соловках использовались буквально все монастырские помещения и построенные на скорую руку бараки. В 1939 году завершилось возведение специального Большого тюремного корпуса. Его первооткрывателями вполне могли стать заказчики строительства — коллеги «железного» наркома НКВД Николая Ежова, расстрелянного в Москве, однако Соловецкая тюрьма по приказу нового наркома внутренних дел Лаврентия Берии вдруг срочно расформируется. Начинаясь Вторая мировая война, и территория архипе-

лага потребовалась для организации на ней военно-морской базы Северного флота. Сложилась парадоксальная ситуация: единственным местом на островах, где не сидели заключенные, оказалось единственное специально построенное для этого капитальное здание.

Поздней штормовой осенью 1939 года узников этапировали с островов в другие места заключения, где их еще долго узнавали по особой соловецкой тюремной одежде.

Лагеря покинули Соловки окончательно, выплеснувшись на материк, но еще долгие десятилетия земля архипелага была окружена табличками «Запретная зона». Даже советская власть в виде избираемых населением местных Советов впервые пришла на архипелаг только в 1944 году. КГБ десятилетиями преследовал любые попытки проникновения в историю лагерей, материальные следы ГУЛАГа на островах целенаправленно уничтожались.

Не осталось в alma mater советских лагерей и живых очевидцев «средневековья» XX века. Лозунг «Железной рукой загоним человечество к счастью!», как оказалось, привел лишь к гибели большинства, попавших под эту «железную руку».

Согласно уже опубликованным материалам Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий за годы советской власти по политическим мотивам в Советском Союзе было расстреляно, а также погибло в тюрьмах и лагерях около 25 000 000 человек.

Свою жизнь или часть жизни оставили в Соловках и связанных с ними лагерях Карелии около миллиона заключенных. Это не самая большая цифра в шестидесятимиллионном перечне жертв коммунистического режима. Однако для многих людей именно слово «СОЛОВКИ» стало символом большевистских репрессий. Недаром памятник всем жертвам ГУЛАГа, установленный в Москве на Лубянской площади против главного здания КГБ СССР, это — Соловецкий Камень — ледниковый валун, привезенный из бывшей лагерной столицы. Соловецкий Камень стал алтарем, где теперь принято зажигать свечи в память о погибших в советских застенках.

И все-таки СОЛОВКИ в первую очередь не есть только символ «лобного места» одной шестой части земной суши. История Соловецких лагерей Особого Назначения, где в концентрированном виде проявилась античеловечная сущность коммунистической власти, в конечном итоге, фрагмент всемирной картины борьбы зла с добром. Эта история знает многочисленные примеры духовного сопротивления безвинно арестованных узников, которые вопреки физическим и моральным страданиям, не утратив человеческого достоинства, завершили здесь свой жизненный путь.

Благодаря подвигам этих людей Соловки из символа репрессий становятся в нашем сознании символом единения и святости, ведь и Крест — символ спасения, как ни парадоксально, когда-то был лишь орудием мучительной казни. В Соловках ушли из жизни по единым спискам тысячи людей многих национальностей и различных мировоззрений, а земля, где пролита кровь безвинных мучеников, почитается всеми религиями как святая.

Юрий Бродский

Омыться ль жаждали они в крови,
Увековечить новую ль Голгофу,
Не знаю...

Вильям Шекспир
«Макбет», действие I, картина 2

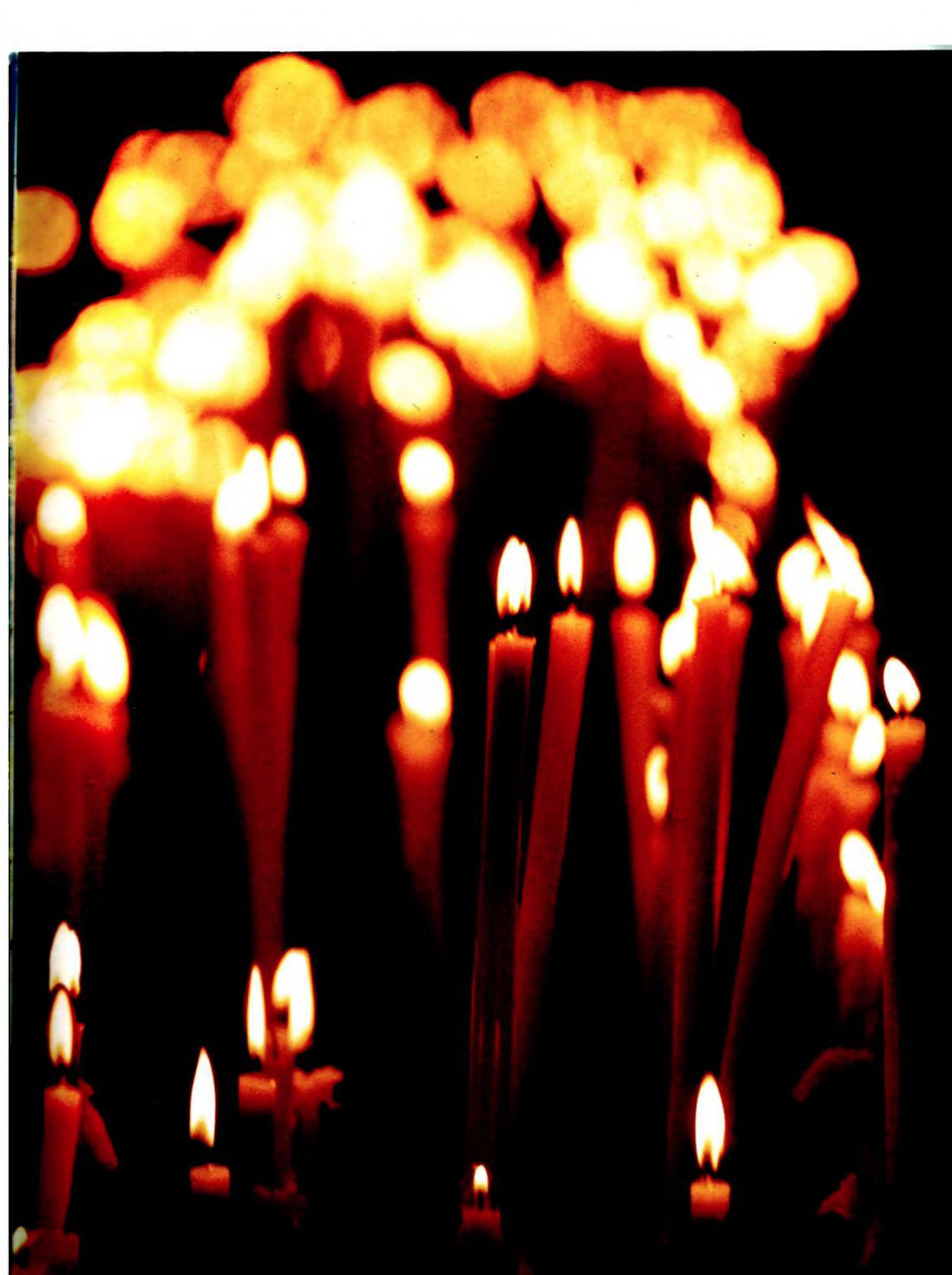

Свою жизнь или часть жизни оставили на Соловках
и связанных с ними лагерях советской Карелии
около миллиона заключенных.

История Соловецких лагерей Особого Назначения,
где в концентрированном виде проявилась
античеловечная сущность коммунистического режима,
в конечном итоге, фрагмент всемирной картины
борьбы зла с добром. Эта история знает
замечательные примеры духовного сопротивления
безвинно арестованных узников,
достойно завершивших здесь свой жизненный путь.

Благодаря подвигам этих людей Соловки из символа
репрессий становятся в нашем сознании
символом единения и святости.

Фрагменты из истории «первых островов ГУЛАГа» —
Соловецких лагерей Особого Назначения НКВД
и Соловецкой тюрьмы ГУТБ СССР
рассказывают бывшие узники
этих карательных заведений:

Адамова-Слиозберг
Ольга Львовна

(1903–1992), экономист. В Соловках – 1937–1939 гг. Всего восемнадцать лет заключения и ссылки. Воспоминания публикуются по распечатке записей, сделанных для кинофильма «Власть Соловецкая», «Мосфильм», 1988.

Андреевский
Иван Михайлович

(1894–1976, псевдоним – И. Андреев, профессор-филолог, историк церкви. В Соловках – 1928–1930 гг. Всего семь лет лагерей и ссылки. Автор книги «Заметки о Катакомбной Церкви» (Джорданвилль, США, 1947).

Баев
Александр
Александрович

(1904–1995), микробиолог, академик. В Соловецкой тюрьме на острове Мухомата и в одиночной камере в Кремле – 1937–1939 гг. Всего тринадцать лет тюрем, лагерей и ссылки.

Булыгин
Александр
Дмитриевич

(1902–1986), бухгалтер. В Соловках – 1925–1927 гг. Всего шесть лет лагерей и ссылки. Автор рукописи «Быль Соловецкая» (архив НИЦ «Мемориал», Санкт-Петербург).

Бессонов
Дмитрий Дмитриевич

(1895–1970), офицер-фронтвик, заместитель коменданта Зимнего дворца в октябре 1917 года. В СЛОНе – 1924–1925 гг. Организатор побега из пересыльного пункта вблизи Кемь. Автор книги «Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков» (Париж, 1928).

Верховский
Дмитрий Петрович

(псевдоним Д. Витковский, 1901–1966), инженер. В Соловках – с 1931 года, петок на ЕБК. Всего двадцать один год тюрьмы, лагерей и ссылки. Автор воспоминаний «Полживни». Публикуется по машинописному тексту с авторской правкой, полученному от Н.Г. Левитской, Москва.

Викентьев
Игорь Александрович

(1911 г.р.), инженер. В Соловках - 1935-1937 гг. Всего пять лет лагерей за явобы принадлежность к «КРГ - контрреволюционной группировке».

Волков
Олег Васильевич

(1900-1996, писатель. В Соловках - 1928-1929 и 1931-1933 гг. Всего двадцать семь лет заключения и ссылки. Публикуется по распечатке записей, сделанных для кинофильма «Власть Соловецкая» («Мосфильм», 1988, и книге «Погружение во тьму» (Париж, 1987).

Ганешин
Дмитрий Сергеевич

(1904-1977), инженер-конструктор. В Соловках - 1926-1928 гг. Всего шесть лет лагерей и ссылки по «Делу скаутов». Автор неопубликованных воспоминаний (находятся у его вдовы В.П.Ганешинской в Москве).

Газарян
Сурен Оганосович

(1899-1982), экономист. В Соловецкой тюрьме - 1937-1939 гг. Всего десять лет тюрьмы и десять лет ссылки. Воспоминания «Этого забыть нельзя» опубликованы в журналах «Звезда» (№ 1, 1989, и «Литературная Армения» (№ 6-9, 1988 год).

Гордон
Гаврила Осипович

(1885-1942), профессор-историк. В Соловках - 1930-1931 гг. Всего тринадцать лет лагерей и ссылки. Погиб в заключении. Воспоминания о Г.О.Гордоне публикуются по рукописи его сына Г.Г.Гордона «Поездка в Соловки в 1931 году» (архив ГМИИ им. Пушкина, Москва).

Гурский
Константин Петрович

(1911-1996), рабочий. В Соловецких лагерях - 1933-1934 гг. Осужден ленинградской Тройкой ОГПУ за «подготовку к покушению на Сталина». Всего двадцать два года лагерей и ссылки.

Горелов
Анатолий Ефимович

(1904–1992), писатель. В Соловецкой тюрьме – 1937–1939 гг. Всего семнадцать лет тюрьмы, лагерей и ссылки. Воспоминания публикуются по распечатке записей, сделанных для кинофильма «Власть Соловецкая» («Мосфильм», 1988).

Дворжецкий
Вацлав Янович

(1910–1993, Народный артист России. В 1929 году осужден Особым Сведанием ОГПУ. Всего двадцать семь лет лагерей и ссылки. Автор рукописи «Записки актера» (архив литературного общества «Возвращение»).

Евневич
Александр Афанасьевич

(1881–1937, в момент ареста работал в Москве заведующим лабораторией Института гуттаперчи и каучука. Автор рисунков, сделанных для описания Соловецкого лагерного музея. Расстрелян 8 декабря 1937 года.

Жилов
Николай Васильевич

(1892–1966, врач-хирург из Москвы. В Соловецких лагерях – 1929–1935 гг. Всего двадцать два года лагерей и ссылки. Автор рукописи «Летопись моей жизни», найденной в 1991 году на Арбате в доме, предназначенном на слом.

Зайцев
Иван Матвеевич

(1878–1934), генерал-майор, полный Георгиевский Кавалер. В Соловках – 1925–1927 гг. В 1927 году вывезен с острова в ссылку на Север, откуда совершил удачный побег за границу. Автор книги «Соловки» (Шанхай, 1931).

Зотов
Владимир Семенович

(1903–1978, художник. В Соловках – 1926–1928 гг. Всего шесть лет лагерей и ссылки. Мемуары публикуются по фрагментам, включенным в незаконченную рукопись С.В.Шибанова «СЛОИ – воспоминания и зарисовки по памяти».

Ивенсен
Павел Альбертович
(1908 г.р.), изобретатель,
авиаконструктор. В Солов-
ках - 1936-1938 гг. Всего
двадцать два года тюрьмы,
лагерей и ссылки. В 60-х
годах - главный ведущий
конструктор космических
комплексов «Протон».

Казаринов
Пантелеймон
Константинович
(1885-1937), профессор,
редактор «Сибирской эс-
ветской энциклопедии». В
Соловках - с 1933 года.
Автор рисунков, сделанных
для описания лагерного
музея. Расстрелян 9 октя-
бря 1937 года.

Казачков
Владимир
Алексеевич
(1902-1994), бухгалтер
из Москвы. В Соловках -
1925-1928 гг., потом три
года ссылки в Сибири за
участие в собрании быв-
ших учеников кадетского
хордуса.

Киселев Н.
(псевдоним Громов Н.И.).
В Соловках - 1928-1930 гг.
Офицер Белой армии. До аре-
ста жил на нелегальном по-
ложении и в лагере сидел под
фамилией Карпов. В 1930 го-
ду совершил побег в Фин-
ляндию. Автор книги «Лаге-
ря смерти в СССР» (Шанхай,
1936).

Кичкас В.
Автор воспоминаний под на-
званием «Сатаниада. Соло-
вецкие этюды». Опубликова-
ны в 1946 году в Мюнхене.
Тираж, видимо, несколько де-
сятков экземпляров. Сведе-
ний об авторе нет. Раритет
стал известен благодаря
Вадиму Крейду (США).

Клингер А.
Офицер Белой армии. В
Соловецких лагерях - с
1923 года. В 1925 году
совершил побег в Фин-
ляндию. Автор воспомин-
аний «Красная катор-
га. Записки бежавшего»,
(сборник «Архив русской
революции», Берлин, № 19,
1929 год).

Левитская
дев. — в лагере Васильева,
Ирина Павловна

(1914 г.р., инженер. Осуждена по «кировскому наброску» 28 декабря 1934 г. на пять лет «за терроризм». В Соловках — 1935—1937 гг., затем до 1939 г. — в тюрьмах Владимира и Суздаля.

Лихачев
Дмитрий Сергеевич

(1906—2000, филолог, академик. В Соловецких лагерях — 1928—1932 гг. Воспоминания публикуются по материалам интервью для кинофильма «Власть Соловецкая» («Масфильм», 1988) и рукописные комментарии к книге Б. Ширяева «Неугасимая лампада».

Лобанова
Ольга Федоровна

(1911 г.р., агроном из города Петропавловска в Казахстане. Арестована после получения письма из-за границы, осуждена «за связь с мировой буржуазией». В Соловках — 1935—1938 гг. Всего пять лет лагерей.

Мальсагов
Созерко Артаганович

(1893—1976, офицер. Бежал из СЛОНа в 1925 году. В 1939 году, после пленения в Польше, совершил побег из гитлеровского концлагеря и воевал во французской Сопротивлении. Автор книги «Адские острова. Советская тюрьма на дальнем Севере» (Лондон, 1926).

Мане
(Пензина),
Ольга Мейеровна

(1906—1997, врач. Арестована вскоре после приезда из Польши в СССР на учебу. Статья «Ш — подозрение в шпионаже». В Соловках — 1935—1938 гг. Всего двенадцать лет лагерей.

Мартюхин
Лев
Николаевич

(1914—1995), строитель. В лагере и тюрьме на Соловках — 1936—1938 гг. Всего двенадцать лет лагерей и ссылки.

Никонов
Михаил Захарович
 (псевдоним - Смирдин С.В.)
 1889-19..? гг., землемер.
 В Соловках - 1928-1930 гг.,
 затем - на Беломорканале.
 После семи лет заключения
 организовал побег из лагерь.
 Автор книги «Красная ка-
 торга. Записки сослужани-
 на» (Ссфия, 1938).

Озеров
Иван Христофорович
 (1869-1942), экономист,
 профессор, крупный специ-
 алист в области финансов.
 В Соловках - 1931-1933 гг.
 Автор «Воспоминаний», на-
 писанных в 1938 году (ОР
 РНБ, Санкт-Петербург).

Олекhnович Франциск
 (1883-1944), журналист, дра-
 матург. В Соловках - 1927-
 1933 гг. В 1933 году Олек-
 хновича как польского под-
 данного обменяли на разоб-
 лаченных за границей аген-
 тов Коминтерна. Автор кни-
 ги «Правда о Советах» (Вар-
 шав, 1937).

Оликер
Борис Львович
 (1901-1978), врач-хирург,
 заместитель Наркома здра-
 воохранения Белоруссии. В
 Соловецкой тюрьме - 1936-
 1939 гг. Всего двадцать лет
 тюрьмы, лагерей и ссылки.
 Автор рукописи «Воспоми-
 нания» (хранится у его до-
 чери Л.Б. Гореловой, Санкт-
 Петербург).

Оликская
Екатерина Львовна
 (1898-1974), член партии со-
 циалистов-революционеров.
 В Соловках - 1924-1925 гг.
 В лагерях, тюрьмах и ссыл-
 ках тридцать девять лет.
 Автор книги «Мои воспомина-
 ния» («Посев», Франкфурт-
 на-Майне, 1971).

Польский
Михаил Афанасьевич
 (1891-1960), протопресвитер.
 Активный деятель Русской За-
 рубежной Церкви. В Соловец-
 ких лагерях - 1923-1926 гг.
 Всего семь лет лагерей и
 ссылки. В 1930 году совер-
 шил побег из СССР. Автор
 книги «Новые мученики рос-
 сийские» (Свято-Троицкий
 монастырь, Джорданвилль,
 США, 1949, 1957).

Проخورов
Александр Арсеньевич

(1910-1995, инженер. В Соловках - 1937-1939 гг. Всего восемнадцать лет тюрьмы, лагерей и ссылки. Воспоминания публикуются по материалам интервью для кинофильма «Власть Соловецкая» («Мсфильм», 1988).

Розанов
Михаил Михайлович

(1902-1989, журналист. В Соловках - 1930-1932 гг. Всего в тюрьме и лагерях - одиннадцать лет. Автор книг «Завоеватели белых пятен», («Посев», 1951), «Соловецкий концлагерь в монастыре».

Рубинштейн
Владимир Осипович

(1904-1993), социал-демократ, инженер. В Соловках - 1923-1925 гг. Всего пятнадцать лет лагерей и ссылки за расклеивание листовок с требованием возврата к многопартийной системе.

Сагайдак
Дмитрий Ефимович

(1902-1987, инженер-механик. В Соловецкой тюрьме - 1938-1939 гг. Всего восемнадцать лет тюрьмы, лагерей и ссылки. Автор рукописи «Восемнадцать лет» (архив НИИЦ «Мемориал», Москва).

Сапир
Борис Моисеевич

(1902-1989, историк. В Соловках - 1923-1925 гг. После лагеря отправлен в ссылку, откуда совершил побег. Автор статьи «Годовщина соловецкой трагедии» в газете «Социалистический вестник» (№ 23/141 от 6 декабря 1926 года).

Седерхольм
Борис Леонидович

Капитан 2-го ранга, подданный Финляндии. В Соловках - 1925 год. Усилиями финских дипломатов освобожден из лагеря в начале 1926 года. Автор книги «В разбойном стане. 1923-1926 гг.» (Рига, 1934).

Соловьев
Емельян И.

(1898-1945), инженер, подданный Латвии. Во время транзитного проезда через территорию СССР был арестован. В Соловках - 1925-1932 гг. Публикуется по рукописи (библиотека Гарвардского университета, США).

Солоневич
Иван Лукьянович

(1891-1953), литератор. Арестован в 1933 году за подготовку к групповому переходу границы СССР. В 1934 году совершил побег из Белбалтлага. Автор книги «Россия в концлагере» (Нью-Йорк, 1957).

Сочалин
Михаил Николаевич

(1912 г.р.), рабочий из Москвы. В Соловках - 1934-1939 гг. Всего двадцать три года тюрем, лагерей и ссылки.

Фаворский
Александр Григорьевич

(1914-1992), электромонтер из Ленинграда. В Соловках - 1936-1939 гг. Автор рукописных воспоминаний (архив НИЦ «Мемориал», Санкт-Петербург).

Хомяков
Геннадий Андреевич
(псевдонимы: Г. Андреев,
Н. Отрадин)

(1910-1984), журналист. В Соловках - 1927-1929 гг. и повторно - после неудачного побега - 1933-1935 гг. В 1942 попал в плен и остался на Западе. Автор воспоминаний «Соловецкие острова», журнал «Грани» (№ 8, 1950, Мюнхен).

Чирков
Юрий Иванович

(1919-1988), доктор географических наук. В момент ареста - школьник, обвиненный в «терроризме». В Соловках - 1935-1938 гг. Всего девятнадцать лет лагерей и ссылки. Автор книги воспоминаний «А было все так...». (Политиздат, 1991, Москва).

Шибанов
Сергей Владимирович
(1905–1989, биолог. В Сол-
ловках – 1926–1928 гг. за
участие в скаутской орга-
низации. Всего шесть лет
лагерей и ссылки. Автор не-
оконченной рукописи «СЛОИ
– воспоминания и зарисов-
ки по памяти».

Ширяев
Борис Николаевич
(1889–1959, литератор, пе-
дагог. В Солловках – 1923–
1927 гг. Во время Второй
мировой войны, пройдя че-
рез лагеря для перенесен-
ных лиц, оказался в Ита-
лии. Автор книги «Неугла-
симая ладина» (1954,
Нью-Йорк).

Жегольков
Сергей Васильевич
(1915 г.р., рабочий. В мо-
мент ареста – учащийся
школы, обвиненный в ки д-
готовке уничтожения чле-
нов правительства СССР, в
частности, т. Сталина». В
Солловках – 1932–1938 гг.

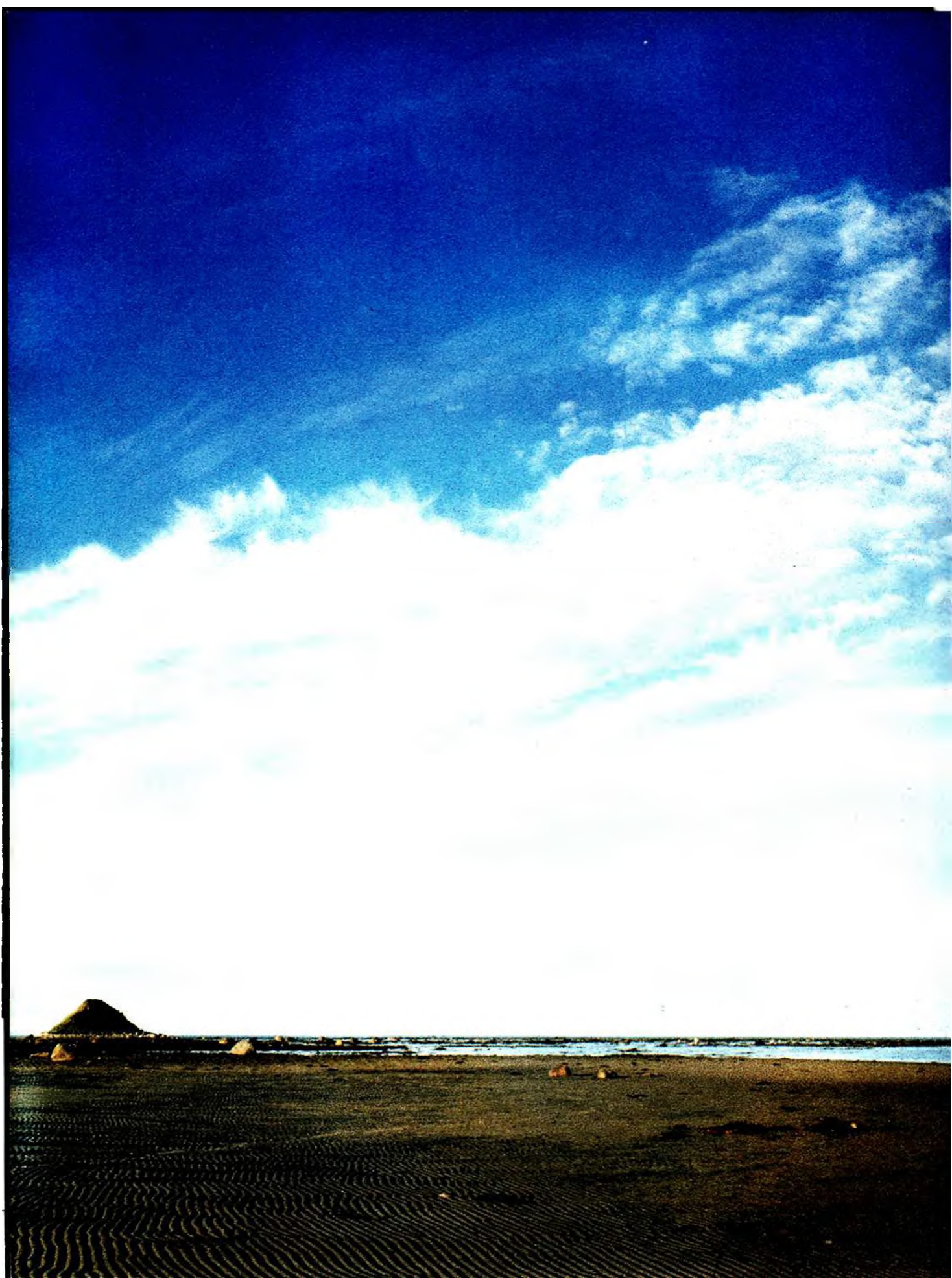
Эштейн
Самуил Исаакович
(1906–1998, экономист.
В Солловках – 1937–1939 гг.
Всего – четырнадцать лет
тюрьмы, лагерей и ссылки.
Воспоминания публикуются
по распечатке магнитофон-
ных записей, сделанных для
кинофильма «Власть Сол-
ловская» «Исфильм», 1988.

Яфа
Ольга Викторовна
Второва, Сунакевич,
(1876–1959, педагог, ху-
дожница. В Солловках – 1929–
1931 гг. Тайно вывезла ряд
документов по истории СЛОН.
Автор рукописных воспомин-
аний «Августовы острова»
СР РНЕ, Санкт-Петербург.

и другие...

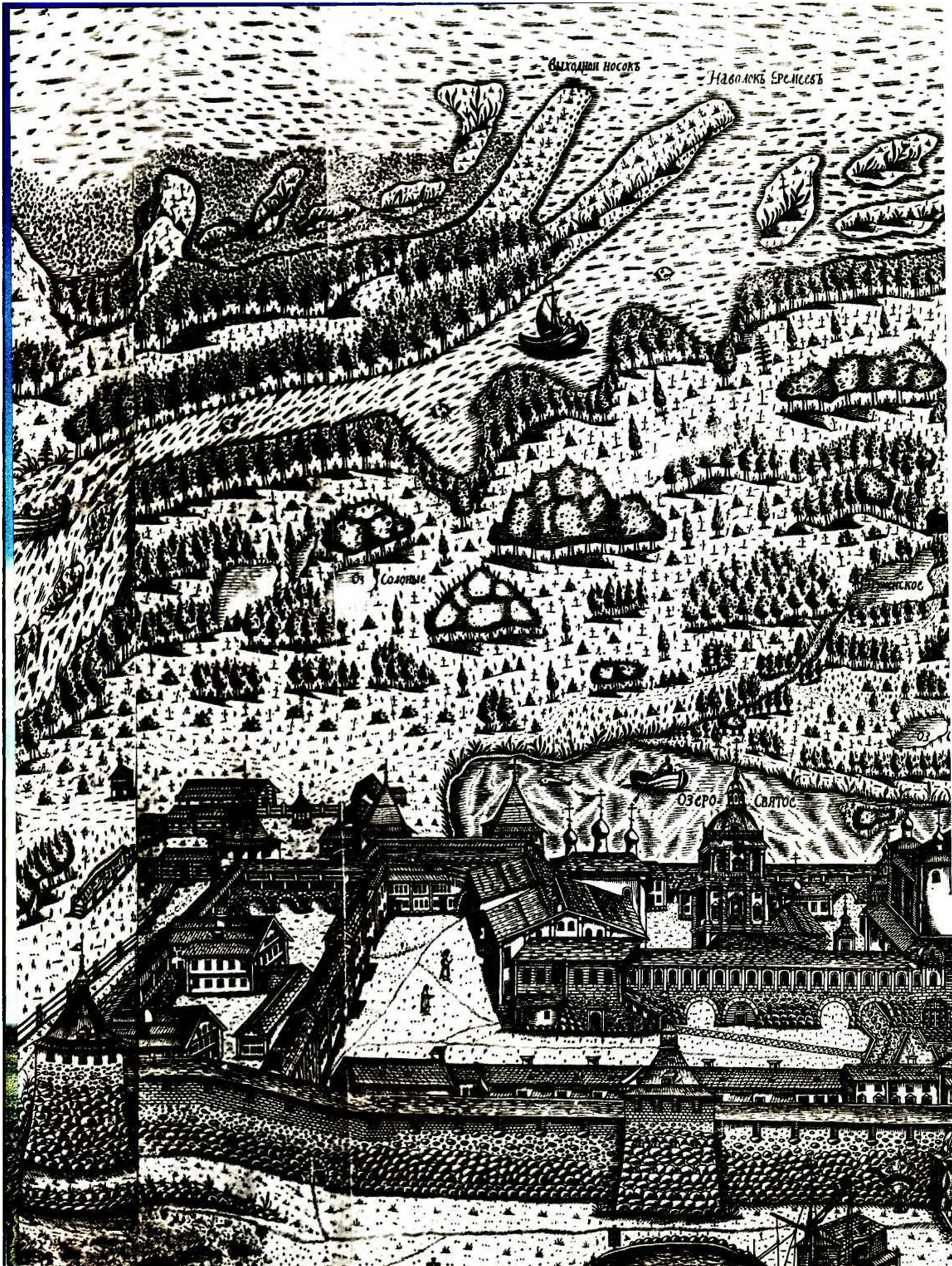

Свходной носокъ

Наволкъ Ермеевъ

оз. Солоны

озеро св. свято

ВВЕДЕНИЕ

Путник вознагражден за свое путешествие. Перед ним святыня, великое богомолье русской земли — Соловецкий монастырь (65°с.ш., 35°44'в.д. от Гринвича). Опоясанные крепостной стеною из дикого камня белют храмы и кельи с зелеными куполами и крышами. Перед стеною на берегу ряд часовен, на лево у самой пристани трехэтажный каменный корпус Спасо-Преображенской гостиницы для посетителей св. обители. Кругом монастыря сосновый и лиственный лес.

Из «Путеводителя по Северу России»
Санкт-Петербург, 1899

Вечером пароход подошел к Соловкам. Нас вывели на палубу — и через двенадцать лет я снова увидела этот сказочно красивый остров. Но, Боже мой, как он изменился за эти двенадцать лет! Сейчас ни одного купола, ни одного креста — и одинаковый серый колорит на всем кремлевском массиве, напоминающем руины средневековой крепости. Но в этой суровой мрачности есть какая-то новая величавая красота, быть может, даже более возвышенная и одухотворенная, повествующая о долгом славном прошлом и мученическом конце.

Новая мысль осенила меня: эти острова представляют сейчас собой совсем особое государство, герметически изолированное от всех других государств и отличающееся от них своеобразным строением, своеобразными законами и бытом... Здесь объединяющим, так сказать, «национальным» признаком является страдание.

Соловки — это государство несчастных.

На шероховатой стене собора по свежей извести был нарисован гигантский силуэт современного города с дымящими фабричными трубами и подъемными кранами, с парящими над ними самолетами и надо всем — большая красная пятиконечная звезда. Над городом красной краской был выведен лозунг:

«Да здравствует свободный и радостный труд!»

Какой злой и неуместной иронией звучит этот лозунг в лагере, где всякий труд официально именуется «принудительной работой». Лозунг, написанный заключенным художником по приказу начальства!

...Пройдет год, другой, и рисунок этот с лозунгом смоят осенние дожди и весенние капли, а стена древнего храма останется стоять несокрушимой, повествуя грядущим поколениям о Соловецком монастыре, в то время как Соловки-лагерь, возможно, сотрется в памяти людей, как сотрется с этих древних стен все современные рисунки и лозунги, написанные наспех непрочной клеевой краской на злобу дня, и уже никто не вспомнит, не воскресит причудливых и тяжелых картин лагерного быта, свидетелями которых мы были.

Из воспоминаний О. Яфа

Глава I

«Отречемся
от старого мира!»

Газета «Известия Архангельского
губернского исполкома СК
и Губкома РСДРП»
28 апреля 1918 года

Делегация духовных лиц и мирян под руководством смотрителя Соловецкого подворья иеромонаха Серафима обратилась к председателю губисполкома, обеспокоенная высадкой отряда красногвардейцев в Соловецком монастыре.

Делегации объяснили, что... исполком считает своим делом охранять, а если потребуется — обезопасить все ценности, имеющиеся на Соловках¹. Делегация ушла обрадованная, поблагодарив Тимме².

Газета «Известия Архангельского губернского ревкома и Архгубкома РКП/б»
4 мая 1920 года

В ночь на 2 мая в Архангельск возвратилась экспедиция, ездившая в Соловки. Во главе экспедиции стояли гг. М. Кедров^{2*}, С. Попов^{3**}, М. Морозов и др.

Всего в Соловецком монастыре находится в настоящее время монахов — 410 и рабочих-трудников — 202 человека.

Монахи бессовестно эксплуатируют этих «годовиков», которые «по обету» попали в монастырскую кабалу. На них-то главным образом и ложится вся работа. Встают в три часа ночи и кончают в шесть часов вечера.

«Начальство» на Соловках выборное. Еще сразу после Февральской революции монахи учинили выборы, как доносили в официальном донесении монастырскому центру.

И вот это-то начальство и собралось у руководителя экспедиции. Товарищи рассказали им, что представляет собой советская власть, что творится на белом свете.

Монастырь без советской власти прожить не сможет. Советская власть не будет разрушать хозяйство монастыря, она его будет всеми силами поддерживать, расширять.

В ближайшем будущем предлагается организовать в Соловках трудовой лагерь.

Условия для этого очень благоприятные: суровая природная обстановка, трудовой режим, борьба с природой будет хорошей школой для всяких порочных элементов.

Иван Боговой^{4***}

Из Циркулярного письма Органам ВЧК

Закон дает ЧК возможность административным порядком изолировать нарушителей трудового порядка, паразитов и лиц подозрительных по контрреволюции, в отношении коих данных для судебного наказания недостаточно, и где всякий суд, даже самый суровый, их всегда, или большей частью оправдает.

Ф. Дзержинский. 1 мая 1920 года.

(РГАСПИ, ф. 17; оп. 112, дело 309, л. 40)

¹Тимме Я. А. — сын латышского рыбака, член партии большевиков с 1913 года. В 1918 году — редактор цитируемой газеты. В 1919 году — председатель ревтрибунала Архангельской губернии. Умер в двадцать восемь лет.

²Кедров М. С. — из дворян, член РСДРП с 1901 года. Начальник Особого отдела ВЧК. Неоднократно возглавлял карательные экспедиции большевиков на Севере России. Расстрелян в 1941 году.

Р.С.Ф.С.Р.
 АРХАНГЕЛЬСКИЙ
 Губернский Ос-
 одняющий Суд
 Мест
 Имения Свободы.
 13 августа 1920 г.
 м. в. в. / окр. суда
 Тех. № 248

С. Попов
И. Боговой

Вход. № 117
 4. 11. 1920

в Президиум Уполкома.

Находясь до сих пор до сведения Президиум, Уполкома, что в Соловецкий лагерь вывезены не все подлежащие заключению, так как в Соловецких островах не имеется, занятые же трудом и по-прежнему не получают заработной платы и не имеют возможности получать заработную плату через Свободу для отправки в Соловецкие острова.

Зачем-то один Отделочный

секретарь

В мае 1920 года на Соловецких островах созданы две организации — совхоз «Соловки» (полное название — «Управление советского хозяйства на Соловецких островах») и «Лагерь принудительных работ для заключения военнопленных Гражданской войны, осужденных на принудительные работы».

Завед. губ. Об. ед. и др. Отделом Местной Свободы Т. Горюнов.

Срочно сообщите сколько осужденных вывезены для отправки в Соловки, когда это будет возможно, и также выясните вопрос об охране.

Секретарь Губисполкома.

Фотокопии телеграмм о присылке заключенных в Соловецкий лагерь. Август 1920 года

Из доклада заведующего хозяйством Соловецких островов Июль 1920 года

Жителей в монастыре 566 человек. Все они заняты полевыми и домашними работами. Тушения нет. Работают все с большой охотой, без всяких толчков и побуждений. Это люди, ко-

торые уже закаляли себя в непрестанной борьбе с природой за существование, и работа их не пугает.

Г. Алексеев

Газета «Известия Архангельского губернского ревкома и Архгубкома РКП/б»

В ведении Архангельского губернского подотдела принудительных работ состоят Архангельский лагерь принудительных работ № 1, организованный 30 апреля 1920 года, лагерь № 2 на

станции Исакогорка, выделенный из лагеря № 1. 25 мая 1920 года организован лагерь в Соловках, а 7 июня начинается организация лагеря в Холмогорах.

ОТ ГУБЧЕКА

Доводится до сведения всех советских учреждений как военных, так и гражданских, что высадка на Соловецкие острова, находящиеся в распоряжении Архгубчека, воспрещается вплоть до особого распоряжения.

Архгубчека выдает разрешения на право высадки в Соловецкие острова только в исключительных случаях. Высадившийся без разрешения Архгубчека, какой бы пост он ни занимал, будет задержан Комендантом Соловецких островов и направлен в г. Архангельск в распоряжение Архгубчека.

Президиум Архгубчека

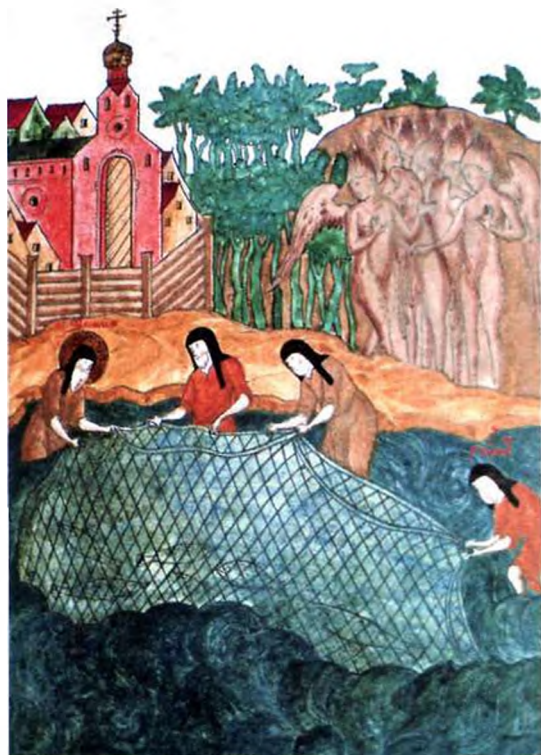
*** Попов С. К. — председатель Архангельского губернского ревкома 1918—1920 гг., затем на руководящей работе в НКВД. Арестован в 1937 году и сослан в Красноярский край, где погиб в 1941 году в возрасте сорока восьми лет.

*** Боговой И. В. — заместитель председателя Архангельского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Расстрелян в 1937 году в возрасте сорока двух лет.

На пустынном соловецком морском берегу мне довелось видеть небольшую артель рыбаков-монахов, забодивших тяжелой морской пелод. Делали они все молча, скоро и слаженно — десяток бородатых пожилых мужиков в подпоясанных подрястиках и надбритых до бровей скуфьях. Самодельные снасти, карбасы, на каких плавали еще повгородцы; исконная умелость этих рыбаков, слитых с надеждавшими студеными волнами; каменистая полоска прибоя и за ней — опушка из низких, перекрученных ветрами березок... Все в этой картине от века: древний промысел, отражающий прочные связи человека с природой, да еще освященный евангельским преданием... Нет, не суждено этим мирным русским шнякам стать апостолами. Оставались считанные дни до изгнания их с острова. И — кто знает? — не ожидали ли их там, на материке, как прославленного соловецкого игумена предосвященного Филитта, современные Малакты Скуратовы?

О. Волоков

Миниатюра из лицевой рукописи «Жития Зосимы, Савватия и Германа Соловецких» 1623 г.
ОР РНБ, Санкт-Петербург

В Кемский уездный продкомитет¹

Хлебные припасы в нынешнее военное время монастырем были тщательно хранимы внутри монастыря в разных каменных складах, заложённых кирпичом. Открытие складов было в следующем порядке:

1. Первые два склада были открыты бывшим комендантом Соловецких островов С.Абакумовым без предъявления мандата. Склады были раскрыты без участия монастырских лиц, а потому количество продуктов насчитывается только по сведениям амбарного, то есть заведующего складами хле-

ба. На просьбу настоятеля к т. Абакумову дать копию с протокола о вскрытии складов была получена отказ.

2. Склады, открытые по мандату уполномоченного секретно-оперативного отдела т. Рекетина 18 июня 1920 года, показанные настоятелем и по его приказанию амбарным черодиаконом Сосинапатром... На указанные продукты дана монастырю копия с протокола о вскрытии склада и вывозе из ограды монастыря в другую кладовую...

Все хлебные продукты и запасы мною были открыты в надежде, что Советское правительство не оставит монастырь без внимания и попечения о нем, тем более что монастырь изолирован на семи-восьмимесячный период зимнего времени и никакого сообщения, кроме редкой и затруднительной почты, с материком не имеет. Сколько в настоящее время хлебных продуктов в монастырском деревянном амбаре находится — мне совершенно неизвестно, потому что очень много крупчатки и белой муки, а может быть, и еще чего-нибудь из хлеба вывезено

из монастыря в Архангельск по приказанию уполномоченного Архангельского продовольственного комитета Пластинина, а может быть, и еще последуют приказы о вывозе. А потому всепокорнейше прошу Кемский уездный продовольственный комитет обратить внимание на нашу Соловецкую обитель и не дать братству погибнуть зимою с голоду, потому что, если не достанет хлеба хотя бы на пятнадцать дней, — все мы должны будем помереть с голоду на диком, суровом морском острове.

Монастырю необходимо иметь годовой запас продовольствия, а вследствие сего долгом считаю просить комитет оставить в монастыре ту годовую норму, которая полагается на братию монастыря в количестве 430 человек, а также на парходную команду, которая живет в монастыре осенью до пятнадцати дней и весной два месяца в период подготовки к навигации в количестве до сорока человек по особой, усиленной для них норме — 34 фунта муки в месяц на человека, а также для зверопромышленников-поморов, приставляемых к Соловецким островам из-за льдов и непогоды, и других лиц, мною не предусмотренных, но известных начальству...

Деятельность 25-летнего политкомиссара Абакумова С. А. на Соловках в 1920 году почти не прослеживается из-за отсутствия документов об этом периоде, но в фондах архива Политического Красного Креста есть материалы о его зверствах через год в качестве страшного начальника концлагеря вблизи Холмогор Архангельской губернии летом и осенью 1921 года. Этот Уполномоченный Губчека называется современниками «главным виновником гибели многих сотен заключенных» (ГАРФ, ф. 8419, оп. I; дело 8).

Там многократно ограбленных, босых, голодных и больных людей, «подозрительных по контрреволюции, в отношении коих данных для судебного наказания недостаточно», заставляли заниматься бессмысленными работами. В плохо работающих или, например, медленно прыгающих с баржи при разгрузке стреляли, а вечерами выстраивали уцелевших на плацу и часами заставляли многократно, до изнеможения петь «Интернационал».

Часть... последних продуктов тоже вывезена из монастыря и скитов в обители деревянный амбар за монастырем, который в настоящее время находится в заведовании политического комиссара С. Абакумова. А потому, чтобы не остаться на зиму совершенно без хлеба, вследствие могущих последовать новых распоряжений о вывозе хлебных продуктов с Соловецких островов, еще раз всепокорнейше прошу Кемский уездный продовольственный комитет оставить годовую норму продуктов на братию монастыря и разрешить для большей сохранности и безопасности перевезти их внутрь монастыря в каменную кладовую.

Настоятель Соловецкого монастыря архимандрит Вениамин с братиею...

20 июля
1920 года

Архимандрит Вениамин
(Копонов Василий Васильевич, 1869 г.р.)
в 1917 году избран демократическим голосованием братии настоятелем Соловецкого мужского ставропигиального монастыря.

Выслан большевиками в 1920 году на материк для прохождения там принудительных работ, убит в 1928 году

Мрачная, обомшелая стена Кремля,
исполинским утюгом придавившая землю.
Темные камни лежат прочно, нерушимо.
И не понять, не узнать: какой камень
был положен со смиренной молитвой
и какой со стоном отчаяния?
Какой полит горячей слезой и какой
согрет горячей молитвой?

И где прошла та трещинка, что
расступилась в наше время пропастью,
превратившей этот остров в место
бесперывных мук?

Почему не оградили монахи
своих потомков от нового бедствия?
Почему их труд, их вера, их мука
не принесли нам мира, а породили
еще более жестокую борьбу,
еще более жестокую муку?
Когда и кем — ими, нами было что-то
утрачено, без чего невозможен мир?

Г. Андреев

Заведующему по хозяйственной части Соловецких островов
Герасиму Алексеевичу Алексееву
от игумена Соловецкого монастыря Вячеслава

ПРОШЕНИЕ⁵

Добрейший и благоразумнейший Герасим Алексеевич, мы в Вашем прибытии к нам усматриваем Провидение Свыше; а тем более, как уже показало начало: Ваше отношение к обителям снисходительно и даже очень, несмотря на наши недочеты, которые, впрочем, неизбежны во всяком обществе человечества, каким бы высоким титулом оно не именовалось... И мы, видя Ваше снисхождение и, однако, сознавая свои вины, опасаясь за будущее, осмеливаемся обратиться к Вам, а в лице Вашем и ко всей Советской власти с нижайшею просьбою:

1) Оставить наше общество жить на тех началах, какие начертаны нашими представителями и основателями: Василием Великим, Федором Студитом и русскими — Антонием, Феодосием Киевским и последующими, вплоть до наших основателей: Зосимы, Савватия и Филиппа — борца за угнетенных...

2) Как Вы начали проверку всего монастырского достояния, то просим по всей справедливости отлучить виновных от невинных. Есть в нашей Общине и такие, которые уже седьмой год борются с властью и многое претерпели, но мало успеха, а почему, объяснить нелегко. Все-таки, благодаря перевороту в России нам удалось отстранить от власти тирана — настоятеля Иоанникия. Но, к сожалению, в выборе нового настоятеля мы ошиблись, как видите, он уже скоро три года управляет, а ничего на пользу общества не сделал. Сколько мы кланялись, сколько просили, и если бы Вы нашли время (хотя боимся обременять Вас) прочесть те прошения, которые мы подали настоятелю Вениамину с начала его при-

бытия управлять монастырем, тогда Вы ясно увидите бы, к чему мы стремимся, и что защищает архимандрит Вениамин. При таком ведении дел воровство, мошенничество и неравенство достигли крайних пределов. Седьмой год просим мы суда и выпросить не можем, но верится, что Ваша Советская власть действует по промыслу Божественному, и если Вы найдете возможным хотя бы маленькое произвести расследование, то мы можем дать Вам черновики бумаг, которые писали в разное время, с фактами преступлений.

3) В сокрытии монастырских продуктов просим также не обвинять всю братию, а тщательно узнавать, кто виновные и наказывать по закону преступников. Конечно, главные виновники: настоятель, соборные, содержатели разных частей и их доверенный иеромонах Николай; а остальные из братии не можем знать, кто заменен в ихней паутине; но то прекрасно знаем, что большая половина нисколько не знает их проделок. Но в силу насилия недобросовестной власти приходится терпеть всякие клеветы и нарекания от народа и оправдываться не приходится: преступление налицо, преступники — главари; а уже принято признавать во все времена истории: какова власть, таковы и подчиненные. У нас в монастыре власть вся перепуталась и не можем мы добиться до справедливости, но святое семя монастыря кроется в малых мира сего и презренных. И, воистину, это будет великое чудо (а верится, что будет!), если Советская власть порвет эти узлы и поможет устроить правильное Общезитие.

С доверием к Вам, игумен Вячеслав,
1920-го года, июня 17-го дня

Из письма к комиссару Кемского уездного продовольственного комитета
Июль 1920 года

...Хаотическое положение сложилось на Соловецких островах, куда съехалось со всех сторон много разнообразной власти, и каждая власть контролирует, берет без разрешения то, другое и третье. Не знаешь, кому и как подчиняться. Приезжают, делают что хотят, отбирают учетные книги из всех кладовых, делают распоряжения к полной дезорганизации...

Ввиду вышеизложенного, не имея более сил бороться с этим, прошу Вас немедленно меня освободить от занимаемого поста... или хотя бы продовольственного, в котором я совершенно не в курсе дела и могу нанести стране ущерб и потерять Ваше доверие.

Зав. хозяйством Соловецких островов
Алексеев

В целях рационального управления Соловецкими островами, ввиду их оторванности от Уездного центра и экономической несабисимости, на последних учреждается ОСОБОЕ УПРАВЛЕНИЕ, с непосредственным подписанием его губисполкому, под названием «Управление Соловецкими островами»... Распоряжения Управления обязательны к исполнению для всего населения островов. Управлению присваивается установившаяся для советских учреждений печать.

Из постановления Архангельского губисполкома 27 июля 1920 года

**Из протокола свидетельских показаний
рабочего совхоза «Соловки» Амосова К.М.**

В 1920 году 11 и 12 августа мною по распоряжению настоятеля Соловецкого монастыря Вениамина были предъявлены ценности Соловецкого монастыря представителям соввласти товарищам Тетерину и Павлову. Ценности были скрыты в двух местах: в стене – в проходе Преображенского собора и над алтарем Никольской церкви, откуда были перенесены в ризницу. Вещи, не принадлежащие к богослужению, были отобраны упомянутыми выше товарищами Тетериным и Павловым для доставления в Архгубчека. В числе отобранных ценностей были палаш и шашка, которые являлись вкладыми Пожарского и Минина*.

Правильность вышеизложенного удостоверяю своей подписью:
Бывший ризничий Соловецкого монастыря Климент Амосов

*Тетерин – уполномоченный секретно-оперативного отдела Архгубчека, Павлов – комиссар Архгубчека. Но тут явное искажение фактов – вкладка К. Минина не существовало вовсе, а сабля князя Д. Пожарского была вывезена в синодальную ризницу еще в 1914 году.

Доклад Архангельскому Губеркому от Управления Соловецкими островами

По прибытию на Соловецкий остров 30 июля я поверхностно ознакомился с делами, подлежащими моему ведению. Первым моим делом было ознакомиться с теми или иными органами власти. Во-первых, мне представился некто беспартийный гр. Гужнев от Кемского уездисполкома и Совета народного хозяйства — заведующий всем хозяйством на Соловках. Второй — это Уполномоченный от Губчека (глава отдела проведения трудновинности) — Абакумов, прибывший вместо бывшего Уполномоченного Алексеева. Третий — Уполномоченный от Губпродкомитета (политрук лагеря) Пластинин. Четвертый — Уполномоченный от Губчека с мандатом от Комиссии тов. Кедрова и мандатом Коменданта Соловецкого лагеря тов. Чушков...

Спрашиваю об учете о постановке вообще, дел на острове, о количестве жителей, о производимых работах — ответы получаю сбивчивые и несогласованные. Одни говорят, что все учтено и проверено, другие возбужденно говорят, что ничего нет учтенного, лишь только хищений и непорядков сколько хотите... Заглядывая в некоторые места, где в той или иной форме проявлялась власть старого Управления, я уверился в том, что действительно нет никакого учета...

Я усилила работу по сенокосу, которого тут очень много, и по звериной и рыбной ловле, для чего потребовалось очень много рабочей силы. Пришлось отступить от Декрета, ограничивающего возраст подлежащих трудновинности, так как у нас соблюсти его невозможно. Есть монахи 65-и или 75-и лет, но по своему телосложению и здоровью они каждого из нас за пояс заткнут...

Жители монастыря относились к нашим распоряжениям сначала презрительно-недоумевающе, но сейчас относятся как к действительной власти, особенно после того, как мною дано распоряжение перевести Управление в крепость монастыря. Я имел в виду ближе соприкоснуться с ними в обыденной, а может быть, даже в духовной жизни и, насколько получится, изучить их, что, отчасти, удалось. Например, удалось заменить ихнее дневное моление на ночное, так как днем работать нужно, а молиться можно и ночью.

Они собрали Собор и долго обсуждали этот вопрос, представленный начальниками-буржуями монастыря... Трудники-монахи высказывались за наше предложение, но Собор не согла-

шался. Тогда я дал приказ об изменении часов моления в категорической форме. Собор, видя, что мы учли настроения монахов-тружеников, на другой же день пересмотрел свое постановление в духе нашего предложения...

...Я отдал распоряжение все драгоценные изделия оставить в ризнице и запечатать до будущего нашего учета, чем и поднял в глазах монашествующих авторитет нашего Управления, то есть «Соловецкой советской власти», как они называют.

Для правильного восстановления дел и расширения хозяйства необходимо устранить некоторые препятствия:

§1. Определите лагерь принудработ (который имеет до 350 человек с конвоем) — кому он должен быть подведомствен... Его нужно передать по принадлежности, то есть в объединенный Отдел мест лишения свободы... Оставлять его за Губчека — это равносильно тому, что называть черное белым, запутывая еще более и без того запутанный клубок.

§2. Выясните положение с нашей больницей... Доктор и фельдшер есть, но они из заключенных. Есть всякие инструменты и медикаменты, последних очень много, но они были в таком неряшливом состоянии, что три четверти всех медикаментов попортилось...

§4. Разрешите вопрос о конвое, который находится на острове давно и усиленно просит смену, отчего получаются плохая бдительность и неисполнение обязанностей...

§7. Позвольте ли приступить к вскрытию мощей, так называемых «соловецких святых», подготовив для этого благоприятную почву?..

§8. Необходимо развести хлебопашество, хотя бы легче, потому что, намереваясь расширить хозяйство и промышленность, не лишним будет иметь и свой хлеб. Раньше монахи будто бы пробовали сеять, но ничего не выходило. Наше мнение — все-таки нужно сеять самим. Монахи раньше не понимали необходимости и важности хлеба, так как его везде было много...

Уполномоченный Губисполкома
на Соловецких островах,
Председатель тройки Варганов
19 августа 1920 года

Пробитый пулями прапор (флагер) на Архангельской башне Соловецкой крепости

Восемьсот солдат и офицеров царской армии — заключенных концлагеря вблизи Архангельска — ошестили, что их переводят в лагерь на Соловки. Надежда на свободу и окончание страданий, принесенных гражданской войной, была разбита. Соловки сразу прославились как самый ужасный лагерь большевистской России. Группу охватил страх, так как было известно от охраны, что ЧК уже несколько раз топила транспорты с контрреволюционерами по пути из Архангельска в Соловки.

Перед отъездом разрешили написать письма, которые и не собирались отправлять. Но одно письмо, переданное через сочувствующего охранника, получили в Ревеле родители товарища моего брата. Оно написано дрожащим почерком: «Нас, 800 человек, Попова, барона Шиллинга и других повезут в лагерь на Соловках в 250 верстах к западу от Архангельска. Еды нет. Холодно. Трудно поверить, что кто-либо выйдет оттуда живым. Я очень болен. Тоскливо. Если есть какая-то возможность, помогите. Прощайте. Ваш сын Е., Архангельск, 21 ноября 1921».

Письмошло четыре месяца. Когда родители получили его, все было кончено.

В пять часов утра 21 ноября 1921 году пленных повели к набережной, где их должен был ожидать транспорт. Сотня вооруженных солдат-венгров следила, чтобы заключенные держались тесно друг к другу. Группа шла очень медленно. Подошли к берегу. Рядом находился пригорок с нежилыми каменными домиками.

Заключенным приказали построиться у самой воды, которая уже схватилась тонким льдом, а отряд сопровождения занял позицию полукругом напротив. Прошло четверть часа. Транспорта на Соловки не было. Заключенные, совершенно замерзшие, стали роготать. Вдруг по ним открыли огонь... Паника... Многих вытолкнуло в воду... Кто-то попытался прорваться сквозь строй солдат. Заработали пулеметы из окон домиков... Игра закончилась.

По книге Георгия Попова «В лапах ЧК»
(Амстердам, 1925)

Перевод с голландского А. Куратовой

На Соловки выезжала из Архангельска специальная комиссия с представителями Главмузея и Центральной комиссии по изъятию.

Изъятие прошло при полной поддержке и сочувствии монахов и настоятеля, которые еще до приезда комиссии устроили собрание с целью содействия изъятию.

Изъято всего: серебра 84 п(уда) 38 ф(унтов) 90 з(олотников), золота 9 ф(унтов) 93 з(олотника), серебряных крестов в золотой оправе — 11 штук, митр разноцветных с камнями — 9 штук и драгоценных камней: бриллиантов — 384, аметистов — 120, топазов — 80, альмонтинов — 557, гранатов — 70, рубинов — 294, бирюзы — 190,

изумрудов — 246, алмазов — 5, аквамарин — 27, сапфиров — 4, жемчуга — 10, опалов — 1, всего 1988 шт. Вес камней от 1 до 30 карат.

Изъято, кроме того, 1 п(уд) 30 ф(унтов) 90 з(олотников) спорного серебра и 2 ф(унта) 63 з(олотника) спорного золота. Раки от «мошей» тоже сняты. Для коллектива верующих оставлены церковные предметы весом до 4 ф(унтов). Все изъятое тщательно описано, упаковано и отправлено в центр весом с упаковкой 158 пудов*.

В Соловецком монастыре остались неизъятими до 500 парчовых и бархатных риз, которые монастырю сейчас совершенно не нужны.

4 июня 1922 года

Соловецкий монастырь накануне прибытия чекистов

Из дневника архитектора-реставратора Петра Барановского, члена комиссии Главмузея Наркомпроса на Соловецких островах в 1922 году

28 (мая). Воскр(есенье).

...Беглый осмотр мон(астыря)... В 6 час(ов) утра в ризнице. Разрушается прекрасный музей церковной старины; идет уже упаковка.

Разрешили посмотреть чисто музейные вещи, но потом отказали... В Преображ(енском) соборе сняты в иконостасе складни.

На иконах ободраны басманные обкладки — висят в некоторых случаях ключьями. Я прямо

назвал сотрудникам Управления такой образ действия возмутительным варварством... Разрушен складень с литым образом Благовещения.

Работа производилась так поспешно, что пол собора усеян серебряными гайками от риз.

Снаружи разрушена фреска Знамения над входом в собор, которую разбили домами вместе с каменной кладкой для того, чтобы снять серебряную ризу.

Протокол № 43 заседания Президиума Архгубисполкома⁸

Слушали: О ПЕРЕВОДЕ ВСЕХ ЛАГЕРЕЙ ПРИНУДРАБОТ В СОЛОВКИ.

Докладчик: Боговой Иван.

— В свое время был поднят вопрос о необходимости сконцентрирования всех лагерей принудработ в одном месте. После детального выяснения этого вопроса целесообразность концентрации лагерей подтвердилась.

Далее встал вопрос: куда именно лагеря возможно перевести? Созданная специально для этой цели Комиссия признала желательным перевод лагерей в Соловки, где имеется возможность поместить до 3000 человек заключенных немедленно и до 12000 — после некоторого ремонта. Причем ввиду ощущаемого в Соловках недостатка рабочей силы возможно сразу до 2000 человек использовать на различных работах. Комиссия признала необходимым перевод в Соловки и Управленческого аппарата...

В заключение г. Боговой Иван от имени Комиссии предлагает подтвердить постановлением Президиума необходимость перевода лагерей в Соловки...

Постановили: ПРИЗНАТЬ НЕОБХОДИМЫМ ПЕРЕВОД ВСЕХ ЛАГЕРЕЙ В СОЛОВКИ, О ЧЕМ ВОЗБУДИТЬ ХОДАТАЙСТВО ПЕРЕД ЦЕНТРОМ.

Председатель Губисполкома Козлов

Секретарь Маккавеев

8 марта 1923 года

Приложение к проекту

Постановления ВЦИК об организации Северных Лагерей⁹

Северные Лагеря принудительных работ ГПУ организуются в целях осуществления необходимой изоляции наиболее опасного в социальном отношении элемента на территории СССР. Лагеря эти имеют СПЕЦИАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ — содержание под стражей политических и уголовных преступников, отбывающих наказание по Внесудебным Приговорам ГПУ, органов упраздненной ВЧК, а также подлежащих содержанию под стражей по постановлениям Особой Комиссии по административной высылке...

июнь 1923 года

Зампред ГПУ Уншлихт**

Протокол № 67 заседания Президиума Архгубисполкома¹⁰

Слушали: О СОЛОВЕЦКИХ ЦЕРКВАХ, НЕ СОСТОЯЩИХ НА УЧЕТЕ ГЛАВМУЗЕЯ, КАК НЕ ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ.

Постановили: ПРИЗНАТЬ НЕОБХОДИМЫМ ЛИКВИДАЦИЮ ВСЕХ НАХОДЯЩИХСЯ В СОЛОВЕЦКОМ МОНАСТЫРЕ ЦЕРКВЕЙ. СЧИТАТЬ ВОЗМОЖНЫМ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦЕРКОВНЫХ ЗДАНИЙ ДЛЯ ЖИЛЬЯ, СЧИТАЯСЬ С ОСТРОТОЙ ЖИЛИЩНОГО ПОЛОЖЕНИЯ НА ОСТРОВАХ В СВЯЗИ С ПЕРЕВОДОМ ТУДА ЛАГЕРЕЙ... ИМУЩЕСТВО ЦЕРКВЕЙ ПЕРЕДАТЬ ЧЕРЕЗ НКВД УПРАВЛЕНИЮ СЕВЕРНЫХ ЛАГЕРЕЙ, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ КОЛОКОЛОВ.

21 июля 1923 года

Председатель Губисполкома Козлов

⁸ 158 пудов — свыше двух с половиной тонн, вес партии драгоценностей, официально вывезенных в мае 1922 года.

^{**} Уншлихт И.С. — заместитель Председателя ГПУ (ВЧК) с весны 1921 по октябрь 1923 года. Расстрелян в 1938 году.

Протокол № 15 заседания Совета Народных Комиссаров СССР[†]

Совет Народных Комиссаров СССР
постановляет:

1. Организовать Соловецкий лагерь принудительных работ Особого Назначения и два пересыльно-распределительных пункта в Архангельске и Кеми.
2. Организацию и управление указанными в п. 1 лагерьем и пересыльно-распределительными пунктами возложить на ОГПУ.
3. Все угодья, здания, живой и мертвый инвентарь, ранее принадлежавшие бывшему Соловецкому монастырю, а равно Пертоминскому лагерью и Архангельскому пересыльно-распределительному пункту, передать безвозмездно ОГПУ...

Зам. председателя Совета Народных Комиссаров Рыков*
Управляющий делами Совета Народных Комиссаров Горбунов**
13 октября 1923 года

*Рыков А. И. — после смерти Ленина В. И. — глава правительства СССР с 1924 по 1930 год. Расстрелян в 1938 году.

**Горбунов П. П. — Управляющий делами СНК СССР с 1923 по 1930 год. Расстрелян в 1937 году.

Четвертого июня 1923 года, будучи на службе в одном из учреждений органов дознания, я получила личное приказание, захватив с собой необходимые формы постановлений, отправиться в командировку.

«Купив газету, я прочел в ней, что в Соловках, в ночь с 25 на 26 мая, возник пожар, продолжавшийся трое суток и уничтоживший половину Соловецкого совхоза. В дальнейшем я узнал, что Соловецкий совхоз передается в распоряжение ОГПУ и туда же из Архангельска переводятся Северные Лагерь. Все му местному населению было известно, какие богатства хранились в бывшем Соловецком монастыре, тем более что в бывшем там совхозе, в качестве рабочих, состояли соловецкие монахи, которые пользовались у администрации исключительным положением: справляли свои религиозные службы и не выходили в праздники на работу. Фанатизм монахов, как представителей религиозного культа, представлялся мне тогда не в их пользу. С такими мыслями я и собирался выехать в Соловки.

Утром шестого июня пришел пароход «Печора», на котором я и помещался с представителями губернской администрации. На этом пароходе ехали человек сто заключенных, взвод красноармейцев дивизиона войск ОГПУ и несколько человек Надзора. В качестве представителей губернской администрации ехали: председатель Губисполкома, начальник ОГПУ, председатель Губсуда, заведующий Губземуправлением, начальник Управления лагерей, командир дивизиона, представитель Рабкриш и другая администрация для передачи лагерей.

«Гудком прибывшего парохода были встревожены дремлющие чайки и спавшие обитатели Соловков. Чайки взлетели, огласив воздух пронзительными криками, а несколько монахов пришли на пристань помочь причалить пароходу, который бросил якорь у Преображенской гостиницы — ныне здание УСЛОНа. Из Кремля вышел навстречу Управляющий совхозом, гражданин А¹², в перничьей тулужурке и фуражке, видимо, волнующийся...»

При входе в Кремль мы увидели печальную картину: направо, налево, спереди и сзади жалобно смотрели на нас обгоревшие здания с восходящими от окон черными языками. Скрипели листы качаемого ветром и висящего в воздухе кровельного железа. Чувствовалась жуть.

Когда мы стали подниматься на лестницу Успенского собора (ныне помещенье Двенадцатой и Одинадцатой рот), то увидели, что даже камень растрескался и тут же валялся отдельными кусками. «Затем пошли на колокольню.

Все колокола лежали на сводах. Дерево абсолютно все выгорело. Жар здесь был так силен, что маленькие колокола валялись наполовину расплавленными.

Загорелось около двух часов ночи на чердаке Казначейского корпуса, на потолке канцелярии совхоза. Ключом пользовался только Управляющий совхозом. Монахи бросились спасать имущество канцелярии, мешал сильный жар. Часть документов сгорела, в особенности отчетность.

Зорин

Посредине первого яруса колокольни лежал большой колокол с продольной трещиной снизу вверх. Любопытно отметить, что с одной стороны на нижний край этого колокола упал язык меньшего колокола и вошел, прижавшись к нему. Вот насколько размягчен был жаром металл колокола, стенки которого довольно толстые, а общая масса — более 1000 пудов. В помещении библиотеки и архива не осталось ничего. Пепла было так много, что когда я, не рассчитав, ступил туда ногами, то погрузился до колен.

В Троицком соборе (теперь помещение Тринадцатой роты) стояли монахи Зосимы и Савватия. И монахи всеми силами боролись здесь с огнем. Огонь несколько раз дизал иконы, но старания соловецких старцев не давали ему распространиться сильно. Обгорели только иконы у входа на колоннах, стореда до основания крыша, потрескались стекла в рамах... Крыша Преображенского собора состояла из больших паншек, а ветром эти паншки бросало за Святое озеро (более версты).

Убытки составили 70562 рубля 28 копеек, не учитывая колоссальной стоимости библиотеки и архива, церковных украшений, материалов живописной мастерской, башенных часов и прочего...

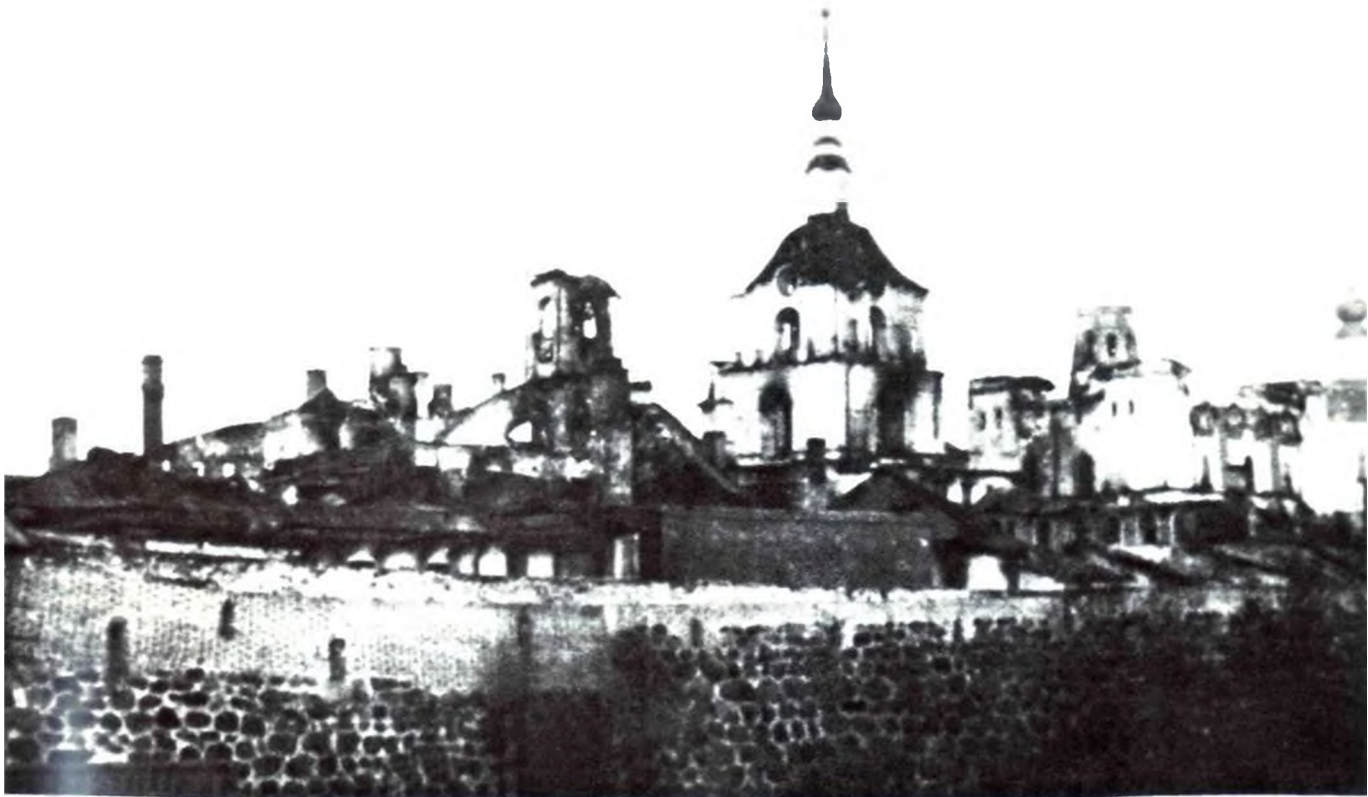
Со стороны Управляющего совхозом было указано, что есть подозрение в поджоге на одного из молодых монахов, который арестован и находится в заключении. Основанием к заключению послужило то, что монах этот был плохого поведения. Затем Управляющий указал предпо-

лагаемое место возникновения пожара — в подвале Казначейского корпуса. Указанное место было осмотрено и, насколько помню, показалось сомнительным. Это был сырой подвал, который отделяли от второго этажа два пола и стена. Подвал был завален кирпичом и присутствия в нем следов горючих веществ не обнаружил.

Был допрошен арестованный монах. Из объяснений, которые дались около восьми часов, можно было сделать вывод, что, хотя поведения своего и связей с некоторыми женщинами он не отрицал, но в поджоге его подозревать нельзя.

Загорелось около двух часов ночи. Несколько монахов, живущих вблизи утверждали, что дым и огонь впервые увидели на чердаке Казначейского корпуса. Они бросались спасать имущество канцелярии, но мешал сильный жар.

За все время пожара (трое суток!) люди и администрация принимали активные меры, чтобы огонь не охватил всех зданий монастыря. Кто

К месту передачи совхоза «Соловки» в распоряжение Сибирских ЛагереЙ ОГПУ жилая площадь будущего лагеря оказалась сильно сокращена, ее для размещения пяти тысяч заключенных было мало.

Зерин

тушила огонь в жилых корпусах, кто в соборах, кто заливал водой крыши в уже поврежденных, но вновь раздуваемых ветром местах...

Таким образом, к моменту передачи совхоза «Соловки» в распоряжение Северных Лагерец ОГПУ жилищная площадь оказалась сильно сокращена, ее для размещения пяти тысяч заключенных было мало... Решено срочно отремонтировать большое помещение трапезной и Успенского собора и поместить туда пятьсот человек. Занималась работа. Досталось не только администрации, но и заключенным. Первая производила приемку имущества монастыря, скитов и организовывала работу. Везде требовались присутствие и энергия высшей администрации лагерей. Больше всего доставалось Начальнику Управления товарищу Погтеву.

Партии заключенных все прибывали и прибывали, так что вскоре их собралось около двух тысяч человек. Красноармейцы несли ох-

рану почти без сна. Надзор и администрация из заключенных работали не покладая рук, не думая об отдыхе. Для нарушителей лагерной дисциплины был устроен темный карцер под Успенским собором...

Через десять дней были получены сведения, что готовится заговор, но подозреваемых арестовали, и все обошлось благополучно. Прибыла и дополнительная охрана красноармейцев...

Мне пришлось пробывать тогда на острове полтора месяца — я был отозван в Архангельск к месту постоянной службы. Теперь судьба вновь забросила меня в Соловецкий лагерь, но только уже в качестве заключенного.

За три года Соловки изменились во многом. Все увеличивается, растет, ширится, изменяется. Лишь только по-прежнему остался развеиваться красный советский флаг, поднятый моим распоряжением на Пожарной башне.

Зорин

Крыша Преображенского собора состояла из больших шишек, а ветром эти шишки бросало за Святое озеро (более версты), но внутренность пострадала незначительно, обгорело лишь несколько местных икон.

Зорин

Основатели монастыря — преподобные Зосима и Савватий Соловецкие. С XVI века эта обитель исполняла функции государственной тюрьмы. Фрагмент иконы XVII века. Соловецкий музей-заповедник

Из воспоминаний Н. Жилова

Среди заключенных ходила по рукам и изустно песенка об истории острова. Она исполнялась на мотив из оперетты «Жрицы огня» и являлась частью из оперетки «Соловки на ударнике», написанной режиссером Соловецкого театра Борисом Глубоковским. Оперетка была разрешена к постановке «без права вывоза на материк», как и другие программы соловецких театров:

Соловки открыл монах Савватий.
Был наш остров сумрачен и дик.
А за ним Зосима с черной братней.
И суровый монастырь возник.

Край наш, край Соловецкий,
Для казров и планы, прекрасный край.
Смело, с улыбкой детской.
Песенку про лагерь запевай.

Но прошло всего лишь пять столетий,
И настал тысяча девятьсот двадцать третий год.
Здесь УСЛОН раскинул свои сети,
В сети прет восторженный народ.

И со всех сторон Советского Союза
Едут, едут... Едут без конца...
Все смешалось — фрак, армяк и блуза,
Все смешалось здесь без цвета и лица...

НОВЫЕ СОЛОВКИ

ОРГАН СОЛОВЕЦКОГО КОЛЛЕКТИВА РКП(Б) И УПРАВЛЕНИЯ СОЛОВЕЦКИМИ ЛАГЕРЯМИ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ ОГПУ.

№ 51

БОЖЕСРЕДНЕ 20-го ДЕКАБРЯ 1925

№ 50

ПОШЛОВАЯ ЦЕНА
за 1925 г. — 1 руб.
за 1 полугодие — 5 руб.
за 3 месяца — 3 руб. 50 коп.
за 15 дней — 75 коп.
за 10 дней — 50 коп.
за 5 дней — 25 коп.
за 1 день — 10 коп.

на клубе...
в архиве...
удинки...
членом...
по 10...
ин 1-го...
на клубе...
в архиве...
удинки...
членом...
по 10...
ин 1-го...
на клубе...
в архиве...
удинки...
членом...
по 10...
ин 1-го...
на клубе...
в архиве...
удинки...
членом...
по 10...
ин 1-го...

ГВАРДИИ ПРОЛЕТАРИАТА В ДЕНЬ ВОСЬМИХ ГОДОВЩИНЫ — ПЛАМЕННЫЙ ПРИВЕТ!

ВОСЕМЬ ЛЕТ

РАСТЕМ!

Классовая борьба достигла в нашей стране неслыханно высокого уровня. Несмотря на ряд «экономических» ошибок, которые совершила буржуазия в первые годы своего существования, она не смогла предотвратить приход к власти пролетариата. Октябрьская революция показала, что пролетариат способен на великие подвиги. В течение восьми лет он создал новую экономическую систему, ликвидировал капитализм и начал строить социализм.

Восьмилетнюю годовщину Советской России мы отмечаем с гордостью и уверенностью. Несмотря на трудности и лишения, которые нам пришлось пережить, мы достигли великих успехов. Наша экономика растет, наша культура развивается, наш народ становится сильнее. Мы готовы к любым испытаниям, которые нам придется выдержать на нашем пути к коммунизму.

Наша партия продолжает оставаться авангардом пролетариата. Мы должны продолжать бороться за интересы трудящихся и за дело революции. Мы должны быть готовы к любой жертве ради победы коммунизма. Мы должны быть примером для всего человечества.

Председатель ВЧК ОГПУ тов. Ф. Э. Дзержинский.

Эти люди и называются коммунистами. Они не боятся ни трудностей, ни жертв. Они готовы отдать все ради победы коммунизма. Они являются гордостью нашей партии и нашей страны.

...Создание нового Соловецкого лагеря, в коем предполагается разместить до 8.000 человек и пересильно-распределительного пункта в Келии, обуславливается большим притоком осужденных...

Из приложения к Постановлению ВЦИК «О создании Северных Лагерьей»

Журнал «СЛОН»
Орган Воспитательно-Трудовой части
Управления лагерями
№ 1, 1924

Октябрь создал советскую власть, он же породил и «принудительную». Октябрь создал разумные изоляторы и места лишения свободы, руководствуясь не лозунгами свободы, а задачами трудового воспитания антисоветских элементов. Возьмем конкретный пример.

Никому не нужный, утративший всякий смысл своего существования, распадник векового дурмана и религиозного фанатизма Соловецкий монастырь превращен в трудовую колонию. Соловецкие лагеря Особого Назначения

резко оживили до того малообитаемые острова; многие сотни людей явились на смену их прежним немногочисленным обитателям.

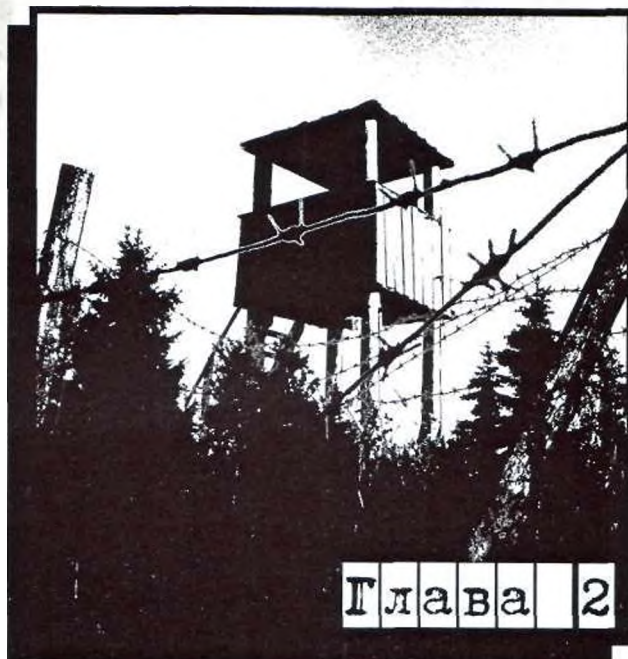
Жизнь забита ключом; жизнь эта растет, создает новые вопросы, разрешает их и мирным движением движется вперед.

Соловки перестали быть прежними Соловками; монастырь, монахи — область истории; Соловецкие лагеря — действительность, надежда на будущее.

Т-ни

Глава I «Кто речем о старом мире!»

Глава 2

ПОЛИТСКИТЫ

Оппозиция очень широко распространяет слухи о репрессиях, об ожидаемых тюрьмах, о Соловках... Мы на это скажем нервным людям: «Товарищи, в обстановке диктатуры пролетариата может быть и две, и три, и четыре партии, но только при одном условии: одна партия будет у власти, а все остальные — в тюрьме...» (Аплодисменты).

М. Томский*

Социал-демократы соловчане. Сидят направо: Ибн Минькоб, Елена Мицель, Эстер Рабинович, Асина Вакубсон, Борис Сатир, Асина Ланде, Роза Эльман. Москва, 1920

Из письма, тайно переданного в 1925 году в редакцию журнала «Заря», Берлин

Подавляющее большинство из нас отбывает наказание не по приговору гражданского суда — пусть даже большевистского суда, а по воле ПТУ, которое в своих тайных канцеляриях, подобно средневековой инквизиции, выносит свои приговоры

Из воспоминаний М. Розанова

Статус «политических», отмененный в 1925 году, имели только члены партий, борющихся вместе с большевиками против царизма: левые эсеры, социал-демократы (меньшевики) и анархисты.

Первая партия политических прибыла на Соловки в июне 1923 года. До этого социалисты содержались в Пертоминском монастыре — концлагере под Архангельском... До конца навигации 1923 года и весь 1924 год Соловки пополнялись небольшими группами социалистов из столичных тюрем. Всего на острова завезли до 500 политических... Савватиевский скит был переполнен. Пришлось заселять социалистами еще два скита — Муксалмский и Анзерский.

В скитах социалисты по традиции коллективно записывали свои «права политических», отвоеванные у царизма. У каждой партии был свой выборный, а не назначенный начальством, как у казров, староста. Был свой завхоз, своя кантерка, куда поступали деньги и посылки от родных. Посылки от Красного Креста поступали тоже в общинный котел. Колочия проволока и вышки с часовыми отгораживали социалистов от остальных соловчан. Они не могли выйти за проволоку, но и охране тоже было запрещено переступить «демаркационную линию». Жизнь в скитах шла относительно безмятежно в сравнении с бурной кремлевской... Выписывались книги, газеты, журналы; словом, все, как в проклятом прошлом.

Советские лагеря политических заключенных в Савватиево и на Большой Муксалме. 1924 год. Заключенным пятой категории (меньшевики, эсеры, анархисты) предоставляется право пользоваться в течение дня прогулками не менее пяти часов. — Из «Положения о САОИ», § 90 (2 ноября 1923 года)

*Томский (Ефремов) М.П. — партийный и советский функционер, в 1922–1929 гг. — председатель Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов (ВЦПС), объявлен товарищами по партии оппозиционером, так называемым «правым уклонистом». Чтобы избежать штрафов во время следствия, покончил жизнь самоубийством в 1937 году. Цитируется по выступлению в 1927 году на Первой ленинградской областной конференции ВКП(б).

Мы прибыли с группой политических заключенных социалистов и анархистов на территорию Савватиева первого июля 1923 года. Ограду вокруг скита устанавливали заключенные Центрального лагеря, они начали натягивать колючую проволоку еще до нашего прибытия, а при нас работу уже заканчивали.

В большом каменном здании жилые камеры эсеров и социал-демократов располагались в гостиничном порядке вдоль коридора. Моя камера молодых социал-демократов — самая дальняя на втором этаже по правой стороне, если смотреть от входа. Она называлась «камера первая Б». В ней жили девять человек. Напротив, в «камере первой А», помещались пожилые эсеры Медведев, Шмелев и депутаты Сибирского учредительного собрания, окна выходили на озеро.

Внизу, в подвале, устроили кухню. Часть угари нашли среди броненного монахами, а многое изготовил из жести от больших английских консервных банок умелый парень Лев Поляк.

Левые эсеры и анархисты разместились в деревянном здании напротив нашего, а в церкви устроили клуб — «Культпросвет», его все называли просто «Культе». С первых дней читались лекции, доклады, работали кружки. Руководителями стали: Борис Осипович Богданов, Михаил Соломонович и Семен Соломонович Цейтлинны (первый — у эсеров, второй — у социал-демократов). Имелись и другие кружки. Мы на Соловках получили такие университеты, которые вряд ли тогда можно было иметь на воле.

Мне исполнилось девятнадцать лет. Я казался очень левым, и меня дразнили «ленинцем» потому, что часто ссылался на Ленина, на роль партии в организации рабочего движения. В то время я считал, что социал-демократическая партия меньшевиков должна поддерживать большевиков в строительстве социализма, была по-юношески убежден в скорой демократизации советской власти. Со временем мои воззрения очень изменились...

Каторжных работ, как в Центральном концлагере, у нас не было, но был установлен ряд обязанностей, которые нес каждый в коллективе. Мы сами их распределяли: наряд на варку

щищи, наряд на уборку, наряд на пилаку дров, наряд на заготовку дров. Нами регулярно выпускался рукописный журнал «Силолохи», а в «Культе» организовали театр, где ставили пьесы, а чаще — скетчи. Выглядело это очень забавно, осо-

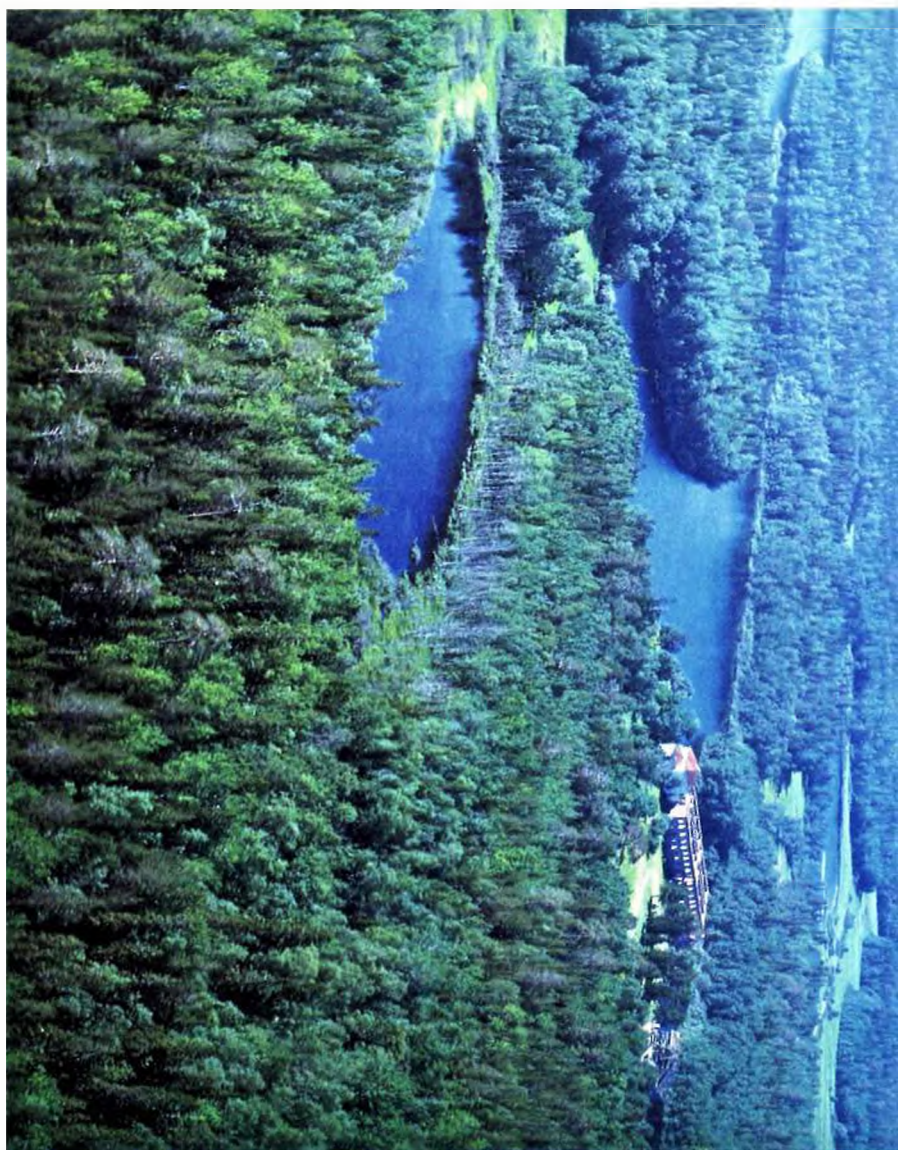
«Социалистический» красивый корпус в Савватиево

бенно, когда наступал какой-либо праздник: Первое мая, день Февральской революции. Анархисты и эсеры праздновали еще и Октябрьскую революцию, а мы это только наблюдали. Театральные коллективы были совместными. Руководил художественной частью социал-революционер Касаткин, муж Миши Анесковой. Я, загримированный негром, вместе с Давидом Трахтенбергом под мелодию «В этом доме в двенадцать часов негр-слуга открывает засов...» открывал занавес в «Принцессе Турандот».

Никаких контактов с охраной мы, рядовые «политики», не имели. Все переговоры вели представители фракций. Сначала было четыре фракции: социал-демократы, эсеры, левые эсеры и анархисты. Затем появились спонисты-социалисты и еще несколько человек вне фракций. Владимир Вольский, например, эсер-максималист. Но и те, кто считал себя вне фракций, в разговоры с администрацией не вступали. Только через старостат. Дисциплина поддерживалась строгая.

Старостат старался вести переговоры с Эйхмансом*, который казался более человечным. Ногтев — первый начальник лагерей был совсем из оголтелых, его и звали все палачом. Любой разговор он сводил к конфронтации, да и охрану постоянно натравливал на «политиков».

* Эйхманс Федор Иванович (1897 г.р.) — выпускник Рижского университета, фронтовик из дивизии Латвийских стрелков. С июня по октябрь 1923 года — заместитель Начальника Управления СЛОИ, а потом до 1929 года — Начальник Управления Соловецких лагерей Особого Назначения, с 25 апреля 1930 года — Начальник Управления лагерями ОПТУ при СНК СССР. Обвинен в шпионаже в пользу Англии. Расстрелян в 1938 году.

Саббатинский считал, что идеология социализма, находясь в лагуне смерти, отыскивает выход и обретает надежду. Там в воде, разлитой на 70 годовых, жабут в пиджачике бродит 200 годовых социализма в разных опциях и антарктике. В арктиках этого жабут на предельных. Аста провалов свобод: они могут казаться, болеть, свистеть с ума и умирать сокращаясь в широтных, без малейшей попытки адаптироваться в их будущее время.

Из письма к Садовому

в историческом орган печати социализма в республике

Журнал «Республиканская Россия», № 31, октябрь—ноябрь 1923. Прага

Из воспоминаний И. Зайцева

Диктаторская партия коммунистов причисляет к политическим лишь социалистов разных оттенков меньшевиков, левых эсеров и некоторых анархистов. К ним большевики применяют более облегченный режим, чем к каэрам. Преимущества, оказываемые большевиками заключенным социалистам, вытекают не из того, что большевики рас-

положены к ним более благосклонно; наоборот, они видят в них наиболее опасных политических конкурентов, а проявляют снисхождение лишь потому, что они боятся, как бы не было шума за границей среди иностранной социал-демократии. По этой самой причине они применяют тайные приемы ликвидации вредных социалистов.

Цейтлин Михаил Соломонович (справа), 1887 г.р., член ЦК партии социалистов-революционеров, арестован в 1920 году, в Соловках — 1923—1925 г. Цейтлин Семен Соломонович, 1888 г.р., социал-демократ, арестован в 1923 году, в Соловках — 1923—1925 г. После Соловков оба брата были вывезены в Нарым, а затем — в ссылку в Томск. Арестованы в январе 1937 года и после пыток расстреляны

Из «Энциклопедии государства и права»

Издательство Коммунистической Академии, т. 2, с. 676, 1929—1931 гг.

Террор есть не что иное, как устрашение политических врагов, а кто может сказать, что марксизм исключает всякое применение террора? Посылая тов. Курскому в мае 1922 года проект статьи Уголовного Кодекса о контрреволюционной пропаганде, тов. Ленин писал: «Открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание

террора, его необходимость, его пределы. Суд должен не устранять террор, обещать это было бы самообманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и прикрас».

Мы не зарекаемся от устранения тогда и постольку, когда и поскольку оно оказывается необходимым в борьбе с классовыми врагами или социально-опасными деклассированными элементами.

Роцин Андрей Иванович (1900–1989), чекист с 1918 года. В Соловках – 1923–1925 гг. Воспоминания Андрея Роцина воспроизводятся по распечатке магнитофонных записей, сделанных в процессе работы над кинофильмом «Власть Соловецкая» (Мосфильм, 1988)

Из воспоминаний А. Роцина

В органах ВЧК я поработал неплохо. Но весной 1923 года допустил правонарушение – угнал по пьянке у иностранного посла автомобиль, в результате чего Коллегия ВЧК решила меня наказать и направила в распоряжение начальника Управления Северных Лагерьей Особого Назначения ОГПУ, остров Соловки, для использования по их усмотрению.

В июне 1923 года я прибыл пароходом в Соловки... и, прослужив две недели в Управлении, получил должность помощника коменданта Второго лагеря политзаключенных в скиту Савватиево, в двенадцати километрах от главного здания... Комендантом был Банмаков, а я и еще двое товарищей – дежурными помощниками. Я много времени уделял рыбной ловле, так как дежурил сутки, а потом двое – отдыхал.

Надо сказать, что политические заключенные пользовались абсолютной свободой. Они находились в изолированном, околоченном колючей проволокой лагере, в двухэтажном доме... У них было самоуправление. Мы не вмешивались к ним. Только наружное наблюдение было с постов... Они же постовых на вышках часто обижали, подходили к этим вышкам и ругали бойцов... В конце концов это привело к трагедии.

В общем, из Москвы приходит однажды директива: ограничить пребывание на свежем воздухе от 11 до, примерно, до шести вечера. Как раз в этот день дежурил я. Посылает меня Банмаков к старостату с указанием явиться им в комендатуру – расписать в приказе об изменении порядка пребывания заключенных на воздухе. Старостат отказался.

Журнал «Воля России». Орган партии социалистов-революционеров № 16–17, 1924, Прага

Впервые о существовании московского приказа стало известно заключенным 16.XII.1923 года из уст, специально приехавшего для его объявления Эйхманса. Сущность этого приказа сводилась к ограничению времени прогулок и действия электрического света. До сих пор заключенные гуляли

круглые сутки; новый порядок устанавливал для прогулок время с 9 утра до 6 вечера. Что же касается электрического освещения, то оно должно было прекращать свое действие в 12 часов ночи.

Выслушав сообщение Эйхманса, объединенный старостат Савватиевского скита заявил

свой решительный протест против нового распорядка лагерного дня, рассматривая его как первый шаг к установлению в лагере норм тюремного режима. Уезжая из Савватиевского лагеря в Кремль, Эйхманс недвусмысленно пригрозил старостату: «Нарушение приказа может повлечь за собой несчастные случаи».

Известие о запесенном над заключенными ударе мигом обделело все камеры. Угроза превращения лагеря в тюрьму взволновала весь Савватиевский скит. Возмущала в особенности полная немотивированность неожиданно свалившихся скорпионов. Полгода мирно жила Савватиевский скит в обстановке относительной «свободы передвижения» внутри лагерной территории, огороженной колючей проволокой. Этот порядок не создавал никаких неудобств для заключенных и для администрации. Не было никакой нужды ограничивать время прогулок. Изолированность острова, его естественная оторванность служили достаточной гарантией против побега. Нормы тюремного режима также мало вызывались условиями Соловков, как неуместен был бы тюремный режим на какой-нибудь Новой Земле. Администрация чувствовала себя настолько застрахованной от мести политических заключенных, что по собственной инициативе неоднократно поднимала вопрос о возможности свободного передвижения заключенных по всему острову с наступлением зимы. И вдруг, как гром среди ясного неба, неленый приказ из Москвы. Этим заявлением подтверждались и без того напрашивающиеся догадки о политической подоплеке нового чекистского нажима. Заключенные именно так распенили московский приказ и твердо решили нового порядка не принимать и, не оказывая активного сопротивления, продолжали гулять по-старому, чем бы это ни грозило безоружным пленникам большевиков.

Наступило 19 декабря. Ничего не подозревавшие заключенные спокойно тянули скучную нить лагерных будней. Перевалило за полдень. Прошел обед. Стало смеркаться. Надвигался долгий северный вечер. В этой ступившейся полярной темноте шла невидимая черная работа подготовки убийства. Телефон между лагерем и Соловецким кремлем немолчно трепал. Приблизительно за час-полтора до расстрела в лагерь приезжал начальник Управления Ногтев,

по справедливости пользующийся у заключенных репутацией человека, способного на самые жестокие и кровавые действия и уже набивший себе руку на расправах с заключенными в других Северных Лагерьях. Это он в свое время цинично посоветовал привезенным из Сибири социалистам-революционерам заменить объявленную ими голодовку более быстрым умерщвлением — «веревочкой»*...

По указанию Ногтева комендатура мобилизовала к вечеру все наличные силы лагеря, годные к роли убийц. В сводный отряд усмирителей, помимо красноармейцев, вошли члены команды Надзора и служащие канцелярии коменданта, завербованные исключительно из чекистов, совершивших уголовные преступления и присланных в Соловки для отбывания срока наказания, а здесь получивших в свои руки оружие и право жизни и смерти над социалистами и анархистами. Не нужно было никаких усилий, чтобы заставить этих бандитов и воров из числа бывших чекистов стрелять в безоружных людей: они сами искали случая выслужиться перед советской властью, естественно ненавидя социалистов, пришедших в лагерь не за уголовные, как они, деяния и смело отстаивавших перед администрацией свое человеческое достоинство. Бывшим же чекистам приходилось покупать свое благополучие ценою доносов, прислужничества и готовности бесчеловечно расправляться с «врагами советской власти».

Сложнее было с красноармейцами. Их пришлось загодя готовить к роли палачей на случай возможных «убийств и восстаний». Для этой цели имелся «политрук», в течение нескольких месяцев направивший солдат на заключенных. Еще с Пертоминска, незадолго до перевода политических заключенных в Соловки, солдаты, по научению вышестоящих, разучивали направленную против эсеров самодельную песенку со следующим припевом:

Мы эсеров не боимся
И пойдем на них в пытки.

В результате этой обработки часть красноармейцев могла оказаться и действительно оказалась пригодной к стрельбе по безоружным людям. Все необходимые инструкции отряду были своевременно преподаны.

Эсер

* «Вам дано пора понять, что мы — победители, а вы — побежденные. Мы совсем не собираемся устраивать так, чтобы вам было хорошо, и нам нет дела до вашего недовольства. По-моему, вам гораздо проще сразу повеситься, до такой степени это безнадежно».

Из воспоминаний Б. Сапира

После отъезда Ногтева к одному из старост¹ приносят из комендатуры бумажку: «Объявить на поверке политическим заключенным, что прогулка впредь может совершаться лишь до шести часов дня». Поверка производилась обычно в 8 часов вечера. Значит, к сегодняшнему дню, во всяком случае, распоряжение не имеет отношения.

Не было оснований придавать этому происшествию серьезного значения. Да и знали о нем очень немногие — старосты да еще члены бюро фракций.

Журнал «Воля России». Орган партии социалистов-революционеров
№ 16—17, 1924, Прага

О существовании приказа и о приезде Ногтева узнали некоторые из социалистов. Они по собственной инициативе вышли на двор и присоединились к ранее вышедшим на прогулку анархистам и одиночкам из социалистов. Но так как подавляющее большинство социалистов и не подозревало о существовании приказа, то решено было обойти все камеры и познакомиться товарищей с его содержанием. Однако обход камер не удалось довести до конца. Со двора послышались глухие одиночные выстрелы часовых. Лагерь встрепенулся. Не нужно было никаких объяснений. Все понимали смысл этих выстрелов. Никакие уговоры — не выходя сразу всем — в большинстве случаев не достигали цели. Наскоро набрасывая пальто и подшубки, выходили заключенные на двор, чтобы коллективом принять направленный против него удар.

Администрация проявляла необычайную торопливость. Забыв о своем собственном приказе, комендант еще до наступления шести часов вечера отдал устный приказ пренебрегать прогулке заключенных. Словно умышленно принимались все меры к тому, чтобы затруднить мирную ликвидацию конфликта: перестали отбивать на колокольче часы, что сделало невозможным для заключенных точное определение времени. Старосту Иванецкого² не пропустили к коменданту для переговоров по поводу приказа. Когда товарищ Иванецкий подошел к зданию комендатуры, часовой кратко объявил ему:

— К коменданту нельзя.

Все пути к мирному исходу конфликта были заказаны. Так было угодно вдохновителям и организаторам убийства 19 декабря. Первый вы-

Корпус в Сибирске, где содержались анархисты

стрел был дан часовым с вышки, расположенной около замерзшего озера, недалеко от здания комендатуры. Вслед за ними огласили воздух другие одиночные выстрелы. Все они в большинстве своем были направлены в воздух. В это время двор лагеря представлял необычайную картину. Около сотни людей сплоченными группами заполнили все обычные места прогулок. Молча, сосредоточенные, в тишине, медленно двигались они в свете электрических лампочек. Постепенно напряжение стало, однако, проходить, кое-где перекидывались шутками и замечаниями...

Между тем от ворот, примыкающих к корпусу анархистов, показалась тесная цепь прибывших из Кремля охранников. Они подошли вооруженные винтовками. Часть их спустилась на озеро и растянулась по льду длинной цепью. Другая цепь осталась во дворе и выстроилась вдоль изгороди. Общее количество стрелков достигало сорока пяти человек. Впереди цепи, протянувшейся вдоль изгороди, стоял молодой взводный.

— Политзаключенные! Предупреждаю в первый раз, заходите по помещениям, — громко, размеренно крикнул молодой четкий голос.

— Кто командует карательным отрядом? — также громко и спокойно спросил из толпы гуляющих товарищ Грошев³, левый эсер.

— Командир взвода.

— Как его фамилия, чтобы увековечить? — продолжал допрашивать товарищ Грошев в жуткой торжественной тишине.

На этот раз взводный уклонился от ответа и увековечить себя не пожелал:

— Это не ваше дело, — недовольно буркнул он.

Прогулка продолжалась.

Последовало второе и, наконец, третье предупреждение, столь же безуспешное, как и два предыдущих.

Нужно подчеркнуть следующее, очень важное обстоятельство. Ни одно из предупреждений не сопровождалось угрозой стрелять в осужденников. Даже специалисты военного дела из среды заключенных были обмануты в своих предположениях о том, к каким мерам собирается прибегнуть карательный отряд для приведения заключенных к повиновению.

— Сейчас начнут работать прикладом, — делались между собой догадками.

Кое-кто не исключал возможности изведать удары птыков. На эту мысль наводила допосыпанная от цепи угроза:

— Колоть птыком!

Были готовы ко всяким мерам оттеснения в корпус, но лишь незначительная часть гуляющих предвидела немедленный боевой огонь. Не более как через минуту или две после третьего предупреждения от руководившего стрельбой взводного раздалась громкая спокойная команда:

— Цепь, вперед! Прямо в помещение палатки взводом! Взвод, иди!

Послышался свисток, и тотчас же раздались оглушительный залп и отдельные беспорядочные, но частые выстрелы. Слабо вскрикнув, тяжело опустился на землю у главной аллеи Г.А. Биллима-Пастернак (эсер). Недалеко от него лицом в снег упал М.М. Горелик (эсер). Оба были смертельно ранены. Горелик громко стонал. Тут же был ранен в плечо анархист Лебедев¹⁶. В другом месте на боковой аллее с пробитой и развороченной правой ногой упал Г.Э. Шик (эсер).

Убедившись, что стреляют боевыми патронами, В.Д. Беляев (эсер) зычно крикнул:

— Ложись.

Большинство гуляющих припало к земле. Часть продолжала стоять или двигаться. Но стрельба продолжалась и по лежащим.

Раздались многочисленные голоса:

— Есть раненые!

Вскочив на ноги, бросались поднимать со снега стонущих в предсмертной агонии товарищей. Понесли.

Медленно, путаясь и мешая друг другу, продвигались вперед вверх по аллее, по направлению к красному социалистическому корпусу¹⁷. Капли крови отмечали на снегу этот путь. А кругом шел непрерывный обстрел безоружных людей.

Остатки концлагерной советской символики на портале корпуса социалистов политыкиты в Саббатисево

Когда выстрелы становились особенно частыми и настойчивыми, приходилось останавливаться и опускать раненых на землю. Все это происходило на глазах усмирителей, которые не могли не видеть результатов своей работы. Когда в промежутке между первой и второй сериями выстрелов один из товарищей М. А. Павлоцкий (эсер) бросился на главную аллею с громким криком:

— Три человека ранены! — Со стороны цепи, стоящей вдоль изгороди, раздалось:

— Сами подберем!

Кто-то, негодуя и волнуясь, бросил от часовни в сторону цепи:

— Падали!

— Спасибо за аггестацию! — Послышался ответ взводного.

И непосредственно вслед за этой иронической репликой громкая и спокойная команда:

— Зарядить винтовки на полные обоймы!

А затем короткая, но злоедающая пауза, в продолжение которой хождение по аллеям возобновилось. Сплоченными группами, игнорируя все возрастающую опасность, продолжали гулять заключенные, противопоставляя винтовкам и револьверам решимость и сознание своей правоты. Было что-то трагическое в этом безнадежном и заранее предрешином поединке вооруженной подлости с сознательной попыткой людей жизнью отстоять то, что коллектив считал своим правом и честью. Еще не успел рассеяться дым от первых выстрелов, не успели еще отнести раненых, как раздалась новая команда все того же твердокаменного и тупого в своей солдатской исполнительности взводного:

— Цепь, вперед на десять шагов!

А навстречу поднимавшейся по аллее цепи охранников спускалась уже поредевшая к тому времени толпа заключенных с Г. Т. Качоровским (эсером) впереди.

— Не подходите! — раздалось из рядов красноармейцев и чинов Надзора. Кое-кто остановился. Некоторые повернули назад. Обернувшись, Г. Т. Качоровский громко закричал:

— Не уходите, товарищи!

И своим телом заслонил от солдат С. Г. Юдичеву (эсерка).

— Что же вы не стреляете? — громко крикнул В. И. Попов. Как бы в ответ на это последовала новая команда:

— Прямо по мишеням, взвод, начинай!

Свисток — и беглый, частый огонь. Пронзенный четырьмя пулями, падает смертельно раненый Г. Т. Качоровский. Перебита сонная артерия. Рядом с ним погибает его жена, Лиза Котова (эсерка), падает, тяжело раненный, В. И. Попов (эсер). С. Юдичевой чудом удается ускользнуть от неминуемой смерти: ее пальто пробито пулями в двух местах. В другом месте возле часовни опускается на землю смертельно раненная Наташа Бауэр (эсерка), успев сказать только два слова:

— Я ранена.

Двукратное пассивное сопротивление было сломлено. Слишком дороги и тяжелы понесенные жертвы. Старостату удастся увести в корпус оставшихся в живых. Часть товарищей бросается помогать нести убитых и раненых. В это время со стороны приближающейся цепи раздается спокойный деловитый окрик:

— Уносите скорее!

И опять все та же настойчивая команда:

— Цепь, вперед! Никого не оставлять за цепью!

— Не стреляйте! Мы уходим, — крикнул в их сторону староста анархистов Браверман.

Но стрельба возобновилась. Это была серия беспорядочных выстрелов по уходящим. Пули осыпали часовню, красный корпус, вход в него. Стрельба производилась с трех сторон. Заключенные были зажаты в кольцо красноармейцев и надзирателей-уголовников из бывших чекистов — отбросов большевистской политической полиции. По-видимому, последние и проявили наибольшую жестокость при стрельбе. Большинство красноармейцев стреляло в воздух, что засвидетельствовано очевидцами — заключенными. Об этом же говорят сбитые с высоких елей шишки и ветки. Вся операция стрельбы в живую мишень длилась 5—10 минут.

Эсер

Команда надзирателей составляет из себя боевую единицу, на которой лежит ответственность за охрану лагеря и прилегающих к нему территорий. Большинство надзирателей составляют рабочие и крестьяне — бывшие сотрудники ГПУ, бывшие члены РКП (б). Задание по охране лагеря надзиратели с достоинством выполняют и гордятся своим положением. Обыденная жизнь команды идет круглые сутки, как заведенный механизм часов. Смена постов разнообразит жизнь надзирателя. По приходу с поста надзиратель ложится в опрятную, убранную чистой простыней постель и засыпает крепким сном.

Журнал «САОИ» № 4, 1924

Из воспоминаний Б. Сапира

За несколько минут все кончилось. Со двора несут раненых. С бледным лицом, стиснутыми зубами, запрокинутой головой проносят Горелика. Он ранен в живот. Поддерживая руку, с переконным от боли лицом, сам, без посторонней помощи, пробирается в камеру Всеволод Иванович Попов. Осторожно несут Наталью Бауэр. Она стояла рядом с мужем М. С. Цейтлинным, когда пуля попала ей в печень. Наталья в полном сознании. Глаза открыты. Но лицо выдает ее страдания... Среди заключенных есть врач, есть фельдшерка. Они пытаются подать помощь. Но она в значительной мере бесполезна. Слишком короткое расстояние отделяло стрелявших от мишени. Били наверняка. Лиза Котова в корпусе уже не открыла глаза.

Пуля пробила сонную артерию, другая попала в руку. Билима-Пастернака принесли замертво. Не шевелясь, он лежал на полу. Пуля пробила сердце. Лишь слабое подергивание груди говорило, что он еще дышит...

Прошло полчаса, и в корпусе лежало пять убитых, стонали трое тяжело раненных, из которых Вс. Ив. Попов на пороге смерти. Все они социал-революционеры. Н.А. Бауэр, Г.Т. Качоровский, Е.И. Котова, Г.А. Билима-Пастернак принадлежали к тем социал-революционерам — «солидарникам», которые открыто во время Московского процесса 1922 года солидаризировались с подсудимыми членами ЦК своей партии и за это были преданы Ревтрибуналу, но потом без суда сосланы в Северные Лагерь.

Соловецкий староста Б.О.Богданов — один из организаторов Петроградского Совета. Последние 35 лет жизни он провед за стенами тюрьмы, за колючей проволокой концлагеря.
Б. Сапир

Из воспоминаний В. Рубинштейна

Я должен сказать, что подлинными убийцами, стрелявшими в людей боевыми патронами, оказались сотрудники из Надзора, то есть штрафные чекисты, прибывшие для этой операции из Кремля.

Они были вооружены не трехлинейными винтовками образца 1891 года, подобно охране Савватиевского скита, а английскими карабинами, стрелявшими пулями берданочного типа, как выяснилось потом.

После первых выстрелов вся социал-демократическая молодежь бросилась из камер вниз. Мы мчались, чтобы выйти, потому что там были выстрелы, крики, но у выхода встал староста нашей фракции Борис Осипович Богданов, закрыв собой дверь, и сказал:

— Ни шагу дальше! Я вас не выпускаю!

Мы осыпали его всякими неприятными словами... Все равно он нас не выпустил. А в это время раздался залп по дверям... Многие из молодых социал-демократов были тогда им спасены...

Тела погибших сложили в камеру «Первую А», а утром перенесли в клуб. Мы круглосуточно дежурили над ними и охраняли от посягательств администрации.

Газета «Известия»
Орган ЦИК СССР, 7 октября 1924

Любой рабфаковец, любой студент, вышедший из пролетарской или просто трудовой семьи, был бы счастлив, если бы мог получить от государства столько, сколько получают политзаключенные в Соловках. Ведь это означало бы для него безбедное существование и дало бы ему возможность спокойно заниматься науками.

И вот, когда ты даешь своему противнику то, чего не можешь дать своему ближнему, враг требует еще большего с криком: «Даешь!» и истерически мечется у порога II Интернационала.

Пора положить конец творимой «Социалистическим вестником» легенде. Пора ознакомить рабочих с подлинными условиями содержания политических заключенных. К этому мы приступим в ближайшее время. И пусть тогда рабочие массы сами увидят — каторга ли на Соловках или ПРИВОЛЬНОЕ ЖИЛЬЕ.

Помощник Прокурора
Верховного Суда СССР
Р. Катанян

Хоронить разрешили вне тюремной проволоки, но «без речей», как наставляло Управление лагерей.

Почти двое суток, непрерывно сменяясь, группами добывали промерзшую землю, доставали камни, в таком изобилии залегающие в соловецкой почве. В самом скиту мастерили гробы. В этой деятельности был все же исход, была возможность забыться...

Утро похорои. Лица убитых открыты. Гробы украшены зеленью словых веток. У стен знамена всех фракций скита — три красных и одно черное — анархистов... Знамена сшиты из случайных доскутьев, бывших под рукой. Ленты с именами погибших.

Гробы несут впереди толпы, гуськом, по той же самой дорожке, на которой произошла бойня. Калитка в ограде открыта. Молча провожает глазами шествие часовая на вышке. Кругом ни души, администрация удалила воинскую команду и Надзор. Торчат одинокие деревья. Еще яснее становится эта проклятая соловецкая оторванность от всего мира...

Могильная яма вырыта на холме вблизи скита. Гробы один за другим опускают в братскую могилу. Долго засыпают яму. Наконец и это кончилось. Еще раз «Вы жертвою пали в борьбе роковой» и анархистское «Черное Знамя».

Войдя за проволоку, не заходя в корпус, все струдились у крохотной часовенки, что посреди двора, у которой нули нашли большее количество жертв. Дружно раздался старый народофильский гимн «Смело, друзья, не теряйте бодрость в неравном бою», но уже не под руководством обычно дирижировавшего исполнением этой песни Георгия Качоровского. Новый дирижер руководит хором...

Неподалеку от Савватиевского скита холм, с которого виден тюремный корпус. Вблизи лес. На холме высится насыпь, убранный дерном. Насыпь окружена березами и грудой камней. На насыпи, под которой братская могила, лежит большая серая каменная глыба. С одной стороны на ней высечены имена шести убитых, с другой — одна-единственная, но обо всем говорящая надпись: «19 ДЕКАБРЯ».

№ 34 (2069)

ИЗВЕСТИЯ

№ 34 (2069)

Воскресенье 10

год издания 8-я.

Центрального Уполномоченного Комитета
СОЮЗА

Советских Социалистических Республик
и

Всесоюзного Центра
Рабочей, Крестьянской

по поводу Событий в Соловках.
с 19 декабря 1923 г., в 18 ч., во дворе Савватьевского скита соловецкого лагеря имел место печальный инцидент, выразившийся в столкновении заключенных с отрядом красноармейцев, окарауливавших названный скит, в котором помещаются заключенные.

В результате столкновения убиты Котов Елизавета Ивановна—25 лет; умерли от ран: Кочаровский Георгий Трифонович—38 лет, Вилима-Пастерпак Гавриил Андреевич—37 лет, Горелак Меер Моисеевич—36 лет, Вауэр-Цейтлина Настасия Арпольдовна—32 лет и Попов Всеволод Иванович—28 лет; ранены в опасной степени: Лебедев Леонид Яковлевич—24 лет и Шны Георгий Эммануилович—32 лет.

Следствие по делу ведется. Результаты следствия будут опубликованы особо. Председатель комиссии по расследованию происшествия. Член президиума ЦИК СССР А. П. Смирнов.

История эта получила огласку за рубежом. И хотя комиссия из Москвы признала действия администрации правомерными, но, чтобы утихомирить расходившийся старостат, боинскую часть сменили и комендантов направили в другие лагеря, заменив их новыми, из числа штрафных чекистов.

А. Роцин

Заместитель Председателя Верховного Суда СССР, член ЦИК СССР А. П. Смирнов — глава комиссии, признавшей убийство политических заключенных 19 декабря в Савватьевском скиту на Соловках правомерным. — расстрелян в 1937 году

„Sozialistischer Westbote“
Der sozialistische Bote
111 W 68, Lindenstr. 3, Hof, r.

Preis 70 Goldpfennig
in Deutschland

Zentralorgan der Soz.-Dem.
Arbeiterpartei Russlands

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Осногач Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц

№ 3
(73)

Контора и редакция:
Berlin SW 68, Lindenstr. 3, III Hof,
partierrecht. Tel. Dönhofstr. 90

11-ое февраля 1924 г.

Прием по делам редак-
ции ежедн. кроме
субботы, от 1—2 час

4-ый г. изд.

Бойня в Соловецком концлагере

Из Москвы нам сообщают:
10-го января в московских газетах появилось заглавное сообщение о том, что 9-го января президиумом ЦИК'а СССР назначена комиссия в составе А. Н. Смирнова, Коростелева и Катаньяна «для расследования происшествия в Соловецком лагере». Характер происшествия окутывается в президиуме строжайшей тайной.

Все же удаюсь выяснить, что речь идет об ужасной бойне, учиненной тюремной стражей над заключенными в лагере социалистами и анархистами. Драма разыгралась на почве ухудшения тюремного режима и вызванного этим ухудшением непопулярности заключенных. Стража стреляла прямо в толпу. Насчитывается много раненых и, по последним сообщениям, пять убитых. Подробности большевиками тщательно скрываются, а вследствие зимнего перерыва сообщения с островами получение сведений непосредственно оттуда сильно затруднено. Говорят, что пострадали, главным образом, заключенные социалисты-революционеры и анархисты.

Надеюсь иметь возможность сообщить на днях подробные и точные сведения.

кого лагеря. И затем в течение полугодия, предвидя те кошмары, которые ожидают зимой соловецких товарищей, мы ни на один день не устали твердить: здесь превратили социалистов в объект зверской расправы, здесь земля обратится в могила для юношей и стариков, для женщин и больных, для измученных и замученных революционеров, отданных под бесконтрольную власть уголовному начальству.

Оправдались худшие опасения. Не только «медленное умерание в полярных калематах», не только «трагические смерти от голодовки». Спецна тюремного дела знает и другие, более простые средства уничтожить кого приказано и когда приказано. И когда в центре дан пароль «истребление социалистов», все палачи по всей России сдвигают револьверы и винтовки. Долго ли спроводировать голодом и сыском, издевательством и избиванием всю массу заключенных? Много ли нужно, чтоб разыграть «вынужденную стрельбу» тюремной стражи, для водворения порядка и тишины? Это искусство постигли в совершенстве все полицейские всех стран и народов, и большевицкие тюремнички, не составляя исключения, лишь превзошли их широчинью и жестокостью своих похищений.

КОМИССИЯ ЦИК СССР В КАЗАРМЕ N-СКОГО ДИВИЗИОНА НА СОЛОВКАХ

На Соловки, чтобы осмотреть места заключения, прибыла комиссия ЦИК СССР в составе товарищей Бокийя, Красикова, Катаняна. Первым делом комиссия интересуется положением красноармейцев. В казарме Особого дивизиона состоялось собрание.

Слово предоставляется Прокурору Верхсуда СССР товарищу Красикову. Он говорит о значении охраны ярых врагов Советской власти, политзаключенных, покушающихся не только взять власть и передать ее буржуазии, но и задуть коммунистическое движение во всем мире. Эту охрану пролетарская Республика возлагает на красноармейцев. Почетную обязанность дивизионцы должны выполнить ДО КОНЦА, ясно сознавая, кого они стерегут, и что было бы, если бы заключенные враги оказались на свободе.

Со своей стороны Прокуратура Верхсуда СССР поднимает вопрос об оказании материальной и духовной помощи бойцам — берет шефство над N-ским дивизионом. В заключение речи товарищ Красиков призвал красноармейцев «зорко смотреть в сторону заключенного!»

Следующим взял слово пом. прокурора Верхсуда СССР товарищ Катанян. Он сказал, что красноармейцы являются защитниками СССР от внешних и внутренних врагов, ибо находящиеся на Соловках политзаключенные являются, если не прямыми, то косвенными пособниками и помощниками мирового капитала.

Далее начальник СЛОН товарищ Ногтев предоставил слово члену Коллегии ОГПУ товарищу Бокийю. Товарищ Бокий от имени ОГПУ приветствовал красноармейцев и сказал, что Коллегия ОГПУ, несмотря на общее сокращение войск, нашла возможным увеличить состав N-ского дивизиона вдвое. Бурные аплодисменты.

С ответным словом выступил красноармеец Потемкин.

— Мы со своей стороны заявляем, что свой долг выполним. Ни один враг не уйдет до тех пор, пока не перепахнет через наши трупы, — сказал он.

Никто из дивизионцев не забудет этого дня, и он останется для них памятным навсегда. Закончилось собрание пением «Интернационала» и мощными криками «Ура!».

Из воспоминаний С. Мальсагова

Комиссия пробыла на Соловках три дня, большую часть времени развлекаясь на охоте. Чекисты истребляли диких и ручных животных, приручением которых занимались в прежние времена монахи. В последний день Прокурор отправился в скиты Соловецкого монастыря, но политические встретили его криками: «Палац, убийца! Убийца!».

Вскоре была издана брошюра «Соловки» («Госиздат», Москва, 1925), в которой Прокурор заявил, что в Соловках царит «полная свобода» и что обращение администрации с заключенными «более чем мягкое». Часть тиража была прислана в Соловецкие лагеря и роздана тем, кто каждый миг вкупал «свободу, великодушную пинду и более чем мягкое обхождение администрации».

Муксалминский скит
Коменданту III Отделения

Служебная записка

При вчерашнем осмотре Начуправления и Начхозчасти Сидоровым Ваших помещений, занимаемых политическими заключенными, со стороны последних было допущено чрезвычайно нетактичное поведение, грубые оскорбительные выкрики, ругань, угрозы не только на присутствовавших, но вообще по отношению к администрации Северных Лагерьей. Приказываю Вам в дальнейшем прекратить всякую непосредственную связь с политическими вверенного Вам Отделения. Все распоряжения передавать исключительно по команде через дежурного по лагерю.

Предлагаю в трехдневный срок приспособить соответствующие помещения для размещения еще 26 политзаключенных, которые будут переброшены Вам 9 января с/г.

Зам. Нач. Управления Эйхманс.
7 января 1924 года

Памятное знамя — подарок Соловецкому Особому Полку после убийства заключенных 19 декабря 1923 года. Символ единения советских надзирающих и карающих структур

Из воспоминаний С. Мальсагова

Я — убежденный противник социальной программы «политических», основополагающие задачи которой не отличаются от большевистских и являются совершенной утопией, но тем не менее я не могу не воздать должное настойчивости и бесстрашию, которые они прояв-

ляют, если необходимо, не оставаясь ни перед какими жертвами, в отстаивании своих справедливых требований, выдвигаемых ими как сплоченной, единой организацией, для того, чтобы облегчить отвратительные условия жизни в соловецкой ссылке.

В Савватиевский скит я пошла в начале сентября 1924 года. Проходила осень, близилась зима. Близилось закрытие навигации. В числе заключенных было несколько человек больных. Прошлую зиму коллектив перенес тяжело. Появилась чинга. Особенно быстро поддавались ей сибиряки и дальневосточники. Им тяжело давался сырой соловецкий климат... Завхозы изыскивали все возможности подкармливать больных за счет здоровых. Это приводило к тому, что больные продолжали жить, а состояние здоровых ухудшалось, и число больных росло.

Тревожило заключенных и новое наступление администрации на режим. О сокращении прогулок речи не поднимали, но об обязательном принудительном труде для помитзаключенных Эйхманс уже заводил разговоры со старостами. Вопрос о новой инструкции, заглохший после 19 декабря, поднимался вновь. Все фракции были едины в вопросе об отставании по-

литрежима, но методы борьбы за режим были разные. Во всех трех скитах всеми фракциями было принято решение — отправить в Москву заявление еще до закрытия навигации. В нем было требование: либо вывезти всех помитзаключенных с Соловков в места заключения, расположенные на материке, либо сохранить существующий в настоящее время режим. Фракции социал-революционеров, левых социал-революционеров и анархистов собирались подкрепить свое требование голодовкой.

За день до указанного заключенными срока Эйхманс приехал в лагерь и заявил, что из Москвы получен отрицательный ответ. Голодовка началась только очень серьезно больным и слабым товарищам коллектив запретил принимать в ней участие. Перед началом голодовки заключенные произвели переселение. Все неголодающие были переведены в одно крыло нижнего этажа, где находилась кухня. По указанию ста-

Охота на острове осталась запрещенной. Часто приходилось слышать поучения командиров надзирателям, утрачившимся на плацу: «Патроны беречь! Ни одного выстрела, иначе — как по заключенным!»

Е. Олицкая

рост голодающие с первого дня легли на койки. Первую неделю заключенные голодали спокойно. Одни мучительно ощущали голод с первого дня до последнего, другие почти не ощущали потребности в еде, но слабость распространялась среди голодающих быстро. Люди все больше дремали, а поднимаясь и садясь на койках, испытывали головокружение.

На тринадцатый день, в ответ на предложение снять голодовку в связи с тем, что она грозит гибелью слабейшим товарищам, группа эсеров пришла к старосте со следующим заявлением:

— Голодовку не прекращать ни в коем случае, но, считая невозможным ставить под удар слабейших товарищей, в подтверждение требований заключенных, начиная с пятнадцатого дня голодовки, ежедневно один из группы вскрывает вены и кончает с собой. Остальные продолжают голодать.

Шел пятнадцатый день голодовки. Спас положение Богданов. Он взял на себя ведение переговоров с начальством. На другой же день, утром, Эйхманс прибыл в Савватиево и вызвал старосту. Пока Богданов был в административном корпусе, в скиту стояла мертвая тишина...

Разговор Богданова с Эйхмансом начался с заявления старосты о том, что он не в силах удержать свою фракцию от присоединения к голодовке, что его товарищи, особенно молодежь, не могут оставаться пассивными, наблюдая гибель голодающих, что сам он считает голо-

довку нежелательным способом борьбы, но за фракцию социал-демократов отвечать не может. Во всяком случае если не завтра, то после первой жертвы все социал-демократы всех скитов к голодовке присоединятся.

Эйхманс пошел на переговоры, и были приняты следующие положения:

1. Вывоз политзаключенных с Соловков в связи с закрытием навигации в настоящее время произведен быть не может, и до весны о нем думать невозможно.

Савватиево — последние «политскиты» в СССР

2. Режим в целом останется прежним. Никаких принудительных работ политзаключенные исполнять не станут, они будут заниматься только заготовкой в лесу дров для отопления своего корпуса.

Формально голодовка была выиграна.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ¹⁸

СТАТЬЯ № 267

Совет Народных Комиссаров Союза ССР по представлению Объединенного Государственного Политического Управления постановляет:

1. Прекратить впредь содержание в Соловецком концентрационном лагере Особого Назначения осужденных за политические преступления членов антисоветских партий (правых социал-революционеров, левых социал-революционеров, меньшевиков и анархистов).

2. Членов антисоветских партий, указанных в ст. I настоящего Постановления, заключенных в вышепоименованном лагере, перевести не позднее I августа 1925 года в подведомственные Объединенному Политическому Управлению места лишения свободы на материке.

3. Впредь лиц, указанных в ст. I, приговоренных к заключению в концентрационные лагеря, направлять для отбывания срока заключения в подведомственные ОГПУ места лишения свободы на материке на тот же срок.

Председатель СНК Союза ССР А. Рыков
Управляющий делами СНК Союза ССР Н. Горбунов
10 июня 1925 года

Социалисты и анархисты увезены с Соловков, но на этих заброшенных островах у Северного Полярного круга, отрезанных большую часть года от общения с внешним миром, осталось немало политзаключенных: рабочих-стачечников, участников рабочих движений, крестьян, арестованных за участие в крестьянском движении, отдельных социалистов и анархистов, почему-то не признанных ГПУ за политических, не говоря уже о группе так называемых казров, об осужденных за религиозные убеждения и т. п. Все они находятся на общеголодном режиме, отбывая жестокую каторгу, умирая от голода и непосильной работы.

С увозом основной группы социалистов и анархистов соловцевская администрация, ничем более не сдерживаемая, будет расправляться с ними беспощаднее прежнего.

Из письма, тайно переданного в 1925 году в редакцию журнала «Заря», Берлин

Журнал «Социалистический вестник» № 13, 1925

СОЛОВКИ приобрели мировую знаменитость. Трехлетняя история этой российской Кайены¹ навсегда останется образцом. Ни у одного государства никакое место ссылки не сравнится с нашими Соловками. Нигде и никогда не скапливалось столько слез и крови, столько бесчеловечной жестокости, столько отчая-

ния, как в старом монастыре на Белом море. Когда-нибудь история установит степень ответственности Москвы и отдельных лиц, и эта ответственность окажется гораздо большей, чем предполагали современники!

Имя Соловков сделалось нарицательным для режима.

Из воспоминаний Е. Олицкой

— Стройся по десять человек в ряд! Женщины, отойдите в сторону... Первая шеренга, отойди на пять шагов! Стой! Вторая! Третья!

В конце этапной колонны поставили женщины. Долго путался конвой с подсчетами. Наконец раздалась общая команда:

— Малейшее неподчинение конвоем... Шаг в сторону... рассматривается как попытка к бегству... Расстрел на месте... Шагом марш!

По обе стороны дороги шагали конвоиры. Впереди и позади ехал конный конвой. Грубые окрики. Нас торопили. Лошадьи морды врезались в последний ряд отстававших женщин. Ноги наши скользили по еще непросохшей земле...

Когда мы добрались до Кремля, этап, минуя все здания, вывели на пристань. Конвой окружил нас, расположившись цепью до самого берега... Встретились эки всех скитов, увиделись друзья и товарищи, раньше знавшие друг друга. Я встретила с теми заключенными, которые прибыли со мной в Соловки и потом были отправлены на Анзер.

Политзаключенных, высылаемых на материк, было человек пятьсот. Всех погрузили в трюм. Было тесно, шумно, жарко. Мужчины уступили нам лучшие места.

У Попова Острова пароход разгрузился. Минуты бараки, этап вывели к дамбе. На железнодорожных путях уже стояли столыпинские вагоны. Наступил момент расставания. Нас разведут... куда направят, в какой вагон?

Никогда раньше и никогда позже не встречала я такого богатого людьми коллектива. Коллектива, стоявшего на столь высоком моральном уровне. Те, кого я знала воочию, вызвали во мне поклонение. С кем бы из старших товарищей я ни заговорила, я чувствовала, какую глубокую веру, какую продуманную, прочувствованную убежденную мысль несут они в себе. До сих пор я счастлива, что встретила с такими людьми, укрупившими во мне веру в человека.

Ничто не могу я сравнить с впечатлением, которое производило на меня хоровое исполнение ими революционных песен.

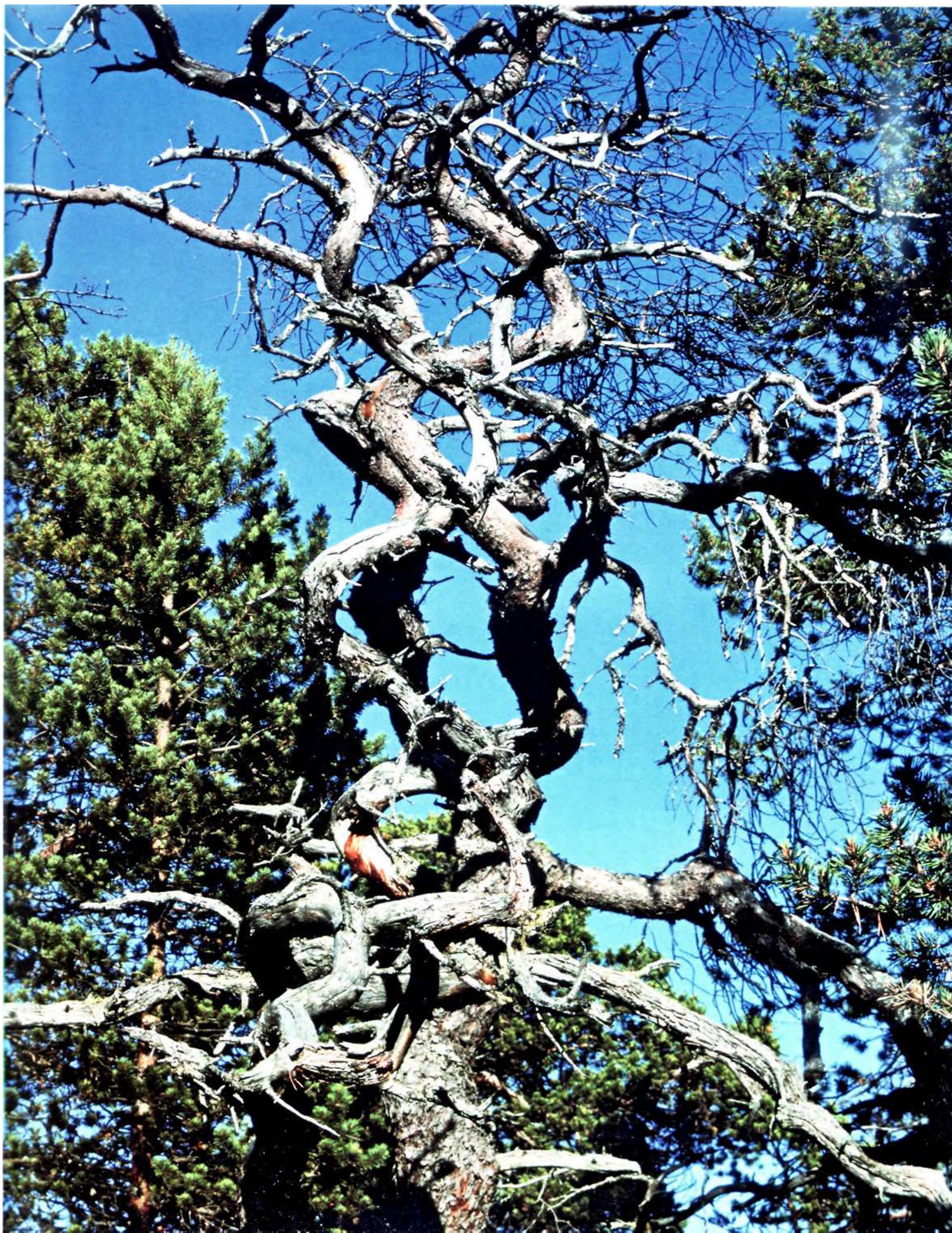
Пусть нас по тюрьмам сажают,
Пусть нас пытаются огнем,
Пусть в Соловки нас высылают,
Пусть мы все кары пройдем.

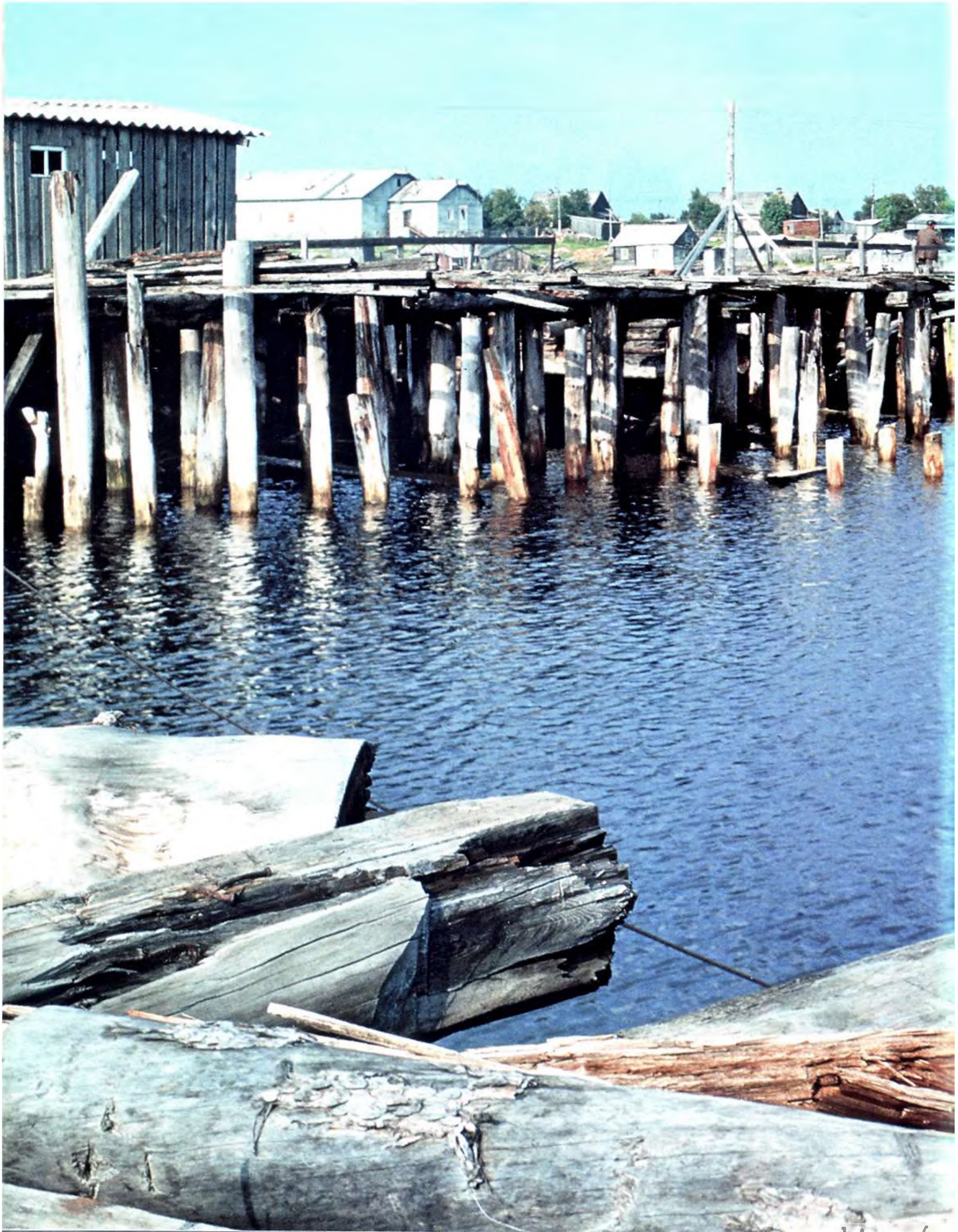
Если ж погибнуть придется
В тюрьмах и пахах сырых,
Дело всегда отзовется
На поколениях живых...

Сейчас, когда пишется эти строки, я знаю — они прошли весь путь и погибли. Погибли во имя своих идеалов, во имя счастья и блага людей. Погибли в лагерях без права на переписку, погибли под пулями расстреливающих их палачей.

«Не плачьте над трупами павших борцов...»

И я не плачу.

Глава 3

Кемперпункт —
ворота Соловков

От свиста до свистка, от шести до восьми,
От решетки к железной решетке
Ходят, мечутся бывшие раньше людьми,
А сегодня — табун в загородке.

Ноги, ноги и ноги стучат на полу,
А в глазах — промелькнувшие дали.
И слова — как зола, но не трогай золу,
Под золой — красный уголь печали.

Ходят, мечутся, ждут, говорят, говорят,
Ждут, как скорбные тени Гомера,
Что живой Одиссеей отопрет этот ад,
Где стучится их скорбная вера.

Отопрет и вернет этим теням тела
С теплой кровью, костями и кожей.
Ходят, мечутся, ждут... И слова — как зола,
И глазами как братья похожи.

М. Фроловский
7 июня 1928 года
Кемь

*Мы в семнадцать — учились любить,
В двадцать лет — умирать научимся,
Знать, что если полезно жить, —
То еще ничего не случилось.*

*В двадцать пять — научились менять
Жизнь на воблу, дроба и картофель;
Было некогда нам замечать
Нежной краской зардевшийся профиль...*

*Михаил Фроловский
19 февраля 1928 года. Кемь*

Фроловский Михаил Николаевич (1895–1943), инженер. В Соловках — 1925–1928 гг. После Соловков находился в ссылке на Севере, а потом на Урале. Вновь арестован в 1941 году и погиб в лагерях

Газета «Новые Соловки», № 4, 1925

К началу 1925 года Соловки — не только маленькие островки среди льдов Белого моря, но и культурный оазис среди огромной пустыни нашей северной окраины...

Соловецкие острова превращаются благодаря культурной работе УСЛОНа из места ссылки в северный аванпост Советского экономического строительства.

Из воспоминаний В. Вороновича

Внешний периметр двойной ограды представляет собой глухой высокий забор из досок с путаной колочей проволокой сверху. Внутреннее ограждение — частая решетка из колочей проволоки, приколоченной к высоким деревянным столбам. Полоса между заборами охраняется собаками, цепи которых пристегнуты к проволокам, растянутым между вышками так, чтобы эти звери могли бегать вдоль ограждения туда и обратно, контролируя все пространство. В темное время суток на вышках включаются прожектора.

Воронович Валентин Казимирович (1915 г.р.), инженер. В Соловках — 1935–1937 гг. Всего двадцать лет лагерей и ссылки. Автор книги «События XX века. 1935–1955 гг.» (Варшава, 1994)

Из воспоминаний А. Клингера

На Поповом Острове* и расположен Кемский концентрационный лагерь, входящий в состав Соловков и подчиненный Управлению Северными лагерями Особого Назначения, то есть тому же Ногтеву. Официально лагерь на Поповом Острове называется «Кемским пересыльно-распределительным пунктом».

Уже одно название дает понятие, какие функции возложены на Кемское отделение Соловков. Оно распределяет присылаемых из тюрем России в Кемь заключенных по различным островам и скитам на работы. На Поповом Острове, имеющем характер пересыльной тюрьмы, зимой скапливаются этапы заключенных, которые с открытием навигации следуют дальше на Соловки. Наконец, постоянно между Соловками и Кемью происходит обмен «контрреволюционерами», в зависимости от тех или иных работ крупного масштаба.

Попов Остров имеет форму буквы «С» с утолщением посередине и извилистыми углами, направленными на восток. Поверхность его равняется приблизительно пятнадцати квадратным верстам. Весь остров покрыт никогда не высыхающими болотами; берега его весьма изрыты и извилисты и напоминают финские или шведские шхеры.

Лагерь устроен близ южного берега. Составляющие его здания — деревянные бараки — построены частично старой русской властью, частично англичанами. Барак — тип сарая для продовольственных складов, скудно освещаемый днем небольшими окнами, ночью — тусклой

ламной; печи — так называемые буржуйки — устроены уже в последнее время. Все бараки сооружены на болоте, а потому характерны своей затхой, сырой атмосферой, на стенах и потолках — пятна сырости и плесени.

С южной стороны лагеря, в нескольких десятках шагов от берега, расположен большой, с многочисленными окнами и дверями барак. Это — «караульное помещение», где живут красноармейцы, охраняющие лагерь. Из их числа ежедневно назначаются наряды часовых для постов вокруг лагеря (в особых будках, вдоль проволочного ограждения) и внутри лагеря — у ворот, в «комендатуре» и пр.

За «караульным помещением» — входные ворота, вырубленные в высоком деревянном заборе, увенчанном несколькими рядами колочей проволоки. Пройдя мимо караульного поста в ворота, вы видите перед собой длинный помост из бревен, образующий собой нечто вроде торцовой мостовой. Такие бревенчатые дороги густой сетью покрывают весь остров с его бесконечными болотами и оврагами. Дорога от входных ворот называется... «Невским проспектом»; она прорезывает концентрационный лагерь с юга на север. По обе стороны импровизированного «Невского проспекта» тянутся бараки в большей части одинаковой величины. По правую сторону вы видите жепский барак, барак с кацеляристами и чекистами, затем бараки с уголовными, по левую сторону — комендатуру, бараки с «каэрами», «шпаной», помещения лагерного старосты и так далее.

* Попов Остров — поселок на берегу Белого моря в двенадцати километрах от станции Кемь Мурманской железной дороги. Переименован коммунистами в Остров Революции, в настоящее время Рабочееостровск.

Направо от «Невского проспекта» тянется ряд других, более узких деревянных помостов, ведущих к другим баракам с заключенными, к мастерским, складам, кухне, уборной и пр.

За северной стеной проволоки расположено несколько тоже деревянных, но значительно лучше построенных и оборудованных домов. В одном из них живет начальство охраняющего Попов Остров 95-го дивизиона ЧОН (Часть Особого Назначения), входящего в состав Соловецкого полка Особого Назначения, в других — красноармейцы дивизиона. Последних осенью 1925 года было около двухсот человек; как и на Соловках, солдаты хорошо вооружены, но одежды очень бедно и неряшливо.

От расположенной на восточном берегу Попова Острова пристани идет к станции Кемь железнодорожная ветка. Звеном, связующим материк с островом, является переброшенная через пролив дамба с мостом, по которому проведены рельсы. С левой стороны железнодорожной ветки (если взять направление на Кемь) расположены лесопильный завод, с правой, ближе к морю, лесные склады, затем станция «Попов Остров». На севере имеется радиостанция.

Юрий Бессонов с трофейным оружием после завершения успешного побега из Соловецких лагерей в Финляндию

Из воспоминаний Ю. Бессонова

Часа в четыре дня нас выгрузили из вагона. Как всегда, долго возились, выстраивая и пересчитывая. Окружили конвоем и повели...

Идти пришлось недалеко, всего версты полторы. Я увидел высокий забор... Вышки часовых... И громадные ворота. Над ними надпись — «Управление Соловецких лагерей Особого Назначения. Кемский распределительный пункт».

Подождали... Все, даже уголовники, всегда наружно бодрящиеся и веселые, как-то приутихли. Жизнь кончается. Впереди знаменитая Соловецкая каторга. Раскроются ворота. Впустят... И навсегда... Выхода нет...

Начальник конвоя постучал в дверь, часовой открыл окошечко, посмотрел и сильно дернул за веревку колокола. Гулко на морозном воздухе раздался звон. Вышел караульный начальник. Ворота раскрылись... Мы вошли... Они закрылись... И я на каторге.

Нас вывели на линейку. Остановили и начался прием... С налками в руках, в самой разнообразной

разной одежде, с малиновым цветом на шапке и на петлицах, со всех сторон из всех барачков бежали к нам чекисты. Это была соловецкая аристократия — войска внутренней охраны — бывшие сотрудники ГПУ, наше будущее начальство. Начался парад.

Я был на войне, слышал команды там, где они имеют действительное значение, где командой нужно вести человека на смерть, и поэтому в нее часто вливается и злорадство, и ярость, и самая цензурная ругань, но я никогда не мог представить, что команду можно было так изгадить и исковеркать, как это сделали чекисты.

Нас было всего около ста человек. И над этими ста голодными, истощенными и замороженными людьми, измывались двадцать пять человек. Стоя какой-то сплошной, никому не нужный рев. Чекисты изощрались один перед другим, но чего хотели от нас, ни они, ни мы не понимали. Мне кажется, это были люди, перешедшие в стадию зверя, которому нужно рычать...

Вся болотистая территория была прорезана сетью деревянных мостков разной ширины. Широкие мостовые, из бревен, вели от ворот к складам, к помещениям для спецключенных, предполагая проезд по ним больших телег, а узкие дорожки из досок исполняли роли пешеходных артерий между объектами на территории лагеря.

В. Воронобин

Все только что прибывшие на Попов Остров заключенные направляются в лагерный распределитель. Когда наш этап, состоящий из кавказских контрреволюционеров, духовенства, группы «Казино» и многих других, приблизился к бараку № 6 (распределитель), то навстречу вышли вооруженные чекисты из заключенных. Им хотелось знать, есть ли среди нашего этапа сотрудники или агенты ГПУ. Несколько человек отошли в сторону. Остальные проследовали в барак № 6. Это был огромный деревянный сарай, до отказа набитый людьми. Нары в нем располагались в два яруса — один поверх другого. Пол под нижним ярусом, как и нары, тоже был покрыт подубиженными телами. В воздухе стоял ужасный смрад. Раздавались вопли и плач, отвратительная брань. Лампа в углу давала скудный свет...

Будучи научены прежним тюремным опытом, мы улеглись на собственные вещи, положив их под головы, но этой меры предосторожности оказалось совсем недостаточно. Ночью меня разбудил страшный шум. Вглядываясь в полутьму, я с ужасом осознал, что наши вещи разворованы: съестные припасы растащены, корзины, чемоданы, коробки вскрыты. Из одного угла раздавались

Из воспоминаний О. Волкова

Более суток — первых лагерных суток — мы посвящались в лагерные повседневные порядки... У нас на глазах избивали людей, перегоняли с места на место, учили строю, обыскивали, пугали нацеленными с вышек винтовками и холостыми выстрелами. Падающих поднимали, разбивая сапогами лицо в кровь.

Отработанные ловкие удары кулаком сбивали человека с ног, как нахматную фигурку с доски... Трясется седая борода у проделывающего бег на месте коротенького старика с вытаращенными глазами на пушистом лице; рядом не может подняться присевший по команде толстозадый мужчина и жмурится, отворачиваясь от затрепизны; подалеке пицают ногами молодого грузина, отказывающегося повторять упрямления.

— Убивайте, сволочи! — истерически кричит он. И его действительно бьют смертельно.

Пусть память и хранит расправы и насилия первых лет революции, да и в тюрьме не мимдальничали, но еще не приходилось убеждаться, чтобы произвол возводился в систему, да еще развернутую в таких масштабах...

Из воспоминаний С. Мальсагова

вошли — там своеобразная судебная комиссия уголовников приговорила к порке своего дружка. Трое уголовников деревянными палками избивали коллегу, а он истекал кровью, но тем не менее отказывался отдать вещи, прижимая их к себе. На верхнем же ярусе, под самым потолком, на наши же деньги уголовники играли в «три листика» (русская карточная игра). Около дверей группа шпаны заключала торговую сделку с охранником, выменивая чей-то паек на спирт...

На следующее утро мы, представители контрреволюционной группы, решили, что подавать жалобу бессмысленно. Но заключенный из политических, социал-революционер из нашего же этапа, с негодованием сообщил коменданту о поведении шпаны, оставившей его среди зимы в одной рубашке. Комендант ради проформы явился в барак и очень нерешительным тоном потребовал:

— Верните вещи! Что за безобразное поведение! — Уголовники ответили раскатистым хохотом... Не защити мы этого человека, его бы убили на следующую ночь.

Особая благосклонность и покровительство, которые соловецкие власти без исключения рас-

пространяют на шпану, вполне объяснимы. Враждебность, инстинктивно испытываемая уголовниками к контрреволюционеру, образованному барину, в равной степени присуща и каждому чекисту, поскольку он тоже видит в любом контрреволюционере монархиста и буржуя. Другая причина, делающая бесплодными жалобы чекистам на шпану, состоит в том, что большая часть соловецкой администрации тесно связана с уголовниками. Не только идейно, но и общими дореволюционным прошлым.

Шпана всегда делалась добычей с лагерной охраной и со старостой. И поэтому никто не обращал внимания на жалобы. Если кто и пытался требовать назад свою собственность, то уголовники избивали такого до полусмерти, а однажды лагерный староста заявил, что это мы сами себя грабим... Иногда грабежи сменялись бесстыдным вымогательством, тоже при попустительстве со стороны персонала. Например, среди заключенных нашего барака находился профессор Кривош-Неманич, очень старый человек, служивший до тюрьмы переводчиком в Комиссариате Иностранных Дел. Его сослали в Соловки на десять лет по 66 статье УК, как и большинство иностранцев, «за шпионаж в пользу международной буржуазии». Конечно же, он был совершенно невиновен. Его глубоко уважали главным образом за то, что он бегло разговаривал практически на всех языках мира, включая китайский, японский, турецкий и, естественно, знал европейские языки.

Профессор получил посылку от Политического Красного Креста, возглавляемого мадам

Солерко Малышегов. Фото из первого иностранного паспорта, полученного бывшим узником Соловков после успешного побега из лагерей за границу СССР

Пешковой. Кривош-Неманич радовался как ребенок, но, увы, недолго. Бандиты, проломив стену, похитили в очередной раз наши вещи и посылку профессора. Наутро через чекиста уголовники прислали письмо, предлагая выкупить посылку за шесть червоńцев.

Старик, промерзший в насквозь продуваемом бараке, очень нуждался в вещах и, несмотря на наши предостережения, счел предложение уголовников искренним. Через того же чекиста он послал деньги, отдав все, что имел.

Как мы и предвидели, ему не вернули ни вещей, ни денег. Позднее Кривош-Неманич получил письмо, где бандиты, смеясь, благодарили «доброе профессора».

Тов. коменданту Кем.пер.пункта

Убедительно прошу Вашего распоряжения о возвращении мне снятых у меня двух ножей: столового и перочинного. У меня вставная челюсть; без ножа я не могу не только откусить кусок сахара, но даже корки хлеба.

Я привез сюда из Внутренней тюрьмы ГПУ, где у меня было разрешение как от врача, так и от начальника тюрьмы, ножи, позволенные в качестве единственного исключения во всей тюрьме, вследствие моей старости и отсутствия у меня своих зубов. Не искрошив предварительно ножом хлеба, который, выданный вперед на две недели, очень черствеет, я лишен возможности есть его, а хлеб составляет мою главную пищу.

Почтительно прошу войти в мое положение и приказать вернуть мои ножи.

Заключенный в 4-м бараке Владимир Кривош-Неманич

Резолюция коменданта:

Установленные правила для всех являются обязательными и исключений быть не может!

Из воспоминаний Д. Лихачева

— Шаг вправо, шаг влево считаю как побег! В партии отстающих нет, идти бегом! — проорал нам конвоир. Так мы прибежали в Кемпелункт, где, сгрузив вещи около большого флапштока, получили приказ бегать вокруг него.

— Ножки выше! Ножки выше! — кричали нам.

Я бегала довольно быстро и весело, хотя от девятимесячного сидения и ослабела, но все-таки была молодой, а старикам пришлось плохо...

Потом вышел знаменитый офицер Курилко — специалист по приемке эшпапов, одетый в чеккистскую шинель, то есть в длинную кавалерийскую шинель с черными внизу рукавами и черным воротником. (Памятник Дзержинскому в такой шинели был поставлен в центре Москвы). На фу-

ражке — черный околышек и без знаков различия. Это — форма конвоя из «идеологически близких» заключенных, которые хотели жить получше и помолчи на весь свет...

Сначала нас учили кричать «Здра!».

— Рота, здра! — а мы должны ответить:

— Здра! — но так, «чтобы стены падали, чтобы на Соловках было слышно!» Потом учили:

— Письма писать так: жив, здоров, всем доволен! Помните, здесь власть не советская, здесь власть Соловецкая! Нога прокурора сюда не ступала, что хотим, то и «делаем», значит, скажу лечь — ляжешь, скажу встать — встанешь! Сопли у мертвецов сосать заставляю! — А дальше... совершенно невероятная ругань.

Вот сходит эшпа... Точнее, наиболее примечная часть эшпа, потому что были «эшпы на карачках». «Эшпа на карачках» — это люди, отправляемые из Соловецких лагерей на материк, которых свернуло скорбным — цингой. Так и говорили: «Пришел эшпа на карачках».

Д. Лихачев

Из воспоминаний Н. Жилова

Высокий, стройный, с длинной холеной бородой, с правильным лицом свято-русского богатыря в буденовском пламе и нарочито неправдоподобной фамилией начальник Курилко командует громко, зычно:

— Этан, смирно! Сейчас будет проверка ротной. Отвечать четко, по-военному!

Какой-то в длинной шинели вызывает:

— Иванов И.В.!

— Есть! — отвечает из рядов чей-то голос.

Курилко орет:

— Не слышу! Громче!

— Есть! — кричат из строя.

— Не слышу, громче! Будете стоять под дождем и мокнуть, пока не научитесь отвечать громко! — свиренеет Курилко.

Так повторяется с каждым, как бы громко он не отвечал... Наконец проверка закончена.

— Эй, ты, сволочь! Слушай, как вести себя в лагере, — начинает инструктаж Курилко. Его речь — сплошная брань, оскорбления и угрозы: Курилко говорит о безоговорочном подчинении своим ротным командирам, о работе, о выполнении норм, о пайке...

— За всякое ослушание, за всякое нарушение режима получите суровое наказание. Здесь тебе не Ленинград. Прокурора тут нет. Жаловаться тут некому. Захочу — поставлю на камень. И будешь стоять и час, и два, и день, и два. Захочу — поставлю тебя в воду. И будешь стоять и час, и два. Поняли, так-перетак? Не поняли — пеняйте на себя.

Из воспоминаний О. Волкова

Соловецкий лагерь Особого Назначения... сокращенно САОН. Изображение этого мудрого и кроткого животного сделалось официальной эмблемой лагеря.

И вот я — уже заведенный в зону Кемперпункта зарегистрированный зэк на списочном составе Соловецкого лагеря. В бараке мне указано место на парах, где, по прочно внедрившейся лагерной традиции, все из-за тесноты лежат на боку и повертываются по команде... Я еще настолько зелен, что не могу прилечь из-за фантастического количества клопов. Они ползут по стойкам пар сплошными верещицами, как муравьи по стволу подлюбившегося дерева.

Преодолеть брезгливость невозможно, хотя усталость и валят с ног. Я выхожу на улицу. Тут другой враг, тучи комаров, какие еще не приходилось видеть. Северный тундровой гнус, от которого нечем — да еще и не умеешь обороняться. Как ни закутывайся и ни прячься, комары проникнут и доймают. Тонкое «з-з-з-з» над ухом, и уже ждешь, наступит. И нельзя ни заснуть, ни уйти в мечтания...

С подавленным ужасом слежу за дневальным — всклокоченным мужиком в неопикуемых лохмотьях с потемневшим, покрытым коростой лицом и свирепыми непогасшими глазами. Он не говорит по-человечески, только хрипло матерится. Получая хлеб в кантерке на бараке, умудряется урвать себе несколько пайек.

И прячет их в заношенные обносках, грудой паваленных в его углу. Когда, согнувшись над лоханкой с баландой, словно заслоняя ее своим телом, он сидит там и, чавкая, давясь, жадно и торопливо ест, то кажется, подойди ближе — зарычит и покажет зубы. И этот изъеденный насекомыми, утративший человеческое подобие отверженный палеет и суетится, лишь начинают выкапывать на этап: боится, что его стронут с места! Он уже два года дневалит в этом бараке... И перемен не хочет ни за что.

...Я был еще новичком, не поборовшим предубеждений и предубеждений, внушенных воспитанием. С тоской глядел я на мирно спящих, покрытых клопами людей, завидовал им и... И не мог лечь!

В какой-то мере эта закваска, полностью никогда не выветривавшаяся, служила источником дополнительных осложнений. У охранников всех рангов она вызывала зуд — выкорчевывать это такое неположное чистоплотство. Но она же помогла мне и сохраниться. И испытывая тапталовы муки голода, я не мечтал погастись на отбросах, не соблазнился самокруткой за пайку и в невозможных условиях ухитрялся мыть руки, следить за собой, всегда считал для себя исключенными всякие «мастырки» — членовредительство, свадобья, обморожение, на время спасающие от тягот... по ведунье на нижнюю ступеньку...

Я вздохнул, еще раз вспомнив приговор «тройки» полномочного представительства ОГПУ по Дальнему Востоку: «Заключить в Соловецкие концлагеря Особого Назначения ОГПУ сроком на десять лет, считая срок со дня вынесения приговора». Соловецкие... Вот как обернулась жизнь! Двенадцать тысяч километров по этапу. И выдержал, не свалился с ног, как другие. На одном пайке — без всяких передач.

Обросший, грязный, в оборванной овечьей шубе, в желтых полуботинках, я, наверное, казался выходящим из самых жутких трупоб. Уже давно сдался я в неравной борьбе со вшами, от которых шевелилась шерсть на моей шубе. В шерсти им жилось лучше, чем в моем ветхом белье, с подозрительными дырками на спине, которым прикрыли мою пагогу в читинской тюремной бане. Я не был наивным и не спросил башника, от каких пудь эти дырки, — от вышочных или револьверных. Белье держалось на теле и не распозалось от ветхости, ну а брезгливость — не дело тюрьмы, где из «парашни» растекается по полу вонючая жижа, а места на парях нет. Багаж? Какой багаж?! Этапный паек, выданный на два дня в ленинградских «Крестах», съеден еще вчера утром. Ни ложки, ни котелка, ни сумки. Вольный сокот!.. Вот те, другие, «колхозники», — у них что-то еще держится в самотканых мешках за плечами. Онучи, заплесневевшие ржаные сухари, соль в тряпочке, деревянная ложка с консервной банкой, а у некоторых, пожалуй, и запасная пара исподнего.

Я огаянулся на толпившиеся вдоль состава тысячные массы арестантов. Одни «колхозники» да жулье. Интеллигенции не видно. Либо ее нет, либо она доведена до моего состояния.

Опустевший поезд тронулся дальше. Наверное, повернет опять на Ленинград. За новенькими. В «Крестах» людей хватает. Опять набьют, как селедок. Мы два дня не могли шевелиться — так было тесно. Легко сказать: без мала две тысячи в двадцати двух пригородных вагонах без верхних полок.

— Давай, стройся по четыре! — пронеслась новая команда. Вдали показался начальник конвоя. С ним — несколько ГПУ-шников, видимо, из Соловецкого лагеря. Конвоиры, поглядывая в их сторону, принялись «наводить порядок» в строю.

— Ты, истинное мурло, куда затесался? Держи равнение!

«Истинное мурло» — черномазый бородатый мужичок — от рывка откормленного конвоира, не удержавшись, выскочил перед строем.

— Куда?! Стой на приказанном месте! — Новый толчок в грудь вбивает мужичка на «приказанное место». Начальство проходит вдоль рядов, считая: «...Двадцать второй, двадцать третий»... Очевидно, сошлось с документами. Никто еще не узнал. Началась перекачка.

— Утожный Иван?

— Тута!

— Не «Тута», а отвечай: «Есть»! Скомороход Андрей, он же Артюхов Петр, он же Симонов Андрей.

— Есть, гражданин начальник! — бойко отзывается бывалый жулик с пустым рваным портфелем, перебегая на другую сторону, к группе уже вызванных. Почти до полудня затянулась перекачка. Конвой сдавал, а концлагерь принимал этап. Опять строимся. Опять командуют, только на этот раз новые, лагерные конвоиры:

— Держать равнение в рядах. Шаг вправо, шаг влево считается попыткой к побегу. Стреляем без предупреждения. Не отставать и не выходить из строя. Тут вам Соловки, а не богадельня! А ну, шагом, марш!.. Стой!

— Смирно! Помните, что я скажу. Повторить не стану. Кто думает бежать, пусть бежит сейчас же и прыгает в это озеро. Так ему будет лучше. Поймаем — с живого семь шкур сдерем. А уйти ему все равно некуда. Вокруг — топи, озера и наши секретные посты с собаками. С сегодняшнего дня я ваш начальник, царь и бог. Не вздумайте жаловаться. Забудьте эту привычку. Тут кончилась власть советская и наступила власть Соловецкая... Все приказы лагерной администрации — от меня и до десятника — должны выполняться без возражений и полностью. А сейчас — санобработка. Пока одна партия моется, остальные будут заготавливать баланы для барака. Кто тут инженер или техник, кто раньше служил в милиции и ГПУ, пусть выйдут из строя!

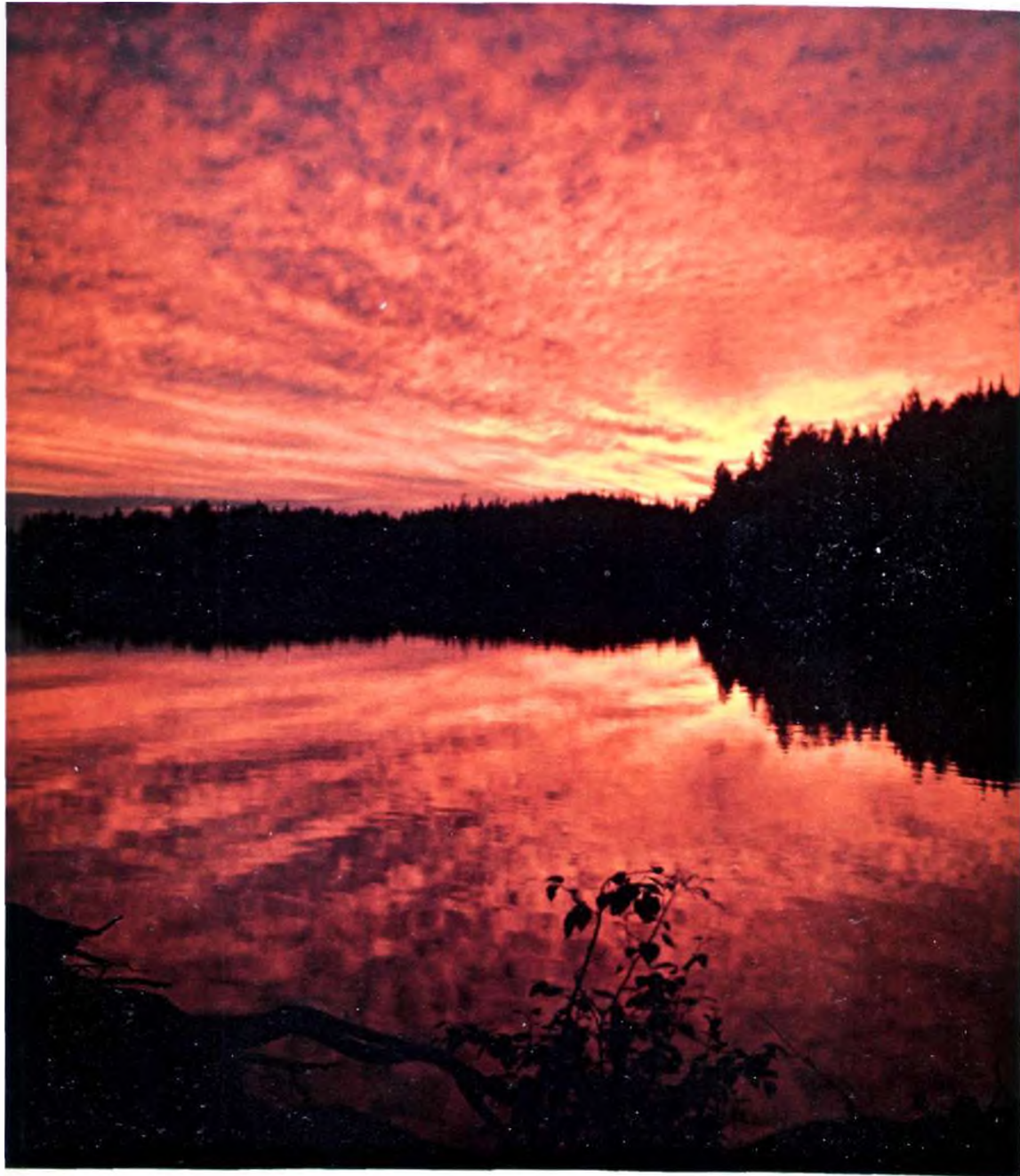
Нашлись трое. Начальник ушел с ними в сарай, откуда они через несколько минут вернулись, наделенные инструкциями и деревянными метрами толщиной в добрую палку. Метр десятника и был тот «дрын», воспетый в лагерной поэзии, которым не только отмеривали «урок», но и укрощали непокорных, выбивая из них лень, «филоново» и упрямство.

Соловецкий концлагерь, всецело, — продукт большевистского творчества. Ничто внешнее не мешало здесь «строителям новой жизни» применить к делу принципы марксизма-ленинизма-сталинизма, чтобы перерабатывать вредных общественных «паразитов» в полезные величины, достойные социалистического строя, и затем осуществить таковой. Однако вместо столь благодетельной культурной лаборатории на Со-

Из воспоминаний М. Никонова

ловках выросла каторга — худшая из каторг, отмеченная на всех путях своей краткой историей позорным клеймом коммунистического бессилия строить «новую жизнь».

Волна за волной, томя за томою валят из вагонов люди, нагруженные вещами. Только шпана выходит налетке: у этого народа вещей не бывает. Два монаха вывели из вагона третьего, слепого девяностолетнего старика. Немало ка-

лек, людей болезненного вида, с печатью хронических недуг. Нас погнали дальше — к самому морю на довольно широкий дощатый мол.

Конвоиры-красноармейцы сдали нас Курилке с его командой. Начался опять, как неизбежный ритуал, нудный личный обыск. Осматривали вещи, ощупывали самих, одежду. Но вот обыск кончен, вещи сложены в кучу.

— Стройся по четверо в ряд!

Из командной группы выступила низенький, но коренастый крепшн. Резким голосом, киняться непонятною злобою, принялся он обучать нашу пеструю ораву воинскому строю, пересылая свою команду потоком ругани пшанского образца.

Измученные долгою дорогой, нудным обыском, ошеломленные грубостью новых охранников, щелкающих затворами винтовок, грозившимся убить, мы молча повинемся команде. Дико было видеть, как священники и епископы в рясах, престарелые монахи, почтенные люди науки повертывались в строю сотни раз направо, налево, топали на месте ногами и маршировали под команду горлана-изувера, не устававшего притом же ругаться над именем Божиим.

Заставив кричать, в ответ на командирское приветствие, сотни раз «Здра!» — «Да так, чтобы на Соловках было слышно», — нас после трех, четырех часов мунштры, с венжами опять воротили к баракам, за проводочную ограду, натискав в барак до тесноты, какой не случалось терпеть ни в тюрьмах, ни в подвалах. Но едва успели разместиться, новая команда вытала всех вон — запомнить анкеты на каждого вновь прибывшего заключенного.

Тотчас по запомнени анкет нас погнали прямо на пристань, и, под неумолчные крики старшего рабочего — по-здешнему выразительному термину — «гавкало», начали мы бесконечную работу по погрузке бревен, сложенных тут же невдалеке в штабеля. Работали все — и здоровые, и больные, и молодые, и старые — без остановки до полного изнеможения сил. Хотя бы пятиминутный отдых! Напрасно, «гавкало» кричит, не переставая... Обессилившие руки уже не держат бревно, но еще напряжение, еще, — и опять пошел тащить груз к вагону...

Нестерпимая, зудящая, пнелущая боль во всем теле. Ноги словно налиты свинцом. Перед глазами то черные круги, то скачут искры. В одурелой голове ни единой мысли. Двигаюсь, как автомат, потеряв представление о месте и

времени. Напрасно пытаюсь сообразить: сколько уже часов в работе? Что сейчас — день или ночь? Солнца-то ведь нет, а белую кемскую ночь отличн-ка от дня.

Только однажды, зайдя за вагон, мне удалось приостановиться. Прислонился к вагону, перевел дух и ощутил себя, разбитого, подавленного. Мне казалось: ночь уже прошла и заурело — за тучами как будто блеснула мимолетно солнечный луч. А может быть, мне мерещится? Повисшие руки пылы, ноги отказывались служить. Начинаю сознавать окружающее, в голове появляются мысли. Вижу измученных священников, вместе с нами несущих этот крест. Вижу, как патаются от усталости мои дорожные спутники, товарищи по несчастью. Еще минута, другая, и я вновь — щепка в потоке этого ужасного движения, снова автомат, и опять в сознании только боль, усталость и ко всему безразличие.

В самый разгар работы конвоир собрал нас и повел обратно. Едва мы вышли, как конвойный с угрозами и ругательствами приказал нам бежать. Сам бежал сбоку, поминутно щелкая затвором, и орал:

— Не отставать! Убью! — уснащая угрозы отвратительными ругательствами.

Рядом со мною бежали спутники по арестантскому вагону, тверской инженер Мосильон, дальневосточник Кабукин, инженер-технолог Александр Иванович Сизов и Петр Алексеевич Зорин... Мосильон, измученный, уже не сознавал, что с ним творится. Мы тащили его под руки, справа я, слева Кабукин, почти до самых бараков...

— Пустите меня, — захришел вдруг Мосильон, — не надо держать, я хочу умереть.

Не успел я слова сказать, как Кабукин вынул руку Мосильона, и он повис мешком на моей руке. Произошло замешательство. Упали еще несколько человек. Конвоир должен был остановить партию, на чем свет стоит ругая отставших. Я с укором взглянул на Кабукина. Он пожал плечами, как бы говоря:

— Если человек сам хочет умереть, что же ему мешать? Пусть умирает.

Из барака вышел ротный Курилко, злорадно оглядел полумертвых, едва стоящих на ногах заключенных, и стал вызывать по списку. Отсчитав поотроста человек и спешно погрузив на парход, нас отравили в Соловки. Мало кому из ста пятидесяти суждено было вернуться на материк.

Майсурадзе А.Н. — в СЛОН прибыл по этапу в сентябре 1929 года и сменил Игоря Курилко на посту командира Пятой пересыльной роты. В 1932 году досрочно освобожден из Вишерского Соловецкого лагеря, но добровольно остался служить там в администрации. Расстрелян в 1937 году

Показания Майсурадзе А.Н.,
соцвредного элемента, на допросах 29 апреля
и 7 мая 1930 года

Из следственного дела № 877

«О преступлениях Надзорсостава СЛОН ОГПУ»

По обыкновению, прибывающий в Кемь этап приводился в проволоку 7-й роты, где и производились прием и обработка. Как правило, при приеме этапов присутствовали весь свободный от нарядов Надзор, начальник внутреннего Надзора, сотрудники ИСЧ, начальники отделения. После переключки и обыска вещей производился отбор в Охрану и пла «кадмобработка». После регистрации в Отделе Труда и Врачебной комиссии этапу выдавались хлеб и рыба в соленом виде, а затем, не заходя в помещение, часть этапа отправлялась на работы.

Помещение 5-й роты, где принимались прибывающие этапы, было рассчитано на 220 человек, а приходилось вмещать до 2000–2500. В среднем в роте было 1500–1800 человек, редко — 1000. Этапы прибывали ежедневно громадными партиями. Приблизительно в таком же количестве происходила и отправка по командировкам. Состав роты изменялся в сутки наполовину.

Сбор партий к отправке никогда не был нормальным. По одному списку в ротах нужно было выкликнуть иногда до 2000 человек в разных местах, выявить, где работают, доставить к месту сбора, выдать ужин и раздать вещи. Часто возникала путаница со списками, появлялись «мертвые души». А на дворе вьюга или мороз с ветром. В лагере все и всегда делалось на открытом воздухе, независимо от погоды, так как помещений не было.

5-я рота в период приемов и отправок партий представляла из себя непрерывно кипящий котел, перемешивающий в себе людей и влей, больных и здоровых.

...Одно время не было воды (на Поповом Острове вода привозная), так началась подпольная торговля водой, доставаемой неизвестно откуда, по рублю и более за кружку. Три человека были мною выявлены и направлены в ИСЧ.

...Заклученные, на долю которых выпадало недельное пребывание в пересыльной роте, из-за отсутствия места по 5–6 суток проводили без сна, и были случаи, когда они валялись без сознания на несколько часов.

Вполне понятно, что из 20000 заключенных, прошедших через 5-ю роту, вряд ли кто-то остался доволен.

Газета «Волна», орган Архангельского
Губкома ВКП(б) 21 июня, 1925 год

Еще много предстоит сделать, еще многое окончательно не оформилось. Но то, что уже сделано, дает право утверждать, что пролетариат, вынужденный в нынешних условиях бороться с преступностью методами изоляции и заключения, избрал такую систему, перед которой жалкой дребеденью кажется вся слепящая «пенсильванщина» буржуазии, портящая, а не исправляющая того, кто имел «счастье» вкусить от нее в

капиталистических тюрьмах. Соловки — трудовая колония и лаборатория новой жизни, со временем превратятся в культурный очаг для ближайших местностей...

Трудящиеся Севера поймут это, поддержав лагеря в той трудной работе, которая сейчас проводится в них, помогут довести начатое дело до благоприятного конца.

Я. К-ов

Баракы – соловецкая архитектура советского лагерного периода на территории Киртзабода

Из обвинительного заключения по делу № 877
«О преступлениях Надзорсостава СЛОН ОГПУ»

Жуткое и совершенно не поддающееся списанию зрелище представляла собой приемка этапов. Так называемая «кадмобработка», производившаяся Надзорсоставом и продолжавшаяся с утра до позднего вечера, оглашалась бесшабашным матом, обзыванием заключенных и криками «Здра!» – «Чтобы в Соловках было слышно!». Картина дополнялась «дрынами», т.е. палками, которые ходили по спинам заключенных. А для того чтобы понять, где они находятся, заключенным прямо заявлялось: «Здесь власть не советская, а Соловецкая»*, «Тут вам не Бутырки – прокурора здесь нет, и жаловаться некому».

Кроме избияния «дрынами» и «штугильниками» – специально обугленными палками, заключенные летом ставились «на комары» – в раздетом виде или в положении «смирно», или усаживались «на жердочки», то есть узкие скамьи, на которых должны были сидеть на корточках без движения и соблюдать полнейшую тишину. На ночь им не выдавалось ни одной теплой вещи.

За малейшее нарушение таких правил заключенные избивались и помещались в «кбитки» – дощатые холодные, неотапливаемые харцеры, где и выдерживались до состояния обморожения...

Для издевательства над заключенными выстраивались и специальные харцеры высотой в 1 метр, пол, потолок и стены которых набивались острыми сучьями, и заключенные, попадавшие туда, не выдерживали и «загибались», то есть умирали...

При переходе через мост лица из Надзорсостава, указывая на того или иного заключенного, кричали:

– Дельфин, – а те должны были бросаться в воду. Неподчинившиеся подвергались избиянию и насильно сбрасывались в воду. Заставляли переливать руками воду из проруби в прорубь, переносить снег с одного места на другое или «считать чаек», то есть кричать:

– Чайка раз! Чайка два! – до 2000 раз, до полного изнеможения. Устраивались инсценировки «расстрелов», практиковались убийства под видом побегов...

*Выражение «Здесь власть не советская – здесь власть Соловецкая» соответствовало действительности. Советская власть, то есть Совет из избранных населением путем голосования депутатов, появилась на Соловках только в 1944 году.

Как обычно, нанюся по разным причинам побой заключенным, нас повели на пристань, где посадили на пароход «Нева», курсировавший между Кемперпунктом и Соловками.

Как только мы взошли на палубу, нас прежде всего разделили: женщин отправили в носовую часть, а мужчин на корму. Вскоре на женской половине послышался визг — это началась оргия, устроенная чекистами, как только пароход отошел от берега. Потом стали слышны и пьяные песни... Эти чекисты действовали по плану.

Они не прибегали к обычному насанию, как это проделывали конвоиры в поезде, а стремились создать известную атмосферу. Сначала дали немного еды и выпивки женщинам, особенно облюбовав тех, которые, как это было известно из «личных дел», сидели по году и более в одиночных камерах.

Затем таких, уже немного выпивших, делили между собой. Мы все сидели, опустив головы...

От Кеми до Соловков приблизительно шестьдесят верст. На пристани этап быстро высадили и, оценив усиленным конвоем, повели в Кремль. Там уже другие чекисты нас обыскали и каждого опросили: по какой статье прибыл и на сколько лет.

При этом шла сличение с «личным делом», чтобы не было обманов и вместо большого бандита не получить пшаненка, которых по тюрьмам сидит множество и которые согласны за деньги ехать куда угодно и называться кем угодно.

Потом отделали бывших чекистов, посланных для отбытия наказания, и отправили их в привилегированную роту № 9, где содержались только чекисты. На Соловках ее называли «ЛЯГОВОЙ РОТОЙ».

ОТД. № 10 КОП.

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

НОВЫЕ СОЛОВАКИ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА,
ОРГАН СОЛОВЕЦКОЙ ЯЧЕЙКИ РИП (6) и
УПРАВЛЕНИЯ СОЛОВЕЦКИМИ ЛАГЕРЯМИ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ ОГПУ.
ГОД ИЗДАНИЯ 1-й

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1925 ГОД:
на 1 месяц 10 к. Тариф на объявление:
на 3 месяца 1 р. 20 к. | 1 стр. первая строка текста 10 к.
Адрес редакции: остр. Соловки на Балтийском море, через Кемь, Касельской Пескубичи
Управл. Соловецк. Лагерьми Особ. Назнач. ОГПУ. Телефон № 22.
Приним. от 10 ч. до 4 ч. д. и от 8 до 10 в.

№ 23

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 7-го ИЮНЯ 1925 года.

№ 23.

1923

7 ИЮНЯ

1925.

Начальник Управления Соловецкой Ячейки РИП
НИЦШ Н. П.

Член Коллегии ОГПУ
БОНИН Г. И.

Заместитель начальника Соловецкой Ячейки РИП
ЗИХМАНС Ф. И.

Юбилейная газета «Новые Соловки», посвященная 2-й годовщине прибытия первой партии заключенных САОНа, с портретами освободителей лагерей. Все они позже были репрессированы

Из поэмы «Кандалыный звон»

Раннее утро. Чуть тронулась тьма
Верно, оттепель: остров окутала мгла.
Лишь на юго-востоке, как раз за Кремлем
Край небес заалел, будто дымным огнем.

И неясно встают из земли
Колокольни и башни кремлевской стены.
Это явь или сон, лишь в предутренний час
Воскресивший на миг то, что было до нас?

Уж не Китеж ли град, невидимый для смертных очей
Зримым стал сквозь туман этих зимних ночей.
Нет! То лагерь УСЛОНа! Пункт «Кремль — Соловки».
Мы шагаем по склону. Ведут нас стрелки.

О. Яфа
2-3 декабря 1930 года

Ногтев А.П. (1892—1947). Начальник Управления СЛОН ОГПУ в 1923—1924 гг. и в 1929—1930 гг. С декабря 1924 по май 1929 — начальник 3-го Спецотдела ОГПУ. В 1938 году осужден на пятнадцать лет лагерей. Умер после освобождения по амнистии, не успев прописаться в Москве

Из журнала СЛОН №4, 1924 года

В Кемском пересыльном лагере в ожидании отправки на «тайштенный» остров, все мы, конечно, интересовались, что нас ждет там, где предстоит жить годы. Слухов, разумеется, ходило много. Одни уверяли, что на Соловках неимоверные строгости: расстрелы, каменные мешки, где волосы заключенных примерзают к стене зимой, выставление голыми «на комаров» летом и тому подобные страсти. Другие, напротив, говорили, что в Соловках вежливое обращение с заключенными, хорошая пища в достаточном количестве, прекрасные теплые помещения, неутомительный труд. Причем ВСЕ в один голос хвалили нынешнее начальство, награждая его эпитетами «строгое», но, добавляя, справедливое, относя всякие ужасы к безвозвратному прошлому

Из воспоминаний В. Кичкаса

Всего шестьдесят четыре километра отделяют Соловки от материка с его скалистыми берегами, а какой поразительный контраст: берега острова покрыты яркой зеленой травой и густым лесом. Слева, в порту, виднеется белое здание УСЛОН — Управления Соловецкими лагерями Особого Назначения, а прямо навстречу пароходу надвигается кремлевская стена старинного Соловецкого монастыря. За ней в лучах утреннего солнца белели обезглавленные соборы и многоэтажные жилые дома. Легкие белые облака и тучи чаек дополняли эту спокойно-величественную картину.

Берега Гавани Благополучия. Гу-у-уу! Протяжно зашел фабричный гудок. И снова тишина.

Из еще заметного прохода в кремлевской стене вышли черные монахи, постояли, посмотрели на приближающийся пароход, печально покачали кабуками и медленно, гуськом пошли вдоль берега. Было удивительно в конце двадцатых годов видеть настоящих монахов.

Много чему пришлось удивляться здесь на первых порах, например тому, что все начальство внутренней охраны состояло только из «бывших людей» и крупных уголовников: жестокий с подвластными князь Волконский, князь Н. Оболенский, капитан личного императорского конвоя Эрдеми, а рядом сидит осетин Жатов, одесский бандит Буйвол и многие другие...

Из воспоминаний Б. Ширяева

— Выходи по одному с вещами! Не толпись у сходней! Стройся в две шеренги!

Толчея на причале. Наконец построены, хотя вместо шеренги причудливо извиваются какие-то зигзаги.

Приемка начинается. Перед рядами пополнения появляется начальник, вернее владыка острова, — товарищ Ногтев. Этому человеку в течение всего первого года нашего пребывания на Соловках предстояло играть особую, исключительную роль в жизни каждого из нас. От него, вернее от изломов его то похмельной, то пьяной психостенической фантазии, зависел не только каждый шаг наш, но и сама жизнь. Но тогда, в первые дни по прибытии на остров, мы не знали этого. Он, как и его помощник Вась-

ков*, были для нас просто чекистами, одними из многих, в лапах которых мы уже побывали и принуждены будем оставаться еще долгие годы.

— Здорово, грачи! — приветствует нас начальство. Оно, видно, в сильном подпитии и настроено иронически — благодушно. Руки Ногтева засунуты в карманы фрагтовской куртки из тюленьей кожи — высший соловецкий шик, как мы узнали потом. Фуражка надвинута на глаза.

Некоторое время он скептически озирает берега Гавани Благополучия и наш сомнительный строй, перекачивается с носков на пятки, потом начинает приветственную речь.

— Вот, надо вам знать, что у нас власть не советская (пауза, в рядах — изумление), а Соловецкая! (Эта формула теперь широко растекалась по

* Васильков Р. И. — на Соловках — 1924—1929 гг. Был откомандирован в СЕВААГ, а оттуда переведен Начальником Управления Северо-Восточными лагерями, затем возглавлял тюрьмы Красноярского края. В 1937 году — расстрелян.

всем лагерям.) То-то. Обо всех законах надо теперь позабыть! У нас — свой закон! — Далее дается пояснение этого закона в выражениях мало понятных, но очень нецензурных, не обещающих нам, однако, ничего приятного...

Приветствие окончено. Наступает деловая часть — приемка партии. Ногтев вразвалку отходит к концу пристани и исчезает за дверью сторожевой будки, из окна которой тотчас же показывается его голова.

Перед нами теперь стоит начальник административной части Соловецких лагерей Осо-

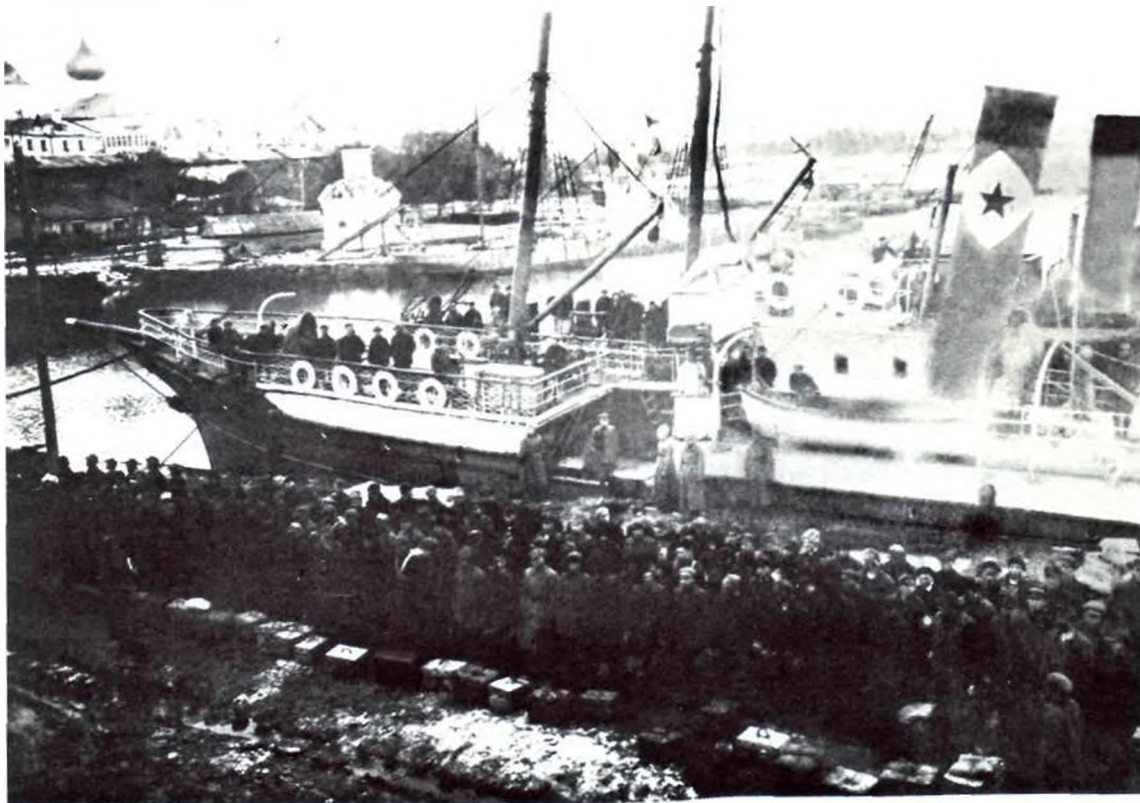
бого Назначения Васьков, человек-горилла, без дба и щен, с огромной, давно небритой челюстью и отвисшей губой. Эта горилла жирна — жирна, как боров. В руках Васькова списки, по которым он вызывает заключенных, оглядывает их и ставит какие-то пометки.

Сначала идет перекаличка духовенства. Вызванные проходят мимо Васькова, потом мимо выглядывающего из будки Ногтева и сбиваются в кучу за пристанью.

Наблюдение за проходом духовенства, видимо, доставляет Ногтеву большое удовольствие.

Морские врата Соловецких лагерей ОГПУ — бухта Благополучия

Было ли страшно? Страшнее урагана немецкой ирапнели? Страшнее резки проволоки под пулеметным дождем? Был не только страх смерти, но отвращение, ужас перед гнусностью этой смерти от руки полу-пьяного палача, смерти безвестной, жалкой, собачьей... Ощущение бессилия, пораженности, плена ни на секунду не покидало глубин сознания и делало этот страх нестерпимым...

Б.Ширяев

— Какой срок? — спрашивает он седого как лунь епископа, с большим трудом ковляющего против ветра, пугаясь в полах рясы.

— Десять лет.

— Смотри, доживай, не помри досрочно! А то советская власть из рая за бороду вытянет!

Подсчет духовенства закончен. Наступает очередь каэров.

— Даллер!

Генерального штаба полковник Даллер размеренным броском закидывает мешок за плечо и столь же размеренным четким шагом идет к будке Ногтева. Вероятно, так же спокойно и вместе с тем сдержанно и уверенно входил он прежде в кабинет военного министра. Он доходит почти до окна и вдруг падает ничком. Мешок откатывается в одну сторону, серая баранковая папаха, на которой еще видны следы спорных гаунов, — в другую.

Выстрела мы не услышали и поняли происшедшее, лишь увидев карабин в руках Ногтева. Два стоявших за будкой ипаненка, очевидно,

заранее подготовленных, подбежали и потащили тело за ноги. Лысая голова Даллера подирывала на замерзших кочках дороги. Труп оттащили за будку, один из ипанянт выбежал снова, подобрал мешок, шапку отряхнул о колени и, воровато оглянувшись, сунул в карман.

Переключка продолжалась...

Дуло карабина продолжало торчать из окна...

— Следующий! — Меня...

Между мною и им какая-то незримая, но неразрывная связь. Я не могу оторвать глаз от ствола и держащей его волосатой красной руки с толстым указательным пальцем, лежащем на спуске. Эту руку я рассмотрел тогда до малейшей складки на стисках коротких пальцев, до рыжеватого пуха, уходящего под обшлага тюленьей куртки. Ее я не забуду всю жизнь.

Было ли страшно? Страшнее урагана немецкой ирапнели? Страшнее резки проволоки под пулеметным дождем? Был не только страх смерти, но отвращение, ужас перед гнусностью этой смерти от руки полу-пьяного палача, смерти без-

вестной, жалкой, собачьей... Ощущение бессимия, поработченности, плена ни на секунду не покидало глубин сознания и делало этот страх нестерпимым. Но конечно! Я жив! Я не знаю, что будет завтра, через час, но сейчас я жив...

Больше выстрелов не было. Позже мы узнали, что то же самое происходило на приемах почти каждой партии. Ногтев лично убивал одного или двух прибывших, по собственному выбору. Он делал это не в силу личной жестокости,

нет, он бывал скорее добродушен во хмелю. Но этими выстрелами он стремился разом нагнать страх на новопривывших, внедрить в них сознание полной бесправности, безвыходности, пресечь в корне возможность попытки протеста, сковать их волю, установить автоматическое подчинение «закону соловецкому».

Чаще он убивал офицеров, но случалось погибать и священникам, и уголовникам, случайно привлечшим чем-нибудь его внимание...

Журнал «СЛОН».
Орган Воспитательно-Трудового отдела Управления лагерями
№ 4, 1924

В субботу, 7 июня, в 2 часа дня было устроено в Культе²³ общее собрание заключенных, посвященное первой годовщине Солагерей.

На трибуне группа заключенных, приехавших с первой партией.

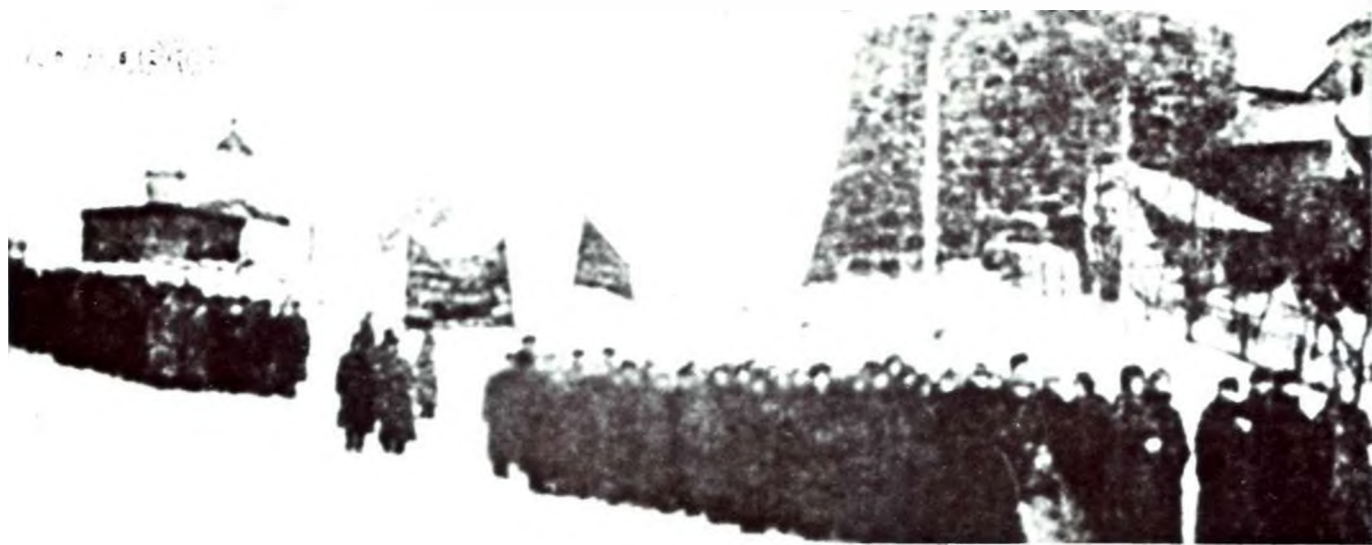
...От имени команды внутреннего Надзора слово берет заключенный тов. Климов:

— Команда Надзора несет охрану лагеря. Ввиду небольших финансовых ресурсов приходится команду вербовать исключительно из заключенных. Работа охраны лагеря исключительно важная. Конечно, могут быть некоторые упущения и злоупотребления со стороны надзирающего персонала. Но это надо изгонять.

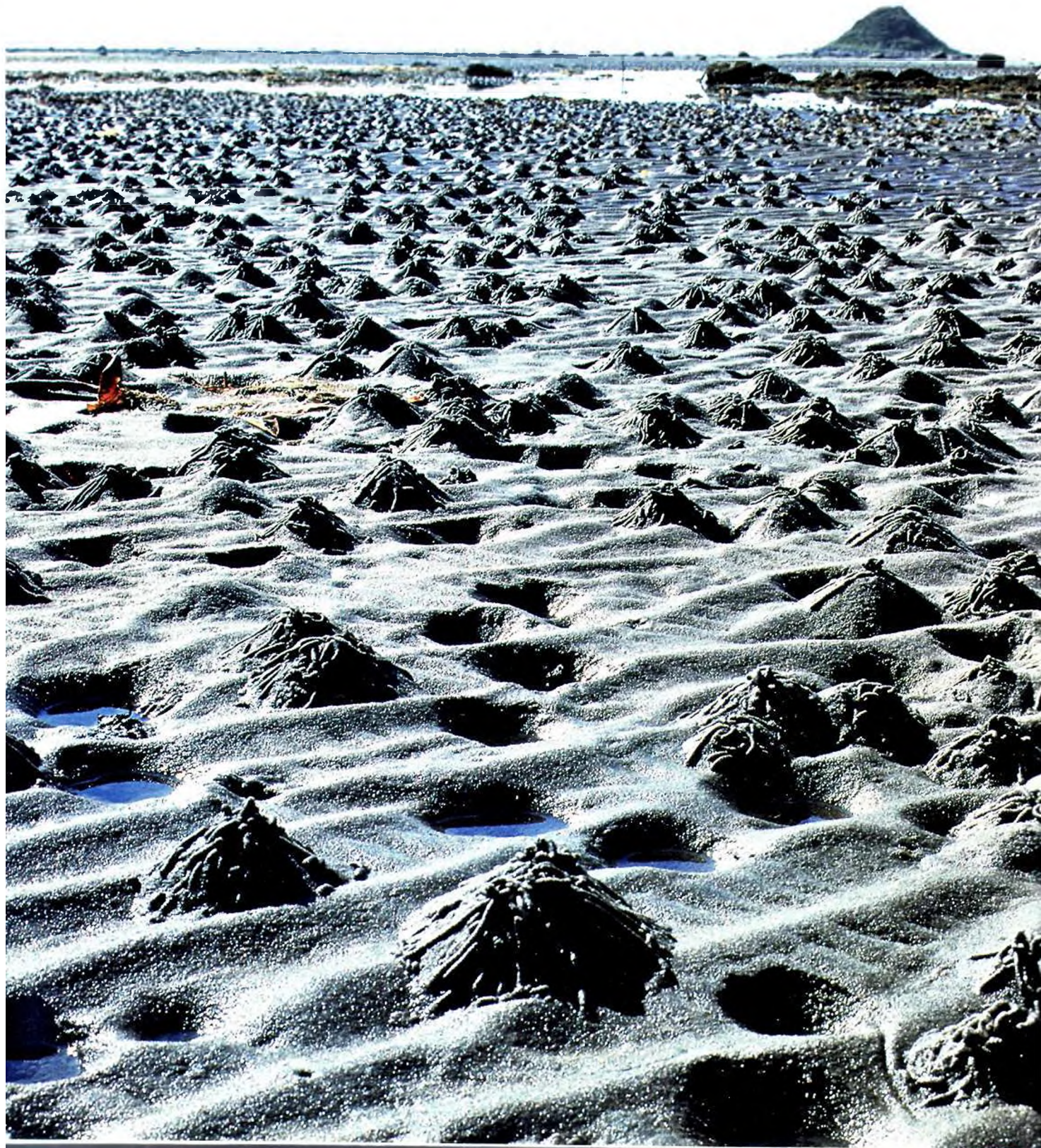
РЕЗОЛЮЦИЯ,

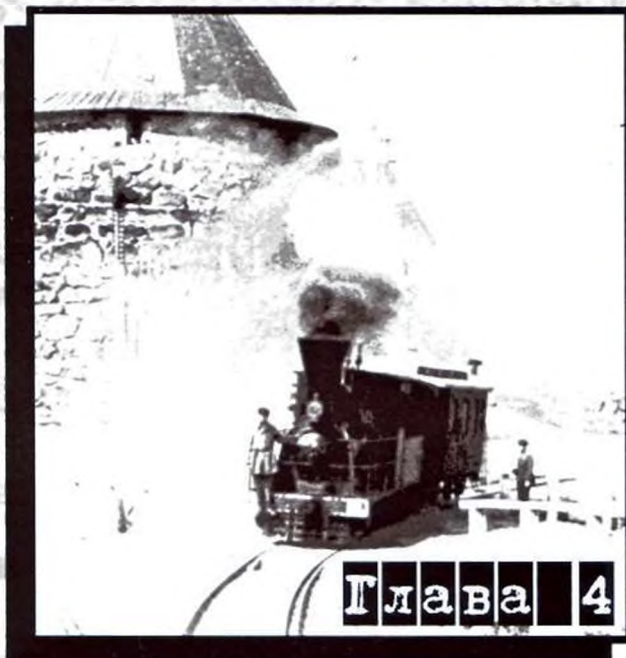
принятая на общем собрании соловецких заключенных 7 июня 1924 года

Мы приветствуем действия лагерной администрации и надеемся, что в лагере окончательно установится строгий и отчетливый воспитательно-трудо-вой режим, проведению которого мы будем всемерно способствовать...

Демонстрация заключенных 7 ноября 1925 года.
Почтовая карточка издательства Управления Соловецкими лагерями Особого Назначения ОГПУ

Поиски жанра

В первые годы первой советской каторги ГПУ еще не уяснило себе экономических выгод широкого применения рабского труда. Система концлагерей зародилась здесь же, на Соловках, но несколько позже. Тогда же Соловки были просто каторгой с жесточайшим режимом, царством полного произвола, бойней, в которой добывались последние являвшие и многие возможные враги советизма, а также свалкой для нетерпимого в столицах уголовного элемента.

Непосильный для большинства двенадцатичасовой тяжелой труд был лишь методом массового убийства, но не служил еще целям эксплуатации и коммерческой выгоды.

Все вновь прибывшие проходили сначала общие работы: лесозаготовки, торф, вязку плотов. Норма выработки: срубить, очистить от сучьев и вытащить на дорогу десять деревьев в день, выполнялась немногими, сильнейшими. Невыполнение нормы иногда сходило с рук, но чаще всего влекло за собой задержку в лесу на морозе на несколько часов, а то и на всю ночь. Многие замерзали. Замерзали и в старой монастырской голубятне, куда за отказ от работы запирали на морозе в одном белье. Летом, за то же преступ-

Центром Соловецких лагерей является поселок под названием Кремль. Это комплекс бывших монастырских строений, окруженных валунами стенами. Колокольни, церкви, соборы, кельи монахов — все используется для жилья.

Ф. Олехнович

Из воспоминаний Б. Ширяева

ление, ставили «на комарники»: привязывали голыми на почь в лесу, где комаров — «гноса» носились тучи. За преступления против дисциплины и лагерных правил полагалась Секирка.

Капля воды отражает в себе океан. Соловки отражали в себе все основные черты тогдашней жизни Советского Союза, население которого болезненно отрывалось от старого уклада, еще только приспособляясь к новым уродливым формам.

На Соловках было тесно, и поэтому борьба за жизнь была особенно обострена. Было холодно и голодно — трения, укусы, уколы, неразрывные в быту с этой борьбой, ощущались особенно болезненно.

Темпы новых советских бытовых форм на Соловках даже обгоняли союзные: тюремная замкнутость, безграничный производ, полное презрение к человеческой личности и ее правам, постоянная беспредельная аживость, вездесущий, всемогущий «блат», узаконенное мошенничество всех видов, хамство, перманентный голод, грязь, болезни, непосильный принудительный труд — все это доводилось до пределов возможного.

Из воспоминаний О. Волкова

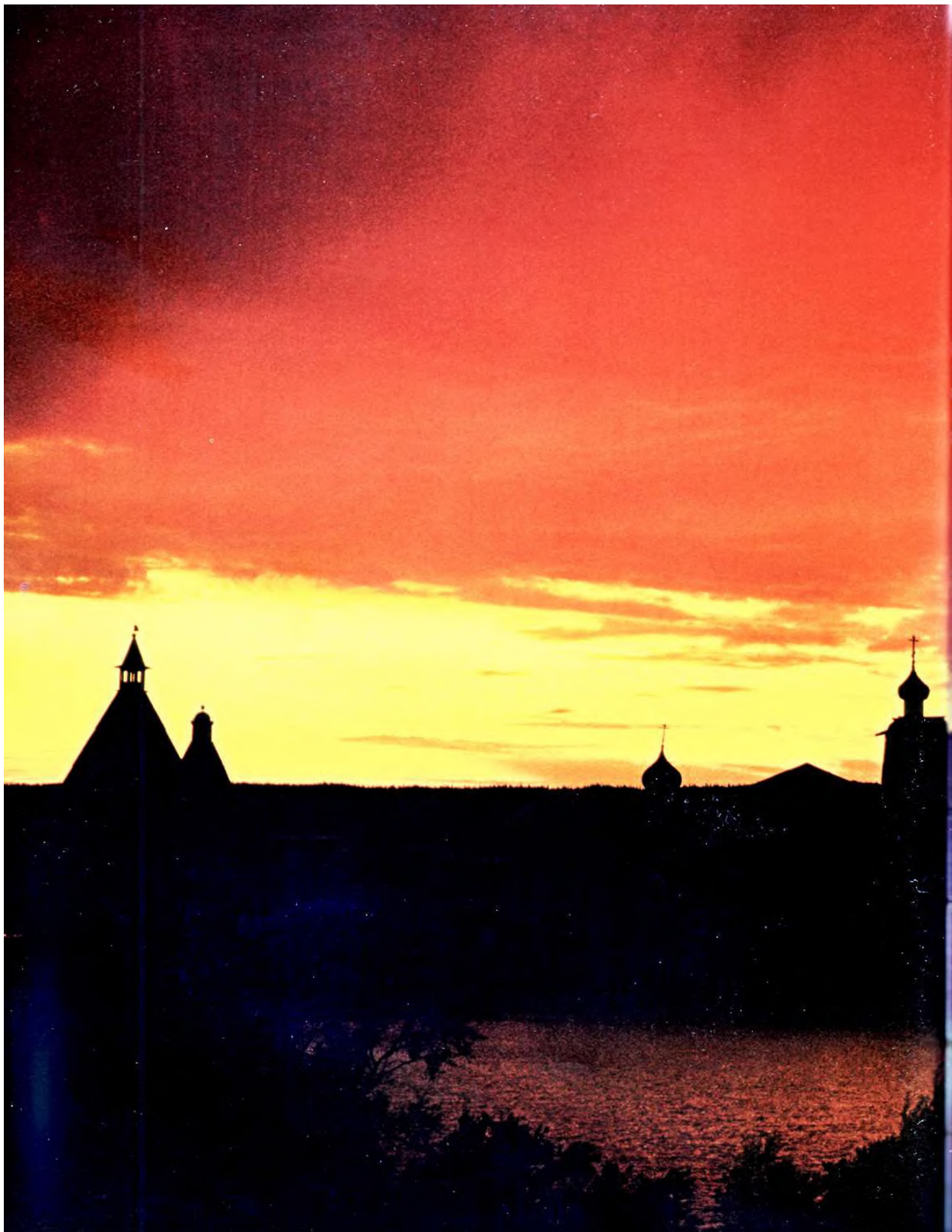
Вдоль берега Святого озера подымались суровые силуэты башен монастыря. Грозные и насушенные, они высились над озером в сером тусклом небе, словно с тем, чтобы каменной своей неподвижностью напомнить людям, ничтожным, конопачимся у их подножия, о нависшем над ними роке...

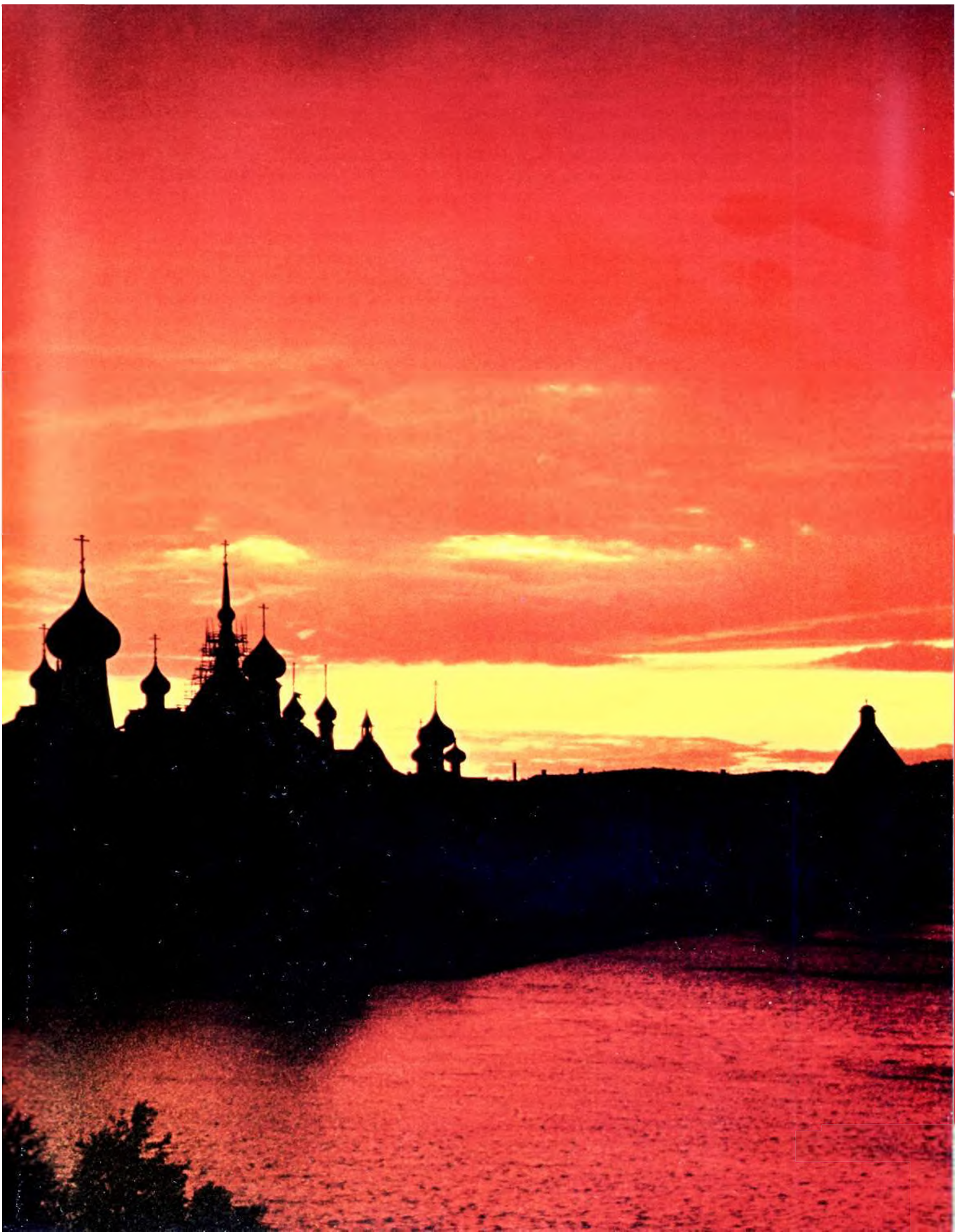
Мнилось: не сизые клубы холодных морских туманов застыли четкие очертания башен и колоколни, а испарения скопища припавших людей, зловонное облако ругани и богохульств, кровавая изморозь, оседающая на холодных валунах... Каторга стерла признаки святой обители.

*Остров, где не цветут лианы,
Остров — фишии грозовой сети,
Где обрубки сосны — баланы
Мозолями пятнают плечи*

Борис Емельянов
«Соловецкие острова», № 1, 1926

Мы прибыли на Соловецкий остров, не имея пока о нем никакого понятия, даже не зная, что он называется Островом Слез, и после нудной процедуры приема и обыска, как это делается по всем тюрьмам, после мытья в бане, наконец, были водворены в Тринадцатую карантинную роту.

Шагая из бани под сводами перекрытий древней Соловецкой обители, мы ничего не могли разобрать в этом каменном хаосе средневековой крепости, сложенной из громадных валунов. Только уже поднявшись по широкой каменной лестнице, я понял: мы попали, как о том свидетельствует подзакрашенная надпись у входа, в огромный Преображенский собор. Проходим возвышением над полом, по видимому солею, и попадаем в комнату с нарами и окном во двор обители.

Наша камера вместила семьдесят человек. Лежим на нарах, молчим. Жутко вест от мертвого молчания семидесяти человек, оглушенных приемом в Кеми, переездом в парходном трюме, набитом людьми до отказа, подавленной обстановкой соловецкого дня. Вероятно, перед каждым встал вопрос о собственной гибели. Передо мной, по крайней мере он встал

На поверку и разрядку на работы вывели в помещении вокруг Преображенского собора... Помню пересчет в Тринадцатой роте. Последний кричал: «В строю сто восемьдесят второй! Счит по десяти!». То есть в роте было 1820 человек. Потом стало больше, когда надстроили третий этаж нар.

Д. Анхачев

во всей своей неизбежности: выпести зверские истязания, подобные кемским, я чувствовал себя не в состоянии. А чекисты не скрывали нашего вероятного будущего — остаться здесь навек в болотных трясилах. Слова и снова вспомнил я тысячи возможностей скрыться от ГПУ, мною не использованных, но от этих воспоминаний еще тоскливее на душе.

Дневальный у двери прозевал неожиданное появление ротного командира и вместо команды «Внимание», провизжал высоким фальцетом: — Встать! Смирно!

Все вскочили и замерли. Ротный Чернявский (из заключенных), ни на кого не глядя, пробежал по проходу между нарами мимо нас, неподвижных, и остановился у окна.

— Сейчас пойдете на общую поверку, — начал он глухим, надтреснутым голосом, — помните: здесь Соловки и вы сюда приехали не на дачу. Стоять тихо и на переключке отвечать по правилам. Когда придет дежурный стрелок, отвечать на приветствие дружно, иначе придется вам кое с чем познакомиться. После поверки пойдете на ночную работу.

— Но мы и пронаую ночь не спали, — осмелился возразить инженер Зорин. Чернявский даже позеленел от злости. Остановившись на мгновение, пораженный дерзостью, он подступил к Зорину и зашипел:

— Не прикажете ли поставить вам здесь отдельную кроватку? Я из вас повыгошю сон, будьте уверены! Вы воображаете — пожаловали сюда на курорт? Жестоко ошибаетесь! Ваша жизнь кончена! Понимаете? Кончена! — Он уже бежал взад и вперед вдоль камеры со сжатыми кулаками и ора:

— Это вас в тюрьмах распустили. Возражать?! Беспорядок?! Я из вас выблю тюремные замашки! Запомните раз навсегда: вы не имеете права разговаривать с Надзором и охраной. Никаких вопросов! Никаких разговоров! — Вы на Соловках! Чернявский выбежал. Несколько минут спустя вошел один из его помощников, выстроил нас и вывел на поверку в самый собор. В роте было около трех тысяч человек. Только нашим этапом прибыло полтораста. Вместе с нами прибыли сектанты «имяславцы» и мусавитисты из Баку. Два с лишним часа заняли построение, счет, переключка. Наконец, все готово. Вот и сигнальный гудок с электростанции. Входит дежурный красноармеец,

принимает рапорт ротного, подходит к строю:

— Здравствуй, Тринадцатая!

— Здра!— гудит в ответ. Дежурный берет у ротного рапорт и уходит.

Мы уже не вернулись больше в камеру. Наш этап всю ночь работал по уборке Кремля: перетаскивали всякий железный хлам и бревна на другое место, мели и чистили мощенную камнем внутренность крепости. А на завтра и послезавтра опять перетаскивали бревна и всякий

В Преображенском соборе остались незабеленными настенные росписи, хотя в его пределах располагалась Тринадцатая рота с высокими перегородками, нарами и устрессной в алтаре уборной.

Двухэтажные нары, узкий проход, грязь и вонь. Занимали места с боем. Ноги сбисали — под головой мешки и чемоданы. Жались один к другому, но все равно не хватало всем места. Тогда дневальные бредли перевертуться на бок, коленями сжимали каждый пятку и между ними вдавливали локти... Разместили. Приказали спать и не охать.

— Дядя, дядя, что с вами? Вы плачете — болит? А может, страшно стало?

— Стыдно. Себя, стыдно стало, что я человеком родился. С тварью так не обращаются, а бедь мы все же люди... понимаешь, дорогой, — человек...

— С правого бока на левый перевертывайся! Живо!

В. Кивкас

В 1928 году центром лагерного творчества являлись Соловецкие лагеря Особого Назначения ОГПУ или в сокращении СЛОН¹. Управление как Соловецким лагерем, так и его филиалами находилось в Соловках и в сокращении называлось УСЛОН. Лагерь имел воинское устройство и делился на роты и взводы с соответствующими командирами. Во главе всего — старостат, управляемый лагерным старостой. Эта начальственная лестница назначалась из заключенных, преимущественно из отбывающих сроки штрафных чекистов, милиционеров и других лиц, близких ГПУ.

Первое Отделение лагерей, расположенное в Кремле, состояло из пятнадцати рот, населенных по лагерному «классовому принципу».

Первая рота. Заключенные из верхов лагерной администрации: старостат, завья разных соловецких предприятий, помощники этих завов.

Вторая рота. Специалисты на ответственных должностях, лица свободных профессий, используемые по прямому назначению.

хлам на прежнее место. Это одна из самых возмутительных и раздражающих особенностей соловецкой каторжной системы: если нет настоящей работы, все равно не оставлять руки праздными, занимать людей хоть водооточением в ступе — лишь бы «не баловать отдыхом».

Только к утру, всего за два часа до утренней проверки, добрались мы к своим нарам в соборе. Я как повамился, так и заснул сном, более похожим на обмороч.

Третья рота. Чекисты высокой марки, служащие ИСО.

Четвертая рота. Музыканты Соловецкого оркестра.

Пятая рота. Пожарники Соловецкой пожарной дружины.

Шестая сторожевая рота. Населена почти исключительно лицами из духовенства, работающими сторожами на соловецких предприятиях.

Седьмая рота. Медицинский персонал (частью помещается еще и в десятой роте).

Восьмая рота. Отпетая пишана, «леопарды».

Девятая рота. Рядовые чекисты.

Десятая рота. Канцелярские работники и некоторые спецья.

Одиннадцатая рота Отрицательного элемента — карцер.

Двенадцатая рабочая рота. Рабочие на физических «общих» работах.

Тринадцатая карантинная рота. Сюда попадают все прибывающие на Соловки. Двенадцатая и Тринадцатая роты являются «дном» лагеря.

Четырнадцатая – запретная рота. Запретники – заключенные, находящиеся под особым наблюдением, работающие только в стенах Кремля.

Пятнадцатая рота. Мастеровые.

Шестнадцатой ротой соловецкие шутники называют кладбище.

Кроме этих пятнадцати кремлевских рот, было еще несколько рот, расположенных за Кремлем в его непосредственной близости. Отдельные лагеря в более отдаленных частях Соловков имели свои роты.

Каждой соловецкой роте был присвоен особый классовый режим. Так, Первая, Вторая, Третья, Девятая роты имели вид приличных гостиниц; в светлых кельях жили всего по два, по три человека, спали на прекрасных постелях, питались в особой столовой, имели право свободного хождения по всему острову, не утруждались поверками. Напротив, Двенадцатая рабочая рота помещалась в келарской Успенского собора, на трехэтажных обших нарах, питалась из общего котла отвратительной пищей «хлебвом» из вопочей трески. Заключенный Двенадцатой роты мог свободно выходить только в уборную, не получая на руки пропуска, работал «без часов», то есть пока велят, до полного изнеможения, и лицен был права обращаться с разговором к начальнику, какого бы то ни было ранга.

Меня научили подкладывать в фуражку что-нибудь мягкое. При выходе из роты на наружном крыльце часто образовывались людские пробки: заключенных было много, а выход один. Тогда два охранника в фуражках с черными околышами пускали в ход «дровы» – палки, которыми били нас по головам, чтобы быстрее двигались.

А. Ахисов

Между двумя такими крайностями в остальных ротах заключенные получали большие или меньшие льготы в зависимости от умения обзавестись «блатом», то есть приобрести расположение и покровительство какого-либо начальника. «Блат» в Соловках – самая великая, спасительная сила; без «блата» существование там невозможно. Всякое начальство в Соловках, хотя бы и из заключенных, облачено деспотическими полномочиями. При желании оно способно стереть заключенного в порошок.

Угодив в рабочую роту, человек падал на дно лагерной жизни, обращался в бесправную рабочую скотину: работай до истощения и нет тебе отдыха. Только счастливцев со «Сведением» – свидетельством о специальном рабочем назначении – мог пойти в Соловецкий театр, в библиотеку, даже к приятелю в другую роту.

Мечтой каждого свежего соловчанина было, прежде всего, выбраться из ада карантинной, затем, из общей роты, а верхом счастья считалось попасть на работы или на житье «за Кремль», то есть в одну из трех рот, расположенных вне стен крепости: в сводную роту рабочих, обслуживавших сельскохозяйственные фермы, – «СЕЛЬХОЗ», а также в роту электриков или роту железнодорожников, которые помещались в бараках на юго-востоке от Кремля и образовывали «Рабочий Городок».

План размещения заключенных на территории Кремля (1925 год), выполненный заключенным Соловецких лагерей Особого Назначения генерал-майором русской армии, героем Первой мировой войны Иваном Зайцевым после его побега из северной ссылки за границу с пометкой: «Чтобы не омрачать чувства верующих, святые места бывшей обители не поименовывались»

Очень трудно дать точную оценку или сделать тщательный анализ той категории заключенных, к которой относятся контрреволюционеры. На Соловках их довольно много — около трех тысяч. Они включают в себя разнородные элементы, так что дать определение всей контрреволюционной массе весьма непросто. Среди них в лагерях Особого Назначения множество представителей гуманитарных профессий, адвокатов, литераторов, учителей, врачей, инженеров. Имеется немалое количество крестьян, рабочих, ремесленников, мелких служащих. Довольно хорошо представлены донские, кубанские, сибирские казаки и народы Кавказа. Из

Соловецкий кремль. 1929 год. Почтовая карточка издательства Управления САОН

Основную массу соловецких каторжан первые годы составляли «казэры», осужденные по подозрению в контрреволюции, а рамки этого понятия были расширены до безграничности. Наиболее определенными группами «казэров» были офицерство (как белое, так и принявшее революцию) и духовенство. Но, кроме них, в этот разряд попадали самые разнообразные лица: камергеры Двора и тамбовские мужики, заподозренные в помощи повстанцам; директора крупных фабрик и кавказские мстители-кровники; фрейлины и проститутки; юнцы, осмелившиеся танцевать запрещенный фокстрот; лицеисты, собравшиеся в свой день традиционной годовщины; китайцы-разносчики, матросы-анархисты, отставные генералы и их денщики; профессора, финансисты, валютчики; вернувшиеся из эмиграции сменовеховцы; заблудившиеся в РСФСР иностранцы... кого только не было.

нерусских, являющихся советскими подданными, наиболее многочисленны на Соловках эстонцы, поляки, карелы (многие вернулись из-за границы, поверив в амнистию) и евреи. Последние преимущественно прибывают на Соловки целыми семьями за причастность к сионизму и за экономическую контрреволюцию, под которой ГПУ подразумевает все, что ему заблагорассудится.

Много иностранцев, большие группы офицеров старой и новой армии, деловые люди дореволюционной России и советские нэпманы, видные представители старого режима — бюрократия и аристократия, а также духовенство.

Лагерь — это кривое зеркало советского общества и, как ни странно, римского общества начала нашей эры. Здесь была своего рода аристократия — патриции, то есть вельможаемая администрация — тишине рабочие владельцы. Сословие всадников — это востановленная охрана. Дальше — плебей-заключенные, которые работали в лагере. По терминологии урок — «придурки». Основная масса заключенных — белые рабы, или, по-лагерному, «работяги». Люмпен-прелестарчат — это урки. Наконец, для полной аналогии, имелись и вельможаотщущенные. Это заключенные, окончив свой срок, были оставлены, а чаще просто задержаны для работы в лагере.

Н. Жилов

Из воспоминаний Б. Ширяева

На Соловках того времени гораздо труднее было найти человека, знающего конкретно предъявленные ему обвинения, хотя бы илюзорные, чем абсолютно не представляющего — за что же, собственно говоря, он сослан...

И следовательно, и подследственный были вполне уверены как в полной вздорности обвинения, так и в неизбежности репрессии. Поэтому было совершенно достаточно выяснить личность «бывшего» да узнать десять фамилий его знакомых, чтобы сострять «дело». Человек получал сообщение Прокуратуры о привлечении его по таким-то статьям, а потом — столь же краткий, содержащий лишь номера статей, приговор «заочного внесудебного решения Коллегии» или «Особого совещания» и он оказывался в Соловках, где, по словам песни:

...попы, шпана, каэры доживают век.

Тут статья на всех найдется. Был бы человек!

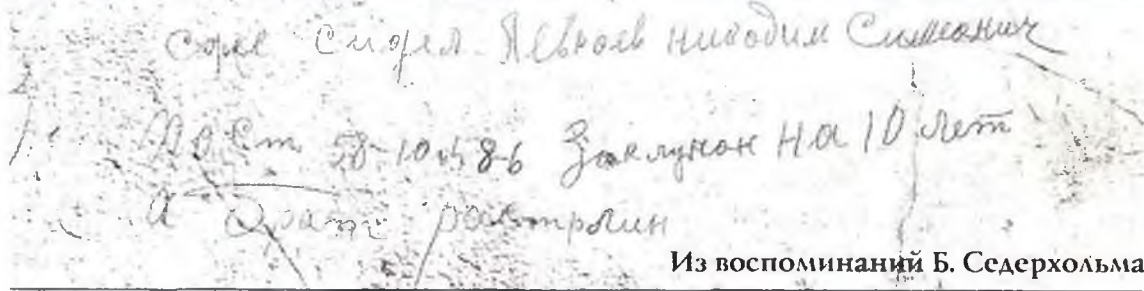

В самом худшем положении на Соловках находятся контрреволюционеры. Они вне закона... Все их проступки караются большей частью расстрелом. Бежит уголовник — прибавят год, два; контрреволюционер — верный расстрел. Неисполнение приказаний — расстрел. Рот у них закрыт. Болтнешь что-нибудь — прибавят срок. Вот почему многие идут на компромиссы. И винить их трудно. К этой категории принадлежат обвиняемые в различных контрреволюционных действиях, заговорах, по церковным делам, разные повстанцы, «шпионы», «политические бандиты», их пособники и укрыватели. Сюда входит духовенство, бывшее белое офицерство, казаки, главным образом кубанские и

терские, кавказские народы: черкесы, осетины, грузины и другие. Много среди контрреволюционеров и возвращенцев из-за границы разных сроков. На мой взгляд, людей, действительно совершивших преступления, подходящих под одно из тех обвинений, которое им предъявляют, то есть, короче говоря, преступников, на Соловках нет. Всякого, сколько-нибудь активно участвующего в каком-нибудь контрреволюционном заговоре или действии, организатора восстания, шпиона, политического бандита, советская власть расстреливает. Другого наказания нет.

Поэтому почти все, кто попадает на Соловки, — все это второстепенные роли. И большей частью по вымышленным, сфабрикованным делам.

Из воспоминаний Б. Седерхольма

Среди заключенных более половины, то есть около четырех тысяч человек, совершенно не имеют не только денег, но даже самой необходимой одежды. Большинство из них умирает на второй год пребывания в лагере от простуды, цинги, сумасшествия и расстрела, когда под влиянием полного отчаяния эти обезумевшие от страданий люди пытаются наивно протестовать. Основной контингент состоит из крестьян, рабочих да случайных уголовных преступников, ниоткуда не получающих помощи.

Около двух-трех тысяч узников из образованного класса выдерживают заключение несколько дольше, так как их близкие посылают ежемесячно десять—пятнадцать рублей, добытых потом и кровью. На эту сумму можно существовать в лагере впроголодь, покупая лишь такие продукты, как сало, картофель, хлеб, лук и иногда сахар и чай.

Около тысячи человек живут вполне сытно — это всевозможные эспманы, а также попавшие в лагерь за спекуляцию, контрабанду, взятки и разные должностные преступления. Они имеют возможность проживать в месяц по пятьдесят рублей и выше. Прекрасно обставлены заключенные чекисты, хотя официально они не полу-

чают никакого жалования, но им отпускается так называемый «Особый паек» и обмундирование, их помещают в особые, вполне комфортабельные помещения. Как ни странно, но в конечном итоге хуже всего живется на Соловках представителям рабочего и крестьянского классов, смертность среди них значительно выше, чем среди других групп заключенных.

Образованные люди страдают невыносимо первые два—три месяца «морального карантина». За это время все больные и старики обычно умирают. Выдержавшие ад карантина постепенно устраиваются на работы сообразно своей специальности, даже на ответственные технические и хозяйственные должности. Разумеется, это не дает никакого материального улучшения, но зато избавляет от тяжелых физических работ и, самое главное, дает возможность жить не в соборах, а в бывших монашеских кельях. Это очень много значит. Можно спать на отдельной койке, можно мыться в закрытом помещении и можно, иногда, погреться возле печки. Но весь лагерь кишит «сексотами». В один прекрасный день «специалиста» снимают с должности и переводят без всякого объяснения причин в одну из сборных рот. Надо все опять начинать сначала.

Рассветный,

Зубов,

Гинтя

Ржевский К.В., Зубов А.В., Гинтя Т. А. — руководящие сотрудники лагерной администрации из заключенных. Совершенно приближенное положение занимали «чекисты», бывшие сотрудники ГПУ. Сидели они за «должностные преступления» — воровство, взятки и так далее. Никто из них не работал. Все они занимали различные командные и административные должности. Из них сформированы войска внутренней охраны, обязанностью которой было конвоирование работающих арестантов.

Ю. Бессонов

Из материалов следственного дела № 885

В Кемперпункте Потемкин сказал: «Нечего заниматься стукачеством. Вы не забываете, что находитесь в Лагере Особого Назначения, и если будете бузить, то я Вас так запряху, что и костей своих не соберете».

Я ему на это ответил: «У нас существует диктатура пролетариата, а произвола не должно быть. Материал о всех замеченных мною злоупотреблениях я давал и буду давать, если же Вы не примите меры, то я буду направлять информацию в Центр». Тогда Потемкин сказал: «Если так, то я Вас направлю в Соловки».

15.12.29 года я был направлен под усиленным конвоем на остров Соловки. Перед отправкой я зашел к Уполномоченному ИСО т. Салмину и стал его просить, чтобы меня не направляли, так как у меня срок два года, но он сказал: «Нам здесь стукачей не нужно, поезжайте в Соловки, там будете стучать». Я заплакал и ушел.

Когда я прибыл на остров Соловки, сразу же с парохода меня посадили в II-ю роту Отрицательного элемента, где я просидел до 23.12.29 года и до сих пор не знаю, за что сидел. Когда я сидел в II-й роте, то написал заявление Начальнику Отделения товарищу Зарину о вызове меня на личные переговоры. Он меня не вызвал, и никакого результата на заявление я не получил.

И.Семинагор

ЗАЯВЛЕНИЕ БЫВШИХ ЧЛЕНОВ ВКП(б)

Мы, бывшие партийцы, будем бесмерно стараться проникнуть во все поры лагерной жизни. Мы знаем, что сейчас, вследствие нашей растлывленности и неорганизованности, активные элементы чуждых нам идеологических групп становятся господами положения во всех, решительно, проявлениях лагерной жизни. Причина этого кроется в том, что на идеологическом фронте заключенных не чувствуется революционного давления сознательных товарищей и внутренней спайки, а вместо этого постепенно отторгается беловардеищина. Нашей основной задачей является вытеснение чуждых нам элементов из широких сфер лагерной жизни. Это требование диктуется нашим политическим направлением.

Журнал «САОН», № 5, 1924

Соловки. Рисунок заключенного Осипа Брама (1925). Лагерный музей.

Четыре роты — с одиннадцатой по «запретную» — это самое дно Соловков, оттуда каждый стремится вырваться на любую работу, но не в лес! С 1924 по 1929 год население этих рот (кроме «запретной») содержалось в наскоро приспособленных, частично пострадавших от пожаров Преображенском, Никольском и Успенском соборах, но не всегда сразу в трех. Сырость, холод, темнота, трехъярусные с 1926 года нары, если и не отнимали совсем жизнь у застрявшего здесь, то вынужденный из соборных рот все же оставлял там заметную часть своего здоровья.

М. Розанов

Из материалов следственного дела № 877

Все прибывшие этапы подвергались обработке. Обработка эта выражалась в том, что с первых же шагов заключенный за всякий свой промах должен познакомиться с кулаком начальства. Прибытие этапа узнавалось по крикам «Здра!», оглашавшим воздух до позднего вечера, а также бессельной работой по переноске снега или песка с одного места на другое. Провинившихся «ставили на камешки» или заставляли бегать по двору.

Через все это я прошел лично. С первых же дней мне стало ясно, что такой режим не является рвением отдельных личностей, а есть целая система, которая проводилась сверху вниз, то есть от лиц, возглавлявших концлагерь, до заключенных, которые вели административную работу. Повторяю, что все делалось в открытую; заключенные из чекистов проводили этот режим в присутствии возглавлявших тогда Кемский лагерь: гражданина Степанова, его заместителя — гражданина Потемкина, помощника — гражданина Кривошеина, начальника Комендатуры — гражданина Бельха, которые как бы благословляли проведение указанного режима, а уж руководство технической стороной лежало на начальстве из заключенных.

Всем казалось нормальным, если начальник комендатуры из Надзора держал «на камешках» по несколько часов только за то, что заключенный вышел из роты после отбоя. Также казалось нормальным, если по распоряжению начальника или де-

журного по лагерю целые роты выдерживались по 1-2 часа, непрерывно крича «Здра!», лишь только потому, что слабо ответили на приветствие. И все то, что казалось с первых дней неправдоподобным, входило в привычку и считалось вполне нормальным.

Начальник Информационно-Следственного Отдела, заключенный Беляков бил не только заключенных вообще, но и, в частности, своих сотрудников. Я получил от него две пощечины только за то, что не согласился с его мнением.

Должен отметить еще и отношение лагерного начальства из заключенных к лицам, которых они подозревали в связях с Информационно-Следственным Отделом. Это отношение было самое отрицательное. Так, Канеп, заподозрив меня в этой связи, вызвал к себе в кабинет, заявил, что ему известно, что я «клегавый» и что, считая меня раньше своим, он теперь будет смотреть на меня иначе. Сделать что-нибудь со мной ему не удалось, так как он был арестован.

Командиром 7-й роты я был назначен в июле месяце 1929 года. Ранее заведенный порядок и режим по принятию мной роты не изменился. Мне было предложено усилить его. В мое время Надзорсостав состоял из бывших советских работников, осужденных за разные преступления. С этим комсоставом почти ежедневно проводились занятия, где ярко подчеркивалось, что комсостав должен стоять отдельно от заключенных и так захрутить дисциплину, чтобы те надолго запомнили концлагерь.

Мое отношение к советским работникам и, в частности, к бывшим сотрудникам ОГПУ могут охарактеризовать многие сотрудники ОГПУ, которых я принимал. Их я, вопреки существующего порядка, избавлял от «Здра!», предоставлял лучшие места и пр...

Из показаний Хоружика Л.М., бывшего сексота органов Разведупра

Чекисты, сосланные на Соловки, проявляют там особую энергию в деле эксплуатации заключенных и морального подавления политических брасов, за что сидят лишь часть срока. Наказанные на десять лет отбывают иногда лишь три года, а осужденные на пять лет, сидят только два и получают освобождение с назначением на ответственную должность по чекистской линии. Вот это и есть ключ к разгадке, почему таккие козламарные ужасы совершаются на Соловках.

И. Зайцев

Секретарь УСЛОИ Продлено по 19... г. Начальник УСЛОИ ОГПУ Секретарь УСЛОИ	СССР О. Г. П. У. УПРАВЛЕНИЕ СОЛОВЕЦКИХ ЛАГЕРЕЙ Особого Назначения 22. <i>Сентября</i> 1929 г. № <i>61</i> о. Соловки на Белом море.	Удостоверение № <i>61</i> Дано тов. <i>Салмина</i> <i>Василию Георгиевичу</i> в том, что он состоит на службе в Управлении СЛОИ ОГПУ в должности <i>Знаменного УСО</i> Основание: Приказ по УСЛОИ ОГПУ за № <i>244</i> от <i>4/6-29</i> § 2.
	1) Согласно § 6 Полож. об. ОГПУ, утвержд. ЦИК СССР от 15/VI-23 г., и п. 4 постановления СТО СССР от 13/VI-27 г., в своих правах и обязанностях приравнивается к лицам, состоящим на действительной военной службе, с распространением всех льгот и преимуществ, установленных для РККА. 2) Сотрудникам отделов ОГПУ присваивается право ношения и хранения всякого рода оружия (основание — приказ ОГПУ 1927 г. № 172). Действительно по <i>21 Декабря</i> 1929 г. Начальник УСЛОИ ОГПУ Секретарь УСЛОИ	

Чекисты, стоящие многочисленными группами, осматривали нас, вновь прибывших, с иронической улыбкой. Особым вниманием пользовались наши дамы, которые робко жалась, тесно скупившись у парходного люка.

— Выходи! Становись во фронт! Ни слова разговоров! Живо! Знакомое щелканье ружейных затворов, конвойные заняли свои места, и по команде мы направились в Кремль, идя между монументальной вековой стеной и рвом.

Входим в ворота, проходим какую-то арку и попадаем на большую площадь, окруженную разными постройками. Первое впечатление — будто мы находимся на толкучем рынке на окраине большого города. Тысячи ужасающих оборванцев, истощенных, грязных, с язвами на лице, со слезящимися глазами. По-видимому, идет развод на работы, так как, пока мы проходили через площадь, толпы людей постепенно выстраиваются во фронт.

По площади разгуливают странного вида птицы, и по временам они кричат резко, пронзительно. О, эти крики полярных чаек! Потом к ним привыкаешь, но первые недели одни лишь крики этих птиц могут свести с ума. Полуразрушенные, опустошенные соборы-казармы, тысячи истощенных оборванных людей с потухшими взглядами, бродящие, как тени, и резкие крики чаек, свободно разгуливающих среди отверженных, измученных заключенных!

Нас привели в самый конец галереи на громадную площадку перед собором. Началась бесконечная регистрация, заполнение всевозможных анкет и осмотр вещей. Около пяти часов вечера все формальности были закончены и нас ввели в собор.

Из воспоминаний Б. Седерхольма

Оборудование Троицкого собора под жилое помещение ограничилось лишь тем, что все изображения святых и вообще вся стенная живопись были на скорую руку закрашены известью и на всей площади собора были устроены деревянные на козлах нары из неструганых досок. В соборе помещалось восемьсот пятьдесят заключенных в странной грязи и тесноте.

Наша Тринадцатая рота была разделена на взводы и отделения под командой чекистов. Я попал в третий взвод, помещавшийся в правом притворе бывшего алтаря. Это была комната такой высоты, что потолок ее исчезал в сумраке испарений. Раньше это помещение было частью алтаря и отделялось от остальной части собора иконостасом. Теперь иконостас снят и вместо него устроена дощатая перегородка, отделившая нас как от алтаря, так и от остальной части собора. Все помещение третьего взвода было длиной метров тридцать и шириной двадцать метров. Вдоль стен на высоте двух метров шли нары из неструганых досок. Наше помещение считалось привилегированным, так как в нашем взводе не было ни одного уголовного преступника. Кроме нар, не было никакой другой мебели, да, впрочем, в этом и не было необходимости, так как в этом помещении мы только спали, а все остальное время были на работе. Тяжелое впечатление производил собор с бесконечными рядами грязных нар, на которых набросаны вороха всякого тряпья. Каменные плиты покрыты толстым слоем грязи, под нарами висят кучи разлагавшегося мусора, опилок и отбросов пищи.

Начальство лагеря ограничилось простыми средствами гигиены: на южной стене собора сажеными буквами написано такое изречение: «Без грамотности и чистоты нет путей к социализму». На северной стене бросается в глаза другая, не менее поучительная надпись: «Труд укрепляет душу и тело». Прямо над алтарем, там, где раньше был написан образ Христа, теперь красовалось изображение Ленина, под которым было выведено славянскими буквами: «Мы новый путь земле укажем. Владыкой мира будет труд!»

Накануне нашего прибытия в Соловецкий лагерь, как раз под нарами в нашем соборе, обнаружили закоченевший труп какого-то заключенного, умершего от истощения.

*Этап у здания Управления СЛОНа. 1928.
Кадр из документального фильма «Соловки»*

В 1928 году все прибывающие проходили «карантин» в Тринадцатой роте не менее трех месяцев.

А. Ахачев

Троицкий собор — Тринадцатая рота. Здесь в тесноте помещалось 850 заключенных.

Б. Седерхольм

Из воспоминаний В. Зотова

Прибывшую партию направляют в Тринадцатую роту обших работ. Тринадцатая! Зловещее число словно намекает на карантинный режим. Заключенных выводят отсюда на работу под конвоем, а по возвращении они должны безвыходно пребывать здесь до следующего утра, когда опять под конвоем поведут на работу. В помещении бывшего собора тесно. По обеим сторонам неширокого прохода поставлены нары в два этажа. Рота делится на четыре взвода по «территориальному принципу».

Нары с одной стороны прохода — первый и второй взвод, с другой — третий и четвертый. В роте много людей, но нет такой духоты, как в карантинной роте Кемперлункта. После барака высокий потолок с непривычки вызывает ощущение какого-то беспокойства.

При дневном освещении чувствуется несоответствие между скученностью на нарах и простором под высоченным потолком. Ночью, при слабом освещении, потолок тонул во мраке, создавал впечатление необъятной огромности помещения. Робкий свет электрической лампочки у входа в роту тщетно боролся с окружающим мраком.

Как полагается, ротой управлял командир роты, и были у него помощники — командиры взводов. Они укрощали строптивых, сгоняли людей с нар, заставляли других потесниться, в случае воровства производили обыск, чинили суд и расправу, словом, всемерно поддерживали дисциплину. Ротный — из бывших жандар-

мов, его фамилия Филиппов. Мужчина-монстр: рослый, суровый, с одутловатым лицом и угрожающим взглядом. Его сильный бас вполне гармонировал с постоянно нахмуренным лицом и огромными жилистыми руками, охотно сжимавшимися в кулаки. Командиры взводов — лихие ребята, черт их побери!

У единственного входа в роту постоянно дежурят двое дневальных. Основная их обязанность — не впускать в роту «чужих» и не выпускать «своих». «Держи и не пушай!» — это первое правило всех «общих рот» Соловецкого лагеря.

Начальство карантинной роты особенно заботилось о том, чтобы доступ в роту и выход из нее ограничить строжайшим образом. Но обстоятельство бытового порядка нарушало систему строгой изоляции заключенных. Дело в том, что в некотором отдалении от входа в роту на свежем воздухе стояла параша.

Ночью доступ к ней был свободный; выскакивали полураздетые, осенняя прохлада быстро загоняла обратно. Днем, когда большинство заключенных находилось на работе, ворота закрывались, и если кому-нибудь из находившихся в роте было необходимо выйти «по нужде», то приходилось убеждать дневального, что причина действительно уважительная.

Не раз случались трагические происшествия. Порядок же был такой: один дневальный оставался в помещении, а второй — конвоировал заключенного к параше и, случалось, палкой загонял обратно в роту.

Лагутин Ефим Дмитриевич (1910–1995), рабочий.
В Соловках – 1927–1928 гг. Арестован «за попытку перехода границы» в возрасте пятнадцати лет. Всего – семнадцать лет лагерей и ссылок

Из воспоминаний Е. Лагутина

Во время ареста третьего декабря 1926 года мне было пятнадцать лет. В Соловки привезли в октябре 1927 года. Тринадцатая рота, первый взвод. Указали место на нарах возле дядки в телушней куртке. Я к нему прижался и уснул, а к утру через разбитые окна на нас наваяло слой снега. Так было в той проклятой роте...

После карантина нас гоняли на строительстве Рабочего Городка таскать на чердаки торф, потом мы демонтировали пилораму, возле церкви. Рядом были четыре огромные ямы, метра три на три или даже больше, четыре на четыре. Туда рядами складывали мертвых без всякого белья, знаете, так не принято, а потом горбылем перекладывали... Следующая партия еще пять человек, потом сверху троих еще... и засыпали землей и камнями.

Однажды, после избивания меня ротным и его помощником – за вопрос о запахе рыбы, которой нас кормили, – попал в госпиталь. Лазарет – самое светлое воспоминание. Врачи Обухов и Бронский, молодая, очень красивая врач-терапевт Анна Ивановна. Фельдшером был монах. Они спасли меня, а в роте после такого избивания ногами многие умирали.

На острове я пробыл недолго. Десять месяцев. В августе 1928 года освобожден. Столяры-заключенные и вольнонаемные монахи, с которыми вместе работами, собрали на дорогу восемь–десять рублей. Мне уже шел семнадцатый год...

Соловки, конечно, повлияли на мою дальнейшую судьбу. Там я был опельмован. И прошлое способствовало еще большему опельмованию в будущем...

Сотрудник охраны
Игорь Курилко, 1929 год

Из показаний на допросе Курилко И.А., бывшего командира роты Кемперпункта

В Соловках в 13-й карантинной роте избивание было самым заурядным явлением. Об этом хорошо знает бывший долго в Соловках помощник рукраба командировки «Сорока» заключенный Нечаев Сергей Алексеевич. Когда в роту привозили штрафников, то их встречал сам командир этой роты в сопровождении пятнадцати своих надзирателей. Выйдя, он здоровался: «Здравствуйте, б...» и говорил нецензурное слово. Штрафники ему, конечно, не отвечали. Он повторял. Опять молчание.

Тогда начиналось избивание. Становились в круг и били человека, как мяч, подбрасывая его от одного к другому. После избивания опять командир начинал здороваться, и уж тут ему отвечали.

С целью расширения лагерей принудительных работ ОГПУ развернуло спешное строительство. В 1927 году начали возводить большими группами торельные казармы стандартного типа.
И. Зайцев

В темноте то и дело зажигали спички – ловили клопов. Весь барак ночью освещался бесчисленными огоньками.
И. Очеров

«Через труд к свободе!» — вот основной лозунг лагерей, определяющий и направляющий деятельность заключенного. Надежда вернуться в общество, стать полезным членом его — вот та суровая практика жизни, которую дают лагеря, толкая на трудовую колею и заставляя безоговорочно следовать по ней до момента освобождения.

Но этого было бы мало или, вернее, недостаточно для окончательного приспособления временного соловецкого жителя к жаждущей его по выходе из заключения свободной трудовой жизни.

Управление Соловецкими лагерями, учитывая это обстоятельство, обращает огромное внимание на культурно-просветительскую работу.

Основным моментом культурпросветительской работы является ее увязка с трудовыми процессами заключенного при сохранении строго классовых пролетарских принципов. Это само по себе действует облагораживающе, возбуждает у заключенного интерес к общественной жизни.

Я. К-ов

Из воспоминаний Ю. Чиркова

Обилие лозунгов (большинство в стихах) удивляло. Сначала они резали глаза, потом не воспринимались и не нарушали обаяния величественной старины. Веселенький лозунг висел в громадной столовой, бывшей монастырской трапезной: «Чтобы другим ты снова стал, тебя трудами перекова!» Перевернула землю ты груды и

еще заслуженно премудро!» А над главными воротами Кремля, из которых выводили на работу, лозунг гласил: «Через труд — к освобождению!» Этот лозунг стал самым распространенным, я потом встречал его в самых разных концлагерях, даже в Освещиме, где он тоже висел над воротами.

Лозунг на стене Красного уголка бывшего штрафного изолятора в лагунке Саббатиско

Письмо заключенных Соловецкого концентрационного лагеря в Президиум ЦИК ВКП(б) о невыносимых условиях жизни

Мы, заключенные, которые возвращаются из Соловецкого концлагеря по болезни, которые отправились туда полными сил и здоровья, — в настоящее время являемся инвалидами, изломанными и искалеченными, морально и физически. Просим обратить внимание на производ и насилие, царящие в Соловецком концлагере, в Кеми и на всех участках концлагеря. Мы, искалеченные сами, от имени нескольких тысяч людей, там находящихся, взываем к Руководящему Центру Советского государства и просим положить предел царящему там ужасу.

Недостаточно того, что ОГПУ бесконтрольно, без суда выселяет туда в большинстве случаев невинных... Пусть будет так, раз существует у них такое право или закон, что людей можно невинно наказывать, но почему нельзя дать нам возможность существовать, не обретая на муки и страдания... Например, выстраивать на линейку голых при 30-градусном морозе и держать по часу.

Благодаря Надзору, который сплошь состоит из отбывающих наказание агентов и бывших сотрудников ОГПУ, погибают от голода и холода при непосильной 14–16-часовой работе пролетарии, не имеющие денег. Жаловаться или пи-

сать что-либо — «сохрани Аллаах!» — подведут под искусственный побег или что-либо другое и расстреляют, как собаку. Если кто и возвращается оттуда, то это живые трупы. А везде говорится, что «Советская власть не карает, а исправляет».

Мы, также живые трупы, решили описать, хотя б приблизительно, как убивают жизнь в Соловецких лагерях ОГПУ. ...Мы уверены и надеемся, что в ВКП(б), как нам сказали, есть люди гуманные и отзывчивые.

Возможно, Вы подумаете, что это наша выдумка, но клянемся Вам всем, что есть для нас святого, наше письмо только частица конспиративной правды, так как нам нет никакого смысла выдумывать. Мы повторяем и будем 100 раз повторять, что да, есть среди нас и действительно виновные, но большинство страдает невинно...

Слово «закон» в концлагерях не существует, а есть лишь самодержавная воля самодуров, т.е. «сотрудников», отбывающих наказание и имеющих власть над нашей жизнью и смертью.

К сему подписываем с надеждой, что справедливость восторжествует.

Г. Железов, Виноградов, Ф. Белинский,
14 декабря 1926 г.²³

Из воспоминаний Е. Соловьева

Если кто-либо из заключенных был замечен в нарушении команд, то такого выводили из строя в сторону и «занимались» с ним отдельно,

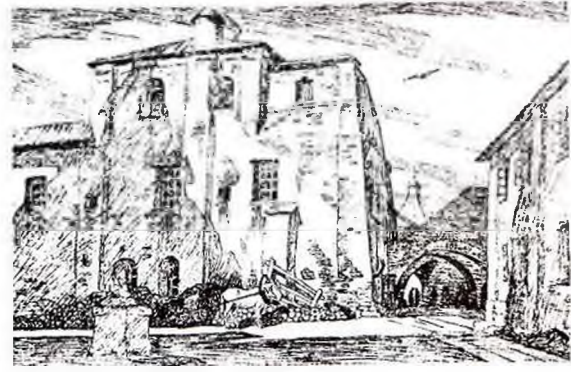
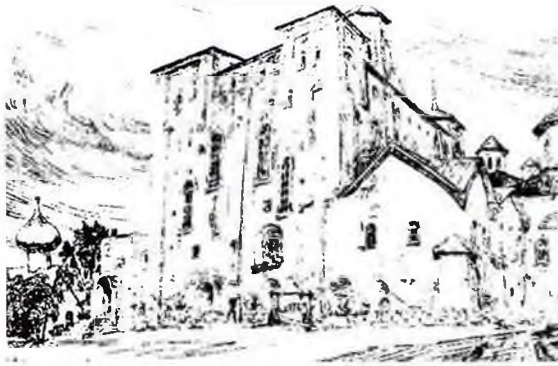
Коллекция надгробий, перенесенных заключенными Соловецких лагерей с мест захоронений к стене Спасо-Преображенского собора — лагерного «культурного центра»

используя «дрыш». Дрыш — это соловецкое название дубины. Особенно плохо приходилось старикам и священникам.

Когда начальник появлялся в Кремле, впереди бежал глашатай или даже двое и кричали: «Внимание!». Все должны были подниматься и кланяться.

И. Озеров

Преображенский и Успенский соборы. Рисунки заключенного Осипа Браза, 1925

Из воспоминаний И. Зайцева

В 1925, 1926 и 1927 годах вследствие чрезмерного многолюдства были набиты заключенными все крытые здания и постройки: храмы, часовни, конюшни, амбары, разного рода навесы и прочее. Во всех помещениях солдаты были спрессованы не только на нарах, но и валялись на полу под нарами и в других местах, где лишь можно прилечь. Приспособленные нежилые помещения не отапливались, арестантам предоставлялось самим, собственной теплотой согревать занимаемые ими камеры, поэтому в холодное время там стоял густой туман, со стен и потолков падали капли стужившихся испарений; воздух был зловонно-удушливый.

Уборные для заключенных были на открытом воздухе, простого полевого бивуачного характера; умывальники, конечно, отсутствовали. Гигиенисты-охотники брали тайно с собой чайники с водой и, находясь в уборных, там слегка вспрыскивали свое лицо. В довершение всего, во всех помещениях свирепствовал обычно тюремный бич — это вши и клопы. Такие жилищные условия были во всех рабочих ротах Кремля (5, 7, 8, 11, 12 и 13). С целью расширения лагерей принудительных работ ОГПУ в 1927 году развернуло спешное строительство тюремных казарм стандартного типа.

Поверка... По сигнальному гудку из комнаты важно выходит дежурный по лагерю в сопровождении свиты лагерного начальства. На каждом дворе батальонный командир устраивает попугайному начальству встречу, согласно пешотного устава, с построеными рядами арестантов. Дежурный по лагерю, обыкновенно мальчишка из красноармейцев, важно здоровается с ротами.

Если какая-нибудь рота негромко или недружно ответит на его приветствие, — «Здорово, такая-то рота...», обычным собачьим лаем «Здра!», то разгневанный мальчуган-дежурный прикажет поставить провинившуюся роту «в стойку» на час или дольше.

Рядом с босяками, хулиганами и мелкими воринками стоят архиепископы, епископы, архимандриты, православные священники, генералы, адмиралы, полковники, ксендзы, пасторы, муллы, раввины, бывшие губернаторы, председатель судебной палаты, прокурор суда, родовитые князья, графы, бароны... И вот на приветствие мальчишки мы обязаны кричать «Здра!».

После встречи молокососа-начальника делается проверка наличия путем расчета поротно. Беда, если выйдет задержка с расчетом номеров — всю роту ставят «в стойку».

Из воспоминаний В. Зотова

Рядом с карантинной Тринадцатой ротой помещалась Двенадцатая рота обранных работ. Она занимала бывшую «соборную церковь во имя Успения Пресвятыя Богородицы».

Вход в роту вел через пристроенный для утепления деревянный тамбур. Внутри помещения у самого входа — два «дневальных»; у них две табуретки, бак для питьевой воды, на стене часы-хо-

дики, небольшой сигнальный колокол и электрическая лампочка... Прямо перед дверью — проход, ведущий ко второму «приделу». По обе стороны прохода перпендикулярно к нему тянутся ряды пар в два этажа. Здесь обитали преимущественно «сорокадевятники». Среди них немало оборванцев, еще не опустившихся до уровня «леопардов». Разутых и раздетых спроваживали в

Восьмую роту, а в Двенадцатой ишанская бражка была почище. Всех их, за малым исключением, гоняли на общие работы. Только немногие, наиболее обстоятельные пристроились на постоянную работу, кто где: на Мехзаводе, в «Сельхозе» или столярных мастерских.

Свободное от работы время заключенные коротали в беспашанном безделье — лежали на нарах, курили, ругались, тайком играли в карты. Хотя карточная игра строго преследовалась, но случалось, что утром в строю на разводе оказывался «урка» без рубахи. Вызывали к ротному:

— Где рубаха?

— Украли.

— Врешь! У кого карты?

— Не играл... украли.

Далее следовала кулачная расправа. Допытываться о партнерах — напрасный труд. Злосчастный игрок знал, что если скажет, то будет избит своими до полусмерти. Лучше перенести побои «хозяина» — ротный командир грузин Углава обладал горячим нравом, вкладывал в удары кавказский темперамент, но бил в меру. Наказывая собственноручно своими командирскими кулаками, он никогда не отправлял в карцер, за что и пользовался уважением у ишаны.

Десятая рота — привилегированная рота канцелярских работников — занимает два верхних этажа большого здания в северной части Кремля. Дневальный охраняет вход в коридор второго этажа и лестницу на третий. Он беспрепятственно пропускает своих, но ни одного чужака, ни одного блатного он не пропустит. Двери камер не запирались, но воровство случалось редко. В коридоре телюбатье, и в самом его конце теснятся десятка полтора тотчанов. Здесь обитают заключенные, которым не нашлось места в камерах.

В. Зотов

Несмотря на конспирацию и круговую поруку уголовников, командование роты каким-то образом узнавало о недозволённом времяпровождении. Неожиданным стремительным обыском иногда удавалось захватить игроков с личным, но обычно «святыш» (колода карт) уходил по рукам в безопасное место, и начальство, обрушив шквал сквернословия, с досадой удалялось. Случалось и так, что злополучную колоду находили под нарами. Попробуй-ка изобличить, кто играл, чьи карты... Но все же захват карт был крупной победой начальства и поражением игроков. Ведь изготовить карты — дело кропотливое и в обстановке роты весьма рискованное. Владеть колодой карт, а тем более «художнику» грозило тяжёлое заключение в штрафном изоляторе.

Обыск, независимо от результата, всегда будоражил обитателей нар: «Кто продал?». Осторожно, вполголоса начиналось следствие. Высказывались предложения, спорили, ругались. Горе тому, на кого падало подозрение. Заподозренный, если не сумел отговориться, принимался за виноватого и избивался так жестоко, что потом долго приходилось ему отлеживаться в Санчасти.

Десятая рота — привилегированная рота канцелярских работников — занимала два верхних этажа трехэтажного здания в северной части бывшего монастыря. На каждом этаже вдоль корпуса тянулся просторный коридор с камерами (бывшими кельями) по обеим сторонам. Каждые две смежные камеры имеют общую печь с тонкой в коридоре. Печь большая, и дров надо положить изрядную охапку. Протопленная вечером, она к утру чуть-чуть нагревается, к исходу дня становится горячей и сохраняет тепло дня два-три. Такую печь достаточно топить два раза в неделю, чтобы в обеих камерах было тепло. Расход топлива получается небольшой. Каждая камера только раз в неделю имеет заботу об отоплении. Снабжения топливом в официальном порядке не было. Подбирали где что придется: чурку, обрубок, корягу. Брели салазки и привозили с лесопиак, полученные по благу отходы производства. Только нельзя было брать строительные материалы, с ними задерживали у входа в Кремль, и провинившихся сажали в карцер. Отопление в роте осуществлялось исключительно в порядке самодеятельности, но в камерах, если обитатели их не ленились, было тепло.

Поднимаемся на второй этаж. На площадке дневальный, часы-ходики, стол и табурет. Дневальный охраняет вход в коридор второго этажа

и лестницу на третий. Он беспрепятственно пропускает своих, но ни одного чужака, ни одного блатного он не пропустит. Двери камер не запирались, но воровство случалось редко. В коридоре темновато, и в самом темном его конце теснятся десятка полтора топчанов. Здесь обитают заключенные, которым не нашлось места в камерах. Неуютно, на виду у всех, да еще и холодно. Обычно перенаселение приходилось на осень, когда с материка на остров, на зимовку, с каждым рейсом парохода перебрасывались новые партии узников. Существование в коридоре было временным, и пребывание здесь определялось обстоятельствами и чувствами симпатии или антипатии. Дело в том, что по установившемуся обычаю, когда в камере освобождалось место, заключенные сами приглашали к себе нового сокамерника. Подбирали наиболее подходящих, учитывая возраст, статью, блат, характер работы, надежность и чистоплотность кандидата. Ротное начальство предпочитало не вмешиваться во внутренние дела камер, так как несильное всееление приводило к осложнениям, а следовательно, вносило лишние заботы.

В шесть часов утра в роте звонит колокол. Подъем! Парни, обитающие в коридоре, должны подниматься без промедления. В камерах могут вставать позднее. Дежурный по камере с большим медным кувшином — монастырским наследием — идет за кипятком. Ему надо пройти просторный двор, кухня находится в здании, смежном с бывшим Успенским собором. На об-

Десятую роту — роту отбывших — наполнили бывшие коммунисты, не менявшие в лагере своих политических позиций и не сходявшиеся с беспартийной массой заключенных. Работали они в охране, в Подзоре, получая за это денежные пайки.

Архимандрит Феодосий (Алмазов)

Щедрая соловбещкая зима награждала заключенных ночными «ударниками» по очистке снега...

В. Зотов

ратном пути дежурный забирает у дневального пайки хлеба на свою камеру. Дневальный делает в списке отметку — хлеб взят. В это время в роте большое оживление, заключенные спуют по коридору, то и дело хлопают двери камер, слышатся иронические приветствия «Здра!», шутки, короткий обмен новостями, крепкие слова...

В семь рота выстраивается в две шеренги в верхнем коридоре. Приходит дежурный по лагерю, здоровается, рота отвечает не очень громким «Здра!». Перекидка заменяется расчетом по порядку номеров. Дежурный по лагерю удаляется, заключенные получают у нарядчика листочки — «Рабочие сведения», которые служат пропуском для выхода из Кремля, и расходятся на работу по своим учреждениям и предприятиям. Все формальности упрощены до предела.

Днем в роте пусто. К вечеру заключенные возвращаются с работы. Наступает время обеда, но его еще надо приготовить. Рота не состоит на

довольствии лагерной кухни. Каждый заключенный получает денежную квитанцию по одной из двух категорий питания. «Общий паек» — четыре рубля десять копеек или «трудовой паек» — семь рублей двадцать одна копейка в месяц. Обычно для организации питания заключенные объединяются по несколько человек, покупают продовольствие, стряпают и питаются сообща.

В роте собраны заключенные разных профессий, осужденные, главным образом, по характерной для интеллигенции лагеря 58-й статье. Здесь обитали почти все моряки Первого отделения Лагеря, было много хозяйственников и экономистов, несколько скаутов и большое количество разношерстной публики, объединяемой общим «званием» — каэры. Заключенные роты трудились счетными и канцелярскими работниками в Управлении лагеря, в Административной и Воспитательно-Просветительной части, в Отделе Труда и по предприятиям.

Бытовые условия заключенных Десятой роты были, конечно, несравнимо лучше, чем у обитателей рот общих работ. В Десятой жили по камерам, каждый имел свою койку и мог эффективно бороться с насекомыми-паразитами; не исключалась возможность некоторого комфорта и даже уюта. Число людей в камере зависело от ее размеров, но, в общем, не превышало восемь—десять человек.

Почти ежедневно по вечерам в камере 90-й собиралось много народа. Постоянно бывали моряк Шульц, Комнин, приходили братья Полежаевы и другие. Чистили пару седелок и ели с горячей картошкой. Иногда готовили экзотическое блюдо: резали в миску много лука мелкими стружками, выдерживали час-полтора, чтобы выдохлась едкая горечь, поливали лук подсолнечным маслом, чуть солили и густо посыпали тертым зеленым сыром; потом перемешивали и ели с черным хлебом, запивая сладким чаем. Дешево, просто и очень вкусно!

Как-то в летнюю пору по всему Первому отделению лагеря объявили запрет выходить после

работы из камер на прогулки. Выставили дежурных ловить «праздношатающихся», кое-кто попал в карцер. Обременительный запрет не был отменен, но постепенно сам изжил себя. Заключенные вновь обрели возможность свободно передвигаться в пределах территории Кремля.

«Идиллическое существование» порой осложнялось разного рода превратностями. Щедрая соловецкая зима награждала заключенных «ударниками» по очистке снега, и львиная доля такой нагрузки ложилась на плечи Десятой роты. Днем служилый люд этой роты трудился в учреждениях и предприятиях. На снег подымали почву, как можно более неожиданно, чтобы поставить на работу максимальное число людей.

В одиннадцать, а то и в двенадцать часов ночи в роте раздавался звон колокола: «Подъем! Ударник по очистке снега!». Оторванных от сна людей вооружали лопатами и гнали чистить снег на дорогах за Кремлем. Работали два-три часа. Недосыпание и физические перегрузки действовали изнурительно. Ох, уж эти частые и щедрые соловецкие снегопады!

Из воспоминаний А. Булыгина

Пользовались баней лишь заключенные, имевшие возможность получить «банный билет» по месту своей постоянной работы, поэтому «шпана», за небольшим исключением, не по-

сещала бани. Баня давала возможность держать себя относительно чистым и успешно бороться с насекомыми.

Здание монастырской мельницы. Баня № 1.

Нас привели в баню, это была не баня № 2, а баня за монастырской мельницей. Положение мое было ужасное. Я снял с себя все, облился водой и хотел мыться, но расчесы от вшей, уже запекшиеся, вновь потекли, я был в крови. Вши заводятся там, где соприкосновение тела с одеждой более плотное. На поже, потом в местах, где избивали, от кальсон завязки... Вот течет эта самая кровь, мыться не могу, но количество вшей уменьшилось.

А. Лихачев

Лагерная баня № 2. Рисунок заключенного Александра Евневича. 1934 год.

В Соловках отличные, еще монастырские, бани... Сбросив одежду, мы словно сбрасываем с себя что-то, делающее нас заключенными, и превращаемся просто в людей, таких, как все. Пожилые, бородастые люди становятся в бане детьми; они возбужденно гогочут, нахлестывая себя и друзей березовыми вениками... На час можно забыть, что ты на Соловках, и вообразить себя в бане родного города.

Г. Андреев

Десяти лет отроду в 1912 году меня отдали в Первый Московский кадетский корпус. После революции это училище, славное своими традициями, было разогнано. Семья наша тогда же переехала в Тверь, где я закончил реальное училище. Когда отца мобилизовали в Красную Армию, то он, получив направление на Южный фронт, взял меня с собой. Два года мы скитались по югу, а в 1925 году вернулись в Москву. В Москве я стал навещать старых товарищей. Однажды один из них предложил отметить полковой праздник — годовщину кадетского корпуса. На встречу пришли тринадцать бывших кадетов и офицер-воспитатель. Вскоре всех участников сбора арестовали, обвинив в создании контрреволюционной организации.

Привезенный в Соловецкий концлагерь, я встретился с Массальским, с которым мы вместе провели раньше два с половиной месяца в камере Бутырской тюрьмы. Массальский до ареста работал экономистом в Центральном статистическом управлении, а в неволе оказался «по церковному делу» — был церковным старостой. Массальский на острове понал в Коммерческий отдел, который возглавлял Аркадий Петрович Вейнер, заместителем Вейнера был граф Александр Александрович Сивере, расстрелянный в октябре 1929 года. Вместе с ним убили тогда и других моих знакомых: капитана первого ранга Николая Александровича Арбењева и Валентина Дятлева — брата того парижского Дятлева.

В Соловецком концлагере после общих работ меня, мальчишку, с подачи Массальского, назначили старшим счетным работником на Механический завод, назначив начальником над младшими счетными работниками: генералом Разгильдеевым, бывшим командиром 2-й Гренадерской дивизии, и офицером Преображенского полка Мартыновым. Начальствовать долго не пришлось — перебросили в Строительный отдел, где заключенные работали в конторе, как служащие. Вставали в свое время, к девяти шли на службу до трех. С трех дня был перерыв до семи вечера, потом с семи до девяти опять работали.

Спал я сначала в коридоре возле двери камеры, где жили: начальник отдела Вейнер, артист Кондратьев, доктор Красный (бывший министр иностранных дел Украинской республики) и Арисон (бывший советский торгпред в Италии).

После очередной реорганизации меня перебросили в Пятую роту в глубь Кремля. Здесь мы

объединились для организации питания восьмером. Завхозом выбрали Александра Карловича Римана, вручив ему наши карточки. Заключенным выписывалось на лицевой счет около восьми рублей в месяц. На этот же счет поступали и деньги, присланные извне. Риман сам добывал продукты, а в конце месяца отчитывался.

— У вас осталось столько-то денег, у вас столько-то денег, а за тобой столько-то.

Я всегда оставался должен.

Утром и вечером дежурный по камере приносил по кумгану кипятка. Кумган — это большой медный кувшин, такие были во всех камерах, так сказать, монастырское наследие. За нашим столом собиравлись: Соковин — молчаливый старообрядец; хозяин нашего собрания Авенир Михайлович Вадбольский-старший (отец поэта); Борис Александрович Акерман — комендант зданий; священник отец Владимир — он же поэт В.К.Лозина-Лозинский; герой германской войны четырнадцатого года Георгий Михайлович Осоргин, позднее расстрелянный, и другой офицер-фронтовик Всеволод Юлиевич Шрейберг — он тоже погиб в лагере — замерз в море на камнях, что-то случилось с лодкой, накануне Усупения, то есть двадцать седьмого августа. Было уже холодно.

Когда меня перевели в Десятую роту, то моими сокамерниками оказались два поэта: Юрий Николаевич Мартынов и Авенир Авенирович Вадбольский. Двадцатисемилетний Вадбольский благодаря поддержке старших числился сторожем на огородах у Кирпичного завода и имел престижный пропуск для свободного выхода из Кремля.

Кумганы — кувшины для воды, которыми традиционно пользовались соловецкие монахи и соловецкие заключенные

Лагерные стихотворения А. Вадбольского

В монастыре

Вас поведут по тем местам,
Где пританася нежный шорох,
Где дум невыплаканных ворох
Все говорит о чем-то вам...

Где проливался теплый воск
Большими желтыми слезами,
А перед мшистыми стенами
В камнях из камня крест пророс...

Где с арки выломанной вниз
Сбегают серые ступени,
И дремлют сумрачные тени,
Как чей-то грех, упавший ниц...

Но здесь теперь уж не найдешь
Напевов нежных колоколен,
И словно тайно тяжело болен
Спит монастырь, как старый дож...

И вот теперь, в ушедший век,
Вы здесь пройдете молча мимо,
И вам приснится меч Селима,
Клобук, татары, Булат-бек...

В стене чугунное кольцо,
Седши, черный черк змеи,
Писанье старца Досифея
И чье-то строгое лицо...

*Вадбольский Алексей Алексан-
дрович (1898—1930). В Солов-
ках — 1925—1928 гг. Выслан из
Соловков в Тобольский округ,
село Березово, где вновь аресто-
ван и вскоре расстрелян*

Северные напевы. Н. Н.

Не теплился в выси спокойный лик луны,
Родного моря чуть мерцали байки,
И в подутье светились валуны,
Неугомонных часек бились крики...

Нас дикий Север трепетно ласкал,
В тиши ночной дышал порывом жгучим
И очарованный таинственно шептал
О чем-то чуждом, призрачном, кшучем.

Но в этот час с тобой не знали мы,
Что нам судьба на миг бросает счастье,
Сердца не рвались к воле из тюрьмы,
И чары унесло неслыханным ненастьем.

Туманов полосой задернет солнца свет,
Озабочится метель, надолго взвост вьюга...
Два сердца простучат друг другу свой ответ
В одну из тех почей, что нам милее юга.

Из воспоминаний Ф. Олехновича

У каптерки (кладовой) собралась толпа, пере-
ходящая в очередь. Выдают летнюю одежду. Заби-
рают зимние ватные брюки и стеганные бушлаты,
получают летние брюки и полотняные рубаники.

Север еще гонит по утрам снежные заря-
ды, но по календарю уже весна — пришла по-
ра смены обмундирования — значит, так тому
и быть. У каптерки крики, возгласы, нарека-
ния, просто ругань...

— Что даешь мне гнилые лохмотья!

— Это не моя одежда! Давай мне мою!

— Брюки сели — их и на одну ногу не натя-
нешь!

— Эта рубаха тесная! Замени!

— Не бари! Бери, что дают! Следующий!

На лагерной площади встретились две жен-
щины. Они подкрашены, с подведенными глаза-
ми. На ногах у одной — модельные остроносые
боты, другая в литаных валенках, которые еще
не заменила в каптерке.

— Ах, лапочка, как хорошо сидит на вас буш-
лат! Как подчеркивает фигуру!

— Он перешит.

— Сами перешили? Своими руками?

— Нет, моя портниха. Соседка — спит на
верхних нарах.

— А можно с ней познакомиться? Если на
пимат саха?

— Нет, не сало. Я отсыпала ей четверть кило-
грамма сахара, когда получила от мужа посылку.

— Ах, это дорого, но все равно, дорогая ла-
почка, познакомьте меня с нею!

Так две узницы ведут беседу, подобно свет-
ским дамам, радуясь весеннему солнышку и ка-
пели. Но мимо проходит некто в длинной ши-
нели.

— Что за разговорники? Почему не на рабо-
те?! Кто позволил?

И «дамы» исчезли с площади. Одна переби-
рает лук, другая — в прачечной...

Из доклада «О деятельности Управления Соловецких лагерей ОН ОГПУ за 1926-1927 операционный год»

Выдача пайков по нормам в процентах	
Усиленная	26,6
Трудовая	31,8
Основная	23,1
Штрафная	2
Красноармейская	1,2
Лесорубная	5,1
Трудцинготная	2,6
Лазаретная	4,4
Монашеская	0,9
Цинготная	1,4
Детская	0,5
В/наемная	0,3
Почтарская	0,1

Средняя стоимость питания в день на одного заключенного составляет - 29 коп.

На каждого заключенного выдано обмундирования в среднем - на 34 руб. 57 коп. в год.

Стоимость содержания одного заключенного в 1926/1927 операционном году с учетом транспортных, медицинских, хозяйственных и всех прочих расходов - 211 руб. 67 коп. в год.

Начальник Управления СЛОИ
Эйхманс
Начальник Адмчасти УСЛОИ
Степанов

В 1929 году неработающим заключенным назначался «основной» пайк в 3 руб. 78 коп. С ним без домашней поддержки можно было только умереть, поэтому он в лагере именовался - «мертвый» пайк.
Архимандрит Феодосий (Алмазов)

Карточка для получения ударного премиального пайка заключенного Михаила Никонова, не отоваренная из-за отсутствия на складах продуктов. Из объявленного удалось получить лишь пачку махорки. 200 г сахара да пару селедочек

Из воспоминаний М. Никонова

Питание в лагере производилось таким порядком. Те, кто был на общих работах, и рабочие лагерных предприятий пользовались «котловым довольствием». Обед они получали с общей кухни. Хлеб выдавался ежедневно. Пища была грубая и скудная. Утром подавался кипяток, в обед - суп-баланда и на второе - каша с растительным мас-

лом. На ужин каша или картофель. Ни по количеству, ни по качеству пищи эта не могла не только насытить рабочего человека, но даже плохо помогала ему обманывать голод.

Работавшие где-нибудь отдельной группой, не имевшие общего котла, получали продукты натурой, то есть «сухой пайк». Он выдавался раз

Расписка № 39

Заключ.

следует получить

Зав. Прод. Склад.
1-го Отдел.

1932 г.

Утери расписки лишает права на получение продуктов.
Расписка действительна по 25 число месяца выдачи ее.

В ноябре 1930 года приказом № 298 по Соловецким лагерям денежные пайки были упразднены и узники полностью переводились на «котловое довольствие» с созданием целой сети кухонь-«котлопунктов». В связи с этим приказом 4,5 тысячи заключенных временно перевели на «сухой паек» с выдачей натурального довольствия, пока оборудовались «котлопункты»

Копия 39р

БУХГАЛТЕРИЯ IV ОТДЕЛЕНИЯ СЛОИ ОГПУ

И Мея 1930 г. Руб. 4 к. 00

Квитанция № ~~1035~~

Сум 79 р

принято от *Уполномоченный физкультурного на лагерь заключенных Михайловский Ф. П.*

Вручил 22 марта 1932

Сек. *Тов. Кав. Тар. Упол. / [подпись]*
Зав. Продовольств. / [подпись]

1932 г.

Подписали: [подпись] Зав. Продовольств. [подпись]

в месяц. Наконец, третья категория, привилегированные каторжане, получала «денежный паек». Им выдавали денежную квитанцию на девять рублей двадцать три копейки в месяц. Обладатель такой квитанции получал в «Розмаге» или в ларьках все, что ему угодно, хотя бы даже пшеничный хлеб на свои девять двадцать три. Только в 1931 году из «Розмага» и ларьков исчезли все продукты, и наступило голодное время.
Таким образом, уже в основном вопросе быта, в питании, режим социалистической каторги

был фактически подчинен архикапиталистическому началу: даешь деньги! Чтобы не голодать, жестоко недоедавшая каторга должна была сама себя подкармливать — прикупать; чтобы прикупать — иметь деньги. И так во всех отраслях быта. Деньги на Соловках — это все.
Всякий, имеющий деньги, мог идти в «Розмаг» или в один из ларьков и купить себе, что хотел из еды и одежды. Деньги помогали избавиться не только от общих работ, но вообще от всяких работ.

Из воспоминаний И. Зайцева

Горячая пища выдается арестантам дважды в день: в двенадцать часов обед и в семь часов вечера ужин. Обеденные блюда составляют суп и каша. Суп готовится большей частью из соленой трески, как главного продукта питания на Севере. Тресковый суп более или менее напоминает все-таки суп по вкусу и имеет некоторую питательность. В мое время это было самое желательное для арестантов блюдо.
Каша на обед выдается четыре столовые ложки... На ужин одна каша (гречневая или пшеничная) — тоже четыре ложки. Главным продуктом питания соловчан является хлеб, в арестантских рабочих ротах по полтора фунта²⁵ чер-

ного хлеба в день на человека, а для не занятых физическим трудом — по одному фунту.
Количество калорий, входящих в пищу соловчан при обыкновенном пайке, равняется лишь половине того количества калорий, которое потребно для человеческого организма в нормальном состоянии без физического труда.
Практика Соловецкой каторги наглядно свидетельствует, что все те несчастные узники, которые не получают из дому поддержки в виде посылок или перевода денег и состоят на жалком арестантском довольствии, обречены на смерть от истощения вследствие постоянного недоедания.

С лицевого счета, на котором были записаны отобранные или присланные родственниками деньги, можно взять или, точнее говоря, могли дать квитанцию и на рубль, и на десять, и на пятьдесят рублей, или вообще отказать в выдаче. Это зависело от года, от положения заключенного и от суммы на его счету, а прежде всего и больше всего — от блага, самой мощной и действительной силы в лагере. Не зря из Соловков разошлись по лагерям поговорки: «Не имей отца и брата, а имей кусочек блага», «ГПУ сильно, а блат сильнее» и другие.

Я чуть не взвыл, обнаружив в 1932 году покражу записной в бундате пятирублевой «Расчетной квитанции». Выглядели эти «квитанции», как настоящие деньги, с сериальными номе-

рами за подписями члена коллегии ОГПУ Г. Боккого и начальника отдела ОГПУ. Датированные 1929 годом, они выпускались купюрами 2, 5, 10, 20 и 50 копеек, а также 1, 5 и 10 рублей. Ни одна союзная республика не имела права печатать свои банкноты. ОГПУ имело на это право. Советские деньги хождения не имели.

Больные в Карелии выменивали на водку или обменивали на дензнаки с большим «бонусом» эти лагерные «квитанции», на которые лютом в лагерных ларьках они могли купить многое из того, что уже исчезло на воле.

Но в 1933 году Наркомфин СССР как-то добился запрещения этих квитанций, как «незаконного суррогата», и в лагерях их тогда заменили на советские дензнаки.

Квитанции лицевых счетов заключенных САО на ОГПУ

Денежные переводы передавались адресатам в форме денежных квитанций. На обороте такой квитанции отмечались суммы стоимости купленных в магазине продуктов и выводился остаток денег на квитанции...

Д. Булыгин

Из воспоминаний М. Никонова

Нам пришлось столкнуться с главным неписаным соловецким законом — законом блат. Нигде нет такой поразительной разницы между человеком одиноким, предоставленным самому себе и всяким лагерным ветрам и бурям, и человеком, имеющим покровительство (блат) хотя бы у самого маленького начальства. Попавший на дно лагерной жизни буквально раздавливался человеконенавистнической системой. Всякий маленький начальник мог стереть его в порошок: только стоит ему сказать стрелку-охраннику пару слов — и любой из серой толпы мог быть убит, отправлен на Секирную или посажен «на жердочку». Но достаточно заручиться покровительством (блатом) даже у самого маленького начальника, как жизнь обладателя такого блата сразу менялась, как по маговению волшебного жезла. Иметь блат у начальства — значит получить возможность благоденствовать даже и в лагере. Ни способность к работе, ни талант, а блат двигал людей по лагерной иерархической лестнице, по горе потерявшему блату. Он с самых верхов летел на самое дно. Если же пользовавшийся высоким блатом знал еще кое-какие секреты лагерной верхушки, то его ждал «тихий расстрел» где-нибудь на работе в лесу.

Слово «блат» в лагерях в большом ходу. Выражения «подучить по блату», «устроиться по блату» и глагол «блатовать» (добывать блат) можно услышать всюду.

Борьба с блатом. Плакат, выполненный по заказу Культурно-Воспитательного отдела лагеря.

Слово «блат» зародилось на Соловках и распространилось по всему Советскому Союзу. Ты мне, я тебе, знакомства...

А. Лихачев

Чтобы устранить любую попытку подкупа караула и сделать невозможным общение с внешним миром, денежными знаками, имеющими хождение в лагерях, являлись специальные ассигнации того же достоинства, что и российские деньги, но действительные только в магазинах на территории лагерей.

Ю. Давыд

Бывший монастырский магазин — лагерная кооперативная лавка.

Продукты отпускались в ларьки через сложную систему бухгалтерских операций из фондов сверхпланового урожая, урожая и урожая. В отчетах Москва стояла графа: «Излишки, реализованные на внутренних рынках». Сюда и пряталась незаконная продажа продуктов заключенным. Соловецкое начальство знало про эти махинации, но молча благословляло их...

М. Розанов

Из воспоминаний Ф. Олехновича

Товарами, которые всегда можно достать в ларьке сколько хочешь, являются: зубной порошок, помада для губ, пудра, румяна и другая подобная косметика.

И они имеют достаточно добытчиков: это — женщины, которые подрисовываются, чтобы быть покрасивее. Интересно выглядит такая «кокетка» в изношенных войлочных туфлях, в

сером тюремном кафтани, с закрученными от тяжелой работы руками и — с нарисованными красными губами, с глазами, подведенными черным карандашом.

Продавать одеколоны запрещалось, так как этот продукт, более качественный, чем контрабандная «монополюшка», которую привозили матросы, заменяла заключенным водку.

**KORPUS OCHRONY POGRANICZA
ODDZIAŁ
SŁUŻBY GRANICZNEJ**

Из отчета
польской разведки
«УСЛАГ. 1928—1932 гг.»

Ларек — это магазин, где имеются продукты питания, галантерея, обмундирование и другие товары повседневного пользования. Посещать магазин можно только по специальному разрешению. Оплата производится особыми денежными квитанциями, которые заменяют настоящие деньги. Обслуживают ларек четверо заключенных.

Из воспоминаний Б. Седерхольма

Продукты и даже одежду можно было покупать в лагерной кооперативной лавке или в ее отделении, находившемся в Кремле на главной площади. Это отделение помещалось в киоске из частей бывшего иконостаса.

Цены в лавке невероятно высокие. Весь доход с кооперативной лавки поступал в пользу Че-Ка. Благодаря этому солдаты и чекисты получали товары из лавок по более низким ценам, чем заключенные.

Из показаний на допросе
заведующего торговой частью СЛОИ
Гусельникова М. П.

Новый начальник Отделения гр. Успенский приехал на Соловки летом 1930 года, а когда закрылась навигация, наступило жуткое время... Грубое отношение выражалось сначала в форме мата, а потом пошло дальше. По вопросу о нормах для вольнонаемного состава я отчетливо помню директиву гр. Успенского, которая оказалась чрезвычайно жизненной и мудрой: «Нормы устанавливаю я, а не для меня устанавливаются нормы». Так оно и проводится. Нормированное снабжение продуктами и товарами жестко для лиц, кто чином ниже. Никаких норм для лиц, занимающих должности, не существует.

**KORPUS OCHRONY POGRANICZA
ODDZIAŁ
SŁUŻBY GRANICZNEJ**

Из отчета
польской разведки
«УСЛАГ. 1928-1932 гг.»

Выполняющие норму могут прикупить в ларьке: по I категории – 200 грамм хлеба, остальные – 100 грамм. Рацион на одного заключенного составлял в 1928 году 4 рубля 76 копеек, а усиленный паек – 8 рублей 27 копеек в месяц.

До 1931 года большинство заключенных не получало обмундирования и донашивало свою одежду. Исключение составляли ссыльные чекисты, служившие в надзоре и комсоставе.

В 1931 году стали выдавать работавшим ватную куртку, ватную шапку с наушниками, брски и ботинки. Заключенные III категории получали вместо ботинок лапти. В 1932 году, независимо от ка-

тегорий работоспособности, всем заключенным выдавали только лапти.

В 1932 году питание состояло по категориям работоспособности (в граммах)

	I	II	III
хлеб	800	500	400
мясо	80	40	40
рыба	150	75	75
сахар	25	25	13
картофель	100	25	25
масло растит.	20	10	10
хата	100	50	50

Из воспоминаний И. Зайцева

В Соловецком кремле расположена еще одна знаменитая рота, именуемая «Рота Отрицательного элемента».

В небольшом холодном помещении, где-то на чердаке, под крышей (в Филипповской церкви в приделе Знамения Божией Матери), набито триста босых, полуголых и грязных людей, расположенных густо и кучно на двухъярусных нарах и на полу.

О каких-либо постельных принадлежностях, само собой, не может быть и намеков. Для защиты себя от холода в неотапливаемом и

странно сыром помещении несчастные узники составляют между собой «тепловые группы» по четыре или шесть человек каждая. Группа является кучей человеческих тел, перелетающих между собой: так, ноги одного обнимают шею другого, и так далее...

Эта рота совершенно изолирована от других и находится на карцерном положении и на скудном довольствии: узники получают лишь по одному фунту черного хлеба в день, раз в сутки – серую жидкость – подобие супа да два раза в день кипяток по две кружки.

Справка о переводе заключенного Георгия Осоргина в Одинадцатую роту Отрицательного элемента

Выписка о переводе десятника командировки Голгофа Бориса Елагина в штраф-изолятор

СПРАВКА

Заключенный *Осоргин Георгий Иванович*
переведен по следделу № 541 ... Отделения СЛОН, ИСО, при чем преступные действия его выразились в *продвижении своего пасмологий буржуа демократическим центром, лозунгами,*

в что был повергнут содержанию в *камере № 10, а. з.*
срок на *30* суток, считая срок с *февр. 1929* г.

Долгопроводитель ИСО *Степан*
27 мая 1929 г.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА
Видеальной Сессии
Заседания Коллегии ОГПУ (судебное) от 20 июня 1930 г.

СЛУШАЛИ: ПОСТАНОВИЛИ:

дело № 885 по обвин. гр. **ЕЛАГИНА** Бориса Николаевича по пост. КОГПУ в 1927 г. закл. в концлагерь сроком на *два* лет, по 38/14, 110ч. 2 и 113 ст. Ж.

ЕЛАГИНА Бориса Николаевича перевести в штраф-изолятор сроком на два года.

Секретарь Коллегии ОГПУ

Четырнадцатая рота, иначе — «запретная» — размещалась у южной стены Кремля. Зимой запретников еще выпускали, но с открытием навигации их держали внутри Кремля под замком.

М. Розанов

Из воспоминаний Н. Киселева

Ротный РОЭ (роты Отрицательного элемента) с постоянно висевшей у пояса плеткой издевался над сидящими в карцере. Одних загонял в уборную и заставляя засунуть голову в дыру над ямой, при этом некоторые теряли сознание. Других отправлял голыми в «гаиномяку» — темный и сырой подвал под южной стеной Кремля. Там на дне — полуметровый слой глины, которую заключенные погами месят для строительных работ. Зимой глину оттаивают железными пещками, но карцерных круглый год посылают туда совершенно голыми.

Из воспоминаний Е. Соловьева

Ночи — самое страшное время для заключенных. По ночам часто устраивают проверки и полавальные обыски в ротах, после которых многие могут ожидать смерти. По ночам же устраиваются и «переброски» из роты в роту, с одной работы на другую, из одного отделения в другое. Все это делается в целях экономии рабочего времени и для «морального впечатления».

Ночью же производится изъятие заключенных для отбывания наказания: в карцер, в штрафной изолятор или «на Луну», то есть на расстрел. Последнее бывает весьма часто и мотивируется обычно «дополнительным постановлением ОПТУ», основанным на «наблюдениях» над заключенными после их прибытия в лагерь.

«Наблюдения» должны представлять о каждом заключенном командиры рот, заполняя специальные формуляры. Но главную информацию представляют законспирированные сексоты, доносящие не только в ИСО УСАОН, но и в ОПТУ Москвы. Сексоты вербуются в большинстве из бывших чекистов, которые стараются доносить, чтобы получить «скидку» с назначенного срока или «чистую», то есть освобождение. Однако если выдвинутый начальством в сексоты заключенный не станет активно доносить, то это считается «плохой работой», и с такими ПТУ расправляется беспощадно — «для оживления энергии других».

Помимо указанного мотива расстрела, который обычно бывает придуман обвинением, по-

тому что даже самый завязанный каэр в Соловках молчит и себя не выдает, убийства проводятся и по «Постановлению ЦК ВКП(б)», когда на какой-либо случай активного террора нужно ответить тоже террором, то есть простым уничтожением находящихся в концлагерях и тюрьмах каэров. Правда, кроме так называемых бывших людей — дворян, офицеров, священников, купцов, расстреливают и множество крестьян с рабочими, которые смелее других позволяли себе вступать в пререкания или не шли на работу из-за отсутствия одежды, обуви, — таких подвергают «чрезвычайным репрессиям, как изменивших своему классу».

По ночам происходит расправа в карцерах и других местах заключения. Ночью начинается настоящий ад для заключенных женщин и девушек, к которым врываются чекисты-насильщики.

Ночью при появлении в роте какого-нибудь начальства, сопровождаемого свитой чекистов, сотрудников ИСЧ, дежурного по лагерю, вся рота цепенет. Каждый думает — не за ним ли пришел. Переживания так сильны еще и потому, что нервы у всех растрепаны ужасами и картинами ареста спящих соседей...

Наваливаются, связывают руки, в рот затыкают резиновую грушу, чтобы не кричал, и ... уводят. Одни идут спокойно, другие плачут, некоторые молятся. Большинство теряется и идет бессознательно, в невменяемости. Бывали случаи, когда смертник пытался спрятаться, сбе-

жать из роты, но, натолкнувшись у выхода на конвой и видя, что спасения нет, вступал в рукопашную, уродуя охрану, всегда погибая после допонастных мучений.

Утром мы уже знаем об убийстве соседей, так как слышали ночью отдаленные выстрелы, на кладбище за Кремлем — между спортпло-

щадкой и женкорпусом. На поверке, для устрашения всей массы заключенных, всегда читались выписки из расстрельных приказов «о приведении в исполнение»...

Никогда не уйдут из памяти вырвавшегося из Соловков счастливого странного ночи, ночи соловецкие.

Из воспоминаний Д. Ганешина

Об этом человеке я написать обязан, я должен помянуть его добрым словом. Но, как не покажется это странным, близко с ним знакомы мы никогда не были. В Москве я знал его больше по рассказам, а видел всего несколько раз на школьных вечерах и балах.

Помню, что встречал его на Пречистенке, с значком школы верховой езды — подковой и двумя перекрепляющимися хлыстиками на околыше, в гимнастерке цвета хаки, в брюках-галфе, заправленных в изящные коричневые, ярко начищенные сапоги с ремешками под коленками, с маленькими звенящими шпорами и стёжком в руке. Своей легкой походкой на несколько кривых — «кавалерийских» ногах он представлял, именно представлял всем своим видом какого-то опереточного «голубого гусара», так не вязавшегося с довольно серой уличной толпой Москвы двадцатых годов. Нани старшеклассницы его перевозносили. Фамилия Энгельфельд не сходила с их уст, и они особенно лавировали нашей Гале Беккер, маленькой, ловкой, чудесно сложенной и симпатичной немоч-

ке, постоянной партнерше Энгельфельда по танцам. Их пара, воистину, была изумительной...

Луной ночью осенью 1926 года по двору Соловецкого монастыря, толкая в спину, вел меня из Преображенского собора в комендатуру какой-то дежурный помощник начальника Тринадцатой роты — типичный представитель тогдашней низшей лагерной администрации из заключенных, скорый на руку, бывший работник «органов», посаженный, вероятно, «за превышение власти» или за пьянку. Дорогой в комендатуру он обещал устроить меня в такое место, откуда не возвращаются. Оглушенный только что происшедшим, я молча пагал по булыжнику и каменным плитам монастырского двора.

С тех пор прошло пятьдесят лет, в памяти многое уже не сохранилось. Помню только, что вечером, необычно поздно, привели нас, голодных и усталых, в общую Тринадцатую роту, где мы застали нечто вроде разгрома и переполоха, вещи с нар были сброшены на пол, кто-то был побит, кто-то истерически кричал, что его обокрали. Мои вещи также были сброшены с нар, моя маленькая

корзинка раскрыта, и содержимое влялось на пол, чего-то, конечно, не хватало.

Чем я провинился, что тогда сделала нам сказал — не помню, совершенно забыл, но помню, как меня спешно доставляли в комендатуру, не дав даже одеться, без шапки, почему-то болело плечо. Проведя через двор, меня ввели в накуренное, ярко освещенное сводчатое помещение с барьером, где, сидя за столами, люди в форме и с оружием играли в домино. Они к нам даже не повернулись. Мой страж прошел за барьер, подошел, видимо, к какому-то начальнику, наклонился к нему и стал говорить достаточно громко, так, что можно было слышать. Я почувствовал, что дела — дрянь. Начальник ничего не спросил, даже не посмотрел, когда же я попытался что-то ему объяснить, он рявкнул:

— Момать! — Потом сказал моему сопровождающему:

— Можешь идти, завтра с утра мы его отправим... — Куда, я не расслышал. Потом, повернувшись в сторону доминой перегородки, за которой тоже шла игра в домино, он, возвысив голос, приказал:

— Энгельфельд, отведи его в карцер, пусть посидит там до утра!

Из-за перегородки вышел Энгельфельд, тот самый, настоящий и, мельком взглянув, сказал:

— Идемте! — Меня он узнать не мог, мы очень уж давно не виделись, и, кроме того, я отрастил бородку, очень изменившую мой облик. Как мне показалось, Энгельфельд несколько не изменился, может быть, только чуть-чуть поседел. Мы вышли на освещенный лунным светом монастырский двор. Было прохладно и очень тихо. Мой страж сказал:

— Подождите здесь, я шадену шинель, — через минуту он вернулся, и мы двинулись — я впереди, он — сзади.

— Собачья обязанность! — вдруг произнес он, поживаясь.

— Вы помните Галю Беккер? Помните, как вы с ней танцевали? — неожиданно для самого себя спросил я. Павел Энгельфельд даже споткнулся, остановился, и мы начали разговор, забыв обо всем на свете. Видя, что я замерзаю, он снял с себя шинель и набросил ее мне на плечи. Ока-

зывается, мы знали или были знакомы с множеством москвичей: молодых и старых и все больше с Паюшихи или с Арбата, наших общих соседей. Он говорил, что, не будучи знаком со мной, много обо мне слышал, но сейчас узнать бы не смог. Проговорили, наверное, с час.

— Ну что же, ведите меня в карцер, — сказал теперь уже я, видя, что он совершенно околел.

— Ни в коем случае. Затаньтесь вот здесь в тени, около этого крыльца. Я попробую уломать начальника Тринадцатой роты, чтоб он вас не наказывал! — и убежал, а была уже глубокая ночь.

Сколько пришлось прождать, не помню. Спрятавшись в тени, я стоял не двигаясь в ожидании своей участи. Я уже знал о кремлевском карцере, раз или два видел это мрачное место, расположенное в двух глубоких нишах монастырской стены, отгороженное от остального мира решеткой из толстых деревянных брусьев, видел и понавишив туда заключенных, оборванных, почти раздетых, голодных и избитых, с какими-то желто-зелеными, большими и грязными лицами.

Это были люди шивергнутые в состоянии животных, они и говорили какими-то пещеловеческими словами — непонятными звуками. В лагере их называли «леопардами». Но и эти заключенные, наказанные карцером, не теряли надежду из него выйти — им помогали товарищи, они могли просунуть между брусьями краюху хлеба, кто-то мог за них заступиться, все же они были в центре лагеря, в самом монастыре. А отсылаемые в дальние штрафные роты и карцеры, как правило, там и погибали.

Прибежал радостный Энгельфельд. Оказывается, он разбудил спящего командира, уговорил его простить заключенного Гапешина. Через неделю друзья-скауты устроили меня на Соловецкую узкоколейную железную дорогу и перевели в роту железнодорожников, где было уже гораздо лучше, а потом устроили на «Восьмом шикете», за монастырем, где мы, сверстники, вчетвером дружно жили в маленькой избушке. После Тринадцатой роты это была уже рай.

Мне не довелось пережить ужаса карцера, и я остался жив, чем обязан Энгельфельду, его неожиданно проявленной ко мне исключительной доброте и защите.

Отсылаемые в дальние штрафные роты и карцеры, как правило, там и погибали.

Д. Гапешин

Ночью производится изъятие заключенных в штрафной изолятор или «на Луну», то есть на расстрел.

Е. Соловьев

Железную дорогу ОГПУ привезло из Новгорода — часть узкоколейной дороги, которая была проложена от Старой Руссы к Новгороду. По этой дороге ездил в свое время Ф. М. Достоевский.

А. Лихачев

Из воспоминаний В. Казачкова

Александр Булыгин в лагере работал в конторе Управления железных дорог. Начальниками этого Управления в 1925—1928 годах были Александр Александрович Бурлаков, потом его

сменил Воеков, а после него — инженер Федор Федорович Чихачев. Счетным работником у них был священник отец Иоанн (Стеблин-Каменский), позднее погибший.

Все сухопутные перевозки грузов в районе расположения концлагеря и порта осуществлялись по железной дороге. Рельсовые пути соединяли этот район с заводами: лесопильным и кирпичным, а также с Перт-озером и Даниловым озером. Кроме уже действующей линии рельсовых путей, прокладывалась новая дорога от Кирпичного завода на большое болото — место предполагаемых торфоразработок.

А. Булыгин

Ранней весной 1925 года началось строительство линии Кремль—Кирпичный завод—Торфоразработки; к осени работы закончили, хотя прокладка путей по болоту была связана с большими затруднениями.

Ф. Чихачев

Соловецкая железная дорога

Первоначально тяга составов производилась автовозом, сконструированным из двух вагонеток, соединенных общей рамой и смонтированного на них двигателя автомобиля «Ostin». По имеющимся данным архива Соловецкой жд, и расскажем очевидцев, автовоз обладал недостаточным сцепным весом, буксовал при трогании с места, а также на кривых и подъемах требовал помощи людей. Началом пользования тягой паровозов является 13 августа 1924 года.

В отношении водоснабжения следует указать на прекрасное качество соловецкой воды,

получаемой из водопровода с Данилова озера: паровозы после прибытия с материка «отмылись», по выражению машинистов, и теперь при промывках в котлах обнаруживаются лишь незначительные следы накипи...

Центральный аппарат Управления дороги состоит из начальника, техника при нем и помощника начальника, руководящих работой служб: движения, тяги, пути и материально-административно-бухгалтерской.

Инженер-технолог Ф. Чихачев

Из воспоминаний Г. Г. Гордона

Командовал Соловецкой железной дорогой в 1931 году Татархан Мисостович Дударов, глава одной из двенадцати княжеских семей, которым когда-то принадлежал весь Кавказ (Дударовым, в частности Военно-Грузинская дорога).

Дударов окончил в Петербурге и Париже два высших учебных заведения типа наших институтов инженеров железнодорожного транспорта (забыл их названия) и поэтому вполне квалифицированно руководил железной дорогой, перевозившей лесоматериалы, дрова и торф.

Имелось целых три паровоза, из которых один был в своем роде историческим. Можете

тырь⁵ в свое время выписал его из США, и он был одним из партии в шесть паровозов, впервые в Америке и во всем мире серийно построенных на знаменитом впоследствии заводе Буффало. Был он не длиннее пяти метров, с высокой конической трубой. Татархан Мисостович рассказывал, что этот паровоз оказался единственным уцелевшим из той серии, и американцы, организуя музей транспорта, предлагали за него большие деньги, но наши паровозик не продали, и он продолжал возить бревна с лесозаготовок, производившихся на острове. Если мне память не изменяет, то построен он был в 1867 году.

В распоряжении службы движения состоит грузочная артель в составе артельного старосты, десятников, рабочих. Движение поездов по перегонам обслуживается телефонной связью.

Ф. Чихачев

Колея соловецкой железной дороги шириной 1067 мм применяется в скандинавских странах, а также в Никарагуа, Эквадоре, Сан-Доминго и бывших германских колониях в Африке.

Ф. Чихачев (на фото — в центре)

В помещении бывшей монастырской кузницы на берегу Святого озера небольшой Механический завод осуществлял ремонт различной техники, а иногда выпускал новые механизмы и инструменты.

А. Бульгина

Курчевский Леонид Васильевич (1891 г.р.) — выдающийся изобретатель. Автор идеи использования приливно-отливных течений для получения электроэнергии. Создатель безоткатной пушки. Расстрелян в 1937 году

Из воспоминаний А. Бульгина

По соседству со зданием Управления железной дороги существовал так называемый Механический завод или Мехзавод. Сказки[®] назвала его «Смехзавод», намекая на малый объем производства. По сути дела, это не был завод в точном смысле этого слова, а небольшая экспериментальная мастерская, где производились ремонты механизмов и иногда новые поделки. В течение зимы там был построен небольшой моторный катер по проекту заключенного инженера Курчевского. Проверка его эксплуатационных качеств производилась возле Кремля на Святом озере летом 1926 года. Мы наблюдали за испытаниями из окон нашего помещения. Катер развивал необычайную скорость. В течение каких-нибудь двух-трех минут он отбегал окружность Святого озера, оставляя за собой пенные волны, бившиеся о берег.

Довелось мне увидеть и гибель этого катера. Случилось это в конце того же лета. После проверки на озере, судно решено испытать на море. На катере отправилось несколько человек. Дело было в августе, когда ночи понемногу уже вступали в свои права. Как-то вечером, кто-то, не помню, кто, вбежал в наше помещение и объявил, что над морем видно зарево пожара. Некоторые из нашего персонала, в том числе я, вышли на крыльцо. Действительно, за маленькими островами, называемыми Песью дуды, закрывавшими вход в бухту, трепетало зарево.

Вскоре распространился слух, что горит катер, ушедший днем в море. Члены экипажа спаслись только лишь благодаря тому, что катер выбросился на камни, а они успели выскочить из него, и, стоя по пояс в воде, поливали себя водой у вспыхнувшего судна...

Из воспоминаний В. Зотова

Осенью 1926 года почти в каждой партии заключенных, прибывавших на Соловки, находилось по нескольку человек военных моряков. Прошла «шетка» флота, и на острове «собралась» группа военморов из командного состава Балтийского и Черноморского флотов. Моряки держались сноточно и с достоинством. Не было ни эмблем, ни знаков различия, но каждый сохранял честный морской облик. Флотские ки-

тели, шинели, фуражки и подтянутый вид говорили сами за себя. Одним из самых представительных был капитан Знаменский, словно сошедший с картинки иллюстрированного журнала, упитанный, с очень спокойным и мужественным лицом, разумеется, безукоризненно выбритым. Из моряков только один морской инженер Лопатин носил небольшую бородку в виде лопатки, вероятно, в честь своей фамилии.

другой морской инженер, Гиза, высокий и худой, но близорукости носил пенсне. Морские офицеры, братья Хвицкие, удивляли полным отсутствием фамильного сходства. Один — плотный, упитанный, достигшийся, другой — худой, иссинтой, хмурый. Первый был красным военмором, второй — служил во флоте у белоохранителей. Кто не знал, почему-то всегда холеного Хвицкого принимал за белоохранителя, а его иссинтой брата — за красноохранителя.

Еще один моряк — Сергей Львович Брусилев, племянник генерала А. А. Брусилева. Он еще до революции был капитаном Балтийского флота. Разносторонне образованный человек. Обычно сдержанный и молчаливый, он мог удивить обширностью своих познаний, широтой взглядов, оригинальностью суждений и, неизменно, скептическим отношением ко всем явлениям жизни.

Черноморские военморы, если верить рассказам, оказались в Соловках за скромные коллективные возмездия. Дело обстояло так: в свободное от морской службы время военморы из комсостава, в дружеской компании, устраивали маленькие шурупки, в шутку прозвав свою веселую команду «Боевым Ядром» (так в военном морском флоте называют совокупность кораблей, принимающих главное участие в морском сражении), что и привело к возникновению дела о контрреволюционной организации «Боевое Ядро» на Черноморском военном морском флоте. Участники «Боевого Ядра» получили по пять—десять лет концлагеря.

Кроме флота, в ведении конторы Водного транспорта находилась док для ремонта и зимовки судов.

В. Зотов

Моряки, о которых здесь в какой-то степени говорилось, не допускались к плаванию на судах концлагеря. Они были разбросаны по различным береговым конторам.

Контора Водного транспорта приотилась в часовенке на набережной прямо перед стенами Кремля, неподалеку от постоянно закрытых, бывших Святых ворот. Часовня каменная, маленькая, но внутри разделенная на два этажа. На первом этаже находилась канцелярия, на втором — «квартира» заведующего водным транспортом Н. Н. Степанова. Мне не приходилось бывать наверху, но я думаю, что это была каморка, в которой заведующий пользовался единственным удобством — возможностью остаться хоть на какое-то время в одиночестве.

Николай Николаевич Степанов был высок ростом и строен. Он всегда подтянут, прост и безукоризненно корректен со всеми. Черты его лица правильны и приятны. С хорошими манерами, разносторонне образованный, интеллигентный, он, видимо, являлся знатоком морского дела и пользовался авторитетом. Словом, это был превосходный моряк и отличный человек. В английском романе он стал бы образом истинного джентльмена, а в советском — положительным типом военмора.

В ведении заведующего Водным транспортом состояли следующие суда: пароход «Глеб Боккий» — флагман Соловецкого флота¹. На нем перевозят грузы и заключенных. Ежегодно на «Глебе Бокком» в Соловки торжественно прибывает

Александровская часовня — контора Водного транспорта Соловецких лагерей Особого Назначения.

В. Зотов

Корабль «САОН» (до 1931 г. — «Глеб Бокий»). Из-за ветхого состояния морской регистр отказывается вновь регистрировать этот корабль. Команда — 25 матросов. Перевозит грузы и около 500 заключенных за один рейс. Из Соловков до Кемь идет 2 часа 15 минут, развивая скорость до 30 км/час.

Из отчета польской разведки «УСААГ. 1928 — 1932 гг.»

«Разгрузочная комиссия». Это самый большой и самый «заслуженный» пароход, плававший еще в бытность Соловецкого монастыря. Обычно «Глеб Бокий» совершает рейсы Кемь — Соловки, при случае заходит и в другие гавани Белого моря, избегая только заходить в Архангельск. Дело в том, что пароход приписан к Архангельскому порту, и Управление порта формально должно запретить дальнейшее плавание пароходу, уже давно отслужившему свой срок.

Ледокольный пароход «Нева», по размерам и тоннажу значительно меньше «Глеба Боккого», используется для перевозки грузов и пассажиров (преимущественно заключенных) на своем борту или на буксирной барже «Клара».

Катер «Пионер» — небольшой, но резвый — с мотором «Болиндер» применяется для малых перевозок. Шхуна «Новые Соловки» — рыболовецкое судно, обслуживающее лагерное предприятие, именуемое «Рыбзверпром». И, наконец, черная баржа «Клара», приспособленная к

перевозкам по морю грузов и людей. Первоначально баржа называлась «Клара Цеткин», но соловецкие уголовники так переделали фамилию знаменитой немецкой революционерки, что администрация лагеря сочла более удобным именовать баржу просто «Клара».

Еще один моряк по фамилии Мельников, работал в Адмчасти. Невысокого роста, хмурый и самой антипатичной внешности, который мог бы с успехом играть в американском фильме роль злодея, мичмана в шестой части картины, но это был человек с благородной душой. Когда-то Мельников учился в университете, однако юридические науки претили романтической душе, и он стал военным моряком. Знавшие его на воле говорили, что он никогда не брал никаких расписок. Всем верил на слово. На его обещание можно было твердо положиться.

На острове за Мельниковым утвердилась репутация неподкупного. Дело в том, что от него могло зависеть распределение на работы. Случа-

лось, к нему обращался какой-нибудь «экономист» или «хозяйственник», заключенный «с толстым карманом», прося о назначении на «блатную», то есть легкую работу. Мельников слушал внимательно и спокойно до тех пор, пока не произносилась роковая фраза: «Я сумею вас отблагодарить». Тогда Мельников свирепел,

давал «разгон» и назначал наглеца на «баланы», на погрузочные работы или на торфоразработки в зависимости от возраста и сил незадачливого просителя. Через некоторое время (в сроках тоже применялся индивидуальный подход) Мельников переводил провинившегося на более легкую работу. Он не был злопамятным.

Из воспоминаний Д. Лихачева

Александр Иващович Мельников — бывший флаг-офицер А. Ф. Керенского, сотрудник Административной части, знакомый моей матери, устроил меня на работу в Криминологический кабинет лагерного музея. Через него же я получил пропуск для свободного перемещения по всему острову, но без права выхода на берег моря к воде, что заключенным было категорически запрещено, однако я несколько раз пробирался в бухту к памятнику истории, так называемому Переговорному Камню, около которого в 1855 году состоялась встреча настоятеля Соловецкого монастыря с англичанами, безрезультатно осаждавшими Соловецкую обитель.

Однажды, направляясь к берегу бухты у Переговорного Камня, я был «накрыт» нарядчи-

ком смерти Дегтяревым, начальником войск Соловецкого архипелага, его еще называли «Главным Хирургом» острова. Он появился на белом коне, объезжая берег, с другой стороны бухты. Впереди бежала паршивенькая собачонка, обученная травить заключенных.

Собачка меня заметила, залаяла. Дегтярев пустил лошадь вскачь мне навстречу, но я рванулся в лес, а перед лесом болото, говорили, настоящая трясица, из которой не выберешься.

Через гиблое место было кем-то проложено старое подустгнившее дерево. Я по этому стволу перебежал все расстояние, не обвалился ни вправо, ни влево и спасся от «Главного Хирурга».

Если бы он меня поймал, то отправил на Секирку, а это был бы конец.

Памятник соловецкой военной истории — Переговорный Камень на берегу моря.

Д. Лихачев

На берег моря, к воде выходить заключенным было категорически запрещено.

Д. Лихачев

Дик предводитель Эвгений Соловьевский с иконы, использованный в Кремле в качестве «двери».

... Ходила, осматривала, робела и удивлялась. Северная природа, прообразившаяся крестом. Озера, капляны... Чистота, префронтальное в обществе... Сухаро-Вознесенский скит, подмороженый дровам садовей старого купюра... Волыная икона, известная вместе с дверью в трудность...

Н. Артемьевич

Дормидонтова Наталия Викторовна, урожденная Ланг, шесть раз приезжала к мужу на свидания в Соловки, а позднее следовала за ним по местам ссылки

Дормидонтов Федор Константинович (1889–1969), морской инженер, кораблестроитель. В Соловках — 1927–1930 гг. В лагере — суровый с подлинными заместитель начальника Эксплуатационно-Коммерческого Отдела

Из воспоминаний Н. Дормидонтовой

Мой муж, Федор Дормидонтов, был арестован в 1927 году по делу «Сокола» — спортивно-гимнастического общества. Ему повезло — узнав о высокой квалификации заключенного, начальство сняло его с общих работ и сделало руководителем производства. Я, благодаря ходатайствам Е. П. Пенниковой, возглавлявшей Политический Красный Крест, смогла побывать на свиданиях с мужем в Соловках несколько раз. Здесь впервые увидела заключенных. Среди них молчаливые, опарашенные чужбиной мусавиты из Средней Азии, сеявшие алебастр и забивавшие себе легкие ядовитой пылью. Они были обречены на смерть...

В группе морских офицеров, выделялся крепкий Головачев. Эти люди попали в лагерь за то, что на одной из стоянок, воюя со скукой, собрались ночью в кают-компанию и сочиняли вслух «пиратские» рассказы в духе Стивенсона, но бдительный матрос подслушал и доложил кому следует о предстоящем захвате эскадры. Чекисты, памятуя о кронштадтских событиях, решили перестраховаться... Головачев²⁹ умер в лагере, надорвавшись на работе, накануне свидания с женой... А моего знакомого, застенчивого студента из Питера, вместе с другими заключенными в канун Дня чекиста расстреляла охрана...

Пароход «Глеб Бокий» и баржа «Клара Цветки» у причала УСАОН ОГПУ. Фотография из альбома помощника капитана парохода «Глеб Бокий» Пастухова В. Н. Подарок от заключенных Слепня И.В. и Козловского С.П. в память об освобождении Пастухова из лагеря в декабре 1926 года

Из воспоминаний Г. Г. Гордона

Полностью Белое море замерзало редко... обычно же у берегов и острова, и материка образовывался принай и несколько километров весьма торосистого льда, затем шла так называемая шуга — слой в метр-полтора густого, мелко битого льда, с вкрапленными в него отдельными льдинами, тянувшийся километров десять. Между островной и материковой шугой полоса километров в двадцать относительно чистой воды, конечно, с плавающими в ней льдинами.

Зимнее путешествие морем проходило так, в путь отправлялись на двух лодках человек до двадцати — считалось, что они смогут оказать помощь друг другу. Все отъезжающие впрягались в ямки и волокли лодки по льду, по воз-

можности обходя, а то и расчищая ропаки и торосы — полярная ночь для этого достаточно светла. Перемещение по шуге производилось своеобразным поморским способом: у носа с каждого из бортов клали на шугу длинные доски, на которые выпрыгивали пассажиры, одетые в нечто, напоминавшее парусиновые колготки до подмышек, и, таща вдоль себя борт лодки, переходили к ее корме. Доска при этом, конечно, уходила в шугу, и тогда стоящие на ней погружались по пояс. Когда путешественники оказывались у кормы, то забирались в лодку, вытаскивали доску за привязанные к ней веревки, перетаскивали вдоль берега к носу, и все начиналось сначала.

«Поморский» способ передвижения судна по льду.

Мы сняли подушки и бушлаты, взяли за концы крепких перекладин, вдетых по две в скобы на бортах лодок. Навалились на них всем телом и поболокали стоящие на килях посудины.

Предводитель наш, потомственный беломорский рыбак, коренастый и немногословный, не оглядываясь, быстро шел впереди, выбирая путь по нагроможденным льдинам.

О. Волков

Из доклада «О деятельности Управления Соловецких лагерей ОН ОГПУ за 1926—1927 операционный год»

В работе Управления, в частности Адмчасти, исключительно большую роль играет надежность связи, в особенности в период закрытия навигации.

В навигационный период почтовая, пассажирская и грузовая связь поддерживается регулярными рейсами пароходов «Глеб Бокий», «Нева» с баржей «Клара» и катерами «Пионер» и «Часовой».

Зимой связь поддерживается при помощи почтарских лодок, воздухолиний (гидропланом) и радиостанцией.

Из воспоминаний Н. Жилова

Для организации связи с материком через ледяные поля подбиралась команда «ворягов», как называли их заключенные.

Брали сильных и знакомых с морем людей, снабжали их лодками, соответствующей одеждой, провизией, даже спиртом.

Экспедиция двигалась по льду, протаскивала лодки через шугу, а по открытой воде шла на веслах или под парусом. Иногда удавалось до-

стичь материка за сутки, но иногда для этого требовались недели.

Отправка экспедиции и ее возвращение были большим событием. Население островов волновалось за судьбу экспедиции, было много разговоров, слухов, предположений.

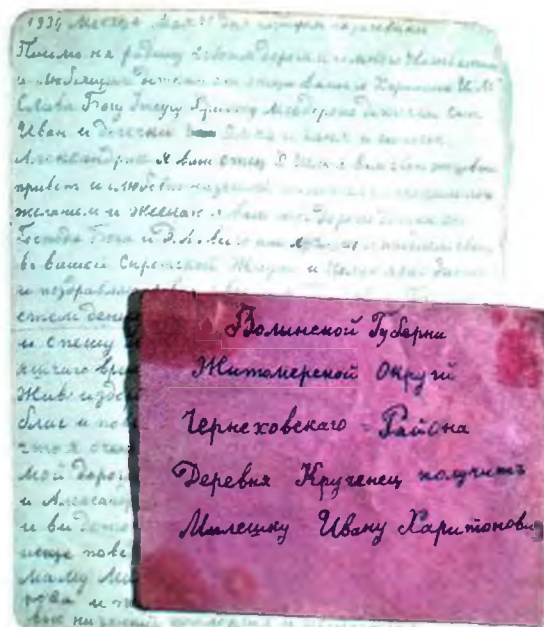
Возвращения всегда ждали, как праздника. С экспедицией прибывала почта, а главное — посылки.

KORPUS OCHRONY POGRANICZA
ODDZIAŁ
SŁUŻBY GRANICZNEJ

Из отчета
польской разведки
«УСЛАГ. 1928—1932 гг.»

Заключенные получают посылки следующим образом: в роту приходит уведомление, что получена посылка на такое-то имя. Кроме этого, вывешиваются списки людей, получивших посылку. Заключенный, узнав о посылке, получает уведомление и идет с ним к делопроизводителю роты, предъявляет уведомление и получает справку, что он действительно находится в такой-то роте. Заключенный расписывается в получении уведомления и справки, а потом несет их в камеру хранения.

Администратор спрашивает, откуда пришла посылка. Если заключенный не знает, то его спрашивают, в каких городах у него имеются знакомые. После такого исследования приносят посылку, вскрывая ее в присутствии работника ИСО, который контролирует содержимое, изымая письма и другие недозволенные предметы. Все недозволенное конфискуется, а на заключенного, получившего запрещенные предметы, открывается добавочное следствие.

Неотправленные письма, найденные в истрафном изоляторе на Сединной горе

Из воспоминаний Ф. Олехновича

Письма! Какая несказанная радость, какое безмерное счастье — зимой, на этом отрезанном от всего света проклятом острове, — достать письмо от того, кто тебе дорог, кто о тебе тоскует, гадает о твоей судьбе, старается помочь выжить... Письма! Как жестоко разочарование у тех, кто их не получил.

Некоторые читают и перечитывают письма по несколько раз и не могут насытиться текстами, написанными дорогой рукой. Вновь и вновь достают они кусок бумаги, покрытый словами, которые пытаются обойти цензуру, донести ве-

сточку с родной стороны. Соловецкий узник научился читать между строк. Он понимает, что если написано: «Сестра твоя заболела и лежит в больнице», то это надо понимать: «Арестована». Если написано: «Твоего брата отпраздники в санаторий», то это означает: «Отправлен в концлагерь». Если в письме говорится: «Доктор признал здешний климат для твоего отца вредным», то нужно читать: «Батя твоя выслан в Нарымский край или пещорскую тайгу».

Но хуже всех тому, кто не получил письма. Это страшнее даже плохих вестей...

Из доклада «О деятельности УСЛОН ОГПУ за 1926–1927 операционный год»

Вся входящая и исходящая корреспонденция заключенных Соллагерей проходила через экспедицию почтовых отправлений заключенных (ЭПОЗ), которая находилась в непосредственном подчинении Инспекционно-Следственного Отдела. Работа ЭПОЗ за отчетный период характеризуется нижеприведенными цифрами.

Просмотрено: исходящей корреспонденции — 46816 шт.; входящей — 38321 шт.; бандеролей — 11614 шт. Итого — 96751 шт.

Составлено меморандумов:

для Спецотдела ОГПУ	34 шт.	для Секретного отдела ОГПУ	414 шт.
для КРО ОГПУ	46 шт.	для Бандотдела	25 шт.
для Центросыска	5 шт.	для ИСО УСЛОН	1 шт.

В работе по перлюстрации корреспонденции необходимо указать на отсутствие каких-либо технических средств для тщательной обработки наиболее подозрительной корреспонденции.

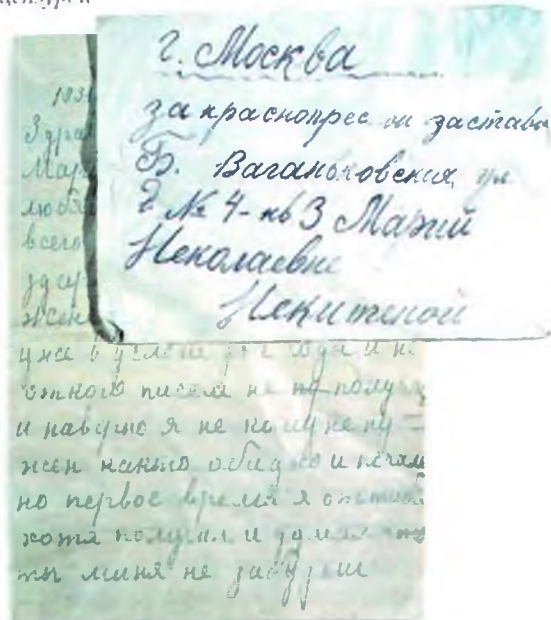
Начальник Адмчасти УСЛОНа Степанов

Выдача почтовой корреспонденции в Соловском лагере. Кадр из фильма «Соловки», 1928

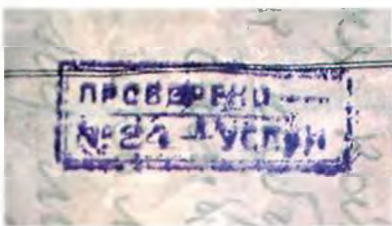

Письма и открытки заключенным САОНа, изъятые цензурой

Письма отправлялись только в определенные сроки. Все они подвергались цензуре. При обычной норме — одно письмо в месяц — ударникам разрешалось посылать дополнительно три-четыре письма.

И. Озеров

В 1925 году нам разрешалось посылать по два закрытых письма и по две открытки в месяц. В 1930 году эта норма была сильно сокращена. Можно было посылать одно письмо и одну открытку. Все письма сдавались в контору ротного коменданта по установленным дням, там составлялся список от кого и кому письма. Ротная канцелярия сдавала письма в старостат, а последний — в цензуру.

Е. Соловьев

Из воспоминаний И. Зайцева

За время моего пребывания на Соловках много было случаев, когда неосторожные арестанты сообщали что-нибудь в своих письмах, за что были подвергнуты наказаниям, вплоть до увеличения срока заключения на один-два года. При мне же были такие случаи, когда отбывшие

срок наказания и возвратившиеся уже на свободу вскоре были присланы опять в Соловки на новый срок. Оказывается, в минуты откровенности эти несчастные были неосторожны в рассказах своим родным и близким знакомым об истинной жизни на Соловках.

Из доклада «О деятельности
УСЛОН в 1926–1927 оперативном году»

Ежегодный опыт Соловков показал, что вследствие хронической нехватки населения лагерей по различным трудноустраняемым причинам витаминный дефицит является одним из главных недугов, подрывающих трудоспособность заключенных. Главный контингент больных, в особенности лазарета, составляют туберкулезные больные, которые являются самыми неблагоприятными в смысле затраты труда, времени и медикаментов и, несмотря на это, дают наивысший процент смертности, что, безусловно, должно быть отнесено к неблагоприятным климатическим условиям Соловецких островов.

Из воспоминаний И. Озерова

Бывшая монастырская больница — громадная зала, по крайней мере на полтораста больных, если не больше. Среди врачей выделялась некто Рябушинская, сестра П. П. Рябушинского, и другие настоящие врачи. Среди больных была некто Эрделли, у него сестра известная арфистка. Умер он от плеврита, и — какая небрежность! — измеряли температуру, но не в те графы заносили. Ему записывали чью-то чужую температуру, пониженную, почти нормальную, и лишь в последние минуты спохватились, сделали операцию.

Врач был хороший, но спасти не удалось, — Эрделли после операции в тот же день умер. И со мной был такой же случай: мне тоже записывали не мою температуру и начали даже ставить банки, так как записывали тридцать девять градусов, а потом меня же чуть не обвинили, что я де сам что-то делаю с градусником и повышаю себе температуру, чтобы остаться в больнице, но скоро выяснилось просто не стряхивали градусник, давая его после другого больного, а я имел тогда неприятности.

Даже когда кладут в больницу и сдаешь имеющиеся деньги, нередко норовят записать сумму поменьше — так было со мной — надо было держать ухо востро. Я спал с очками на себе, ус-

покаиваясь тем, что услышу, если будут их снимать, а класть под подушку или матрац не имело смысла, так как вещи в больнице пропадали. В первую очередь, из-под подушек и матрацев. В Соловках, как однажды выяснилось, даже больничную кантерку урки превратили в склад ворованных вещей.

Вся атмосфера лазарета проникнута тем, как бы нажиться на заключенном. При мне несколько начальников были смещены или даже отправлены в штрафные командировки за незаконные поступки: то растрата денег, то заказы в мастерских лично для себя, конечно, заказы безденежные.

Общая картина совсем безотрадная: воровство, бесконечные просьбы хлеба, так как давали его мало, и папирос, и махорки. Нельзя было спокойно лежать, а тем более выйти хотя бы в уборную, чтобы вас сейчас же не обступили с этими просьбами бывшие священники и какие-то лица, у которых дяди миллионеры, по их словам, в Америке. Моим соседом оказался человек, у которого в Нью-Йорке парикмахерские и где-то еще богатые виноградники. Рассказы этого человека походили на правду, особенно описание американской жизни и внутреннего ее уклада, но сам он очень бедствовал.

Соловецкий лазарет. 1924 год. На втором плане — настенная роспись монастырской больницы

Лазарет расположен в трехэтажном здании недалеко от ворот Кремля. Оборудован он вполне удовлетворительно, а операционный блок совсем приличный. Правда, вместо кроватей стояли жесткие монастырские диваны с высокими спинками. На диванах лежали матрацы, набитые соломой. Имелась хорошая аптека и клиническая лаборатория. Заведовал лазаретом талантливый азербайджанский врач Али Гайдар Донебадов.

Н. Жиллов

«До «верстовых» столбов установили монахи у причалов соловецкого порта на берегу бухты Благоутрудия. Сверху на столбах, с каждой из четырех сторон света, были сделаны надписи — указатели расстояний до ближайших скитов, до монастырских владений на материке, до крутых городков, до европейских столиц. Столбы эти символизировали связи Соловков с остальным миром»

Национальный состав заключенных Соловецкого ОН ОПУ на 1 октября 1927 года⁹⁰

Русских	9364	Узбеков	63	Цыган	22	Дагестанцев	4
Евреев	739	Финнов	62	Греков	20	Кабардинцев	4
Белорусов	502	Осетин	59	Турок	14	Киргизов	3
Поляков	353	Литовцев	58	Чехо-словаков	13	Сербов	3
Украинцев	229	Карелов	48	Молдаван	9	Итальянцев	2
Тюрков	198	Венгров	40	Сартов	8	Албанцев	1
Татар	184	Персов	39	Горцев	7	Зырян	1
Грузин	184	Чувашей	32	Румын	7	Корейцев	1
Эстонцев	113	Чеченцев	29	Тавринов	7	Черемисов	1
Армян	108	Лезгин	28	Афганцев	6		
Алтайцев	91	Ингушей	26	Французов	6	ИТОГО:	12896
Черкесов	89	Кигаичев	24	Бурят	5		
Немцев	65	Калмыков	23	Караимов	5		

Журнал «СЛОН» Орган Воспитательно-Трудовой части Управления лагерями № 4, 1924

Не мешало бы буржуазному «культурному» западу заглянуть во внутрь «Соловецкой каторги», здесь он многому бы научился, во многом ему пришлось бы поучиться у «варварской» страны. И как бы то ни было, нужно рассеять ложные слухи желтой буржуазной прессы про ужасы советских «принудиловок». Что может быть хуже, изощреннее пыток режима амери-

канских тюрем, германских лагерей принудработ, где заключенных буквально превращают в машину, польских, латвийских, литовских, румынских и других карательных органов?

Много у нас заключенных иностранцев, и они могут подтвердить, что советская «принудилка» — рай земной против ужасов заграничных тюрем.

Из воспоминаний Г. Г. Гордона

На Соловках можно было вполне организовать этнографический музей. Там я видел негра, который, правда, ходил в телогрейке и стеганых штанах, и даже мексиканца, ухитрившегося со-

хранить сомбреро, клетчатую ковбойку, брилки с бахромой по швам и сапоги на высоких каблуках. Он был настолько инкогнитен, что и сейчас стоит перед моими глазами.

Из воспоминаний Б. Седерхольма

В одной из касток нашего вагона, везшего заключенных в Соловки, умер чахоточный татарин, и люди с шумом требовали убрать его труп. Особенно истошно кричал Шевалье*, инженер-американец из Луизианы, лежавший рядом с та-

тарином. Когда приказ умолкнуть не помог, начальник конвоя из нагана спокойно прострелил американцу предплечье. Шевалье утих и до самой Кеми оставался без перевязки. В Кемперпункте ему, кажется, отрезали руку...

Из воспоминаний М. Никонова

— Что вас заставило бежать в Россию? — спросил я молодого серба Ивана Божо¹, заведующего звериной кухней и продуктами продовольствия для животных в лагерьном «Гунхозе».

— Ведь я представлял СССР совсем по-другому. Сколько труда было перебраться через границу! Здесь же я попал прямо в застенки, где мне предложили подать заявление о приеме в советское подданство, которое я немедленно без всяких формальностей получил.

— Не завидую, — сказал я, — однако неужели у вас в Югославии нет настоящих сведений о Советском Союзе, о Коминтерне?

— Ложная информация и подпольная агитация имеют у нас большой успех в распространении коммунистических идей.

Нас просто Коминтерн обманывал... Теперь я на практике испытал и вижу, что такое коммунистическая идея, но меня на родину уже никогда не выпустят.

*Шевалье Юрий Михайлович, 33 года, гражданин США, отец двоих детей, электромеханик, арестован в 1924 году по подозрению в шпионаже и осужден на три года лагерей.

Из воспоминаний С. Мальсагова

В Соловках можно встретить представителей любой нации, как большой, так и малой: англичан, итальянцев, японцев, французов и немцев, а также уроженцев крохотных государств. Причины их арестов, как правило, до постыдного безосновательны. Складывается впечатление, что ГПУ умышленно отбивает охоту у иностранцев посещать Россию, поближе познакомиться со страной, положить начало коммерческим или каким-либо другим связям с ней.

Из воспоминаний Б. Седерхольма

Румынский офицер Бырсан¹² был очень славный, немного грубоватый, но очень сердечный человек и обаятельный. Его схватили в Одессе, куда он вполне легально приехал, чтобы повидаться со своими родственниками. Супругов Бырсан обвинили в шпионаже и сослали в Соловки. Ни муж, ни жена не имели возможности сообщить родным подробности ареста и даже не знали, известна ли их судьба румынскому правительству.

Думбатов Мир Якуб (1885 г.р.). В Соловках 1928 — 1935 гг. Казахский просветитель, поэт, писатель, математик, общественный деятель, один из основателей казахской конституционно-демократической партии, автор политического манифеста «Пробудись, казах!», за что полтора года отсидел в царской тюрьме. Погиб в Соловецком лагере осенью 1935 года

Соловки — это святая Мекка, ставшая обителью человеческой жестокости.

Из письма заключенного Первой роты Думбатово Мир-Якубо

Фрагмент росписи надвратной Благовещенской церкви на Соловках

Из воспоминаний Ф. Олехнович

В 1928 году на Соловецком острове было свыше десяти тысяч заключенных. Среди этой массы были представители всех национальностей, которые можно встретить в СССР. Якуты с припаснутыми носами и сыновья Кавказа с носами орлиными, финны и узбеки, немцы и китайцы...

Было много венгров. После подавления революции в Венгрии молодежь, принимавшая активное участие в бунте, большими группами бе-

жала в Россию. Однако после нескольких лет многие захотели вернуться на родину, предпочитая два года отсидеть в капиталистической тюрьме, чем всю жизнь мучиться на воле в стране «побеждающего социализма». Им, конечно, не давали возможности вернуться, а отлавливали и ссылали на десять лет в Соловки. Служилом много узнали они о советском режиме такого, что могло навредить коммунистической пропаганде в Венгрии.

Из воспоминаний Б. Седерхольма

Афганский инженер Саид Султан-Кабир-Шах, он же почетный и наследственный мулла Афганистана, был схвачен и похищен агентами большевиков на Памире, куда приехал по делам города Пешавара. Связанного его взяли по ночам и передали, в конце концов, русским пограничным частям. Пройдя массу страданий, Кабир-Шах через Аубянку попал в Соловецкий лагерь. Никто за границей не знал о судьбе Кабир-Шаха и, не получая ниоткуда материальной помощи, он терпел ужасные лишения.

По-русски афганец говорил ужасным языком и употреблял выражения, более подходящие для ботмана парусного корабля, чем для духовного лица. В этом ничего нет удивительного, так как Кабир-Шах изучал русский язык в тюрьмах, преимущественно у уголовного элемента.

По-английски он говорил безупречно, даже изысканно. Беседа с ним доставляла мне огромное удовольствие. Это был прекрасно, всесторонне образованный человек с твердыми взгля-

дами и свежим ясным умом, европейски воспитанный дикарь. Проанглийская ориентация и популярность среди соотечественников стали причиной похищения его афганскими агентами советской власти.

Кабир-Шах был очень красив, крепко сложен, стройный и выглядел моложе своих тридцати четырех лет. Безо всякого смущения выполнял он в нашей келье все положенные мусульманской религией обряды и, в этом смысле, был большой педант. Кабир-Шах, избегавший чужой помощи, очень страдал, не имея жиров, питаясь исключительно черным хлебом и гречневой кашей. Никакие уговоры не могли заставить афганца проглотить хоть кусочек свиного сала, запрещенного законом его религии.

— Я Саид-Султан-Кабир-Шах, это значит — я потомок Пророка. Если я — потомок Пророка — нарушу закон, то что требовать от обыкновенного рядового мусульманина? — неизменно отвечал он нам.

Из воспоминаний О. Волкова

Их было около трехсот, высланных в Соловки членов партии мусавитистов. Цвет тюрокской — по-позднейшему, азербайджанской — интеллигенции. Я видел, каким сыновним уважением окружены у них седоголовые, как заботливо следят старшие, чтобы никто не был обездолен за братской трапезой, как внимательны к тем, кто ищет уединения для молитвы. По ним я мог судить, насколько далеко зашло одичание русского общества, как ожесточились характеры по сравнению с окраинным народом.

Школьный учитель из Карабаха Махмуд Мамедов видел в преследовании мусавитистов кро-

вавую расправу с личными врагами ставленника Москвы Багирова¹⁵, тогдашнего азербайджанского проконсула. Скучно рассказывал Махмуд об убийствах в бакинских застенках, о сопровождавших дознания избивениях и пытках. Следы их — темными пятнами, шрамами — были на всем теле Махмуда. Мне трудно даже было поверить, чтобы говоривший со мной спокойный и так дружелюбно относившийся к нам человек испытал дыбу и недосчитывался зубов, выбитых сапогами. Махмуд был искренен и прост. Мог отдать последнее. Доверчивость его и доброжелательность удивляли.

Мусаватисты твердо верили в обещанный им «режим политических»... Среди них были европейски образованные, знающие иностранные языки и историю революционного движения политические деятели, испытавшие гонения в царское время. Они ждали чего-то вроде поднадзорной жизни прежних ссыльных.

На первых порах все мусаватисты были поселены вместе и оставлены в покое, но такое положение слишком противоречило целям лагеря и настроению лагерного начальства. Ночью оперативники и мобилизованная охрана, включая самых главных начальников, переставили всех мусаватистов и развезли их в Савватиево, Ребоду, на Муксааму... Мусаватистам удалось потаенно спастись, и в один день и час они объявили голодовку по всему лагерю...

И все-таки их сломали. Обещали — приходил сам начальник лагеря Эфхманс — дать работу по желанию и вновь поселить всех вместе. Тут же принесли еду — горячее молоко, рис... Само собой, обманули... Не сдались лишь староста и несколько его ближайших друзей.

— Я решил умереть, — сказал нам староста, — не потому, что разлюбил жизнь, а потому, что при всех обстоятельствах мы обречены. Боль-

шинство из нас не переживет зиму — едва ли не у всех туберкулез. Оставшихся все равно уничтожат: расстреляют или изведут в штрафных командировках... Мы и на Соловки-то привезены затем, чтобы покончить с остатками нашей самостоятельности. В Баку мы были для них реальные и опасные противники... Но не стоит об этом. Мы и наши цели слишком оболганы, чтобы я мог коротко объяснить трагедию моего народа... — Он закрыл глаза и долго молчал. — Так уж лучше не сдаваться!

— Случится ехать мимо — поклонитесь моим садам, солнечной Шемахе, кипарисам, веселым виноградникам... Прощайте, друзья: таких русских, как вы, мы любим.

Я не помню имени этого героя азербайджанского народа, хотя не забыл его черты: высокий, смуглый красавец с открытым лбом над густыми бровями и умным внимательным взглядом. Знаю, что он был европейски образован, жил в Париже и Вене.

Его и трех оставшихся с ним товарищей увезли в бывший Анзерский скит, обращенный в штрафное отделение. Все они один за другим умерли — староста на пятьдесят третий день голодовки...

Старосту мусаватистов и трех оставшихся с ним товарищей увезли в бывший Анзерский скит, обращенный в штрафное отделение. Все они один за другим умерли, староста — на пятьдесят третий день голодовки...

О. Волков

Улицы на борту лагерного корабля «Глеб Бокит». Кадр из документального фильма «Соловки», 1928 г.

Из воспоминаний Н. Жилова

Как ни тяжела судьба заключенных мужчин, в сто раз тяжелее и безотраднее судьба заключенных женщин. Фактически они оказывались в качестве товара на невольничьем рынке.

Распродажа женщин начиналась с прихода в зону. На прием женского этапа сбегались вольнонаемные начальники разных степеней — женатые и холостые, а также «лагерные придурки»⁴. Сотни жадных похотливых глаз опунывали женщин, прикидывая и оценивая. Затем УРЧ распределяло женщин «на работу» соответственно заявкам покупателей.

Дальше начиналась игра в кошки и мышки, где женщины ставились в такие условия, что кот лопал мышь, как бы она ни крутилась, рано или поздно. Потом женщина шла по рукам, скатывалась все ниже, теряя свое человеческое достоинство и превращаясь постепенно в живой товар, — или дорогой, или совсем дешевый. Среди лагерниц самым обидным для женщины было ругательство «Дешевка!»

Я помню случай, когда одну прибывшую в лагерь девушку облюбовал для себя начальник лагпункта и приказал ее поставить ночной телефонисткой в своей приемной. Ночью начальник

попытался изнасиловать девушку, но получил отпор. Она врезала ему пощечину и не поддавалась. Утром стронтивную телефонистку отпразднили в одних туфельках, несмотря на снег и мороз, на дальний лагпункт.

Как лагерный врач я был обязан присутствовать при отправки заключенных и проверить, в каком состоянии уходят на этап, все ли одеты по сезону, все ли выдержат перегон пешком и с вещами? Я обратил внимание на эту женщину в туфельках и потребовал, чтобы ей выдали валенки. Начальник хозяйки отказался. Я потребовал задержать этап, но этого не сделали. Когда я сказал, что напишу рапорт начальнику лагпункта, то мне ответили, что это его же приказание. Тогда пришлось составить акт, пригрозив, что, если женщина отморозит ноги, то будет отвечать завхоз. После этого он отправил с валенками одного из своих «придурков» догонять этап... Позднее я узнал, что завхоз обманул меня. Посланец вскоре вернулся обратно с валенками. Эта история закончилась все-таки благополучно. Конвой, не желая отвечать за обморожение, усадил женщину на подводу, укрыв ей ноги узлами и тюками. Она доехала благополучно.

СОЛОВЕЦКИМ ЖЕНЩИНАМ

Женщина должна избавиться от неграмотности политической. Она твердо должна помнить, что СССР — первая в мире страна, где женщина вполне свободна, где ее права равны с правами мужчины, где не скажут «Курица не птица, баба не человек». Наша конечная цель — осуществление коммунизма, не допускающего неравноправия женщины. Мы должны быть грамотными в политическом отношении, чтобы помочь нашим братьям достичь этой великой цели.

Ликвидируйте свою темноту, невежество, безграмотность. Помните один из заветов Ильича: «Каждая кухарка должна уметь управлять государством».

Учитесь и учитесь, знакомьтесь с литературой по жендвижению, строительству СССР, истории РКП(б). Пишите свои заметки в газету. Это уже есть доля активности.

Товарищеский привет тебе, сознательная женщина далеких Соловков!

Е. Сереброва

Из воспоминаний Ф. Олехновича

Как среди мужчин, так и среди женщин-заключенных тут можно найти представителей самых разных национальностей и классов. Белоруски и польки, украинки и финки, башкирки, грузинки, армянки, угорки, немки и другие.

От бандиток до придворных дам, от проституток до монашек — все ступени социальной ле-

стницы имеют тут своих представителей. Хотя женщины сталкиваются с мужчинами на работах, в казначействах, при выполнении повинностей, но всякое общение между ними строгойше запрещено. Карается не только «любовь», но и невинный разговор при встрече, даже простое дружеское приветствие.

Здание бывшей Архангельской гостиницы.

Женская рота (до 800 заключенных) размещалась в бывшей деревянной гостинице за стенами Кремля. Предполагалось, что у каждой женщины должна быть отдельная кровать из трех досок, положенных на козлы. Однако таких думероцевских кушеток не хватало, да и не было места поставить их для всех: многие ужины спали прямо на полу, особенно весной и осенью, когда прибывали новые потоки заключенных. Два длинных коридора, на двух этажах здания почти всегда были покрыты настоящим ковром из женских тел, плотно прижатых друг к другу. Вновь прибывшие должны были ждать своей очереди на место в одной из камер.

Ю. Дангас

В «женроте» масса оборванных, покрытых вшами женщин, разделена на взводы во главе с командиршами (из заключенных) с черными петлицами на бушматах и командирскими нашивками.

Ф. Олехнович

Из воспоминаний Е. Соловьева

Принуждение к сожителству — обычное явление. Всякий занимающий начальственную должность получает право иметь в своей квартире «кухарку» или «прислугу». В качестве таковой бывший чекист выбирает себе приглянувшуюся девушку.

Многие, изголодавшись и измучившись на общих работах, идут на сожителство с начальством сразу же, но некоторые, особенно молодые девушки, с еще не сломленным Соловками характером, сначала отказываются. Тогда их, через Отдел Труда, а последний, через нарядниц

женкорпуса, бывших чекисток или сотрудниц милиции, опытных в таких делах, посылают на такие тяжелые работы, что раньше или позже измученная и голодная девушка сама обратится к покровителю, который периодически появляется перед глазами избранницы.

Самых неприступных отправляют ломать в командировку на «Зайчики», то есть Заяцкие острова в семи верстах от Кремля. На «Зайчиках» настолько тяжело и грустно жить, что постепенно самые гордые девушки смиряются со своей участью.

Заяцкие острова — командировка, посещение ярлык и штрафной. Эти острова предвещали гитлеровские Vernichtungslager — лагеря уничтожения.

О. Волков

Газета «Новые Соловки»
№ 22, 1925

ПИСЬМО ИЗ ЖЕНИЗОЛЯТОРА

Наши «Зайчики» — женский изолятор на Заяцких островах в шести километрах от Кремля — гроза для всего женского барака.

Здесь есть представительницы от всех слоев женбарака: сотрудницы ОГПУ, каэрки, спекулянтки, пинаи — все они несут одинаковую работу и получают одинаковый паек. Работаем на баланах, бывают и ударники.

Главная тема разговоров, конечно, досрочное освобождение, не общее, а свое — с Заяцких. Исправительное значение «Зайчицков» несомненно — второй раз сюда почты не попадают.

Е. Смирнова

Низкий дощатый барак стоял в лесу на мховом болоте, вдали от проезжей части дороги, около небольшого лесного озера. Влево от барака колеблющиеся дощечки вели по болоту к небольшому сарайчику без окон, дверь которого никогда не закрывалась и назначение которого легко было определить по запаху. По правую руку, ближе к озеру, стоял такой же сарайчик, тоже без окон, но дверь которого всегда была на замке: назначение его не трудно было определить по несшимся оттуда обычно крикам и ругани. Это был карцер.

Внутри барака вдоль стены тянулись широкие снарядные нары, на которых размещались тесно сомкнутым слоем человеческие тела — свыше пятидесяти женщин. Спали в бараке впопыхалку не раздеваясь, свернув под голову верхние пауты. Утром после пробуждения не мылись, не причесывались, а торопливо ели, вытащив из-под наголовья краюшку черствого хлеба или вяленую воблу, сидя тут же, на нарах, разрывая воблу руками и соря вокруг крошками, рыбьей чешуей и костями. Потом наспах пудрились, красили губы и выходили из барака на поверку. Командирша ставила нас рядами лицом к озеру

и до прихода дежурного по лагерю заставляла тренироваться в счете:

— Первая! Вторая! Третья!.. — и в выкрикивании неприятного, бессмысленного слова «Здра!», которым полагалось отвечать на приветствие дежурного: «Здравствуйте, женщины!». Тут следовало выдержать определенную паузу, достаточную для того, чтобы набрать в легкие воздуха и выкрикнуть разом — единым духом, и как бы едиными устами, это дикое «Здра!». Гордостью каждого командира и каждой командирши было добиться от своей роты полного смятения голосов.

Дежурный, приняв от командирши рапорт, обращаясь к роте со строгими наставлениями, причем на первый план всегда выдвигалось запрещение какого бы то ни было общения между женщинами и мужчинами. Все слушали со скучающими лицами, так как хорошо знали, что именно во время этой речи дежурный высматривает хорошеньких, и к ночи непременно прилетит командирше официальное затребование на «подомойку» или «пращку» с точным указанием, кого именно он хочет иметь сегодня в этой роте.

ТОРФЯНИСТКИ

Подул ветер. Небо покрылось баранками.

— Авось, тучи нагонит и дождь пойдет, — тайно мечтают женщины. В ответ им ветер сердито рвет одежду и треплет волосы. Спускаются под гору. Впереди необъятное поле торфяных разработок. Стройными рядами чернеет уложенный клетками торф. Вдалеке гигантским чудовищем пытит и сопит машина. Белобрысый десятник «Жан», с вещю замазанным черникой ртом, широко улыбается синими зубами. Вооружившись ведром, он ведет свой «табун» на водоной, а затем любезно пригласает:

— Ну, дамы, за работу пора! Сегодня вам на урок немного, всего пятьдесят тысяч.

А «дамы-из-Амстердама», и те, что на воле торговали яблоками, немедленно обрушиваются на неповиновение ни в чем десятника:

— Да ты с ума съятна, что ли, шпана подзаборная, ведь мы слабосильные!

Привыкший ко всяким ругательствам, но по натуре скаонный к тишине и спокойствию, уходит «Жан» гигантскими шагами, измеряя «карту». Машина давно работает и время от времени визжит собачьим визгом. Ветер утих, унеся тучи. Солнце обжигает лицо, руки. Словно маятники качаются вправо и влево женщины — подбирают торф, складывают. Одна «карту» кончила. За канаву перейти надо. Тщетно ищет каэрка мос-

Торф добывался вручную лопатами, вода отжималась на транспортерах машины, а торфяные кирпичи выкладывались на поверхности болота для просушки. Норма для женщин при такой работе — перевернуть за смену семь тысяч кирпичей.

*Из отчета польской разведки
«УСААГ. 1928—1932 гг.»*

тик. Остановилась в раздумье. Заглянула на отраженное в мутной воде лицо, грустное от торфа. Решила блеснуть гимнастическими способностями. Разбежалась в узкой юбке и неловко прыгнула... прямо в канаву. Цепкими пальцами впиалась в мох и выкарабкалась. Потерла коленку и, как ни в чем не бывало, пошла дальше. Быстро работают женщины, «карту» за «картой» проходят. Запарятся, минут на пять присядут.

— Паразиты, бездельницы! — сразу облакаивают честных тружениц «горуловые».

Кончишь урок, приляжешь на траве — от браши не отделаешься. Встанешь на дрожание ноги, и опять сопнешься в три потибелы.

Забудит шпана из-за урока: спешит Подковыров — заведующий. Загорелый, доб морщит. Подковырнет носком санюга неубранный торф, ткнет носом кого следует и с милой улыбкой еще тысячу прибавит. Вдали — лес, а за лесом — еще поле, за ним — другое...

— До октября хватит, — заключают женщины. По привычке склонивши голову, бредут с работы обратно. Каждую высохшую кучу коровьего помета за торф принимают. О трудовом пайке лишь мечтают.

— Фу, как торфом завоняло, — слышат на смежки женщины, проходя мимо Кириничного завода.

Софья Окерман

Мужчин и женщин, которые не могли до конца выполнить задание по добыче торфа, оставляли сутками в разгар осени на болотах по колено в воде. Отказы бели за собой такие наказания, что заключенные не переносили их.

*Подкобник Шмаровин.
Газета «Последние новости», 1927, Париж*

С выполнением урока связана выдача самого необходимого продукта — хлеба. Борьба за хлеб ведет к потере трудоспособности, к опусканию на дно лагерной жизни и к смерти в одной из лагерных морилки, бродя остроба Анзер.

М. Николов

Норма выработки для женщин на лагерьном Кирпичном заводе: перенести в смену шестьсот необожженных кирпичей бесем по восемь килограмм на двести метров.

Из отчета польской разведки
«УСААГ. 1928–1932 г.»

Газета «Новые Соловки», 1925

НА КИРПИЧКИ!

Каждый день из ограды женбарака вылетают, как птицы из клетки, одна за другой женщины. Их много. Кто они?

Вы их не знаете, вы их не увидите ни в Кремле, ни в «культе». Если вы хотите с ними познакомиться — загляните на Кирпичный завод, посмотрите на них.

Там вы можете от души посмеяться над ними, но вы будете ими довольны. Это женщины-кирпичницы.

Затрапезные платья, повязанные белым головы, загорелые лица... Как будто все они похожи друг на друга. Их много, присмотритесь к ним, все они разные... Разных кругов, разных сортов, разного возраста...

Каждый день в один и тот же час все они идут туда, где сотни человеческих рук копошатся в гайне, где впервые узнают, что такое мозоли, где больше не строят иллюзий менцанского счастья, где познают, что такое труд.

Каждое утро раздается акцентирующий голос старшего конвоира Кардуши:

— Стройся, в порядке по пяти!

Кардуша всеобщий любимец, и женщины его слушаются. Щелкнули затворы, винтовки наперевес, левой, правой, левой, правой... Мимо Кремля, Сельхоза, лесом...

В сараях от кирпичей сыро, прохладно, пласть гайной забрызгана. Смирненные церковницы, низко опустивши головы, кирпичи носят безостановочно. Бывший «личный секретарь» в юбке, по привычке, словно портфель с деловыми бумагами, судорожно сжимает тяжелый кирпич подмышкой.

Слух — что заведующий свой «исправдом» обходит. Заторопятся женщины, кирпичи в штабеля складывают, браком внутрь подворачивают. Мелькает с рычаньем по клеткам завода заведующий, зубы оскаливает, возражений не терпит, чуть что — грозит карцером.

Огненным шаром садится солнце, спешат женщины от «кирпичиков» избавиться, норму кончают. Кое-кто давно уж на бревнах греется. «Интеллигенция» — слабенькая — все еще с кирпичами возится. Бывает, что сжалится над «барыньками» черноволосая Нинка, встанет, потянется, от души помочь пойдет. Дружно работают женщины, в штат записываются, в «лютом» заведующем человека приметили. Привыкают женщины к этим тяжелым неуклюжим «кирпичикам», родными их называют.

— Не странно на воле жить будет, на кирпичный завод поступить можно, говорят, хорошо зарабатывают!

Софья Окерман

Среди женщин было известно, что удививших начальству амнистируют досрочно, а другим дают «скидку». Так амнистировали — «за любовь» — сожительницу чекиста Кучмы. Другой случай произошел с сестрами Смирновыми. Одна из них поправилась политруку Соловецкого полка, охранявшего лагерь, Денисову, который пошел в Разгрузочную комиссию, и та амнистировала Смирнову, имевшую десятилетний срок. Смирнова «вышла» за Денисова, а вскоре ее старшая сестра получила «скидку» на пять лет.

Некоторые чекисты, пользуясь своим положением, «женились» ежегодно, как только приезжала Разгрузочная комиссия. Для этого они отправлялись пьянствовать и подсовывали вовремя бумагу об амнистии пригланувшейся девушки. Помню, что так «женился» некий Степан Петрович Козловский, пропнтрафившийся чем-то чекист, который служил в лагере секретарем Адмчасти с 1925 по 1928 год.

Разгрузочная комиссия творила чудеса. По просьбе лагерных властей «для своих» можно было получить амнистию... Комиссия приезжала из Москвы один раз в году на пароходе «Глеб Боккий» во главе с неизменным председателем, членом Коллегии ОГПУ Глебом Боким. В Разгрузочную комиссию входили обычно Катанян, Филиппов и Вуль, а также другие видные чекисты.

Ура! Параша извещает,
С визитом в соловецкий склеп
Нас разгружать сюда придет
На «Глебе Боком» — Бокий Глеб.
Он даст ли высылку каэрам?
Иль пипанский разгрузит вертеп?
Иль так уедет, как приехал?
На «Глебе Боком» — Бокий Глеб.
Настроен я пессимистично,
Весь мир мне кажется нелеп,
Но это все же экзотично:
На «Глебе Боком» — Бокий Глеб.

Перед приездом комиссии в Соловках все приводилось в порядок, заказывались чемоданы с образцами продукции соловецких промыслов в подарок членам комиссии, привозились вина и деликатесы, готовились лучшие девушки, часто

малолетние, для работы в качестве «кельнерш». Кто угодит начальству — получит «скидку». Иногда москвичи и совсем увозили пригланувшуюся красавицу, которая без всяких разговоров оказывалась «списанной» из числа заключенных.

Помимо пьяных оргий с женщинами, Разгрузочная комиссия сибаритствовала в театре, на концертах, а кроме того, занималась охотой.

В театре специально для комиссии готовилась литературно-музыкальная программа под названием «ОГОНЬКИ».

Занесет нас зимою метель
И упрячет на полгода в пещь.
Лишь весною найдут рыбаки
Соловки, Соловки, Соловки.
Белое море, водная ширь,
Соловецкий былой монастырь.
И со всех концов русской земли
Нас с любовью сюда привезли.

Хороши по весне комары,
Чуден вид от Секирной горы,
Где от разных ударных работ
Здоровеет веселый народ.

Сохраняя Кодекс трудовой,
Охраняет нас мильный конвой
И гоняет до поздней поры
В лес с высокой Секирной горы.

Обещали сюрпризов нам куль
Боккий, Фельдман, Филиппов и Вуль,
Но в Москву увозил Катанян
Только нежный напев соловчан.

Так живем мы не зная тоски,
Благовонной покупав трески.
И, вернувшись в родительский дом,
С умидением тихо споем.

От метелей, морозов и вьюг
Мы, как чайки, умчимся на юг.
И сверкнут позади огоньки
Соловки, Соловки, Соловки...

После каждого куплета шел припев:

Всех, кто наградила нас Соловками,
Просим — приезжайте сюда сами.
Посидите здесь годочков пять —
Будете с восторгом вспоминать.*

* Припевчик оказался более чем пророческим. Бокий Г.И. — начальник Спецотдела при ОГПУ — расстрелян в 1937 году; Фельдман Д.П. — Особуполномоченный ОГПУ при СНК СССР — расстрелян в 1937 году; Филиппов И.Г. — начальник Управления Северо-Восточными ИТЛ — расстрелян в 1937 году; Вуль А.Д. — начальник Московского Уголовного розыска — расстрелян в 1937 году; Катанян Р.П. — помощник прокурора республики, заведующий Отделом надзора за органами следствия — репрессирован в 1937 году и отсидел пятнадцать лет.

Коснувшись положения заключенных женщин, нельзя обойти молчанием случай, имевший место в октябре или в ноябре 1925 года. На Соловки была доставлена партия женщин около пятисот человек. Женщины эти, привезенные из Москвы, считались проститутками, посетительницами различных клубов, ресторанов и подозрительных кафе. Арестованы они были в связи с очередным постановлением об очистке столицы от преступных элементов.

Хватали их вне дома, на улицах, в различных значных местах, и в том виде, как они были, доставляли на вокзал, заталкивая в заранее заготовленные арестантские вагоны. Многие из них оказались в вечерних платьях, открытых туфельках, и большинство без денег. Зайти домой и взять с собой хотя бы смену белья, простое платье или что-нибудь теплое никому не было позволено, поэтому они оказались в лагере на Севере в самом неподходящем наряде.

Женбарак на Соловках, переполненный уже и без того сверх всякой меры, принять вновь прибывших несчастных узниц не мог. Продержав этот продолжительное время на морозе для проверки и решения дальнейшей участи, их, наконец, отправили в Савватиевский скит в десяти верстах от Кремля. Повели цепком, лесной дорогой, по глубокому снегу. Надо было видеть этих голодных и измученных женщин, чтобы понять весь трагизм их положения!

Прибыли они в скит, но оказалось, что и там места далеко не достаточно, пять же еще дальше, как этого хотело савватиевское начальство, не было, положительно, никакой возможности — женщины лишились последних сил и валялись с ног; их разместили в широких и длинных коридорах на полу.

К осени 1927 года, перед моим отъездом с Соловков, более трехсот женщин этой группы успели умереть.

Глава 5

Через труд —
к свободе!

ВСТУПАЮЩИМ В СОЛОВКИ

Здесь, пройдя через горн очистительный,
Через бодрый сознательный труд, —
Вы поймете, что путь принудительный
Был единственный правильный путь.

М. Е.

Газета «Новые Соловки»
№ 21, 24 мая 1925 года

В пять часов утра, а зимою в шесть, продолжительный пронзительный гудок оглашает Большой Соловецкий остров. Это сигнал подъема соловчан на побую каторжную работу.

И. Зайцев

Из воспоминаний В. Зотова

Все заключенные проходят медицинскую комиссию и получают «кате­го­рию» по состоянию здоровья. Вполне здоровый, сильный, способный к тяжелой работе — четвертая категория. Может выполнять физическую работу средней трудности — третья категория. Вторая — только легкой труд, это категория стариков и больных. Первая категория — освобождает от всех работ или по крайней дряхлости, или в случае неизлечимой болезни в стадии безнадежного состояния.

«Категории» ограничивают наря­д­ника при выдаче заданий — каждому можно давать только посильную работу. Это справедливо, но существуют еще две промежуточные категории: 4/3 и 3/2, дающие наря­д­нику возможность для произ-

вола в назначении на работу. Присваивая заключенному категорию 4/3, медицинская комиссия считала, что он не обладает идеальным здоровьем и физической силой, но наря­д­ник приравнивает 4/3 к четвертой, а 3/2 к третьей категории. По­вы­шая степень работоспособности на ступеньку, он дает десятнику основание требовать выполнения работы, по трудности превосходящей силы заключенного. Десятнику нет дела до категории, наря­д­ник прислал на погрузку, значит — никаких возражений: носи мешки с мукой, сахаром и це­мен­том. Нужно наря­д­нику отправить на лесозаготовки сто человек с четвертой категорией, по таких набирется только семьдесят. Значит, подбор восполнит категорию 4/3...

С 1927 года первую категорию трудоспособности получали только полные шивалды, а четвертая считалась «лошадной» — без ограничений. В 1930 году, после реорганизации, «лошадной» стала первая категория, а четвертую давали тем, кто «го­ло­ву под­мышкой таскает», по лагерному выражению.

И. Зайцев

Как показывает соловецкая практика, деление заключенных лагерей на категории работоспособности не соблюдается. Это просто очередная комедия выполнения общепринятого порядка, «как в культурных странах», а затем — «хоть трава не расти».

И. Зайцев

Часть У С Л О Н
о. г. п. у.

Санитарная карточка № 1

Имя *Александровский Александр*
Фамилия *Барышев* срок

Время освидетельствования 192 г

Место освидетельствования Отделение

Возраст лет, род работы

Категория трудоспособности *третья*

Диагноз

Подпись врача

Работали заключенные семь дней в неделю, ни выходных, ни праздничных дней не соблюдалось. Большим делом на Соловках были так называемые ударники — срочные работы сверх постоянного дневного задания.

...Зимой, при густом снеге, чтобы облегчить волам и лошадям вывоз леса, заключенные, выгнанные на ударник, становились тесно в ряд по шесть-восемь человек и так, один ряд за другим, должны были утаптывать снег, который доходил до пояса; пройдут известное расстояние — передние два-три ряда отбодят назад, а их место занимают следующие, и так это продолжается до тех пор, пока не пройдут, то есть утапчут, всю дорогу.

Руконись неизвестного автора, найденная в Женевской публичной библиотеке в 1954 году

Из воспоминаний Е. Соловьева

В Тринадцатой роте узников заставили работать как настоящих волов и даже больше. Сразу по прибытии заключенные нашего этапа были поставлены на разгрузку баржи с углем и работали, не получая нищи, до двух часов ночи.

— А ну, вставай, поднимайся живо! — будили нас на следующий день в пять утра ударами палки о нары, при этом добавлялся виртуозный мат, сопровождаемый побоями. Многие обнаружали пропажу своих вещей, дополнительно оглашая собор стонами и воплями.

Пока мы одевались и собирались за кипятком, его весь разобрали. По своей неопытности мы не знали, что кипяток хватается только на часть каторжан и его надо захватывать.

Меня вместе с А. Румянцевым, Е. П. Николаевым, Н. Мироновым и другими из нашего этапа, собранного из бывших господ, живших раньше за границей или имевших там родственников, погнали на прокладку дороги у кирпичного завода. Сначала я носил песок из карьера. В двадцать часов нас увели в Кремль, где в роте был обед. Как ни хотелось нам есть, но, попробовав из грязной бочки вопиющее варево, называвшееся тресковым супом, почти все не смогли его кушать. Пришлось довольствоваться лишь хлебом, который в 1925 году выдавался по большой, сравнительно, норме — около полутора фунтов

на человека — для занятых физическим трудом. Через два часа работы возобновились. Теперь я носил срубленный лес, который бросали в топкие места, а сверху засыпали песком. В семь часов вечера этап повели в Кремль, но не дав доесть ужина из жидко сваренной пшенной каши без следов жира, нас погнали на поверку. Опять начались издевательства с маркированием в строю и опереточным приветствием начальства.

После того как чекисты насладились зрелищем наших мук, подразделение погнали на так называемый ночной ударник, устраиваемый в Соловках чуть ли не ежедневно. По пояс в холодной воде при сильном ветре нужно было выкатывать из воды бревна. Каждому дали урок, который необходимо выполнить к положенному времени.

Выбившись из сил, мы закончили выкатку баланов и складывание их в штабеля только к двум часам ночи. Наутро опять в пять часов стук палки о нары:

— Вставай! — Конечно, опять с бранью и побоями за каждый пустяк. Такой системой выматывания сил у прибывших в концлагерь чекисты хотят добиться полного послушания и погасить в людях остатки воли и инициативы.

Формально мы трудились до семи вечера, а ночью была не работа, а «просто ударники».

Только мы свалили свои вещи на нары, как всех послали на площадку перед собором. Там нас выстроили, и взводный объявил, что этап отправляют на торфоразработки в пяти километрах от Кремля. Вслед за этим появился «нарядчик» с четырьмя чекистами, группу пересчитали, и под их охраной мы двинулись в путь, голодные, усталые и продрогшие. Многие из нас уже более суток ничего не ели, но об этом нельзя было и заикаться...

Ввиду скорого наступления зимы нам приказали разобрать рельсовый путь, проложенный через торфяное болото. Рельсы и вагонетки сложить у сторожевой избушки. Каждая смывка разобранного рельсового полотна весит сто шестьдесят килограмм, и всех смычек было семьдесят пять. Вагонетки весили по двести килограмм каждая, и их было двадцать три штуки. Наша партия состояла из сорока пяти человек, включая нескольких стариков и больных.

Так как болото пересечено несколькими канавами, заросшими кустарниками, то пришлось настлать кое-где доски, поэтому мы приступили к работе около восьми часов вечера. Холодное железо рельсов прорезало до крови кожу на руках. Местами приходилось идти по тонкой болотистой почве, а путь был не менее километра. Всю работу было приказано сделать как можно скорее, а по ее окончании нам обещали отдых и сон.

Невыносимое мучение — идти втроем по болоту, держа в руках смывку рельсового полотна весом в сто шестьдесят килограмм. Чуть кто-нибудь из несущих спотыкался, остальные двое тоже теряли равновесие, роняя звено на землю. К десяти часам три старика совершенно выбились из сил. Один из них, Колокольцев, — бывший военный, лег на землю со словами:

— Убейте меня лучше! Я больше не в силах!

Охранник — латышский чекист Сартис поднял Колокольцева и, поставив его на ноги, сказал: — Нечего дурака ломать. Другие работают, и ты работай. Помереть еще успеешь.

С вагонетками тоже было немало хлопот. Трава и кустарники наматывались на колеса, и они врезались в рыхлую почву. К двум часам ночи мы, наконец, закончили эту адскую работу и повалились на холодную землю. Казалось, никто больше не в состоянии двигаться. Вдруг Сартис вынул часы и приказал:

— Передохнуть немного, а потом все, что принесли, надо тащить дальше на станцию для погрузки, но не позже шести утра. К этому времени подадут вагоны!

Станция узкоколейной железной дороги находилась почти в километре от сторожевой избушки. Взошла луна, и под ее бледным светом, согнувшись под тяжестью непосильной работы, люди производили впечатление каких-то фантомов. Колокольцев умер от разрыва сердца около четырех часов утра. Когда платформы были нагружены и Сартис приказал нам тоже садиться, кто-то спросил:

— А как быть с трупом Колокольцева? Разве мы его не возьмем в лагерь?

Сартис подошел вплотную к сиранивающему и, поднеся к его лицу револьвер, прокричал:

— Это видел? Я тебя научу не вмешиваться в чужие дела! Не разговаривать!

Приехав в гавань, пришлось выгружать с платформ рельсы и вагонетки, сложив аккуратно около одного из сараев. Мы попали в свою казарму в соборе лишь около девяти часов утра и повалились на нары, как убитые. Неудивительно: заключенные из моего этапа тридцать шесть часов не ели и не спали. В последнюю ночь мы поняли на опыте, что такое Соловецкий концентрационный лагерь.

Из воспоминаний А. Булыгина

Однажды, довольно поздно вечером, людей Четвертой роты подняли по тревоге, построили и вывели на внутренний двор. Там уже чернели на снегу и другие роты. В чем дело? Сперва все оглядывались в недоумении. Слышались вопросы. На дворе я стоакнулся с Вадбольским.

— Ты знаешь, для чего нас всех вывели?

— Клару Сыськин тащить, — коротко бросил он. — И действительно, всю эту массу людей по-

шли через кремаевские ворота к берегу моря, где во льду, на некотором расстоянии от берега, торчала железная баржа «Клара Цеткин».

Все последние дни стояли крепкие морозы, и морской залив покрылся сплошным льдом. Баржа вмерзла в лед. Ее надлежало подвезти к берегу, к пристани. Место работ было ярко освещено прожекторами, наша задача заключалась в том, чтобы от носа баржи проиланить во льду канал и

протаскать по этому каналу баржу к заранее намеченному месту. Пропилку льда мы производили длинными и тяжелыми пилами, один конец которых опускался в сделанную во льду прорубь, за другой конец, снабженный деревянной ручкой, ухватывались два человека и приводили в движение пилу: вверх-вниз, вверх-вниз... Работа-

ли поспешно, отдельными группами, по количеству пил. Выпленный толстенный лед вытаскивали по обе стороны образовавшегося канала. По мере роста длины канала другие группы людей тащили баржу вперед при помощи канатов, закрепленных в ее носовой части. Так работали до поздней ночи.

Из воспоминаний И. Зайцева

Стоял суровый декабрь 1925 года. Кремль поголовно мобилизовали на «ударники» по разгрузке ледоколов. Гнали всех: слабосильных, больных, хромых, подуголых; босым выдавали лапти и портянки из мешков. В подкилометре от кораблей под снегом поверх льда оказалась вода... Выгруженные мешки с продовольствием арестанты носили на остров, шествуя по глубокому снегу, пропитанному соленой водой.

Я был одет гораздо лучше многих: в меховой пухе, в теплой панахе, на руках варежки, на ногах новые валенки, но все же в ту ночь поморозил себе пальцы на ногах и на правой руке...

Руки и ноги мои распухли, но останься я в Кремле, меня снова бы погнали на «ударник». Спасаясь от него, я ударил на берег Долгой губы в домик лесничества, где тогда работал...

Выгрузка шла непрерывно двое суток. Многие поморозились, простудились. Ночью в бурю пинана в лохмотьях отбегала в сторону, где не было воды под снегом, и располагалась группами по четыре-пять человек, плотно прижавшись друг к другу. Метель хоронила их, покрывая сугробами снега... Выгрузка ледоколов надолго останется в памяти соловчан, даже тех, кто сохранил при ней здоровье.

Абрал с разгрузкой на Соловках ледоколов «Малыгин» и «№ 28», ставший жизни многим заключенным, обаялся тем, что за каждый час простоя кораблей нужно было платить деньги.

Е. Соловьев

В лагере часто проводились «ударники», соответствовавшие нашим субботникам и воскресникам... При нас был один такой «ударник» вполне в стиле сноса Сухаревской башни в Москве, уничтожалось старое кладбище Соловецкого монастыря. Мы успели осмотреть его до разгрома. Большое оно было, конечно, весьма запущенное, однако сильное впечатление производили поистине циклопические кресты на некоторых могилах. Восьмиконечные, потемневшие от непогоды, больше обхвата в окружности и до восьми метров высотой, как я определила, измерив шагами тень, показавшегося самым высоким, они казались особенно большими на фоне окружающих крестов обычных размеров.

Из воспоминаний Г. Г. Гордона

Величина крестов ограничивалась размерами участка, за пределы которого они не должны были выходить. Кресты-то были дешевы, да земля дорога. За тот «ударник» снесли примерно треть кладбища.

На той самой косе, с которой монахи стреляли в англичан¹², выросла гряда крестов и деревянных могильных оград (я не помню ни одной металлической ограды, как и каменного памятника, но, возможно, они и были) высотой с четырехэтажный дом. Странно представить, как по такой зыбкой куче кресты затаскивались на самый верх. Гигантов, правда, там не было. Потом эту кучу подожгли: они горела и тлела несколько суток.

Из воспоминаний В. Зотова

Кто имеет постоянную работу, получает «Рабочее сведение» — небольшой листок с указанием фамилии заключенного, места и времени работы. По окончании работы этот листок с отметкой о выполнении возвращается в Отдел Труда. Процесс очень прост: заключенные опускают свои «Рабочие сведения» в специальный ящик (вроде почтового), а вечером наряжник забирает листки и выписывает на следующий день новые.

«Рабочие сведения» и пломба Эксплуатационно-Коммерческой части УСЛОНа

«Сведение» — рабочий листок, служивший также и пропуском. Получить на руки «Сведение» считалось и действительно было большим соловецким счастьем.

М. Никонов

№ роты Слово Кат. 3
 Э.К.О. — У.С.Л.О.Н. — О.Г.П.У.
 № роты П Отдел Труда
 Э.К.О. — У.С.Л.О.Н. РАБОЧЕЕ СВЕДЕНИЕ № 42
 П От

Фамилия, имя, отчество	<u>В.В. Шаршадитов</u>
Место работы	<u>Общий стг Э.К.О.</u>
Должность или род вып. раб.	<u>Зам. Нач. 2 К.О.</u>
Выдано на	<u>Всего 26</u>
Действительно	<u>до 10.11.1949</u>
Основание	<u>62 п. 3 К.О.</u>

Зав. Столом Нарядов М.Н. Мухоморов
 Нарядчик М.Н. Мухоморов
 В. Зотов

Однажды явился веселый, улыбающийся Борис Соколовский, работавший в Отделе Труда, и объявил:

— Тебя перевели на постоянную работу — дрововкладом! Это Митя Ганенкин выхлопотал. Он теперь узкоколейкой ведает.

Борис проводил меня за Кремль, где вдоль берега Святого озера была проложена узкоколейка, а выше, около угловой башни Кремля, находилось депо — небольшое деревянное здание с открытыми воротами, в которых виднелся пылехвостый маленький паровоз. Мы прошли к большому штабелю трехметровых бревен, громоздившихся у стены, тут же стояли козлы для их распиловки, а рядом с ними я увидел неказистого мужичонку с поперечной пилой в руках.

— Вот тебе и напарник, — сказал ему Борис и поспешил на «Мехзавод» со своими рапортичками. Посмотрел я на своего «напарника»: среднего роста, худощавый, лет под сорок, если не больше, скуластое, с редкой растительностью лицом; «татарин», подумалось, и спросил:

— Как зовут-то тебя, дядя!

— Жандар!.. Фамилия-то Жандаров, вот так и кличут. Давай вон енту тухту закатим, — сказал он, указывая на толстенное, но полугнилое бревно.

— А что в нем толку-то? — возразил я. — Одна гниль!

— Зато пилить легко, сразу полнорымы выполним! — Мы закатили «тухту» на козлы и стали пилить. Действительно, пила со звоном вгрызалась в податливую древесину, легко и весело. Вот она, соловецкая мудрость-то! — думал я.

Дни пили, много бревен было перепилено, и штабель заметно поубавился. Однажды вместо Жандарова на эту работу вышел какой-то молодой парень, бывший милиционер.

— А где же тот? — спросил я.

— А тот заболел, или еще что, не знаю... А тебе что, не все равно с кем пилить?

— Разумеется, все равно! Давай вон енту тухту закатим, — сказал я, повторяя фразу, сказанную его предшественником.

На морском побережье живут в бараках рыбаки, доставляющие лагерной администрации свежую рыбу, а что еще важнее, выходящие на лов знаменитой соловецкой сельди, которая тут же засаливается в бочках. Соловецкая сельдь предназначается для экспорта. Только высшая администрация лагеря может попробовать этот деликатес. Заключенным он недоступен.

Ф. Олехнович

Учреждение УСЛОИ, СССР.

300 мм

Объявление из газеты «Новые Соловки» о работе кустарных мастерских Экономико-Коммерческой части УСЛОИа

Изделия кустарной промышленности — «Куст-према» — шахматы, иваски, игрушки — вывозились для продажи в кооперативы ГПУ Москвы и Ленинграда. Знаменитая соловецкая сельдь и пушнина шли на экспорт, а также в закрытые магазины Кремля и Алубянки.

М. Розанов

Из воспоминаний Е. Соловьева

В кустарно-художественной мастерской Первого Отделения при мне работали: художник Кочура, раньше служивший в «Дензнаке», живописец Миганаджан и многие другие мужчины, женщины, даже дети, как, например, тринадцатилетний Николай Петров.

Мы делали мозаичные портсигары, разные туалетные вещи, даже мебель. Выделывались и музыкальные инструменты. Заведовала мастерской Ренад Седат. Помню также Н. Морозова, священника Филоненко, Астафьеву с матерью, мексиканского консула Виоляра, Яковлева, Руфмана, Подуэктова... Из этих лиц наиболее был колоритен мексиканский консул Виоляр, заподозренный властями в организации восстания в Грузии, которое произошло в то время, когда он гостил у родственников жены, урожденной

княжны Каларовой. Виоляр при помощи денег смог в лагере устроиться так, что только числился в мастерской. За него работали другие, а он им помогал материально.

Жена Виоляра числилась в прачечной, где должна была бы ежедневно выстирывать норму в пятьдесят штук белья, причем белье у заключенных весьма грязное... Но сама она тоже не стирала. Работали другие, а урожденная княжна оплачивала. Платить деньгами было нельзя, но она покупала в магазине все, что нужно, и отдавала работавшим на нее заключенным. Освободились Виоляры довольно быстро — их продержали года полтора-два. А мастерскую перевели из Кремля за стены, а потом и на Большую Муксалму, так как помещения срочно приспособлялись под жилье для все прибывающих новых партий.

Из воспоминаний В. Зотова

В шесть утра в роте звонил колокол. Подъем! Приносили кипяток, раздавали пайки черного хлеба. Потом являлся наряδικ и распределял задания. В семь часов партии заключенных под конвоем строем шли на пристань грузить или разгружать, на торфоразработки, на земляные, дорожные, строительные или сельскохозяйственные работы, «на баланы», то есть на выкатывание бревен из моря.

К заводу притягивали на буксире огромные пласты, где их разбирали. Сотни баланов плавали, покачиваясь на легкой волне. Вагами стволы подгоняли к берегу и вытаскивали на сушу, преодолевая прибой. При этом приходилось ходить по плавающим бревнам, которые крутились под ногами и погружались в море. Глубина небольшая — по колено, по пояс, но проваливаться в холодную воду, понятно, мало приятно. Работали группами по шесть—восемь человек. Конвоиры располагались за валом из бревен. Они не заинтересованы

в интенсивности труда при работе «на время»: мало ли, много ли наработают заключенные — в Кремль возвращались к пяти часам вечера.

«Урочная работа» — другое дело: раньше выполнят заключенные норму — раньше охрана понадет «домой». Будут работать плохо — придется торчать с лодырями до тех пор, пока у десятника хватит настойчивости держать людей. Даже прикладами не всегда можно ускорить выполнение «урока». Выбившихся из сил не заставишь работать проворней. Десятнику приходилось считаться с интересами конвоиров. Возникали сложные сплетения противоречивых стремлений и напряженные взаимоотношения.

Когда я впервые попал на баланы, за работой наблюдал только десятник. Он переходил от одной группы к другой, как шахматный гротсмейстер на сеансе одновременной игры, но, конечно, не мог учесть количество вытасканных баланов. Об урочной работе, с определенным количест-

венным показателем, не могло быть и речи. В одной группе, обособленной от других за валом бревен, приспособились так: развели костер, одного поставили «на стреме» наблюдать за десятником, а сами сидели у костра и, время от времени ритмически раскачиваясь, кричали:

— Раз-два-дружно! Раз-два-взяли! Пошла-пошла! — Слыша эти крики, десятник думал: «Хорошо работают!» и заглядывала сюда реже, а когда же все-таки подходила, то наблюдатель вовремя давал сигнал. Все поднимались, вытаскивали из моря хороший, полновесный балан и добросовестно ввергали его в хаос бревен на берегу. Десятник косился на костер, но, довольный работой, шел дальше... попутать нерадивых.

В других группах применялась иная тактика. Например, вытаскивали «хлысты» — тонкие бревна, а толстые отпихивали. Черт с ними, пускай еще поплавают! Арестантская мудрость учит не заботиться на работе о завтрашнем дне. Быть может, будет другая работа и в другом месте. Мало ли что будет! Десятники попадались разные. Некоторые относились безразлично к выполнению ненормированной работы, но бывали и очень злобные типы. Вероятно, многим соловчанам запомнился некий Проскурдин. Рослый, здоровенный, наглый детина со злобным, крутым нравом.

Он не очень ругался, но бил со зверским наслаждением. Начальство в Отделе Труда довольно:

— У Проскурдина люди работают хорошо!

Наиболее жестокой по отношению к массе заключенных была «урочная система работы». Пока урок не выполнен — отдыха и еды не будет! Если в бригаде оказывались люди сильные, с хорошей споровкой, они управлялись с уроком за пять-шесть часов и возвращались в Кремль, но так редко случалось. Обычно урочная работа оказывалась затяжной и изнурительной. В роту возвращались люди, выбившиеся из сил.

Почти всегда, на любой физической работе, выявлялись «филоны» и возникали скверные взаимоотношения. Филоны — это тот, кто не работает как следует, а только делает вид, что работает. Когда есть возможность филонить всем — никто не в обиде, кроме десятника, отвечающего за выработку. Но если шесть человек несут балан, причем двое из них только держатся за бревно, то четверо опираются это на своих плечах. неизбежно возникает справедливое неудовольствие и враждебное отношение, часто принимающее резкие формы. Филоны опознаются довольно скоро, но не всегда справедливо, потому что под эту марку часто попадают люди слабосильные, неловкие или больные.

Из воспоминаний М. Никонова

— «Зарядить туфту» — значит «втереть очки», но не словом, а делом. Понимаете? «Втереть очки» словом, значит просто соврать, и это будет не «туфта», а только вранье. А вот с самым серьезным видом работающего изо всей мочи что-то

делать, но делать не по-настоящему, а кое-как, чтобы оно держалось еле-еле, для видимости, — вот что значит «зарядить туфту».

— Это вроде социалистического строительства?

— Пожалуй, что и так.

И.М. стал там моим первым учителем «туфты». Он показал, как можно слегка ударить лбом и потом делать вид, что взламываешь почву. Эта система помогала не очень утомляться.

А. Лихачев

В Соловках заключенные рассуждают: за работой не гонись, отдыхай где можешь, ведь срок каторги идет без остановки.

Архимандрит Феодосий
(Алмазов)

Пока светло, с такой работой можно кое-как справляться, но с наступлением темноты это — сущий ад. Толстые бревна длиной до пятнадцати метров плавают в воде. Их пужно вытаскивать на берег и относить через кустарники и камни на лесопильный завод.

Дается так называемый УРОК, то есть определенная группа людей должна к известному часу доставить на лесопильный завод определенное количество бревен. Ни багров, ни веревок, ни вообще каких-либо средств для выполнения этой работы не выдается. Заключенные входят в воду по горло (в сентябре на Соловках конец осени) и руками толкают скользкие бревна к берегу. Какая это пытка, тащить потом такое скользкое, мокрое бревно, спотыкаясь о кочки, цепляясь за кустарник!

Работать надо добросовестно, так как в противном случае начинают протестовать товарищи по группе. Работа должна быть выполнена к

Чуть свет, уж все на ногах. Идем на работу партиями. На земляную работу. Из болота надо вынимать торфяную землю, рыть глубокие каналы. Каждому, конечно, урок — двенадцать кубометров. Это в болоте-то. Рассчитано у них, видишь, на каждого человека в этапе по двенадцать кубометров. Ну, на командировке, конечно, не одни же землякопы, есть и повара, и лекпом, и там всякая прочая обслуга. Канавы они, конечно, не копают, а заняты своим делом: варкой пищи, стиркой и кому что положено. Так вот на них тоже по двенадцать кубометров положено на каждого, и эти все ихние кубики на нас, канавщиков, начислены. И выходит их вместо двенадцати — четырнадцать,

Остров Соловецкий имеет в поперечнике от семнадцати до двадцати восьми километров. На острове около пятисот озер, богатых рыбой. Часть этих озер монахи соединили каналами, которые играют роль водных дорог.

Ф. Олехнович

Из воспоминаний А. Булыгина

Однажды вечером, отобрав небольшую группу заключенных, нас вывели за стены монастыря и повели лесом к берегу канала, который соединяет Данилово озеро с Перт-озером. Там нам дали задание вылавливать из канала и вытаскивать на берег сплавленные с места заготовок бревна.

Из воспоминаний Б. Седерхольма

определенному сроку, и за малейшее промедление отвечает не только вся группа, но и чекист, приставленный наблюдать за работой. Только смерть может освободить от работы.

Самые молодые и здоровые из нашей партии вошли в воду и подавали нам, оставшимся на берегу, бревна. Сделав три конца на лесопильку и обратно, я совершенно выбился из сил и, несмотря на протесты и ропот товарищей, лег на берегу, решив лучше умереть, чем продолжать эти мученья, которым нет и не будет конца. Завтра еще что-нибудь. Вчера были рельсы, сегодня бревна. Ни отдыха, ни сна, ни еды, ни тепла. Ни малейшей надежды на улучшение.

Вдруг меня точно пронзила мысль:

— Держись до конца. Держись, пока не упадешь, стыдно тебе, старому моряку, распускаться.

Собрав всю волю, я встал и пошел работать в воду. Если и суждено умереть, то уж лучше умереть в своей родной стихии...

Из воспоминаний М. Никонова

а может, и того больше. Что ж будешь делать? Одно только и есть — работай изо всей мочи. А тут, глядишь, и осеннее время — вот оно. Комаров, на наше счастье, уже нету. Ну, однако, работа ниюгда по колено, а ниюгда по пояс в воде. А обувь какая у кого есть. Было много разных интеллигентов. Кто в ботинках, кто в хороших сапогах, а болотных сапог ни у кого. Так интеллигенты те первыми в расход пошлм. Что ж, это ежели в воде целый день простоять, — конечно, заболеешь. Освобождение от лекпома получить, ну прямо, невозможно. У лекпома тоже норма — больше такого-то процента освобождать никак не смей! Вот, скажем, больных пятьдесят, а освободить по болезни

от работ на сутки можно только двоих. Вот он двоих освободит, а соржок восемь идут опять в болото — урок выколачивать. Мерли, конечно, как мухи. Очень тяжел урок. Такой урок — уж на что мы народ привычный, а и то не могли выстоять. И туфту зарядить никак нельзя. Как зарядил туфту, сейчас тебя после работы вместо барака — в канаву, в воду ставят босого. Угонение, скажу, совсем плохое. Шпана, без малого, вся на канавах полегла. Народ это такой: без туфты не работники, а охрана тут и десятники — ну чисто звери. И вот тебе, приходит зима. Осталось нас совсем мало.

Ну, однако, новых подсылают. Старые работники в трясицу, в яму уходят, а новые на их место в землянки. Нас осталось из двух сотен, почитай, только восемь человек: два на кухне, да мы пестеро. Ну, однако, и нам скоро конец будет. Уж и силы на пеходе. Ходим на работу, и все как следует, а чуем — скоро и нам в ту же трясицу. И вот такая тоска меня взяла — на свет бы белый не смотрел. И чувствую — сделать ничего нельзя, податься некуда. Из землянки уходил — темно, и вернешься — темно. Только бы до нар добраться: лег и нет тебя на свете...

*Большое Куликово болото — место торфяных работ, где находятся около 800 заключенных.
Из отчета польской разведки «УСААГ. 1928—1932 гг.»*

Разутых и раздетых в ротах около половины. Все остальные тоже весьма плохо обуты и одеты.

Из материалов следственного дела № 97248

Начальнику охраны командировки «Красная Горка» СЛОНА ОГПУ

Донесу до Вашего сведения, что сего числа остается в лесу партия заключенных в количестве 128 человек и с ними пять десятников: Руднев, Иванов, Тувакин, Мещеряков и Озеров во главе с четырьмя конвоирами: Дерновым, Ивановым, Золотаревым и Керовым. Вызванное оставление партии — умышленное невыполнение урока.

Дежурный по командировке «Красная Горка»
младший надзиратель Поваров С.П.
20 ноября 1928 года

Начальнику Санчасти от врача Вольской Лидии Александровны
РАПОРТ

Настоящим сообщая, что при осмотре мною 24 декабря 1928 года партии заключенных, прибывших с командировок «Красная Горка» и «Параново» в количестве 46 человек, 75% оказались с отмороженными конечностями.

«Массовые обморожения заключенных в командировках СЛОН ОГПУ»

Из материалов следственного дела № 97248
осень 1928 года

Заведующий околотком командировки «Медвежья Гора»:

— При производстве работ по выкатке из воды лесоматериалов вследствие морозов лес приходилось вырубать изо льда. Принимая во внимание, что люди не были обмундированы и стояли большие морозы, то становится понятно, почему не выполнялись уроки и работа шла скверно...

Заведующий околотком командировки «Разнаволока»:

— Разутых и раздетых в ротах около половины. Все остальные тоже весьма плохо обуты и одеты...

Заведующий околотком командировки «Мурманск»:

— Система уроков работы, принятая в зимнее время, по своей величине не разнится с летней, при идентичности условий питания, а в некоторых случаях и обмундирования рабочих...

Заведующий околотком командировки «Энг-озеро»:

— Большой процент больных объясняется тем, что в сильные морозы люди находились на работе в рваной одежде. Большинство из заключенных поморозило ноги и часто простужалось...

Лекпом лагерной командировки «Идель»:

— В осеннее время, как время переходное, заключенные, работавшие в лаптях на исключительно мокрой и болотистой почве, часто болели...

Следственное дело № 97248,
ИСО УСЛОН²⁴

АКТ

На основании наружного осмотра установлено, что смерть ... наступила от прогрессивной анемии в условиях холода.

Лекпом...

*Милый мой, пойдем со мной!
Пойдем, моя картиночка.
Тебя угонят в Соловки —
Останусь сиротинушка.*

Частушка начала 30-х годов

*Записана со слов соловецкого заключенного
Самуила Эштейна*

Остров чудес

За горами, за лесами,
Меж водой и небесами.
В Белом море остров есть.
Дивно, братцы, посмотреть.

С виду остров тот прекрасен.
Доступ к острову опасен.
И кругом со всех сторон
Остров морем окружен.

На том острове Большом
Нету хат... Дворцы, палаты
Блещут славою времен...
Остров мало населен.

Люди там живут простые.
Как и мы, точь в точь такие.
Занимаются трудом.
Полеводством и скотом.

Меж людей, как между нами,
Буржуа есть с бедняками,
Есть монахи и попы,
Проститутки и воры.

Есть князья там и бароны,
Но с них сбиты их короны.
Словом, всех не перечеть.
Кто на острове том есть.

Жизнь там течет, как масло,
Так же светит солнце ясно...
Нет лишь только там рабов,
Нету бар и мужиков.

Все равны там меж собою,
Все живут одной семьею.
Общий всех девиз там — «Труд».
Мирно люди там живут.

Не враждуют меж собою,
А ведут борьбу с нуждою...
И порядок там, друзья,
Образцовый навсегда.

Охраняет остров стража,
К ней приставлен старший «раджа»
С виду строгий человек,
Но добрей его там нет.

Раджа островом всем правит,
Провинившихся карает.
Издает закон в стране
И Кодексы о труде.

Всем живется там привольно...
И всего в стране довольно.
Одним словом — та страна
Для блаженства создана.

За горами, за лесами,
Меж водой и небесами.
В Белом море остров тот.
И на нем труда оплот.

Если кто-то здесь побудет,
Век про остров помнить будет.
И чудесный остров тот
До небес превознесет.

УТКА⁷остров Соловки,
7 мая 1924 года

20 1 июля 1932 года И. В. В.
2125 УДАЖИ Николай Кондратьевич бригадир бригады
Трудколлектива "СЕТЬ" РАИДЛ "внебный в
КРАСНОЕ КИМУ Центрального Шта в Средний про-
цент выработки бригады в мае 1932-а и июне 1932

Селиванов Аркадий Васильевич (1901–1991), архитектор. Арестован в Ленинграде по «Делу Космической академии наук». В СЛОНе — 1928–1931 гг. Заключение отбывал в материковых командировках Соловецких лагерей. Всего — тринадцать лет заключения

Из воспоминаний А. Селиванова

Из Кемского пересыльного пункта меня направили во Второе отделение лагеря. (Всего таких отделений в мое время было около восьми). Отделение находилось вблизи станции Май-губа на берегу большого Выг-озера, из которого вытекает река Выг, впадающая впоследствии в систему Беломорско-Балтийского канала.

Но тогда основными работами заключенных этого отделения были лесозаготовки, производимые из так называемых командировок — отдельных небольших лагерей, с временными бараками, палатками, построенными в лесу, разбросанными по всему северу Карело-Финской Союзной Республики, на значительном расстоянии друг от друга.

На территории командировок была своя охрана, свое хозяйство, то есть каютерка, кухня, медпункт в лице декарского помощника — лекнома,

обязанности которого, как правило, исполнял заключенный, не имевший специального медицинского образования... Он мог дать освобождение от работы, но только лишь таким заключенным, болезнь которых не вызывала никаких сомнений даже у не искушенных в медицине начальников.

Организация труда была такой, что заключенные работали на износ. Мне очень редко удавалось выполнить положенную норму в кубометрах, а если удавалось, то при наличии особо благоприятных обстоятельств: хороший пиларник, удачная делянка, хороший инструмент. Поэтому я редко получал полную папку хлеба, который нам давали по спискам десятников, после возвращения с работы на командировку, а это значило, что на следующий день уже не мог взять с собой в лес хлеба для завтрака.

Из воспоминаний Н. Жилова

Структура лагерного пункта была повсюду стандартной. Во главе стоял начальник лагпункта, обычно партией, реже вольнонаемный беспартийный. Помощниками начальника были заключенные из уголовных.

Самым важным чиновником в лагпункте был представитель Третьего отдела — так называемый Уполномоченный. Третий отдел лагеря — филиал ГПУ — Главного Политического Управления. Функции уполномоченных и следователей выполняли заключенные, до ареста работавшие в ГПУ. В лагпунктах заключенные называли уполномоченного Кумом. Кум, по идее, должен был быть недремлющим оком ГПУ в

пределах лагпункта. Вторым отделом лагпункта являлась так называемая УРЧ — Учетно-Распределительная часть, ведавшая учетом и распределением работ. КВЧ — Культурно-Воспитательная часть — воспитывала заключенных в духе коммунистической идеологии, она же организовывала зрелища: театр, самодеятельность, кино. Санчасть — иначе, Лечебно-Профилактическая часть — следила за гигиеной, питанием, оберегала от потерь rabbits.

Лагпункты объединялись в отделения, а отделения — в Управления. Всеми лагерями ведало Главное Управление Лагерей — ГУЛАГ — составная часть ОГПУ.

Из воспоминаний Ф. Олехновича

За короткое лето природа немножко подкармливала узников. В соловецких лесах много черники и брусники. Впрок не заготавливали — о сахаре не могло быть и речи. Но уж лучше так,

чем совсем ничего. Грибов тоже было множество. В летнее время голод меньше донимал заключенных, переходивших в это время на подножный корм.

Из воспоминаний Д. Лихачева

Иногда нас посылали собирать ягоды. Командовал артелью по сбору ягод человек по фамилии Бериягода. В Адмчасти, вообще, были шутники из белогвардейцев, которые выбирали человека с необычной фамилией и ставили его, прямо с этапа, командовать «производством». Например, эстонка Кунета поставили во главе «художественной» роты, а украинца по фамилии Убиймуха послали командовать «вогнебойками».

В артели Бериягоды был красавец-городовой из Варшавы. Таких специально посылали за границы, чтобы русские выглядели красавицами. Этот бывший городовой доставлял нам в лес еду, обкрадывая безбожно. Но однажды он дал мне очень дельный совет: «Идя по ягоды, бери с собой хлеб». Действительно, заедая массу ягод хлебом, можно съесть их очень много и не набить оскомину...

Из воспоминаний Ю. Чиркова

Сбор ягод считается одним из лучших видов обирных работ. Ходить по лесу без конвоя и собирать ягоды — удовольствие какое! Но когда моросит холодный дождь и надо ползти десять часов среди мокрых кустов, чтобы набрать восемь килограмм черники, когда ягоды вываливаются из мокрых, озябших пальцев, а через намокшую телогрейку по спине противно ползут струйки воды, тогда все отвратительно.

Проклятые ягоды не оставляют ни днем, ни ночью: как только закрываешь глаза — первый сон — сбор ягод.

Даже Байзель-Барский, журналист, член какой-то зарубежной компартии, большой юморист, не может рассмешить промокших ягодников, восклицая:

— Я очень зод! Я сейчас съем ягоду! — намекая на Генерального комиссара Госбезопасности Наркомвнудела Генриха Григорьевича Ягоду.

Норму мы не выполняли, получая за это четыреста граммов хлеба да обед без второго блюда. Я здорово похудел, хотя и ел ягоды. В бригаде ягодников, кроме меня, все были старики, в основном литераторы и священники.

Соловки превращались в доходную в хозяйственном отношении организацию, причем за счет прибылей от каторжного безвозмездного труда заключенных содержался не только весь кооперативный лагерь, но многие другие учреждения ОГПУ.

На Соловках работали кожевенный, мыловаренный, дрожжевой, гончарный, лесопильный заводы; электростанция, железная дорога, «Сельхоз», молочные фермы, а также мастерские: столярная, механическая, сапожная, обувно-дизайнерская, белошвейная, лыжная, часовая, ювелирно-граверная и кустарно-художественная. Кроме того, различные заведения вроде питомника пушных зверей дорогих пород, а еще «Биосад», лесничество, метеорологическая станция, рыбные промыслы, добыча йода и много других предприятий и учреждений. Ру-

ками соловчан прорывался канал, соединивший Ленинград с Белым морем, прорубался тракт вдоль финской границы от города Ухты к Мурманской железной дороге. Лесозаготовки велись по всему Северному краю силами именно соловецких заключенных.

Возникла система продажи лагерников группами или персонально на внелагерные предприятия. Продажа оформлялась договорами, по которым предприятия платили Управлению Сололагерей ОГПУ. Заключенный, конечно, ничего не получал.

Кроме продажи узников по договорам, лагерь брался за поставку предприятиям РАБСИЛЫ. Оговаривались лишь количество рабочих рук и срок, но не персональный состав.

В таких случаях просто под конвоем пригоняли ежедневную порцию рабсилы.

Из материалов следственного дела № 1385

Первоначально Управление Соловецких лагерей имело своим назначением изоляцию преступного элемента, сосредоточив всю массу заключенных на Соловках и используя ее там на своих предприятиях. Но с осени 1925 года этот курс стал меняться в связи с вывозом заключенных на материк для работы на лесозаготовках. Опыт удался, и мы стали направлять свою рабочую силу на договорных началах в Карелию и тем самым достигать экономического эффекта...

В связи с организацией на материке Второго³⁰ лагеря, зимой 1929 года к нам влилось до двадцати членов партии на различные административные должности. Надо сказать, что до этого момента я был единственный член партии в отделении лагеря на материке.

Не имея достаточного опыта в работе и жизни, мне было 26 лет, не имея никакого образования, в окружении белогвардейской публики я был «безусловным нулем», как высказался обо мне Френкель, начальник Экономического отдела.

Хочу напомнить — власть над заключенными разделилась на административную в лице начальника пункта и производственную, осуществляемую ЭКО. Но за содержание заключенных в лагере и СОХРАНЕНИЕ КЛАССОВОЙ СУЩНОСТИ отвечал начальник пункта.

С приездом архангельских товарищей встал вопрос, как НАМ осуществить единое руководство в лагере, — была организована партячейка. При Управлении был организован Партком. Согласно директивного письма Архангельского Губкома, парторганизации предоставлялось право вникать, контролировать и руководить производственной деятельностью. Вся зима двадцать девятого года прошла в выработке новых форм работы. Политический страх руководства лагеря в силу содействия архангельских товарищей был снят.

Из показаний Потемкина Н.Ф.*
начальника Кемперпункта

*Потемкин Н.Ф. (1902 г.р.), образование — четыре класса сельской школы. После перевода с Соловков возглавляла лагерные Управления в Комсомольске-на-Амуре, на БАМе, а также Печорское Управление ИТА и Управление лагерей «Стройка № 506».

...за содержание заключенных в лагере и сохранение классовой сущности отбсчал начальник пункта.

И. Потемкин

Из воспоминаний Е. Соловьева

При мне на должность начальника командировки был назначен некто Потанов, который прославился своими издевательствами в других местах. Поэтому его и перебросили на лесозаготовки, где нужно начальством иметь особого зверя. Он не только не позволял отдыхать во время работы, которая длилась непрерывно по шестнадцать—двадцать часов, но, зная, как все продрогли, специально разжигал костер и садился возле него, приготовив револьвер. Если кто-нибудь не выдерживал и шел к огню, Потанов стрелял. А убив одного члена бригады, он, естественно, пристреливал и двух остальных. Расстреляв группу, Потанов писал, что каэры сделали попытку к бегству или напали на него. Так все ему сходило с рук.

Другим развлечением Потанова было замораживание людей. Он выбирал кого-нибудь из плохо работавших, не могущих выполнить урока, ставил его на пень, заставляя поливать водой из проруби на озере. Иногда Потанов «играл» в расстрел, отстреливая ухо или пряди волос, а потом заставляя огулашенного и контуженного

арестанта закапываться в снег. Будучи настоящим садистом, он не мог прожить и дня, чтобы не посмотреть на человеческие мучения.

В других командировках были свои мучители, которых в Соловецких лагерях собралось много, вроде Грауде, Шмидта, Воронина, Александра. Они ни в чем не уступали Потанову.

На сорок пятом участке лесозаготовок заключенных заставляли есть кашу, у офицеров на плечах вырезали погоны, а призывавших имя Божье, распинали голыми.

На сто двадцать девятом участке чекисты издевались, причиня членовредительства, — ломали кости, вытягивали жилы. Там, видимо, работали особенно больные психически — бывшие палачи из московской Че-Ка.

Когда выяснялось, что на этих участках буквально все заключенные изувечены, то туда был направлен врач Сергей Высоцкий, человек, известный своей честностью, у которого уже закончился срок заключения. Врач сразу понял, в чем дело, и его назад не отпустили, а убили, объявив, что он-де убежал...

Для своего существования Соловки уничтожают единственное природное богатство — лес, который вырубается в громадном количестве для продажи за границу, так как все другие предприятия на островах абсолютно бесприбыльны. Аналогичное мы наблюдаем во всем Советском Союзе, где большевики преступно истребляют природные богатства страны и вывозят все, что только возможно продать за валюту. Опыты насаждения социализма и коммунизма в России неминуемо закончатся позорным крахом.

Лесной промысел составляет одну из главных статей доходного бюджета Соловецкого лагеря, поэтому истребление леса происходит самым хищническим образом, и недалеко то время, когда вся Соловецкая лесная дача будет уничтожена. Бедные монахи, оставшиеся на островах, стонут, глядя на это варварство. Как при расходовании народных и государственных средств, так и при истреблении природных богатств страны, большевики придерживаются известной приталики: «А после нас хоть потоп!».

Из обвинительного заключения
по делу № 877

На лесных командировках существовали так называемые «Увольнительные записки», когда заключенному за невыполнение урока в виде наказания накладывалась на плечи трехаршинное (более двух метров) бревно с соответствующей надписью, с приказанием тащить его в лагерь, зачастую отстоящий от места работы в нескольких километрах.

Летом, если не было джунглей или пали, то бинсфатого раздвигали до пола и ставили на песок. Тепло обеспечивалось комарами и мошкой так, что человек умирал. У него не оставалось живого куски кожи, чтобы дышать.

А. Лихачев

Из материалов следственного дела № 877.

Показания Курялко И. А.

Самые тяжелые командировки были те, где работали в лесу, то есть пилили лес. Зимой там заключенные работали по десять и более часов. Нередко выгоняли на работу полураздетых, в мороз. Работали через силу. Отмораживали ноги и руки. Бывали случаи замерзания. Кто плохо работал, подгоняли прикладами. Не сумевших закончить задания-урока, нередко заставляли работать до поздней ночи. Приходили в казарму, спали по три-четыре часа, не успевали высушить портянок, как их опять гнали на работу. На этих командировках люди буквально «загибались», как говорят в УСЛОНе, их привозили в лагерь совершенно больных, остоавших, обессиленных, подчас не могущих идти. Здоровый крепкий человек превращался в скелет, в тень. Смерть от истощения была сплошь и рядом...

Было много так называемых саморубов — люди умышленно отрубали себе топорами пальцы на руках и ногах, чтобы уехать с такой командировки. Потерять руку или часть ноги было легче, чем выносить жизнь на такой командировке.

Издевались над заключенными по-всякому: зимой ставили на камень, пока человек совершенно не окоченеет. Летом ставили по горло в воду и тоже выдерживали несколько часов.

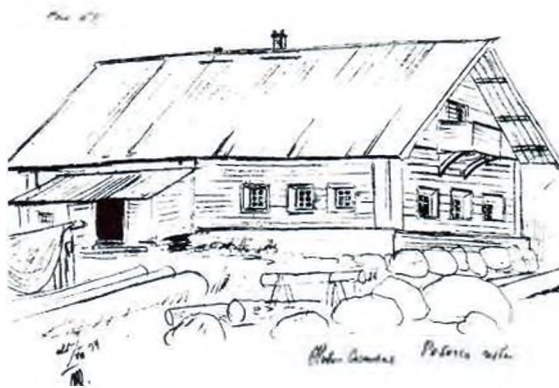

Изда в Ново-Сосновой. Рисунок заключенного
Ипполита Казаринова, 1934.
— У нас на Ново-Сосновой на комары не ставят,
а в мокрый карцер сажают. Морозят до смерти. Да
ведь не просто морозят, а с показом: выведут мерт-
вого мороженого перед строем — смотрите, мол,
вот хотел бежать и получил кару. То же, мол, и вам
будет. Мерзлых мертвецов выбрасывают в кучу за
отхожим местом.

М. Николов

Ассортимент — одно из самых крупных и
важных производственных предприятий САОНа на
Соловецких островах, как по значению в роли обще-
хозяйственной, так и по объему постоянно исполь-
зуемой в течение всего года рабочей силы.

Из доклада «О деятельности УСАОНа ОГПУ
за 1926—1927 операционный год»

Из воспоминаний И. Озерова

Мне работать в канцелярии было очень трудно, так как в ней мы постоянно находились от девяти часов утра до четырех часов дня и от семи до десяти или одиннадцать часов вечера, а сидели очень скученно и воздуха для дыхания было мало. Большинство сотрудников в конторах не столько работали, сколько писали разные цифры, не думая, верны ли они или нет. Не проверяя этих цифр и часто зная, что они дутые, их складывали, умножали и подучали разные производные, чтобы запомнить нужные графы: все равно, дескать, проверять не будут. Помню, потребовалось проверить отпарку каких-то грузов: надо было снять все копии записей из последних книг учета. Я намучился: при скудном освещении керосиновой лампы цифр разобрать невозможно, а надо расставить их по станциям назначения. Как я ни изощрялся, ничего поделать со многими цифрами не мог, разобрать их и сами служащие не могли, когда я обращался к ним, надоедая и постоянно отвлекая к учетным книгам. Я просил начальника, командировавшего меня, самому посмотреть и убедиться, что сделать такую работу нельзя, но ничего не смог добиться. Пришлось проставлять фантастические цифры, и что же?... — Сошло. Было много лишь видимости работы: посылают, например, на склад проверить количество, кажется, табуреток, отправляемых куда-то, а они навалены в разобранном виде на земле, и надо подлезать под эти груды и считать составные части.

Когда ж я должен был, по поручению администрации, обозреть в Кемии все предприятия с точки зрения правильности расстановки производительных сил и их использования, то натолкнулся на странные факты: осматриваю опытные поля, огороды, и мне говорят:

— Вот здесь посеяна была репа, но уродилась редька, а здесь посеяли морковь, но уродилась турнепс.

— Как? Почему?

— Мы просили семян и заказали их, нам прислали, мы их и посадили, а семян прислали не тех, которых мы просили, а мы их или не различили, или не посмотрели, вот что и получилось...

Поле сортоиспытательной станции САОНа

Характерна история с выполнением заказа на веники для бань — их несколько вагонов завезли с Кавказа. Отправили заказчику груз, а оттуда пришла бумага, что веники перед отправкой не просушены и в дороге сопрели, притом они ка-

Мы перетаскивали штабеля с места на место. Работа явно носила педагогический характер.

А. Витковский

Рисунок художника В. Верхотурцева. СЛОИ, 1924

Сумасшедшие, маниакальные люди одерживали верх, они командовали лагерем и в то же время увеличивали фантастическую атмосферу лагеря. Весь смысл того времени заключался в том, чтобы дать как можно больше невероятных проектов. Если человек предлагает:

И мы, пожарники, гордимся своей работой и той ответственностью, которая возложена на нас. Оправдывая высокое звание борца с огнем, мы взяли за починку шпилья собора на высоте тридцати сажен и установку там флага и с риском для жизни выполнили эту работу, не желая никакой награды, кроме признания нашей смелости и добросовестного отношения к своим обязанностям.

Из газеты «Новые Соловки», 1925

ких-то гигантских размеров, некоторые более сажени, сверх того, они перевязаны почему-то колючей проволокой, так что при использовании их в банях люди будут неизбежно ранить себя. Мы же их принять не можем, если хотите, то вернем вам обратно. Или их можно выбросить на свалку? Что делать? — писал заказчик. И это происходило в лагерях ОГПУ, где был контроль.

**Из отчета комиссии ОГПУ
по обследованию
хозяйственной деятельности СЛОИ.
Декабрь 1926 года**

3,9 % — полные инвалиды
13,8 % — инвалиды на легких работах
23,8 % — легкие работы
18,2 % — годные для всех видов работ
40,3 % — вообще не обследованы
Всего заключенных 9830 человек.

Из воспоминаний Д. Лихачева

— Давайте выкопаем канаву, чтобы осушить часть дороги, — он ничего не добьется!

Но если он скажет начальству:

— Дайте мне двести человек рабочих, и я найду вам клад, зарытый монахами! — то ему дадут триста человек.

В Соловецком лагере все всегда суетятся и стараются придать себе деловой вид даже вне рабочего времени, так как у заключенного при данном режиме не может быть ни минуты свободной.

Если останется свободное время, значит, что-нибудь неладно — кто-нибудь подкуплен. В результате — перевод на тяжелые работы и жизнь в одном из соборов.

Б. Седерхольм

Укладка дров. Приходит десятник:
— Сложить дрова здесь!..
Сложили... Является забедующий хозяйством:

— Почему дрова здесь? Передожить их туда!
Передожими... Потом забедующий дровами:
— Уложить на старое место! ... И т.д.

Ю. Бессонов

Нам: свидетелем непрекращающейся бодрствующей бдительности Местной на Местно. В каком-либо источнике Местности. Присовокупив упрямую надциркулярную и сократив, что если кажется незабываемой, то бдительность Местно перекрывает... и уязвимость Местно. А теперь уступим — оговорим. Пространственные бдительности Местно руки и ласки.

А. Понгаловичев

Поленницы дров, заготовленные заключенными Соловецких лагерей и брошенные в лесу, до сих пор лежат в районе Кирилловской точки, на горе Вербокольной, на берегах Долгой губы, в чащах Большого острова

Из воспоминаний Б. Седерхольма

Чем больше живешь в лагере, тем больше и больше проникаешься сознанием, что Соловецкий лагерь — это какой-то гигантский сумасшедший дом.

В техническом бюро при Строительной части лагеря разрабатываются снегоплавильные проекты: «Электрификация всех Соловецких островов», «Образцовая механическая прачечная», «Судостроительная верфь», «Астрономическая обсерватория», «Зоологическая опытная станция с аквариумом». Профессор Браз рисует фасад дома, где будет помещаться Управление водным транспортом, а в отхожем месте, расположенном на центральной площади, провалилась крыша. Заключенные, населяющие Кремль, около пяти тысяч человек, отправляют естественные

надобности во всех закоуках отхожего места, и вечером туда небезопасно ходить, так как несколько сидений провалилось и образовалась злобная яма.

По вечерам на поверках читают списки расстрелянных... Не выдержав нагрузки, падают в обморок истощенные голодом и работой люди, но работают два театра, где происходят спектакли и кинематографические сеансы. Специальные, особо командированные привезли из Москвы духовые и струнные инструменты для оркестра... Когда же князь Максудов, исполняющий обязанности кашельдинера в Кремлевском театре, не командовал «Смирно!» при появлении начальства, то его сослали на Кондостров в каменоломни.

Буржуазные журналисты всех стран распространяют немало вздора о Советском Союзе. Особенно увлекаются они рассказами об «ужасах» советских тюрем и концлагерей. «Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» — скажем мы им. Не мешало бы им провести некоторое время в своих собственных концлагерях, подышать их убийственной атмосферой, а затем побывать в наших, где заключенные учатся и развиваются, работают и исправляются. Тогда перед лицом горькой для них правды им при-

шло бы сильно покраснеть за свои писания.

Кто не провел хотя бы нескольких недель в империалистических лагерях, не может иметь самого слабого представления об этом царстве смерти, рабства и насилия. Но как был бы счастлив заключенный английского концлагеря, если бы он имел десятую долю той свободы, которой пользуемся мы здесь, в Соловках.

Бывший редактор
турецкой социалистической газеты
Седат Решад

Из воспоминаний В. Дворжецкого

Седьмой рабпункт Пинежского участка УСЛОН ОГПУ. Это строительство железной дороги Пинега—Сыктывкар. В камерах тесно, жарко, душно и клопы! Клопы всеядны, от них нет спасения, они невидимы и вездесущи! Клопами буквально пропитаны все три яруса нар. Каждая щель, каждая трещина, морщинка, складка, углубление деревянных нар, стен, потолка, пола заполнены клопами. Они всегда готовы жрать, в любое время дня и ночи. Они не насытны! Они неистребимы! Кошмарная мощь агрессии и вони, жуткой вони, постоянно заполняющей воздух, одежду, тело, пищу... А привыкаешь! Что делать? Ко всему привыкаешь. Выхода нет. Ну не уснешь сутки, ну еще сутки, ну спрячешь голову, лицо, шею в рубаху. В конце концов свалишься в сон, как убитый. А проснувшись, шевельнувшись в сторону — под тобой лужа собственной крови от тысячи раздавленных насекомых. Жуть! Повернешься на другой бок: «Нате! Жрите!» — и в сон.

Лампочка на потолке всю ночь горит, на окне решетка и щиток железный снаружи, чтобы ничего не было видно. Штрафной изолятор. Ни читать, ни писать... Ложись к клопам на голые нары, закрывайся одеялом, натягивай рубашку на голову... Еще один день прошел. Надо жить...

Однажды утром загремел засов — барахло принесли.

- Одевайтесь, десять человек на работу!
- Хорошо! Лишняя прогулка!
- Выходи за зону.
- Еще лучше — прогулка дольше!

Построились, вышли за вахту. Конвоя тоже десять человек с винтовками.

- Разберись по два! Следовай!
- Погода — чудо! Оттенься, солнце, небо синее!

Пахнет весной! Идем. По пять конвоиров по сторонам. Идем. Куда? В полукилометре впереди лес. Сзади лагерь. Вокруг открытое пространство... снег, светло. Как хорошо-то, Господи!

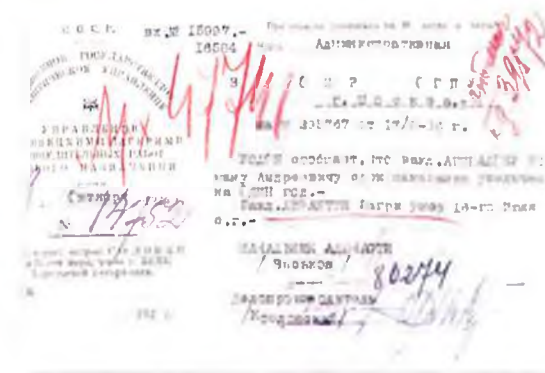
А это что? Чернеют пни?... Нет, это люди! Голые, мертвые... мерзлые... люди... везд... вокруг... самые невероятные позы, из-под снега торчат колени, руки, ноги, головы... спины.

Пошли дальше по свежей целине... все гуще трупов под снегом, под ногами... друг на друге...

— Стой!

Яма глубокая, снегом засыпанная... длинная яма-ров.

— Слушай команду: все собрать, снести в захоронение! — Гробовая тишина. Никто не шелкнулся.

— А ну, давай! — щелкнули затворы. — Управитесь к обеду — всем по двойному пайку! И премиальные...

Управились к вечеру. Сравняли яму... Оставили так... Растает, потом засыпят...

Другим штрафникам работа будет...

Вернулись в камеру. По кило хлеба получили и пирожок с капустой. А руки невымытые... Внере-

ди ночь страшная... и руки немытые... В эту ночь и клопы замерли... не жрали... клопы.

Уснуть... уснуть! Где уж тут... «Захоронение»... как таскали их, скрюченных, голых за ноги, за руки, волоком, как стаскивали в яму ту..., а они «цепляются», они не хотят... они ВИДЯТ! Глазато, глаза встречаются — как живые!.. Вот они глаза... Вот эти скелеты, обтянутые кожей... Люди, бывшие люди!?! Почему? Откуда? Ну стреляли на просеке штрафников — все знали об этом. Один, два, пять! Но эти-то откуда? Сотни! Много! Откуда?

В лагере десять тысяч. Кроме нашего штрафного изолятора, в зоне еще два барака «нерабочие». Один — изолятор сифилитиков и прокаженных, другой — барак Санчасти. Из изолятора вывозили и сжигали, это тоже всем известно, а вот Санчасть — настоящая мясорубка!

Всех доходяг — туда! Кто на разводе падает от истощения — туда, кто на поверку не поднимается с нар — туда.

Там в Санчасти вповалку народу, битком. Там хозяйничают сильные, здоровые уголовники — санитары и лекпом — царь и Бог. Идет, этак, по проходу между валяющимися доходягами лекпом в сопровождении свиты санитаров и мелком отмечает, кого в расход. Санитары потом тащат отмеченных в мергвежкую.

— Я еще живой!

— Лекпом лучше знает.

Вот они откуда — эти сотни! Их свозили в яму, а они распозались. Вот они, сотни, тысячи скрюченных, черных бывших человек — лагерная пыль...

Не уснуть!.. Все равно не уснуть... долго не уснуть...

А это что? Черешок ши? Нет, это люди! Голые, мертвые... Из-под снега торчат колени, головы, спины...

В. Дворжецкий

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА В СОЛОВЕЦКОМ ЛЕСНИЧЕСТВЕ УСЛОН

Культурно-просветительная деятельность в Лесничестве сильно затрудняется ударностью работ рабочие, по исполнению ими дневных уроков, возвращаются настолько уставшими, что в большинстве случаев оказываются не способными к культурно-просветительным занятиям. Несмотря

на это, удалось провести с ними ряд бесед на тему «Необходимость и средства поддержания порядка в общественной жизни людей». Лекции прошли на Белом озере¹⁰, Белужьем и Большом Лесном¹¹. Беседы прошли при достаточном внимании к ним со стороны заключенных и вызвали ряд вопросов...

Воспитатель Е. Семенов

Из воспоминаний И. Зайцева

Действие происходит в Исаково — главной лесной командировке. Это штаб лесозаготовок. Сюда я был сослан за отказ написать мемуары для лагерного журнала.

С вечера началась метель. Февраль. Мрачная приполярная ночь. Дует северо-восточный рез-

Барбаринская часовня — Соловецкое лесничество. Почтовая карточка издательства УСАОНа

кий, пронизывающий ветер. Командировка спит под шум ночной бури... В четыре часа утра свирепые крики дневальных:

— Подъем! Живо!

Лесорубы нехотя встают, отрываясь от «согревающихся групп»... Черный хлеб запивают кипятком, кто успел достать, другие — холодной водой.

— Стройтесь на развод! — новая команда в четыре часа тридцать минут.

Нарядчики распределяют нас по группам и передают десятникам. В помощь десятникам дают обычно одного или двух чекистов из «Надзора» для физического принуждения, на лесозаготовки подбираются самые суровые и бесчеловечные чекисты.

Партии, направляясь по разным дорожкам, входят в бушующий лес. Ветер бросает снег в лицо, как дождиком. Глубина леса представляет со-

бой клокочущий котел: шум, гул, треск, свист, завывания и темнота... Десятники задают урок — по тринадцать штук баланов на каждого лесоруба и указывают район, где пары заключенных должны свалить все заклеименные деревья.

У стволов деревьев нанесены сугробы. Перед тем, как пилить, надо отгрести снег от ствола. За наименьшим лопат это делается ногами. Работа нудная, отнимает много времени, затрудняя выполнение урока. Здоровые и сильные, а главным образом, предусмотрительные и осторожные, принимаются за работу. Другие начинают обзор участка — откуда лучше начать. А третьи — слабовольные, уже угнетенные и подавленные режимом, решают выждать рассвета: они забиваются парочкой под густые ветви развесистой ели, усаживаются плотно, прислонившись друг к другу... Часто такие пары превращаются в мерзлые трупы — заледеневают, покинув Соловецкую землю, избавив себя от мучений и страданий...

Когда десятник, обходя для проверки очередной участок, не видит какой-нибудь пары, он, как человек опытный, ищет под елями и находит трупы замерзших...

Во время этих обходов, особенно в суровую погоду, происходят трагические сцены. Десятник с чекистом приходят на один из участков и видят, как пара лесорубов бегает вокруг балана... Он набрасывается с руганью, почему мало сделали? Те отвечают, что во время пилки у них замерзают ноги: обувь-то — лапти с мешочными портянками, обещают, что, согрев ноги, продолжат работу.

Охранники, не доверяя словам заключенных, требуют от них беспрекословно взяться за инструмент, так как не собираются из-за этой пары задерживаться в лесу... Лесорубы возражают. Они говорят, что если не будут отогревать ноги, то отморозят их и совсем не смогут работать. Нужно учитывать психологию этих людей,

уже измученных, угнетенных и подавленных, почти всегда безмолвных... Но сейчас к ним предъявляют дикие требования — умирай, да нили! Будучи нервно возбужденными, они возражают, называют чекиста и десятника «палачами» и «кровопийцами».

Начинается избивание. Один бьет палкой, а другой прикладом. После нескольких сильных ударов замерзшие жалкие работники берут нишу и идут к стволу, размазывая по лицам кровь... Десятник с чекистом стоят некоторое время рядом, наблюдая за работой.

В другом месте чекист заставляет здорового лесоруба бить своего больного, почти умирающего пинаришка.

— Шибче бей! Гав-гав-гав! — орет чекист и прицельно бьет сзади прикладом по голове...

При таких условиях труда заключенные всеми силами старались попасть в стационар. Их не принимали туда вследствие того, что стационар был слишком мал, но они не хотели уходить и ложились на снег. Воздух оглашался душераздирающими криками, когда доходя за ноги оттаскивали от стационара.

Кто дал меньше освобождений больным, про того говорили, что он опытный лекном, потому что за каждое выданное больному освобождение от работы ожидалась какая-нибудь взбучка от начальства, в лице командира или Отдела Труда.

Заключенный Рахт С. П., лекном командировки Голгофа.
Из показаний на допросе

Шарж из журнала «СЛОН», № 7-8, 1924

В Отдел труда ЭКО

Через командира роты
№ 1234

1. Фамилия _____
2. Имя _____ дел труда ЭКО
3. Отчество _____
4. Рота _____ роты
5. Освоб. от раб. на _____

Из воспоминаний Е. Соловьева

Медицинской помощи пострадавшим на работе никто оказать не может, так как фельдшерами числятся люди, ранее к медицине отношения не имевшие. Нет никаких медицинских инструментов, лекарств, кроме йода и тряпок, а «термометром» называют толстую дубину, которую употребляют по отношению ко всем, заявляющим о своем заболевании. Если человек

уже совсем не может выполнять тяжелую работу, то его с лесозаготовок все равно не отпускают, а заставляют выполнять бессмысленные задания, например, переносить воду из одной проруби в другую. В лагере никто без работы сидеть не должен, и освобождения не дадут никому, потому что начальство не хочет признавать больных больными.

Из воспоминаний Б. Седерхольма

Ничего проного и определенного. Никто не знает, что именно можно делать, а чего — нельзя. Например, выводят партию заключенных мостить дорогу. На всю партию выданы два молотка для разбивки щебня и одна лопата. В партии двадцать человек. Как быть? Просить, чтобы всю партию снабдили инструментом в надлежащем количестве, — нельзя, так как не дисциплинарно; возможно, не дают инструмент нарочно, чтобы сделать работу труднее. Но может случиться и иначе.

Кто-либо из проходящего мимо «начальства» вдруг обратит внимание, что заключенные носят щебень пригоршнями рук. Тогда всю партию обвинят в саботаже, и это повлечет за собой дисциплинарное взыскание.

Самое слабое наказание — тридцать суток содержания в темном подвале, с обязательным ежедневным выводом на исключительно тяжелые работы. За два дисциплинарных взыскания, полученных в течение трех месяцев, следует перевод на Секирную гору...

Обращение бригады заключенных на дорожных работах вблизи Пожарных (бывш. Святых) ворот Кремля. 1928 год

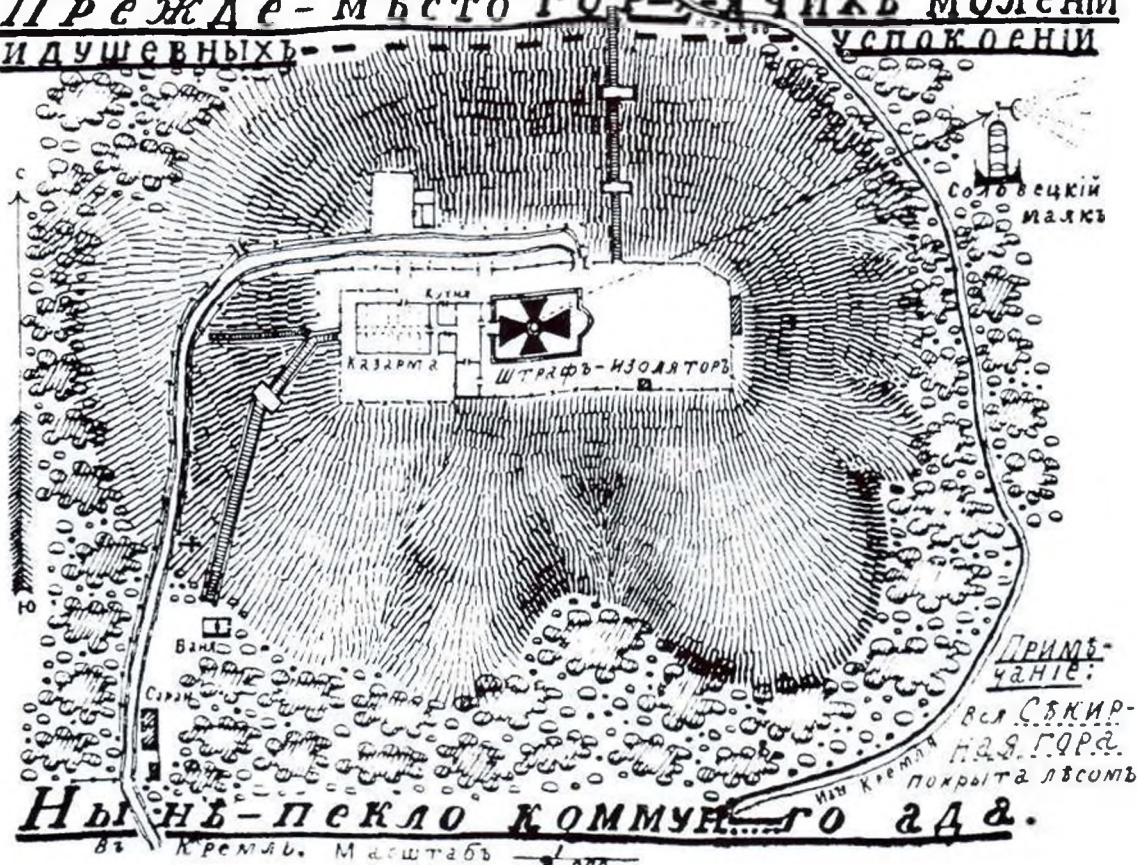
Миниатюра из соловецкой лицевой рукописи 1623 года. «Ангелы секут розгами корельскую женку». ОР РНБ, Санкт-Петербург.

В память о чуде избития женщины гору назвали Секирной. Через 500 лет она сполна отплатила себе названье, став символом человеческой жестокости

Из воспоминаний Ю. Чиркова

Секирная гора имела очень недобрую славу. Там в XV веке ангелы высекали розгами женщину, которая могла бы явиться на острове соблазном для монахов. В ознаменование этого чуда там поставили часовню, а в XIX веке — довольно большую церковь, на вершине которой устроили маяк. К церкви примыкал с запада деревянный двухэтажный корпус. В лагерный период на Секирной горе разместили штрафной изолятор, знаменитый особенно тяжелым режимом.

Г О Р А С Ъ К И Р Н А Я
 Здесь была Монаст скитъ и высокочтимый Храмъ
 Прежде-мѣсто гор-ячихъ моленій
 и душевныхъ — — — — — успокоеній

План штрафного изолятора на Секирной горе, выполненный заключенным Соловецких лагерей Особого Назначения генерал-майором Иваном Зайцевым

Быстро вышла за пределы Соловков слава Секирной горы. Это был карьер для всего лагеря, где проитграфившихся или неугодных заключенных доводили, так сказать, до ума.

Когда строили узкоколейную железную дорогу, то во главе работ поставили единственного в то время на Соловках инженера-путейца Эдуарда Эдуардовича Кухаренка. Это был человек средних лет, специалист еще старой формации. И знал свое дело очень хорошо. Был, как потом выяснилось, очень крупным специалистом.

Нрава Кухаренок был веселого, бесстрашного. Не боялся острое слово сказать. Не боялся перечить начальству, бесцеремонно отменяя неграмотные приказы. Заступался за заключенных, стараясь уберечь их от произвола охранников. Однажды ночью, по доносу, его увели на Секир-

ную гору... Прошло время, пока смогли ему помочь. Наконец, смазливая девчонка из охраны женбарака смогла договориться с начальством Секирки... Кухаренка вызволили, но это был совершенно неузнаваемый, потухший человек. Навещая Э.Э. в больнице, я видел, что любой разговор ему в тягость. Стало известно, что его подвергали самым настоящим пыткам, из них наименьшей была «жердочка», это, когда заставляли сутками сидеть на жерди, не позволяя ни встать, ни задремать, ничего...

Благодаря железному здоровью Кухаренок выдержал пытки, но морально он был сломлен. Потом его по спецнаряду, вызову, отправили в Москву. Говорили, будто сам Дзержинский, узнав, что Кухаренок в заключении, вытребовал его, как большого знатока железных дорог¹².

Литвин Николай Кириллович (1890 г.р.), уроженец города Могилева, журналист. Арестован и осужден после возвращения из-за границы. В Соловки заключен по решению Коллегии ОГПУ 22.02.24 на три года.

Журнал «Соловецкие острова» № 9, 1925

В самый ясный день тяжело передвигать ноги к горе Секирной.

С легкой душой туда не приходят люди...

Раскольников как-то говорил у Достоевского:
— Низкие потолки и тесные комнаты душу и ум теснят!

А тут высокие потолки и много простору меж этих белых стен, а тесно душе, очень тесно... Дальше, наверх. Лестница. Вот она, душа Секирки. Ключ. Засов. Секуцца.

— Смирно!

Синие дымки махорочные под потолком собрались, будто выброшенные последним церковным кадилом. Будто поднялись вверх и с тех пор стоят недвижимым облаком. Сгрудилась перед дверью несколько десятков людей, встали стеной перед распахнувшейся дверью.

И глаза, и рты у людей раскрыты. Увидели нового человека — и ждут, мучительно, жадно ждут. Чего? Этого не передать словом.

А главное — сами ожидающие не знают, чего именно ждут они, что хотят услышать из распахнувшейся в неурочный час двери. Глаза — почти дмишные. Если встать в дверях и молча гля-

деть в эту живую неподвижную стену, задрапированную в разнообразнейшие лохмотья, в эту голую обшью грудь, испещренную фантастической татуировкой, если молча глядеть в эту живую стену, то и она уставится в вас десятками пар своих глаз и способна стоять так час, два, сколько угодно.

— Кто кого пересмотрит?

Вошла внутрь. Дрогнула фантастическая стена, назад подалась...

Н. Литвин

Шарж из журнала «САОН» № 7—8, 1924

Первого сентября 1926 года в результате провокации с минимальным лесным пожаром был издан приказ по УСЛОИпу о ссылке меня сроком на три месяца в штраф-изолятор, то есть на Секирку.

Без преувеличения могу сказать, что когда зачитали этот приказ на поверке, то многие ахнули.

Уже не принимая во внимание моего прежнего социального положения, генерала Российской армии, но и просто по возрасту — никогда не было случая, чтобы арстанта такого солидного возраста заточили на Секирку.

На Секирке существовали все виды истязаний. Сидение на жердочке и избиение являлись самыми легкими видами наказания. Начальником Секирки был Суриков, который устанавливал там этот режим...

Из показаний на допросе И.А. Курилко

Нас заставили раздеться, оставив на себе лишь рубашку и кальсоны.

— Нельзя ли оставить носки на ногах? — попросил я, так как цементный пол был, как лед.

— Снимай! Не полагается! — грубо прокричали в ответ.

Лагстароста постучал болтом в входную дверь. Внутри закричал железный засов, и тяжелая громадная дверь открылась. Нас втолкнули внутрь так называемого верхнего штраф-изолятора. Мы остановились в оцепенении у входа.

позумленные представшим перед нами зрелищем. Вправо и влево вдоль стен молча сидели в два ряда на голых деревянных нарах узники. Плотно, один к другому.

Первый ряд, спустив ноги вниз, а второй — сзади, подогнув ноги под себя.

Команда:

— Сидеть по местам! Больше ни слова!

Все босые, полуголые, имеющие лишь лохмотья на теле, некоторые — уже подобие скелетов. Они смотрели в нашу сторону мрачными утомленными глазами, в которых отражалась глубокая печаль и искренняя жалость к нам, повичкам, что нас ожидает то же, что они выстрадали и переносят теперь. Все, что могло бы напоми-

нить о том, что мы в храме, уничтожено. Росписи скверно и грубо забелены. Боковые алтари превращены в карцеры, где происходят избияния и надевания смирительных рубашек.

Там, где в храме Святой Жертвенник, теперь огромная «параша» для большой нужды — в нашем случае — кадка с положенной сверху доской для ног.

Утром и вечером — проверка с обычным собачьим лаем «Здра!» Бывает, за вялый расчет мальчишка-красноармеец заставляет повторять это приветствие полчаса или час...

Пицца, притом весьма скудная, выдается единожды в сутки — в полдень... Так не неделю или две, а месяцами, вплоть до года.

Из воспоминаний Е. Соловьева

В верхнем штраф-изоляторе режим более суровый, там сидят люди, ожидающие постановления по поводу своей участи, часто расстрела. Какие переживания, какие муки испытывают они там, человеческий мир не узнает, потому что почти никто не выходит оттуда на свет Божий. А если кто и выйдет, то все равно не расскажет, потому что он после Секирки в лучшем случае полупомешанный, которому все равно не поверят — не сможет цивилизованное человечество поверить в беспредельное варварство диктатуры большевиков не только в Соловках, но и по всей России.

А Секирка — это шедевр, это высшее достижение коммунистической гуманности по отношению к невинно осужденным. Ведь коммунистическая диктатура «не наказывает, а исправляет», как проповедают ее идеологи. Но на самом деле здесь отрабатывают методы зверского и поголовного уничтожения человечества. На Секирку отправляют от одного месяца до одного года, который, конечно, никто не перенесет.

Все вещи у заключенных отбираются, хотя на ночь можно получать какую-нибудь одну свою вещь, например пиджак или одеяло. В пять часов утра эту вещь надо сдать... В камере на верхнем этаже собора, расположенного на самой высокой горе острова, при сильных полярных метелях и вьюгах днем приходится сидеть в одном белье в сыром холодном неотопляемом помещении. В нижнем изоляторе разрешается иметь верхнее платье, а кроме того, сидящих на первом этаже гоняют на работы, что для заключенных верхнего изолятора кажется курортом.

Узникам Секирки не разрешается писать и получать письма, запрещены посылки и право пользования ларьком, даже если на счету есть деньги. Утром по кружке кипятка, а позднее по три четверти фунта¹ черного недопеченного хлеба, который мгновенно съедается. Часто хлеб дают с большим опозданием. После рации «пицци» — кипятка — проверка, перекаличка, и все садятся на так называемые жердочки, где нужно сидеть только строго прямо и абсолютно молча до обеда. В двенадцать часов в ушатах приносится баланда, которую наливают в глянцевые чашки, вызывая по списку. Варено — баланда — отличается не только отсутствием жиров, но и овощей. Все обедают без хлеба, так как он уже давно съеден. Баланда просто выливается.

После обеда арестанты вновь садятся на жердочки. За неправильное сидение, за попытку разговора — наказание. Кроме всеганных побоев, обычно сажают в карцеры, их два, справа и слева, арестанты называют их «южный» и «северный». Если арестанту понадобится сходить по естественным надобностям, то без разрешения он не может встать и войти в шкаф, где стоит малая параша. Откровенно говоря, сходить на парашу — размять кости — считается большим удовольствием. Вечером в десять часов — снова удар в колокол — проверка. Выдают по одной вещи, и нужно лежать. Теперь, наоборот, наказывают за попытку сесть. Многие ложатся в штабеля, чтобы сохранить тепло. Один ряд ложится на пол, другие на них, а третий ряд еще выше. И так чередуются, чтобы не замерзнуть.

Из воспоминаний Б. Седерхольма

С Секирной горы редко кто возвращается обратно, а если и возвращается, то с увеличенным сроком пребывания в лагере, так как административная коллегия имеет право выносить приговоры, помимо Москвы, включительно до смертной казни! Этим правом коллегия пользуется в самом широком объеме.

Однажды мы наблюдали партию заключенных с Секирной горы, гонимых для работ по засыпке кладбища цинготных и тифозных. Это

кладбище отравляло окрестности зловонием, так как подпочвенная вода размывала ямы-захоронения. О приближении штрафников с Секирной горы мы догадались по громкой команде:

— Прочь с дороги!

Разумеется, все парашулись в стороны, а мимо нас вели истощенных, совершенно звероподобных людей, окруженных многочисленным ководем. Некоторые были одеты, за неимением платья, в мешки. Сапог я не видел ни на одном.

В большом соборе помещался страшный Секирный изолятор. Там же, у этого изолятора производилась большая часть расстрелов заключенных по приговорам ИСО. Здесь, в лагере, в уменьшенном виде воспроизводилась жизнь на воле. В лагере было свое ГПУ — это ИСО и своя Аудьяка — это Секирный изолятор. Попавший в Соловки мог поиметь за преступления в лагере новое «дело», подуть по этому делу новый срок или расстрел на Секирной горе. Мы, иронизируя по этому поводу, делили СССР на «большие Соловки» и «Соловки малые» — наше теплеее место пребывания.

М. Николов

Ваш покорный слуга, пишущий эти строки, — генерал Генерального Штаба, подполковник Георгиевский кавалер, имеющий за Мировую войну офицерский орден Св. Георгия и Георгиевское оружие... За все прошлое я был персонально амнистирован. ГПУ очень старалось придумать новое обвинение, чтобы иметь основание законопатить меня подальше на долгий срок, а при удачной провокации — отправить к праотцам...

Весною 1927 года я в компании еще с одним заключенным, видным анархистом Романом Ломоносовым, под присмотром охранников разыскивали вокруг Секирной горы оттаявшие из-под снега человеческие трупы и зарывали их в землю. Конечно, зарывали неглубоко. Если

пойти по дороге с Секирной горы в Кремль и, пройдя триста метров, свернуть направо, то в двухстах метрах от поворота зарыты неглубоко под деревьями два трупа, в разных местах, недалеко один от другого.

По данным соловецкой Санчасти, из общего числа трехлетников, пробывших полный срок: 37% умерли на Соловках от разных причин; 38% ушли после освобождения увечными, и лишь 25% убрались с архипелага вполне здоровыми. Итак, в результате деятельности карательно-исправительной системы ГПУ на Соловках в течение первых трех лет выведено в расход три четверти из общего числа, подвергнутых карательному эксперименту.

Безданный свидетель страданий сотен соловчан — настенная роспись XIX века церкви Вознесения, проявляющаяся из-под оставшейся лаковой побелки в бывшем штрафном изоляторе на Секирной горе

Ролан-Ломоносов Франц Францевич (1893 г.р.), из Парижа, историк. Арестован 25 августа 1924 года и в тот же день осужден Особым Собранием ОГПУ.

После вывоза политзаключенных на материк в 1925 году оставлен на Соловках и переведен на уголовный режим. Направлен в штрафной изолятор на Склирной горе за неоднократные протесты и требования сохранить за собой статус политзаключенного. В конце двадцатых годов совершил побег из ссылки. Дальнейшая судьба неизвестна.

ВЫ П И С К А

из протокола Центральной Аттестационной Коллегии УСЛОН
от 25 апреля 1927 г. № 12.

Председатель: А. Я. Степанов

Члены: В. Г. Зарин
И. А. Петряев
Е. С. Барков
Н. Г. Вальденберг

Секретарь: И. П. Зорин

С л у ш а л и:	П о с т а н о в и л и:
27. РОЛАН-ЛОМОНОСОВ Франц Францевич.	Отбивая наказание в штраф- изоляторе проявил себя как тип отрицательный во всех отношениях.

Выписка верна: Секретарь Аттестации

№ 12-14/12-271.

26/12/27

И. П. Зорин

Секретарь

Из доклада «О деятельности УСЛОН ОГПУ за 1926–1927 операционный год»

...бузотерство со стороны так называемых политических незначительно. Требования их о смягчении для них лагерного режима, создания для них режима политизоляторного, подкрепляемые иногда голодовками, нами во всех случаях не удовлетворялись. Основным методом борьбы с нарушителями лагерного режима, проводимым в показательном порядке, был перевод таковых нарушителей на особо тяжелые работы и штрафная изоляция на максимальные сроки...

Начальник управления СЛОН Эйхманс
Начальник Адмчасти СЛОН Степанов

Хороши по весне комары,
Чуден вид от Склирной горы,
Где от всяких ударных работ
Здоровеет веселый народ.

И. Литвин, Б. Ширяев.
Пьеска «Соловецкое обозрение»

Художник В. Верхогурцев.
Шарж из журнала «СЛОН», № 5, 1924

**KORPUS OCHRONY POGRANICZA
ODDZIAŁ
SŁUŻBY GRANICZNEJ**

Из отчета
польской разведки
«УСЛАГ. 1928-1932 гг.»

Командировка Секирная гора — штрафной изолятор лагпункта № 2 (Савватиево). На Секирной горе содержатся приговоренные к тяжелым работам. Например, заставляют носить воду десять раз в день по лестнице протяженностью около трехсот ступеней.

В лагере ходили слухи, что с Секирной горы охранники спускали заключенных по этой лестнице, привязав к бревну — балану. Внизу уже был окровавленный труп, который и узнать было трудно. Там же, под горой, сразу и закидывали в яму.

Д. Лихачев

Служители культа

Тяжело сдавили своды,
Тяжело гнетет тюрьма,
Мутным призраком свободы
За решеткой дразнит тьма.

Спит тюрьма и трудно дышит.
Каждый вздох – тоска и стон,
Только мертвый камень слышит,
Ничего не скажет он.

Но когда последней дрожью
Содрогнется шар земной,
Вопль камней к престолу Божью
Пронесется в тьме ночной.

И когда, трубе послушный,
Мир стряхнет последний сон,
Вспомнит камень равнодушный
Каждый вздох и каждый стон.

И когда последний пламень
Опалит и свет, и тьму,
Все расскажет мертвый камень,
Камень, сложенный в тюрьму.

Спит тюрьма и тяжело дышит.
Каждый вздох – тоска и стон,
Неподкупный камень слышит,
Богу все расскажет он.

М. Фроловский. 1925 год

Журнал
«Соловецкие острова»
№ 9, 1925

УХОДЯЩИЕ

Островом белых чашек и черных монахов называли Соловки раньше.

Часть монахов досталась в наследство новым Соловкам. Почти все старики, многие из которых прожили в монастыре по 20–30–40 лет. Они свыклись с Соловками. Им некуда идти, так как на материке у них никого нет.

В большинстве это крестьяне северных губерний, пришедшие в монастырь по обету падомниками, трудниками и оставшиеся послушниками, а впоследствии вступившие в число братии. Наметанный глаз сразу отличает их от заключенных-церковников. На соловецких монахах лежит какой-то особый отпечаток.

М. М-ский

Соловецкий лагерь принял от монахов полнокровное приполярное сельское хозяйство: молочный рогатый скот, лошадей, птиц, сенокосы, огороды, теплицы, парники, процветавшие под управлением людей, накопивших в монастыре многовековой опыт в ведении этого специфического хозяйства. Как могли справиться с

ним чекисты даже при наличии у них кадров агрономов, не имевших опыта работы в ведении хозяйства на Крайнем Севере? Хозяйство было бы угроблено сразу, если бы напрямую попало в чекистские руки. УСЛОН нашел выход — принял на службу монахов, ведавших раньше в монастыре разными отраслями этого хозяйства.

Журнал
«Вестник Карело-Мурманского края»
№ 1—2, 1925

СОЛОВКИ — ПРЕЖНЯЯ СВЯТАЯ ОБИТЕЛЬ

Пять веков Соловки затемняли народные умы. Стихли соловецкие колокола. Пробудилась новая жизнь. Теперь там концентрационный лагерь, там исправляют совершивших преступления граждан...

Омываемые бурными волнами моря, Соловки сами живут новой, бурной жизнью... Соловки стали теперь больницей, излечивающей недуги прошлого. Частичка оставшихся монахов тоже присоединилась к трудовой жизни. Стихла молитва в большом храме, и лишь изредка производится моление в кладбищенской церкви, но его уже мало кто слушает!

Белобородов

Подлостью Управления САОНа заключалась в том, что зарплату монахам дали ничтожную, объясняя это тем, что они не члены профсоюза и тарифная сетка к ним не приложима.

Архимандрит Феодосий (Алмазов)

МОНАХУ

Перед жизни закатом опомнись, монах,
Скинъ свою божью хламиду,
Очнись и увидишь, что ползал впотьмах,
Не чуя позор и обиду.

Дай же забвенью кручине своей,
Вере оболганной ярой.
Иди и примкни к семье трудовой —
Ты тоже почти пролетарий.

И. Монахов
лагерный староста

Из воспоминаний В. Кичкаса

В 1930 году, когда из заключенных было подготовлено уже достаточное количество специалистов, необходимых для поддержания соловецкого хозяйства, монахов лишили пристанища в Кремле, а в 1931 году конфисковали, наконец, и кладбищенскую церковь. Восемнадцатого июня 1931 года покинул Соловки последний свободный соловецкий монах.

Из воспоминаний В. Казачкова

В мое время (1925–1928 гг.) в лагере работали шестьдесят четыре вольнонаемных соловецких монахов⁴¹. Некоторых я знал. Отец Агапит — уставщик, который следил за службой в церкви, отец Самсон — крупный специалист кузнечного дела; отец Авенир ведал системой каналов между озерами; отец Мельхиседек — специалист по портновской части, он шил мне пальто перед высылкой в Сибирь.

Оставшиеся на острове соловецкие монахи были зачислены инструкторами в каторжные рыболовные артели, на Кирицкий завод, на вязку плотов и считались на службе в ОГПУ, получая зарплату и паек.

Б. Ширяев

Из воспоминаний архимандрита Феодосия (Алмазова)

Вольные монахи — особенно иеромонах Сеерафим, ризничий, большевизировавшийся — очень грубо обращались с заключенными архиереями, а про нас (не высших иерархов) и говорить нечего. Иногда дело доходило до столкновений даже с наместником обители...

Из воспоминаний М. Никонова

Дорогу мне пересекла партия священников, человек двести. Они шли на смену сторожевых постов обычным воинским строем, одетые в рясы, с благообразными бородами лицами. Эта марширующая по двору оскверненной обители команда производила на меня

при всякой встрече неизгладимое впечатление. Никто из спящих кругом серых людей не обращал на них внимания. Я остановился и проводил взглядом партию, пока она не утонула под темными сводами монастырских каменных перекрытий.

*Колокол Благовестник — одна из реликвий монастыря. Рваные от-
верстия от попадания пуль лагерной охраны в тело колокола*

*Коммунизм смотрит на религию, как на опиум, опьяняющий наро-
ды и расслабляющий энергию, как на источник всех бедствий и нище-
ты. Церковь хочет процветания религии, коммунизм — ее уничтоже-
ния... Душой церкви, условием ее бытия и смыслом ее существования
является то самое, что категорически отрицается коммунизмом.*

Из «Памятной записки Соловецких епископов»

На Филлимоновской тоне, в семи верстах от Соловецкого кремля и главного лагеря, на берегу заливышка Белого моря, мы с архиепископом Иларионом, еще двумя епископами и несколькими священниками были сетевязальщиками и рыбаками.

М. Польский

Из воспоминаний М. Польского

Еще в Кемском лагере застала нас весть о смерти Ленина. Когда его хоронили в Москве, мы должны были здесь, в лагере, простоять пять минут в молчании. Владыка Иларион и я лежали тогда рядом на нарах, а против нас посреди барака ровнялся строй наших отцов и братьев разного ранга в ожидании торжественного момента. «Встаньте, все-таки великий человек умер, да и влетит вам», — убеждали нас. Глядя на Владыку, и я не встал. Хватило сил не склонить голову перед таким зверем. Так благополучно и отлежались. А Владыка говорил: «Подумайте, отцы, что ныне делается в аду! Сам Ленин туда явился — бесам какое торжество».

В «артеле Троицкого» — так называлась рабочая группа архиепископа Илариона — духовенство пропало на Соловках хорошее воспитание. Все поняли, что называть себя грешным или только вести долгие благочестивые разговоры, демонстрировать строгость своего быта не стоит, а тем более думать о себе больше, чем ты есть на самом деле.

К концу первого трехлетия архиепископ Иларион получил еще три года, якобы за разглашение государственной тайны, но и пробыв в Соловецких лагерях все шесть лет, он не вышел живым из своего заключения, умер в возрасте сорока четырех лет от тифа.

Из воспоминаний В. Зотова

В 1926 году среди заключенных Первого отделения Соловецкого концлагеря находилось несколько десятков священников, все они жили

в Шестой роте. Там же обитали престарелые заключенные, не связанные с духовным званием. Среди этих стариков были и татары, и грузины,

и армяне, и другие «восточные люди». Старикам полагалась легкая работа — они дежурили сторожами по разным учреждениям и предприятиям лагеря. Многие священнослужители также «несли сторожевую службу», другие работали кладовщиками, в кантерках, на выдаче посылок заключенным. Служителями культа пользовались доверием и достойно оправдывали репутацию людей добросовестных и честных. Не было случая, чтобы они проворовались, что обычно случалось с самыми «благонадежными» заключенными других категорий.

Надо ли говорить о том, что Шестая рота была самой степенной из всех пятнадцати рот, расположенных в стенах Соловецкого кремля. Даже само слово «рота», вызывающее представление о молодцеватой военной выправке и дисциплине, как-то не подходило для этого обшлагития стариков. Нет сомнения в том, что среди церковников были и антисоветски настроенные люди, получившие срок за политику, но главный контингент состоял из священников, вина которых заключалась в том, что они пользовались большим авторитетом у своих прихожан. Это были священники по призванию, искренне ве-

рующие люди высокого морального уровня. Поны-стяжатели, тревогодники и пьяницы благополучно оставались при своей пастве и несправедным своим бытием содействовали успеху антирелигиозной пропаганды. Из их числа и выходили «осознавшие религиозный обман» «бывшие служители культа», «снявшие с себя сан».

В первые годы существования концлагеря, когда начальником был Ногтев, режим держали крутой, и если у заключенного находили Евангелие, то книгу немедленно отбирали, а владельца ее сажали в штрафной изолятор. Разумеется, никаких церковных служб не было.

При начальнике САОНа Эйхмансе, сменившем Ногтева, священникам не возбранялось носить духовное облачение, но без папирского креста. Они могли посещать богослужения соловецких монахов в Онуфриевской церкви, расположенной неподалеку от Кремля. «Мирянам» из заключенных при Эйхмансе тоже позволялось посещать церковь, но это учитывалось в характеристиках, составляемых на каждого заключенного. Очень торжественно прошла в 1926 году пасхальная служба, в которой принимали участие, кажется, четырнадцать епископов.

Группа заключенных из Шестой роты на ступенях у входа в Спасо-Преображенский собор, в том числе епископ Игнатий (Садковский), епископ Мануил (Алмшиевский), архиепископ Евгений (Зернов), архиепископ Иубеналий (Мыслобский), отец Владимир (Лозина-Лозинский), отец Михаил Подольский, В. А. Массальский, профессор И. В. Попов и другие. 1925 год

Церковь во имя Преподобного Онуфрия Великого на соловецком кладбище возле спортплощадки САОИ. Фотография из альбома, подаренного писателю Максиму Горькому администрацией лагерей в 1929 году

Из воспоминаний М. Никонова

Торжественно прошла пасхальная служба. Трудно рассказать о ней обычными людскими словами. В церкви святого Онуфрия небольшая кучка монахов и два-три заключенных в серых бундштатах... Служили тринадцать епископов... Запас риз в ризнице церкви был небольшой, и пришлось несколько сплечь из меншков...

Крестный ход — без колокольного звона и соловецкое особое пение на древний образец. Еще бы, пятисотлетняя традиция... Помните поговорку — со своим уставом в чужой монастырь не суйся. Это не пустые слова... С кайроса, глазами пронзительными и невидящими одновре-

менно, озирали стоящих в храме иеромонахов. Лицо его под надвинутым на брови клобуком — как на древних новгородских иконах: изможденное, вдохновенное суровой верой. Он истоково следил, чтобы чин службы правили по монастырскому уставу, и не разрешал регенту отклоняться от пения по крюкам. Знаменитые столпники дьяконы не решались при нем петь молитвы на концертный лад...

Все мы в церкви воспринимали ее как прибежище, осажденное врагами. Они вот-вот ворвутся..., как семь веков назад ворвались татары в Успенский собор во Владимире.

Из воспоминаний М. Польского

В день отдания Пасхи, 27 мая 1926 года, в монастырском Кремле Соловецкого острова, в продуктовом складе лагеря, собрались, по возможности, заключенные здесь епископы для заслушивания доклада другого узника, профессо-

ра Московской духовной академии И. В. Попова. Складом продуктов и раздачей их заведовал игумен из Казани о. Питирим Крылов, имевший группу сотрудников из духовенства. Начальство принуждено было доверить этот склад духовен-

ству как единственно честному элементу лагеря. Отец Питирим предоставил епископам свое помещение для секретного совещания, которое приняло так называемую «Памятную записку Соловецких епископов, представленную на усмотрение Правительства»...

...«Памятная записка» не была официальным голосом Русской церкви, но совершенно совпала с этим голосом... Она отражала мнение наиболее многочисленной группы епископата, собранной вместе местом заключения и представлявшей собою Малый Собор многих епархий России, и отражала общие условия жизни Церкви, общий ее исповеднический дух...

С 1923 года по 1926 год в Соловецком лагере пребывали следующие архиереи:

Евгений (Зернов), архиепископ Приамурский и Благовещенский, Иларион (Троицкий), архиепископ б. Верейский, вик. Московский, Серафим (Мещеряков), архиепископ б. Костромской, Прокопий (Гитов), архиепископ Херсонский, Иувеналий (Масловский), архиепископ Курский, Пахомий (Кедров), архиепископ Черниговский, Амвросий (Полянский), епископ Подольский и Брацлавский, Гавриил (Абамылов), епископ Останковский, вик. Тверской, Глеб (Покровский), епископ Михайловский, вик. Рязанский, Григорий (Козырев), епископ Печерский, вик. Нижегородский, Захарий (Лобов), епископ Нижне-Чирской, вик. Донецкой,

Игнатий (Садковский), епископ Белевский, вик. Тульский, Иоаким (Благовидов), епископ Алтырский, вик. Симбирский, Кирилан (Соловьев), епископ Семипалатинский, вик. Омский, Мануил (Лемнишевский), епископ Лужский, вик. Петроградский, Митрофан (Гринев), епископ Аксайский, вик. Донецкой, Нектарий (Трезвинский), епископ Яранский, вик. Вятский, Павел (Введенский), епископ Сердобский, вик. Симбирский, Платон (Руднев), епископ Богородский, вик. Московский, Рафаил (Гумилевский), епископ Александровский, вик. Ставропольский, Софроний (Старков), епископ Селенгский, вик. Забайкальский, Софроний (Арефьев), епископ Якутский, Серафим (Протопонов), епископ Колпинский, вик. Петроградский.

Епископы, перечисленные в этом списке, почти все непосредственно принимали «Памятную записку». Некоторые из них оказались в других местах острова, но знали об этой «Записке» и сказали свое мнение архиепископу Евгению, почитавшемуся старшим среди епископов по их общему согласию.

Осенью 1926 года в Соловки прибыло еще много епископов, которые в список не входят¹⁶...

Из приведенного списка только один человек (Мануил Лемнишевский) вернулся из лагерей. Остальные все из новой полосы арестов и расстрелов 1937 года к свободе и жизни уже не вышли...

Заключенному в Соловках духовенству Тихоновской церкви доверены были все склады и каттерки, как арестантам евреям — кооперативы. Ксендзам и раввинам каттерок в распоряжение не давали. Им, как и православному духовенству, тоже доверяли, но их в Соловках было сравнительно мало, и ими нельзя было заполнить все вакансии.

Архимандрит Феодосий (Алмазов)

Священнослужители, прибывшие в Соловецкий лагерь в 1923 году. Сидят слева направо: о. Алексей Шишкин, архиепископ Митрофан (Гринев), архиепископ Иларион (Троицкий), митрополит Евгений (Зернов), архиепископ Захарий (Лобов), о. Павел Чехринов. Стоят: о. Семен Краснов, о. Илья Широженко, о. Алексей Трифильев, о. Петр Фалевич, о. Владимир Волагурич. Фото 1926 года

Памятная записка Соловецких епископов,
представленная на усмотрение Правительства (фрагменты)

Несмотря на Основной Закон — Советскую Конституцию, обеспечивающую верующим свободу совести, религиозных объединений и проповеди, Православная Русская Церковь до сих пор испытывает весьма существенные стеснения в своей деятельности и религиозной жизни. Она не получает разрешения открыть правильно действующие органы центрального и епархиального управления, не может перенести свою деятельность в ее исторический центр — Москву, ее епископы не допускаются в свои епархии... Местоблюститель Патриаршего престола и около половины православных епископов томятся в тюрьмах, в ссылках или на принудительных работах. Не отрицая действительности этих фактов, правительственные органы объясняют их политическими причинами, обвинения православных епископов в контрреволюционной деятельности и тайных замыслах, направленных к свержению советской власти...

Но Церковь не стремится к ниспровержению существующего порядка и не принимает участия в деяниях, направленных к этой цели, она никогда не призывает к оружию и политической борьбе, она повинуется всем законам и распоряжениям гражданского характера, но она желает сохранить в полной мере свою духовную свободу и независимость, предоставленные ей Конституцией, и не может стать слугою государства...

Церковь не касается нераспределения богатств или их обобществления, так как всегда признавала это правом государства, за действия которого она не ответственна.

Церковь не должна мешать гражданскому Правительству в устройении материального благополучия народа, а государство — стеснять Церковь в ее религиозно-нравственной деятельности...

Основной Закон дает право веровать во что угодно, но он сталкивается с законом, лишающим религиозное общество права юридического лица и связанного с ним права обладания какой бы то ни было собственностью, даже предметами, не представляющими никакой материальной ценности, но дорогими и священными для верующих исключительно по своему религиозному значению. В целях пропаганды противорелигиозной, в силу этого закона, у Церкви

отобраны и помещены в музеи почитаемые ею останки святых... Правительство принимает меры к закрытию церквей и обращению их в места публичных зрелищ...

Мы считаем необходимым заверить Правительство, что обвинения против Церкви не соответствуют действительности. В прошлом, правда, имели место политические выступления Патриарха, подавшие повод к этим обвинениям, но все изданные Патриархом акты подобного рода направлялись не против власти в собственном смысле. Они относились к тому времени, когда революция проявила себя исключительно со стороны разрушительной, когда все общественные силы находились в состоянии борьбы, когда власти, в смысле организованного Правительства, не существовало. В то время слагающие органы центрального управления не могли сдерживать анархии и злоупотреблений ни в столицах, ни на местах. Всюду действовали группы подозрительных лиц, выдававших себя за агентов Правительства, а в действительности оказавшихся самозванцами с преступным прошлым и еще более преступным настоящим. Они избивали епископов и священнослужителей, ни в чем не повинных, врываются в дома и больницы, убивали там людей, расхищали имущество, грабили храмы и затем бесследно рассеивались. Было бы странным, если при таком напряжении политических и своекорыстных страстей, при таком озлоблении одних против других, среди этой всеобщей борьбы Церковь оставалась бы равнодушной зрительницей происходящего. Проникнутая своими государственными и национальными традициями, унаследованными ею из своего векового прошлого, Церковь в эту критическую минуту народной жизни выступила в защиту порядка, полагая в этом свой долг перед народом... Против анархии, являющейся общенародным бедствием.

Но с течением времени, когда сложилась определенная форма гражданской власти, Патриарх Тихон заявил в своем воззвании к пастве о лояльности в отношении к советскому правительству, решительно отказавшись от всякого влияния на политическую жизнь страны. До конца своей жизни Патриарх Тихон остался верен этому акту. Не нарушили его и православные епископы. Со времени его издания нельзя ука-

зять ни одного судебного процесса, на котором было бы доказано участие православного клира в деяниях, имеющих целью ниспровержение советской власти. Епископы и священнослужители, в таком большом количестве страдающие в ссылке, в тюрьмах или на принудительных работах, подверглись этим репрессиям не по судебным приговорам, а в административном порядке, без точно сформулированного обвинения, без правильного расследования дела, без гласного судебного процесса, без представления им возможной защиты, часто даже без объяснения причин, что является бесспорным доказательством отсутствия серьезного обвинительного материала против них...

С полной искренностью мы можем заверить Правительство, что ни в храмах, ни в церковных учреждениях не ведется никакой политической пропаганды. Епископы и клир и на будущее время воздержатся от обсуждения политических вопросов в проповедях и пастырских воззваниях...

У каждого верующего есть свой ум и своя совесть, которые должны указать ему путь к наилучшему устройению государства...

Церковь, не связывая их свободы, внушает лишь общие принципы нравственности, призывая к добросовестному исполнению своих обязанностей, к действию не в интересах личного блага, не с малодушной целью угождать силе, а по сознанию справедливости и общей пользы...

Фотографии к актам «Об открытии так называемых негласных мощей» — освободителей Соловецкого монастыря преподобных Зосимы, Савватия (акт 22 сентября 1925 года) и Германа (акт 21 сентября 1925 года).

В целях противоборьбозной пропаганды у Церкви отобрали и помещены в музей почитаемые ею останки святых... Правительство принимает меры к закрытию церквей и обращению их в места публичных зрелищ... Из «Памятной записки Соловецких епископов»

Из воспоминаний В. Зотова

Епископ Мануил (Лемнишевский). Это человек небольшого роста, с некрасивым лицом, приятным лишь выражением ума и спокойствия. По внешности не примечательный в обыденной жизни, он преображался под влиянием религиозного воодушевления. Во время богослужения он казался выше ростом и производил величественное впечатление. Движения его были неторопливы, свободны и торжественны.

В повседневном быту он всегда держался очень просто и скромно. Крайне строгий к себе, он мало ел и спал, удивляя всех своей работоспособностью. Нельзя было сомневаться ни в искренности его веры, ни в глубине его религиозных убеждений. Это был очень хороший, добрый, разносторонне образованный и очень деятельный человек. За свою активность в заботе о судьбах православной Церкви он и получил направление в концлагерь. Среди соловецкого духовенства епископ Мануил пользовался боль-

шим уважением и, вероятно, выполнял ведущую роль в делах церковных как в плане духовном, так и в практической деятельности. По его настоянию был совершен церковный обряд отпевания соловецких монахов, убитых в 1676 году при подавлении расколического бунта царскими войсками. Так через двести пятьдесят лет Церковь приняла противников нововведений в свое лоно.

Епископ Мануил был участником различных комиссий и членом историко-археологической секции Соловецкого Общества Краеведения и на одном из заседаний секции сделал очень обстоятельный доклад на тему «Ссылные Соловецкого острога по синодикам».

Будучи ревностным приверженцем православия, он считал, что православная Церковь многое должна перенять от католической и в первую очередь для защиты веры вооружиться научными знаниями.

Из воспоминаний Д. Лихачева

Грузинский католикос* стоял с посохом, как с жезлом. Я с ним в одном каком-то месте познакомился, потому что его обязанностью было следить за парашей. Он ко мне почувствовал симпатию, спросив, кто я, откуда, кто мои родители, почему посадили...

Из воспоминаний Г. Г. Гордона

У Кремля мы встретили очень дряхлого низенького старика, одетого в весьма потрепанный ватный хапат — бывшего главного муфтия Московской мечети... Он восхвалял прогресс и осуждал пренебрегающие реформам силы, что не помешало ему очутиться на Соловках...

*Предположительно, архимандрит Шно Батманишвили (1885 г.р.) — аноктольский администратор католиков Грузии. В Соловках — с 12 февраля 1928 года, расстрелян 1 ноября 1937 года.

Чернели сутаны сбившихся тесной кучей католических священников. Они держались особняком, редко когда по своей инициативе заводили разговоры с нашими батюшками. Не сбывались надежды на заступничество польского правительства или Ватикана, какими поманило свидание с польским дипломатом на-

кануне отправки из тюрьмы. Католические священники убеждались, что уповать им не на кого: они целиком в руках власти, взявшейся искоренить их влияние.

Ксендзы, объявленные эмиссарами вражеского окружения и шпионами, преследовались особенно настойчиво...

Из книги диакона Василия, ЧСВ,
«Леонид Федоров. Жизнь и деятельность», Рим. 1966

Знамя католичества на Соловках подняли русские. Первые католики здесь были восточники. Латиняне присоединились к ним позже.

На Соловецких островах собрались сосланные сюда прежде других: отец Николай Александров, настоятель Московского прихода, В. В. Балашов, редактор «Слова Истины» и три сестры из Абрикосовской общины — А. С. Серебренникова, Т. А. Сапожникова и А. В. Балашова, одна из сестер В. В. Балашова (другая была замужем за отцом Николаем Александровым). Немного позже к ним присоединились: редко унывавший человек С. Г. Карпинский, начавший перед войной духовное образование в латинской семинарии и вскоре прервавший его, тоже арестованный по делу русских католиков, якобы как член нелегальной антисоветской организации, хотя никаких сколько-нибудь серьезных улик против него не было, если не считать перехода в ненавистный большевикам восточный обряд; затем старушка Е. М. Нефедьева из Петербурга и еще одна сестра из московской общины — Е. В. Вахевич. Первые прибывшие считались сначала политическими заключенными как члены монархической партии, к которой, кстати сказать, никто из них никогда не принадлежал. После ряда перемещений мужчин католиков поместили летом 1925 года на Большом острове в Кремле, а женщин — в уже знакомом нам женском бараке, и с этого времени все были зачислены как контрреволюционеры.

Первой заботой русских католиков было организовать богослужение. В бараке это было невозможно прежде всего потому, что они жили там вместе со многими другими заключенными.

Православное духовенство имело разрешение лагерной администрации пользоваться для богослужений кладбищенской церковью, оставшейся в распоряжении вольных соловецких мо-

нахов. Русские католики решили обратиться к властям за таким же разрешением. Осенью 1925 года отец Николай посетил начальника Административной части Васькова и попросил его об этом. Тот дал принципиальное согласие и

Часовня у берега моря обдизи дороги на Секирную гору. Сооружена в 1855 году на месте, где, по преданию, в начале XV века стояла землянка преподобного Германа — одного из основателей монастыря. В этой часовне с декабря 1925 года до декабря 1928 года периодически совершались богослужения заключенных в САО не католиков. Согласно записи в «Списке соловецких памятников старшины», составленном по заданию Культурно-Воспитательного отдела лагеря в 1934 году, «на месте Германовской часовни обнаружена лишь груда камней»

посоветовал переговорить сначала с вольными монахами, которые были хозяевами церкви, не согласятся ли они дать возможность католикам совершать богослужение в притворе своего храма. Хотя такое решение мало устраивало католиков, которым хотелось получить для себя вблизи Кремля одну из часовен, занятых под учреждения, мастерские и квартиры, все же о. Николай вступил в переговоры с настоятелем кладбищенской церкви перомонахом Аганином. Тот показал себя в высшей степени милым и приветливым человеком и даже передал этот вопрос на обсуждение братии, но тем не менее после состоявшегося совещания принес отцу Николаю отрицательный ответ.

Вскоре после этого было решено предпринять новые шаги и просить предоставить для церковных служб Германовскую часовню, построенную на том месте, где, по преданию, жил и подвизался святой Герман. Она находилась в двух с половиной километрах от Кремля, у самого моря, слева от дороги, ведущей в Савватиево.

Отец Николай отправился просить об этом лично Васькова. Не без волнения он вошел в кабинет чекиста, не только решавшего судьбы заключенных, но и собственноручно расстреливавшего приговоренных к «высшей мере наказания». Однако чекист принял священника вежливо и внимательно выслушал просьбу католиков. Васьков дал согласие, предупредив, что позволит посещать Германовскую часовню только по воскресеньям и большим праздникам, причем каждый раз нужно будет обращаться к нему за особым разрешением для всей группы и представлять список для наложения резолюции.

Первое разрешение Васьков выдал на Рождество 1925 года. Накануне мужчины католики пошли к часовне, занесенной со всех сторон глубоким снегом, и протоптали к ней ногами дорожку. Часовня, расположенная здесь так живописно, оказалась для богослужений вполне подходящей. Диаметр ее был около пяти метров. Направо от входа, почти у самой стены, был небольшой колодезь, которым пользовались жившие здесь монахи-отшельники. Крышку колодезя использовали для устройства престола. Для проскомидии в качестве жертвенника мог служить подоконник с левой стороны. Слева от него был образ Богородицы. Еще левее его оставалось пустое место от висевшей здесь прежде иконы. Чтобы заполнить его, принесли из соседней часовни образ Божией Матери Одиотриии.

Над устроенным престолом оказалось деревянное распятие, а вправо от него — образа святого Иоанна Богослова и святого Германа Соловецкого. В часовне было четыре окна, дверь легкая, деревянная. Ее репили закрывать только на засов, чтобы дать возможность зайти сюда в свободную минуту проходившим заключенным, замок все равно сорвали бы просто из любопытства.

У всех было сознание, что эта часовня — великая милость Божия. Однако, не имея антиминса, отец Николай не решился служить литургию. На Рождество он отслужил только обедню. С этого дня каждое воскресенье и в большие праздники русские католики посещали часовню. Перед уходом из Кремля все вместе собирались у дежурного и оттуда, с его пометкой на документе, подписанном Васьковым, направлялись в часовню. По правилам не разрешалось ходить совместно мужчинам и женщинам, но для католиков сделали в данном случае редкое исключение. Благодаря этому сестры имели возможность исповедоваться если не в самой часовне, то за недостатком времени по дороге...

...Из писем остававшихся на свободе, русским католикам удалось узнать, что Святой Отец разрешил заключенным совершать литургию без антиминса, пользуясь обычным латинским «корпоралом» (белый плат, который простирается на престоле), пужно было только во время литургии соединиться моментально с тем угодином Божиим, мощи которого почивают в ближайшем католическом храме. Удалось достать немного вина, и с конца мая 1926 года отец Николай Александров начал совершать божественную литургию. Приблизительно в то же время было получено разрешение посещать Германовскую часовню ежедневно...

В июне 1926 года появился тайно доставленный стола антиминс. Священные сосуды сделал из простого металла один мастер заключенный... Нашелся специалист, немец католик, который взялся сделать прибор для изготовления облаток. Однако прибор у него вышел неудачным: стенки были чересчур тонкие, и при печении облаток на сильном огне — тесто горело, а на слабом — работа затягивалась, для выпечки пользовались примусом. Впоследствии тот же немец смастерил более усовершенствованный прибор, а кроме того, наладилась связь с остававшимися еще на свободе — вино и облатки стали получать от родственников, друзей и бывших прихожан.

...Летом 1926 года на Соловки прибыл первый латинский священник, витебский декан Леонард Барановский.

Отбыв карантин в Тринадцатой роте, отец Леонард поселился в одной комнате с русскими католиками. Здесь они положили начало нормальным и хорошим отношениям между латинниками и восточниками. Все мешавшее этому раньше, все болезненно разделявшее их и стоявшее между поляками и русскими на Соловках само собой исчезло. Они были теперь

только братьями во Христе, посетителями света Христова в окружавшей духовной тьме, так удивительно гармонизировавшей здесь с холодом и мраком полярных почвой...

Кроме восточных католиков, несколько латинян тоже добились разрешения ходить на богослужение в Германовскую часовню. В результате там скапливался народ, и на церковные службы стала являться часть лагерной администрации, чтобы не допускать в часовню лиц, не имеющих специального разрешения.

Жижиленко Михаил Александрович (1885—1931), епископ Максим, выпускник медицинского факультета Московского университета, работал в Сокольниках. В 1914 году поступил в Кубанский Пластунский батальон и был на австрийском фронте, едва не умер от тифа, заразившись от больных пленных солдат. В Москве было известно, что доктор Жижиленко, работая после войны браком в Таганской тюрьме, спал на голых досках, питался тюремной пищей, а жалованье раздавал заключенным. Так он поступал и при царском правительстве, и при большевиках

Из воспоминаний И. Андреева

В конце октября 1929 года в Четвертое Отделение СЛОНа с одним из этапов прибыл новый врач. Комендант лагеря привел его в Десятую роту, где поменялись работники Санитарной части, ввел в камеру врачей и представил:

— Вот вам новый врач, профессор, доктор медицины Михаил Александрович Жижиленко. Мы подошли и представились. Новоприбывший коллега был высокого роста, богатырского телосложения, с седыми усами и бровями, сурово нависшими над добрыми голубыми глазами.

Еще за неделю до прибытия доктора Жижиленко нам тайно сообщили друзья из канцелярии, что этот врач человек не простой, а с «особым предписанием», находящийся даже в заключении под особым наблюдением, и что, может быть, он не будет допущен к работе врачом, а пойдет в особую Четырнадцатую роту «запретников», которым нельзя работать по специальности и весь срок заключения должно проводить на «обших» тяжелых физических работах. Причиной такого особого положения доктора Жижиленко было то, что, будучи Главным врачом Таганской тюремной больницы в Москве,

он одновременно являлся тайным епископом, принявшим имя Максима — епископа Серпуховского.

Самодельная литая иконка из свинца, использовавшаяся при тайных богослужениях в СЛОНе. Соловецкий музей-заповедник

Духовник группы священников-заключенных «прихожан» Соловецкой Катакомбной Церкви протоиерей о. Николай (Пискановский Николай Акимович, 1887—1932) в Соловках 1928—1931 гг.

В Тринадцатой роты на парах моим соседом был священник отец Николай Пискановский. Страдалец страшный... Нароща в роты была устроена в алтаре. А может ли священник ходить в уборную в алтарь? И он шел ночью через бес в оградную общую уборную — «лаатринесс-централесс» (прим. абт. latrines centralis — в переводе с латыни — центральный туалет), так она в шутку называлась. Когда же отец Николай возвращался из «лаатринесса-централесса», то места на парах при нашей страшной тесноте ему уже не было...

Д. Ахичаев

Неделя прошла для всех в томительном ожидании, пока, наконец, положение нового врача не выяснилось. В роту «запретников» его не перевели, но по указанию ИСО (Информационно-следственного отдела, ведавшего судьбами заключенных) опытного врача направили в один из тифозных барачков в подчинение к младшим врачам, имевшим административную власть.

Однако вскоре обнаружили исключительные дарования и опыт доктора Жижиленко как лечащего врача, и его стали вызывать на консультацию во всех сложных случаях. Даже большие начальники лагеря, крупные коммунистические, стали обращаться к нему за медицинской помощью для себя и своих семей.

В конце 1929 года на Соловках вспыхнула эпидемия сыпного тифа, быстро принявшая громадные размеры: из восемнадцати тысяч заключенных острова к концу января 1930 года до пяти тысяч оказались больными. Смертность была чрезвычайно высокая, но в отделении, где работал доктор Жижиленко, она не превышала восьми—десяти процентов. Если же больные умирали, то умирали на его руках. Казалось, что момент наступления смерти ему точно известен. Даже ночью он приходил внезапно в свое отделение к умирающему за несколько минут до смерти. Каждому умершему он закрывал глаза, складывал руки на груди крестом и несколько минут стоял молча, не шевелясь. Очевидно, молился.

Прибытие владыки Максима (Жижиленко) в Соловки произвело большие изменения в настроении заключенных из духовенства. В лагере среди заключенных епископов и священников наблюдался такой же раскол, какой произошел тогда «на воле» после известной Декларации митрополита Сергия. Часть епископов и белого духовенства совершенно разорвала всякое общение с митрополитом Сергием, оставшись верными непоколебимой позиции митрополитов Иосифа, Петра, Кирилла, архиепископа Серафима (Угличского) и многих других, засвидетельство-

вав свою веру исповедничеством и мученичеством. Другая же часть стала «сергианами», приняв «новую церковную политику» митрополита Сергия... Ко времени прибытия владыки Максима на Соловках были следующие епископы «иосифляне»: епископ Виктор (Островидов), первым выступивший с обличительным посланием против Декларации митрополита Сергия, епископ Иларий, викарий Смоленский, епископ Нектарий (Трезвинский), не признававшие «обновленцев». К «сергианам» принадлежали архиепископ Мариупольский и епископ Иосиф (князь Жевахов). Менее яростным, но все же «сергианцем» являлся известный архиепископ Иларий Троицкий. Появление владыки Максима еще больше усилило влияние «иосифлян» среди заключенных «по церковным делам».

— Советская и Катакомбная Церкви несовместимы, — значительно, твердо и убежденно сказал владыка Максим и, помолчав, добавил, — тайная, пустынная Катакомбная Церковь анафематствовала «сергиан» и ниже с ними!

Несмотря на чрезвычайные строгости Соловецкого лагеря, рискуя быть запитанными и расстрелянными, владыки Виктор, Иларий (Смоленский), Нектарий и Максим не только часто принимали участие в тайных катакомбных богослужениях среди лесов острова, но и совершали тайные хиротонии нескольких новых епископов.

Тайных катакомбных «храмов» у нас в Соловках было несколько, но самыми любимыми являлись два: «Кафедральный собор» во имя Пресвятой Троицы и «храм» во имя святого Николая Чудотворца. Первый представлял небольшую полянку среди густого леса в направлении на командировку Савватиево. Куполом этого «храма» было небо. Стены представляли собою березовый лес. «Храм» святого Николая находился в глухом лесу, в направлении на командировку Муксама. Он представлял собой кущу, естественно созданную семью большими елями... Чаще всего тайные богослужения соверша-

лись именно здесь, в «церкви» святого Николая. Иногда, в зависимости от обстоятельств, совершались тайные богослужения и в других местах. Например, в Великий Четверг 1929 года служба с чтением двенадцати Евангелий была совершена в нашей камере врачей в Десятой роте... В Великую же Пятницу был зачитан по всем ротам приказ, где сообщалось, что в течение трех дней выход из рот после восьми часов вечера разрешается только в исключительных случаях, по письменным пропускам коменданта лагеря.

В семь часов в пятницу, когда мы, врачи, только что вернулись в свои камеры после двенадцатичасового рабочего дня, к нам пришел священник отец Николай¹⁶.

— Псалтиря величиной с ладонь написана художником Р., богослужение — чин погребения — состоится и начнется через час, — сообщил он.

— Где? — спросил владыка Максим.

— В большом ящике для супки рыбы, который находится возле леса... Условный стук — два и три раза. Приходить лучше по одному.

Вот и опушка леса. Ящик длиной сажени четыре. Без окон, дверь едва заметна. Стучим два и

три раза. Открывает отец Николай. Восьмиметровая внутренность ящика превратилась в церковь. На полу, на стенах еловые ветки. Теплится несколько свечей. Маленькие бумажные иконки. Маленькая, в ладонь величиной, Псалтиря упирается в зелень веток.

Казалось, что тел у нас не было — только одна душа. Ничто не развлекало и не мешало молиться. Я не помню, как мы потом пробрались «домой», то есть в свои роты. Господь покрыл.

Светлая заутреня по уговору была назначена в нашей камере врачей... Под разными срочными предложениями по медицинской части, без всяких письменных разрешений собрались все, кто собирался прийти, человек около пятнадцати. После утрени и обедни стали разговляться. На столе появились кулич, пасха, крапешные яйца, вишню-жидкие дрожжи с клюквенным экстрактом и сахаром. Около трех часов ночи разошлись... Контрольный обход нашей роты комендантом лагеря происходил в четыре утра...

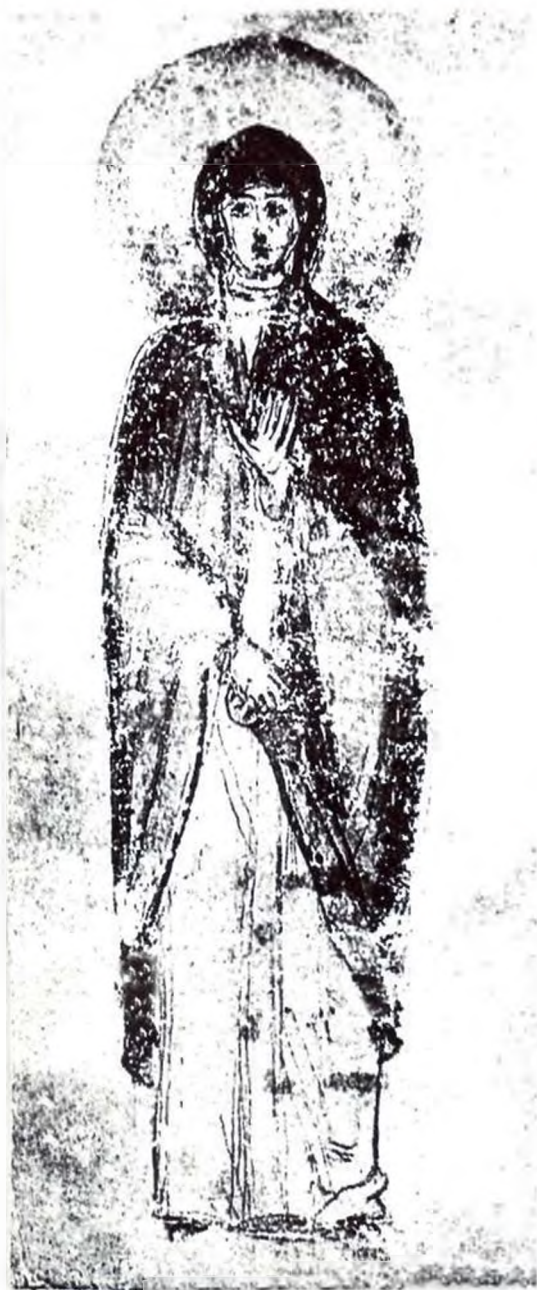
Белая соловецкая ночь была на исходе. Розовое пасхальное утро играющим от радости солнцем встречало монастырь-концлагерь, превра-

Катакомбы «храмы», где происходили тайные богослужения заключенных, не принадлежавших советской «сервисной» Церкви, часто представляли собой просто подвалы в соловецких лесах

пая его в невидимый град Китеж и наполняя наши свободные души тихой нездепшей радостью. Много лет прошло с тех пор, а воспоминание об этом нежном пасхальном утре незабываемо живо, словно это было только вчера. И сердце верит, что между нами тогда была святой...

18 июля 1930 года, в день преподобного Сергия Радонежского, наши друзья из канцелярии Санитарной части сообщили мне, что я буду по-

чью арестован и отправлен со «специальным кошмеем» в Ленинград «по новому делу». Предупрежденный, я собрался, попрощался с друзьями и, не дожась спать, стал ждать ареста. Заслышав в два часа ночи шум и шаги внизу (наша камера находилась на втором этаже), я поклонился до земли владыке Максиму, который тоже не спал, и попросил благословить и помолиться о том, чтобы Господь послал мне силы для перенесения грядущих скорбей, страданий, а может быть, пыток и смерти. Владыка встал с постели, поднялся во весь свой богатырский рост, медленно благословил меня и трижды облобызал.

— Много будет у вас скорбей и тяжелых испытаний, но жизнь ваша сохранится, в конце концов, вы выйдете на свободу, а вот меня через несколько месяцев в лагере арестуют и расстреляют. Молитесь и вы за меня, за живого, а особенно, после смерти, — проникновенно сказал он.

Предсказание это сбылось точно: в конце года владыка Максим был арестован, этапирован в Москву, где и расстрелян четвертого июня 1931 года за отказ признать митрополита Сергия и примириться с советской властью. Упокой, Господи, со святыми душу Раба Твоего — первого катакомбного епископа многострадальной Русской Православной Церкви — Максима.

Из воспоминаний Б. Ширяева

С художником Нестеровым Михаилом Васильевичем мне пришлось посидеть в Бутырках дней пять. Его скоро выпустили. Луначарский вызволил, да и делу была грош цена: продал пару картин в чье-то торгпредство. Я как раз получил приговор. Конечно, испугался. Соловки... Кровь... Холод, смерть. Все в камере мне сочувствовали, охали... Только Нестеров шепнул: «Не печальтесь! Это к лучшему. Там Христос близко».

Святая Анна.

Рисунок архиепископа Леонтия (САОН, 30-е годы)

Контрреволюционными признаются и такие действия, которые хотя не содержат в себе прямого умысла к свержению, подрыву или ослаблению власти, но объективно содержат в себе покушение на основные политические и хозяйственные завоевания proletарской революции.

Н. Крыленко.*

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА.

Издание Коммунистической Академии.

Москва, 1929, т. 2, с. 385

*Крыленко Н.В. (1885 г.р.), с 1918 года — в органах юстиции. Председатель Верховного трибунала при ВЦИК, прокурор Республики, нарком юстиции СССР. Расстрелян в 1938 году.

Начальнику СО ПП ОГПУ МО тов. Орлову

Докладная записка

По следственному делу № 3015 проходят в качестве главных фигурантов: епископ Максим Жижиленко и поп Кремьшенский Александр Анатольевич, высланные в Соловки в конце 1929 года за отдельные антисоветские выступления, причем Жижиленко незаконно, как врач, работает в Соловках по специальности, а Кремьшенский – санитаром, вследствие чего срок заключения им сокращен на один год.

Из материалов следственного дела видно, что Жижиленко был организатором и руководителем Серпуховской нелегальной антисоветской группы церковников и что после его ареста руководителем остался Кремьшенский. Оба они были связаны с такими же группами в Москве и Твери, а также и с Центром нелегальных антисоветских организаций.

При рассмотрении их дела в 1929 году указанные обстоятельства учтены не были, так как эти обстоятельства были в то время неизвестны.

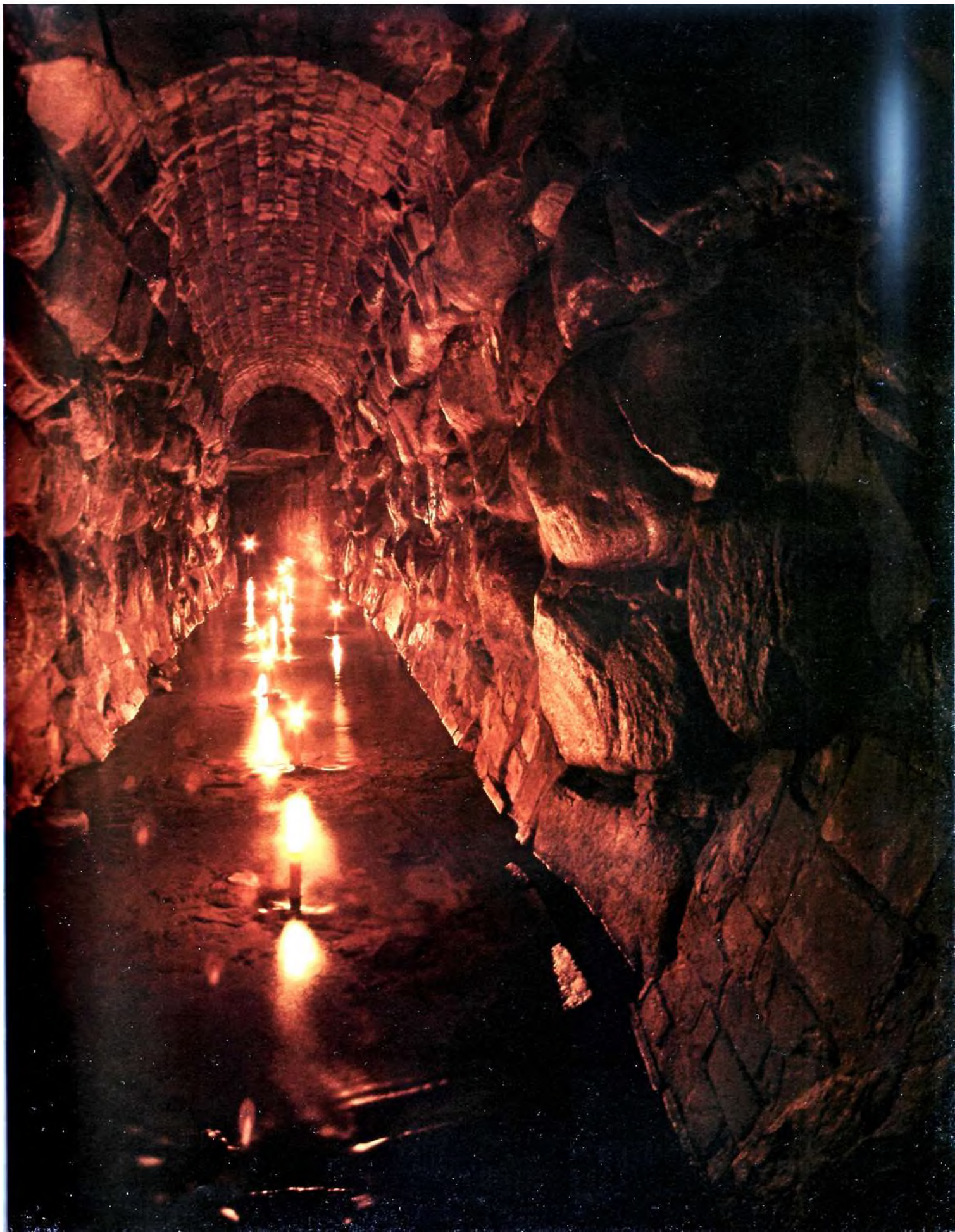
Учитывая вышеизложенное, нахожу, что Жижиленко и Кремьшенский должны быть депротестованы и привлечены в качестве обвиняемых по делу участия их в нелегальной антисоветской организации, ставившей целью свержение Соввласти, и потому прощу с доставкой указанных лиц в наше распоряжение.

Начальник 3 Отделения СО ПП ОГПУ МО Быстров
28 ноября 1930 года

Советская и Катакомбная
Церкви несовместимы —
значительно, твердо и
убежденно сказал владыка
Максим и, помолчав, доба-
вил — тайная, пустынная
Катакомбная Церковь
анафемствовала «сергиан»
и иде с ними!

И. Андреев

Старшим бухгалтером Кирпичного завода был священник отец Иоанн Стеблин-Каменский¹, личность весьма интересная с психологической точки зрения, да и по своему внешнему облику он был заметен. Высокий, широкоплечий, с рыжеватой окладистой бородой, он скорее напоминал воина, чем духовного пастыря. Глубокая складка между бровями придавала его лицу суровое выражение. Русская поговорка гласит: «Шила в мешке не утаишь». Он действительно был военным, прежде чем стать священником.

В силу особенностей своей работы, отец Иоанн заходил иногда в помещение Железной дороги и в беседах с нами рассказывал эпизоды из своей биографии. Оказывается, еще до Первой мировой войны он окончил в Петербурге Морской кадетский корпус, был произведен в мичманы, плавал на крейсере, во время войны командовал миноносцем, после революции по духовному влечению принял сан священника. Таких примеров в военное время и после войны было много...

Отец Владимир Лозина-Лозинский, как и Стеблин-Каменский, тоже представлял собою тип священника, принявшего сан по духовному влечению.

Лозина-Лозинский Владимир Константинович (1885 г.р.), юрист, офицер-фронтвик, поэт, священник. В Соловках 1925–1928 гг. После лагеря выслан в Сибирь, затем в Новгород, где служил настоятелем Михайло-Архангельского собора. Дважды приговаривался к смертной казни. Расстрелян 26 декабря 1937 года, как сказано в постановлении, «по политическим мотивам за антисоветскую агитацию». Стихи публикуются по рукописям, хранящимся в Москве у дочери поэта О. С. Себерцевой

Вероятно, многим соловчанам хорошо запомнился приветливый отец Владимир. Еще не старый, с живым, одухотворенным, красивым лицом, он умел ободрить человека добрым словом, при встрече обычно улыбался, при случае мог рассказать анекдот, изящный юмор которого несколько не умалял достоинства священника. Радостной настроенностью души он походил скорее на святого Франциска Ассизского, чем на православного батюшку.

Отец Владимир — брат известного поэта М. А. Лозина-Лозинского. Он получил хорошее образование, в молодые годы был гусарским офицером и имел успех в светском об-

щине, в отличие от отца Иоанна, он являл всем своим обликом и духом тип «светского священника», в дореволюционном понимании этого слова. Образование Лозина-Лозинский получил в Петербурге, в лицее, великолепно говорил по-французски. Как представитель высшего петербургского общества, «блистал светскостью манер», и эту характерную особенность своего воспитания он перенес в сферу своей новой духовной жизни... Он обладал неоспоримым умом и чувством едкого юмора. Духовный сан не мешал ему смеиваться над своими собратьями — священниками. Для примера приведу колючую эпиграмму, написанную отцом Владимиром на одного из своих товарищей по камере, на отца Михаила Яворского, который как-то укоротил свою почтенную бороду:

«Волос долгов — ум короток».
Чтоб обратного достичь,
Некто из церковной роты
Вздумал бороду постричь.

Вот теперь и для ребенка,
Станет ясен принцип сей:
«Чем короче борода,
Тем умнее брадобрей».

Из воспоминаний В. Зотова

ществе, но по каким-то причинам в его душе произошел перелом. Одно время его даже считали психически ненормальным, потом он стал священником.

Рассказывали, заключенный Шестой роты Лозина-Лозинский совершил на Соловках обряд крещения и получил за это трое суток карцера. По распоряжению начальника Первого отделения через сутки его все-таки освободили с предупреждением:

— Вы не должны этого делать в другой раз.

— Как священник я не могу отказать верующему в исполнении таинства, — ответил отец Владимир.

Один из выдающихся нам посылаки — священник отец Владимир. Он так воздушно светел, так легко-добр, что кажется воплощением безрешной чистоты, которую ничто не может запятнать... Этот человек и в Соловки попал по своей доброте, потому что не смог отказать просьбе друзей-лицеистов отслужить панихиду по убиенному Николаю II, — он отслужил и вместе с этими лицеистами поехал в Соловки.

Г. Андреев

Былиший лицеист, потом офицер, ставший священником, отец Лозина-Лозинский, изящный, утонченный, более напоминал изысканного аббата XVIII века, чем русского семинариста.

Б. Ширяев

День погас... В туманной просини
Я иду вокруг Кремля.
Тишина в закате осени...
Дышит холодом земля...

В полутьме идешь да молишься,
Или смотришь чутько вдаль,
Как над морем ветер с полюса
Стелет снежную вуаль.

Как теперь уже не страшные,
Смотрят бойницы из стен,
Где в Кремле, за старой башиней,
Я несущ свой долгий плен.

Но из башины, много видевшей,
Знавшей много долгих лет,
Я судьбе, меня обидевшей,
Не пошлю укора вслед.

И отока⁴⁵ бездорожного,
Где я жизни нить тяну,
Покорясь веленью Божьему,
Я теперь не прокляну.

Я привык к его развалинам,
К теням храмов и камней,
И к святыням опечаленным,
К скорби Божьих алтарей.

Веря в то, что нет проклятия,
Где изранен, но святой,
Вечный образ Богоматери
Охраняет наш покой.

Вл. Лозина-Лозинский.
о. Соловки. 1925 год

Онуфриевская церковь на кладбище у Кремля.
Рисунок заключенного Александра Евневича. 1934 год

Выдача посылок от родных обычно производилась священниками и монахами-заключенными. Это была единственная порода людей, которые не веровали. Им можно было доверять.

Д. Лихачев

ЛИТУРГИЯ В СОЛОВКАХ

В полутьме без огней, чуть видны клироса.
В черных мантиях шоков тени.
И к незримому небу несут голоса
Откровенья незримых молений.

Потемневшие лики спокойно глядят,
И навстречу их благодным взорам
Сердце жадно несет свою накипь, свой чад,
Перебитый тоской и укором.

Словно райские двери, раскрыты врата,
Тайна жизни в высоком потире
И терновый венец Жизнодавица-Христа
Озаряет горящий трикирий.

А над ним высоко за решеткой окон
Бледный путь недоступных созвездий,
Точно свиток каких-то сокрытых писем
Говорит о последнем возмездии.

Вл. Лозина-Лозинский.
1927 год

Леонид Федоров (1879–1934), глава русских католиков, утвержденный на этом посту Папой Римским в 1921 году. В Соловках – 1926–1929 гг.

Вся моя жизнь была построена на двух элементах: на любви к Родине, которую я обожаю, и на любви к Церкви, к которой я присоединился... Мы подчиняемся советской власти вполне искренне, но смотрим на нее как на наказание Божие за грехи наши

Из книги диакона Василия, ЧСВ
«Леонид Федоров. Жизнь и деятельность»
Рим. 1966

— Только бы не на Соловки!

Такова была в те годы первая мысль «свободного» каждого советского гражданина, когда ГПУ внезапно его арестовывало и ввергало в тюрьму.

Мы не знаем, что именно подумал Российский Католический экзарх, когда представители власти неожиданно схватили его в Могилеве, но у нас сохранилась записка, сделанная им еще в начале 1926 года: «Придется унражняться в похвальной добродетели терпения, такого же каторжного, тупого и невыносимого, как тот наш российский коншмар, в котором мы мучаемся за грехи наши и наших отцов!».

Ссылка отца Леонида на Соловки была только новым шагом вперед в его Крестном пути. Он прибыл туда 26 октября 1926 года. Первым узнал о его прибытии священник Николай Александров и поспешил сообщить эту весть Карпинскому, работавшему на лесопильном заводе. Тот поручил ему поскорее повидаться с отцом Леонидом, проникнув как-нибудь в карантинную роту, вход в которую строжайше воспрещался посторонним.

Через короткое время Карпинский был уже в знаменитой Тринадцатой роте и там, в первой комнате, направо от входа, увидел экзарха среди так называемой пианы — мелкого уголовного элемента. Убогий вид отца Леонида в этой ужасной среде больно кольнул его сердце. Поразило усталое, обескровленное лицо экзарха, какой-то белый штатский пиджак, старомодная узкая шляпа.

— Экзарх в таком виде... С него сорвали одеяние священника и превратили во что-то жалкое-жалкое... Какая боль и какой срам... — вспоминала с горечью Карпинский первый момент встречи.

По окончании двухнедельного карантина отец Леонид оказался в роте, где жили католики,

но в другой камере, вместе с православным духовенством. Кого только не было здесь! Большие сотни священников, двадцать епископов, среди них такие столпы православия, как архиепископ Иларион (Троицкий), архиепископ Петр (Зверев), епископ князь Жевахов, епископ Мануил (Леминшевский) и другие. Очень скоро все поняли, какой просвещенный перерей и выдающийся представитель католической Церкви оказался в их среде. Епископ Мануил стал большим почитателем о. Леонида. У них установились простые дружеские отношения. Были частые разговоры на богословские, исторические и другие темы.

Православное духовенство периодически собиралось в одной из камер на доклады. На них обыкновенно присутствовал и о. Леонид, дважды и сам успешно выступивший с темами: «О боговдохновенности книг Священного Писания» и «Историчности Иисуса Христа».

Все свободное время экзарх проводил в чтении и писании. Он надеялся вывезти все это со временем или как-нибудь переслать на свободу. Труды его попадали обыкновенно в руки ГПУ: при неожиданных обысках чекисты их уносили, обещая вернуть при освобождении. Друзья прозвали отца Леонида «писателем ГПУ». Однако это его не останавливало. Говорят, что он даже трудился еще напряженнее, надеясь, что хоть что-нибудь написанное им увидит когда-нибудь свет...

...На Соловках латинское духовенство относилось к экзарху с большим уважением. Все ценные его высокие нравственные качества и выдающуюся ученость, считали «ходячей энциклопедией». Иногда просили неожиданно прочесть какой-нибудь доклад. Отец Леонид лишь осведомлялся, на какую тему его хотят слушать и сколько времени он может говорить. Темы были самого разнообразного характера, обычно в связи с вопросами, возникавшими время от времени в среде духовенства.

Юлия Николаевна Данзас (1879–1942), историк, философ, литератор. В Соловках – 1928–1931 гг. Восемь лет пребывания в советских тюрьмах и лагерях. Автор воспоминаний «Красная каторга» (фр.), 1995 год.

Я не могу дать полного описания того, что представляет собой соловецкий лагерь... Но настанет день, когда эта история будет написана, и тем, кто ее прочтет, будет стыдно за человечество

По свидетельству слушателей доклады эззарха были всегда очень интересны и содержательны. Он говорил на богословские и исторические темы, рассказывал об оккультизме, масонстве и тому подобном. Эти доклады отрывали автора от личных работ, но он никогда не отказывался. Бывало нередко, что аудитория слушала его с неслабым вниманием в продолжение одного-двух часов. Мрак и холод полярной ночи только сильнее выдвигали перед слушателями необычное дарование отца Леонида.

Юлия Николаевна Данзас, фрейлина Императрицы, заведовавшая благотворительными делами Государыни, имела в Зимнем дворце свою канцелярию, вела обширную научную деятельность, много путешествовала. С началом военных действий в 1914 году Юлия Николаевна с отрядом № 1 верхом, в мужской одежде, отправилась на фронт. Два с половиной года провела она в передовом отряде Красного Креста. Это была нелегкая, почти солдатская жизнь, где не было места не только привычной научной работе, но и вообще письменным занятиям, кроме составления отчетов. Вокруг погибали десятки людей, но санитары передового отряда знали – пули и снаряды Данзас не берут. Где-то на военных дорогах и было принято решение предпочесть служение Богу научной карьере...

Знакомство Юлии Николаевны с отцом Леонидом состоялось летом 1920 года накануне ее присоединения к католицизму. Встреча эта имела для Данзас решающее значение в выборе обряда. Весной 1922 года отец Леонид совершил постриг Юлии Николаевны под именем Иустияны...

...Эззарх был арестован в 1923 году, а вскоре взяли и Данзас. Через пять лет Юлию Николаевну, больную тифом, привезли из Иркутской тюрьмы в Соловецкие лагеря...

Цинга привела Юлию Николаевну в очень жалкое состояние: ноги ее буквально отказывались служить. Каждый шесть месяцев производилось переосвидетельствование, но так как состояние не улучшалось, то ее пельзя было прилаечь к каторжным общим работам. Для начала

Юлию Николаевну определили в канцелярию, назначив счетоводом и библиотекарем при учреждении, носившем громкое название «Музей Соловецкого общества краеведения». Антирелигиозная секция лагерного музея располагалась в помещении надвратной церкви. Доступ в эту церковь был открыт Юлии Николаевне во всякое время. Под предлогом показа экспозиции музея она имела возможность встречаться там с некоторыми друзьями и единомышленниками. Свидание с эззархом решили организовать в этой же обстановке.

Отец Леонид подал заявление о желании осмотреть музей, получил разрешение и поехал туда в январе 1929 года под конвоем бывшего скаута, приставленного к «просветительной части», но в душе непримиримого врага советской власти. Это был некто Дмитрий Шипчинский, славный двадцатилетний парень, все звали его Дымкой. Выполняя указание Данзас, Дымка привел отца Леонида для антирелигиозной «обработки» в музей и тотчас же «смылся».

Юлия Николаевна осталась вдвоем с эззархом в бывшем алтаре оскверненной церкви, так проходила их последняя встреча. Было три часа дня. Отец Леонид пришел изможденный, в туалете, в огромных валенках, едва согревавших его больные распухшие ноги. Видно было, что его душевное состояние очень тяжелое. Вспоминая годы их совместной работы, он с сокрушением заговорил о своем недостойестве: — Я не сумел выполнить возложенной на меня миссии. На моих трудах не было благословения, и, следовательно, я не сумел его заслужить.

Тут у Юлии Николаевны мелькнула мысль, как успокоить отца Леонида. Она выгатила из угла холщовые ризы митрополита Филиппа¹ и, положив их ему на колени, сказала:

— Ведь и он, надо думать, считал себя в чем-то виновным. В Отрочь монастыре, перед смер-

тью, он, наверное, все припоминал, что упустил что-то, недоделал чего-то, и, может быть, плакал о том, что усилия его и молитвы не доходили до Бога. А ведь именно он был одним из тех камней, на которых держится доньше русское христианство. Отец Леонид, мне ли вам указывать, что ваши страдания — венец вашего подвига и залог нашего будущего?

Экзарх стал целовать эту ризу. Потом, успокоившись, он заговорил о том, что залог возрождения Русской Церкви — в ее страданиях. Он говорил долго об этом таинственном ее предопределении. Юлия Николаевна невольно пожалела, что никто, кроме нее, не внимают здесь вдохновенным словам отца Леониды. Она бывала на многих его проповедях, но тут должна была признать, что никогда не слышала от него таких сильных, глубоких слов о значении Церкви в мире, об уязвимом Мистическом Телу Христовом, о том, что только в этих язвах воспринимается нами глубоко страшная и вечная истина Христова учения. Упомянув о так называемом мессианизме России, столь уродливо искаженном у славянофилов, отец Леонид сказал:

— Мало еще кто понял, что «мессианизм» России — именно в ее страданиях. Поэтому вся история Русской Церкви сложилась так странно, так нелепо, что тут имеется какая-то тайна искупления. Может быть, вклад Русской Церкви в сокровища Церкви Вселенской и заключается именно в том, что она только через страдание, а не через победы показывает свою принадлежность к Мистическому Телу Христову. Для нас «победа, победившая мир», — это крест, вознесенный над миром не для поклонения, а для распятия на нем...

Конечно, это распятие надо понимать не только в смысле физических страданий, но гораздо глубже: в нравственных страданиях и даже в мучительных сомнениях, — говорил он спокойно, но с каким-то внутренним горением.

— И на этом камне были не только светлые видения, но и страшные, мучительные; и не только радостные слезы лились на него, а также и горькие, — добавил он, подойдя к камню-изголовью митрополита Филиппа.

— У вас были тяжелые минуты? — спросил отец Леонид.

— Да, отец, но именно те тяжелые минуты, о которых вы знаете, те тяжелые часы сомнения и горечи, которые бывали у меня до ареста, теперь они как-то улетучились. В Иркутской тюрьме какое-то большое внутреннее спокойствие и ясность овладели мною.

— Это хорошо. Господь вас поддерживает, но если наступит минута, когда вы не будете чувствовать этой поддержки, не бойтесь: может быть, помощь Божия именно глубже всего действует тогда, когда мы ощущаем его гнев, — ответил отец Леонид, пристально посмотрев на нее и перекрестив.

В этой неизреченной беседе двух, имевших «сердце горе», они утратили представление о времени, не чувствуя холода в промерзшем полуразрушенном алтаре и не замечая, что они уже в темноте. Внутреннее тепло грело их, и в обоих сиял один и тот же таинственный Свет...

— Гм, пора идти-то в казармы, не опоздать бы к вечерней поверке, — болезненным призывом обратил в страшный мир Соловков прозвучал голос Дымки, пробравшегося в церковь, чтобы напомнить им, где они.

Тут только Юлия Николаевна сообразила, что они не успели даже поговорить о разных материальных, житейских вопросах. Она забыла спросить отца Леониды, как он устроен, в чем у него особенная нужда. Все земное, преходящее, в те минуты было забыто.

Да, действительно, пришло время расставаться. Медлить было нельзя. Юлия Николаевна попросила благословения Российского экзарха. Он благословил ее, она, встав на колени, приложилась к благословившей ее руке. Юлия Николаевна не думала тогда, что здесь, на земле, они больше не встретятся, что она его увидит еще только раз мельком и что это прощание теперь — навсегда.

Интерьер лагерьного музея в Благовещенской церкви

Архимандрит Феодосий (Алмазов Константин Захарьевич), 1870 г.р. Окончил Московскую духовную академию и принял постриг в монашество под именем Феодосий. Преподавал в духовных училищах, был настоятелем Собора двенадцати апостолов в Московском Кремле и Старорусского монастыря в Новгородской епархии. В Соловках — 1927–1929 гг. В 1930 году тайно, вплавь, преодолел границу между СССР и Румынией, затем жил в Болгарии в монастыре св. Кирика. Автор книги «Мои воспоминания. Записки соловецкого узника» (Москва, 1997)⁵⁵

Из воспоминаний архимандрита Феодосия (Алмазова)

В 1927 году в кладбищенской церкви богослужение совершалось по Уставу, ежедневно. Хор заключенных, особенно в праздники, пел настолько хорошо, что многие рыдали, да я и сам плакал навзрыд. Монашеское пение в Соловках очень грубое, особенно в исполнении иеромонаха Мартина, которому «подмартынивать» (любимое выражение владыки Илариона, обычно певшего с монахами на правом клиросе) было очень тяжело, ввиду своеобразия соловецкого напева. Регентом тогда был преосвященный Амвросий (Полянский), затем Дехтярев из Отдела Труда, ставший нашим лесником. Он управлял хором и в Пасху 1928 года, когда мы служили в Знаменской церкви Кремля, имея во главе епископа Гомельского Тихона (Шаранова). Обычно в этой церкви помещалась Одинадцатая («Отрицательная») рота.

В Соловках законы и порядки меняются чуть ли не ежемесячно. В 1927 году все заключенные свободно ходили в церковь, правда, по особым спискам, но они не контролировались. Требовалось только «Рабочее сведение», своего

рода паспорт. Потом списки стали урезываться, разрешили писать только духовных лиц, а мирян вычеркивали. Хор почти распался. Потом в церковь (Великий Пост, 1928 год) стали водить парами под конвоем с особым счетом, как институток. В Пасху 1928 года из Кремля выпустили лишь после большого скандала. Потом духовенству запретили служить и разрешили только молиться. Потом стало еще хуже — ввели стрижку духовенства и потребовали от него хождения в гражданской одежде.

Из воспоминаний М. Польского

Петр, архиепископ Воронежский (Василий Константинович Зверев), родился в 1878 году в семье священника. Окончил в Москве гимназию, два курса историко-философского факультета университета, а затем перешел в Казанскую духовную академию.

В 1900 году Василий Зверев принял монашество в двадцать два года и был наречен Петром. Служил в Москве, был настоятелем мужского монастыря в Белеве (Тульской губернии) в войну 1914 года пошел проповедником на фронт, после войны стал настоятелем монастыря в Твери...

Первый раз был арестован в 1918 году, но освобожден, а в феврале 1919 года хиротонисован Святейшим Патриархом Тихоном в епископа и направлен в Нижний Новгород... Был красив, высок ростом, худощав, с очень длинными светлыми волосами и ясными голубыми глазами. Когда

Петр (Зверев В. К., 1878 г.р.) — архиепископ Воронежский и Задонский. В Соловках — 1927–1929 гг. Погиб в 1929 году и похоронен у Голгофы на о. Анзер

он служил в московском храме Христа Спасителя, то во время проповеди всем находящимся в огромном соборе, было слышно каждое его слово. Позднее в Нижнем Новгороде владыка Петр пользовался огромной популярностью. Его арест в мае 1921 года вызвал забастовку сормовских заводов. После освобождения некоторое время ему пришлось управлять Московской епархией, а с декабря 1925 года уже в сане архиепископа

Петр возглавил Воронежскую епархию, успешно борясь с обновленческим движением. В свое время ему было предсказано три тюрьмы. Три тюрьмы остались позади, и поэтому Владыка не стал больше ничего бояться.

— Четвертой не будет!

Шестнадцатого ноября 1926 года его все-таки арестовали, отправили в Москву, а оттуда с десятилетним сроком — на Соловки.

Из воспоминаний архимандрита Феодосия (Алмазова)

Когда освободили из Соловков Прокония (Титова), архиепископа Херсонского и Одесского, на его место счетоводом в кантерку Первого отделения (Кремль) и главой лагерного православного духовенства соловецким епископатом был избран преосвященный Петр. Он, поступив в кантерку, повел дело широко: приемы заключенных, беседы, ужины. Это было в 1927 и 1928 годах. Речи, яства, чай — уютно, назидательно и сытно. Конечно, все это в малых размерах: прежде всего, помещение было небольшое, а охотников пить чай — много. Дьякон Лелюхин донос о собраниях и разговорах, хотя в них ниче-

го, с большевистской точки зрения, худого не было. Владыку Петра перевели в Пятую роту, посадив в одну камеру с его врагом — епископом Григорием (Козловым). Лелюхин выкинул на панель вещи владыки Петра — это был неслыханный на Соловках скандал.

Вся верующая масса заволновалась. Владыки стали на сторону архиепископа Петра, а епископ Григорий со своими сподвижниками протонереем Поспеловым и дьяконом Лелюхиным остались в одиночестве. Протонерей Поспелов приходил с земным поклоном просить прощения у владыки Петра. Прощение не было дано.

Из воспоминаний монахини Арсении, записанных монахиней Серафимой (С. А. Булгаковой)

Когда в Кремль прислали нового начальника — сына священника, Успенского, тот сразу снял с церкви еще сохранившиеся кое-где после пожара кресты и усилил давление на священнослужителей. Владыка Петр в это время обратился к православной вере и крестил в Святом озере эстонку, за что был сослан в штрафную командировку Троицкую на остров Анзер.

Заболевший на Анзере тифом, архиепископ Петр был привезен в сыпнотифозный барак на Голгофе, то есть в саму церковь. Там он болел четырнадцать дней и скончался двадцать пятого января (по старому стилю) 1929 года в семь часов вечера, пятидесяти лет от роду.

Когда владыка скончался, его вынесли в морг, находившийся в свиарнике, и хотели оставить, чтобы похоронить отдельно. (Когда начался тиф, то с осени вырыли большие ямы и туда складывали всех покойников, а сверху ямы закрывали срубленными для того елками).

Но приехал начальник и велел положить его в общую могилу. Его отнесли и положили с краю, прикрыв деревцем.

Заключенные подали заявление с просьбой похоронить владыку отдельно. Местный начальник не решался позволить это. Когда разрешение задержалось, вмешались татары и укоряли русских:

— Ваш святой скончался, а вы не хлопчете.

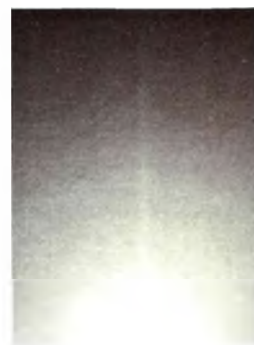
Наконец, разрешили. На пятый день хоронили владыку. В мастерской хозяйства сделали гроб за восемь рублей шестьдесят копеек. Панагию написали на кипарисе. Четыре человека пипаны в это время вырыли могилу.

Все умершие лежали черные, а владыка лежал, как Спаситель, в рубашечке со сложенными на груди руками, белый, как кипельный. Только на лице были елочки насыпаны. Весь он был белый, мягкий, как будто вчера только умер, лишь нога одна большая почернела...

Епископ Болеслав Слоскан (1893–1981). Рукоположен в священника в 1917 году, служил в Петрограде, Москве, Витебске. В тюрьмах и лагерях — 6 лет. В Соловках — 1928–1930 гг. Публикуется по вестнику «Истина и жизнь», № II–12, 1994.

Из «Тюремного дневника» епископа Болеслава Слоскана

В госпитале на острове Анзер, в лагунке Голгофа, отравление больных медицинским персоналом не было чем-то необычным. Если больной в этом госпитале имел при себе деньги, он отравлялся на тот свет посредством внутривенного укола. Архиепископ Петр уже пошел, было, на поправку и собирался вскоре выйти из больницы, как вдруг внезапно умер. У него были с собой деньги...

Из воспоминаний архимандрита Феодосия (Алмазова)

Погребение было назначено на воскресенье 10 февраля 1929 года. Разрешение на похороны получили: я, два иерея — отец Михаил Ильинский и отец Михаил Богданов, миряне — И. П. Зотов и Ш. К. (послушница, имени и фамилии которой назвать нельзя). Не разрешено было громкое отпевание, и без облачения, и без пения, не дозволено было и присутствие желающих помолиться. Вдруг поступил дополнительный приказ начальника Шестого отделения, запрещающий нам индивидуальное захоронение.

Но мы все-таки совершили заочное отпевание утром в канцелярии хозяйки и принесли гроб с крестом на Голгофу. Обшая могила, уже заполненная трупами, еще не была зарыта. Священные останки архиепископа Петра в длинной

белой рубашке лежали у края ямы. Изъять его оттуда было удобно, что мы и сделали. Плюнув на все запретительные меры начальства, торжественно облачили владыку в монашескую мантию и клобук, надели омфор, пояс, дали в руки крест, четки, Евангелие и громко совершили отпевание. Собралось до двадцати человек (впоследствии за это пострадавших), произнесли речи, опустили священные останки в отдельную могилу, водрузили крест и разошлись восвояси.

Вечная память
замученному большевиками!

...Весной все кресты на соловецких кладбищах приказали снять и обратить в дрова. В Соловках, видите ли, дров мало и топиться нечем.

Католические священники, собранные на командировке Троицкой лавры на Анзер, составившие одну духовную общину, объединились в братскую коммуна, имея общую кассу и общие продукты питания с 11 июня 1929 года по 5 июля 1932 года, когда все тридцать два священника были арестованы в лагере и получили дополнительные сроки заключения «за тайное изготовление вина (самогоня)» и «за антисоветскую агитацию в виде богослужений и шпионаж».

Донат Новицкий

**Из книги диакона Василия, ЧСВ
«Леонид Федоров. Жизнь и деятельность», Рим. 1966**

Молиться решили в лесу, в густых березовых зарослях. На Соловках довольно много валунов — нашли и для себя подходящий, чтобы пользоваться им как жертвенником при восточном богослужении. Приходилось быть осторожными и не забывать, что «катакомбы» находятся в Троицкой командировке на Анзере. Нужно было остерегаться нежелательных наблюдателей.

Все же служить на валуне удавалось только в тихую погоду, при ветре это было рискованно. Вскоре одному священнику пришла новая мысль — служить литургию в самом бараке под крышею, в боковом крыле чердака, где хранились венжи. Сопряжено это было с некоторым неудобством: нельзя было выпрямиться во весь рост и приходилось всю службу перемещаться на коленях. Так и делаем: ставили перед собой на полу нару чемоданов, покрывали салфеткой,

зажигали стеариновую свечку. Здесь же и исповедовались — один у другого.

Главное затруднение виделось теперь в недостатке вина. На Анзер удалось захватить совсем чуть-чуть. Пришлось строжайшим образом экономить. Был устроен настоящий диспут, чтобы решить, какой минимум вина допустим в этих условиях для совершения литургии. Установили: шесть—восемь капель вина при одной капле воды. Тем не менее даже при такой экономии вскоре запас истощился и явилась опасность прекращения литургии. Один из священников напомнил рецепт из курса богословия, как, в случае нужды, можно приготовить церковное вино из пива. Тогда священники стали добывать пивом всеми возможными способами для изготовления вина в дополнение к тому, которое, хотя и с трудом, но все-таки тайными путя-

ми на Анзер проникало. Как лагерная администрация ни старалась, устраивая неожиданные налеты и повальные обыски, помещать служению литургии она не смогла. Власти догадыва-

лись о совершении тайных обрядов, и один из соловецких следователей, констатируя свое бессилие, однажды воскликнул: «Где ксендз — там и обедня!». Он был прав.

Из воспоминаний И. Озерова

Мне приказали читать лекции по финансам на курсах для священников, желавших переквалифицироваться в бухгалтеров, посадили в «лодку Харона» и отправили на другой остров, где находится Распяцкий скит. Там жило православное духовенство — в самой церкви, на хорах. Было много священников, до полусотни, а по-дальше, на том же острове, помещалось католическое духовенство, оно жило отдельно...

Я встретил здесь прекрасного человека, как я его в душе называл «любовь изучающего», архиепископа Серафима³¹. Он сам пришел ко мне в барак, когда узнал о моем приезде... Он много рассказывал об Америке, где когда-то жил миссионером. Сам он ничего не имел, но там был другой епископ, я забыл фамилию, который подкармливал его, а архиепископ Серафим работал на этого епископа.

Как шивалид я был освобожден от работ, мог гулять, но не далее одного километра от барака. На острове Анзер великолесная северная растительность: там прежде были монастырские огороды, почва прекрасно удобрена, а так как теперь ничего не сажали, то северные цветы буйно распустились. Было приятно где-нибудь сесть или растянуться, но комары отравляли это удовольствие, даже архиепископ Серафим сам некурящий, меня часто просил покурить, чтобы отогнать хоть немого кровососущих.

И. Озеров

Старинное белокаменное здание бывшего анзерского Троицкого скита, часть которого была отведена под женский барак. В камерах были не нары, а отдельные койки — «толчаны», и можно было на ночь раздеваться, но этим и ограничивались все здешние бытовые удобства. Умыться бегали к озеру, ели — каждый на своей койке, так как стола в камере не полагалось.

О. Яфа

Журнал «СЛОН», № 3, 1924

ПЕРВОЕ МАЯ НА СОЛОВКАХ

Особенно дорого стало празднование этого дня именно в заключении. Всегда празднование Первого мая было символом надежды на лучшую, светлую жизнь. Здесь, на Соловках, в условиях изоляции и заключения этот праздник приобретает свое обаяние тем, что он врывается ярким, лучезарным днем в нашу однутошную будничную жизнь. И это почувствовали многие заключенные. Поэтому с таким

усердием и старательностью украсили они зеленью свои камеры, убрали их саками, привели себя в должный порядок.

Великий пролетарский праздник вдохнул в нас свежие силы, пробудил новые чувства. Кажется, в этот день стерлись границы между отдельными группами заключенных — все мы заразились верою в силу пролетарских, революционных лозунгов.

Гракх

Ввиду приближающегося Первого мая уже шли подготовительные работы для достойной встречи великого пролетарского праздника.

Оставалось еще одно необходимое дело: очистить от снега площадь перед зданием бывшего скита, на которой должен был происходить первомайский митинг, и посыпать ее песком.

И вот как раз в Великий Четверг — день этот, по-видимому, был выбран не случайно — с Троицкой⁵², отдаленного и засекреченного пункта, в котором было сосредоточено духовенство высших иерархий, — затребованы были в Анзер⁵³ все находившиеся там в это время православные и католические епископы...

У всех двадцати семи окон второго этажа стояли люди и смотрели, как четырнадцать слабосильных мужчин в рясах, надрываясь, втаскивали в гору большую, нагруженную песком телегу: одни тянули ее за огаблы, другие, наваливаясь на воз, толкали сзади или поддерживали с боков. Соединившись в одном устали, шли рядом еще молодой, видимо, очень блондинистый, католический епископ, бритый, в круглых роговых очках, и сухонький, изможденный старичок с белой бородой — православный епископ, ветхий дряхлый, но сильный духом, с неослабным старанием направивший на воз.

В Сельхозе были и лошади, и даже волы для перевозки тяжестей, но использование их на этот раз, видимо, рассматривалось как идеоло-

гически неуместное облегчение... В женской Кустарке⁵⁴ все побросали работу и столпились у окон. Монашки плакали... Я тоже смотрела и тоже — плакала...

Тем из нас, кому удастся когда-нибудь вернуться отсюда в мир, выпадет на долю свидетельствовать людям о том, что видим мы здесь сейчас... А видим мы возрождение чистой и стройной веры первых христиан, видим воссоединение церквей в лице единодушно участвующих в подвиге православных и католических епископов, воссоединение в любви и смирении, помимо всяких Соборов и догматических споров...

И этому роковым образом способствовали те самые того не подозревавшие люди, имевшие цель — уничтожение и поношение Христовой веры! Поистине, неисповедимы пути Господни!

К вечеру работу закончили. Площадь перед фасадом скита была выровнена и густо посыпана золотисто-желтым песком. Священники ушли — все четырнадцать — усталые, не евшие целый день — по лесной дороге на Троицкую...

С моря уже потянуло холодным ветром, стало пасмурно. Вскоре густой и обильный снег повалил на землю и шел, не переставая, всю ночь, укрывая пушистой пеленой лед залива, прибрежные холмы, лесные дорожки, крышу скита и только что расчищенную перед ним площадь.

Утром взойдет еще солнце осветило сверкающие девственной белизной анзерские просторы.

Упорство сектантов шло вплоть до начала до предела. Они не называли своего имени, на все вопросы отвечали: «Бог знает». И отказывались работать на Антихриста...

Кучку державшихся вместе, исхудалых, оборванных и немых сектантов загнали в угол зоны, где, связав руки, поставили на выступающий валун. Было их человек двадцать два или три старца с непокрытой головой, лысых и седобородых; несколько мужчин среднего возраста — растерзанных, с ввалившимися щеками, потемневших, сутуловатых; подростки, какими рисовали ни-

гих крестьянских паренков передвижники; и три нестарые женщины в длинных деревенских платьях с повязанными, наваленными на глаза косынками. Как случилось, что сектанток не отделили, а держали в нашей зоне? Быть может, специально привели из женбарака, стоявшего неподалеку от зоны? Командир распорядился: стоять им на валуне, пока не объявят своих имен и не пойдут работать. Тройке стрелков было приказано не давать «сводоте» переведиться.

И они стояли, эти несчастные «христосики» — темные по знаниям, но светлые по сво-

— Что это за люди?

— Они православные. Только верят, что Антихрист уже пришел в мир и его слуги — большевики.

М. Никонов

ей вере, недостижимо вознесенные ею. Замученные и осмеянные, хилые, но способные принять смерть за свои убеждения. Тщетно приступал к ним взбешенный начальник, порвал на ослушниках рубашки — пусть комары всю жрут эту «паду». Стояли молча, покрытые серым, переваливаясь саваном. Даже не стонали. Чуть перевалились беззвучно губы.

— Считаю до десяти, ублюдки! Не пойдете, как собач перестреляю! Раз... Два...

Лязгнули затворы. Сбившиеся в кучу мужчины и бабы, как по команде, попадали на колени. Нестройно, хрипло зпнели: «Христос воскрес из мертвых...»

Потом на острове мне не раз приходилось видеть эти окаянные комариные пиришествия.

Из воспоминаний М. Никонова

Мы встретились с Мыслициным⁶ и отошли с дороги в лесную чащу. Он так жадно хотел высказать мучившее его и угнетавшее...

— Помните этих — «Бог знает»? Позавчера расстреляли их всех. Сто сорок восемь человек.

— «Имяславцев»? Неужели?

Я был поражен неожиданной вестью. В сознании тотчас выплыли эти стойкие сермяжные люди, не желавшие признавать антихристовой власти, не желавшие работать на Антихриста.

— Так вот, о гибели «имяславцев» по порядку расскажу. Не дает мне эта картина покоя, а рассказать, облегчить душу от тяжести некому.

Их набралось сто сорок восемь. Большая часть из Терской области, с юга, остальные — из Сибири и с Волги. Все, как один, — крестьяне. Жили они на острове Анзере в полной изоляции, без всякой связи со своими близкими. Жили бы и теперь, если бы не новый начальник лагеря Успенский.

По новому указанию за всякий отказ от работ десятником и наблюдющим чекпостом составляется акт. «Тройка» ставит на акте свою визу, и отказник отправляется в изолятор на Секирную, а оттуда — в братскую могилу. На Секирной держат шесть палачей, и ежедневно находится им работа. Сам поворожденный начальник лагеря Успенский тоже достаивает принимать в палаческих расправах личное и собственноручное участие. Так вот, на днях этот

Успенский приказал составить акт об отказе от работ на изомированных «имяславцев». И всех их расстреляли. Никогда не забуду этого ужаса, даже если бы и хотел забыть.

Как раз в тот день я был наряжен в караул на Секирную. До сих пор удавалось брать нные посты, а тут не вышло. Пришлось идти. Пост мой у дверей — у притвора церковного. Оттуда выводили смертников, а стреляли в ограде. Человек восемь охранников принимали трупы, еще теплые, еще конвульсирующие, на подводы и увозили. Посмотрели бы вы на охранников-то: лиц на них не было — глаза растерянные, движения бестолковые, совсем не в себе люди. Нагружит воз теплым трупьем и, как сумасшедшие, гонят лошадей под гору — поскорей бы убраться подальше от сухого щелканья выстрелов. Ведь каждый этот выстрел обозначал расставание живой души с мертвым телом. Стреляли часа два. Восемь палачей и сам Успенский.

На Секирной ожидали приговора Коллегии ОГПУ обвиняемые в контрреволюционном саботаже, бродителстве и агитации, в организации групповых отказов и побегов, в сопротивлении конвою, в беседах с командами иностранных судов, прибывавших в Кемь и Сорочку за лесом, и так далее... Приговор приводился в исполнение тут же, и залпы отчитливо отдавались в камерах, набитых до отказа раздетыми до нижнего белья итрафными и подследственными.

М. Розанов

Но самое страшное было там, в притворе, у нижнего изолятора. Смертникам связали руки еще наверху. Представляете вы себе эту толпу, обросших бородами, кондовых мужиков со связанными назад руками? Они вопли и остановились в глубоком безмолвии. Палачи еще не были готовы, и жертвы ждали. Сколько, не знаю, но мне показалось, часа два. Только один я, стоя внутри на страже у дверей, видел всю эту картину. Мужики стояли понурые, плечом к плечу и думали свою крепкую думу. Тишина такая — даже в ушах звенело. Вдруг дверь пастежь. Вбегают два палача: еще жертву забыли в верхнем изоляторе — женщину-смертницу. Тащат они ее, а она визжит, упирается, слова словно выплевывает. Они буквально ее приволокли в притвор,

бросили и упали, дверью хлопнула. Женщина сразу перестала кричать. Увидев толпу сумрачных, тихих мужиков со связанными руками, она, должно быть, только теперь все поняла — и уставилась на них остановившимися глазами.

И еще сумрачнее стало в закрытом притворе. Молчат смертники, ни звука спаружи.

Сколько времени прошло в этой жуткой тишине — не знаю. Слышу тихий, словно вздох, шепот высокого, болезненного:

— Помирать будем. Молитву бы на исход души. — Рыжий бородач встрепенулся, словно только проснулся. Хотел, было, перекреститься, но крепко связаны руки сзади. Еще раз дернул руки, и по лицу прошла судорога.

— Не терпит Антихрист креста, руки вяжет. Крестись, братья, умом.

И помялся тихий придуренный басок, такой далекий и такой проникновенный. То прорвется, угаснет, потопленный глотаемыми слезами, то вновь окрепнет ярким звуком, всныхчет в тишине. Смертники подымали головы, бледные губы вторят молитве на исход души, глаза устремлялись ввысь — туда, к Предвечному, за Кого здесь они отдают свою жизнь:

— Помяни, Господи Боже, нас, в вере и надежде живота вечного, погибавших за Тебя, рабов Твоих... И каждый шептал имя свое, свято хранимое от Антихриста, оно теперь благоговейно возносилось ими пред лицом Предвечного.

— Правда Твоя, правда во веки. Аминь.

У кого текут слезы по суровым лицам, у кого застыли они в глазах, и застыл их недвижный взгляд. А женщина-то эта вдруг как рухнет во весь рост на каменный пол. Не выдержали нервы. Это была вдова недавно расстрелянного за неудачный побег советского поэта Ярославского⁶. Она в кремлевском дворе бросила в Успенского, расстрелявшего ее мужа, камень, и теперь за это погибала.

Сильная рука рванула тяжелую дверь, и первым вошел палач-любитель, сам начальник лагеря; товарищ Успенский. Пожаловал лично расправиться с женщиной за камень... Но еще не отзвучали слова молитвы, еще шепчут ее бледные губы смертников... Успенского, как обухом, ударил этот шепот. Палач повел плечами, нервно вынул папаш и опять положил его в карман, прошел вдоль притвора в правый угол. Казалось, для него эти мужики, умирающие за веру, шепчущие слова молитвы, стали вдруг ненавистны, ибо всякое сопротивление его раздражало, как

Лестница в самый суровый «Верхний штрафной изолятор» на Секирной горе

Ярославская-Макрон Евгения Исааковна (1902 г. р.), поэтесса. Арестована 17 августа 1930 года в городе Кемь, когда пришла на свидание с мужем. Расстреляна 20 июня 1931 года на Секирной горе.

Образование высшее, владеет немецким и французским языками. Особые приметы — шивалид, отсутствие голени обеих ног. Обвиняется, в частности, в том, что написала на груди «СМЕРТЬ ЧЕКИСТАМ!» и просила уголовников вытатуировать ей эту надпись.

Из следственного дела

Наши часовые веселились, вспоминая, как это было смешно, когда перед расстрелом с нее сняли протезы, заменявшие калеке ступни.

Ю. Дансае

была красная тряпка, он привык видеть смертников бледными, трепещущими, уже наполовину ушедшими душой в иной мир.

Шепот молитвы и сама молитва соединили этих серых людей в одном стремлении. На Успенского повеяло холодком. Ведь не палачом же он на белый свет родился, где-то в душе должны быть следы прошлого! И это прошлое, очевидно, помогло ему понять состояние погибающих верующих. Им овладело нервное настроение. Желая скрыть свое состояние, он закурил, через плечо бросил палачам какое-то распоряжение.

Тем временем Ярославская приняла в себя. С трудом, опираясь на стенку, встала. Успенский, словно обрадовавшись случаю выскокить из жути, обругал ее самыми последними словами.

— Что? Теперь и тебе туда же дорога, как и твоему мужу. Вот из этого самого папана я всадила пулю в дурацкую банку твоего Ярославского! — закончил он.

Женщина как закричит, как задержат руки. А палач смотрит и смеется судорожным, наигранным смехом. Врет, совсем ему не весело.

— Развяжи мне руки, развяжи, падаль паршивая! — орада Ярославская, пятясь к Успенскому, словно ожидая, будто он и впрямь развяжет ей связанные сзади руки, ногом вдруг круто повернулась, плонув врагу прямо в лицо.

Успенский сделался страшен. Выплесывая ругательства, он огулшил женщину рукоятью папана и, ушавшую, стал топтать ногами...

Началось... Брали с краю и уводили. самого расстрела я не видал, слышал только сухие выстрелы палачей, да вскрик кого-либо из убиваемых:

— Будь проклят, Антихрист!

Не помню — как я добрался домой. И теперь хожу, как в тумане... Подумайте, не насмешка ли судьбы? Вы же помните, я сын священника, че-

Успенский Д.В. (1906–1989). Подполковник внутренней службы, начальник Соловецких лагерей Особого Назначения в 1930–1931 гг., персональный пенсионер (Москва, Проспект Мира, 1988)

ловек верующий. И вот, именно мне выпало на долю стоять на карауле при этом безбожном, чудовищном деле, при избивении христовых мучеников. Срок мой кончается — достигшая последние дни, но такая смертная тоска меня дунит — жизни своей не рад. Не могу теперь без ужаса, без внутреннего холода смотреть на здешних людей, душу и сердце утративших.

На Мыслицине лица не было, в глазах его стояли слезы. Знаю, придет день и проснется в этих каменных сердцах совесть и позднее раскаяние о невозвратимо утерянном душевном покое и тибели в нем всего светлого, чем жив человек. Знаю... Видал я их, этих погибших людей в раскаянии, но никогда бы я их не пожалел. Я тоже винтик этой лагерной машины, но я никогда не пойду на убийство, даже под страхом собственной гибели. А ведь для них это почти удовольствие, особенно для Успенского.

Мы расстались. Я подождал, пока Мыслицин скрылся за поворотом, и только тогда вышел из-за укрытия. Нам нельзя было идти вместе. В лагере заключенный не имел права разговаривать с охранником. Подавленный рассказом о гибели «Имяславьев», я тихо брел по дороге, по пути, проходимому смертниками на Секирную. Только они оттуда уже не возвращаются, как вот я. Странные места, страшные люди.

Епископ Аркадий (Остальский Андрей Иосифович, 1888 г.р.) епископ Лубенский, викарий Полтавский. В тюрьмах, лагерях и ссылках — с 1922 года. В Соловках — 1928—1937 г. Расстрелян 29 декабря 1937 года

Из обвинительного заключения
по делу № 58/2280

Дело возникло на основании заявления, поступившего от заключенного пункта Савватиево, IV Отделения, Погорелого Р.П. от 24/II—3I года, о том, что группа заключенных священников проводит под видом религиозных бесед агитацию, направленную к дискредитации советской власти и лагерной администрации.

Произведенным следствием установлено: заключенный Остальский А.И., пользуясь среди заключенных званием епископа, группировал вокруг себя последних, под видом религиозных бесед проводя антисоветскую агитацию. С этой целью он проводил сборища в верхнем помещении часовни свободных монахов.

Так, 2I ноября 1930 года заключенный Остальский, собрав группу заключенных священников и рядовых верующих, после совершения с присутствовавшими религиозных обрядов исповеди и причащения, произнес проповедь, в которой указал, что верующая масса и духовенство в данное время подвергаются гонениям так же, как

христианство подвергалось гонениям в первые века. Аналогичную беседу провел Остальский и в праздник Крещения в 193I году. Заключенное духовенство, находящееся в пункте Савватиево под влиянием Остальского, в свою очередь, распространяло антисоветские слухи, в общем сводившиеся к тому, что советская власть своей политикой разорила крестьянские хозяйства и, из-за создавшегося тяжелого положения, в стране будто бы должна произойти смена власти.

Персонально же деятельность лиц этой группы сводилась к следующему. Заключенный священник Савченко М.Д. взял на себя роль сборщика средств для поддержания материально необеспеченных заключенных из духовенства, о чем сам рассказал бывшему полковнику, заключенному Павлову.

При обыске у Савченко были изъяты: I Псалтырь, I Евангелие, I книга литургии, 5I рубль денег — 35 рублей лагерными бонами и I6 рублей совзнаками, хотя к хранению разрешено не более 40 рублей.

Заключенный священник Вознесенский А.В. во время сбора средств на строительство дирижабля со злобой сказал: «Скоро ли большевики заткнут свое горло. Все берут, берут и никак не удовлетворятся».

Заключенный священник Изгодин В.С. при проведении лекции для заключенных на тему «Чистота — залог здоровья» выступил и сказал: «Какая бы у свиньи ни была чистота, но если ее не кормить, здоровья не будет, — и с иронией добавил: Лучше бы заключенных кормили побольше хлебом, а не подобными лекциями».

Заключенный священник Ильин В.С. 23 января 193I года в присутствии заключенных сказал: «В данное время советская власть бросает людей в лагеря, так как ей нужен бесплатный труд для выполнения пятилетки!»

Заключенный Бубнов И.Ф., кулак, тип антисоветски настроенный, вращавшийся среди руководимой Остальским группы заключенных священников, часто высказывал недовольство советской властью и распускал слухи о скорой войне.

Поведение остальных участников группы выразилось в совершении совместно с Остальским религиозных обрядов и в посещении нелегальных собраний⁵⁷.

Уполномоченный Секретного Отдела ИСО Задоркин
ВрИО Нач.Управления СЛАГ Линин

Фамилии его я не помню, да и не многие знали ее на Соловках. Она была не нужна, потому что Утешительного пона, отца Никодима, и без нее знали не только в кремлевском муравейнике, но и в мусалминском затишье, и в Савватиеве, и на Агвере, и на межах, затерянных в дебрях командировках. Так сложилась его соловецкая судьбина — везде побывал.

Свои пастырские обязанности отец Никодим выполнял и на Соловках. Наперстный крест серебряный, епитрахиль, ризу и камилавку отобрали в Кеми при последнем перед Соловками обыске. Евангелие оставили, это служителям культа тогда разрешалось.

Последняя камамотовая, подбитая ватой ряска изорвалась на лесных работах до непристойности. Пришлось полы обрезать. Священническая шапка, в которой он попал в тюрьму, давно уже пришла в полную негодность, и седую голову отца Никодима покрывал подаренный кем-то красноармейский плащ с ясно видневшимся следом отпоротой красной звезды.

— Пона и в рогожке узнаешь, — говорится в народе, — улыбался отец Никодим, — а все нужное у меня в исправности. — «Нужное» составляли: искусно вырезанный деревянный крест на веревочке, носившийся под одеждой, епитрахиль суконная, короткая, подбитая легким слоем ваты, и дароносица из плоской солдатской немецкой кружки с дошко подогнанной крышечкой...

От выполнения своего служения отец Никодим никогда не отказывался. Служил шепотком в уголках молебны и панихиды, исповедовал и приобщал Святых Таин с деревянной струганой ложки. Таинство Евхаристии он совершал над водой с клюквенным соком.

— Вина, где ж я достану? А клюковка, она есть тоже виноград стран полуночных, и тот же Виноградарь ее произрастит. Нет в том греха.

По просьбе группы офицеров он отслужил в лесу, на могиле расстрелянных, панихиду по ним и Царе-Искусителе. Его под видом плотника проводили в театр к пожелавшим поговорить женщинам. Шпана ухитрялась протаскивать его через окно в лазарет к умирающим, что было очень трудно и рискованно. Никто из духовенства не шел на такие авантюры. Ведь попалась они — не миновать Секирной горы. Но отец Никодим ни ее, ни прибавки срока не боялся. С радостью прошел он весь свой долгий

жизненный путь. С нею не расстался и в дни свои последние, соловецкие. Этой же радостью своей стремился поделиться он с каждым, за что и прозвали его Утешительным.

Но Секирки и мученического венца отец Никодим не миновал. На первый день Рождества вдумали всем баракком — человек двадцать в нем жили — обедно отслужить затемно, до подъема, пока дверей еще не отпирали, да, видимо, приподнялись.

Отпирает охрана барак, а там отец Никодим Херувимскую с двумя казаками поет. Мотивируясь успели разбежаться по парам, а эти трое были уличены.

— Ты что, пона, опшум разводишь?

Отец Никодим не отвечает — обедно прерывать нельзя — только рукой помахивает.

Все трое пошли на Секирку.

Весной я спросил одного из немногих, выравнившихся оттуда, знает ли он отца Никодима?

— Утешительного пона? Да кто же его не знает на Секирке! Целыми ночами в штабелях «священные сказки» рассказывал.

— В каких штабелях?

— Не знаете? Не побывали еще в них? Ну, объясню.

Зимой Секирная церковь не отапливается. Верхняя одежда и одеяла отобранны. Так мы способ изобрели спать штабелями, как баляны кладут. Ложатся четыре человека в ряд набок, на них — четыре поперек, а на тех еще четыре снова накрест. Сверху весь штабель имеющийся в наличии барахлом укрывают. Внутри пахнет и тепло. Редко, кто замерзнет, если упаковка тщательная. Укладывались мы прямо после вечерней поверки. Заснуть, конечно, не можем сразу. Вот и слушаем «священные сказки» Утешительного попа... и на душе светлеет...

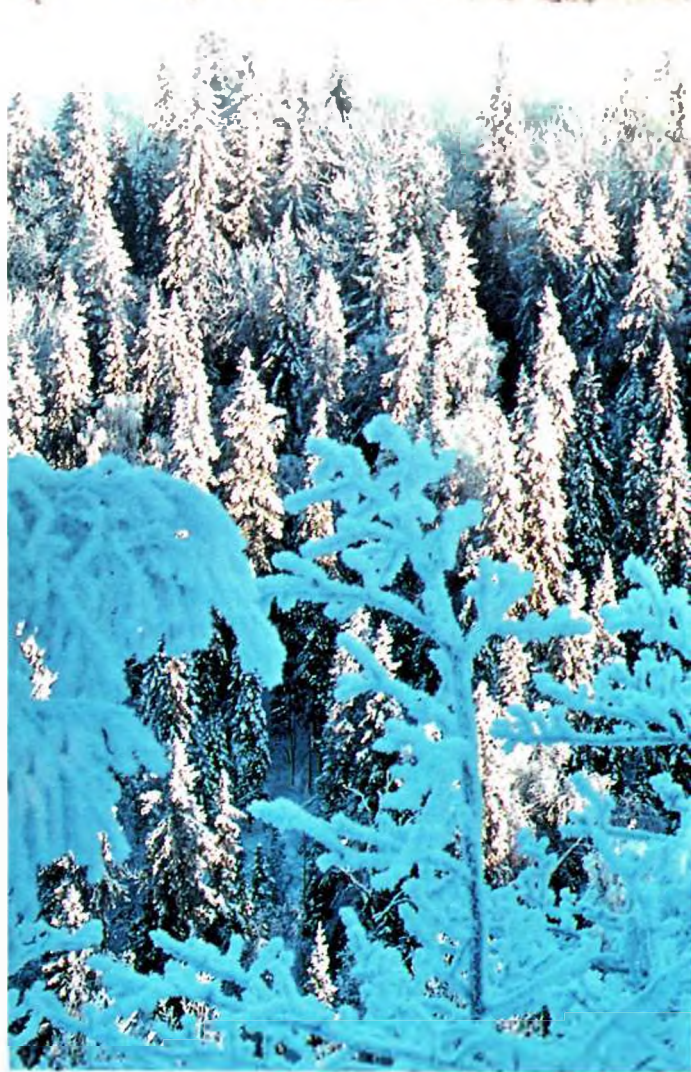
— Когда ж он срок кончает?

— Кончил. На самую Пасху. Отслужил ночью в уголке Светлую Заутреню, похристосовался с нами. Потом в штабель легли досыпать, он про Воскресение Христово «сказку» сказал, а наутро разобрали штабель — не встает наш Утешительный. Мы его будим, а он холодный уже. Надо полагать — придушился — в нижний ряд попал. Это бывало. Сколько человек за зиму напутствовал, а сам без напутствия в дальний путь пошел... Впрочем, зачем ему оно. Он сам дорогу знает.

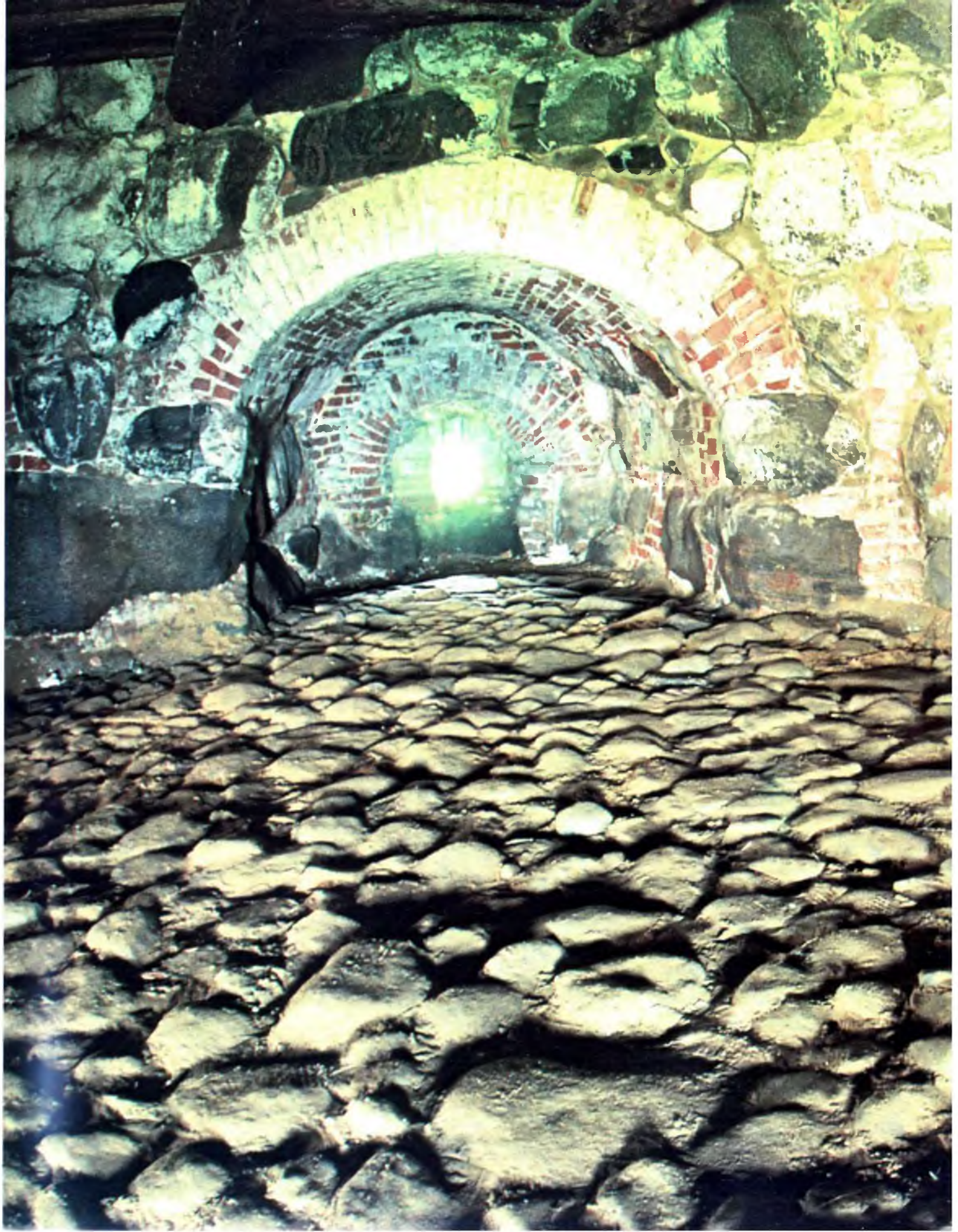

На склоне горы кончали свои счета с жизнью приговоренные к высшей мере. «Чудный вид от Секирной горы» — было последнее, что видели они, уходя из этого мира.

О. Яфа

Крепостная
интеллигенция

«СОВКИНО» пришла очень удачная мысль — восполнить пробел, запечатлев на экране жизнь и работу жителей Соловецкого концентрационного лагеря... С первых кадров фильма перед нами встает живописный и благоустроенный уголок, населенный здоровыми, бодрыми людьми, день которых проходит в таком же чередовании труда, отдыха и развлечений, как и каждого трудящегося на свободе. Живут ссыльные в общехитин или отдельных комнатах, уютных и в сво-

ем роде комфортабельных... Ни одного лица, в котором виделась бы придавленность. Ни одной фигуры, в которой виделась бы забитость.

В Соловецком концлагере ничего не осталось от того режима, который пускал в ход каменные мешки...

Фильм прекрасно разъясняет методы исправления и разбивает всякие пеленые выдумки об «ужасах ГПУ»... Надо бы показать его за границей.

Кадр из документального фильма «Соловки», снятого по заказу ОГПУ в 1928 году.

Мне показали боровка весом четыреста тридцать два килограмма, существо крайне отвратительное, урюмосамодовольное. Его тяжестью и способностью к размножению свиней весьма гордятся. Свиней очень много, и, как везде, они, видимо, близне доволны жизнью, но, разумеется, хрюкают.

М. Горький. «Соловки»
Из журнала «Наши достижения»
№ 5—6, 1929

Из воспоминаний Ф. Олехновича

Любопытно вспомнить, как снимался этот фильм. Перед нашей ротой был скверик, в котором пытались расти некие рахитичные цветочки. Посреди скверика стояла каменная часовенка, называвшаяся читальней.

Однажды, к большому нашему удивлению, у часовни заиграл оркестр. Командиры ходили по камерам, выбирая заключенных, которые выглядели наиболее пристойно, и посылали их в скверик. Там уже установили столы, за которые усаживали соловчан, делавших вид, что читают газеты или играют в шахматы. Самое удивительное — потом пригнали арестанток из «женроты» и разрешили им разговаривать с мужчинами.

Сцена, видимо, удалась — вот как радостно живется в Соловецком лагере! По придуманному сценарию, мы с хохотом покидали казармы, весело работали, культурно отдыхали...

Фильм своего добился, выйдя на экраны по всему СССР. Мама писала мне из Минска: «Я в

кино видела лагерь на Соловках. Очень успокоилась. Оказалось, все не так плохо, как думала...»

Я же не мог написать ей правду — наша цензура таких писем не пропускала...

Разрушительная комиссия досрочно освобождает лучших заключенных. Кадр из фильма «Соловки»

**Из выступлений при обсуждении фильма «Соловки» в Москве
в клубе им. Дзержинского 16 мая и клубе им. Сталина 1 июня 1929 года**

...За рубежом существуют два страшных слова: «ГПУ» и «Соловки». Картина «Соловки» рассеивает легенды о большевистской инквизиции, ее едва ли пустят за границу, так как она является лучшей пропагандой в буржуазных странах...

*Шестаков
политэмигрант из Латвии*

...Фильм дает контраст между царским застенком и нашей системой исправления. Это особенно важно для воспитания молодняка, не видевшего ужасов царской тюрьмы.

*Уткерс — представитель МОПРа
(Международное Общество
Помощи Революционерам)*

**Журнал «Наши достижения»
№ 5—6, 1929**

В эти дни по всему Союзу Советов кинематограф показывает остров Соловки. Фильм я видел... после того, как побывал в Соловках; съемка уже устарела — в наше бурно текущее время даже и вчерашний день отталкивается далеко от сегодняшнего дня.

М. Горький. «Соловки»

...Нужно было бы показать весь процесс исправления заключенных... но я считаю картину соответствующей действительности.

*А. Нотев — бывший начальник
Соловков и организатор лагерей*

...В картине хромает монтаж. Например, сняты конвоиры с винтовками, чего на самом деле нет на Соловках...

*Ф. Эйманс — начальник
Соловецких лагерей*

...Не показаны инциденты. Неужели там все гладко проходит?..

Рудакова — учащаяся

Из воспоминаний И. Зайцева

В мое время «СОВКИНО» проводило съемку. Боже, какая наглейшая и подлейшая инсценировка всех видов и сцен.

*Читка свежих газет и игра в шахматы.
Кадр из документального фильма «Соловки», 1928*

Однажды я сделался свидетелем такой сцены. Меня отравили в госпиталь с пакетами. Госпиталь помещался недалеко от выхода из Кремля. Я терпеть не мог ходить в это учреждение, так как больные в лазарете лежали даже в коридорах, прямо на полу, и распространяли невыносимое зловоние.

Подходя к госпиталю, я с удивлением заметил, что в чахом скверике, разбитом на площадке перед госпиталем, были расставлены столики, аккуратно накрытые белыми салфетками. На столиках аккуратно расставлены чашки и бутылки, а на стульях восседали однообразно хорошо одетые «больные».

Был собачий холод, и сидевшие за столиками должны были сильно мерзнуть в своих легких костюмах, но здоровым людям холод не страшен. Дело в том, что среди сидевших и позировавших не было в действительности ни одного больного. Все эти наряженные для съемки статисты были набраны из чекистов.

Должно быть, моя весьма непривлекательная фигура в помятой шляпе, коротком полушубке и фетровых сапогах портитла идиллическую картину «весеннего» (или «летнего») отдыха счастливых больных.

— Эй, ты там, с бородой! Ступай к черту! Пошел вон! — заорал кто-то из «режиссеров».

Соловки 11 августа 1925 года. О. Э. Браз (1876—1936), акварель.

Работы бывшего вице-президента Императорской Академии художеств Осипа Эммануиловича Бразы — одного из создателей русского художественного направления «Мир искусства» — были вывезены в 1932 году в Центральный Антирелигиозный музей СССР из Соловецкого лагерного музея.

Профессор Императорской Академии художеств Браз находился в лагере уже более года и успел побывать в одной из привилегированных рот, занимая какую-то должность по архитектурной специальности. За два месяца до моей встречи с Бразом в лагере на него донос кто-то из сексотов, и знаменитого профессора отправили на тяжелые работы в тавань.

В Десятую роту Брза перевели после «исправления» недавно, и теперь он был назначен «придворным живописцем». Ежедневно старый заслуженный профессор отправлялся рисовать различные виды Соловецкого лагеря. Ему было приказано начальством лагеря зарисовывать

сцены из жизни заключенных и исторические памятники старого монастыря.

Все нарисованное проходило через цензуру начальства, так как по указаниям начальника Адмиралтейства Васьева и других профессор должен был создавать в своем альбоме «потемкинские деревни». Всякий раз, возвращаясь с «цензурного просмотра», он с громким вздохом принимался за реставрацию церкви и украшение лагерной жизни... на бумаге альбома. Эти рисунки предназначались для какого-то издания, долженствовавшего изобразить в картинах-описаниях райское житье заключенных в Союзе Социалистических Республик.

Соловки 11 сентября 1925 года. О. Э. Браз (1876—1936), акварель.
Акварели Брза с Соловков изумительные. Браз — крупнейший художник. Он — автор самого известного портрета Чехова. Браз из лагеря был «выкуплен». Когда появилась возможность «выкупить» людей за валюту, купили и его. Он жил в Париже, но быстро умер.

А. Лихачев

В опустошенной ризнице Преображенского собора ударил топор плотника. В храме, где незримо колыхались седины Зосимы и Савватия, внезапно выросли театральные подмости, и 23 сентября 1923 года сотни угрюмых

принудиловцев, переполнивших открывающийся театр, вливались глазами в новенький занавес с нашитой на него эмблемой будущей нашей весны — белой соловецкой чайкой.

Н. Литвин

Соловецкая чайка. Художник Вадим Стругаков

Соловки имели свою показуху. Показуху для того, чтобы приехавшее начальство убедилось, что здесь не карант, а переобстановивают. Поэтому очень важно было иметь театр. Это была показуха, но показуха являлась вместе с тем и частью нашей жизни.

А. Лихачев

Из воспоминаний Б. Ширяева

В одной из первых партий 1923 года на Соловки прибыл провинциальный актер Арманов.

Кремль того времени по своему внешнему виду был далек от того кипящего своей особой, каторжной жизнью муравейника, в который он превратился в 1925 году. В центре его мрачно чернели обгоревшие стены Преображенского собора, дворы завалены мусором и обломками. Сорванные двери, разбитые окна... Пожарище...

— А ты кто будешь, растакой-сякой?

— Известный артист Арманов, — прозвучал гордый ответ.

— Знаем... Здесь все артисты... Становись!

— Театр устрою!

Это было сказано так уверенно и внушительно, что произвело впечатление. В полдень Арманов уже излагал свой план начальнику отделения Бариннову, а вечером шнырял по темным коридорам, спотыкаясь о валявшиеся там бревна, падал, чертыхался, наступал на чьи-то руки и ноги, но неутомимо, упорно искал желающих играть на сцене без освобождения от работы после десяти—двенадцати часов тяжелого труда...

Рецитировали, вернувшись с работ и паскоро похлебав баланды из голов соленой трески. Собирались на репетиции туго, порою с руганью, но, начиная повторять за суфлером, режиссером

и главным актером Армановым слова роли, оживали, распрямлялись спины, загорались глаза.

Электростанция еще ремонтировалась, света не было. В келье горел единственный, добытый Армановым, огарок. Но через две недели на заминелой кремлевской стене, около главных ворот, красовалась первая на Соловках выписанная разведенным химическим карандашом афиша.

В тот знаменательный день Арманов, несомненно, заслуживал лаврового венка. Им было сделано все: сцена из опрокинутых шкафов, в которых хранилась прежде посуда трапезной, декорации из побеленных известкой мешков, грим из клюквы и сажки, пудра из отсеянной муки... даже текст «Медведя», который Арманов записал по памяти, с некоторыми дополнениями... но простит их ему никого не осуждавший при жизни автор! Нигде так не любят, не ценят своего театра, как на каторге. Нигде так не гордятся им и актеры, и зрители...

Театр на каторге — экзамен на право считать себя человеком. Восстановление в этом отнятом праве. Афиша — диплом на это звание и для актеров, и для зрителей. Вот почему перед ней толпились... Толпились, читали, перечитывали, уходили и снова к ней возвращались, находя в ее чтении какое-то непонятное наслаждение...

— И мы люди. Все-таки, как-никак, а люди. Несмотря ни на что — люди!

Это был длившийся два-три года период максимального напряжения культурной жизни Соловецкой каторги. Старая интеллигенция составляла около половины населения и непрерывно пополнялась новыми представителями всех видов и профессий. Традиции русской культуры, надломленные революционной бурей, были еще живы и действенны. Духовенство высоко держало крест, офицерство хранило устои долга и чести, юристы — их было много на Соловках того времени — строили представление о праве и законности, артисты и художники — стремление к свободе творчества и бескорыстному служению искусству.

Театр стал постоянным, но его актеры освобождены от каторжных работ не были. Однако само помещение театра в бывшей монастырской трапезной было хорошо оборудовано. Сцена, зрительный зал, освещение, декорации — все было сделано под руководством бескорыстного слуги Мельномены Арманова и, выполнив предназначенное ему судьбой дело, он отошел на задний план, уступив место вновь прибывшему старому провинциальному комику М. С. Борину⁶, широко известному на юге России.

Макар Семенович Борин быстро сориентировался в запутанной системе внутренних соотношений каторжного муравейника и понял, что Неверов⁷ — пух, хоть и числится начальником, вся же сила в руках Васькова — грубого полудевря, но вместе с тем и очень глупого человека, которым, в свою очередь, управляла умный и деловитый Коган⁸, а Когану нужен был товар лицом...

Борин стал первым освобожденным от других работ руководителем Соловецкого театра. Действуя и дальше «тихой сапой», он укладывал на свою стройку кирпич за кирпичом: выпросил

освобождение для нескольких ведущих актеров, потом еще для десятка; «прикрепил» к театру технический персонал: портного, парикмахера, бутافора, плотников...

Через год в новом, изящно отделанном по эскизам ссыльного художника Качалкина театре Борин давал перед комиссией, приехавшей на Соловки, во главе с «самим Боким» (заместителем Менжинского) действительно блестящий парадный спектакль — «Борис Годунов» Пушкина, в собственных, выполненных художниками-каторжанками декорациях и костюмах, сшитых из нераскраденных, в силу невозможности сбыть, запасов парчи из монастырской ризницы.

Сценическая культура и техника Соловецкого театра того времени стояли на такой ступени, что несколько позже, когда актеры были освобождены от общих работ, он смог давать по две премьеры в месяц⁹.

Театр обладал значительно большей свободой, чем театры на материке. В репертуаре Соловецкого театра в 1923—1927 годах агитка почти отсутствовала, зато шли даже запрещенные в РСФСР пьесы, такие, как, например, «Пенна», «Старый закал», «Кашицкая старина», «Сатана»...

— Понов и генералов все равно не сагитируешь, а гнилую шпану и агитировать не стоит! — изрек, разрешая их, заместитель начальника Управления лагерями Эйхманс.

Параллельно развивалась и концертная эстрада, не говоря уже о многих певцах, скрипачах и пианистах. К 1926 году были созданы приличные духовой и симфонический оркестры. Десять десятых программы занимала серьезная музыка. Здесь, как и на сцене, можно было услышать то, что не допускалось за пределами лагеря: запрещенного «белобандита» Рахманинова и других «бывших».

Создатель Соловецкого лагерного театра Арманов И. А. — исполнитель роли Крещинского

Рисунки из журнала «СЛОН», 1924

Макар Борин — исполнитель роли Расплюева в одной из первых постановок лагерного театра — комедии по пьесе А.В. Сухово-Кобылина «Свадьба Крещинского», бьющей тупое законодательство и продажное судопроизводство

Соловецкий театр — совершенно своеобразный театр, театр, выросший в стенах древнего Соловецкого кремля, театр, работающий в исключительных условиях изоляции. Среди каменных зданий, не то заброшенных, не то заживших иной жизнью, мелькает строгая вывеска:

СОЛОВЕЦКИЙ ТЕАТР

Вы открываете дверь, поднимаетесь по лестнице. Деревянная строгая отделка. За занавесом — сцена тринадцать аршин ширины и четырнадцать аршин глубины. Зал вмещает пятьсот человек. За барьером духовой оркестр в тридцать пять человек... Театр обслуживают пятьдесят человек прикрепленного к театру персонала. Труппа актеров — двадцать человек...

В театре имеется мастерская париков, большая костюмерная и декораторская. Костюмы имеются разнообразные. Для стильных пьес костюмы шьются из мешковины и окрашиваются по эскизам художников...

...Соловецкий театр не переоценивает своего скромного значения. Но все же он не без удовольствия констатирует, что на далеком острове небольшая группа людей, любящих театр, творит хлопотливое дело.

Пройдут года, и когда-нибудь летописец русского театра отметит двумя строчками скромный, забытый Соловецкий театр.

Борис Глубоковский

Из воспоминаний Б. Шириева

Свищет колючий норд-ост, вздыхает и несет мириады льдистых игл, колет ими зажимающих уши ладонями, куда-то спешащих людей. Свищет он в кремлевских стенах, злобный, враждебный, веет в зубцах вековых стен, рвет снежные шапки с урюмых бабеш, костенит пальцы, леденит тело, сковывает души...

Плен. Бессилье. Вперед — тьма...

...Тьма и в переполненном зале Соловецкого театра. Не видно и не слышно, как раздвигаются помы занавеса. Тьма и на сцене... Но вот раздаются во тьме чьи-то голоса. Они звучат с грустью:

— Занесет нас зимою метель.
И запрячет на полгода в пень...
Лишь весной найдут рыбаки
Соловки, Соловки, Соловки...

Один за другим вспыхивают цветные фонарики... Они замирают, снова загораются. Их все больше и больше... в темноте уже вырисовываются неясные силуэты ритмически колышущихся женских фигур, огоньки кружатся, танцуют в уходящей, рассеивающейся и побежденной тьме.

Мило нам из щели соловецкой
Вдаль взглянуть с улыбкой ясной, детской...
Приходите к нам и слушайте, как тут
Песенки веселые поют.

Эта пьеска называлась «Светлячки». Она была написана двумя не поэтами: Николаем Литвиным и автором этих строк. Мотивом послужила популярная тогда песенка о «НЮ, смеявшейся весело и звонко». Пьеска поставлена на первом спектакле ХААМа¹ в 1925 году.

В театре незримо царит другая атмосфера. С оплаченным тобой билетом ты чувствуешь себя совсем не так, как в роте. В фойе прогуливаются люди, из зала доносятся звуки оркестра. Пока открыта сцена, ты ощущаешь себя полноценным, настоящим человеком.

Г. Андреев

Оперетта «Тайны гарема» с оркестром, хором и балетом, причем «танец негритянт» исполняли... дети колхозства Соловецкого Особого полка, обученные артистом балета, каторжанином Шлакобниковым.

Б. Ширяев

Из воспоминаний Д. Ганешина

При мне в Соловецком театре ставили «На дне» Горького и оперетту «Тайны гарема», а также устраивали сборные концерты, производившие особенно глубокое впечатление на заключенных исполнением старинных народных песен и романсов. А танцы, частушки и рассказы вызывали всеобщий смех. В представлениях обычно участвовал и мой бывший московский сосед Павел Энгельфельд. В «Тайнах гарема», в

танце диких бедуинов, он исполнял партию предводителя, а на концертах выступал в еврейском, или, как объявляла конференсье, «испанском» танце. Отлично загримированный, с котелком на затылке, в дансердаке и с зонтиком, в ботинках с загнутыми вверх носками, с ужимками и жестиком, или же настоящего подвыпившего местечкового еврея он исполнял эту веселую польку под оркестр, тоже загримированный под четверку еврейских музыкантов. Успех этого танца был всегда исключительный.

Энгельфельд пошел на Соловки на три года по делу «фокстротистов»⁴, а также за то, что происходил из военной семьи и успел поучиться в кадетском корпусе.

«Дело фокстротистов», «дело моряков», «дело лицезистов», «дело кадетов», «дело Сокола», «дело скаутов» — многие-многие сидели по таким пробуржуазным «делам». Для человека моего времени эти «дела» покажутся просто невероятными.

Сирано де Бержерак в Соловках.
Рисунок заключенного Гаврилы Гордона

Из воспоминаний Ф. Олехновича

В Кремле, слева от входа через центральные ворота, стоял большой щит Соловецкого театра с объявлением, о имеющем быть сегодня кино или спектакле, с крупной надписью красными буквами: «Платное» и еще яркими буквами: «Места согласно билетам».

Это означало, что узник мог бы купить два билета и послать один в «Женкорпус» через дежурного по лагерю своей знакомой. И та могла бы прийти в театр (в строю попарно) и сидеть с ним рядом, и разговаривать... хотя вне театра даже простое приветствие между заключенными

мужчиной и женщиной каралось карцером. Так, муж мог за деньги встретиться с женой. Конечно, не кино у них на уме, а лишь возможность увидаться, поделиться горем.

Но есть и другая категория лагерных кинозрителей, называемая по-соловецки «горячие любовники». То, что делалось на галерке среди пшаны и их девушек... ужас... их не останавливал даже внезапный свет при обрыве киноплёнки во время сеанса...

Возвращение в роту из театра — опять под копьем в строю попарно...

*Мне грустно петь о Соловках,
О высоте твердынь кремлевских,
О ветре, дующем в лесах,
Кочующем на перекрестках.*

*И скучно думой измерять
Нас поглотившее пространство,
Иль соловецких зим убожество
В стихах бесчестных прославлять...*

Александр Панкратов

Из воспоминаний М. Розанова

В Соловецком театре в 1929–1931 годах директорами были Витов и Намивайко, режиссерами — Джеяля Махмуд Метинов из Симферопольского театра и некий Иван Комиссаров. На сцене играли баронесса Энгельгардт, Варвара Пфайфер, Зоя Попова, певица Наталия Бурова (возвратившаяся из Италии), артист МХАТа Фе-

дор Ванглер, умерший на Соловках от тифа. Оркестром дирижировал Вальдгард⁶, а художественным руководителем состоял Ильинштейн из театра Корниа. Театральные декорации писали: академик художник Смотрицкий, Миганадж-дан и Зябликов, освободившийся в 1930 году. При театре был даже скульптор — Шераинов.

Я жил над ротой оркестрантов. Они с утра до вечера репетировали военные марши. Причем полные, марши «Двуглавый орел» называли «Процание с друзьями». Это были бывшие офицеры Белой армии, которые находили утешение в маршах своего времени.

А. Лихачев

Билеты на бесплатные спектакли распределялись и выдавались заключенным командирами рот. Во время таких зрелищ женщины и мужчины рассказывали отдельно. Одним — правая сторона зала, другим — левая.

Ф. Олехнович

В 1929 году, после перевода Управления САОНа на материк в город Кемь, туда были переброшены и лучшие кадры Соловецкого театра. Театр в Кемь назывался Центральным театром УСАОН ОГПУ.

Коллектив театра должен был обслуживать и ресторан в Кемь, тоже принадлежавший ОГПУ.

Помню еще оперного артиста Ксендзовского, тенора Асатиани Г. Г., комиков Белицкого и А. Радищева, артистов Вангера, Рыдзюнского, Шкуратовского, Москвина, Демина, Г. А. Немировича-Данченко, Дадзани, Комиссарова, Гордона... Салинцев и В. Осипов — в прошлом воздушные гимнасты группы «Кречет». М. Шпидлин и В. Ансовский — работали

и как гимнасты, и как драматические актеры. Яковлев Н. Г. был художником, а Буквалов — машинистом сцены.

Из женского персонала помню Орлову — актрису оперетты, Дроздову-Бежину О. К. — балерину из Шанхая, Асю Залесскую — исполнительницу русских народных песен, Горскую — исполнительницу восточных танцев, артисток Савченко, Арисон и других.

Симфоническим оркестром дирижировал композитор Канцель, а другим дирижером был Новинский. Скрипачи-соли-

ТЕАТР ГОТД СЛОН

Суббота, 9 и Воскресенье, 10 июля.

ШТИЛЬ

Пьеса в 3 актах В. И. Кавалева

УЧАСТВУЕТ ВСЯ ТРУДА

Постановка Главн. Режиссера Б. ГЛУБОВОКОВОЙ
Пом. Режиссера ГАЗАЛИУС.

ДУХОВОЙ ОРКЕСТР

под упр. Сперд

ЦЕНЫ МЕСТАМ от 15 коп. до 1

В состав Центрального театра включались и два больших оркестра — симфонический и духовой, общим числом сто тридцать четыре человека.

Главным режиссером был Борис Глубоковский, потом Д. К. Калугин из бывшей Александринки, помрежем — С. К. Зайцев.

Администратором Центрального театра стал Энгельфельд, он же балетный танцор.

Артист В. Серебрянников одновременно был и счетоводом театра.

СОЛОВЕЦКИЙ ТЕАТР

Среда, 11 июля

КОНЦЕРТ

Павел ПИЛИПОВИЧ

из программы Павла ПИЛИПОВИЧА
Траурные: Английский, Французский
Адрес: Соловецкий театр
Литература: Французский, Английский

Вступительное слово ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО
Директор: КОРОБОВСКИЙ и СПЕДИН
Директор-администратор (СМИРНОВ)
ЦЕНЫ МЕСТАМ от 25 коп. до 1 рубль

ты — Гроссман и Нифтаи. Помню еще музыканта Мидаина и профессора музыки Хальфана.

По своему составу Центральный театр УСАОН ОГПУ считался в СССР лучшим после столичных театров, по своему помещению не имел, а работал стационарно в здании

кемского «Домпросвета». Театр находился в ведении ВНО — Воспитательно-Просветительного отдела УСАОН ОГПУ, начальником которого был Успенский Д. В., а помощником — заключенный чекист Аблесимов Г. В., которого сменил Алейников М. В.

Управление Соловецкими лагерями Особого Назначения — УСАОН ОГПУ — располагалось в 1924 — 1929 годах в помещении монастырской Преображенской гостиницы. КВЧ — Культурно-Воспитательная часть — занимала угол на третьем этаже Управления — окнами на Кремль и пристань.

М. Розанов

:: :: Соловецкий театр :: ::

Газета «Новые Соловки»
7 марта 1925 года

Нарком НКВД СССР Г. Ягода —
почетный член общества «Динамо»

Объединенное Соловецкое спортивное общество «Динамо» на заседании 27 февраля постановило выбрать своим почетным членом товарища Ягоду и выдать ему почетный билет*.

СОЛОВЕЦКИЙ НАПОЛЕОН⁶⁶

В приемной Успенского сидят начальник отдела снабжения и еще несколько человек. Знают, придется подождать...

Я усаживаюсь и оглядываюсь кругом. Публика вся хорошо откормленная, чисто выбритая, одетая в новую чекистскую форму — все это головка лагерного ОГПУ. Я здесь — единственный в лагерном, арестантском одеянии и чувствую себя каким-то пролетарием навыворот. Вот напротив меня сидит грузный, суровый старик — это начальник нашего Медгорского отделения Поккалин⁶⁷. Он смотрит на меня неодобрительно. Между мной и им — целая лестница всякого начальства, и каждое может вышибить меня в те не очень отдаленные места, куда даже лагер-

Из воспоминаний Д. Лихачева

Как-то пришел в детколонию бывший тогда политруком ВОХРа Успенский и говорит:

— Будет советский праздник, и мне нужно показать, что у нас делается на Соловках для социально близких — для рабочих и крестьян.

А скаут Шипчинский из Ростова, их целую молодежную организацию путников привезли, сразу выпаливает лозунг:

— Соловки — рабочим и крестьянам!

— Во, как здорово, вот замечательно!

И повесили над входом в Соловецкий кремль:

Соловки — рабочим и крестьянам!

Позже, правда, кто-то из начальства заметил, что этот текст не совсем подходит для входа в концлагерь...

А еще чуть позже Успенский лично расстрелял путника Дмитрия Шипчинского.

Журнал «Соловецкие острова»
№ 5—6, 1926

СПОРТ

В абыжном пробеге Кремль — Филимоново — Кремль, дистанция 19 километров, первое место занял красноармеец Лопаткин с результатом 50 мин. 25 сек. Приз победителю — значок общества «Динамо».

Из воспоминаний И. Солоневича

ный Макар телят своих не гонял. Куда-нибудь вроде Девятнадцатого квартала, а то и похуже... Поккалин может отправить в те же места почти все это начальство, меня же стереть с лица земли одним дуновением своим... Так что сидеть здесь под недоуменно неодобрительными взглядами всей этой чекистской аристократии мне не очень-то уютно...

Сидеть же, видимо, придется долго. Говорят, что Успенский иногда работает в своем кабинете сутки подряд и те же сутки заставляет ждать в приемной своих подчиненных.

Но дверь кабинета раскрывается, в ее раме показывается вытянутый в струнку секретарь и говорит:

— Товарищ Солоневич, пожалуйста.

* Ягода Г.Г. (1891 г. р.) — нарком внутренних дел СССР в 1934—1936 гг., почетный член Соловецкого спортивного общества «Динамо» — расстрелян 15 марта 1938 года.

Я «жадную»... На лице Поккалина неодолимое переходит в полную растерянность. Начальник отдела снабжения, который при появлении секретаря поднялся было и подхватил свой портфель, остается торчать столбом с видом полного недоумения. Я захожу в кабинет и думаю: «Вот это клюнула... Вот это глотнула»...

Огромный кабинет, обставленный с какой-то выдержанной, суровой роскошью. За большим столом — «сам» Успенский, молодой сравнительно человек, лет тридцати пяти, плотный, с какими-то бесцветными светлыми глазами. Умное, властолюбивое лицо. На островах его называли Соловецким Наполеоном... Да, этого на мякине не провести... Но и не на мякине же я собираюсь его провести... Он не то чтобы оцупывал меня глазами, а как будто каким-то точным инструментом измерял каждую часть моего лица и фигуры.

— Садитесь.

Я сажусь.

— Это ваш проект?

— Мой.

— Вы давно в лагере?

— Около полугода.

— Гм... Стаж невелик. Лагерные условия знаете?

— В достаточной степени для того, чтобы быть уверенным в исполнимости моего проекта. Иначе я вам бы его и не предлагал... На лице Успенского настороженность и, пожалуй, недоверие.

— У меня о вас хорошие отзывы... Но времени слишком мало. По климатическим условиям мы не можем проводить праздник позже середины августа. Я вам советую всерьез подумать.

— Гражданин начальник, у меня обдуманы все детали.

— А ну, расскажите...

К концу моего коротенького доклада Успенский смотрит на меня довольными и даже улыбающимися глазами. Я смотрю на него примерно так же, и мы оба похожи на двух жуликоватых авгуров.

— Берите папиросу... Так вы это все беретесь провести? Как бы только нам с вами на этом деле не оскандалиться.

— Товарищ Успенский... В одиночку, конеч-

но, я ничего не смогу сделать, но если помощь лагерной администрации...

— Об этом не беспокойтесь. Приготовьте завтра мне для подписи ряд приказов — в том духе, в котором вы говорили. Поккалину я дам личные распоряжения...

— Товарищ Поккалин сейчас здесь.

— А, тем лучше...

Успенский нажимает кнопку звонка.

— Позовите сюда Поккалина.

Входит Поккалин. Немая сцена. Поккалин стоит перед Успенским более или менее навтыжку.

Серебряный жетон «Соловецкое Динамо»

Я, червь у ног Поккалина, сплужу в кресле, не то чтобы развалившись, но все же заложив ногу на ногу, и покуриваю пачкалственную папиросу.

— Вот что, товарищ Поккалин... Мы будем проводить вселагерную спартакиаду. Руководить ее проведением будет товарищ Солоневич. Вам нужно будет озаботиться следующими вещами: выделить специальные фонды усиленного питания на шестьдесят человек — сроком на два месяца, выделить отдельный барак или палатку для этих людей, обеспечить этот барак обслуживающим персоналом, дать рабочих для устройства тренировочных площадок... Пока, товарищ Солоневич, кажется, все?

— Пока все.

Начальник Северного участка строительства Беломорско-Балтийского канала Дмитрий Успенский выступает перед участниками лагерной спартакиады. Медвежьегорск. 1952 год

— Ну, подробности вы сами объясните товарищу Поккамину. Только, товарищ Поккамин, имейте в виду, что спартакиада имеет большое политическое значение и что подготовка должна быть проведена в порядке боевого задания...

— Слушаюсь, товарищ начальник...

Я вижу, что Поккамин не понимает окончательно ни черта. Он ни черта не понимает ни насчет спартакиады, ни насчет «политического значения». Он не понимает, почему «боевое задание» и почему я, замызганный, ойкастый арестант, сижу здесь почти развалившись, почти как у себя дома, а он, Поккамин, стоит навтыжку. Ничего этого не понимает честная латышская голова Поккамина.

— Товарищ Солоневич будет руководить проведением спартакиады, и вы ему должны оказать возможное содействие. В случае затруднений обращайтесь ко мне. И вы тоже, товарищ Солоневич. Можете идти, товарищ Поккамин. Сегодня я вас принять не могу.

Поккамин поворачивается налево кругом и уходит... А я остаюсь. Я чувствую себя немного... как, скажем, на страницах Шахерезады... Поккамин чувствует себя точно так же, только он еще не знает, что это Шахерезада...

Мы с Успенским остаемся одни.

— Здесь, товарищ Солоневич, есть все-таки еще один неясный пункт. Скажите, что это у вас за странный набор статей?

Дело в том, что ОГПУ не сообщает лагерю, за что именно посажен стода данный заключенный. Указываются только статья и срок. Поэтому Успенский ренгительно не знает, в чем тут дело. Он, конечно, не очень верит в то, что я занимался шпионажем (ст. 58, п.6), что я работал в контрреволюционной организации (ст. 58, п.11), ни в то, что я предавался такому пороку, как нелегальная переправка советских граждан за границу, совершаемая в виде промысла (ст. 59, п.10). Положенную мне статью, карающую за нелегальный переход границы, предусматривавшую в те времена максимум три года, ГПУ из скромности не использовало вовсе.

Во всю эту ахинею Успенский не верит по той простой причине, что люди, осужденные по этим статьям всерьез, получают так называемую «птичку», или, выражаясь официальной терминологией, «Особые указания», и едут в Соловки без всякой пересадки. Отсутствие «птички», да еще восьмилетний срок заключения являются, так сказать, официальным сим-

томом вздорности всего обвинения. Кроме того, Успенский не может не знать, что статьи советского Уголовного кодекса «приниваются» вообще кому попадо и как попадо: «Был бы человек, а статья найдется»...

Я знаю, чего боится Успенский. Он боится не того, что я шпион, контрреволюционер и все прочее — для спартакиады это не имеет никакого значения. Он боится, что я просто не очень удачный халтурщик и что где-то там, на воле, я сорвался на какой-то крутной халтуре, а так как этот проступок не предусмотрен Уголовным кодексом, то и «приниало» мне ГПУ первые попавшиеся статьи. Это одна из возможностей, которая Успенского беспокоит. Если я сорвусь и с этой спартакиадской халтурой — Успенский меня, конечно, живьем съест, но ему-то от этого какое утешение? Успенского беспокоит возможная нехватка у меня халтурной квалификации. И больше ничего.

Я успокаиваю Успенского. Я сижу за «связь с границей» и сижу вместе с сыном. Последний факт отменяет последние подозрения насчет неудачной халтуры.

— Так вот, товарищ Солоневич, — говорит Успенский, поднимаясь, — надеюсь, что вы это провернете на большой палец. Если сумеете — я вам гарантирую снижение срока наполовину.

Успенский, конечно, не знает, что я не собираюсь сидеть не только половины, но и четверти своего срока... Я сдержанно благодарю. Успенский снова смотрит на меня пристально, в упор...

Создание единой политически монументальной советской системы не допускает отсрочек историзированной повседневности.

Несоветская игра теннис — это очередной трюк брага в нашей стране — тормоз в ликвидации пережитков капитализма в сознании людей.

Журнал «Советское искусство»

№10, 1926

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ДИПЛОМ

Ввиду настоящего диплома Вузнецову
Арсеню Николаевичу
 за то, что он участвовал во втором и третьем
клубе вклуба "22" апреля 1929 году
 во втором клубе — место в лучших
 результатов: во втором клубе из
лучших вклуба за два года
каждого 49 очков из 50 возможных

Председатель правления
СНСО "Огонь"

№ 4

(м. п.)

О. Соловьи

15. 1929

1929 года

Коллегия судей

Секретарь правления

У ЗДОРОВОГО НАРОДА —
 — НЕ БУДЕТ ОТНЯТА СВОБОДА

Вблизи детколонии располагалась «Спортстанция» для обслуживания, разумеется, не заключенных, а сотрудников. Зимой там устраивали каток и лыжную базу. Инструктором «Спортстанции» назначили заключенного, бывшего белого офицера (слева, сидит), имевшего опыт тренерской работы. Этот человек жил при «Спортстанции», не расставаясь никогда со своим черным псом по кличке Блейк.

Несмотря на то, что тренер все время был на виду у начальства, держался он весьма независимо. Такого поведения не прощали, и вскоре бывший белый офицер попал в списки заключенных, подлежащих расстрелу.

А. Ахачев

Из воспоминаний С. Шибанова

Борис Солоневич является одним из немногих заключенных, которому удалось совершить побег из лагеря в Финляндию. Но это произойдет в тридцатых годах, во время его второго соловецкого срока, а в двадцать седьмом году, о котором я пишу, он только впервые прибыл в Соловки, то есть одновременно с нами. Лично мне Борис Солоневич нравился, несмотря на некоторую грубоватость и развязную манеру держаться.

Внешне он не был привлекателен: «боксерский» нос и очки не являлись украшением его вполне заурядного лица, но в спортивном зале Борис смотрелся весьма неплохо — массивная фигура, мощная мускулатура, особенно рельефные бицепсы, говорили сами за себя. При сравнительно невысоком росте он был тяжеловесом, универсальным атлетом. В апреле 1926 года Солоневич возглавлял группу спортсменов Московского общества «Динамо», по-

ехавших по приглашению, в качестве гостей, на первенство Закавказья по тяжелой атлетике, которое проходило в Тбилиси. В этом первенстве принимали участие и турецкие спортсмены... После возвращения в Москву, буквально через несколько дней, он был арестован за связь с иностранцами...

И вот Соловецкий концлагерь. Для местного «гарнизона» Борис Солоневич явился настоящей находкой. По его инициативе в каком-то полуподвальном помещении был оборудован спортивный зал, нашлось несколько двух- и трехдубовых амбарных гирь, на «Мехзаводе» выковали штангу, оборудовали борцовский ковер, появились брусья и турник. И вот уже на двери появилась небольшая вывеска «Соловецкое спортивное общество «Динамо». Это было то, что надо! Кое у кого всколыхнулись полузабытые воспоминания. По вечерам сюда стали заглядывать еще нестарые мужички поразмять-

ся, «тряхнуть стариной», а то и просто поболтать, повспоминать, прихвастнуть чуть-чуть. Нашлись и любители бокса, но где взять перчатки? После изготовления нескольких совсем неудачных образцов, наконец-то, в портновской мастерской спилили из шинельного сукна приблизительно то, что нужно. Прямо скажу, зверские были перчатки, на себе испытал!

Между тем готовилось большое спортивное мероприятие, не помню уж по какому поводу. Оно намечалось на двадцатое февраля на сцене Соловецкого театра. Программа была разработана весьма обширная, включавшая в себя: поднятие тяжестей, борьбу, бокс, гимнастические упражнения на брусьях и турнике, трюковые номера вроде «разбивания дикого камня на груди атлета», «жонглирования двухпудовыми гириями» и еще что-то в цирковом стиле, и даже «клоунада на сцене»! Завершить представление должна была пирамида из всех участников!

Первоначально, поскольку у меня не находилось партнера соответствующей весовой категории, намечалось, что я выступлю в матче со средневесом Корниловым, что, несомненно, не сулило ничего хорошего.

И вдруг напелся-таки легковес, некто Покройский, да еще какой — занимавшийся боксом аж в самом Лондоне! Кто он по национальности — не знаю, в моем присутствии он с Корниловым что-то допоял на английском языке, а со мной даже по-русски не сказал ни слова. Из его обаяния мне запомнились: небольшой, слегка искривленный в середине нос, черные короткие подстриженные волосы, карие, маленькие, прищуренные глаза. Кто по специальности — неизвестно, а в лагере музыкант с 66-й статьей!

Слух о том, что намечается спортивный вечер, всколыхнул унылое однообразие соловецких будней: об этом говорили в коридоре Десятой роты и просто при встречах во дворе Кремля:

— Какой там еще спорт! Не до жиру, быть бы живу!

— Вот понаюют на лесоповал всех этих спортсменов, будут тогда знать! — много еще чего говорили.

Но вот на стене собора появилась ярко размалеванная афиша. Типографским способом были отпечатаны программки вечера, утвержденные военным комендантом лагеря Малаховым.

Двадцатого февраля народ новалил в театр. Передние ряды партера занял начальствующий контингент. Мы — участники, собрались за ку-

лисами, и я удивился, как все преобразились! Это уже не заключенные, а спортсмены, гладнаторы, черт возьми!

Построились по росту, подровнялись. Оркестр грянул марш «Старые друзья». Соловевичскомандовал:

— Парад-аааа! — и мы, под приветственные аплодисменты, промаршировали в обход сцены.

Начались выступления гимнастов на брусьях и турнике, поднятие тяжестей и все прочее, предусмотренное программой, включая дурацкую клоунаду (цирк на сцене). Потом были три пары классической борьбы и, наконец, бокс. Я не стал описывать все перечисленные выступления, так как впечатления от них плохо сохранились в памяти, зато о боксе напишу подробнее, ибо свой-то уж матч запомнился на всю жизнь.

Согласно программе, выступали боксеры трех весовых категорий:

легкий вес: Покройский (Лондон) —
Шибанов (Москва)
средний вес: Корнилов (Ленинград) —
Шугаев (Москва)
тяжелый вес: Соловевич (Москва) —
Пеллит (Рига)
Судья на ринге С. А. Гробовский

Рефери Гробовский объявляет:

— Боксеры легкого веса, до шестидесяти пяти килограмм, Покройский — Лондон, Шибанов — Москва! Прощу на ринг.

— Секунданты, аут! — командует рефери. — Бокс!

Покройский, бойко работая руками, напористо возникает передо мной, припоровавшись атаковать; я отступаю и напору два-три легких удара. Он наседает и, ловко уходя нырками от моих ответных ударов, набирает очки...

Инструктор «Спортстанции» С.А.Гробовский:
«...виновным себя не признал и от дачи показаний категорически отказался».
Расстрелян 29 октября 1929 года

— Стой, стой, — думаю я, — сейчас я тебя поймаю... как учил Мурат? Обманный удар левой, и сразу удар снизу вверх правой!

Покройский сумел нанести мне уже два-три чувствительных удара.

— Ладно... ладно...

Вот провожу этот самый «обманный» выпад левой рукой, а он исполняет свой хорошо отработанный нырок, но тут... его лицо натывается на мой акцентирующий удар снизу вверх правой!... Раз! Мы разминувшись. Оборачиваюсь и поражаюсь эффективности своего удара: Покройский стоит покачиваясь и опустив руки, из разбитого носа обильно течет кровь. Его вид показался мне жалким.

—...Семь, восемь, девять, ауг! — считает рефери.

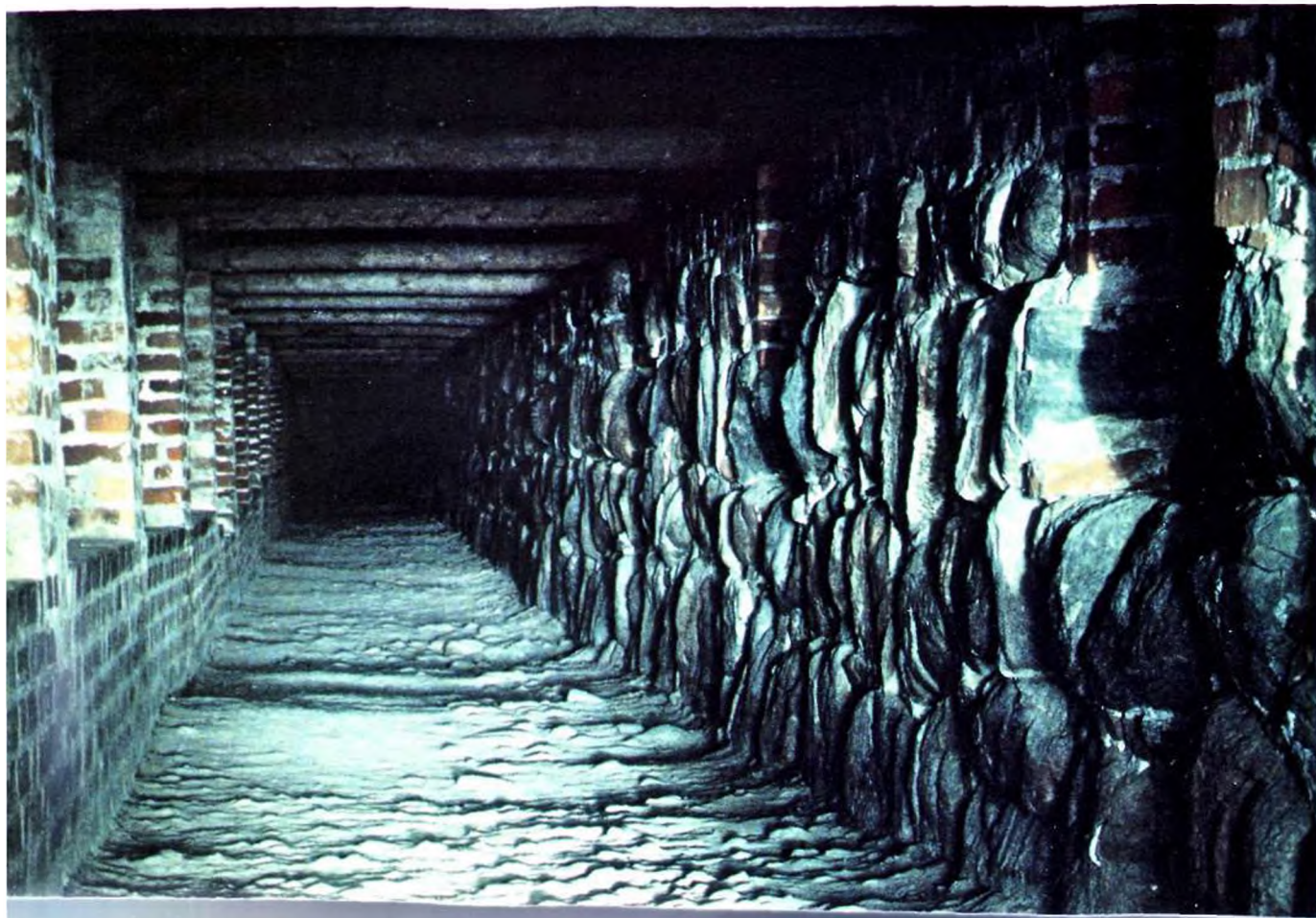
Гробовский поднял мою руку, аплодисменты. — Я слышу: в первых рядах парттера повторяют мою фамилию.

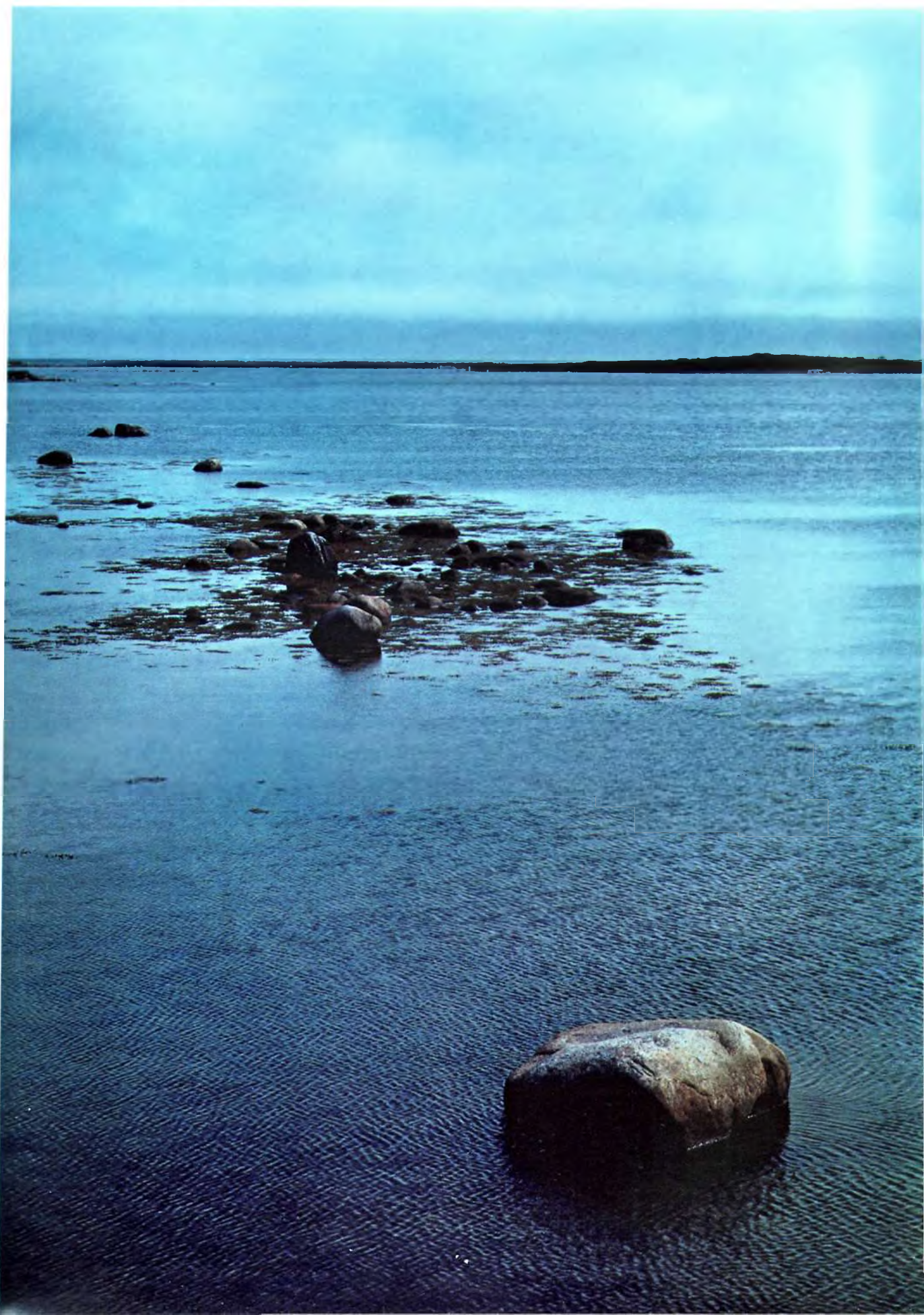
Сергей Александрович Гробовский, лет тридцати пяти, очень красивый и симпатичный человек, был великодушным гимнастом.

Я познакомился с ним в 1924 году, когда записался на занятия гимнастической группы клуба «Красная Площадь». Основным преподавателем там был чех Старый, а Гробовский вел младшую группу.

И вот мы снова встретились на Соловках, он, конечно, не узнал меня. Гробовский имел десять лет срока за какое-то отношение к Белой армии.

В двадцать девятом году в лагере было сфабриковано дело о якобы готовившемся побеге с Соловков, в котором Сергей Гробовский якобы принимал участие. Как человек сильный и смелый, он при аресте оказал яростное сопротивление и вскоре был зверски убит.

НОВЫЕ СОЛВЫ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

Пролетарии всех

ОРГАН
СОЛОВЕЦКОГО
КОЛЛЕКТИВА
В. К. П. (б.)

и
УПРАВЛЕНИЯ
СОЛОВЕЦКИМИ
ЛАГЕРЯМИ
ОСОБОГО
НАЗНАЧЕНИЯ
О. Г. П. У.

ГОД ИЗДАНИЯ
2-й.

№ 50 (102)

ВОСКРЕСЕНЬЕ 12 ДЕКАБРЯ 1926 ГОДА

К вопросу о криминологической работе

Криминологическая секция Соловецкого Общества Краеведения приступила к определенной и плановой работе. Криминологическая секция с первых же шагов конкретизирует свой план, считая для себя соловецкий масштаб обязательным.

Необходимо согласовать работу, основываясь на новейших данных криминологической литературы. Таково первое постановление криминологической секции. И первые заседания мы посвящаем и будем посвящать тщательному изучению той разнообразной литературы, которую располагает наша скромная библиотека. Мы бы были очень обрадованы, если бы центральные организации, прочитав эти строки, пошли к нам на встречу и снабдили нас как новейшей литературой, так и инструкциями и указаниями, которые диктуются достижениями наших ученых институ-

действенно отражается в них лагерный быт, сколь серьезно и глубинно перерождение, которое вызывается обстановкой лагеря в кадрах мыслящих, чувствующих.

Как видно из этих беглых строк, криминологическая секция наметила достаточно широкий план для своей работы. Скромно учитывая наличность соловецких культурных сил, мы надеемся в недалеком будущем достичь небезынтересных результатов.

Во внутренней работе секции надлежит отметить стремление членов секции отзываться живо и действенно как на запросы злобы дня для материка, так и на наши соловецкие „злобы“. Вопрос о хулиганстве мы поставили на одно из наших обсуждений. Мы его рассматривали не только в материалах газет и журналов, освещающих жизнь материка, но и в материалах своеобразного соловецкого обихода.

Лесные б...

Внутренний развитие рабочего строительства, развитие транспорта резко изменились сезон 1925—26 до этого времени исключительно лесные организации заг. году заг. ведут и другие нужен был нужд собственн сопоставляя и внутреннего состояние русско 26 года можно ризовать ажно ставляя цену териала Лондон 1924 г. Лондон 1926 г.—96. 1925 г.—85, 19 Из лесоорга

ех стран, соединяйтесь!

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
на 1926 год:

на 1 мес. 26 к., с доставк. 34 к.
на 3 мес. 74 к., с доставк. 98 к.

Тариф объявлений:
1 стр. петита позади текста 35 к.

Адрес редакции:
остр. Соловки, на Белом море,
через Кемь, Карельской респуб-
лики, Бюро Печати „УСПОН“.

Телефоны: { Редакции № 54.
Телеграфий № 57

Конторы:
г. Кемь, Слободская 54. Тел № 33.

ЦЕНА 7 КОП.

НАША НЕДЕЛЯ:

Состояние Кемской деревни (Беседа с председателем Кемского УИК'а т. Ющевым)

Прибытие пушных зверей из Сибири
для Соловецкого питомника

Криминологическая работа в Соловках

СТАТЬИ:

Н. Литвин — Среди шпаны

Б. Р.—У книжных полок

Д. ЩЕГЛОВ — Лесные богатства Карелии и
их эксплуатация

Богатства Карелии и их эксплуатация

рт хозяйства СССР, че и кооперативного иширение фабрик и стного строительства илесозаготовительный бда на Севере. Если эн лесозаготовку вели озные лесопромыш- изми, то в 1925—26 говку самостоятельно еорганизации, которым по-лесоматериал для ии строительства.

ятствие заграничного оиков видно, что со- олесного рынка 25— о ошибочно характе- стем. Например, соп- оге кубфута пилома- енинград, видим: д 104. 1925 г.—97, 1 г. Ленинград 60, 16 г.—90-100.

к. с. против заготовки 1924—25 года, когда было заготовлено 416.380 к. с.

Естественно, что главным заработком населения Севера является лесной промысел. По данным бюджетного обследования крестьянских хозяйств, лесной промысел равен 36% заработка.

Главная работа лесных разработок падает на зимние месяцы. Продолжительность работ по лесозаготовкам определяется в 7-8 месяцев с перерывом на один месяц от зимних вывозов до начала сплава. В среднем, можно считать начало зимних работ 15-20 декабря, окончание 25-30 марта. Летних—начало 10-15 мая, конец—20-30 июля. Общая продолжительность зимних работ, в среднем, примерно 103 дня, летних 70-75 дней.

В период зимних работ абсолютно необходимой является конская сила, годовой расход которой исчисляется по заг. планам лесоорганизаций на

Юбилей Пловучего Морского научного института

В текущем году исполнилось 5 лет с момента, когда декретом Совета народных комиссаров при Главнауке основан был самостоятельный Пловучий Морской научный институт (Плавморнин).

Зародившись в умах небольшой группы московских биологов, Плавморнин, благодаря их исключительной энергии и инициативе, быстро превратился в реально существующий и деятельно работающий институт.

Большое значение в столь быстрой его организации и в широком развитии его исследований имела давно уже назревшая нужда в специально оборудованном и приспособленном к особенностям полярных морей исследовательском институте.

Существующая на Севере Мурман-

СЛОН ПИШЕТ

Неподходящее как будто для СЛОНА занятие – писать. Настоящее слоновье дело – это поставлять слоновью кость из Африки или, на худой конец, жрать французские булочки в зоологическом саду. Однако наш СОВЕТСКИЙ СЛОН в самом прямом смысле слова пишет. И даже печатает. Издает и распространяет ежемесячный журнал! Невероятная страна. Здесь все возможно.

Что с того, что в России со времен ледникового периода никогда не водились слоны! Нескончаемая большевистская изобретательность, приводящая в злостное оцепенение всех врагов, породила и СОВЕТСКОГО СЛОНА. Да еще какого страшного...

– СЛОН? Ох, господи! Так ведь это же Соловецкий лагерь Особого Назначения...

М. Кольцов*, 1926 год.
Из книги очерков «Сотворение мира»

Фирменный знак Соловецкой лагерной типографии. 1924 год

Из воспоминаний Б. Ширяева

Мысль о выпуске газеты «Новые Соловки» зародилась впервые в мозгу Н. К. Литвина, смеюповеховца⁹⁹, в прошлом сотрудника какой-то крупной ростовской газеты.

Что побудило его сменить вехи, не знаю. Он никогда никому не открывал глубин своей души. Рассказывал, что кружил по Балканам с какой-то труппой новоявленных артистов, не голодал и вдруг... вернулся и, конечно, пошел на Соловки.

Действовал он в одиночку, по обычному пути – через Когана. Обстоятельства благоприятствовали, так как в то время открылась и типография, организатором которой был контрабандист с десятилетним сроком, дельный и феноменально работоспособный Сленин из Себежа. Этот маленький, хапотавый, невзрачный с виду еврей таил в себе хитрость Талейрана и выдержку Фабиа Кунтатора. В Себеже у него была своя типография, служившая одновременно базой для переброски ценностей через границу, главным образом, золота. Она была на подозрительности и обыскивали ее каждую неделю, но всегда безрезультатно. Сленин сплавлял золото в слитки, подобные по форме слиткам типографского металла, покрывал их поверхность этим металлом и держал на самом видном месте.

– Бывало так, – рассказывал он, – закончат обыск, протокол пишут, а я эти слитки на бумагу кладу, чтобы не разлетались на сквозняке – но все же попался. Кто-то из соучастников выдал. На Соловках Сленин развил, ради сокраще-

ния срока, бешеную деятельность, создав образцовую типографию. Еженедельная газета была разрешена. На ней не стояло ни подписей редактора, ни издателя, но фактическим редактором являлся П. А. Петряев. Гвардеец Павел Александрович Петряев в 1918 году перешел на сторону Советов, быстро выдвинулся... В мирное время стал Инспектором Артиллерии, но вскоре был «съеден». Говорили, что за связь с Троцким¹⁰⁰...

На посту редактора каторжной газеты он был более чем на своем месте. Прекрасно знавший русскую литературу, всегда ровный, выдержанный, тактичный и всегда ясно разбиравшийся в столь изменчивой на Соловках расстановке сил, он умел легко и незаметно обходить все под-

водные камни, мягко и эластично убирая препятствия. Он никогда не шел напролом, но почти всегда достигал цели, тонко учитывая психологию противника и ловко маневрируя. Несомненно, он ошибся, став военным. Его призванием была дипломатия. Внутренняя жизнь этого человека была от нас скрыта, мы даже не знали, комму-

нист он или каэр.

И.С. Сленин

*Кольцов М. Е. – ведущий сотрудник органа ЦК ВКП(б) газеты «Правда», главный редактор и создатель журналов «Огонек», «Чудак», «Крокодил», «Работница», «Советское фото». Расстрелян в 1959 году.

Изящно фрондируя, остроумно отшучиваясь, он отбивал все попытки проникнуть в его «чулок», но очень был отзывчив к чуждому несчастью, и я не помню случая, чтобы он отказал кому-нибудь в помощи или заступничестве.

Цензура не стесняла Петряева, ведь цензором был Сухов из сверхсрочных вахмистров, прошедший какую-то совпартшколу. Бывший вахмистр, ставший военкомом Соловецкого полка, явно робел перед «бывшим», подписывая к печати все предложенные Петряевым корректуры, иногда даже не читая их. Но и при внимательном чтении разобратся во многом ему было явно не по силам...

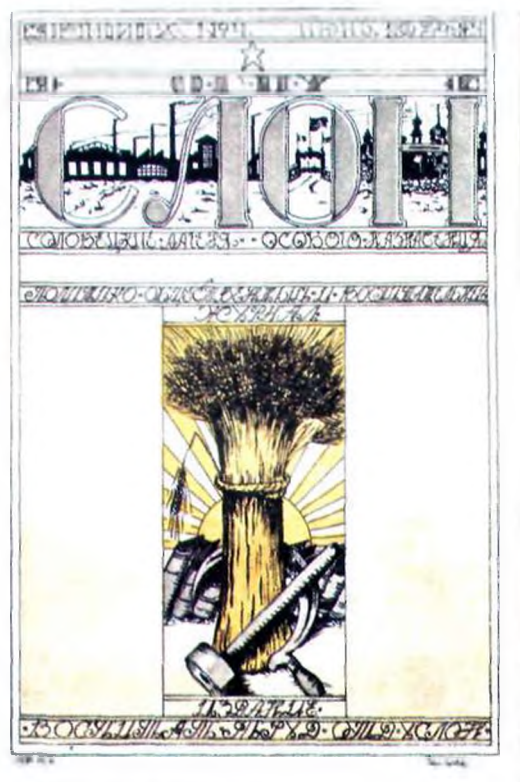
Жившему еще старыми революционными традициями Когану хотелось сделать из «Новых Соловков» массовую газету соловецкой общности². Но это было невозможно. В газете сотрудничал лишь небольшой кружок бывших профессионалов и научных работников. «Мас-сы» откликались лишь со стороны своей худшей, аморальной части.

Большинство поступивших со стороны писем и заметок были густо, до отвращения, насыщены тем подхалимством, той добровольно принудительной ложью, которая становилась квинтэссенцией советской прессы. Авторы повествовали о своем перерождении, перевоспитании и даже восхваляли предести каторжного режима — «вкусный рыбный суп» и «веселую здоровую работу».

На Соловках эта подлость имела некоторое оправдание: наивные авторы надеялись на сокращение срока, что для многих было спасением жизни, но фальшь была слишком очевидной и бесстыдной... Однако газету читали и покупали. Цена была пять копеек³ в счет «заборной книж-

ки» (на руки деньги не выдавались). Большая часть тиража шла на материк, и там большинство подписчиков составляли родственники заключенных, желавшие знать, хоть по газете, о жизни своих близких. Немного они, конечно, узнали.

На Соловках читали прежде всего краткую информацию о жизни в СССР и обзор международного положения, так как никаких других газет не допускалось⁴. Читали и официальный отдел — постановления Коллегии ОГПУ и Управления лагерей.

Газета «Новые Соловки»
№ 21, 1925

НОВЫЙ ЭТАП

Все ссылки на невозможность нормальной культурной работы в Соловках приписывают злостной гнилизацией разложившейся интеллигенции. Мы не претендуем на то, чтобы удовлетворить ее запросы.

То, что интересует этих господ, нас совершенно не трогает. Мы не думаем, сентиментальничая, сделать нашу газету приютом для излияния всех обиженных и обездоленных революционным Октябрем.

Неоспоримостью и ясностью положений революционного марксизма мы будем беспощадно бороться с попытками засорения головы ненужной дребеденью, ставшей уже достоянием истории.

— Через труд — к свободе!

— На основе труда — культурная жизнь! Ближе к лагерю! — Вот те лозунги, которыми будет руководствоваться наша газета на том новом этапе, в который она сейчас вступает⁵.

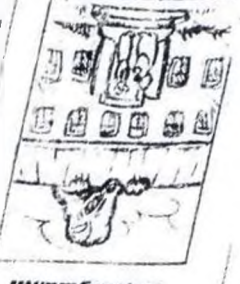
О ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ С...
 МОСКОВСКИЙ 20
 ОРГАН СОВЕТСКОГО КРЕМЛЯ ПРИ 10
 ПЕРВАЯ ГОДИНА РАБОТЫ
 ПЕРВАЯ ГОДИНА РАБОТЫ
 ПЕРВАЯ ГОДИНА РАБОТЫ

НОВЫЕ СР

В газету «НОВЫЕ СОЛОВКИ» с приложением
 «СОЛОВЕЦКИЕ ОСТРОВА» продолжают
 присылать материалы.
 Редакция благодарит за материалы
 и просит продолжать присылать
 материалы, которые будут
 опубликованы в газете.

ПРОРОДИИ-ПАРИНА-АХСТ.
 Как-то ночью в паре
 и в комнате матери и отца
 слышался плач ребенка.
 Отец встал и подошел к матери.
 Мать плакала и говорила:
 «Слышишь, плачет ребенок?»
 Отец ответил: «Да, слышу».
 Мать сказала: «Слышишь, плачет ребенок?»
 Отец ответил: «Да, слышу».

ПОЛУШАШ...
 Как-то ночью в паре
 и в комнате матери и отца
 слышался плач ребенка.
 Отец встал и подошел к матери.
 Мать плакала и говорила:
 «Слышишь, плачет ребенок?»
 Отец ответил: «Да, слышу».
 Мать сказала: «Слышишь, плачет ребенок?»
 Отец ответил: «Да, слышу».

ДЕСЯТА НА ПОВЕРКЕ
 Девочка сидит на скамейке.
 Она плачет и говорит:
 «Почему ты плачешь?»
 Девочка сказала:
 «Потому что я несчастная».

НА МАТЕРИИ
 Как-то ночью в паре
 и в комнате матери и отца
 слышался плач ребенка.
 Отец встал и подошел к матери.
 Мать плакала и говорила:
 «Слышишь, плачет ребенок?»
 Отец ответил: «Да, слышу».
 Мать сказала: «Слышишь, плачет ребенок?»
 Отец ответил: «Да, слышу».

НОВЫЕ СОЛОВКИ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
 ОРГАН СОВЕТСКОГО КРЕМЛЯ ПРИ 10
 ПЕРВАЯ ГОДИНА РАБОТЫ

СОЛОВЕЦКИИ КРОКОДИЛ

Дорогой панаша
 Крокодил!

Панкоп! Соловецкий Крокодил ждал от тебя мажорсов на тех, кого считают наш заповедник.
 Ты же и крокодил-оселем, панаша!
 Ты же и крокодил-оселем, панаша!
 Ты же и крокодил-оселем, панаша!

Соловецкий крокодил

И по дари и по мажор...
 Ты же и крокодил-оселем, панаша!

С

СЛОВЕЦКИЙ БЕЗБОЖНИК

Рождество Христово

Редкий оловянный лист
№ 8

РАДИО СОЛОВКИ

В отдельной продаже цена 5 коп.

Приложение к № 52 газеты "Новые Соловки"
В МОСКВЕ ОТКРЫТОСЯ БЮДЖЕТ СССР ЧЕТЫРЕ МИЛЛИАРДА
ТАМ РИНОМ О СОВЕТЩЕЛЬСТВЕ
СО-ЛЕТЕ ПЕРВОМ РЕВОЛЮЦИИ
НОВЫЕ ЗВЕРСТВА ПОЛЬСКОЙ БУРЖУАЗИИ
БРЕЖИВЕРСТВО ПОЛЬСКО-ВЛАДИВОСТОК
ВОССТАВЛЕНИЕ ХОЗЯЙСТВА СОЮЗА
ХРИСТИАНСТВО ЕСТЬ РОД И СИФИЛИС ЕВРО-ПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

СОБЫТИЯ В ПЕРСИИ
Школы против Рах Хана
Султанский приказ
Политический кризис

Соловки вчера
Судебные дела
Политический кризис

ХРИСТОС И КРЕББИЛИСТИКА
К. МАРС

РАСПАД ЦЕРКВИ

ЕДИНЫ

Вопрос единства
Политический кризис

ЛИЦЕМО

Лицемерие
Политический кризис

Ш

Школы
Политический кризис

Н

Наша жизнь
Политический кризис

Божьи люди

Божьи люди
Политический кризис

Жившие

Жившие
Политический кризис

СЛОВКИ

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЦЕНА НА 1925 ГОД
Тираж 100 000 экз.
№ 30

Жившие
Вот здесь на рождество пришло...
Словенский предводитель (президент)...
Фронт образования на территории...
Только одним из многих...
Вопрос единства...
Лицемерие...
Школы...
Наша жизнь...
Божьи люди...
Жившие...

ХРИСТОС И КРЕББИЛИСТИКА
К. МАРС
Идеями христианства...
Вопрос единства...
Лицемерие...
Школы...
Наша жизнь...
Божьи люди...
Жившие...

Пролетарии всех стран

Во много раз интереснее газеты был ежемесячный журнал «Соловецкие острова»...

Он смело мог бы быть назван самым свободным из русских изданий, выходивших в то время в СССР.

Теперь мне понятны причины этой свободы. Журнал приносил ОГПУ несомненную пользу, во-первых, осведомляя ГПУ (помимо воли и намерений авторов) о настроениях некоторых

кругов интеллигенции; во-вторых, был рекламным козырем в руках того же учреждения как доказательство гуманности соловецкого режима перед иностранцами, а главное — перед высшими слоями своей же партии, где в то время была сильна оппозиция старых большевиков (Рязанов, Цурюна, Красин, Томский и другие), отрицательно относившихся и к Дзержинскому, и к истреблению русской интеллигенции.

Журнал «Соловецкие острова» (до № 2 1925 года назывался «САОИ») начал выходить с марта 1924 года. В первом номере было 29 страниц. Печатали вручную 5 экземпляров, в красной бархатной обложке с белыми фотографиями и карикатурами и еще 12 экземпляров без фото и без карикатур. Второй номер, благодаря изобретениям Слепня, наладившего литографический станок, вышел тиражом 50 экземпляров на 90 страницах. Сдвоенный № 9—10 печатался после привоза в навигацию машины-«американки», уже типографским способом на 120 страницах в количестве 200 экземпляров. Тираж журнала постепенно рос до 300—600—900 экземпляров, а цена уменьшалась от 5 рублей до 60 копеек.

СОЛОВЕЦКИЕ ОСТРОВА

ДЕКАБРЬ 1925 Г.

В 1927—1928 г. «Соловецкие острова» не выходили, их сменил издававшийся в Ленинграде журнал «Карело-Мурманский край». С 1929 года издание «Соловецких островов» было возобновлено, но № 5 в 1930 году стал последним.

В 1924 году была предпринята попытка издания юмористического журнала «Стукан», однако вышел всего один номер

КРАЕВЕДЕНИЕ НА СОЛОВКАХ

В 1923 году на территорию Соловецких островов было заброшено некоторое количество различных научных работников самых всевозможных отраслей знаний.

В дальнейшем, с 1923 по 1927 год, число этих работников то уменьшалось, то увеличивалось, оставаясь более или менее неизменным. Происходили разве замены работников одной области науки другой.

Из воспоминаний В. Зотова

Интеллектуальные силы лагеря волею судьбы вносили свой вклад в познание природы и истории этого региона — и это на фоне карательных функций, осуществляемых лагерем. В концлагере возникло и деятельно существовало краеведческое общество, образованное из заключенных. Начало краеведческой работе положила организованная в марте 1924 года «Комиссия по изучению флоры и фауны Соловецких островов». Эта комиссия возникла при Соловецком отделении производственного Союза охотников по инициативе Н. Г. Неверова, начальника Воспитательно-Трудового отдела концлагеря.

С открытием навигации в партиях заключенных на остров прибыли несколько натуралистов. Конечно, они охотно стали работать по специальности, избежав тяжелых общих работ. В начале июня организовали разведочную экспедицию на острова Большая и Малая Муксалма. В разведке участвовали геолог А. Глаголев, зоолог К. Чуланов и ботаник В. И. Кривош-Неманич.

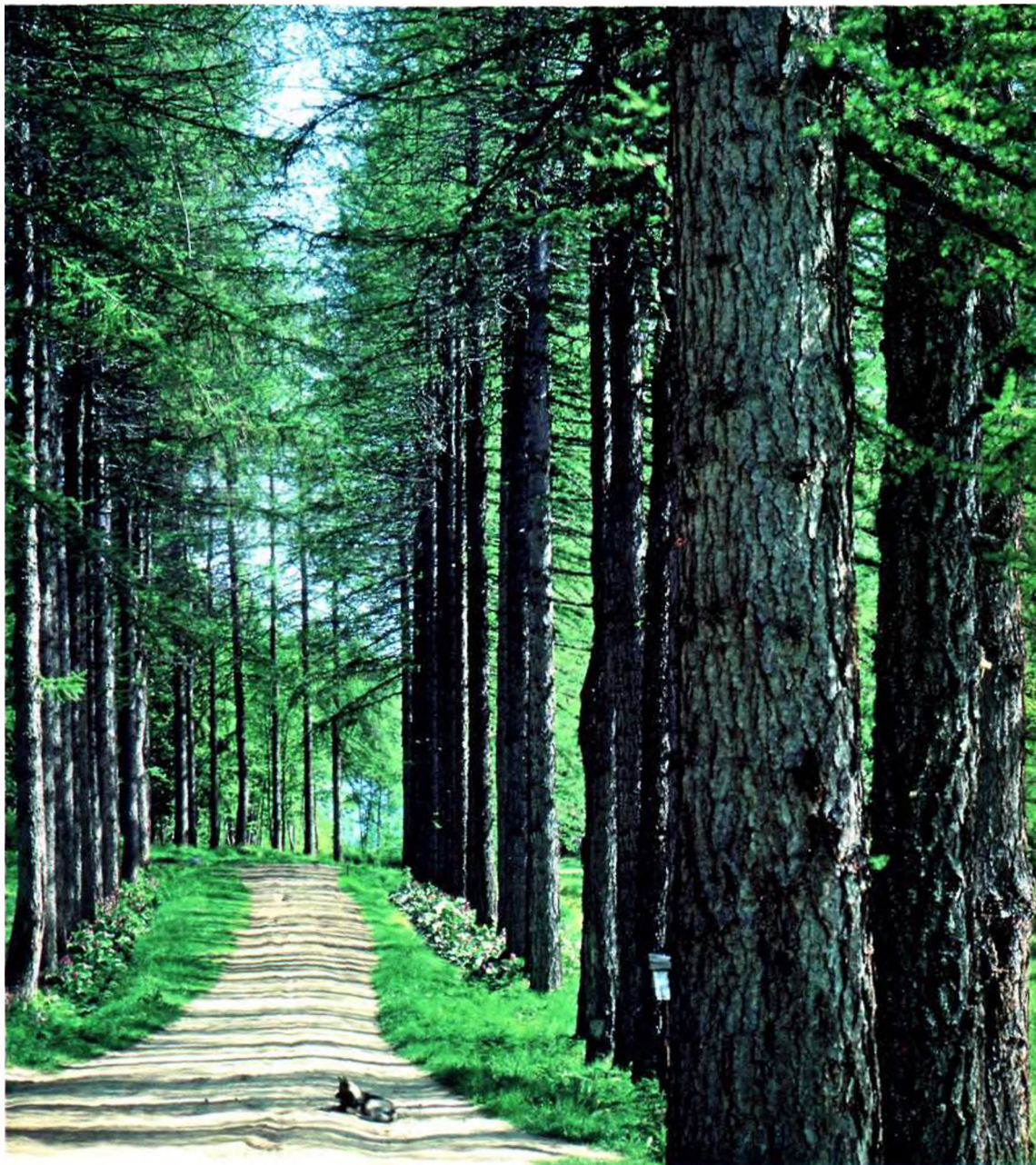
— Соловки — Био-сад
Сотрудники Био-сада с председателем

Заметим мимоходом, что первые два были действительно специалистами, а третий стал на скорую руку «ботаником» только на острове. Его специализация была совсем другая, но столь универсальная, что при необходимости он мог бы стать кем угодно...

Вскоре программа краеведческих работ расширилась, и в конце июня коллектив заключенных краеведов получил новое наименование — «Комиссия для всестороннего научного обследо-

вания природы Соловецких островов». Руководителем «комиссии» стал инженер-геолог А. И. Филимонов. Собранные за лето 1924 года коллекции положили начало музею, первоначально уместившемуся в одной комнате, но в следующем году занявшему помещение Благовещенской церкви Соловецкого кремля, и позднее присоединившего к своим владениям галерею крепостной стены от Благовещенской церкви до Угловой (Прядильной) башни включительно.

Хутор Горка (былшая Макарьевская пустынь) — резиденция Начальника лагерей

Историко-археологический отдел музея получила в свое владение «зановетник» — Преображенский собор и жуткие «молчаливые кельи» монастырской Головленковой тюрьмы.

Краеведение на Соловках развивалось. «Комиссия» преобразовалась в «Соловецкое Отделение Архангельского Общества Краеведения» (СОАОК), которое затем, набрав силы, отделилось, образовав независимое от Архангельска «Соловецкое Общество Краеведения» (СОК).

Общество возглавил в качестве председателя начальник УСАОН Ф. И. Эйхманс. К самой краеведческой деятельности он непосредственного отношения не имел, но наблюдал за общим направлением работы, чтобы не случилось какой-либо «бестактности». Действительным руководителем общества стал его ученый секретарь Павел Александрович Петряев — человек умный, энергичный с превосходными административно-комбинаторскими способностями.

Он собрал ученых специалистов и любителей и создал им условия, более или менее благоприятные для работы. Приказ начальника Управления санкционировал работу, начинающуюся из любви к науке и естественного стремления облегчить бытовые условия лагерного существования. Людей собрали в Десятой роте и освободили от тяжелых общих работ. Историко-краеведческий музей, биостанция, метеостанция, питомник пушных зверей — вот убежища под эгидой Общества Краеведения.

Все же большинство заключенных состояло в секциях Общества в силу духовных, а не никурных интересов. Они работали на производствах, в канцеляриях, аппарате управления, а досуг посвящали секционным собраниям и не только «заслушивали» доклады, но и выступали с докладами. Некоторые еще вели исследовательскую работу сверх своей служебной нагрузки.

Виноградов Н. Н. (1876—1938). Освобожден из лагеря по амнистии в 1928 году «с разрешением проживать только в Карелии». В 1938 году арестован повторно и расстрелян в Петрозаводске

«Соловецкий музей» возглавлял Николай Николаевич Виноградов как журналист, обладавший бойким пером и способностью подавать материал «под углом», благоприятным для публикации в печати. Он автор статьи о соловецком «благотном языке», а также работ «Деревянная Андреевская церковь» на Большом Заяцком острове («Материалы СОК», вып. XIII, 1927) и «Соловецкие лабиринты» («Материалы СОК», вып. IV, 1927). В этом пространным труде автор добросовестно описал таинственные спиралеобразные сооружения из камней, но высказал столь смелые гипотезы об их происхождении, что вскоре после выхода «материалов» в свет ученый секретарь СОК получил от Академии наук СССР письмо с осуждением публикации псевдонаучной работы.

В краеведческом обществе все делалось добровольно, без принуждения. Работали секции: «Историко-археологическая», «Промышленно-экономическая» и специфически лагерная — «Криминологическая». Соловецкое Общество Краеведения издавало научные труды. Много делалось основательно и с пользой. Собрания секций очень скрашивали обыденную серую жизнь. На доклады приходили не только адепты музеев истории, но и просто люди, желающие провести время в обстановке духовных интересов, вырваться на два часа из плена грубой жизни с подневольным трудом, грязной ругани, с неизменной заботой о жратве и тревожными опасениями за свое будущее.

Познакомимся немного с заключенными историками. Вот Дмитрий Иванович Абрамович, русский с еврейской фамилией, профессор истории. Он появился на острове в конце лета 1927 года. Почтенный возраст и профессорское звание определили назначение на краеведческую работу этого скромного человека, видимо, много пережившего и огулашенного тем, что с ним вдруг случилось. Яркой, колоритной фигурой в лоне историко-археологической секции был Александр Петрович Приклонский. Немолодой, но бодрый и деятельный, он был настолько увлечен историей Руси XVI века, что даже подпись свою ставил в духе того времени. С длинным, как на иконе, лицом, небольшой бородой и степенной манерой держаться он походил на выходца

из старины, одетого в современный костюм. Работая в какой-то канцелярии, он в свободное от службы время, в трудных бытовых условиях начал большую исследовательскую работу, завершившуюся выходом труда «Пертоминский архив» («Материалы СОК», вып. XV, 1927).

Исследователь соловецкой старины князь Владимир Иванович Массальский то ли действительно был конгрессово-инженером, то ли про-

сто полагаясь за свое родовитое прошлое. Во всяком случае, он, человек уже пожилой, общительный и добродушный, имел срок по казённой статье и работал в Управлении экономиком. Его исторические изыскания, конечно, не были марксистскими, но в двух номерах журнала «Соловецкие острова» в 1926 году удалось опубликовать «Экономические очерки Крайнего Севера» и большую статью «Монастырь —

Каменная выкладка в форме лабиринта (II бек до н.э.) — поморы называли их «Вавилонами» и памятник истории Андреевская церковь (1702) на Большом Заяцком острове, описания которых опубликованы заключением Н. Н. Виноградовым в «Материалах Соловецкого Общества Краеведения» в 1927 году

принолярный промышленник», правда, с громкоотводным примечанием: «Не разделяя некоторых положений автора, рассматривающего экономические явления не под углом зрения диалектического материализма, редакция, тем не менее, дает место его труду ввиду богатства фактического материала».

Сотрудник Соловецкого краеведческого музея Василий Петрович Никольский, ревнитель русской старины и «древнего художества», с большим увлечением занимался описанием икон. По скромности он считал, что его первая публикация об иконах («Материалы СОК», вып. XI, 1927) имеет очень многие недостатки, но выполнил эту работу с большим старанием и, одолев немалые трудности, добился того, что при печатании было точно сохранено правописание подлинников. Украинец Шманкевич — историк «николы Покровского»⁷, ничем особенно себя не проявил. Он был какой-то зануженный, опасаясь «как бы чего не вышло», строго придерживался воззрений М. Н. Покровского, впоследствии признанных грубо ошибочными, но в то время считавшихся ортодоксальной линией советской исторической науки.

На собрания историков приходили: Холодный, Чихачев, Демуриева — молодая женщина с казровской статьей, ее муж был расстрелян, Кривош-Неманич, Колядинский и другие соловчане, фамилии которых не сохранились в моей памяти. Иногда, в отдалении, где-нибудь у самой двери, присаживался хмурый Н. Н. Голицын, бывший «светлейший», с обросшим претинной подбородком и потухшим взором. Он постоянно чего-то боялся и, вероятно, уже навсегда утратил чувство человеческого достоинства.

Б. Н. Резников, человек почтенный, но старомодный, выступил с докладом «Боевое прошлое Соловков». Он старательно потрудился, но доклад, изоблававший архаизмами, всякими «засим» и «посему», успеха не имел. За эту же тему взялся молодой член секции Е. И. Гвайта. Через месяц он прочитал очень интересный и содержательный доклад. Сам Гвайта был летчиком. Соловецкая молва приписывала Гвайте незаурядный подвиг — по поручению советского правительства он якобы купил в Англии самолет и самовольно перелетел на нем из-за границы в Советский Союз, но за это удачество получил место в концлагере.

Историко-археологическую секцию возглавлял Александр Павлович Иванов, в своем про-

шлое — архиерейский служака из Новгорода. После революции он «прозрел», отказался от «религиозного дурмана» и стал воинствующим безбожником, участвуя в изъятии церковных ценностей, но попался на использовании оных в своих личных интересах, за что получил срок заключения в концлагере.

На собрания историко-археологической секции приходили пятнадцать—двадцать человек. Было тесновато, сидели на диванах, приносили стулья и скамейки. Иванов занимал за столом председательское место. Рядом с ним садился секретарь секции Максимов (он же делопроизводитель Хозяйства) — дородный мужчина лет сорока пяти, с рыжеватыми усами и громким голосом. Когда глуховатый председатель что-нибудь недопонимал, он обращал недоуменный взор свой к Максиму, и тот повторял ему текст на ухо громким голосом. Иванов кивал, значит, понял. Председатель держался очень величественно, что при тусклой комплекции и непрезентабельной внешности выглядело довольно комично. Вездесущий А. П. Иванов успешно возглавлял секцию, быть может, потому, что его не принимали всерьез.

— Наш руководитель непосредственный — Павел Александрович (Петряев), а посредственный — Александр Павлович (Иванов), — шутили лагерные историки.

Не человек, а человечек, пожалуй, рослый карлик, не старый, но со старообразным лицом, в очках, с очень важными манерами и тонким голосом. Он не обременен знаниями, но их достаточно для рядового проагандиста-безбожника, очень самоуверен и не сомневается в своей глубокой эрудиции, ходит с суковатой палкой, «как Петр Великий». Иванов не лишен практического ума и хитрости, его немного опасались — может устроить какую-нибудь гадость; но и остерегаясь, в то же время относились насмешливо. «Монстр», «Квазимодус», «Гомонкулос» — вот его лагерные прозвища.

Шпана присвоила Иванову совершенно неприличную кличку. И, странное дело, безразличные к философским вопросам, «сорокадевятники» остро ненавидели Иванова за антирелигиозные лекции, с которыми он выступал перед этими прирожденными безбожниками. На Пасху «главный безбожник» лагеря получил от шпаны подарок — раскрашенное куриное яйцо, из которого выдули содержимое, наполнив скорлупу вином, собранным по «шпанским» ротам...

Отношением Музея Революции СССР Соловецкому отделению архангельского общества краеведения (СОАОК) поручено сделать фотоснимки казематов, где томились политические заключенные. Ввиду значения всех помещений бывшей монастырской Головленковской тюрьмы как историко-революционного памятника, II бывших камер и вся Белая башня переданы в распоряжение СОАОК. Приняты меры к немедленному приведению этого памятника в порядок*. При раскопке одной камеры найдены кости скелета узника монастырской Соловецкой тюрьмы, которые будут собраны для хранения в стеклянной урне.

«Соловецкие острова»
№ 5, 1926

*Монастырская Головленковская тюрьма располагалась на самом деле не в Белой башне, а вблизи Архангельской башни за Новобратским корпусом.

Лагерный антирелигиозный проповедник Иванов, появившийся при продаже в Швецию реквизированных там в Новгороде церковных ценностей, убедил начальство лагеря создать Раскопочную комиссию по поискам якобы закрытых монахами кладов.

Археолог Назимов сумел перехитрить прохвоста Иванова и использовать эту комиссию для полезного дела. Он предложил произвести по научной методике обмеры всех помещений в Кремле, в результате которых можно было бы обнаружить секретную комнату. Мне довелось принять участие в этой работе. На обмерах я держал Назимову рулетку, одновременно прослушивая замечательный курс лекций по древнерусской архитектуре.

Кладов комиссия не обнаружила, но Иванов вывернулся. Он стал объявлять обмеренные нами казематы и подвалы пыточными камерами,

сочиняя небывалы о зверском отношении монахов к заключенным в старое время. Все это, мягко говоря, не соответствовало действительности. Конечно, на территории монастыря имела тюрьма, построенная по указанию светских властей, но количество узников и режим их содержания совершенно невозможно было сравнивать с тем, что приходилось наблюдать нам вокруг себя в САОНе.

Здание тюрьмы — одно из лучших на острове. Уже после ухода лагерей местные органы советской власти подняли над зданием красный флаг и на многие годы заняли бывшее здание монастырской тюрьмы под свою резиденцию.

Раскопочная комиссия, кроме кладовска-тельской туфты, занималась и слезкой за заключенными. Под видом сбора сведений о материальных драгоценностях Иванов в избушке под Корожной банней принимал доносы.

Из воспоминаний Б. Ширяева

Иванов был одной из колоритнейших фигур Соловецкой каторги. Я не видел человека более безобразной внешности: ненормально низкого

Карлик в огромной кепке по кличке «Антирелигиозная тигда» приспособился водить экскурсии для приезжающих на остров делегаций и комиссий, чтобы продемонстрировать им, как хорошо в лагере поставлены пенитенциарная политика и воспитание заключенных.

Д. Лихачев

роста, почти карлик, кривоногий, с безобразно оттопыренной нижней губой и огромными, торчащими, как крылья нетопыря, ушами, он напоминал одну из страшных химер Нотр-Дам. К тому же он обладал неприятнейшим, громким и визгливым фальцетом.

На Соловках Иванов выполнял роль антирелигиозного лектора, и, слушая его безграмотные выкрики, шпана резонировала:

— За то он Бога обидеть старается, что Бог его крепко обидел.

Но и отступник, богохульник и лжец оказался орудием в руке Его. Судьба поставила этого субъекта в хранители соловецких святынь, религиозных древностей.

А началось все так. Сдав партию лесорубов конвою, грузин-нарядчик повел Яшку Цыгана и доходягу Марцелова в подвал под бывшей монастырской кухней и указал:

— Очищай помещение! Доски и что подходящее — сюда складывать, а мусор — туда вали. Блатная работа!

Он был прав. На дворе стоял трескучий мороз, а в подвале было тихо и тепло. Под досками, в груде обломков тускло поблескивало что-то непонятное. Вытащили, осмотрели. Вроде фонаря с разноцветными стеклами, укрепленного на большом металлическом держаке. При даль-

Хоругвь «Воскресение Христово». Золотое шитье по бархату, XIX век. Соловецкий музей-заповедник

нейших раскопках нашими дружкой, парный первому. Потом вытаскивали что-то вроде знамен с изорванными ветхими помостницами, а из помостниц — образа.

— Может, начальству доложить? Наградят!

А начальство в лице командира Первого отделения Барнинова уже входило в подвал.

— Какд папши, гражданин начальник, — разделелся к нему Цыган.

— Барахло... Принадлежность культа, — ткнул ногою хоругвию Барнинов, — ты, однако, посмагивай, может, что путное попадетя.

За обедом, стоя в очереди за тресковым борщом, Цыган патетически ораторствовал о своей находке. Одним из слушателей случайно оказался доцент П-й, историк, уже выпустивший до ареста одну интересную работу с предисловием академика Платонова. Услышав о находке, он побежал в подвал, торопясь усечь побывать там во время перерыва. А вечером в «Индийской гробнице» состоялась военно-операционный совет пзбранных.

— Светильники очень тонкой художественной, вероятно, итальянской работы. Вместо стекла — толстая цветная разрисованная слюда. Историческая ценность их несомненна. Дело еще и в том, что подобные находки будут, безусловно, повторяться. Очень интересны и хоругви. Вероятно, XVII век. Ведь расхищены главным образом только золото и серебро. Надо добиться сбора и охраны этих ценностей, создать нечто вроде музея, — говорил П-й.

— Хватит! Это на Соловках-то музей!

— Да еще религиозный! Невозможно!

В углу сидел Борис Емельянов, поэт-фокстротист, моимивый, долговязый и довольно нескладный парень... Именно ему принадлежала ответная реплика:

— Религиозный — невозможно! А антирелигиозный — вполне возможно. Дело не в вывеске, а в спасении ценностей, и, поверьте, что под антирелигиозной вывеской они будут целее!

Загорелся, по русскому обычаю, спор. Нашлись сторонники «чистых риз», возмущенные помещением святых под «защиту дьявола», по точки зрения здравого смысла в конце концов восторжествовала...

С Кожаном из Воспитательно-Трудового отдела мы говорили наутро прямо и откровенно, лишь с упором не на религиозную, а на культурную ценность памятников. Он же говорил в верхах, может быть, по-иному, но как бы и чем бы он там ни аргументировал создание Соловецкого антирелигиозного музея, таковой был не только разрешен, но и получил целиком в свое распоряжение домовую церковь соловецкого архимандрита и его палаты. Вскоре был утвержден штат постоянных сотрудников музея, и ему было предоставлено право реквизиции всех материалов, признанных исторически ценными. Это было особенно важно: редкие хозяйственники уже на многое наложив свои руки, например, мастерская музыкальных инструментов

Иоани Предтеча. Фрагмент иконы XVII века. Соловецкий музей-заповедник

Вход в лагерный музей. 1928 год

тов забрала себе остатки замечательного пятиярусного иконостаса Преображенского собора для выделки гитар и балалаек из выдержанного веками дерева его икон...

Иванов оказался незаменимым в сборе разхищенного. Руководило ли им желание выслужиться или что другое, я не берусь судить, но он ругался, визжал, плевался, бегал жаловаться начальству в борьбе за каждый обломок разрушенного и поруганного величия, за каждый клочок древнего великолепия... Он, как Плюшкин, тащил к себе все без разбора, и музейным специалистам, отыскавшимся в бесконечном разнообразии соловецких профессий, работы хватало. А специалисты выныривали совсем неожиданно. Среди безнадежных инвалидов обнаружился купец-старообрядец Щапов⁷ из Нерехты или Кинешмы, глубокий и тонкий знаток русской иконографии... Бронзу, резное дерево и выпивку определял и классифицировал известный в Москве комиссионер-антиквар... Ценности всех видов лились в Музей беспрерывным потоком. В мусоре одного из подвалов нашли два окованных медных сундука с хозяйственными

записями XVII века. На их основе доцент П-й воссоздал яркую картину экономики Беломорья, почти полностью бывшего в те времена вотчиной мощного, культурного и широко прогрессивного в своем хозяйстве Соловецкого монастыря, лозунгом которого были слова: «В труде спасаемся!»...

Пожар коснулся ризницы лишь слегка, и множество облачений из старинной венецианской парчи, пелен, платов, покровов на Плащаницу, вышитых тюремными затворницами, боярышницами да великими княжнами московскими, сохранились. Они поступали в фонд музея, и часть из них потом была увезена в Москву. Запасы нешитой новой парчи были переданы театру, и из них сделали богатейшие костюмы для постановки «Бориса Годунова» А. С. Пушкина, который шел на Соловках в двадцати двух картинах, всего лишь на две меньше, чем в Художественном театре. Потом в них играли «Царя Федора Иоановича», «Девичий переполох» и «Василису Медентьеву».

Найденные Цыганом светильники оказались флорентийской работы, они были подарены монастырю папой Иннокентием, каким по счету, не помню. Схожие с ними литые факелы оказались подарками Венецианского Дожа...

Наибольшее количество религиозных, художественных и исторических ценностей было, вероятно, скрыто в перешедшей под охрану Музея монастырской «рухольной». Эта «рухольная» представляла собой большой сухой подвал, почти доверху заполненный складывавшимися туда в течение веков иконами⁸.

Доцент П-й нашел указания на поступления в «рухольную» икон, изъятых по постановлениям Соборов, вплоть до Стоглавого, из закрытых старообрядческих молелен и скитов. Подтверждением тому был часто попадавшийся образ «Крылатого Предтечи», иконописный канон которого был запрещен еще в XVII веке. Сюда же попадали и старинные иконы, выполненные в существовавшей еще до Никона иконописной мастерской, снятые при «замирении» отколовшегося от Московской Патриархии и борющегося с ней около пятинадцати лет монастыря⁹...

Еще много можно написать о богатствах Соловецкого антирелигиозного музея. Что из того, что над экспонатами на картонках вывешены пошлые и глупые надписи? Эти куски картона стигнут, а спасенные сокровища, Бог даст, останутся¹⁰.

Соловецкий музей находился в помещении, занимавшем часть крепостной стены от Прядыльной башни до Благовещенской церкви. Окна выходили только на одну сторону — на монастырский двор.

Экспонаты иллюстрировали местную природу и изделия заключенных, работавших в местной промышленности, — все, как полагается, для местного провинциального музея. Но, пройдя через этот отдел музея, попадаешь к застекленным дверям. Здесь самое интересное. Это настоятельская церковь, буквально заваленная предметами религиозного культа.

По обе стороны бывших царских врат стояли массивные раки угодников Соловецких Зосимы и Савватия. Обе покрыты толстым зеркальным стеклом. Внутри рак несколько горстей праха с белыми крупинками костей.

— Это и есть мошны преподобных угодников? — спросил я.

— По-видимому, да.

Мы прошли в алтарь. Здесь были собраны древнейшие иконы. Слева от входа стояла икона, изображавшая Богоматерь с двумя Младенцами: в сердце и на руках. К сердцу восходила таинственная лестница от спящего внизу, на земле, с камнем под головою, патриарха Иакова. Икона окружена клеймами, живописно толкующими ее символику, подбором событий из Ветхого и Нового Заветов. Справа от входа в музей — другая икона с ликом Богоматери, восседающей на троне, окруженном морем.

Все стены внутри алтаря оказались завешаны иконами разной величины. На престоле были сложены складши и кресты, а на жертвеннике лежали громадные книги длиной около метра и немного меньше в ширину. Мы заглянули в некоторые. Четкие крупные буквы в них кажутся напечатанными, но на самом же деле писаны от руки. С большим сожалением я оставил книги: в этих записях собрана вся история монастыря и монашеских подвигов за пять веков существования обители.

Направо от Жертвенника в особом стеклянном ковчеге — белый череп Преподобного Германа. Вне алтаря, в углу, справа от входа, стоял большой белый крест, вышиною не менее сажени — крест Патриарха Никона со ста пятнадцатью святынями. В числе их имеются даже частицы Креста Господня.

Весь крест испещрен врезанными в него частицами святынь, под прозрачным слюдяным покровом. При каждой частице надпись — какой святыне она принадлежит³.

Груда старинных бил и клена, предшествовавших в первобытной обители колоколам, валялась в одной куче с тяжелыми железными веригами, которые схимники носили под одеждою, истязая свою плоть. А вот исторический камень: это его святитель Филипп кадил под голову вместо подушки.

Среди изваяний замечательное расягтие странного вида — по необычности лика Расягтого, с чертами совершенно монгольского типа. История этой загадочной скульптуры, как и других изваяний музея, к сожалению, неизвестна. Может быть, это работа неведомого скульпторинородца, который изобразил Христа по собственному образу и подобию, подобно тому, как негры в Америке изображают Его чернокожим.

Экспонат Соловецкого лагерного музея — деревянная скульптура «Христ в темнице»

Заключенный
Д.С. Лихачев. 1930

Александр Николаевич по прозвищу Пананка — очень красивый, во френче и брюках «галфе» с лампасами, носивший великолепную седую бороду, правда, обещавший сбрить ее сразу по выходе на свободу.

Пананка взял меня из жуткой Тринадцатой роты на работу в Крымкаб, поселив в своей камере, в Третьей роте на топчане у окна, хоть и боялся вшей, от которых мне еще только предстояло избавиться.

Папа во время свидания показал мне свое рабочее место — узкую комнату со сводчатым потолком, с четырьмя окнами на разной высоте от пола, и познакомил меня с самым близким ему там молодым ленинградским филологом Лихачевым, не успевшим окончить университет из-за ареста за участие в каком-то студенческом кружке.

Судьба студента сложилась интересно: из Соловков Лихачев пошел на строительство Беломорско-Балтийского канала, где выход своей любви к лингвистике нашел в негласном изучении блатного языка окружающих его уголовников. Как ни странно, но это, может быть, спасло ему жизнь: когда в бараке как-то ночью шпана, смотревшая на политических, как на свою законную добычу, набросилась на него, то поднесенным ножом Лихачев стал поминать нападавших такой отборной «музыкой», что его не только не тронули, но относиться стали с великим уважением — хорошее владение воровским арго, вроде бы свидетельствующее о давней и тесной связи с уголовным миром, весьма ценилось в этой среде.

Из воспоминаний Д. Лихачева

Среди сотрудников Криминологического кабинета оказалась Юлия Николаевна Данзас, правнучка секунданта Пушкина, доктор Сорбонны, автор ряда научных работ. Печаталась Данзас в журнале «Соловецкие острова» под псевдонимом Ю. Николаев. На работу в лагерьный музей она пошла после тяжелой болезни в сибирской тюрьме. Освобожденная из лагеря в 1932 году, Данзас бросилась к Горькому, которого спасла в свое время от Петропавловской крепости через заступничество Святополка-Мирского и Государыни. Горький организовал выезд Данзас из страны, но взял с нее слово, что она не будет писать о годах своего заключения. Во Франции Юлия Николаевна ушла в католический монастырь. Папа Римский освободил ее от клятвы Горькому.

Коллега по Крымкабу заключенный Александр Александрович Мейер привил мне интерес к философии, а профессор Гаврила Осипович Гордон, обладавший невероятными знаниями по всемирной истории, возместил собой отсутствие научных библиотек. На Соловках я прошел свой второй университет.

Из воспоминаний Г. Г. Гордона

На упрямые вопросы соседей, почему студент так долго таит, что он «свой», откуда прибыл и кем «работал», Лихачев отвечал лишь многозначительными междометиями. Таинственность лишь увеличивала его авторитет.

Узнав от осведомителя об этом эпизоде, лагерное начальство вызвало Лихачева на допрос и, разобравшись в ситуации, видимо, с ведома более высоких инстанций, решило использовать такой некалужительный случай для составления словаря, так сказать, современного воровского языка, так как большой словарь, изданный в свое время еще Охранным отделением до революции, безнадежно устарел. Работа велась под большим секретом.

Лихачеву, переведенному с общих, то есть земляных, работ якобы в канцелярию, дали в помещении Управления лагеря отдельную комнату, в которую, как он с усмешкой вспоминал, кроме него, мог входить только начальник лагеря; жить он продолжал в бараках, время от времени переходя из одного в другой.

Из других четырех—пяти человек, работавших на Соловках с папой в одном помещении,

запомнился только рослый и довольно грузный муж лет шестидесяти¹⁴, и то из-за его непонятной привычки буквально после каждой фразы приговаривать странные слова: «...а потому, что деревяшки».

Выйдя из комнаты, я сразу спросил пану, что это значит, и услышал в ответ:

— Не знаю, интересовался — не говорит.

Лишь через много лет секрет раскрылся: читая сборник старых русских водевилей, я нашел в одном из них куплет:

Марionетки мы с тобой,
И нашей жизни дни не тяжки,
Своей довольны мы судьбой,
А потому, что деревяшки.

Все стало ясно.

Я жил в 1929 году за передней (Архангельской) башней. Чуть видны верхние окна. Папашка взял меня из Тринадцатой роты на работу в «Кримкаб», поселив в своей камере, в Третьей роте на топчани у окна, хоть и боялся башни, от которых мне еще только предстояло избавиться.

Д. Дихачев

Я попал в камеру — бывшую монастырскую кладовку. В ней жил армянский художник Миганаджан, ученик Решина. Камера славилась тем, что лампочка в ней была обрамлена расписанным акварелью уютным абажуром. Миганаджан был мастером портрета. Помню, как он сделал портреты заключенных: генерала Эрделли и полковника Генерального штаба Габаева.

Еще один наш сокамерник — Гавриил Осипович Гордон, профессор, знаток всеобщей истории, человек невероятной эрудиции, который никогда не мог удержаться от шуток, ну лезут из него остроты, странно раздражая начальство! Он был типичным одесским евреем.

Мы прятали его на поверках в задние ряды.. Говорит командир роты какую-нибудь глупость, он не может удержаться и непременно что-нибудь сострит. Так он и попал во второй раз и погиб. Хорошо помню и других соседей по камере: бандит, ходивший на грабежи с огромным пулеметом, Иван Яковлевич Комиссаров — «король урок» и замечательный поэт Владимир Кемецкиий, стихи которого я очень люблю.

*Заброшен я в Тринадцатую роту,
Где стены прошлымотягощены.
Где збук псалмов сменила брань ипаны,
Махорка — ладан, сумрак — позолоту.*

Владимир Кемецкиий

Соловки, 1929 год. А. Миганаджан, акварель. Миганаджан Авант Эммануилович (1879 г. р.). В Соловках 1928—1936 гг. Убыл в город Саратов

Новоборатский корпус — Третья рота — занимала, кажется, второй и третий этажи окнами на озере и на площадь общелагерных поберок.

Д. Лихачев

Журнал «Соловецкие острова»
№ 5, 1930

ПЕСНЬ О ВОЗВРАЩЕНИИ

Разбиваются в море льды,
Вдоль тропы прорастает трава,
Острый запах соленой воды
Обволакивает острова.

Разбиваются льды, звеня,
Хрипый ветер кричит, смеясь...
Ты едва ль узнаешь меня
В нашей встречи вечерний час.

Снег блестит на моих висках,
На лице морщины легли,
Ибо тяжело ранит тоска
На холодном краю земли...

Слишком долго к тебе одной
Белой вьюгой рвалась душа,
Когда сполох мерцал надо мной,
Как прозрачный твой синий шарф.

Слишком много почей я вникал
В зимних звездах ледяную игру —
Ожерелья твои вспоминал,
Ниспадающие на грудь...

Я приду — и внесу в твой дом
Запах водорослей и смолы.
Я приду поведать о том,
Что узнал от замшедой скалы.

И прочту тебе я стихи
О стране, где не пахнут цветы,
Не ноют по утру петухи,
Не шуршат по весне листья.

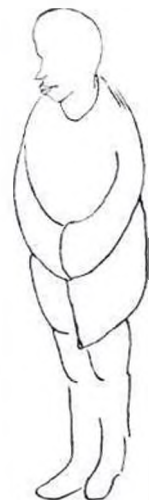
Расскажу тебе про народ
Неприветливых этих мест —
Он отважно и просто живет,
Бьет тюленей и рубит лес.

Потускнеют в камине огни,
Затуманится голова...
Все равно, ни к чему они,
Человечьи, простые слова...

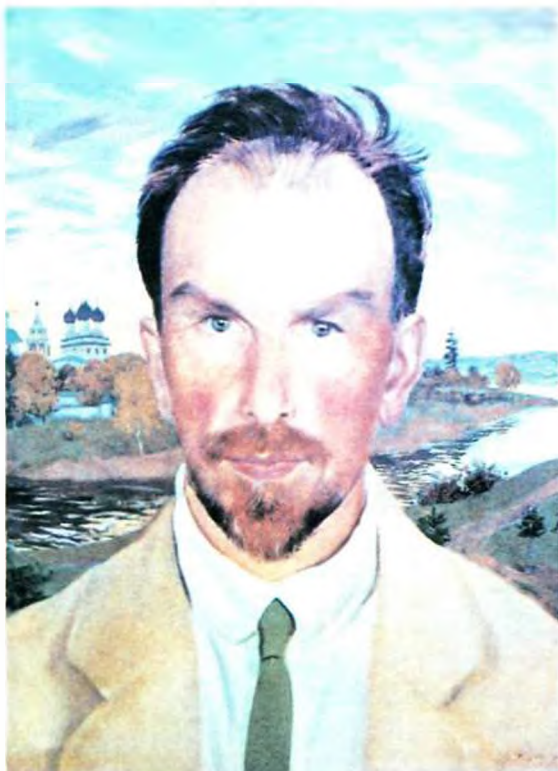
Замолчу, оборву рассказ,
Попрошу для трубки огня...
Может быть, хоть на этот раз
Ты сумеешь услышать меня.

В. Кемецкий

Владимир Кемецкий —
псевдоним Сёвешикова Влади-
мира Сергеевича, поэта,
уроженца города Санкт-
Петербурга (1902 г.р.). В
Соловках — 1928 — 1932 гг.
Расстрелян в 1938 году

Поэт Владимир Кемецкий на Соловках. Рисунок
Дмитрия Лихачева, выпол-
ненный в 1992 году для жур-
нала «Наше Наследие»

Реставратор А. Анисимов (худ. Б. Кустодиев, ГРМ)

Соловки 12 августа 1925 года. О. Э. Браз (1876—1936), акварель

Посыл А. И. Анисимову

*Вечный страж и ревностный блюститель
Матушки Владимирской. — тебе —
Два ключа: златой — в Ее обитель,
Ржавый — к нашей горестной судьбе.*

М. Волошин. 1929 год

Из воспоминаний Д. Лихачева

Моим учителем в Музее оказался А. И. Анисимов, знаменитый реставратор. Он нам много рассказывал интересного, более того, как бы называл свои «доклады». Один доклад был о реставрированной им всемирно известной иконе Владимирской Божьей Матери, при этом он цитировал поэму Максимилиана Волошина, ему посвященную. Подробно Анисимов рассказывал и о «деле», по которому был арестован, по-прежнему уверенный в своей правоте, не скрывая возмущения фактами продаж и вывоза из страны произведений искусства.

— Если страна не ценит своих сокровищ, пусть они уходят из этой страны, но они должны быть проданы в крупные музеи или известным коллекционерам и уж ни в коем случае не «депортативизированы»!

Происхождение икон не должно быть скрыто. Нельзя разрозненно продавать в разные руки цельные собрания икон. — утверждал Анисимов.

Иконы оказались столь дешевы, что некоторые люди покупали их для модных одно время шахматных досок, в которых черными клетками являлись остатки древней живописи.

Анисимов, заботясь о судьбе уходящих из страны икон, рекомендовал отдавать их хотя бы «в хорошие руки», поэтому он имел дело как консультант с иностранцами. Общения эти и послужили поводом для обвинения в «шпионаже».

А. И. Анисимов занимаясь в лагерьном музее реставрацией икон. Работал он на хорах Благовещенской церкви — там было хорошее освещение, а по стенам висели великолепные акварели Осипа Брза — виды Соловков.

А. Лихачев

Анисимов, пользующийся огромным авторитетом среди заключенных, говорил, что гибнут молодые таланты и господствует Сталинское царство.

Из дознания начальника Следственного Депо

Знаменитый реставратор, профессор Анисимов А. И. на основании этой характеристики приспособлен к расстрелу и убит во второй день осени 1937 года

Характеристики на И. Анисимови Александра Ивановича Чис 8766

И. Анисимов А. И., 1877 г. рож., осужденный Комиссией ОГПУ, 23/1-1931 по ст 58-6 на срок 10 лет, концсрок 6/10-1940г. Пришел в лагерь 16/12/31г.

Нигде не работает. Занимается только анти-советами. В рите выразил открыто выразил свое недовольство Политриком Советский лагер. В общественной работе нигде не участвует. Нет связи с кем-либо из бывших заключенных.

Нач. ОУП Шибанов
 (Подпись)
 Сем. Нар. Ура...
 (Подпись)

Одно время я работал над историей Соловков, но не по заданию Общества Краеведения, а по указанию начальника финчасти Сергиенко. Он скоро ушел, и работа осталась незаконченной, а жаль, мне была поручена лучшая часть лагеря, сам Кремль — Париж Северных ЛагереЙ.

В Соловках было много художников, они прекрасно рисовали, но их таланты не находили применения.

Один с меня нарисовал портрет в какие-нибудь полчаса. Другой художник, имевший ранее

свою выставку в Японии, был посажен за сношения с японцами.

— Но как же мне было не споситться, если там устраивалась моя выставка? — вопрошал он.

Тут был один из Морозовых, тот, который, по его словам, сам возил и лично передавал деньги Крулекой на революцию для Ленина, а раз сам передал Ленину тридцать пять тысяч, а через некоторое время — двадцать тысяч, и, в конце концов, очутился здесь, спровоцированный агентом ГПУ...

Лучшая часть лагеря — Соловецкий кремль — Париж Северных ЛагереЙ.

И. Озеров

Инженер В. Н. Ордов был членом Правления на Путиловском заводе. За что попал в Соловки, не рассказывал. Посылки не получал и ничего не имел. Даже суп брал в какую-то жестянку старую из-под консервов. Очень голодал, был болен, едва ходил...

Корреспондент «Нового времени» из Вены и наш посол из Риги... Видел бывших наркомов Белоруссии и бывших министров Украины; известного военного, который жил в Берлине, а вернувшись, попал в Соловки... Были «божьи люди», которые о себе ничего не говорили, кро-

ме «Я-де Божий человек», и даже хлеба не брали, так как для получения его надо было в карточках отмечать имя, а они его не открывали. Голодали. Питались подачками...

Видел я там женщин с Украины, которые были отравлены в Соловки, по их собственным словам, за то, что они выкапывали трупы умерших детей, делали котлеты на продажу. Женщины охотно о себе рассказывали, мотивируя людоедство тем, что нечего было есть...

— Не умирать же от голода, — наивно говорили они.

Из воспоминаний Б. Ширяева

Одним из интереснейших персонажей каторги был старый профессор Кривош-Неманич. Вся его долгая жизнь была сплошным, жадным и страстным накоплением всевозможных знаний.

Родом серб, он знал около тридцати языков, в том числе и древнеегипетский, древнеарийский, арамейский, изучил, кроме того, ряд наук, которые берутся многими в кавычки: магию, хиромантию, систематику шифров. В последней профессор достиг больших знаний и успешно выполнял специальные работы по зашифровке еще при императорском правительстве. Пришедшие к власти большевики тоже воспользовались его знаниями в этой области.

Я не знаю, добровольно или по принуждению он работал на них, но скоро стряслась беда. Кривош-Неманич был арестован, вероятно, вследствие того, что слишком многое узнал и получила десять лет Соловков.

— Спасибо, — сказал всегда любезный и остроумный старик, — я предполагал умереть через два-три года, но теперь считаю себя обязанным дожить до девяносто четырех лет, выполняя предписание Советского правительства.

На Соловки он попал с особым «паспортом», предписывавшим представление ему сносных жилищных условий, но и строжайшую слежку за ним.

Эйхманс, пораженный объемом и разнохарактерностью знаний профессора Кривоша, спросил его:

— А метеорологию знаете?

— Интересовался, — ответил тот, — кое-что помню.

— Назначаетесь заведующим метеорологической станцией!

Метеорологическая станция на Соловках была создана монахами и успешно обслуживала монастырскую навигацию и рыболовную флотилию... Кривош-Неманич ее заново оборудовал. Живя при ней в отдельном доме, в сравнительно хороших условиях, он беспрерывно находился под наблюдением. Получая пропуск в Кремль, он ходил туда в сопровождении сексота, которого, между прочим, знал великолепно. Доклады профессора Кривоша в зале соловецкой библиотеки, которые он делал на самые разнообразные темы, всегда собирали много слушателей. И не только из среды интеллигенции. Он был превосходным «легким» дектором, просто и занимательно излагавшим самые сложные вопросы науки⁵⁵.

Главный же корень славы профессора крылся в его познаниях в хиромантии. Мне он, например, предрек эмиграцию и жизнь в теплых странах, о чем я не мог и мечтать на Соловках, но что, тем не менее, со мной сбылось.

Кривош-Неманич Владимир Иванович (1861 г.р.). Арестован 24 марта 1923 года, срок 10 лет

Этот день останется историческим днем для интересующихся природой вообще, и в частности природой Соловков. Соловецкое отделение Архангельского Общества Краеведения открывает две крупные ячейки природоведения: Бюсад и Музей.

В одиннадцать часов все приглашенные участники (по особым билетам) соберутся в Музей, откуда, осмотрев собранные там коллекции с пояснением, направятся в Бюсад (быв-

ший Живоносный источник), о значении которого выступят докладчики Глаголев и Некрасов, после чего будут приветствия от УСЛОИ, от ячейки РКП (Российской Коммунистической Партии), от СОП (Соловецкого Особого Нока) и комсомола.

Предполагаются также концерт и чай.

Вечером в театре I-го Отделения состоится спектакль, на который приглашаются также участники торжества.

Сухов

Из воспоминаний Б. Ширяева

— У меня на Соловках любой специалист найдется, — говорил Эйхманс, своеобразно гордившийся населением своей сатрапии.

Он был прав. Кого только не было на Соловках того времени! Какие только профессии, знания, а порой и таланты не таились в среде серо-

го, винного, сбитого в густое человеческое месиво населения острова. От командующего армией до исключительного по ловкости рук карманника, от дирижера симфонического оркестра до дрессировщика охотничьих собак... К чести Эйхманса надо сказать, что он до 1927 года

Были на острове биологи, ботаники... Они кажутся то лету мысли в лучине Соловков... Но, конечно, хрупкое это было благополучие — сегодня бы специалист, а завтра — бы неудачник.

О. Волков

легко предоставляя всем желающим и умеющим работать возможность развития их инициативы в любой области труда...

С одной из первых партий в 1924 году прибыла на остров учитель зоологии одной из старинных кубанских гимназий казак Некрасов. Ничем особым он не блистал, был рядовым провинциальным учителем, по своей предмет любил и не по-книжному, не схоластически, а живо, страстно, пламенно, тесно связывая теоретическую премудрость с ее основой — жизнью животных¹⁰.

Случайно он попал на отдаленную от Кремля командировку, вернее, на наблюдательный пост охраны на побережье. В этом глухом углу острова гнезилось много гаг. Некрасов набрал птенцов и приручил их, одомашнил, как он говорил. Статью о своем опыте и о возможных выгодах его промышленного использования он поместил в только что начавшей выходить еженедельной газете «Новые Соловки». Потом дал туда же другую, с очень смелой и, может быть,

необоснованной гипотезой о происхождении соловецких лабирингов. Эти лабиринты нередки на побережье и островах Белого моря¹¹...

Статьи были замечены. В результате Некрасову были предоставлены широкие возможности для развития опыта превращения гаг в домашних птиц. На берегу прозрачного озера был организован Соловецкий Биосад¹².

Некрасов любил, хотел и умел работать. Умел и поощать в том, заинтересовать кого надо своей работой. Он предложил Эйхмансу разводить ценную по своему меху американскую, вернее, нью-фаундендскую, ондатру, а также черно-бурых лис. Эйхманс «клоунул», как клюют, вернее, «клевали» большевики на все новое, неизвестное.

К 1927 году некрасовский питомник вырос в небольшую биостанцию, которая была связана с Академией наук, выполняла ее задания по изучению флоры и фауны Белого моря не только в его верхних слоях, но и в таинственных глубинах.

Хотя по разным причинам и не удалось в должной мере довести до конца вопрос приручения и одомашнивания гаг, но уже можно утверждать, что в хороших домашних условиях гага может жить.

М. Некрасов

Начальник Управления САОН Федор Эйманс и Батя (командир Соловецкого Особого Полка Сухов А. П.) после охоты. 1925 год

Все усилия сотрудников Биосада, направленные на борьбу с браконьерством гуманным путем, почти ни к чему не приводят и только вызывают злобу не только со стороны заключенных лагерей, но и больших сотрудников...

Издаваемые администрацией УСАОН строгие приказы, направленные к охране природы, не решают окончательно этого вопроса, и браконьерство не искореняется. Олени, например, могут перебраться на островах в самом недалеком будущем. Еще в 1923 году оленей на Соловецком острове насчитывалось около двухсот голов, а в настоящее время число их сократилось приблизительно наполовину, несмотря на то, что приказом УСАОН охота на оленей строго запрещается.

Михаил Некрасов,
«Соловецкие острова», № 7, 1926

Из воспоминаний В. Зотова

В трудах Соловецкого Краеведческого Общества вышла монография об ондатре. Работа была написана так, что на материке подумали, будто Соловецкий звероводческий питомник уже имеет этих зверьков.

Со всех концов страны стали поступать заявки: «Просим выслать шесть пар племенных ондатр... десять, двенадцать пар...». Всюду желали разводить ценного пушного зверька. Создалось неловкое положение — неудобно признаваться, что нет ни одной ондатры, но отвечать-то надо. Что же делать? Обратились к прирожденному дипломату, ученому секретарю СОКа Петряеву.

Павел Александрович улынулся и сказал: — Очень просто, — творческая сила мысли, — отвечайте всем: «Записаны в очередь».

Так и отвечали, но ученый секретарь получил от высшего начальства предупреждение:

— Не уезжай с острова, пока в питомнике не будет ондатр!

И однажды ондатры появились. Их начали успешно разводить в питомнике пушных зверей на маленьком островке, расположенном в морском заливе Глубокая губа, недалеко от Кремля, а затем выпустили в озера.

Из воспоминаний С. Шибанова

Биостанция, на которую мне удалось устроиться, базировалась в так называемом Филипповском скиту, в километре от Кремля по дороге на Муксалму. Первоначально там был организованы Ворота Биосада в бывшей Филипповской пустыни

зван Зоосад — в клетках сидели соловецкий северный олень и какая-то крупная хищная птица, больше, кажется, никого не было. Когда эти животные, не выдержав концлагерного режима, погибли, они были превращены в чучела для краеведческого музея, а Зоосад переоборудован в Биостанцию. Только ворота на съезде с муксалмской дороги к означенному объекту сохраняли еще гордое резное наименование — ЗООСАД.

Пройдя через эти ворота, я оказался на берегу небольшого округлого озера — Биосадского; прямо впереди по этой дороге виднелся небольшой белый дом начальника соловецкого водного транспорта Степанова. Я повернул направо, взору открылся вид на довольно красивую деревянную церковь, не слишком старой архитектуры; между церковью и домом Степанова виднелось небольшое деревянное строение типа хозяйственной постройки или барака для летнего

помещения «обслуги», а также небольшая конюшня для личной лошади Степанова. А вокруг всего этого комплекса вековой хвойный лес — обитель тишины и спокойствия. Я вошел в церковь, то есть на Биостанцию: помещение светлое за счет больших окон; ничего специфически церковного не сохранилось, печка-временка, стол, скамья и два топчана. Справа и слева от центрального помещения, в которое я пошел, белые закрытые двери. В левой комнате, где первоначально был алтарь, обитали ученый секретарь СОКа Петряев и заведующий Биостанцией Захваткин, о чем свидетельствовала табличка на двери, а над входом в правую комнату надпись: ЛАБОРАТОРИЯ.

После повторного стука эта дверь приоткрылась, высунулся научный руководитель Биостанции заключенный Захваткин:

— А-а, Шибанов, здравствуйте, заходите!

Вошел, мельком огляделся: посреди комнаты — большой длинный стол, на нем красовался микроскоп, окруженный разнообразной химической посудой, что создавало видимость настоящей лаборатории. Электрическая лампа под зеленым абажуром висела над столом. Справа на стене — три лисьи пкурки и целая связка белых; на них невольно задержался мой взгляд.

— Это трофей наших охотников, — сказал Захваткин.

— Совсем неожиданно для Соловков, — удивился я.

— О, неожиданностей здесь предостаточно. Ну да ладно, давайте лучше приступим к делу.

Он достал из-под стола большую картонную коробку из-под конфет, чем-то наполненную, которую, несмотря на ее значительный объем, без труда поднял на стол. И неудивительно: коробка оказалась наполнена пустыми ракушками.

— Прудовики! — воскликнул я.

— Лимнэ стагналис! А что вас так удивило?

— Не думал, что они здесь водятся.

— На Соловках есть все! Пошли, — сказал он и, подхватив коробку с ракушками, потащил ее в другую комнату, ту, что направо.

— Вы со штагенциркулем когда-нибудь работали?

— Приходилось.

— Где это вам приходилось, если не секрет?

— Какой там секрет, в зоопарке, когда был юннатом¹, измерял лягушачьи лапки.

— Ну тогда объяснять нечего: берете ракушку и делаете три замера: длину входного от-

верстия, его ширину и высоту витка, вот так. Ясно? Все данные измерений записываете и берете следующую ракушку. Вот вам штанген, терзадка и карандаш.

— А для чего делаются эти измерения?

— Видите ли, все ракушки вроде бы одинаковые, и только путем измерений, методом вариационной статистики, на большом количестве исходного материала можно в итоге вычертить лобозыгнейшую кривую...

— А это важно?

— Очень! Только на Соловках и можно провернуть такую научную исследовательскую работу!

— Туфта, — тихо пробормотал я.

— Вы что-то сказали?

— Нет, ничего.

— Ну а раз ничего, то приступайте к работе...

Итак, я стал работать на Биостанции. После утренней поверки и развода я на целый день уходил из Кремля, радуясь морозному утру и отсутствию какого-либо надзора, спокойно производя в холодном помещении бывшей церкви «очень важные» измерения ракушек.

Иногда Захваткин целые дни, как одержимый, просиживающий за микроскопом, приглашал и меня взглянуть на какого-нибудь редкостного «зверя», вдруг появившегося в поле зрения его окуляра. Действительно, микромир был интересен и разнообразен, хотя я и не разделял тех восторгов, которые испытывал гидробиолог, созерцая «зверей», копошащихся в капле мутной воды, но все же находил это занятие более интересным, чем то, которым приходилось заниматься мне.

Понутно я узнавал, что такое «планктон» и что такое «бентос», какое значение для развития микромира имеют температурный режим и химический состав воды, какой вред оказывает сероводород для развития жизни на дне водоемов и почему он там накапливается. Вообще, Алексей Алексеевич Захваткин оказался обидительным, легким человеком, увлеченным своей наукой и весьма далеким от какой-либо политики.

Сергей Шибанов на пороге Биостанции. 1927 год

Биостанция, на которую мне удалось устроиться, базировалась в так называемом Филитовском скиту, в километре от Кремля по дороге на Мухсалму.

С. Шиданов

Ловить рыбу в соловецких озерах заключенным строго запрещено, так как в них большевики разводят ондатру, серебристая икура которой весьма дорога. Ондатры живут, как и бобры, в воде и могут легко попасть на крючок, поставленный на рыбу.

Ф. Олехнович

Церковь на Б. Муксалме.

На острове Большая Муксалма бывшая церковь — небольшое, но чистое помещение — обращена в крольчатник. Штат обслуживающих — три человека. Кроликов — до пятисот. Кролики в количестве непрерывно увеличиваются, а помещение в общих камерах. Самок молодых — отдельно, самцов — отдельно. Такое содержание поневоле, из-за отсутствия места, вызывает необходимость иметь еще третье и четвертое отделения — лазарет для покусанных и изолятор для буйных, так как некоторые самцы чрезвычайно буйны и грызутся.

Из газеты «Новые Соловки», № 2, 1926

Из воспоминаний М. Никонова

В непосредственной близости от каменной дамбы, объединяющей Главный Соловецкий остров с островом Муксалминским, находится неширокий пролив, ведущий в большое внутреннее море, врезающееся в Соловецкий остров. Это внутреннее море — Глубокая губа — усеяно множеством покрытых лесом островов и островков. На трех больших островах — Ансьем,

Песцовом и Крольчьем — расположился Соловецкий Пушхоз. На зооферму можно было попасть переправившись на лодке через пролив или с противоположного ему берега Глубокой губы, от Варваринской часовни — тоже на лодке. Заведовал Пушхозом финн Туомайнен Карл Густавович. Карл Густавович отсидел три года и остался служить по договору с ТПУ.

Зверовод Карл Туомайнен и писатель Максим Горький в крольчатнике на о. Большая Муксалма (1929).

Директор Пушхоза Туомайнен К. Г. — большой специалист пушного дела, инициатор разведения пушных зверей на острове Соловки. К работе относится добросовестно, но любит работать самостоятельно. Политически мало развит, над собой в этом отношении не работает. Участия в общественной и партийной работе не принимает. В личном быту не выявлен, ведет замкнутый образ жизни, общения с сослуживцами избегает, партийцев и чекистов недолюбливает и сторонится их.

Из листа досрочной аттестации в Третьем Отделе ББК НКВД

В зверосовхозе в весьма обширных вольерах из пробололочной стелки размещены сотни серебристых канадских лисц и песцов, а также в небольшом количестве соболя. Но соболя в вольере не размножаются, и особой гордостью Пушхоза было то, что в Соловках удалось получить, чуть ли не впервые в мире, приплод от этих редких животных.

И. Жилов

Жизн Туомайнен* в отдельном домике на Лисьем острове с женой Полиной Андреевной.

История его небезызвестна. У финской компартии было два комитета — один в России, другой — в Финляндии. При изгнании коммунистов из Финляндии разогнан был и их комитет, члены которого бежали в Страну Советов. Таким образом, в России оказалось два финских комитета. Разумеется, один комитет не пожелал признать другой, и все закончилось потасовкой с револьверной стрельбой и несколькими жертвами. Прощающие битву комитетчики вместе со своими приверженцами, в числе которых был и Туомайнен, очутились в Соловках.

На острове Карл Густавович, хоть человек в прошлом партийный, не пошел сразу в лагерную администрацию, а начал почему-то со скромной должности кучера у начальника лагеря Эйхманса. И вот он как-то в разговоре с Эйхмансом предложил организовать в лагере разведение кошек на мех и собак на племя. Выращивание кошек было вскоре прекращено, но собачий питомник остался, а Туомайнену поручили заняться разведением красных лисц.

Позже из Америки были приобретены черно-серебристые лисы, и основан настоящий промышленный питомник пушных зверей. В Германии закупили сорок шесть пиншиловых

кроликов. Из Забайкалья привезли диких соболей, которые в апреле 1930 года дали первый приплод.

На Соловки монахами в стародавние времена были завезены олени. С течением времени они измельчали вследствие вырождения, и величина их не превышала роста средней козы. Для придания новой крови было завезено стадо настоящих северных оленей, вероятно, отобранных при «раскулачивании» у какого-нибудь «кулака»-самоеда.

Наблюдением за оленями, за разведением также в вольном состоянии американской мускусной крысы ондатры и другими звероводческими делами ведал Апатоллий Эсперович Серебряков, профессионал, присланный из СОКА. Странна судьба этого человека. До семнадцати лет жил в Англии и, конечно, в совершенстве знал английский язык...

Отец Серебрякова — русский эмигрант старого времени, ставший английским моряком, мать — еврейка, получившая от советского правительства пенсию как активная участница народолюбивого движения. Сам же он был глубоко религиозный и православный человек, сидевший здесь за свое православие и борьбу с коммунизмом.

Вообще, пушное хозяйство не имело буффорского вида, и развернутый потом на материке из Соловецкого Пушхоза питомник давал лучшие по Союзу шкурки.

С первого взгляда кажется странным: хозяйство в руках чекистов, но блестяще поставленная работа, однако ларчик открывался просто. Здесь, на изолированных от всего лагеря островах питомника пушных зверей, чекисты отступили от своих принципов и дали людям суррогат свободы в труде и в быту. Они поставили во главе дела не выдвиженца, а профессионала, и не очень допекали коммунистическо-чекистскими принципами.

В первый период существования Пушхоза в нем не было охраны и административной опеки над специалистами, отсутствовало угнетение младших старшими, сексоты были редкостью. Если прибавить сюда хорошее питание и отличные, после Кремля, жилищные условия, то станут понятны и хорошие показатели, и даже рекорды дружной семьи пушхозовцев.

*Туомайнен Карл Густавович (1895 г.р.), уроженец Финляндии, возглавлявший пушное хозяйство в Карелии, арестован в сентябре 1937 года и репрессирован «по I категории», то есть расстрелян в 4 часа утра 28 декабря 1937 года. Вместе с ним в то утро «платными исполнителями приговоров» Шандышем А. Ф. и Бондаренко И. А. были расстреляны еще 137 человек.

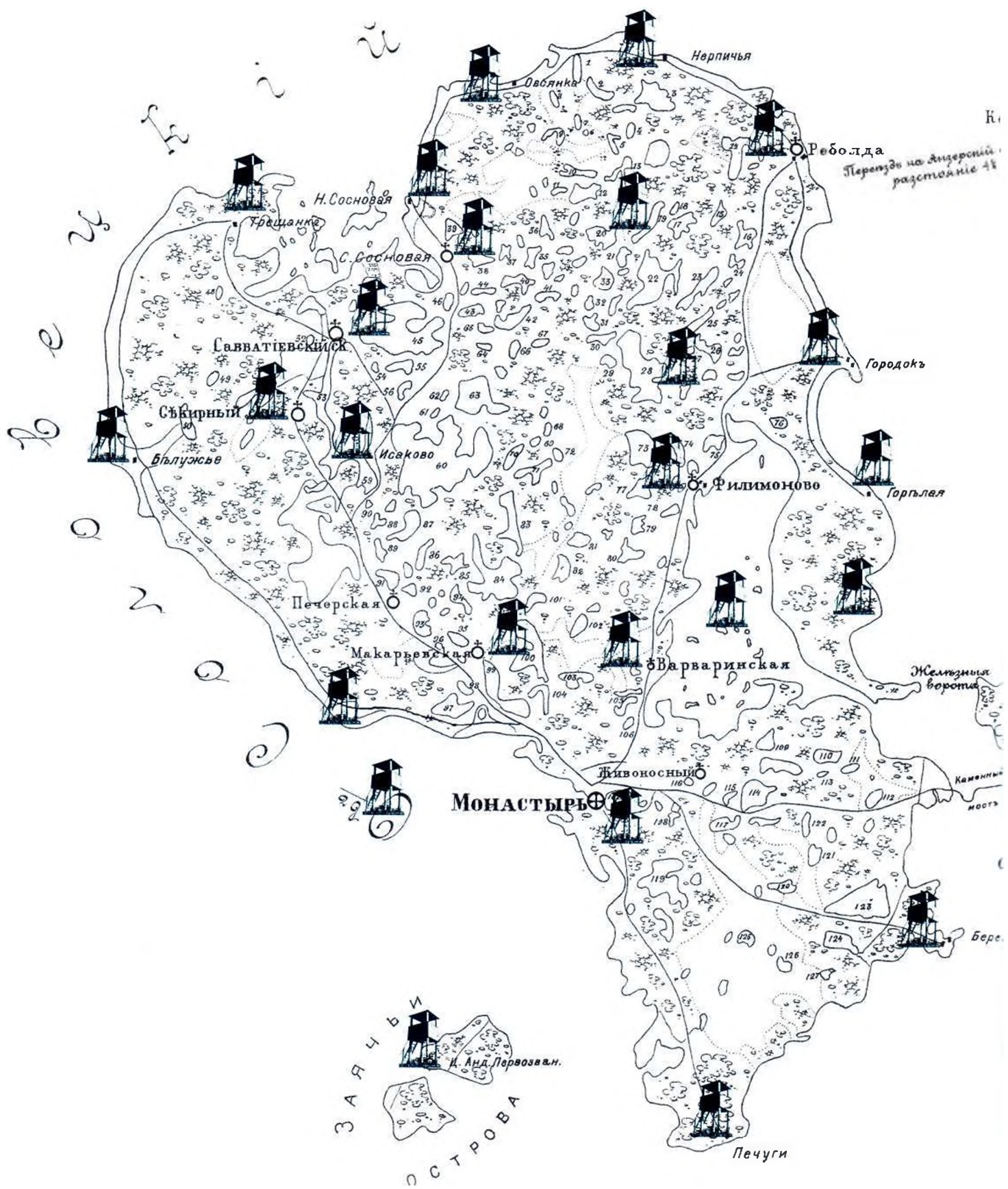
Вопрос о передаче Соловков Карелии

На Соловках находятся организации, часть которых подчинена Архангельску, а часть — Карелии. Это очень затрудняет руководство их работой. При изучении вопроса о Соловках с экономической стороны выяснилось, что для Архангельской губернии Соловки сейчас не представляют никакой выгоды. Рыбные промыслы и лесное хозяйство на островах теперь незначи-

тельны. Сообщение с Архангельском происходит от случая к случаю. Соловки крепче связаны с Карелией.

Учитывая все эти обстоятельства, президиум губисполкома напел возможным передать Соловецкие острова в ведение Карельской Автономной Советской Союзной Республики. Карелия против этого не возражает. О передаче возбуждается ходатайство перед Центром.

Двадцать девятый
год

годовщина 500-летия Соловецкого
монастыря

ПЛАНЪ
ОСТРОВОВЪ ПРИНАДЛЕЖАЩИХЪ
СОЛОВЕЦКОМУ МОНАСТЫРЮ
Соловецкаго, Анзерскаго
(«Муксоломскихъ», «Заячьихъ»
въ Английскихъ долинахъ 2 вост.)

Из сообщения председателя СЕВКРАЙПЛАНА
секретаря СЕВКРАЙКОМА ВКП(б)⁹⁰

...Мнение ОГПУ было, безусловно, таково, чтобы Соловецкие острова были переданы из состава Северного края в состав Карельской АССР, так как оттуда предполагалось черпать трудовые ресурсы для Карелии, но, принимая во внимание, что сейчас на Соловецкие острова предполагается отправка исключительно контрреволюционного элемента, ОГПУ переменяло свою точку зрения по данному вопросу и ходатайствовало перед Секретариатом ВЦИК об оставлении Соловецких островов в составе Северного края.

В дополнение к телеграмме п/348 от 15 октября 1929 г.

Из воспоминаний О. Яфа

Контраст между тем, чем было в течение веков это место, освященное молитвами спасавшихся там праведников, и тем, что теперь там происходит, — чудовищен, оскорбителен для каждого, в ком еще живо религиозное чувство или хотя бы уважение к нашему прошлому. Мне этот контраст представляется порой не случайным, а преисполненным какого-то глубокого значения, он словно символизирует наше всеобщее современное духовное и моральное падение, вопиет об искуплении, о спасении — не этих только жалких и случайных жертв нашего беспринципного времени, а всего многострадального русского народа, который когда-то было принято называть «народом-богоносцем» и который сейчас так глубоко пал — замученный и поруганный. Не в этом ли горниле греха и страдания — искупление, путь к очищению, на котором мы, может быть, снова обретем своего Бога.

Приехав сюда, я увидела превращенный в руины обезглавленный и обескрещенный Соловецкий кремль. Ведь я была здесь и раньше, до революции, и еще видела его таким, каким он был прежде, — сказочно живописным, напоминающим оперную декорацию в стиле острова князя Гвидона, когда монахи были здесь еще полными хозяевами, а богомольцы и богомолки благоговели перед каждой чайкой, каждым стебельком незабудок. Но ведь, в сущности, их благоговение было довольно элементарно: они приезжали в Соловки — как ездят в санаторию — для исцеления своих душевных и телесных недугов. В Филипповской пустыни всегда была очередь перед камнем, который, по преданию, служил изголовьем преподобному Филиппу, так как считалось, что стоит только обойти часовню посолонь с этим камнем на голове, чтобы навсегда излечиться от головной боли... Такая детски наивная чистая вера, конечно, трогательна и прекрасна, но все же эти люди искали здесь избавления лишь от своих страданий, а не самоотречения и бескорыстных подвигов веры, которые мы видим здесь сейчас, потому что наряду с подонками сколько здесь добровольных стойких и самоотверженных мучеников и мучениц за веру!

И еще неизвестно, что превысит в конечном итоге в истории Соловков и послужит их вечному прославлению — тот ли период существования монастыря, когда никто не посягал на его святость и когда Соловецкий кремль выглядел таким живописным и благополучным, или теперь, когда он стоит обезглавленный и обескрещенный — в мученическом венце — безмолвным свидетелем всего, что теперь творится?

День за днем бегал на материк «Глеб Божий»; день за днем тянула за собой «Нева» грязную баржу «Клару», названную в честь известной немецкой коммунистки Клары Цеткин. Ежедневно на палубах и под палубами

Монастырские скотные дворы — «Сельхоз № 1»

этих судов сотни заключенных этапировались в страшные лагеря¹¹.

Новые массы осужденных на гибель людей растасовывались по всем отделениям Соловецких островов. Покудашло размещение, предполагалось отбытие карантина в центре, в Кремле. Выделенная для этой цели Тринадцатая рота уже была переполнена. В ней уже было за тысячу душ. Люди спали на нарах, под нарами на полу, где попадало. Вновь привозимые этапы заключенных временно стали помещать в пустых скотных дворах «Сельхоза». Там, на смердящей соломе, тесно друг к другу лежали злодеи и профессора, крестьяне и царские генералы. Вши страшным саваном покрывали этих несчастных людей, и вот в один день по острову разошлась весть, которую передавали шепотом, так как вслух говорить было еще нельзя: «В скотных дворах «Сельхоза» вспыхнула эпидемия тифа».

Из воспоминаний М. Никонова

Двери конюшни открылись, и оттуда стали выходить новые для Соловков люди. Я пытался издали рассмотреть их лица — не встречу ли знакомых или близких. Вышедшие между тем выстраивались прямоугольным четырехугольником. По их поношенной арестантской одежде, по изможденным лицам я догадался — это, вероятно, с лесозаготовок на материке. Так оно и оказалось впоследствии, хотя между старыми лагерниками попадались и свежие люди, еще не вкусившие каторжной жизни.

В Кремле творился ужас. Все свободные помещения превратились в лазареты. Люди лежали на нарах, на полу, в проходах — плечом к плечу. Весь уход за больными заключался в кормлении и уборке. Все остальное было предоставлено «целительным силам организма». К весне 1930 года, по официальным данным, погибло от тифа семь с половиной тысяч человек¹². Кемпертункт и командировки на материке дали еще одиннадцать тысяч с половиной умерших от тифа.

— Кажется, появляется тиф. Люди набиты, как сельди в бочке. Утром из этой конюшни, когда все выйдут на поверку, вынесут пять, шесть, а то и больше мертвецов. Трудно даже установить фамилии умерших. Люди прибывают с разных сторон, и друг друга не знают.

— Но ведь если это тиф, тогда половина Соловков вымрет, — сказала я. Серебряков пожал плечами.

— Мы присланы сюда для уничтожения. Этого от нас никто не скрывает.

М. Никонов

История болезни № 2018

Врач назначил 4/у се

Выполн. акт в 1928 г. 11/12/28

Врач: *И. С. Николаев*

Лечащий врач: *И. С. Николаев*

Домашний врач: *И. С. Николаев*

АНАМНЕЗ:

1) Воспитанник

2) Воспитанник в лагере с 1925 г. белой повязкой

3) Впервые заболел тифом 15/12/28

АКТ № 102

1926 года 12/30

Мы нижеподписавшиеся

Лечащий Врач *И. С. Николаев*

Заблазаренный Врач *И. С. Николаев*

Домашний по Лазарету *И. С. Николаев*

Составили настоящий акт в 6-ти экз. в том, что находящийся на назначении в Лазарете УСЛОН ОГПУ заключенный *И. С. Николаев* в 41 лет от роду умер в 80 час. 30 мин. 30 сего 12/30

Смерть последовала от *туберкулезной инфекции*

1926

Мы возвращались с работы промокшими и озябшими. Снять приходилось в непросохшей одежде, разношенная казенная обувь — знаменитые соловецкие «коты», скроенные из старых брезентовых рукавов и шин — не спасали от грязи и талого снега, а месить их доставалось целый день. В роте, где нас было несколько тысяч, становилось все больше лихорадящих, бредящих, горячечных. Очень скоро узналось, что заболевают не воспалением легких и простудой, а валят людей с ног исконный спутник нищеты, скученности и грязи — сыпной тиф. Завезенный с материка, он быстро распространился: все мы подолгу не были в бане, забыли про чистое белье и, конечно, обовшивели. Между тем в эти последние дни перед закрытием навигации с материка засылали новые и новые партии заключенных. Остров превратился в серый, смрадный, кипящий бедлам.

Нечего говорить, что к борьбе с эпидемией Соловки никак не были подготовлены. Сынник косил эсков невозбранно. Растерянное начальство прибегало к непродуманным, торопливым мерам, подсказанным более опытом тюремщиков, нежели знаниями.

Нас запирали в помешении, никуда не выпускали, но на парах продолжали бредить и умирать — приходилось выпускать в общине уборные, в столовую за хлебом.

И объявленный накануне строгий карантин на следующий день отменялся; нас сортировали заново, перетасовывали, куда-то кого-то отправляли. Потом у входа снова устанавливался пост, не выпускавший одних, разрешавший

Захоронения, вскрытые вблизи южной стены Кремля в 1975 году при строительстве жилого дома на территории бывшего лагерного кладбища

(по благу!) отлучки другим, и смертность все росла и росла.

Кстати сказать, в этот период мы вовсе не видели начальства. Напуганное заразой, оно пряталось от эсков и выработывало непослдовательные меры собственной безопасности.

Из воспоминаний Ф. Олехновича

Братские могилы на кладбище оказались полностью забиты трупами. В ближайшем лесу выкопали новые рвы, куда ежедневно сваливали десятки тел, а в подвале лазарета скопилось множество умерших, так как не успевали вывозить

их. Сначала мертвым вешали на шею опознавательные таблички, но вскоре приказали санитарам смачивать животы умерших и химическим карандашом записывать на них имя и фамилию, чтобы выздоравливающие «долгосрочники» не

912 №

АНТ № 152

1937 года

Отделение ББВЛ № 2 ЗАПУВУТ Курд-Очирки

Имя, фамилия, отчество, наименование должности, специальности, профессии, образования, квалификации, опыта работы

Михайлов Петр Александрович

АНТ в том, что срок заключения с 12 мая 1937 г. в 15 часов и минут устроил

Категория по заключению и условностям: стационар заключенный

Михайлов Николай Александрович

поступивший на заключение 22 августа 1937 г.

Знакомый Фрол 48 лет от роду

в тюрьме в ББВЛ № 2 Соловки 1937 года под охранением Д. 2. П. 4

№ 514/37 от 22.08.37 ст. 58, п. 5

1937 года

АНТ № 160

Отделение СБВЛ № 1 Командирская

Имя, фамилия, отчество, наименование должности, специальности, профессии, образования, квалификации, опыта работы

Сидоров Александр Иванович

АНТ в том, что срок заключения с 10 мая 1937 г. в 10 часов и минут устроил

Категория по заключению и условностям: стационар заключенный

Сидоров Александр Иванович

поступивший на заключение 10 мая 1937 г.

Знакомый Фрол 61 лет от роду

в тюрьме в ББВЛ № 1 Соловки 1937 года под охранением Д. 2. П. 4

№ 514/37 от 10.05.37 ст. 58, п. 5

Акт о погребении № 20

1942 г. 10 числа 10 дня. Мы нижеподписавшиеся: Сержант Александр Иванович санитар (дежурный, стационар, медпункт) Сержант Алексей Михайлович стрелок отряда ВОВР составили настоящий акт в том, что тело умершего в Лагере № 1 зака. № 1 похоронено в траншею № 1. Тело умершего охото А. Шестаков в траншею № 1 груди положена фанерная доска.

Настоящий акт составлен в 3-х экземплярах, один из них приложен к акту о смерти, другой находится у дежурного и 3-й направлен в санчасть отделения.

Зам. нач. Сержант Заг. санитар Сержант ВОВР

1001-1009

смогли перенести на умершего «краткосрочника» свои «установочные данные».

С прекращением навигации заключенных со скарбом, роту за ротой, выгоняли во двор, полы шпарились, мылись и дезинфицировались. Поголовно всех остригли и еженедельно гоняли в баню, где меняли нижнее белье, а верхнее сдавали в вошебойку.

В помощь Санчасти для проверки на вшивость назначали «сантройки», и если они находили на ком-нибудь насекомых, то вся рота маршировала в баню.

Из воспоминаний Н. Жилова

Ликвидировать вшивость среди массы заключенных, не имевших сменного белья, не представлялось возможным. Больше хлопоты доставляла непрерывная работа бани и дезокамеры. Серная дезокамера должна была работать круглосуточно, но не хватало серы. В СССР своей серы не было — она привозилась из Италии, с острова Сицилия, за валюту, поэтому возникали

перебои со снабжением серой «вошебок». В поисках выхода мне удалось для дезинфекции одежды добиться получения со склада охраны хлорпикрина (боевого отравляющего вещества удушающего действия), но вещи заключенных, обработанные этой отравой, приходилось потом сутками проветривать. Однако благодаря принятым мерам эпидемия тифа пошла на убыль.

Огромные братские могилы-ямы под кремлевской стеной. Между стеной и женбараком... В них сваливали мертвецов. Конечно, выбивали зубы с коронками, все, как полагается, раздетыми догола...

О. Волков

Большая Муксалма находится в десяти верстах от Кремля по дороге мимо Биосада и торфоразработок. Начальником командировки был вольный чекист Чигров Василий Ефимович, заведующий хозяйством был Шанлис, его помощником — Кашинский, заведовал электростанцией — Калебащенко. Во время нахождения в больнице я слышал от медперсонала, что на Большой Муксалме за зиму 1928 года умерло две тысячи сорок арестантов. На Большую Муксалму каждую осень отправлялись собранные по всему Первому отделению инвалиды, которых нельзя использовать на Соловках в Кремле еще и потому, что они были бедны, а посему раздеты, так как никакой поддержки с воли не имели и, естественно, дать взятки не могли.

Взятки на Соловках очень развиты. От них часто зависела дальнейшая судьба, да и сама жизнь. Богатые арестанты еще могли устроиться за взятки в Шестой сторожевой роте, где большинство составляли священники, охраняв-

шие склады, дефхаузы и огороды. Те, кого отправляли на Большую Муксалму, знали, что их дни сочтены, что зимой они умрут. Обреченных загоняли на двухэтажные нары по сто человек в комнату площадью девять квадратных сажень. Утром выдавалось по три четверти фунта некропеченного хлеба, в обед — постный суп с рыбными косточками. Вечером жидкая кашлица, не более трех столовых ложек. Весь день сидят взаперти. Обед приносят в больших ушатах и едят из общей чаши. На работы иногда посылают — сбор грибов, ягод или разных трав, которые собираются экспортировать за границу. Осенью гоняют рыть ямы, чтобы не кончат могила зимой, когда земля смерзнется. Ямы роют большие — человек на шестьдесят—сто каждая. От снежных заносов ямы прикрывают досками. С наступлением осенних холодов и распутицы ямы начинают запоминаться сначала теми, у кого большие легкие, а потом идут и остальные. К весне мало кто остается в живых...

Инвалидная лагерная командировка на острове Большая Муксалма. Многие выжившие во время эпидемии умирали затем от тяжелых условий в командах выдорабливающих.

М. Никоноб

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Совершенно фантастические, чудовищно нелепые обстоятельства, грозящие мне гибелью, заставляют меня обратиться к Вам за помощью. Мне уже неоднократно приходилось обращаться за помощью к Вашим книгам: то было в моменты усталости и неверий. На этот раз мне, к сожалению, приходится беспокоить Вас лично. Мне 23 года. Я — начинающий писатель. Я вырос в годы Революции и был, по-своему, счастлив. Революция мне открывала сказочно-радостные пути для новых, еще не изведанных форм творчества. И я работал, ища их. Иногда, кажется, удачно...

19 декабря 1927 года я был арестован Ростовским ГПУ, мне была предъявлена статья 58, п. 4 — участие в контрреволюционной организации. Я отнесся к этому более или менее спокойно, ожидая, что следствие выявит мою полную непричастность к этой неведомой мне организации, но следствия не было. На единственном пятиминутном допросе я так и не понял, в чем меня обвиняют... Семь месяцев я ждал дальнейших допросов, но их не было...

Дорогой Алексей Максимович! Я в отчаянии, я не знаю, что делать, кому взывать о помощи. Получив пять лет Соловков, я не имел ни следствия, ни суда, на котором мог бы доказать свою невиновность. До сих пор не знаю, за что осужден, какое мне инкриминировалось преступление, к какому времени оно относится, на основании каких данных я осужден? За что и ради чего я должен погибнуть? Да и не я один. У меня есть мать, у которой я — единственный сын и которая остается совсем одна. Отец мой умер. У меня туберкулез легких, и Соловки будут, безусловно, моей последней поездкой. А главный ужас всего этого в том, что это никому не нужно. Государство посылает на гибель человека, искренне ему преданного и ни в чем пред ним неповинного. Кому нужна моя ничем неоправданная гибель?

Родной Алексей Максимович, умоляю помочь мне. Всякая проверка следствия, всякий обстоятельный допрос сейчас же снимут с меня грязную кличку контрреволюционера и спасут меня и мать. Простите меня, дорогой Алексей Максимович, что я беспокою Вас этим письмом, но жалко и позорно погибнуть 23-х лет, когда еще ничего не сделано, но столько задумано, и столько хочется сделать.

Мне очень стыдно беспокоить Вас, дорогой Алексей Максимович, но умоляю: помогите мне, если это возможно.

Уважающий Вас
Юрий Казарновский

7 июля 1928 года.

Из воспоминаний М. Никонова

Мы шли исполнять обязанности лошадей, а поэтому назывались «ВРИДЛО». Для каждой группы из пяти человек, впряженных в сани веревочными лямками, был задан урок одной лошади...

Уложив в сани лошадиный груз кирничка, «запряжка» тронулась. Впереди всех тянул уругваст

Вильям Брот, который после года одиночки работался каторге... Но поэт Ярославский, идущий справа, вскоре взмолился:

— Полождем здесь немного — ноги не идут...

— Что встали? — орет сзади старший. — Попли! Попли!

Скоро, однако, и мы выбились из сил. У меня от натуги звенело в ушах, а перед глазами заходили черные круги...

— Даснь дальние! — орет старший. Опять лямки натягиваются, скрипят полозья, и скоро от нас начинает валить пар, как от настоящих лошадей.

Выписка из протокола Центральной Аттестационной Комиссии УСАОНа о плохой работе лагерного ВРИДЛО (Временно Исполняющий Должность Лошади, лаг. жаргон) — бывшего редактора журнала «Бессмертие», поэта Александра Ярославского

По дамбе, соединяющей Большой Соловецкий остров с Большим Мухомовским, ходили ВРИДами мои одноклассники Эдуард Розенберг, Володя Раков и другие. Их запрягали в сани с грузами и тапи по снежным заносам десять километров в Кремль...

Д. Лихачев

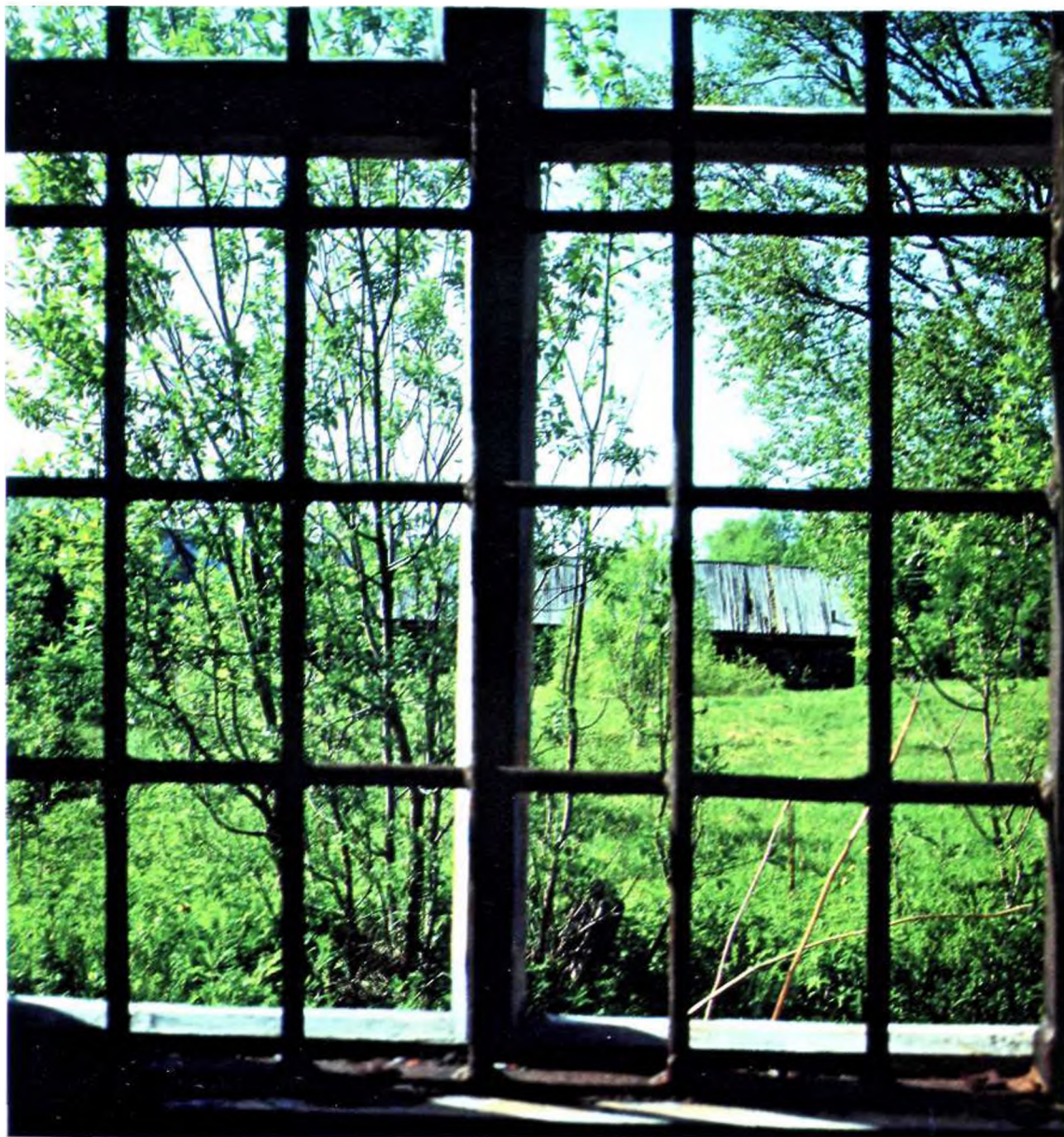
Соловецкий Кирпичный завод

Из воспоминаний М. Никонова

...Однажды ночью нашу большую партию обоза «ВРИДЛО» подняли, заставили собрать вещи и повези куда-то в сумрак. Мы шли по грязной скользкой дороге, по болоту и лесу, пока не вышли на поляну. Стало уже светать. В серых зданиях, выступивших из полумрака, я узнал Кирпичный завод. Нас привели в новый дощатый барак и положили на полу — топчаны еще не были сделаны. От «дошадиной работы» мы были, так сказать, отпущены в запас до будущих снегов... Я был рад исходу из мрачного Кремля, рад солнечным лучам и полярной весне...

Весна на Соловках наступает внезапно. Световой день в это время здесь — круглые сутки, и рост растений на ночь не приостанавливается. Оттого лиственные деревья и кустарники распускаются, как по маговению волшебного жезла. Просыпаешься, а заросли карликовой березы на фоне белых моховых подушек нежно зеленеют свежими, только что развернувшимися листочками. Впрочем, как выяснилось, все это мы видим только по дороге из барака на завод.

Нам не до внешних чудес природы. Утром в шесть часов подъем, в половине седьмого — по-

Окна барака на территории Кирпичного завода

верка, в семь без четверти — развод. Мы выходим к низенькому одноэтажному зданию, где живет заведующий Кирпичным заводом — инженер из заключенных. Становимся. Перед строем появляется заведующий командировкой — стрелок-охранник. На приветствие этого человека, могущего совершенно безнаказанно убить любого из нас, как собаку, отвечаем обычным «Здра!» Если имеются какие-либо приказы или постановления Информационно-Следственного отдела о расстрелах, стрелок их перед строем вычитывает, затем скажет несколько наставительных в

компартийном духе фраз и уходит. Место начальника занимает старший десятник. Он выкликается фамилии по наряду, составленному накануне. Как скоро набирается группа, десятник объявляет, куда ей идти и что делать. Работа здесь без часов — на целый день. Сутки в ней тянутся, как тяжелый сон. Все время распределено на непрерывную работу. На отдых дается так ничтожно мало, словно нарочно для того, чтобы мы не успели прийти в себя и оглядеться.

Я поставлен на механическую выделку кирпича. Большая машина, похожая на утермарковскую печь, гонит длинную глиняную ленту на аппарат для резки кирпича. Мой напарник — уссу-

рийский казак — режет ее особым прибором, а я, надев на руки деревянные «хватки», быстро убираю отрезанные им кирпичи в вагонетки. Без перерыва работает движимая мотором машина; нагруженные вагонетки укатываются прочь, на их месте появляются пустые. Здесь не только задуматься, а на секунду-другую зазеваться нельзя: пропустишь момент уборки кирпича — я обязан снести девять тысяч кирпичей. Иногда это берет десять часов, иногда двенадцать и больше.

Круглые сутки машина идет на двух сменах. Особенно тяжело во второй смене. Всю ночь проработав около гудящей машины, поутру, когда большинство заключенных еще только отправляется на работу, едва жив, бредешь смывать едущую пыль к торфяному озеру подле нашего барака...

Мой компаньон, подполковник Емель Константин Людвигович, работает на откатке вагонеток. Он благополучно выбрался из Секирного изолятора, повозил грузы в качестве ВРИДЛО и теперь переведен на Кирпичный завод. Наши постели рядом, невдалеке же помещается Иван Александрович Офросимов, а рядом с ним — кавалерист и ярый лошадиник Осоргин. Иногда к

ним приходит плотный, немного выше среднего роста моряк с длинными рыжими усами и серыми глазами. Он обычно садится на топчан Офросимова, и они беседуют по-французски.

— Кто это, Иван Александрович?

— Моряк. Адмирал. Из Кремля.

— Что нового в Кремле?

— На Соловки ждут Максима Горького.

...Мы радостно встретили это известие, радостно сообщали друг другу о воскресших надеждах на избавление. Певец «Буревестника», конечно, заклеит палачей и скажет свое веское слово за нас, угнетаемых и истребляемых палачами. Горький не кто-нибудь — он босяк, его не проведешь на туфте, он все увидит, все обличит...

И вот дождался... Я с волнением ждал прихода Горького. Вот он уже близко. Жадно всматриваюсь в это лицо, изборожденное глубокими морщинами, в глаза, поглядывающие из-под наспущенных бровей. Его не надуют. Нет, он увидит и поймет наши невыносимые страдания! И уж, конечно, к его слову прислушаются все: оно ведь звучит на весь мир. Не может быть, чтобы он покрыл здепние злодеяния. Не может быть,

Пролетарский писатель Максим Горький со своими родственниками и сотрудниками ОГПУ на палубе лагерьного парохода «Глеб Бокий» у причала Управления СЛОНа. 20 июня 1929 года

чтобы его совесть промолчала при зрелищах неслыханных преступлений, творимых чекистами. Неужели он закроет глаза и заткнет уши — не захочет видеть, не захочет слышать?

В коридоре висела «стенная газета». Соль номера этой газеты была в карикатуре юмористического отдела, выполненной даровитым художником из заключенных. Рисунок изображал бегущего влопыхах «парашника» (в лагере «параша» — не только емкость для испражнений, но еще — слух, сплетня) и спокойно стоящего зрителя-заключенного.

Парашник: «Горький приехал!»

Зритель: «На сколько лет и по какой статье?»

Горький почитал стенгазету и шутливо похлопал по плечу стоявшего рядом с ним чекиста. Груша направилась к ним. Во главе шел один из заезжих палачей — Глеб Бокний, постоянный инспектор Соловецкого лагеря, член Коллегии ГПУ, отправивший на тот свет бесконечное количество людей. Среди сопровождающих мелкими начальниками лагеря Ногтев, его помощник Мартинелли и еще несколько второстепенных чекистов. Грушу замыкали молодой Максим

Пешков (сын Максима Горького) с женой. Оба были в кожаных чекистских куртках и имели веселый вид, очевидно, экскурсия их забавляла.

Горький поравнялся с нами... и прошел дальше немного развалистой походкой, покуривая и покашливая. И все... Позже писатель отправился пешком по лесной дороге в Соловецкое пушное хозяйство. Здесь, на пути, его подстерел и перебил топограф Ризабейли⁴. Он вышел из чащи неожиданно для чекистов и, уйдя с Горьким вперед, рассказал ему о многом, что творилось в лагере. Улучив минуту, Ризабейли опять юркнул в кусты. Воображал, была ли была, но он сделал свое дело: открыл глаза Горькому на соловецкую правду и предостерег его от чекистской туфты.

На электростанции начальник, известный инженер из заключенных, не убоясь чекистов, обратился к Горькому в их присутствии со слезами, умоляя о защите. И еще шестеро заключенных, один за другим, находили случаи проникнуть к писателю, чтобы осветить перед ним с возможной полнотой чекистские преступления. Так что туфта-туфтой, но Горький правду видел и был осведомлен обо всем.

Престарелый писатель Максим Горький с родственниками и сотрудниками ОГПУ на опушке леса близ Рабочего Городка за бараками заключенных Свободной роты и Трудколони

Были случаи самоубийств заключенных, отправляемых на Секирную гору. На это решились наказанные годом штрафизолятора, ибо мало надежды увидеть в живых за год пребывания на Секирке.

И. Зайцев

Из воспоминаний Д. Лихачева

Когда он приехал на Секирную гору в карцер, где творился самый ужас, где на «жердочках» сидели люди, то на это время «жердочки» там убрали, на их место был поставлен стол, а на столе разложены газеты. И было предложено заключенным делать вид, что читают газеты — вот как в карцере перевоспитываются! Заключенные же нарочно стали держать газеты наоборот, вверх ногами. Горький это увидел. Одному из них он повернул газету правильно и ушел. То есть дал понять, что разобрался, в чем дело.

Лагерный староста СЛОНа Вильгельм Канэп, бывший латышский стрелок и сотрудник ОГПУ

Уамэя

Из воспоминаний Н. Дормидонтовой

В один из моих приездов на свидание к мужу случилось событие — Соловки посетил Горький. К встрече готовились тщательно и заблаговременно.

Красили, мыли, перепашали кое-где землю и воткнули таблички с указанием, якобы, засеянных культур. В Рабочем Городке сделали «аллею» из спиленных в лесу елей.

Женам, прибывшим в это время на свидания, запретили выходить из дому, а заключенным — обращаться к высокому гостю с заявлениями... Однако несколько узников рискнули вручить Горькому свои прошения, но эти бумаги оказались потом в руках чекистов, сопровождавших писателя, а дерзкие «нарушители режима» жестоко поплатились...

Из воспоминаний Н. Жилова

Не могу не отметить гнусную роль, которую сыграл в истории лагерей смерти Максим Горький, посетивший в 1929 году Соловки. Он, осмотревшись, увидел идеалистическую картину райского жития заключенных и пришел в умиление, морально оправдав истребление миллионов людей в лагерях. Общественное мнение мира было обмануто им самым безвзвешенным образом.

Политзаключенные остались вне поля зрения писателя. Он вполне удовлетворился сусальным пряником, предложенным ему, Горький оказался самым заурядным обывателем и не стал ни Вольтером, ни Золя, ни Чеховым, ни даже Федором Петровичем Гаазом⁹⁵...

Из материалов следственного дела № 877

Помню случай, когда приехал в Соловки Максим Горький с рядом лиц из Центра. Они были на Секирной горе и там оставили свою заметку в контрольном журнале при начальнике Секирной горы Сурикове. Кто-то из начальства ОГПУ Москвы отметил: «При посещении мною Секирной нашел надлежащий порядок». А Максим Горький ниже приписал следующую фразу: «Сказал бы — отлично» и его подпись⁹⁶.

*Канэп В.Э.
лагерный староста СЛОНа*

Пролетарский писатель Максим Горький со своими родственниками и сотрудниками ОГПУ на Секирной горе вблизи места массовых расстрелов соловецких заключенных

Чеховский Вадим Карлович, поляк, 27 лет. Расстрелян в ночь на 29 октября 1929 года.

...Беспартийный. Люблю свободу и желаю ее человечеству в возможно полной степени. Абсолютной свободы, а не насилия единицы над массами. Только в этом вижу залог счастья.

В. Чеховский

Из воспоминаний О. Волкова

Я был на Соловках, когда туда привозили Горького. Раздувшийся от спеси (еще бы, под него одного подали корабль, водили под руки, окружили почетной свитой), пронес он по дорожке возле Управления.

Глядел только в ту сторону, какую ему указывали, беседовал с чекистами, обряженными в поехонькие арестантские одежки, заходила в казармы вохровцев, откуда только-только успели вынести стойки с винтовками и удамить красноармейцев... И восхваляла!

В версте от того места, где Горький с упоением разыгрывал роль знатного туриста и пускал слезу, уминаясь людям, посвятившим себя гуманной миссии перевоспитания трудом заблудших жертв пережитков капитализма, в версте отсюда, по прямой, озверевшие надсмотрщики были наотмашь палками, вираженными по восьми и десяти в груженные долготьем санки, истерзанных, изможденных инграфиков — польских военных. На них вывозили дрова. Содержали поляков особенно бесчеловечно.

Из материалов следственного дела № 747/Г

... Ответьте мне, Алексей Максимович, Вам, старику, которого я хотел бы уважать, посвящая я эти показания. Много разного слышал о Вас. Вы для меня символ ГПУ, партии и власти — символ Сфинкса. И этого Сфинкса я вопрошаю: «Сфинкс, кто ты? Палач, злодей, лайка насильников, лжецов и карьеристов или суровый страж Порога, разящий недостатки перед новой и светлой эрой человечества?»

С тюрьмы и до концлагерей — все время я видел вопиющие несправедливости. Более половины осужденных по 58-й статье не знают, за что они подвергнуты наказанию. А сосланные в другие лагеря? Сибирь? Тюрьмы? Четыре-пять миллионов высланных из ста сорока миллионов населения... А люди, возвращающиеся в Соловки со вторым сроком по прежнему делу? А получившие второй срок без перерыва за одну твердость и честность убеждений? А лесозаготовки — обмороженные, раздетые, саморубы, расстрелянные, беглецы? А расстрел политических заключенных? А сорокасемидневная голодовка мусаватов? А побои? А мат? А стукачество, столь часто лживое и не всегда наказуемое? И многое, многое без конца...

А ведь заключенные власти верили... Многие говорили, с несомненной искренностью, что не виноваты, но теперь некоторые начали говорить, как и я: «А жаль, что не виноваты».

Много несправедливости, Алексей Максимович, много больше, чем Вы думаете, надлежит исправить. Еще не очищены Ваши ряды, много лишней крови пролито, той крови, которая могла бы литься за Вас, в Вашей борьбе за правду, а льется против Вас и ставит в ряды врагов новых и новых измучившихся, отчаявшихся и недовольных. А что сильнее силы, которую рождает отчаяние?

Слабого пытка ломает и обезличивает. Если Вам нужны рабы в системе государственного рабовладения — фабрикуйте их в концлагерях, но помните, что сильного пытка не ломает, а закаляет.

На кого Вы ориентируетесь, Алексей Максимович? На раба, подлеца или рыцаря?

Шила в мешке не утаишь. Уничтожения заключенных — тоже не скроешь...

В. Чеховский

Вот каким образом я стал отчаянным, но неудавшимся «контрреволюционером». Стал им, не скрываю, недавно и сожалею, что не был им тогда, когда мне дали 58/4⁹⁷ и пять лет концлагеря. Вот почему я крикнул на одном из допросов в Москве в лицо следователю:

— Не я контрреволюционер, а вы! На вашем месте сидит самая настоящая контрреволюция. Вы плодите вражду! Вы озлобляете против вас именно тех, кто любит свободу и встал бы в ваши ряды!

Вот почему я позже, уже в концлагере, искренне говорил:

— Нет более контрреволюционного учреждения, чем ГПУ, никто более него не трудится на пользу создания новых врагов власти. Будьте осторожны, не сейте контрреволюцию чрезмерными репрессиями, даже шпаненок не забудет такого никогда. Шила в мешке не утаишь. Уничтожения заключенных — тоже не скроешь...

Вадим Чеховский
14 сентября 1929 года

Максим Горький и начальник Спецотдела при ОГПУ Бокий Г. И. в лагерьном отделении на о. В. Мужалма.

Рядом со мной сидит человек из породы революционеров — большевиком старого несокрушимого закала. Я знаю почти всю его жизнь, всю работу, и мне хотелось бы сказать ему о моем убеждении к людям его типа, о симпатии лично к нему...

М. Горький. «Соловки»

Из воспоминаний Г. Андреева

Окруженный чекистами, Горький с сыном и невесткой сойдет с парохода, приехавшие и встречающие усядутся в блестящие лаком коляски. По пути будут стоять махальные — паны властители — старосты и командиры рот: при

приближении экипажей они будут давать сигналы дальше, чтобы впереди успели убрать с дороги все, могущее оскорбить глаза приехавшего.

В театре во время антракта писатель улизнет от чекистского окружения: выйдет в убор-

ную, где поменяется и куриака. С папиросою он встанет у стены, близоручко прищуренно смотря на заключенных старчески беспомощными глазами. Расторопные заключенные будут совать ему в карманы записки, в которых изложена правда о Соловках. Горький, смущенно улыбаясь, положит руки в карманы, засунув бумажки поглубже.

Ночь он проведет в колонии малолетних преступников. Заведующего колонией, старого большевика Кожевникова, моего друга, который именно в это лето сойдет с ума, Горький по-

просит удалиться, чтобы остаться с малолетними наедине... На другой день он уедет на материк, в Москву, в мир, увозя с собой и показанное чекистами, и услышанную правду. Многие заключенные будут ждать в смутной надежде: Горький — Буревестник, знает правду!

Потом в московских газетах появится статья Горького, в которой он скажет, что Соловки — это почти земной рай и что чекисты хорошо управляют преступников. Множество гневных проклятий родит эта статья, и во многих душах наступит прояснение...

Сувенир-шкатулка — памятный подарок администрации СЛОНа писателю Максиму Горькому.

Подделки изготовлялись главным образом из икон. Иконы XVI и XVII веков, хорошо выделанные, прекрасно шли на шкатулки.

Д. Лихачев

Фрагмент шкатулки, подаренной Максиму Горькому, с текстом: «Остров Соловки. 19-20/VI-29 г.» и изображением Кожаной башни, возле которой был морг, где в год приезда предетарского писателя складывали тела заключенных, умерших во время эпидемии тифа

Журнал «Наши достижения»
№ 5—6, 1929

СОЛОВКИ

...Я не в состоянии выразить мои впечатления в нескольких словах. Не хочется да и стыдно было бы впасть в шаблонные похвалы изумительной энергии людей, которые, являясь зоркими и неутомимыми стражами революции, умеют вместе с этим быть замечательно смелыми творцами культуры.

...В Союзе Социалистических Советов признано, что «преступника» создает классовое общество, что «преступность» — социальная болезнь, возникшая на гнилой почве частной собственности, и что она легко будет уничтожаться, если уничтожить условия возникновения болезни — давнюю, прогнившую, экономическую основу классового общества — частную собственность...

Совнарком РСФСР постановил уничтожить тюрьмы для уголовных в течении пяти лет и применять к «правонарушителям» только метод воспитания трудом в условиях возможно широкой свободы. ...Рабочий не может относиться к «правонарушителям» так сурово и беспощадно, как он вынужден относиться к своим классовым, инстинктивным врагам, которых — он знает — не перевоспитаешь. И враги очень усердно убеждают его в этом. «Правонарушителей», если они люди его класса, — рабочих, крестьян — он перевоспитывает легко.

Мне кажется, вывод ясен: необходимы такие лагеря, как Соловки... Именно этим путем государство достигнет одной из своих целей: уничтожение тюрьмы.

М. Горький

На Овсянке стояли три барака для заключенных и бывшее монастырское здание — для надзирателей. Начальствовал там чекист Ванька Потапов. Никто из присланных к нему не возвращался. Люди замерзали на непрерывной, без отпуска в барак, работе в лесу или рубили себе руки и ноги, или становились под падающую сосну, или вешались на деревьях, или Ванька Потапов убивал их в пылу гнева палей, пытками, прикладом, донося ИССО, что «заключенный пытался обезоружить конвой и бежать».

Находясь вблизи Овсянки и не вполне веря в рассказы о зверствах Потапова, я решил узнать правду на месте.

— Командировка, смирно! — заорал Потапов, увидев меня подъезжающим.

— Товарищ Уполномоченный, — обратился он ко мне, — на командировке все благополучно. Вчера в лесу загнулись восемь «шакалов», о чем донесено рапортом...

Получив нужные сведения, я хотел уезжать, но Потапов предложил мне посмотреть его «шакалов». В большой яме у барака № 2, при-

крытой заснеженными досками, по словам Потапова, лежали четыреста «шакалов». Вызванный им «адьютант» — хилый подросток, одетый в два грязных мешка, сбросил доски и открыл груды мертвых голых тел.

— Немного дальше есть еще одна яма. Хотите посмотреть? Там поменьше... — Я отказался.

— Ну, тогда покажу вам «шпанские ожерелья», — сказал он со странной улыбкой. И действительно, показал.

По обеим сторонам дверей каждого из трех барачков я увидел «ожерелья» из отрубленных пальцев и кистей рук, нанизанных на шпагат.

— Пожадуйста, уберите «ожерелья», Потапов, — сказал я, — на днях помощник начальника лагерей должен объезжать командировки, может выйти неприятность. (Хотя я знал, что и сама Лубянка без внимания к таким вещам).

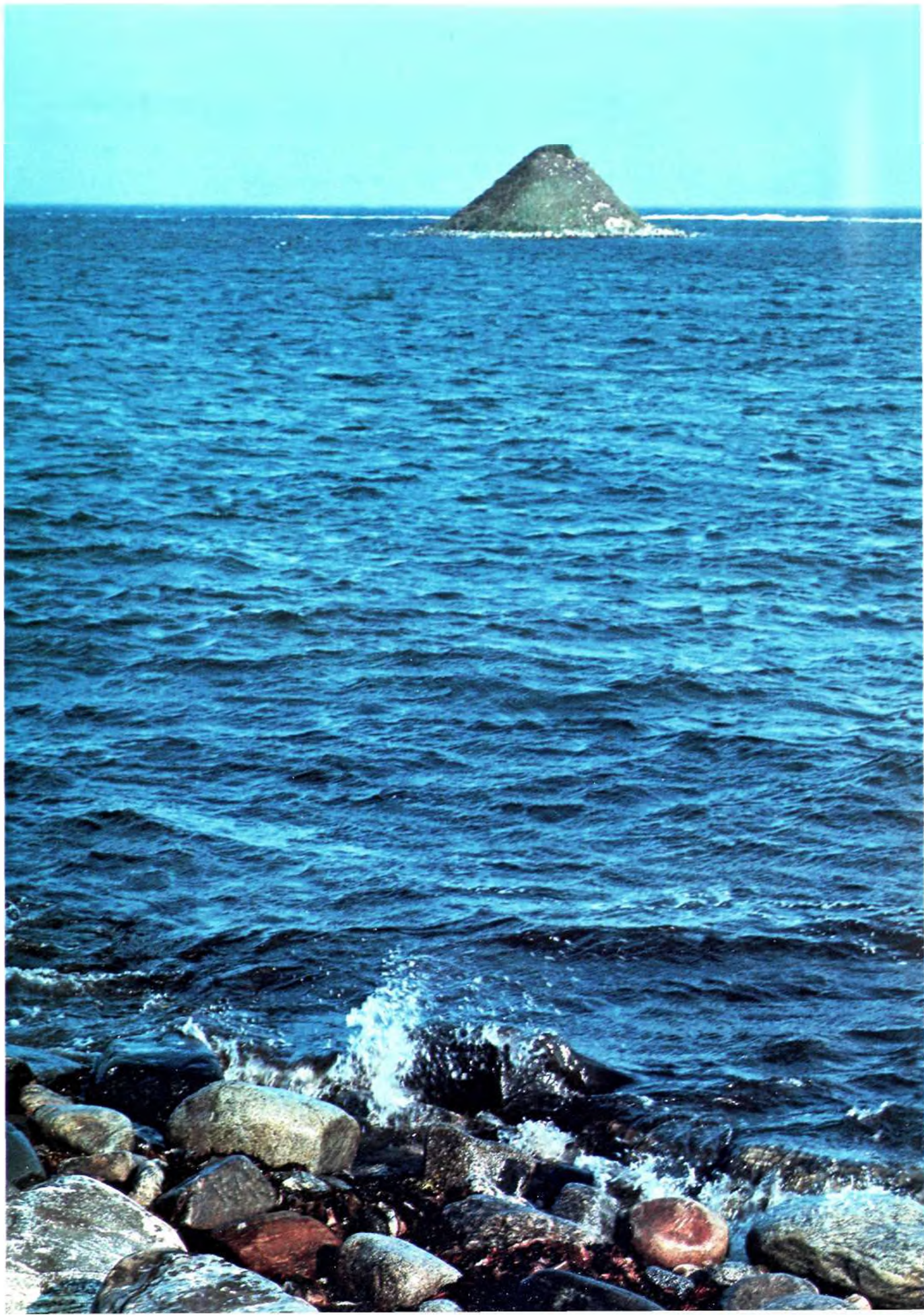
— Товарищ Мартинелли знает об этом! — поспешил меня успокоить Потапов, — я был в Управлении с докладом и упоминал про «ожерелья». Он одобрил и сказал, что от этого шпана будет меньше рубить себе руки.

Заместитель начальника УСАОНа Мартинелли А. Я., престарелый писатель Максим Горький, начальник Спецотдела при ОГПУ Бокий Г. И., начальник УСАОНа Нотев А. П. и заблудивший центральным складом САОНа Полозов И. М. в солобечком лесу

Изба в пункте Старые Городки. Рисунок заключенного Павла Семёнова Казарниоба. 1934

ПРОЩАНИЕ С ИЗБОЙ «ГОРОДОК»

Тебе, прокопченной избе косарей,
Я кланяюсь низким поклоном
За черную стену декабрьских ночей,
Молчанья пропизанных звоном.

За шум исковерканных ветром берез,
Замученных нордами елей,
За редкое солнце, за крепкий мороз,
За арии диких метелей.

За первые капли дождя на крыльцо
В тумане весеннего пара,
За ветер колдочный, покрывший лицо
Кориценовой маской загара.

За стоны приливом изломанных льдин,
За дни без ночей и рассвета,
За первые почки у нежных осин,
За ласку короткого лета.

Старые Городки (Архив), 1934

За то, что среди оскорбленных святых,
Не ведая горькой утраты,
Святых далеких, безлюдных пустынь
Доселе одна сберегла ты.

Я ей поклонился под кровлей твоей,
Курная изба стариков косарей.

М. Фроловский. 1927 год

Бакко в бытность его младшим надзирателем роты-ка
М. Городки занимался публицистикой. Этот слух
дошел до Привалова, который в присутствии
закл. Теплоухова (находился на п. Анзер) спросил его
правда ли что Бакко бьет? Бакко ответил: „ так
точно бью, т.к на ком-ке нет карцера и других мер
воздействия в его распоряжении нет.“ Привалов сказал
„ Ладно бей, но только поаккуратней!“

Из показаний на допросе старшего надзирателя Первой роты
лагпункта Анзер Белова-Штильмарка Р.Р.. Дело № 885

Бакко в бытность его младшим надзирателем командировки Новые Городки зани-
мался избежаниями. Этот слух дошел до Привалова, который в присутствии заклу-
ченного Теплоухова (находится на пункте Анзер) спросил его, правда ли, что Бак-
ко бьет? Бакко ответил: «Так точно, бью, так как в моем распоряжении нет кар-
цера и других мер воздействия». Привалов сказал: «Ладно, бей, но только поак-
куратней!»

История Анзерского Чуда восходит к восемнадцатому веку. Предстало инокам чудесное видение... Появилась Божия Матерь, сопровождаемая преподобным Елизаром, и сказала: «Гору сию нареките Голгофой, потому что со временем ей надлежит стать неисчислимым кладбищем. На вершине ее постройте храм в честь Страстей Господних. Я же вовеки пребуду на месте сем...»⁹⁸ Монахи поняли слова Божией Матери как повеление сделать на горе монастырское кладбище и в течение двух столетий хоронили братию по склону горы. И только теперь, когда Соловки стали лагерем, знавшие предание об Анзерском Чуде, усмотрели в словах Божией Матери пророчество — по распоряжению лагерного начальства захоронения монахов сровняли с землей, а весь

склон изрезали траншеями, в которых находили себе братские могилы умиравшие на Анзере заключенные соловчане. Смертность в лагере была высокая — вскоре вся гора, от вершины до основания — стала сплошным захоронением. Кладбище действительно оказалось «неисчислимым», а гора — подлинной Голгофой. Деревянная церковка с чешуйчатым куполом, построенная на склоне горы на месте явления Божией Матери, служила теперь карцером, а в Голгофском храме был инфекционный барак.

Каждую весну вся гора покрывается синими незабудками. Рассказывают, что цветы эти появились здесь впервые со времени Чуда и в этом усматривалось подтверждение обещания Божией Матери «вовеки пребывать на месте сем».

Из воспоминаний о. Доната Новицкого

В двенадцать часов ночи мы прибыли в главный лагпункт острова Анзер и оттуда сразу отправлены дальше. Я был крайне утомлен, так как с семи утра находился в постоянном нервном напряжении, за это время ничего не ел и уже прошел семнадцать километров, но пришлось вновь взять в каждую руку по чемодану весом десять—пятнадцать килограммов и идти с

этой ношей еще пять километров. Каково же было мое удивление и внутреннее волнение, когда оказалось, что командировка, куда меня пригнали, носит прекрасное название Голгофа! Сердце тяжелым молотом билось в груди, казалось, уже нет сил для подъема на вершину, а в душе царило невыразимое состояние, и я чувствовал близость распятого Спасителя.

Рисунок заключенного Пантелеймона Казаринова

Из воспоминаний М. Никонова

...Проверок на Голгофе никаких... Бесполезное дело — не выстроить. Большинство на ногах не стоит от цинги. Ротный каждый день приходит и заставляет всех лечь. Потом считает по ногам. Сколько пар ног, столько и пайков хлеба, супа и каши. Иной день ротный придет и начнет нюхать воздух. «Опять, — говорит, — вы мертвецов тут держите!» Начнет искать по запаху трупному и найдет пугук пять—шесть мертвецов...

Живые спят с мертвыми и получают их пах. Начнут санитары стаскивать мертвецов с нар, некоторых просто за ноги волокут — только башка по полу стучит.

Братские могилы там полны телами погибших. Подвозят мертвецов в ямы каждый день, и, конечно, всю зиму эти полные трупами ямы не закапываются. Вот представьте себе такие ямы, наполненные голыми, застывшими трупами. Кругом бегают псы. Что им искать мышей и всякую мелкую живность, коли тут столько человеческого мяса?

Интерьер храма на Голгофе — Вторая рота (1929–1930) лагпункта Анзер VI Отделения САОНа

Новицкий Донат Гильярович (1893–1971), окончил Петрозаводский и Петербургский университеты и Петроградскую духовную семинарию. В Соловках — с 21 сентября 1925 года; 5 сентября 1928 года в Германовской часовне тайно посвящен в сан католического священника восточного обряда; 15 сентября 1932 года депортирован в Польшу по обмену. Автор рукописи «Мои воспоминания», ч. II, 1925–1932, Республика Польша, архив архиепархии Гнезненской, ААГ АР SYGIII-28.

Из материалов следственного дела № 885
«О контрреволюционной деятельности надзорсостава...»

Картинка, которую я застал по прибытии своем на командировку Голгофа, была ужасна, название Голгофы вполне оправдывалось. В тесных помещениях, битком набитых людьми, стоял такой спертый воздух, что само пребывание в нем продолжительное время казалось смертельным. Большая часть людей, несмотря на мороз, была совершенно раздета, голые, в полном смысле этого слова. На остальных — жалкие лохмотья. Истощенные люди, лишенные подкожного жирового слоя, скелеты, обтянутые кожей, голыми выбегали, шатаясь, из часовни к проруби, чтобы зачерпнуть воды в банку из-под консервов. Были случаи, когда, наклонившись, они умирали.

Показания лекпома стационара командировки Голгофа Рахта С.П.

Из обвинительного заключения
по делу № 885
«О контрреволюционной
деятельности надзорсостава...»

У подножия горы Голгофа помещалась маленькая часовня, внутри доверху, на двух этажах, застроенная нарами и вмещавшая в себя одно время до двухсот человек.

Эту часовню называли «Кровавой харчевней», о чем командир Голгофы Белов Р. Р. — зверь в образе человека, смеясь, любил рассказывать. Сам этот Белов развлекался тем, что стаскивал неожиданно за волосы заключенного с третьего ряда нар, ударяя его головой об пол.

10 мая 1930 года в часовне под Голгофой приказом Белова были введены «жердочки». Заключенного заставляли просиживать безо всякого шевеления по восемнадцать часов в сутки, давая пищу через два на третий день.

Подобные «жердочки» были установлены двух видов. Первый, считавшийся более легким, — когда ноги заключенного доставали до пола. Второй — когда ноги находились на весу и происходил стех конечностей.

Воскресенская церковь — в 1930 году помещение «бывода Отрицательного Элемента» командировки Голгофа лагпункта Анзер. VI Отделение СЛОН ОГПУ

Как описать ужас происходящего, когда, например, в церквушке заперли несколько сот человек, заболевших дизентерией, подугольных, лежащих на ледяном полу? Их оставили умирать, и каждое утро люди, вооруженные длинными морскими баграми, приоткрывали ворота, чтобы вытащить трупы, а в это время живые пытались удержать мертвые тела, которые служили им вместо матрацев.

Ю. Данзас

Взвод Отрицательного Элемента пункта Анзер, организованный в часовые при командировке Голгофа, начал функционировать при начальнике пункта Афонине. Назначен туда командиром Михаил Зюзин. Инструкция была скопирована с существовавшей в IV Отделении СЛОНа.

Из показаний старшего надзирателя Бакко М. А.

«О контрреволюционной деятельности надзорсостава...»

Я видел в окно, как из четвертого барака голых людей в двадцатиградусный мороз гнали с горы вниз, к озеру, где находилась баня, и после бани обратно в гору. После этого часть из них попадала в лазареты. В день умирало до двадцати человек.

Также я помню ужасную картину, когда из командировки Капорская, находящейся в трех километрах от Голгофы, в морозный день, в феврале, гнали голых людей на Голгофу, в четвертый барак. В бараке № 4 жителей его, не имевших одежды, другие заключенные называли «песцами». На двор они выбегали опривалиться совершенно голые. Часто этих «песцов» в виде наказания

Остатки братского корпуса на Голгофе

выставляли на мороз голых, где они на пронизывающем ветру плакали, кричали и просили пустить их обратно в барак.

Был случай, когда из Анзера на Голгофу с новоприбывшей партией в стационар было доставлено семь трупов неизвестных заключенных. Но один из трупов открывал рот, тогда дежурная по стационару Фангер Берта Абрамовна положила его в ванну и сказала медицинскую помощь, после чего он произнес свою фамилию — Максимовский.

За октябрь месяц 1929 года, по сведениям стационара, умерших было 22 человека, за ноябрь — 24 человека, за декабрь — 80, за январь 1930 года — 135 человек, за февраль — 246 человек, за март — 245, за апрель — 145, за май — 82. Итого: за 8 месяцев — 979 человек.

По диагнозу и отчетности больницы случаи смерти относятся к истощению, поносу от недоедания и туберкулезу. Из 360 человек, болевших сыпным тифом, умерли 64 человека, которые входят в число 979...

Показания
делопроизводителя стационара
командировки Голгсфа
Крутового Э.П.*

*Крутовой Эммануил Павлович, возраст — 31 год, священник, бывший офицер Белой армии, — расстрелян. Слаником много знал.

«О контрреволюционной деятельности надзорсостава...»

Ввиду отсутствия на командировке карцера мне приходилось в виде дисциплинарного взыскания заставлять заключенных от получаса и до часа стоять на дворе по стойке «смирно», но погода была еще теплая. О таких взысканиях всегда было известно стрелкам Неведомскому и Закира Б. Со стороны лагерной старосты такая мера была одобрена.

После моего перевода в пункт Анзер младшим надзирателем I роты я исполнял лишь распоряжения старшего надзирателя I роты, заключенного Лосева Б.М. Самостоятельно никого в карцер не сажал. После выздоровления от тифа был опять-таки младшим надзирателем в Анзере.

Храм на Голгофе. Асстия на второй этаж

По принятии комендатуры Озолиным Л.К., я временно исполнял обязанности старнада I роты, а затем в начале апреля назначен помощником старшего надзирателя II роты на Голгофу. Мои обязанности – распределение и учет рабочей силы. Во внутренний распорядок старался не вмешиваться. Во всем руководствовался приказами старнада, заключенного Белова Р.Р. Сам я никаких определенных инструкций не имел.

С комиссоставом беседовали два-три раза начальники пункта: один раз Привалов – по случаю введения на Анзере песцового хозяйства, один раз Афонин – по случаю неурядиц и трений между отдельными стрелками и командирами и один раз Мамзелев П.А. – ввиду заведения на старнада Белова и меня дела об избииении заключенного Мастургина. На встрече надзирателем Амир-Беком Шадовым был поднят вопрос о том, какие меры можно применять по отношению к рядовым заключенным для поднятия дисциплины и вместе с тем не быть обвиненным в издевательствах? Завкарцером, заключенным Семигоровым, тоже был задан вопрос: «Можно ли связывать тех заключенных, которые не желают подчиниться карцерному содержанию?»

В виде общей меры начальником пункта Мамзелевым рекомендовалось карцерное содержание от одних до трех суток с ведома старшего стрелка или рапорт на имя коменданта с ходатайством о более долгом заключении в карцер. Связывание принципиально было разрешено, но с пожеланием применять его в редких случаях. Дисциплина в лагере требовалась военная, по этому случаю были изданы приказания по комендатуре пункта Анзер. Первый из них подписан Лосевым и утвержден начальником пункта Приваловым. Последующие издавались комендантом Озолиным с визами начальников пункта. В бытность мою помощником и старшим надзирателем II роты на Голгофе дисциплинарные взыскания применял лишь в силу необходимости. Обычный срок наказания – два-три часа, в редких случаях больше. О всех без исключения случаях ставил в известность лично или через заведующего карцером старшего стрелка командировки Минина Г.М. или дежурного стрелка. Два или три раза строй заключенных оставался после проверки на один час. На это имелось письменное приказание. О всех таких случаях ставил лично, по телефону, в известность коменданта пункта Озолина Л.К.

Могилы расположены на видном месте, на противоположной горе, через образ от основных корпусов размещения заключенных.

Из обвинительного заключения по делу № 885

Обложка дела № 885 «О контрреволюционной деятельности надзирательства в лагерном пункте Анзер и на командировке Голгофа». Июнь 1930 года

Из следственного дела № 885

«О контрреволюционной деятельности надзорсостава...»

О существовании на Голгофе холодного карцера известно и начальникам пункта, и комендантам. Женщин сажали на колокольню ввиду отсутствия женского карцера. Из посаженных женщин Иванова Галина и Шевцова были связаны по приказанию старшего стрелка Георгия Минина за крик и ломание дверей. Связанными они пробыли от двадцати до сорока минут, а потом их развязали. Заключение в карцер более чем на два-три часа производилось лишь в случаях необходимости для раскрытия краж, при проступках, изоляции... Повторяю, что о всех посаженных в карцер сообщалось стрелкам. Случаи раздевания были, но снималась лишь верхняя одежда, например бушлат. Кроме того, заключенные выпускались из карцера в теплый коридор греться — в час около десяти минут.

Насколько мне известно, порядок зарывания тел был установлен еще до моего прибытия в Анзер и существовал в том же положении до последнего времени. Заполнялись они трупоносами по указанию из стационара. Могилы в течение зимы не зарывались, а были прикрыты лишь слоем веток. Зарыты они были с наступлением тепла, когда стоял снег. По приказанию коменданта пункта Озолина Л.К. могилы должны были быть покрыты камнем и сверху землей, что и было исполнено.

Разрешение на рытье отдельных могил давалось только начальником пункта. Еще до зарывания могил их осматривали: приехавший из IV Отделения Торвинин, начальник пункта Афонин и комендант Озолин.

Между прочим, около могил для окарауливания от песцов был выставлен сторожевой пост. Однако стопроцентного обеспечения не было. Например, мною во время обхода был обнаружен мужской труп с отгрызенными половыми органами. Виновным себя в дискредитации, а тем более в преднамеренной дискредитации советской власти не признаю.

Из показаний на допросе
старшего надзирателя роты командировки Голгофа
Бакко М.А.

Из следственного дела № 885

«О контрреволюционной деятельности надзорсостава...»

Заключенный Элис Исаак в зимнее время был посажен раздетым на колокольню, где пробыл 48 часов. За это время его 6 раз спускали в топленую комнату и избивали. Физические методы воздействия разрушительно действовали на организм заключенных и понижали их трудоспособность.

Мне известен случай избияния заключенных Мастюгина и Харитонова, произведенный Беловым (командиром роты) и Бакко (помощником командира роты). Мастюгин и Харитонов были избиты до потери сознания, после чего, по приказанию Белова и Бакко, я брал веревку и, раздев до нижнего белья, связывал руки за спину, выте локтя, а к рукам привязывал одну ногу, стогнув ее к спине. Такое положение вызывало сильную боль, и когда я развязывал заключенного, то он не мог долгое время двигать руками. Связанные таким образом заключенные сажались на колокольню, где лежал снег и со всех сторон дул ветер. Бакко говорил, что сажает туда для охлаждения. Я только исполнял свои обязанности заведующего карцером...

Из показаний на допросе
заведующего карцером Крылова

Из следственного дела № 885
«О контрреволюционной деятельности
надзорсостава...»

Мне был предъявлен заключенный, продемонстрировавший способы воздействия администрации на заключенных:

1. Заключенный садился раздетый на табуретку с опущенными на пол ногами (пятки и носки вместе), руки на коленях. В таком положении нужно было просидеть пятнадцать часов, не двигаясь.

2. Такое же положение, но ноги не касаются пола. В таком положении приказывалось просидеть четырнадцать-шестнадцать часов, что вызывало отек конечностей.

3. Руки связаны в средней трети плеча за спиной, к ним привязана, согнутая в коленном суставе, нога, перетянутая в нижней трети голени веревкой. Пятка ноги притягивалась веревкой к крестцу. Заключенный должен был лежать два-четыре часа.

Выписка из заключения врача

Из обвинительного заключения
от 9 июня 1930 года по делу № 885
«О контрреволюционной деятельности
надзорсостава...»

Кладбище на командировке Голгофа состоит из семи больших и девяти малых могил. При вскрытии одной большой могилы обнаружено, что она наполнена трупами до одной четверти аршина от верхнего основания и трупы прикрыты еловыми ветками, а сверху присыпаны землей. Толщина слоя, покрывающего трупы, не более одной четверти аршина⁹⁹. Следствием установлено, что на протяжении зимы 1929/30 годов большие могилы, в которых помещалось до восьмисот трупов, были доверху наполнены таковыми и оставались открытыми. Эти могилы расположены на видном месте, на противоположной горе, через овраг от основных корпусов размещения заключенных.

Каждую весну вся гора покрывается крупными синими незабудками. Рассказывают, что цветы эти появились здесь впервые со времени Чуда, и в этом усматривалось подтверждение обещания Божией Матери «вобсеки пребывать на месте сем».

О. Яфа

- Здесь пятьсот лет монахи жили...
— Что монахи? И комары живут.

М. Горький
«Соловки»

Из журнала «Наши достижения»
№ 5-6, 1929

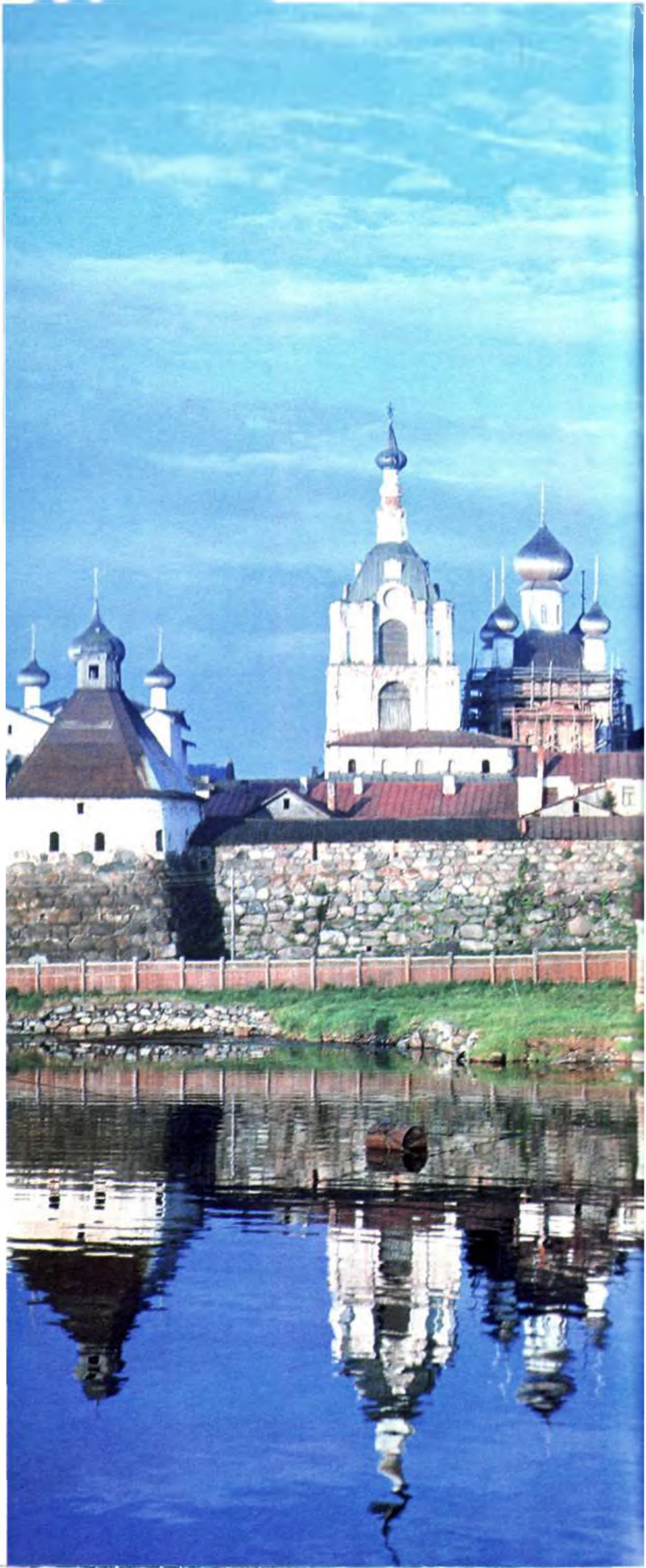
Из воспоминаний М. Никонова

По мистическим верованиям и сказаниям, нечистая сила ни где не селится так охотно и не забирает такую сильную власть, как в запущенных, без богослужения церквях, в развалинах древних монастырей, в разрушенных часовнях. Как бы в оправдание поверья, большевики заняли под фундамент своего заплеченного «адострыя» святые Соловецкие острова на Белом море и утвердились в храмах, часовнях и службах, оскверненной ими обители святых угодников Зосимы и Савватия.

Из воспоминаний М. Розанова

Какая красота! — воскликнул бы турист, любящий седыми стенами монастырского Кремля, величавыми соборами, часовнями, гостиницами и обильной растительностью. Красиво, что и говорить!

И древнерусский стиль огромного монастыря, и заснувшие среди лесов изумрудные озера, и неумолчный крик чаек, и легендами овеянная история Соловков — все это при иных обстоятельствах иденяло и настраивало бы поэтически. Однако после подвалов ГПУ и мучительных этапов, после лесозаготовок и неудачных побегов внешняя прелесть острова как-то не доходила до сознания заключенных, обративших внимание, в первую очередь, на то, что касалось их лично: на лагерный режим, на нормы выработки и питания, на отношение к ним начальства.

Из Соловков очень много слов и выражений попало на материк и распространилось на воле. Кроме слова «блат», ставшего в советское время очень популярным, названия различных товаров, ложные слухи — «параша», письмо — «ксива», но больше всего выражений, связанных с расстрелами: «пцетить в расход», «спцисать», «прооперировать» и так далее.

«Операции» производились днем — для утешения основной массы заключенных. Схва-

ченной жертве сцепляли руки сзади проводкой и волокли через двор в дверь под колокольню. Все движение в Кремле, перепомещенном как Невский проспект в часы пик, приостанавливалось. Две «маслины» — пули в голову каждого расстреливаемого, потом приезжала лошадь с ящиком — отсюда выражение «сыграть в ящик», грузили мертвецов и вызывали жещпин-поломоек замыть кровь. Понуряя лошадь увозила тела в сторону Переговорного камня.

Схватенной жертве сцепляли руки сзади проводкой и волокли через двор в дверь под колокольню.

Д. Лихачев

В 1925 году к осени в Соловках содержалось свыше шести тысяч человек, в том числе шестьсот тридцать женщин. Зимой от эпидемии тифа погибла четвертая часть заключенных. Мертвых не хоронили, а возили в большие ямы, вырытые заблаговременно, но закрытые досками от заносов снега во время метелей. Единственно, что делали с покойниками, — выбивали золотые зубы у тех, кто имел их при жизни. Весной 1926 года САОН получил новые партии ссыльных, в кото-

рых тоже от четверти до половины умерли за год, но тем не менее лагерь рос, так как количество посылавшихся в Соловки людей все увеличивалось. В 1928 году насчитывалось уже тридцать три тысячи заключенных, а к зиме 1931/1932 года население САОНа выросло до шестидесяти тысяч¹⁰. Если считать, что ежегодно умирал указанный процент, то до 1932 года через соловецкие «Ворота смерти» прошло не менее сорока—пятидесяти тысяч человек.

Территория монастырского кладбища возле Онуфриевской церкви — одно из мест массовых захоронений соловецких заключенных. Кладбище — Шестнадцатая рота — на соловецком лагерном жаргоне

Попыток к бегству было много. Бежали исключительно уголовники с большим сроком, главным образом бандиты — «мокрятники» (убийцы). Обычно они пытались незаметно проскочить на отходящий пароход и спрятаться где-нибудь в трюме. Проскочить удавалось, но спрятавшихся неизменно обнаруживали при выгрузке в Кемь. Расстреливали их не всегда, чаще гноили на Секирке. Бывали и трагикомические случаи. Один пьяненок решил укрыться в трубе парохода, но как только затопили печь, конечно, сам выскочил оттуда.

Зимою бежать было еще труднее. Белое море замерзает не сплошь, остаются широкие пространства чистой воды. Следовательно, надо тянуть с собой лодку. Это требует страшных усилий нескольких человек, так как лед не ровен, а заморожен хаосом глыб. Самым удобным временем для побега морем была поздняя осень, когда над водой ползут густые туманы. Под их покровами беглецы могли рассчитывать укрыться и от катеров погони, и, главное, от зорких глаз самолета. Но в это время года их подстерегал другой страшный враг — шуга.

Море замерзает не сразу. Сначала по нему идут отдельные мелкие льдинки. Потом они скапливаются массами и ползут, подгоняемые ветром и течением. Это и есть шуга. Не только лодки, но и промысловые шхуны, попав в нее, не могут вырваться. Легонись сохранила предание о монахах-рыболовах, занесенных шугою на Новую Землю, где они прожили робинзонами десять лет, пока их не спас норвежский китобой.

Летчик воздухомашин УСАОНА Леонид Ковалевский возле ангара на Соловках. 1928 год

Позднюю осень и выбрали для осуществления своего плана несколько морских офицеров... Возможность предательства в их среде была сведена к нулю, хотя сексотов, найвербованных из самих заключенных, хватало. О подготовке к побегу знали, но тайна сохранилась. Среди флотских каждый возможный предатель понимал, что будет узнан и неминуемо убит, если не самими пострадавшими от него, то коллективом — «братвой».

Выполнению плана помог случай. Талантливый молодой инженер сконструировал для Эйманса ганссер — моторный катер с воздушным винтом, развивавший скорость вдвое большую, чем катера обычного типа. Получив пять-шесть часов преимущества, ганссер становился, безусловно, неудовимым для надводных преследователей, но оставался самолет. Он мог догнать беглецов и потопить их одной ручной гранатой. Нужно было избавиться от этой угрозы.

Ангар тщательно охранялся чекистами. Сам летчик уходом за машиной не занимался, называя ее не иначе, как гробом, чего этот аппарат времен Первой великой войны вполне заслуживал. Кажется, в авиационной механике сам летчик был слаб, но, поднимаясь в воздух даже в пьяном виде, летал смело и искусно.

Уход за самолетом вел некто Слим, лицо мало кому известное, инвалид, хромавший на обе ноги. Он поменялся при ангаре, под строгим контролем охраны, имел большой срок. Появляясь иногда в Кремле, он редко с кем разговаривал, брал помногу книг в библиотеке, закупал продукты в закрытом магазине, куда допускался, и ухо-

Ангар для летательного аппарата «МР-4» в Кемь. Построен в 1926, утрачен в 1992 году

Аэрогмиссер конструкции заключенного инженера Леонида Курчбского. 1926 год

дид. Начальство, видимо, им дорожило и даже платило за работу какое-то жалование. Позже говорили, что это оказался известный морской летчик, носивший прежде другую фамилию.

Сидни — загадочный человек — таких немало было тогда на Соловках, — взял на себя главную роль в осуществлении побега. К намеченному времени, не раньше, не позже, он должен был вывести самолет из строя. Это был не риск, а осознанное обречение себя на гибель. Сам сбегать он не мог, так как находился под постоянным наблюдением, и даже отсутствие его дома в почное время, несомненно, тотчас вызвало бы тревогу. Кроме того, можно было предполагать, что при выходе его из ангара за ним направляется наблюдатель. Следовательно, побег был бы сорван. Участь Сидни при удаче побега без него тоже была вполне ясна. Непригодность аппарата к полету в нужный момент была вполне достаточной причиной для расстрела, даже при отсутствии других улик. На сохранение жизни у Сидни не было ни одного шанса. Он шел на неотвратимую смерть. И все же он пошел.

Туманной ноябрьской ночью, после вечерней проверки, из Кремля скрылись три или четыре человека. Вероятно, они спустились со стены по веревке, что было нетрудно, потом веревка была кем-то убрана.

Нападение на часового при катерах выплывавшими внезапно из тумана людьми тоже не

представляло большого труда. Он не был убит, а лишь обезоружен и связан. Гораздо труднее было снабдить к нужному моменту гмиссер большим запасом бензина. Это мог выполнить только Сидни, имевший в своем распоряжении горючее самолета. Вероятно, он заранее пронес баки в условленное место.

Отважные беглецы вышли в море ночью. Их отсутствие заметили лишь на утренней проверке, обнаружив и пропажу гмиссера. Моряки за это время могли уйти на 250–300 километров.

— Самолет!

Мотор оказался разобран для генеральной чистки без прикавания шпота. Некоторые части — выведены из строя. Сидни был расстрелян, не назвав никого на допросах. Несколько моряков арестовали, но держали их недолго. Улик не было.

О дальнейшей судьбе беглецов, которым все же удалось вырваться с каторги, сведений нет. Можно сказать с уверенностью лишь то, что они не были пойманы. Вышедшие в погоню катера вернулись ни с чем.

Но в среде эмиграции тоже не удалось найти сведений об их прибытии, которое не могло бы пройти незамеченным. Остается предположить лишь одно: отважные моряки погибли в пути. Это вполне возможно. Гмиссер был хрупким суденышком. Столкновение с льдиной в тумане обернулось бы верной гибелью для него, а попав в шугу, он был бы растерт ею в щепки...

При обнаружении побега каэра мобилизуется погоня из Надзора и полка охраны Соловецких лагерей с привлечением всех партийцев и комсомольцев. Кроме того, население мест, через которые, если станет известно, проходят беглецы, жестоко наказывается, зато в случае выдачи беглеца выдвигается премия — один пуд муки. Карелы, нужно сказать, не занимаются хлебопашеством, потому что почва ничего не родит — камни да мох. Мука для них представляет большую ценность. Каэров выдают за этот пуд муки, но обычно не прямо, а указав Надзору на сарай, где те ночуют, или куда пошли... Надзор, придя на место укрывательства и обнаружив беглецов, убивает их сразу или уводит из селения, а потом, убедившись, что свидетелей нет, расстреливает, якобы при повторной попытке бегства...

Между тонких болот пробираются

Три удалых лихих молодца.

Трое суток бежали без устали,

Где их ждали родные сердца...

Не помню больше слов... Эта песня про печальный побег исполнялась в лагере на мотив «Горе горькое по свету нялася...».

Хотя бежать из Соловков казалось бы невозможно, такие попытки не прекращались. Бежали, как правило, вновь прибывшие, так как старые арестанты хорошо понимали местные условия. Но и они, бывало, ударялись в бег, даже не на материк, а в лес — от гнета и режима — с отчаяния. Так скрылся из лагеря бывший командарм Тринадцатой Красной Армии Кожевников, а с ним юноша, в семнадцать лет приехавший из-за границы «на родину» и получивший десять лет... Мальника за соучастие расстреляли, а Кожевникова объявили сошедшим с ума и отправили в Центр.

Это было летом 1929 года. Рассказывали, что Кожевников долго не сдавался, отмахиваясь от охраны топором, а те не стреляли — приказано было взять героя Гражданской войны живым. В конце концов ему разбили голову и перебили ноги. Во всяком случае, в здание Управления СЛОНа командарма тащили волоком: с одной стороны — начальник Надзора латыш Пурво, а с другой — лагерный староста Уевава, тот самый, который однажды сам готовился бежать с группой кавказцев и предал их.

Из приказа № 84

от 17 ноября 1934 года

по Главному Управлению Лагерями и Трудповинностями НКВД¹⁰⁷

Несмотря на неоднократные указания о режиме изоляции заключенных (спецпереселенцев) в Соловецком Отделении, организация борьбы с побегами находится в совершенно неудовлетворительном состоянии, о чем свидетельствуют исключительно нетерпимые факты побегов заключенных с островов...

Необходимо сделать выводы о безобразном состоянии чекистского аппарата Соловецкого отделения и окончательном притуплении чекистской бдительности работников этого аппарата.

Личное дело № 11-2935	Содержание в лагере	Срок в лагере	Получено из лагеря	Срок в лагере
-----------------------	---------------------	---------------	--------------------	---------------

Карточка на заключенного, бежавшего из Белбалтлага НКВД:

1. Фамилия Никонов Михаил Серафимович
2. Имя Михаил Никонов Михаил
3. Отчество Михаилович
4. Год рождения 1889
5. Национальность русский
6. Чем осужден Контр. СССР когда 17.11.28
- Ст. ст. 532 УК на срок 10 год
7. Начало срока 27.11.28 Конца срока 27.11.37
8. Дата прибытия в лагерь 5/12.33
9. Дата побега 10/12.33
10. Откуда бежал из Белбалтлага
11. Основание: Почто-телеграмма № 534 от 17.11.34 1933 г.

1934 г. Подпись И. В. Громух

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Немедленно прекратить использование спецограниченцев, содержащихся на островах, на работах, связанных с выходом в море, и установить жесточайший контроль за всеми плавучими средствами.

2. Начальника 3-й части Соловецкого Отделения Манеева, как несправивляющегося с работой и необеспечившего чекистского обслуживания заключенных на островах, с работы немедленно снять и вместо него направить более опытного и энергичного работника.

В 1927 году совершено 188 побегов из материкового лагеря и 12 — с островов, без учета з/к, возвращенных в первые 7 суток. Задержано 145 человек (66 с материкового лагеря), в том числе 28 убито при преследовании

Между тонких болот пробираются
Три удавых лихих молодца.
Трое суток бежали без устали,
Где их ждали родные сердца...

Завезли нас в края отдаленные,
Где болота да водная ширь.
За вину, никогда не свершенную,
Заточили в былой монастырь.

Извела наше сердце кручинюшка,
Перепомнила душу тоской.
И решили мы трое молодчиков
Пробираться обратно домой.

Трое суток бежали без устали,
Захотелось нам отдохнуть.
Видим в поле сарайчик заброшенный,
И решили туда заглянуть.

А в сарайчик неожиданно-негадано
По навету погоня пришла...
Нас обратно вести не приказано,
Знать, судьба уж была решена.

Где болота лесами кончаются
И опять начинались леса,
У дороги три трупа валяются —
То расстреляны три беглеца.

Записано со слов соловейского заключенного Михаила Социалина

Из воспоминаний Д. Анхачева

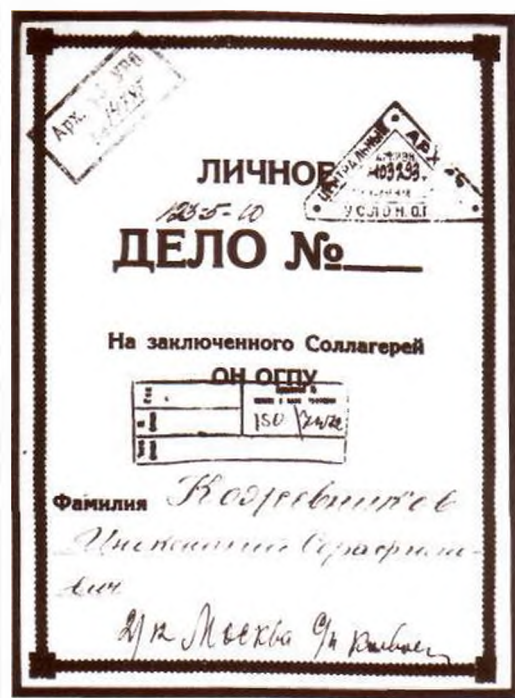
Крупный расстрел был связан с «Делом Кожевникова», потому что это «дело» изображали как попытку восстания на Соловках.

Бывший командир Дальневосточной республики заключенный Иннокентий Кожевников¹⁰⁸ был назначен руководить детской колонией, которую потом назвали стыдливо «Трудколонией»¹⁰⁹. И он, действительно, пытался наладить воспитание, а помощником себе взял скаута Дмитрия Валерьяновича Шинчинского, лет двадцати двух, умного интеллигентного человека.

И вдруг выясняется, что Шинчинского и Кожевникова нет, бежали. В лагере торжество, ве-

селье. Бежал, да еще как бежал! Красиво!.. Прислаал в типографию манифест — длинный сверток ватманской бумаги: «Мы, Иннокентий I, объявляем верноподданым полное освобождение всех заключенных в лагерях...»

Говорили, что подошла какая-то миноноска и увезла его... Ну, что может прийти в голову сидящему два-три года в тюрьме! Там фагазия невообразимо разыгрывается. Все ходили, потирали руки, вот какое замечательное событие! Но через дня три выяснилось, что они на острове и их ловят! Кожевников, вообразив себя императором, сошел с ума и писал всерьез...

Обложка «Дела» бывшего командующего Тринадцатой Армией заключенного И. С. Кожевникова

Недели через две я видел из окна Криминалогического кабинета, как на лифчике привезли связанного Шипчицкого, а потом проводокли окровавленного Кожевникова. Он был без чувств — избили, когда захватывали... Но расстреляли только одного Шипчицкого, который ни в чем не был виноват, кроме своей преданности учителю...

Эта история имела последствия... Вольного начальства было очень мало — все с какими-то провишностями по своей чекистской линии. А на острове скопилось много белогвардейцев, весьма организованной публики. Некоторые из

Заключенный Дмитрий Лихачев с родителями во время свидания в Соловецком лагере. 1929 год

них, сконцентрировавшись в Административной части, где ведали распределением работ, снабжением, командовали в ротах... Чекисты же, так сказать, следили за идеологией, но, будучи в меньшинстве, вечно боялись Административной части, боялись, что бывшие офицеры могут перерезать охрану, захватить пароход... Особенно после «манifestа» Кожевникова. И вот по лагерным слухам — «парапам», чекисты смогли получить из Москвы разрешение расстрелять триста человек — для остратки...

У меня как раз в это время было свидание с родителями, и мы на несколько дней по разрешению администрации снимали комнату у одного из охранников, где жили втроем. Вдруг ночью прибегают из моей роты, вызывают в коридор и говорят:

— За тобой приехали!

Приняли за мной, потому что я с гордостью носил студенческую фуражку, как признак отличия от «социально-близких» воров и других уголовников из пролетарской среды. Такие, как я — дети интеллигенции, считались «социально-чуждыми» уже при рождении. Нас в очередной раз собирали, готовясь свалить в общую яму.

Сказав родителям, будто меня вызывают на срочную почтовую работу, чтобы не при них уводили, я выскочил во двор, залез в щель между пятабелями дров, просидев там остаток ночи... Когда наступило утро, то есть было еще темно, но стали ходить люди, выполз и вернулся к отцу с матерью. Аресты закончились, вместо меня взяли кого-то другого под эти триста человек...

Началась вторая жизнь. Два дня — прекрасно. Неделя — спасибо. Еще месяц — прекрасно... Каждый день был подарком судьбы. Наступило спокойствие и полное отсутствие страха, которое сохранялось еще много лет.

Могилы заключенных в болоте у Станового озера на Большом Соловецком острове вблизи бывшей лагерной командировки Филлимонова

Шалаев И. И.

Шалаев И.Ю., 39 лет, из крестьян, образование низшее, провокатор дела «Соловецкий заговор» — расстрелян

сти собирался передать властям, как контрреволюционеров.

Иван Шалаев, бывший начальник 4 участка милиции города Благовещенска

Александров 2-й Н.Н.

Александров 2-й Н.Н., 38 лет, учитель, служил в царской и Белой армиях в чине штабс-капитана — расстрелян

Из следственного дела № 747/І о «Соловецком заговоре»

Желая облегчить свою участь, не согласовав вопроса со следственными органами, я самостоятельно стал надушивать и узнавать мнение из среды своих земляков по Дальневосточному краю, а также других людей, желающих вступить в организацию, цель которой — разоружить отряд охраны, захватить пароход и уехать в Финляндию... В период формирования группы некоторые из участников ее настаивали на начале действий, но я все время оттягивал, имея в виду собрать более сильную и авторитетную группу, которую, по готовности

...Заключенным я говорил: Ванька просто безумствует — подведет всех под расстрел. Не верьте вы ему. Мне он говорит, что у вас есть люди, группы, а вам — что у меня, и таким образом нас всех опутывает, тянет в пропасть... Полковника Павлова я на занятиях предупредил, чтобы он не говорил с Шалаевым, так как мы, бывшие офицеры, будем расстреляны...

Сколько раз я решался просто пойти и все рассказать, но опять мелькала мысль, что на крови других не построишь свое благополучие, и снова решал: нет, пусть будет, что будет. От судьбы не уйдешь...

Николай Александров 2-й, бывший адъютант 2-го корпуса армия Колчака

Из воспоминаний О. Волкова

Антипина Э.Ф. (1892 г.р.) дочь кушца, в Соловках с 1927 года. В 1929 году осуждена еще на 5 лет концлагерей за то, что «используя служебное положение, группировала в подведомственных ей лечебных учреждениях контрреволюционные элементы»

Начальником лазарета Санчасти была московский врач с пятилетним сроком заключения Эдит Федоровна Антипина из обрусевших немцев. Вела она себя очень энергично и смогла себя поставить так, что начальство с ней считалось... Многих спасла Эдит Федоровна, не боясь выдернуть человека с общих работ, положить в Санчасть и заявить, что заключенному необходим отдых или более легкая работа. В этой деятельности, на грани подвига, ей помогал по военному пунктуальный и расторопный Георгий Осоргин.

Конногвардейский офицер Георгий Михайлович Осоргин числился делопроизводителем Санчасти и работал с редким в лагере рвением: служба давала ему возможность делать прощай добра. Не перечить, сколько выудил он из Тринадцатой карантинной роты священников, «бывших», беспомощных интеллигентов! Укла-

дывал в больницу, избавляя от обрчих работ, пристраивал в тихих уголках, зная, насколько такое сопособствование «контре» раздражает начальство. Зато, когда время пришло, отыгралось начальство за свои уступки...

В стареньком кителе и фуражке, надетой на манер, выдававший за версту кадрового кавалериста, Георгий весь день сновал между лазаретом, ротами, Управлением, добиваясь облегчения, переводов, пропусков, льгот...

Георгий Михайлович Осоргин, герой Первой мировой войны, осужденный во внесудебном порядке 16 октября 1925 года «к расстрелу с заменой десятилетним заключением в концлагерь»

Из письма Осоргину Г.М.

Заключенному Георгию Михайловичу Осоргину.
Остров Соловки. Концлагерь. Лазарет

Посылаю тебе четыре цветка. Помнишь ли ты эти дни 1/14 августа 1923 года, четыре года тому назад? Поздравляю тебя с нашей дочкой.

Дорогой мой Георгинчик, я что-то стала тебе писать, может быть, это письмо предпоследнее, так как осталось не более двух недель до нашего свидания. Я все время нахожусь в каком-то глупом состоянии, не то апатии, не то волнения, и пока не получу разрешения и не сяду в вагон, как-то не могу об этом спокойно и радостно думать. Это так чудно, так невероятно, что у нас с тобой будет это счастье! Я не смею загадывать, не смею предвкушать, но эта мысль, сознание предстоящего, так во все мое существо проникла, так всегда со мной, что мне и думать не надо, я это всегда чувствую.

...Изо всей мочи я готовлюсь, шью, обдумываю себя как можно эlegantнее, чтобы ты был мною хотя бы с этой стороны доволен. Здесь мне очень хорошо, и все со мной страшно мило, мама особенно.

...Вчера я отправила тебе пятнадцать рублей и посылку, которая вмещает сапоги, башлык, фуфайку, кальсоны в комбинации с вареньем и другими угощениями... надеюсь, что банка не разобьется. Я с собой привезу варенья и разные угощения, ты увидишь.

Заявление Алевтины Михайловны Осоргиной с просьбой о разрешении личного свидания со своим мужем, заключенным Георгием Осоргиным

Начальнику Адачasti УСПОН ОГПУ

От гр. *Алевтина Михайловна Осоргина*

прибывш: на свидание к заключ.

Заявление

Настоящим прошу разрешить мне свидание с указанным выше заключенным (мужем, братом, сестрой и т. д.) на срок по Вашему усмотрению.

П Р Я Л О Ж Е Н И Е: Разрешение № _____ ОГПУ.

192 г. Подпись _____

...Ходила искать тебе теплую одежду, так как считаю, что старый полушубок никуда не годится и мал тебе. Сейчас меховые романовские полушубки-куртки стоят тридцать пять—сорок рублей, а у меня для твоей одежды есть пятьдесят рублей. Да если продать твоё старое — станет больше. Тогда можно будет и длинные курить!

...Ведь, правда, теперь скоро ты будешь со мной. Господи, сделай так, чтобы все было хорошо!

...Крепко, нежно тебя целую, мой единственный. Христос с тобой.

Твоя Лина

К Георгию приехала жена, с которой он не прожил и двух лет, но знал — всю жизнь. Он знал, что женится только на Лине Голицыной, когда та еще бегала в коротком платьице и носила косички. Был он лет на десять старше ее, и если в любви один всегда, по французской поговорке, подставляет щеку, а другой ее целует, то в этом случае, уж, конечно, Георгий льнул к своей Лине. Она же позволяла себя любить...

Что-то заставило начальство торопиться. Потом будет создан миф о восстании, подготавливаемом эсками. В лагере начались аресты, когда еще не все жены были отправлены с острова. Оставалась на Соловках и Лина.

Как и что дальше произошло — вряд ли когда узнается доподлинно. Одно известно твердо — арестованного Георгия освободили. Он пришел к заждавшейся, встревоженной Лине, успокоил

Разрешение на свидание с заключенным Георгием Осоргиным

С. С. С. Р. Москва, 24/8
 Действительно на 24/8
 Об'единенное Государственное Политическое Управление при С. Н. К. Действительно на 24/8
 РАЗРЕШЕНИЕ № 8905
 Настоящим разрешается гр. Осоргина
 РАЗОВОЕ свидание
 с содержащимся за ОГПУ в Кемпертунне
 Георгием Г. И. в тюрьме
 Свидание должно происходить в установленном порядке в присутствии лица тюремной администрации.
 Примечания: 1. Настоящее разрешение действительно при удостоверении предъявителя.
 2. По предоставлении свидания с арестованным, настоящее разрешение должно отбираться тюремной администрацией и подшиваться к личному делу арестованного.
 Нач. О. Ц. Р. О. Г. П. У
 Нач. Учетотделения

ее, заверив, что был задержан срочной работой, и все благополучно. Но ей надо отсюда уехать: отныне свидания будут давать только на материке. И проводил Лину на корабль, и говорил о следующей встрече, и махал вслед рукой... Быть может, оглядываясь, не схватят ли его тут же, когда еще можно увидеть с палубы...

Говорили, что Осоргина ручался честью следователю: при прощании и словом не обмолвится

об аресте. Доказывал, что вывезенные с острова без прощания жены поднимут тревогу, распространят слухи.

Поверил ли тот Георгию или резонно решил, что ничем не рискует — добыча не уйдет! Но Осоргина выпустили из изолятора, где он сидел с товарищами, почти поголовно бывшими военными, не обольщавшимися относительно ожидавшей их участи...

Я столкнулся с партией «заговорщиков», которых знали с допроса назад в карцер. Конвоиры кричали, целкали затворами, приказывая всем встречным не двигаться. Один из юнимых, в котором трудно было узнать еще недвигно молодого человека, поздоровался со мной одними глазами. Меня осенило — это Чеховский.

А. Лихачев

Из обвинительного заключения по делу 747/І

1929 года, октября месяца, 15 дня я, начальник Информационно-Следственного отдела УСЛОИ ОГПУ Феонов П.И., рассмотрев следственное дело 747/І по обвинению заключенных СЛОИ... по статье 58 ч. II и I УК РСФСР, нашел:

В июне месяце сего года Информационно-Следственным отделом были получены сведения о том, что в I, ныне IV Отделении СЛОИ ОГПУ организуется группа заключенных, которая ставит себе целью: разоружение охраны, захват оружия, связи и плавучих средств и массовый побег на материк за границу в Финляндию...

Инициативная четверка строила свою работу по принципу организации отдельных групп, причем каждый из руководителей групп знал только одного члена четверки, с которым он был связан, и ни один руководитель не знал другого...

При распределении ролей между членами инициативной четверки Покровский взял на себя разработку оперативного плана восстания и побега..., на Чеховского было возложено решение технических вопросов, Гробовскому было предоставлено решение вопросов тактики, ему же и Петрашко поручено комплектование организации людской силой...

Роль в организации каждого из обвиняемых по делу и степень виновности устанавливаются путем собственного признания и путем показаний других обвиняемых. На основании вышеизложенного ОБВИНЯЮТСЯ:

1. ПОКРОВСКИЙ Сергей Николаевич, 34 лет, русский, дворянин, имеющий высшее образование, по специальности научный работник и летчик-наблюдатель, женат, б/п¹⁰⁴, служивший в старой армии в чине прапорщика, в Белой - в чине штабс-капитана, в Красной - летчиком-наблюдателем...

2. ЧЕХОВСКИЙ Вадим Карлович, 27 лет, русский, сын дворянина, высшее образование, по специальности гидрометеоролог и химик, б/п...

3. ОСОРГИН Георгий Михайлович, 36 лет, дворянин, образование среднее, лесовод, служил в старой армии в чине штабс-ротмистра, б/п...

4. ПЕТРАШКО Степан Иосифович, 34 лет, из крестьян, образование высшее, агроном, б/п, служивший в армиях старой и Пепеляевской в чине поручика, ранее содержавшийся в Соловках с 1923 по 1926 год за службу в Белой армии...

5. ГРОБОВСКИЙ Сергей Александрович, 33 года, сын чиновника, русский, образование среднее, преподаватель физкультуры, б/п, служил в старой армии в чине штабс-ротмистра и в Белой - в чине ротмистра...

...35. СИВЕРС Александр Александрович, 34 года, из дворян, образование высшее, б/п, в армиях не служил.

...51. БОГАТЫРЬ Иван Ильич, 32 года, украинец, из крестьян, образование низшее, конторщик, б/п ..,

...обвиняемые, будучи осведомлены о существовании в лагере организации по подготовке вооруженного восстания и массового побега заключенных за границу, не донесли об указанной организации, то есть совершили преступление, предусмотренное статьей 58, часть I2 УК РСФСР.

Настоящее следственное дело за № 747/І предлагаю представить на рассмотрение Коллегии ОГПУ для вынесения приговора во внесудебном порядке¹⁰⁵.

Начальник Информационно-Следственного отдела УСЛОИ ОГПУ

П. Феонов

СОГЛАСОВАНО:

Начальник Управления СЛОИ ОГПУ А. Ногтев
Начальник III Отделения Спецотдела при ОГПУ Ф. Эйхманс
Член Коллегии ОГПУ и Начспецотдела при ОГПУ Г. Бокий

Георгий был ни при чем в этом «деле» о попытке бегства на пароходе. Он мне сам об этом рассказывал. Его вызывали как свидетеля, так как он знал этих морских офицеров. Но после моего отъезда, по-видимому, кто-то (были такие) решил ликвидировать и офицеров, осужденных по контрреволюции, и поэтому попались Георгий и Сиверс, совершенно к делу не причастные. Мне даже рассказывали, как Георгий с другими осужденными шел на казнь через Святые ворота и шел с ними «Христос воскрес» и другие молитвы. Я хорошо помню эти ворота, они выходили на залив, в котором стоял пароходик, где нам с Георгием отводили каюту во время нашего первого лагерного свидания в августе 1928 года.

Я знаю, что с весны 1929 года Георгий содержался на острове Анзер, куда его отправили за то, что он послал Причастие и мантию умиравшему владыке Петру Звереву. Это обнаружилось, и Георгий сидел даже в каменном мешке. Но когда приезжал Максим Горький, штрафников выпустили. Если бы он там остался и не попался на глаза новому озверевшему начальству?!

...Узнав всю правду от Пешиковой¹⁰⁷, я тогда ей сказала, что прошу нам помочь уехать за границу, чтобы дети не стали пионерами...

Металлический пратор (флажок) с Соловецкой кремлевской башни со следами от пуль

Из воспоминаний Т. Аксаковой-Сиверс¹⁰⁸

Первый, показавшийся тогда апокрифичным, рассказ о расстреле моего брата в Соловках в ночь с 28 на 29 октября 1929 года я услышала в начале сороковых годов в Пезмогском лагпункте, где вместе со мной отбывал вторичный срок заключения сравнительно молодой еврей (фамилию не помню).

Разговорившись с ним, я узнала, что ранее он был в Соловецких лагерях, и спросила, не знал ли он моего брата. Мой собеседник пришел в необычное волнение.

— Боже мой! — воскликнул он.

— Да кто же у нас не знал Александра Александровича! Он был гордостью Соловков.

Когда он приходил, всегда подтянутый и приветливый, всем становилось приятно на душе. Далее он мне сообщил такие вещи, которым я не поверила, настолько они были несовместимы с условиями нашего лагерного режима, и сочла, что мой знакомый фантазирует.

Со слезами на глазах он рассказал о том, что Путилова после расстрела нашла тело Л. А. и похоронила в лесу. Для большей убедительности, он упомянул даже о «беленьких носочках», которые сам принес, как кладовщик, для «обряжения»...

В октябре 1966 года я оказалась в Ленинграде, надеясь, что специалисты Военно-Медицинской академии прооперируют мой бедренный перелом, который со времен лагерей не дает мне покоя.

Профессора, к сожалению, отказались от операции, и я из окна палаты наблюдала стоящее прямо передо мною у Литейного моста, судя по грустному анекдоту, «самое высокое здание в Ленинграде, откуда можно было увидеть не только Ладожское озеро, но и Солов-

ки», и в котором поочередно ломались жизни близких мне людей.

Предаваясь грустным размышлениям, я вспомнила, что в моей записной книжке есть телефон Дмитрия Сергеевича Лихачева, человека, у которого я могу кое-что узнать о брате. Между нами состоялся следующий разговор:

Я: — Вы меня не знаете, но, может быть, вам знакомо имя моего брата Александра Сиверса?

А.: — Конечно! Лично я с ним не был знаком, но тоже находился в заключении на островах в то страшное время октября 1929 года и знал Наталию Михайловну Путилову, которая с великим для себя риском откопала его тело и похоронила на лесной поляне. Над могилой был крест, и мы все знали, что тут лежит Сиверс...

Н. М. Путилова потом оказалась в Архангельске. Теперь ее нет в живых.

Я: — Она умерла своей смертью?

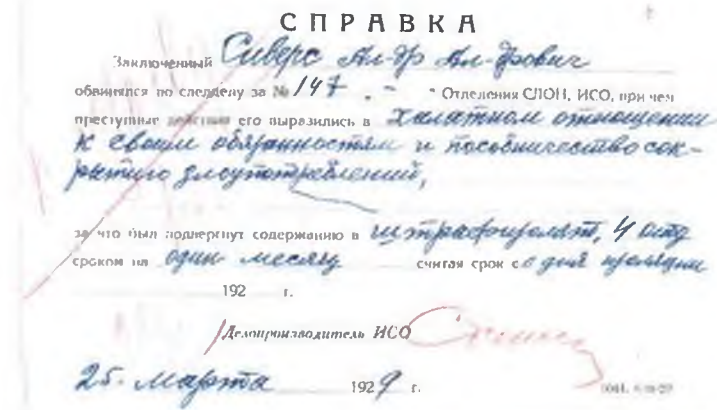
А.: — Нет...

На этом я поблагодарила его и повесила трубку. Разговор велся между незнакомыми людьми, и я не настаивала на подробностях...

...Я вписываю ее имя в свой длинный синодик: Наташа Путилова погибла в 1937 году. Из Архангельска ее отравили по этапу в трюме судна, переполненном заключенными.

Их везли морем в заполярные лагеря. В спертном зловонии Наташа задохнулась. Тело ее выбросили за борт...

О. Воляков

Справка о внутрилагерном аресте заключенного Александра Сиверса

Документ на право личного свидания заключенного графа Александра Сиверса со своей женой, приехавшей к нему на свидание, в помещении лагерного свинарника

Из воспоминаний Ф. Олехновича

До 1928 года обычно расстреливали на монастырском кладбище ночами, при свете факелов. Осужденных ставили на краю выкопанной для них ямы, и сотрудники Информационно-Следственной части, а часто и лично начальник охраны товарищ Дегтярев, стреляли в затылки из паганов.

Позднее место экзекуции перенесли в дезинфекционную камеру в кремлевской стене. Это место было выгоднее тем, что из камеры почти не слышалось звуков выстрелов, да и до изолятора было несколько десятков метров — через площадь. После расстрелов вызывались из «Сельхоза» возы, и мобилизованные из комендантской роты складывали трупы на телеги, вывозя тела убитых в заранее подготовленные ямы.

В августе 1929 года по лагерю разнесся слух, что арестовали свыше семидесяти человек, которые якобы собирались захватить пароход, осуществивший связь между Соловками и Кемью. Через пару месяцев около тридцати человек освободили, взяв с них подписку молчать о том, каким пыткам они подвергались. Все это тайна, которая похоронена в отчетах ИСЧ да в кошмарных снах тех, кому посчастливится остаться в живых.

Проходило время, и мы постепенно забывали о замкнутых в изоляторе товарищах. Но вот уже осенним вечером в концерт кричащих перед отлетом чаек врезался новый пронзительный голос. Перед изолятором стояла собака и, вытянув голову к одному из зарешеченных окон, протяжно выла. Собаку эту узнали, ее хозяином являлся один из арестованных по «делу» о захвате парохода — инструктор Спортстанции Гробовский. (Закапчивался НЭП, и голода в центральном лагунке еще не было, поэтому узники, жившие не в общих ротах, могли позволить себе содержание собаки).

К вечеру жизнь в Кремле замерла. Остановились производства. Командиры лагерных рот получили указание никого не выпускать из камер. По опустевшему монастырскому двору заключенных пятерками уводили на расстрел.

Собака Гробовского во всем пропала и оплакивала приближающуюся смерть друга.

Архангельская башня, где располагалась «Военбойка №1» — дезинфекционная камера. Одно из мест расстрелов заключенных СЛОНа

Казнь «участников тайного заговора» состоялась в конце октября 1929 года на монастырском кладбище.

Приблизительно в пятидесяти шагах от нашего барака был вырыт глубокий ров, и ночью, при свете фонарей и факелов, которые красноватыми пятнами освещали эту жуткую сцену, привели несколько десятков обреченных со связанными за спиной руками.

По пять человек ставили их на край ямы и убивали из пистолетов. Когда все приговоренные были выстрелами сброшены в яму, то вошедшие в раж палачи еще продолжали стрелять вниз, вероятно, добивая раненых.

Пока продолжалась экзекуция, в женском бараке не прекращались крики и истерические рыдания, так как узницы увидели смерть своих братьев, мужей, возлюбленных...

Перед расстрелом открыли всегда запертые Святые ворота — через них пролегал кратчайший путь от карцера на кладбище. Наступила жуткая тишина, и лишь страшный душераздирающий вой пса Блейка провожал обреченных. Хотя самого расстрела Блейк не видел, он понимал, что у него отняли хозяина.

Д. Лихачев

В один из предзимних дней я вместе с большой партией был наряжен на рытье могил. Несколько дней подряд мы копали у южной стены монастыря огромные ямы и еще не успели закончить работы, когда туда стали сбрасывать трупы, привезенные на дрогах во вместительных ларях-гробах.

Один из возчиков, с которым я поделился цепоткой махорки, указал мне на возвышающуюся невдалеке, под самой оградой, порядочную земляную насыпь: под ней — останки за-

ключенных, убитых в октябре двадцать девятого года... От меня в трех шагах рыхло лежали поросшие травой комья земли — на этом месте палачи-добровольцы сталкивали застреленных в насех вырытую траншею, неистовали, добывая раненых!..

Лишь спустя много лет я узнал достоверные подробности. Открылось, почему я не вижу никого из прежних товарищей по заключению. Все они, как писал Тургенев, «умерли, умерли». Нет, не умерли — а убиты, казнены. Истреблены.

Несколько дней подряд мы копали у южной стены монастыря огромные ямы и еще не успели закончить работы, когда туда стали сбрасывать трупы, привезенные на дрогах во вместительных ларях-гробах.

О. Волков

KORPUS OCHRONY POGRANICZA
ODDZIAŁ
SŁUŻBY GRANICZNEJИз отчета
польской разведки
«УСЛАГ. 1928–1932 гг.»

Лагпункт № 2 – Савватиево – штрафной лагпункт, где содержатся приговоренные к тяжелым работам. Начальниками командировок там назначают людей суровых, со склонностями к садизму. В 1932 году в Савватиево находилось около двухсот пятидесяти заключенных.

После 1929 года расстрелы были перенесены за десять километров от Кремля в командировку Савватиево. Там организовали штрафную роту, где собирались «кандидаты на тот свет».

Ф. Олехнович

До зимы двадцать девятого-тридцатого, откровеннейшая «Варфоломеевской ночью», массовыми убийствами заключенных, — пятьдесят восьмая статья, иначе говоря, «бывшие» в широком значении, не подвергалась последовательной травле. Наоборот, «контрики» ведали хозяйственными учреждениями, возглавляли предприятия, руководили работами, управляли складами, финансами, портом, сангастью, заполняли конторы. Комендатура — внутренняя охрана лагеря — комплектовалась бывшими военными.

Такое доверие «бывшим» оправдывалось: они не воровали, порученное им выполняли на совесть. И начальство сквозь пальцы смотрело на отвоєванные ими для себя привилегии...

Но в начале тридцатых произошли крутые перемены: уголовники и бытовики были объявлены социально-близкими, а пятьдесят восьмая — социально-опасной, лишена доверия, обвинена во всех грехах «периода производства» и обречена находиться только на физических работах. Такая схема в чистом виде была, естественно, не-

приложима: воры и преступники не отказывались называться социально-близкими, но работать ренегатски не хотели. Да и не умели. И того более: не хотели отказываться от своего ремесла. Каптерки, кассы, склады, мастерские надо было ограждать от них, как от чумы. И приходилось волею-неволею вновь усаживать «контриков» в канцелярии и столовые, на склады, назначать главбухами и заведующими — вопреки категорической инструкции. Баатарей пробовали ставить дневальными, зачисляли во внутреннюю охрану, но участвовали в грабежах, и от этого способа поощрения близких элементов пришлось отказаться: в первую очередь обворовывались квартиры, магазины и склады вольнонаемных.

В этой обстановке начальство чутко реагировало на доносы: любому урке достаточно пожаловаться на «врага», «издевающегося» над социальным трудягой, на доктора, отказавшего в освобождении, — и делу давали ход. И нередко с трагическим финалом.

Из воспоминаний Г. Андреева

Выходим... На дворе ночь... Через кремлевский двор к воротам тянутся грушны... Конвоиры оценивают нас. Начальник пересчитывает: более двухсот.

— Взять венги! — Тронулись первые ряды. Выходим из Кремля.

— Куда?..

— Прекратить разговоры!

— Не на Секирку ли?

Идем по Савватиевской дороге час, другой. Направо дорога в Исаково, где «Управление лесозаготовок»... Мимо... Савватиево. Мимо... Только к утру остановились перед тремя бараками где-то в сердце соловецкого леса. Ново-Сосновая! Грушами разбиваемся по трехэтажным нарам по обеим сторонам барака. Погемногу выясняется, что новые обитатели барака... все «контрреволюционеры», становится ясен смысл нашего изгнания из Кремля.

В четыре утра в бараке раздаются вопли дневальных:

— Вставать! Вставать! — Раздевшись натягивают непросохшую одежду, спавшие одетыми видят, что она еще влажная... Некоторые выбегают умыться снегом, размазывая грязь по щекам. Наскоро проглотив кашу и кишток, стро-

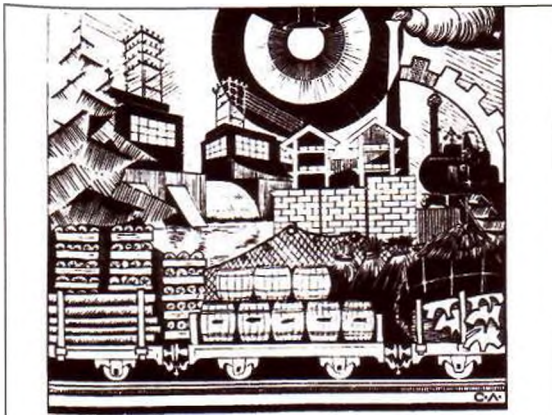
имся. Развод длится около часа, и влажная одежда твердеет... Наконец получаем топоры, пилы и строем по два бредом на работу...

Мы не умеем ни пилить, ни носить тяжести... задыхаемся, сделав полсотни взмахов пилой, ее у нас заедает. Мы портиим ценный лес: деревья расщепляются и, срезанные, повисают на соседних. Мы выбиваемся из сил, но даем лес, годный только на дрова. Среди нас бегают десятник, бакинский вор Магерам. Замахиваясь палкой-метром (дрыном, по-соловецки), он кричит:

— Кубики давай! Контра! — В отчаянии можно бы убить Магерам, но у костра сидят конвойные с винтовками...

Вечером часов в шесть, когда в лесу совсем темно, Магерам принимает нашу работу. С криком бегают он от одной кучи бревен к другой и бьет метром подвернувшихся. Вкопеч измотанные люди, похоже, даже не замечают ударов. Мы знаем, что не выполнили и половины нормы...

Надо еще добратся до барака. Там хлеб, обед, поверка... Опять леденеет одежда. И только в десять вечера мы валимся и спим, не замечая мокрого белья, смрада, укусов клопов и вшей. В четыре утра повторяется вчерашнее... Через три-

НА ПРОИЗВОДСТВЕ

**ВСЕ СИЛЫ НА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЮ
СЕВЕРА И ВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНА
ПЯТИЛЕТКИ УСЛОН'а!**

Широкой волной соцсоревнования ответим на новую клевету капиталистов о принудительном труде в СССР!

*Постановление конференции
соловецких ударных бригад.
Февраль 1931 года*

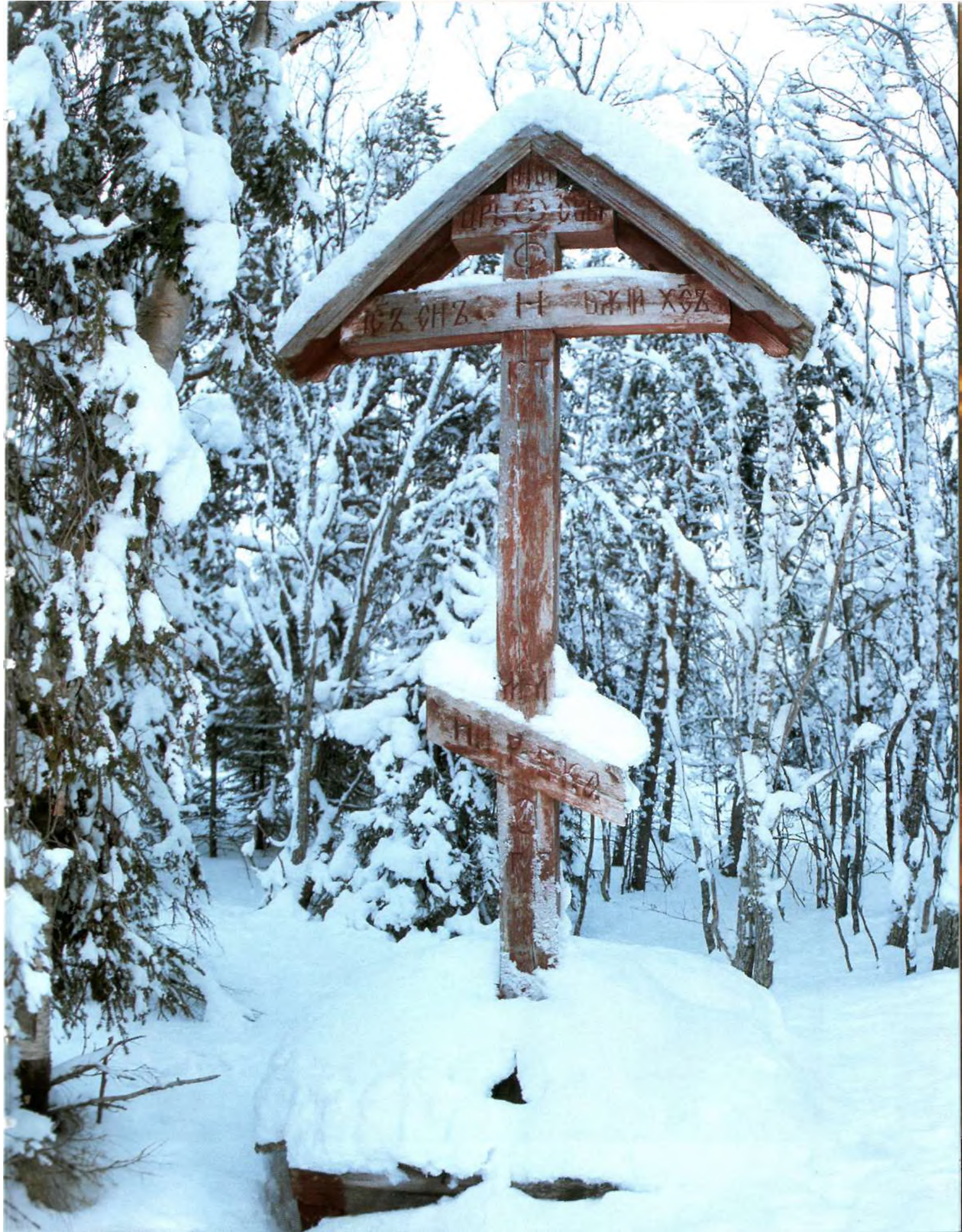
четыре дня мы уже освоились. Кряжи длиной два метра и толщиной двадцать—тридцать сантиметров надо нести одному. Когда мне в первый раз подняли на плечо такой кряж, я упал под ним, не ожидая огромной тяжести. Шатаюсь, иду по лесу, рассчитывая каждый шаг, сбросив груз, с трудом переводил дыхание. Внутри все трясется... Четырех-пятиметровые бревна носили втроем... Задыхаясь под тяжестью, слышим голос заднего:

— Ничего, ребятки, донесем! Потихонечку! Не сбивайте ногу, а бревно держите серединой плеча... Ну вот, и донесли... Надо только дышать научиться ровнее...

Плохо работающий или поругавшийся с десятником заключенный должен по команде раздеться и в одном белье, босой, стать на пену на виду у конвоиров... Иногда такие замерзают совсем... Весной в соловецком лесу обнаруживается много трупов: замерзших, застреленных конвоем или убитых десятниками заключенных... Мы в полной их власти. Если не убьют, так могут посадить в карцер у барака, тоже в одном белье. Неизвестно, что хуже: несколько часов на снегу или ночь в карцере.

Лесозаготовки. Рисунок из журнала «Соловецкие острова», 1927

Handwritten inscriptions on the top horizontal arm of the cross, including a circular symbol and illegible text.

Handwritten inscriptions on the middle horizontal arm of the cross, including a cross symbol and illegible text.

Handwritten inscriptions on the bottom horizontal arm of the cross, including a cross symbol and illegible text.

Конвой большей частью набирался из заключенных — бывших красноармейцев, осужденных за воинские нарушения. Начальниками командировок и конвоя назначались тоже заключенные, из бывших чекистов и командиров Красной Армии. «Прорабы», «рукрабы», десятники, мастера, коменданты, ротные, парядчики, завхозы, весь медицинский, конторский и «культурно-воспитательный» аппарат — все без исключения подбирались из заключенных.

Борьба за существование, то есть защита в лагере собственной шкуры, учила простому правилу: чтобы самому жить, нужно других давить.

Слухи о зверствах в Соловецком концлагере проникали в зарубежную печать. Надо было их опровергнуть. Чекисты решили прибегнуть к своему обычному, испытанному и излюбленному способу защиты: сочинить провокаторский показательный процесс, обвинить в зверствах не систему и не самих себя, а мелкую сошку, пребывающую на вторых ролях в лагерном аппарате и состоящую из заключенных.

Ротный выбегает на середину собора-казармы и орет свое:

— Внимание! Смирно! — В наступившей тишине один из чекистов с портфелем и при чекистских регалиях делает сообщение.

— Товарищи! Я обращаюсь к вам, как к равным! Комиссия, высланная из Москвы по делу о зверствах в лагерях, обращается к вам за помощью. Вы должны помочь ей установить угнетателей рабочего класса и выявить всех палачей. Пролетарское правосудие не только скажет вам спасибо, но и поможет путем сокращения сроков скорей кончить время изоляции...

В Кемь прибыла из Москвы специальная комиссия для обследования порядка в лагерях. Начались вызовы и опросы. Поговаривали, что будет положен копей жестокостям.

В тот вечер у меня был сильный жар. Боялся, что дошла моя очередь заболеть тифом. Попросил вызвать врача, но вошли незнакомые люди и арестовали меня. Через несколько дней повели через Кемь. Со мной вели и Курилку. Открывались окна домов, и вслед нам кричали «Здра!»

Из воспоминаний М. Розанова

Робкие и мягкосердечные уходили в тот мир, где нет ни диктатуры, ни демократии, ни концлагерей, — они, как здесь говорят, «загибались» на работе, а дерзкие и злые выплывали наружу. ГПУ ведасть не ведало обо всем этом «произволе».

Коллегия ГПУ все свалила на «бывших белогвардейцев, пробравшихся на административно-технические должности в лагере». Ответили, как всегда, исполнители, а не вдохновители. Любой мужик в самой глухой деревне страны знал о соловецком режиме, но только соловецкое начальство и Дубянка с Кремлем оставались в «неведении»!

Из воспоминаний М. Никонова

И полилась плавная, как граммофонная пластинка, речь. Чего тут только не было! И международная буржуазия, и контрреволюционная организация, подкапывающаяся под основы власти, устраивающая из исправительно-трудовых лагерей застенки. Полились крокодиловы слезы о всех потопленных, убитых и зарытых живыми. Чекист, оказывается, слышит впервые о всех этих зверствах, творимых левою рукою ГПУ, между тем как благодетельная правая ничего не подозревала. Ух, как расплылось негодование оратора на «палачей». Да-да, так прямо и крыл «палачами». И сейчас же изъяснил тайну, откуда взялись палачи и зачем они палачествовали. Оказалось — ГПУ здесь ни при чем. Это все провокация враждебных советской власти буржуазных сил: палачи из тайных противосоветских организаций (под видом заключенных) пробрались в лагерь, чтобы, заняв видные места в администрации, выматывать жилы и забавляться истязаниями. Пролетарское правосудие найдет их и сметет с пролетарской дороги...

Из воспоминаний Н. Анциферова

Следователь предъявил мне обвинение: я участник организации каэров, поставивших себе задачу сорвать политическое перевоспитание заключенных. Там (на воле) власть советская, а здесь — «соловецкая», которая противоречит всей политике советской власти. Эта формула приписывалась мне. Что же, думалось мне, у меня тиф, и я в жестоком бреде... Но тиф обошел меня. На другой день всех заключенных под большим конвоем повели на Вегеракшу¹, где

Анциферов Николай Павлович (1889–1958), краевед. В Соловках – 1929 год. Всего – семь лет лагерей и ссылок. Автор воспоминаний: «Из дум о былом» (Москва, «Феникс. Культурная инициатива», 1992)

строились новые бараки. Мы облегченно вздохнули. Решили, что опасность расстрела миновала. Но это была

иллюзия. Нас поместили в большом бараке с нарами в два этажа, набитом людьми, и мы увидели, что выводы на расстрел не кончены.

Этот барак был гротом Полифема¹⁰. Поздним вечером протягивалась рука, и из нашей толпы вырывались новые жертвы.

...Вскоре нас отвезли на Попов Остров и посадили в трюм пароходика. Значит, на Соловки, а дальше куда? На Секирную гору? Едем по морю, тает заря. Огромные чайки крутятся над нами, как стая воронов, а крик такой тревожный, жалобный...

Из воспоминаний Ю. Чиркова

У лагерного причала в Управлении СЛОНа был СИЗО № 1 – следственный изолятор, или «Подразмах», как его называли в соловецком фольклоре. Название «Подразмах» произошло таким образом: в первые годы существования СЛОНа, в торце здания Управления на первом этаже помещался магазин для вольных, называвшийся «Розмах» – розничный магазин. Под

этим магазином устроили небольшую тюрьму, куда помещали заключенных за нарушения режима. Когда в Соловках была попытка восстания заключенных, то обвиненных посадили под «Розмах» и позже «пустили в расход». Соловчане потом трансформировали название изолятора, и вместо «под Розмах» стали говорить «Под размах», что означало под расстрел.

Портал здания Управления Соловецких лагерей — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Районному Уполномоченному ОГПУ т.Трофимову

В настоящее время в Кеми работает Следственная комиссия ОГПУ по обследованию лагерей. Поэтому считаю необходимым обратить внимание Комиссии на следующие факты и прошу Вас передать Комиссии мое заявление.

Летом 1928 года в Соловках была арестована группа заключенных (кажется, шесть человек), среди них – заключенный Пудов. Их обвиняли в устройстве побега. Дело пошло в Центр, и им дали по одному году Секирки. Потом выяснилось, что все это дело было инсценировано сотрудниками ИСО путем наглейшей провокации. После семи месяцев их освободили, и дело замгли.

В начале февраля 1929 года на Соловках были расстреляны тринадцать человек якобы за то, что они составляли организацию с целью вооруженного побега. Фактически это неправда. Люди бежали в разное время и из различных пунктов. Ничего общего между ними не было. Ни о каком вооружении или насилии не могло быть и речи. Но почему-то кому-то из ИСО понадобилось раздуть самое простое дело единичных побегов и инсценировать какую-то «организацию с вооружением», чтобы этим себя выдвинуть перед Центром и на кого-то напустить страх.

В конце октября и начале ноября в Соловках расстреляли около пятидесяти человек по обвинению в организации восстания с целью побега. Я знал нескольких человек из расстрелянных, жил с ними некоторое время и могу утверждать, что эти люди не способны на такое преступление. Я слышал, что в этом деле работали один или два провокатора, которые тоже пошли под расстрел, чтобы закрыть их следы, но никакого заговора не было. Все это дело – фантастика, и не мешало бы ее проверить.

Опасаясь репрессии, я, к сожалению, не могу открыто назвать свое имя и фамилию. Но я надеюсь, что Комиссия убедится в том, что я не «доносчик», а болею за то, что из-за действий вредителей подрывается престиж нашего Советского государства и его органов.

Что касается насилий на лесоразработках в Соловках со стороны администрации командировок, то о них много узнаете в Соловках. Главным образом, на командировках Белужье, Овсянка, Новая Сосновая и Старая Сосновая – там людей замораживали – ставили в холодную воду в заливе. У Новой Сосновой и Овсянки до сих пор лежат в лесу скелеты умерших от замерзания, а об избиваниях и говорить нечего.

Медперсонал много знает, но молчит, боится. Допросите их. Особенно леклома, который был осенью 1929 года в Белужьем. Пусть заключенные подадут заявления непосредственно Вам. Гарантируйте им безопасность. Они запуганы и боятся рассказывать правду. И я в том числе...

Людей замораживали, ставили в холодную воду в заливе Белужье осенью 1929 года.

Из заявления в Комиссию по обследованию лагерей

Из постановления об аресте от 3 августа 1929 года:

Белых, занимая должность Начальника Комендатуры, при исполнении служебных обязанностей пьянствовал, причем пьянствовал с заключенными, чем дискредитировал органы власти, представителем которых он являлся.

Белых использовал свое положение при взаимоотношениях с заключенными женщинами, понуждая их вступать в половую связь с ним. Так, например, им была использована заключенная Т-а...

Белых

ВЫПИСКА

из протокола № 43 заседания Центральной Аттестационной Комиссии 4-го Отдела НКВД
УСЛОВ ОГПУ от 17 января 1931 г.
Председатель тов. УСПЕНСКИЙ
Члены: т.т. ГОДОВИКОВИЧ, БУТКОВ, БЕЛЫХ, ЛАТЦЕВ
При секретаре

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
БЕЛЫХ Сергей Андреевич, рожд. 1897 г. при в. в. д. 3/7-30 г. вст. 3 Нач. Упр.	Отношение к раб. отн. добросовестное. Имеет хорошие выданные как руководитель части, выданных. <u>Политически благонадежен.</u> <u>Достоин внимания.</u>

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

СССР
Народный Комиссариат Внутренних Дел
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ ВЧК-ОГПУ-НКВД
Год основания 1922

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО №

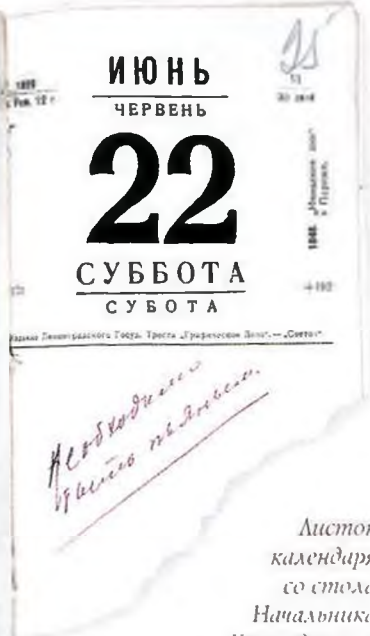
по обвинению *Белых Сергея Андреевича*

ИНВЕНТАРИЗОВАНО

Получено в архива дело должно быть возвращено через 10 дней с момента поступления. Передача полученных из архива дел в другие отделы или органы производится исключительно через 1 спецотдел НКВД СССР

Арх. № **505420** со-2420 Том №
Переплетено в 1931 г. Дело в томах

Исходный номер: Секретарь АК /Тузов/
Секретарь /Бурдасов/ /Курганко/
на верна: Секретарь НКВД

Листок календаря со стола Начальника Комендатуры Кемперпункта Белыха С. А. с надписью «Необходимо быть пьяным»

Бывший СВЭ — социально вредный элемент — Белых назначен начальником Пятого отделения Свирлага. «Политически благонадежен. Достоин внимания»

По моему глубокому убеждению, главная задача будущих могильщиков коммунизма состоит вовсе не в свержении режима. Это что. Он одряхлеет, подточит сам себя и рухнет сам собою в какой-нибудь случайной катастрофе, может, даже не весьма значительных размеров.

Перед строителями новой жизни встанет необычная проблема: снять с лица советского гражданина нагроможденную им за годы советской социалистической власти социалистическую

маску. И не думайте, что маска упадет сама собою, как только не станет нужды посить ее. Нет, привычка к ней велика, у многих она срослась с лицом. Безвыходность положения и хитрости выживания наслоили привычку, ставшую у многих второю натурою.

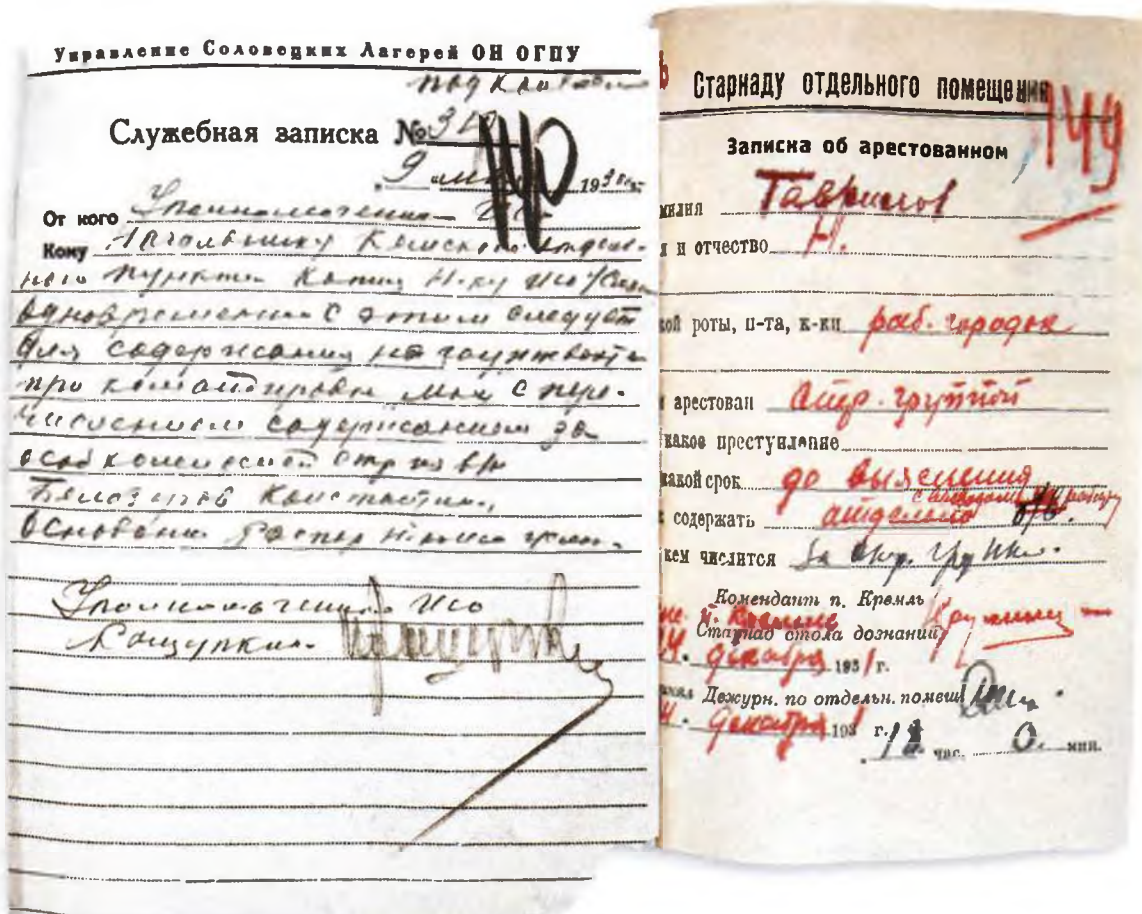
И вот именно в снятии маски, в отвоевании природного человека у овладевшего им социалистического маскарада будет стоять главная задача.

Из воспоминаний Н. Жилова

Арестовали много прорабов, начальников лагпунктов. В числе арестованных оказались Белозеров и Курилко. Но ни одного партийца! Великое бесстыдное лицемерие! Кто стоит у власти? Кто проводит диктатуру? В чьих руках тонор и руководство? Кто устанавливает порядок в лагерях? Кто обязан контролировать испол-

нителей? Партия и партийцы! Так почему же все партийцы в лагерях оказались невинными, а заключенные стали козлами отпущения?

Почему начальник лагеря на Поповом Острове Потемкин остался в стороне, несмотря на все безобразия, которые творились в лагпунктах его отделений?

Документы о внутрилагерных арестах

Я прибыл в УСЛОН на Попов Остров 6 июня 1929 года и был назначен в Седьмую карантинную роту. В день прибытия меня взяли в Надзор и назначили взводным надзирателем этой роты. Через полтора месяца перевели помощником ротного надзирателя Второй роты, потом опять в Седьмую роту, первым помощником ротного надзирателя. Работа состояла в приемке этапов, в обработке их и в дальнейшей переправке партий заключенных по командировкам.

После моего доклада начальнику Надзора Гончарову о злоупотреблениях командира роты Хорунжика он был снят и переведен работать в Информационно-Следственную часть. После Хорунжика Седьмую роту принял я.

Прибыв в лагерь, я обратил внимание, что Надзор и начальство обращаются с заключенными так, как им вздумается.

СПРАВКА.

Закл. *Белозеров Константин Сашков*
 Осужден *Ком. ОМУ 27.9.1926 года*
 По ст. УК *58-10-108*
 На срок *3 года, и т. е. 25.6.26 года, к-ч. ст. 25.6-1926 года. Выд. ОМУ от 18.V-29 г. 09 - Служба производств по ССР*
 Специальность
 Время прибытия в СЛОН *23.10.1926 года*
 Содержится в

Убыл *Великолуки 22.11-29.12.26 года ч. 2. КСР*
 Начальник УСО
Г. Шонг 1929
 Ст. Регистратор

Этап, с которым в СЛОН прибыл я, продержали четыре часа на дворе под дождем, обучая строем, а тех, кто заявлял какие-либо претензии, выводили из строя и били. Били тогдашний командир роты Дударчук, его помощник Щукин и другие. Затем, ознакомившись с жизнью лагеря, я узнал, что расправа кулаком в виде наказания применяется всюду, что начальство об этом знает и особенно ценит таких командиров. Хорошо поддерживать дисциплину значило: обратить заключенных в куклы, заставить их «квертеться, как на шарнирах» (так и существовало такое выражение), применяя к ним какие угодно способы воздействия. Приняв роту, я сразу стал получать от начальника Надзора Гончарова и его помощника Канепа инструкции о том, что в роте должна быть «железная дисциплина», что «все должны по одной половичке ходить».

Когда я стал самостоятельно принимать этапы, то моя приемка длилась примерно час. За это время я разъяснял прибывшим правила внутреннего распорядка жизни в СЛОНе. Говоря об этом, я старался говорить как можно строже и, до известной степени, запугать дисциплиной прибывших заключенных.

ИНФОРМ.-СЛЕД. ОТДЕЛ УСЛОН

ОРДЕР № 6

Настоящий ордер выдан *Ком. ЦР*
Гонч. и В. Гончаров

право производства обыска и ареста
Гончарова В. В.

подписывается в *К. К. Держка*
Гонч.
 Уполн. ИСО УСЛОН
1930 г.

Глава 8. Двадцать девятый год

Работать приходилось в исключительно трудных условиях. Помещение роты было маленькое – всего на двести пятьдесят человек. Народу насчитывалось обычно пятсот-шестьсот человек. Один раз нагнали даже тысячу двести заключенных. Часть людей спала на улице. Следить за чистотой оказалось крайне трудно.

Большинство в роте были плохо одеты, многие – в одних лохмотьях и босые. Дни же, а особенно ночи, стояли тогда очень холодные, дождливые. Людей же приходилось выгонять на работу. Тех, кто отказывался категорически, приходилось «ставить на камень». Ставил я по приказанию начальника или сам. Когда я ставил сам, то держал «на комарах» от получаса до двух часов.

Каждую неделю, раза три, приходили эшпазы по триста, четыреста, а то и шестьсот человек. Ежедневно отправлялось несколько партий на командировки... Большинство из Надзора, в том числе и я, совершенно потеряли голос, говорили шепотом. Кормили заключенных одной жижей, хлеба давали по маленькому кусочку – крали, кому не лень. Одним словом, наша рота представляла собой живую могилу: бывали случаи, когда человека находили под нарами мертвого, причем смерть происходила только от тех условий, в которых он жил.

Вся организация битья и издевательств над заключенными была, безусловно, системой, а не единичными случаями. Об этом прекрасно знало вольнонаемное начальство и поощряло тем, что не предпринимало мер для искоренения этой системы. Если кто-либо умирал от избиений или обморожений, то указывалось, что умер от разрыва сердца или еще что-нибудь в этом роде. Положение было такое, что каждый, кто бил, считал это не только своим правом, но и обязанностью. Все отлично знали, что в Соловецких лагерях давно заведено битье и различные другие меры истязания заключенных.

Мы все всегда были убеждены, что ни сам Потемкин, ни Кривошеин или Ржевский выдумали и проводили в жизнь всю эту систему. Мы отлично знали, что то же самое, и еще хуже, делалось и делается в Соловках, на Секирке, на всех командировках... Все подчинялись общей обстановке, ставшей обычаем, системой. Имея конкретные указания, изнервничавшись вконец под постоянными понуканиями начальства, мне приходилось иногда брать в оборот некоторых заключенных. Я не бил по лицу, а старался ударить возле шеи, намереваясь только испугать. Таких случаев было десять-пятнадцать.

Со своей стороны я искренне раскаивался в том, что делал, в том, что подчинялся общей обстановке, подчинялся давлению вышестоящих начальников. Я понимаю все зло существовавшей системы, всю недопустимость ее в нашем Советском Союзе. Я очень хочу исправиться и прошу Коллегию ОГПУ дать мне возможность к этому. Прошу Коллегию обратить внимание на мою работу в органах ОГПУ...

Из показаний Курилко И.А.

Управление Соловецких Лагерьей ОН ОГПУ

Информационно-Следственная Часть

Дело № 84

По обв. Курилко И.А.

Начато " " для 19 г.

Окончено " " для 19 г.

На _____ листах.

Архивный № _____

Обложка дела № 84 по обвинению Курилко И.А. — 36 лет, из дворян, выпускник кадетского корпуса и Александровского военного училища. В лагере — командир пересыльной роты и сексот ИСЧ

Белозеров

Гончаров

Белозеров К. С. — начальник командировки Морсплав; профессиональный военный, оставленный в лагере «больнонаемным» после отбытия срока заключения. Гончаров В. С. — начальник внутреннего Надзора (охраны), бывший доброволец Деникинской армии, начальник милиции города Новороссийска. Расстреляны вместе с Курилко И. А. 4 августа 1930 года

Из воспоминаний Н. Жилова

Из лагерной тюрьмы ползли слухи. Сообщали, что Курилко держал себя униженно, плакал. О Белозерове шли другие вести. Константин Семенович держался с достоинством:

— Не я устанавливал порядки в лагере! Не я работал в лесорубных лагпунктах! Не я требовал выполнения норм на лесоповале от полуголодных и полуднагих людей! Не я заставлял работать их по шестнадцать часов на морозе!

— Белобандит! Тебя давно пора расстрелять! — кричал следователь.

— Вы ошибаетесь. Не бело-, а красобандит. Я исполнял только вашу волю. Во всех безобразиях в лагерях виноваты только вы! Вы, и никто другой, устанавливали порядки в лагере. Вам нужен козел отпущения? Расстреливайте скорее. Я вам уже обеспечил погрузку десятков иностранных кораблей и получение десятков тысяч рублей в виде премий в валюте! Я вам уже организовал бесперебойную работу лесопильного завода! Конечно, меня можно расстрелять, а вам получить в награду шпалу (чин).

Подписать показания Белозеров отказался.

— Судите меня. Там я все расскажу.

— Никакого суда не будет!

— Тогда и разговаривать не о чем. Творите волю свою.

Через охранника Белозеров смог передать домой записку: «Маша, прости, родная. Меня

расстреляют. Береги Наташу. Устраивайся на работу и уезжай из этого ада. Поскорей! Прощай, родная. Крепко обнимаю и целую вас обеих». М. И. Белозерова тяжело переживала убийство мужа. Ей удалось перебраться в город Сорочку (впоследствии Беломорск), где она смогла получить место учительницы в школе, на условиях полного бесправия и бесперспективности.

Перед выводом на расстрел Белозеров быстро оделся. Курилко раскис и долго копался.

— Это тебе не этапы принимать, — попуттил Белозеров. Во время казни он держался с достоинством и сказал, глядя в глаза стрелкам, которыми прежде командовал:

— Не поминайте лихом!

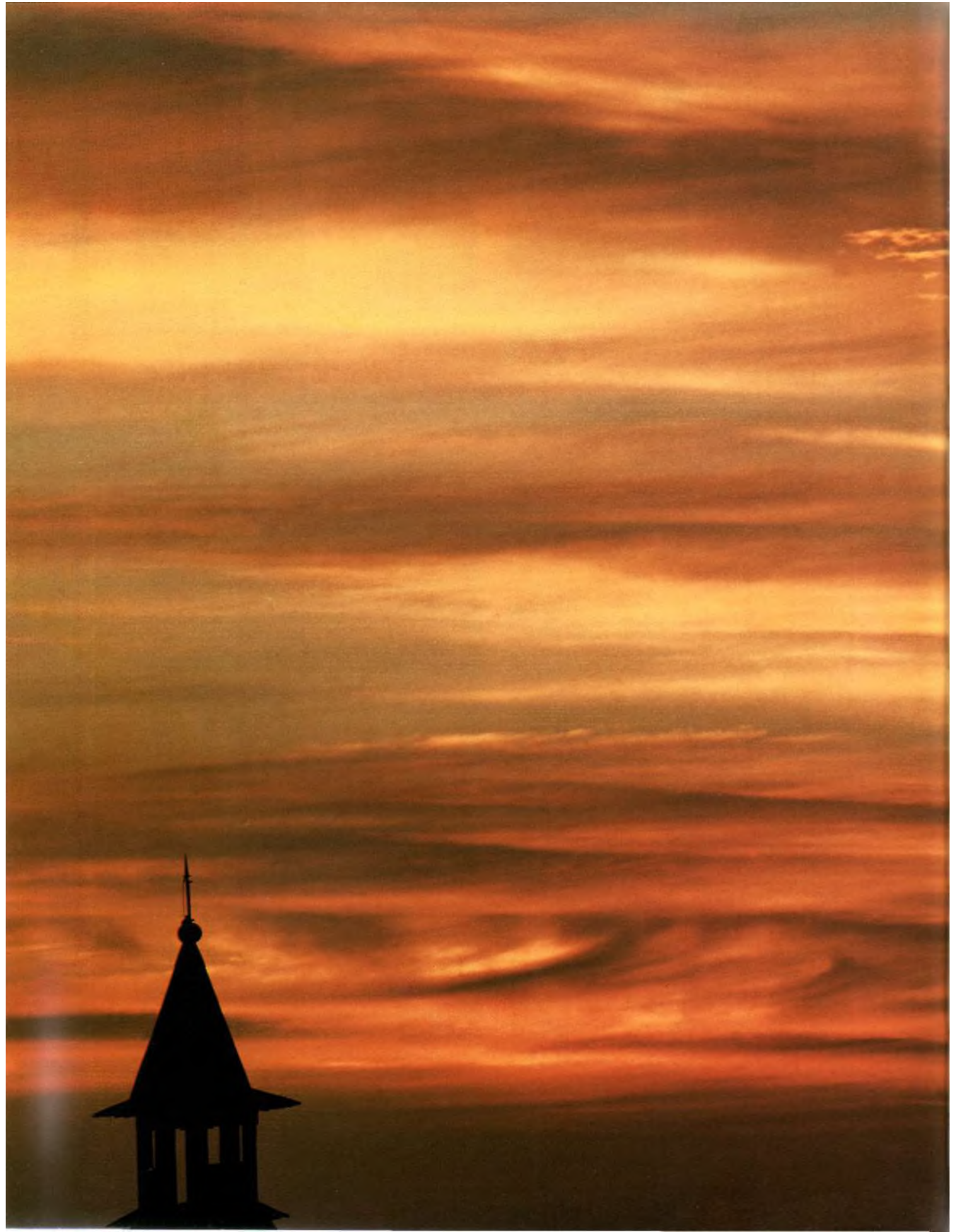
Бывший офицер-фронтовик пользовался уважением у всех, с кем ему доводилось общаться.

— Это был человек! — говорили о нем и стрелки, и заключенные.

Расстрел нескольких десятков ничего не изменил в лагерях. Питание не улучшилось, нормы лесоповала остались прежними. Рабочий день на морозе продолжался, как и прежде, десять—двенадцать часов. Обмундирование не давали по-прежнему. Бараки оставались холодными и неблагоустроенными. Отношение к рабсиле из заключенных не изменилось совершенно. Комедия с комиссией была разыграна для заграницы, а не для русских людей.

Помню один вечер, особенно жуткий. Закат пылал, как пламя грозного пожара. В камере царила мертвая тишина. Казалось, этот закат — предвестник крови, которая скоро будет здесь пролита.

Н. Андиферов

РАСПИСКА

Этого числа мною принят револьвер системы "НАГАН" за № 22172 с 14-тью боепатронами и кабуром, отобраны как у бывш. лач. 4 Отделения СЛОН - ЗАРИНА.

Бриг. Нач. ИСО УСЛОН (Шманкевич) *Шманкевич*

8-го июня 30 г.

501

Выписка из протокола

Заседания Коллегии ОГПУ (судебное) от. 20 * 1923г.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
Дело № 885 по обвин. гр. ЗАРИНА Владимира Георгиевича по 113 и 16-58/14 ст. УК.	ЗАРИНА Владимир Георгиевич - заключать в дисциплинарный срок на 2 года, считая срок с 27/1-28 года.

Секретарь Коллегии ОГПУ

Комиссия собралась ехать обратно. Взошли на пароход. Начальство их, конечно, провожает. Зарин, Начальник Соловецкого отделения, уже, должно быть, в душе радовался: съезжалась, мол, беда. После второго свистка он начал прощаться. Однако председатель комиссии ему руки не даст: «Зачем? Вам придется поехать с нами...» — Так без всякой помпы был арестован Начальник лагерей на Соловецких островах.

М. Пиконов

Из дела № 885

«О контрреволюционной деятельности надзорсостава и медперсонала...»

Как установлено следствием, о преступной деятельности заключенных и вольнонаемных сотрудников IV Отделения СЛОН было известно Начальнику этого Отделения Зарину. Поступающие с этапами заключенные, бывшие члены партии и сотрудники Союзучреждений, осужденные за различные должностные преступления, терроризировались и открыто преследовались занимавшими административные должности контрреволюционерами. Вольнонаемная администрация открыто этому способствовала.

Зарин Владимир Георгиевич, 1887 года рождения, из рабочих, в момент ареста Начальник IV Отделения СЛОН ОГПУ, обвиняется в том, что, будучи Начальником Отделения лагерей Особого Назначения на островах, преступно-халатным отношением к выполнению возложенных на него обязанностей допустил:

- а) группировку в отдельных хозяйственных и административных единицах лагеря лиц, осужденных за контрреволюционные преступления;
- б) заведомо зная о преступной деятельности, проявленной сотрудниками внутреннего и внешнего Надзора, а также медицинского персонала, выражающейся в издевательствах над заключенными, в результате чего усугублялись контрреволюционные настроения, не принял мер к прекращению таковой;
- в) допустил резкое классовое расслоение среди заключенных, поощряя классово-чуждый элемент, осужденный за контрреволюционные преступления;
- г) способствовал распространению контрреволюционной пропаганды среди заключенных, выдавая разрешения на индивидуальные похороны умерших заключенных контрреволюционеров.

Означенные преступления предусмотрены ст. 58 п. 14 и ст. 113 УК РСФСР.

Руководствуясь приказами ОГПУ № 287 - 1922 года и № 363 - 1923 года,

ПОСТАНОВИЛ:

Настоящее дело представить на внесудебное рассмотрение Коллегии ОГПУ¹¹.

Старший Уполномоченный ГО ОГПУ Трофимов

В самом ГУЛАГе тоже произвели чистку. С тех пор исчез начальник Спецотдела при ОГПУ Глеб Бокий, любивший повторять, что когда он учился, то его профессора часто наказывали, а теперь он учит и наказывает профессоров. Пароход «Глеб Бокий», на котором перевозили заключенных с материка, переименовали в «СЛОН».

В. Кичкас

Многих сотрудников администрации, завербованных из среды заключенных, расстреляли. Вольнонаемным — дали по пять—десять лет каторжных работ. Нам объявили, что ГПУ произвело чистку из гуманных соображений, но мы тому не верили и считали причиной всех перемен желание властей лишить заграницу повода кричать об ужасах в советских концлагерях. В

конце концов пострадали, как всегда, каэры, занимавшие в лагере административные должности, они якобы сознательно насаждали произвол, самоуправство. А выиграли «соцблизкие», подучившие после комиссии ряд привилегий. Но ставка на уголовников не оправдалась, они лишь запутали учет и развели воровство и хищения везде, где можно было чем-то поживиться.

Победа каторжного
социализма

СОЛОВЕЦКИЙ ПОЛК

На севере диком, где сосны и льды
Полночною тьмою объяты,
Мы бодро смыкаем стальные ряды
Под знаменем пролетариата.

И зимняя вьюга, и лютый мороз
Для стойкости нашей лишь проба.
Стоит на посту, не страшась угроз,
Наш полк Соловецкий особый.

Винтовка стальная не тянет пачка,
В подсумке готовы патроны —
Нам помнится твердо завет Ильича,
На страже стоя обороны.

Пусть скалят буржуи завистливо пасть,
Но мы пролетарского рода,
И грудью стоим за Советскую власть
В часы роковой непогоды.

А. Кар

Личный жетон бойца Отдельной Дивизии Особого Назначения Феликса Дзержинского при Коллегии ОГПУ, образованной 21 июня 1923 года

Начальнику Управления Соловецких лагерей

Совершенно секретно

Доклад

4-й полк Отдельной Дивизии Особого Назначения Феликса Дзержинского при Коллегии ОГПУ подчиняется во всех отношениях, кроме оперативного, комиссару ОДОН, а в оперативном же подчинении находится у начальника Управления Соловецкими лагерями Особого Назначения...

Состав полка на 29 марта 1929 года: комсостав — 30, политкомсостав — 18, штыков — 521, сабель — 24, пулеметчиков — 28, прочих — 58. Итого: 679 бойцов.

Социальное происхождение: из рабочих — 15%, из крестьян — 79%, прочих — 6%.

Осенью прошлого года полк имел пополнение около 150 человек, прибывших из различных частей. Видимо, части, отправлявшие это пополнение, постарались сбить все, что было негодного, и этот контингент не только сам понизил состояние дисциплины основного состава полка, но и повлиял в худшую сторону на некоторую часть состава полка. Значительно увеличились правонарушения, непослушание, пререкания с младшими командирами и халатное отношение к служебным обязанностям.

Летом 1926 года на полк было возложено конвоирование и охрана заключенных, работающих на постройке Кемь-Ухтинского тракта. На расстоянии ста километров до 40% состава полка было разбросано мелкими группами от восьми до восемнадцати человек. Размещались в землянках и шалашах. Из-за отсутствия дорог и дальности расстояния были перебои с продовольствием, что усугублялось отсутствием в районе работ торговых заведений, где можно было бы закупить продукты. Служба неслась ежедневно, включая праздники, по восемнадцать часов в сутки.

При таких условиях какие-либо подготовка или воспитание были невозможны, контроль начсостава ослаб, мер дисциплинарного воздействия за правонарушения применять было нельзя, так как увеличить службу внеочередными нарядами было невозможно, а применять арест тоже нельзя, так как нечем заменять арестованного. Эти причины повлияли на политико-массовое состояние, и дисциплина упала.

Борьба с преодолением последствий двух вышеуказанных случаев велась непрерывно и неослабно всеми доступными методами и формами политработы. Лишь к началу зимы прошлого года достигнуто значительное повышение качества службы...

Командир-комиссар полка Петров
Начальник штаба Кривошеин

Советскую власть, в зависимости от темперамента или от политических убеждений, оценивают, как известно, с самых различных точек зрения. Но, по-видимому, за скобки всех этих точек зрения можно вынести один общий множитель, как будто бесспорный: советская система как система власти, во что бы то ни стало, показала миру недостижимый образец «техники власти»... Как бы мы ни оценивали советскую систему, бесспорным кажется еще одно: ни одна власть в истории человечества не ставила себе таких грандиозных целей и ни одна в истории власть по дороге к своим целям не нагромодила такого количества трупов. И при этом — осталась непоколебимой. Этот треугольник: целей, трупов и непоколебимости — создает целый ряд оптических иллюзий... За голый техникой властвования людям мерещатся: и «энтузиазм», и «мистика», и «героизм», и славянская душа, и много вещей в стиле Откровения св. Иоанна или, во всяком случае, столь же понятных...

...В 1918 году в германском Киеве мне как-то пришлось этак «по душам» разговаривать с Мануильским — львиным генеральным секретарем Коминтерна — тогда представителем красной Москвы в весьма неопределенного цвета Киеве. Я доказывал Мануильскому, что большевизм обречен — ибо сочувствие масс не на его стороне. Я помню, как сейчас, с каким искренним пренебрежением посмотрел на меня Мануильский... Точно хотел сказать: «Вот поди ж ты, даже мировая война — и та не всех еще дураков вывела...»

— Послушайте, дорогой мой, — усмехнулся он весьма презрительно, — да на какого же нам черта сочувствие масс? Нам нужен аппарат власти. И он у нас будет. А сочувствие масс? В конечном счете — падевать нам на сочувствие масс...

Много лет спустя, пройдя суровую, снимающую всякие иллюзии школу советской власти, я своей шкурой прощупал этот, уже реализованный, аппарат власти. Только после всего этого мне стал ясен ответ на мой давнишний вопрос: из кого же можно сколотить аппарат власти при условии отсутствия сочувствия масс?

Ответ заключался в том, что аппарат можно сколотить из сволочи, и, сколоченный из сволочи, он окажется непреодолимым; ибо для сволочи нет ни сомнения, ни мысли, ни сожаления, ни сострадания. Твердой души прохвосты. Конечно, эти твердой души активисты — отнюдь не специфически русское явление. В Африке они зани-

маются стрельбой по живым чернокожим целям, в Америке линчуют негров, покупают акции компании Ноева Ковчега. Это мировой тип. Это тип человека с мозгами барана, челюстями волка и моральным чувством протоплазмы. Это тип человека, ищущего решений плогавых своих проблем в распоротом животе ближнего своего. Но так как никаких решений в этих животах не обнаруживается, то проблемы остаются нерешенными, а животы вспарываются дальше. Это тип человека, участвующего шестнадцатым в очереди при коллективном изнасиловании.

Реалистичность большевизма выразилась, в частности, в том, что ставка на сволочь была поставлена прямо и беспретно. Я никак не хочу утверждать, что Мануильский был сволочью, как не сволочью был и Торквемада. Но когда христианство тянуло людей в небесный рай кострами и пытками, а большевизм — в земной — чехой¹¹² и пулеметами, то в практической деятельности — ничего не поделаешь — приходилось базироваться на сволочи. Технику организации и использования этой последней большевизм от средневековой и капиталистической кустарщины поднял до уровня эпохи самолетов и радио. Он этот «актив» собрал со всей земли, отделил от всего остального населения химической пробой на донос и кровь, отгородил стеной из ненависти, вооружил пулеметами и танками, и... наплевать нам на сочувствие масс...

В командировке Сорока стрелок Голоцуц хватался, что когда он, бывало, водил арестованных, то редко доводил их до места: обыкновенно, «все пытались бежать», то есть он их расстреливал.

Из показаний на допросе Курилко И.А.

Из доклада «О деятельности Управления Соловецких лагерей ОН ОГПУ за 1926–1927 операционный год»

Непосредственно близкое соприкосновение с массами заключенных имеет низовой административный аппарат – ротный комсостав. В каждом Отделении имеется староста сообразно с количеством заключенных, находящихся в данном Отделении. Старосты, командиры рот и их помощники назначаются начальниками Отделений из числа заключенных, заслуживших за время своего пребывания в лагере доверие и проявивших себя с хорошей стороны. Преимущество дается заключенным – бывшим сотрудникам ВЧК–ОГПУ. За немногим исключением, комсостав соответствовал своему назначению... Весь надзор за заключенными несет специально созданная Команда Надзора, скомплектованная из числа наиболее надежных заключенных, преимущественно из бывших сотрудников органов ВЧК и ОГПУ, бывших членов партии и бывших военнослужащих РККА.

Команда Надзора возглавляется Начальником команды, его помощником и старшиной (эти трое – вольнонаемные), остальные же надзиратели из заключенных подразделяются на старших и младших, причем первые не только несут конвойную и охранную службу, но и занимают должности начальников командировок, наблюдая и за лагерной дисциплиной во вверенных им командировках...

Команда Надзора имела на первое октября 1927 года в своем составе 261 человека, то есть на одного надзирателя приходится приблизительно пятьдесят заключенных, что ни в коем случае нельзя считать нормальным явлением, особенно для удаленных командировок...

Общее состояние дисциплины Надзора можно считать удовлетворительным... Большую роль в поддержании дисциплины сыграли «особые» приказы по УСЛОН, в которых отмечались те или иные преступные деяния отдельных надзирателей, с оглашением репрессивных мер, которые применены к виновным...

...Большинство из надзирателей до своего прибытия в Соллагерь проходили в том или ином виде военно-строевую подготовку, но в лагере им приходится приспособляться к специфическим местным условиям несения конвойной и сторожевой службы. В общем, можно считать команду Надзора вполне надежной и соответствующей своему назначению.

Команда Надзора вооружена трехлинейными русскими винтовками пехотного образца, а также в незначительном количестве винтовками системы «Бердан» и револьверами системы «Наган». Недостатка в винтовках и патронах к ним не ощущалось. Но ощущается недостаток в револьверах системы «Наган» и патронах к ним. Желательно было бы заменить часть винтовок на револьверы, так как винтовки неудобны в обращении в непосредственной близости от массы заключенных, а револьверы являются более портативным оружием.

Команде Надзора присвоена особая форма, резко отличающая надзирателей от общей массы заключенных...

Продовольствием команда Надзора снабжалась по «красноармейской» норме, а та часть надзирателей, которая несла службу на лесозаготовках, получала несколько увеличенную по сравнению с «красноармейской» – «рубную» – норму.

Начальник Адмчасти СЛОН
Степанов

**KORPUS OCHRONY POGRANICZA
ODDZIAŁ
SŁUŻBY GRANICZNEJ**

Из отчета
польской разведки
«УСЛАГ.1928-1932 гг.»

Заключенные, принятые в Охрану, получают специальный паек и деньги по 20-30 рублей в месяц... Они отличаются повышенной требовательностью и исполнительностью, так как надеются получить хорошую характеристику и досрочно освободиться из лагеря. Кроме улучшенного питания, такие заключенные поощряются доступом к женщинам.

Отношение охраны к заключенным очень суровое, граничит с садизмом. Характерные наказания: избивание палкой, обливание водой на морозе, опускание в пролубь, выдерживание на морозе по несколько часов...

Команда Надзора. 1928.

При неплохой зрительной памяти я почти не отличал лагерных начальников друг от друга: все они под жесткой своей фуражкой были для меня на одно лицо: узколобое, тупотвердое, солдафонское.

О. Волков

В 1930 году меня перевели из Петрозаводска в Москву, где назначили начальником оперативной группы ПТУ трех вокзалов: Ленинградского, Казанского и Ярославского...

Второго мая еду в электричке... Заходит в вагон мужчина. Вроде, внешне похож на Соловьева, эмиссара белогвардейского парижского центра. Посмотрел в свой фотоальбомчик: точно — он! И к нему.

— Гражданин, пройдемте! — Я хоть и в форме был, но сверху планш гражданский и в кепочке. Он в ответ — меня по голове и ходу. Выскочили на платформу, народу — тьма! Я встал на колени, выжила его из браунинга в ногу...

Отправили, как положено, в больницу... Оказалось... похож, но не террорист, а сын ответственного «спецза». В больнице он скончался...

Меня отправили на Лубянку, потом дают бумагу расписаться. Читаю: «5 лет заключения в концлагерь Управления СЛОНа за превышение служебных полномочий и применение оружия в общественном месте».

Оставили меня в Кемском лагере, на общих работах. Это значит — подъем в пять утра и несколько километров по Ухтинскому тракту, на делянку. До позднего вечера пилить лес, и тем же маршрутом обратно. Обед, как такового, не было, выходных — тем более. Не знаю, сколько бы выдержал!

Но вскоре вызывает меня начальник Информационно-Следственного отдела лагеря Линин и показывает под расписку цифровку из Москвы: «Заключенного Моисеева использовать на оперативно-чекистской работе». Дали наган, обмундирование без петлиц, поселили на частной квартире...

В 1931 году Коллегия ОГПУ сняла с меня судимость, но без права покидать Карелию. Восстали в партии. Все нормально. С октября 1931 года, в связи с началом строительства канала, меня назначили начальником Восьмого Отделения ББК, а затем — начальником Учетно-Распределительного отдела Белооморско-Балтийских лагерей.

Работы у начальника Отделения было, конечно, много. Начиная день в семь утра и до девяти вечера. В Отделении было десять тысяч человек... Проверять работу на основном производстве... Старался заглянуть в бараки, поговорить с отказниками, поагитировать. Их основное требование было, как ни странно:

— Сними охрану, тогда пойдем работать. — Приходилось идти на риск, снимать стрелков. Побегов, правда, было немного.

После обеда, как правило, занимался оперативно-чекистской работой... Вот один случай, еще по Соловкам. Сообщают нам, что приедет международная комиссия по проверке фактов «принудительных работ». Приказ: «Встретить, представить все, что захотят. Но если они напишут что-нибудь плохое или, не дай Бог, документы добудут, спрос с оперчека УСЛОНа!»

Ладно, подобрали им дом, в качестве хозяйки определили сотрудницу нашего Информационно-Следственного отдела, бывшую баронессу Эльзу Фронт-Роман, знающую иностранные языки. Приезжают мужчина и женщина, как мне помнится, называли их «миссия Томпсона». Поселились, ходят по Кемь, фотографируют лагерников на Кемь-пристань при погрузке леса, на делянке, за заготовкой мха. Вижу, выбирают заключенных похуже, пооборваннее, беседовать с ними пытаются. Потом заявляют, что им нужно выехать на лесозаготовки.

— Есть, — говорю, — съездим.

Взяли старенький «фордик». За руль сел наш оперативник... Километра три отъехали по Ухтинскому тракту, мотор заглох. Шофер полез копать и чинил его... целый день. Приехали в Ухту к ночи, снимать, конечно, нельзя.

Когда мы поехали обратно и мотор опять заглох, я чуть не с криками набросился на водителя. Ору, слова иностранные вставляю... Чтобы, поверили, значит... Мистер Томпсон сам полез в мотор, но там все на совесть было сломано.

Ладно, приехали в Кемь. Эльза Фронт-Роман докладывает:

— Иностранцы уверены, что все это подстроено, и им нужно быстрее уезжать, увозить фотопленку, которую успели отснять в Кемь.

Ну — приказ-то надо выполнить! Хорошо, что в лагере было много «умельцев» разных специальностей... Идем уже на вокзал, вдруг этот Томпсон хлоп, хлоп себя по бокам: фотоаппарата-то нет! Один ремень болтается... Скандал международный!

— Есть, — говорю, — примем меры: найдем, накажем... Но, сами понимаете, народ такой, ушлый...

Фотоаппарат вернули, конечно, перед отъездом. Правда, разобранный... Вот такие операции приходилось проворачивать.

Конвоиры, или, как их называют на Соловках, Надзор, набраны из ссыльных чекистов.

Сюда выбирают молодых, физически сильных и непременно жестоких. Этот Надзор как бы необходим для конвоирования арестантов с целью предотвращения побегов. На самом деле, главное предназначение его — это физическое принуждение заключенных к выполнению работ. Приказом начальника УСЛОН Эйхманса установленно право Надзора расстреливать на месте не выполнивших урок. Было немало случаев, когда Надзор, получив партию рабочих одной численности, приводил на одного или двух меньше. На вопрос дежурного по лагерю:

— Где недостающий арестант? — обычно следовал ответ:

— Заболел, остался в лесу... — или — скоропостижно скончался, труп закопан в лесу.

Отчего заболел и почему оставили на излечение в лесу, а не взяли с собой, или отчего скончался скоропостижно, это здесь тайна, известная одному Надзору да некоторым работавшим вблизи арестантам. Знающие тайну обязаны хранить гробовое молчание. Разглашение такой тайны могут поставить в вину и приписать новое преступление — «возбуждение масс с целью...».

Охранник был полным хозяином всего лагерного населения. В его воле было нудить заключенных работой, сколько ему угодно. Часто работы обращались в истязания прямо-таки неопишемые. Люди в руках истязателей-чекистов

гибли, как мухи. Прерогативой охранника являлось право на убийство заключенного, сославшись на любой пустяковый и притом всегда ложный повод. Например, попытка к побегу, разговор с охранником (таковой строго воспринимался, ибо мог служить сигналом к массовому нападению на охранника).

О всяком убийстве составляется краткий акт соответствующего содержания, подписанный убийцей и его ближайшим начальником. Этот документ нужен был только для исключения убитого из лагерных списков. По соловецким обычаям, убийца имел право снять с трупа и присвоить себе любую вещь.

Если у охранника загорались корыстные глаза на что-либо в жалком имуществе заключенного, то последнего можно было уже считать пропавшим человеком, намеченным «в расход» в первую очередь. Не в редкость бывали случаи убийства за хорошие сапоги. Вообще охрана старого лагеря несла функции не только охранные, но по преимуществу падаческие и хозяйственные. Всякие работы проводились через охрану. Охранник не столько охранял порученную ему партию заключенных, сколько старался сделать работу наиболее мучительной, а иногда бессмысленной. Образцом такой бессмысленной работы можно считать выдумку палача Вейса (Секирный изолятор), заставлявшего заключенных носить ведрами воду из одной проруби Савватиевского озера в другую.

Персонал лагеря в 1931 году состоял из трех категорий: ничем не запятнанные, служившие там, как они могли служить в любом другом месте, — эти носили фуражки с красным околышем, синим верхом и обычной красной звездой на них; следующая категория носила такие же фуражки, но без звезды — это означало, что перед вами штрафник, посланный сюда за какой-нибудь провинность.

Наконец, самая многочисленная категория носила однотонные серо-зеленые фуражки с надписью «Охрана», литографированной на дугообразной металлической пластинке, миллиметров сорок длиной и пятнадцать шириной, закрепленной вместо кокарды, это были заключенные из «социально-близких», как они официально именовались, в отличие от осужденных по 58 статье (контрреволюция) «социально-чуждых». Добровольно служившие в «Охране» презирались остальными заключенными.

Проверка производилась во внутреннем дворе монастыря, достаточно вместительном, чтобы принять те несколько тысяч человек, которые тогда содержались в Кремле. Заключенных строили примерно в десять—двенадцать шеренг, и несколько десятков надзирателей из

«Охраны» производили одновременно переключку по своим группам, отмечая откликнувшихся в списке. После окончания переключки появлялось более высокое начальство в фуражке со звездой и объявляло о различных распоряжениях по лагерю. Тут же два раза в месяц оглашались от имени Коллегии ОГПУ приговоры по внутрилагерным делам, в подавляющем большинстве случаев по обвинению в контрреволюционной пропаганде среди заключенных.

Эти дела вело свое внутрилагерное ГПУ, так называемый ИСО — Информационно-Следственный отдел, имевший свою тюрьму, своих следователей, свою секретную агентуру. Как правило, заключенные, имевшие срок в десять лет, а таких было подавляющее большинство, автоматически приговаривались к расстрелу.

О приведении в исполнение смертных приговоров тоже сообщалось на поверках — в воспитательных целях. Не знаю, правда ли это, но с чьих-то слов говорили, что расстреливать собственноручно были обязаны начальник лагеря, его заместитель и начальник ИСО, которые перед входом в подвал, где им предстояло покончить с двадцатью—тридцатью заключенными, притупляли свои чувства водкой.

Группа охранников. Остров Соловки. 1932 год

Объяснительная записка
к проектируемой структуре
и штатам УСЛОН

Секретно

Ногтев

МАТЕРИАЛЫ
по
РЕОРГАНИЗАЦИИ
С.Л.О.Н.

На 65 листов.

Апрель 1930.

Одним из пунктов № 12

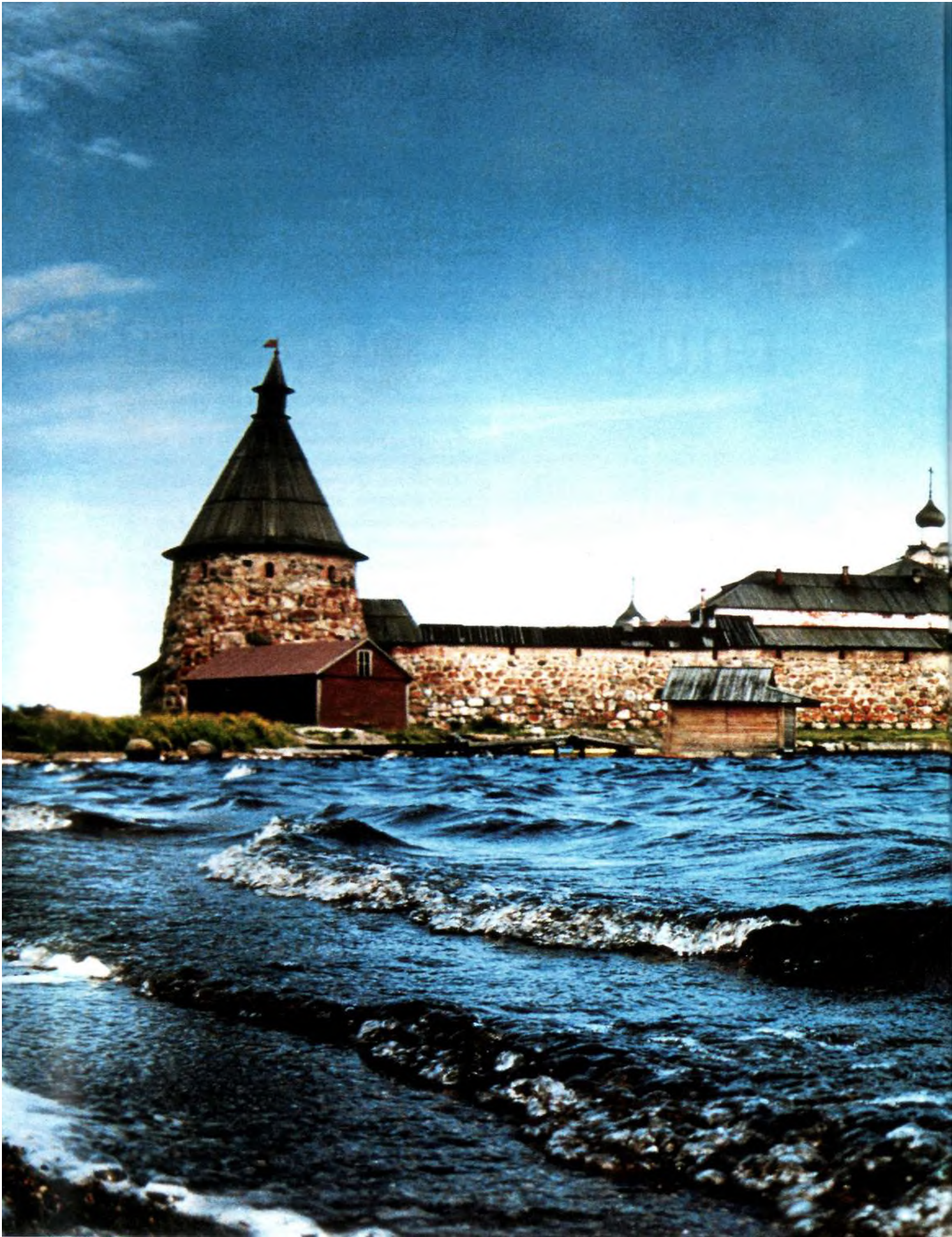
только для обслуживания технических нужд не менее двухсот пятидесяти-трехсот человек. УСЛОНу же, по роду его деятельности, приходится, как известно, не только руководить производством, но и полностью содержать заключенных...

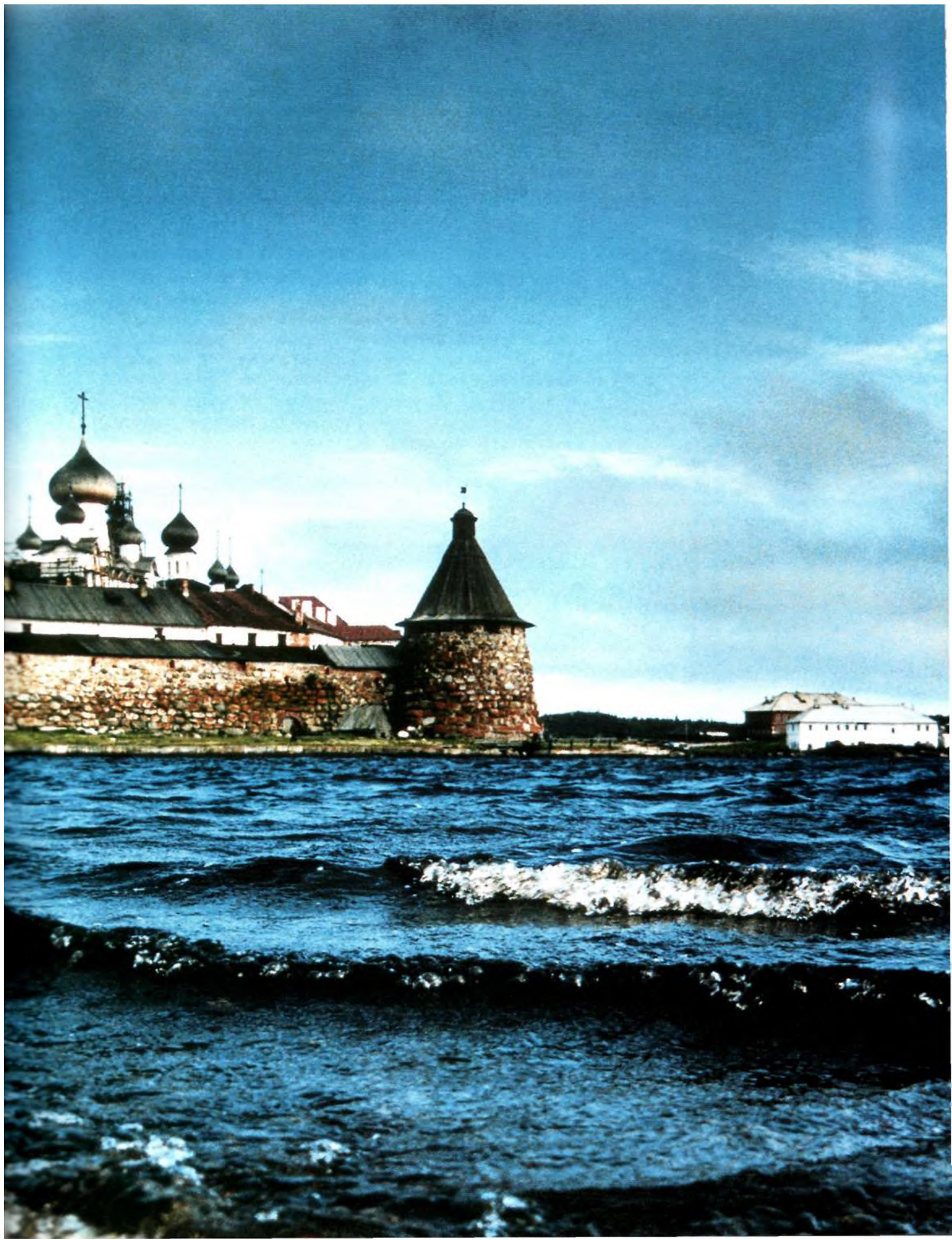
Перевод на самостоятельный баланс Отделений даст возможность в точном соответствии с постановлениями XVI ВКП(б) партконференции и ЦК партии свободно развиваться, побуждая одновременно стремиться путем проявления инициативы и творчества к более правильному и рациональному развитию их деятельности. Предлагается организация в центральном аппарате 17 Отделов: Секретариат, Культурно-Просветительный, Санитарный, Охраны, Информационно-Следственный, Планово-Контрольный, Бюро Рационализации, Учетно-Распределительный, Финансовый, Снабжение, Торговый, Производственно-Технический, Лесной, Дорожно-Строительный, Рыбпром и т.д.

Представляемые штаты по центральному аппарату УСЛОНа - 251 человек и по Отделениям - 1565 сотрудников. Число штатных единиц находится в зависимости от количества населения лагерей. Число воспитателей принято из расчета - один на триста заключенных; охрана - один на тридцать человек. Если принять во внимание, что население лагерей увеличилось почти втрое, соответственно с этим коммерческо-хозяйственная деятельность УСЛОНа, по сравнению с прошлым операционным годом, расширилась более, чем в три раза, то предлагаемое увеличение штатов является лишь кажущимся, учитывая увеличение масштабов работы. Создаются условия, при которых использование рабочей силы бесспорно будет проводиться более целесообразно.

Начальник Управления СЛОН Ногтев*
Апрель 1930 года

*Ногтев А.П. - организатор и первый начальник СЛОНа вновь принял командование Управлением Соловецких лагерей в 1929 году перед приездом М. Горького. Он организовал ряд карательных акций, включая расстрел по сфальсифицированному делу о «Кремлевском заговоре». Разработанный им проект «Материалы по реорганизации СЛОН» имел целью расширение деятельности лагерей на материке и в дальнейшем - руководство строительством Бедоморско-Балтийского канала. Однако победными силами предложившие создание нового лагерного Управления на континенте. Ногтев проиграл, был оговорен в Москву и позднее сам оказался еще одним зеком ГУЛАГа. Новое Управление, созданное летом 1930 года на континентальной базе СЛОНа, поглотило и лагеря на Соловецких островах.

Успенский, после расстрела заключенных у Кремля против женского корпуса, явился под утро в здание Управления. Он прошел в уборную и там в умывальнике отмывал от крови сапоги. Умывальник примыкал к нашему Криминалистическому¹¹⁴ кабинету.

Д. Лихачев

шил меня на чердак, где лежало много вещей, и сказал: «Это вещи расстрелянных...»

Когда меня Голубков тащил смотреть расстрелянных, то в то время он был уже начальником Секирной горы. Я спросила его: «Как же, Павлик, их оттуда вынимают, ведь кровь и все..?»

Он мне ответил: «Для этого вызывает коменданта или старнада (старшего надзирателя) Секирной, которые свозят тела в общую яму».

Гуревичкина Н.А., заключенная СЛОНа

Из материалов следственного дела

О начальнике Отделения Успенском мне известно, что он страшно падкий до женщин-заключенных. С ним жили несколько женщин... Одна из них однажды, будучи у него на квартире, его обезоружила, когда он пьяный был... Начальник Отделения Успенский очень часто появлялся в пьяном виде, грозил обнаженным своим браунингом, и его любимые слова были: «Проверчу дырку во лбу...»

Покровский Я.П., Уполномоченный ИСЧ, заключенный СЛОНа.

Из воспоминаний Н. Жилова

Сын дьячка, Дмитрий Успенский, вступил в революцию семинаристом и принял сторону большевиков. В семнадцать лет вступил в комсомол, а в двадцать четыре — в партию. Он был направлен на работу в лагерь и стал политруком ВОХРа. В Соловках Успенский получил известность, и когда начальник СЛОНа был снят за эпидемию сыпного тифа, которая была зимой 1929—1930, то, несмотря на тридцатидвухлетний возраст, Успенского назначили начальником Соловецких лагерей. Высокий, плечистый,

немного сутулый, с огромными руками, с красноватыми, как у кота, глазами и длинными зачесанными гладко назад рыжеватыми волосами он напоминал медведя, особенно когда облачался в тудуп и меховую шапку.

Где-то среди беспорядочных связей с заключенными женщинами Успенский подхватил твердый шанкр. Его лечил заведующий лазаретом Али Гайдар Доневадов. Так как Али Гайдар готовился к освобождению, то передал лечение Успенского мне. Сам же Доневадов из

Успенский Д.В. на ББК. 1932 год.

Успенский на Соловках разыгрывал роль «царька», все заключенные его страшно боялись, в том числе и я, так как он всех терроризировал словами: «Посажу и расстреляю». Испуг заключенных был вполне понятен, так как Успенский сам приводил в исполнение многочисленные приговоры Коллегии ОГПУ...

Из показаний на допросе сотрудника ИСЧ Озолина А. К.

Из материалов следственного дела

В Соловки я прибыла в 1929 году. В начале 1930 года я познакомилась с сотрудником охраны заключенным Голубковым П.М. и жила совместно с ним до сегодняшнего дня. Голубкова перевели сотрудником на Секирную...

В одно время, когда я была на Секирной, приехал начальник Успенский, который, попив чаю, уехал обратно. После отъезда Успенского Голубков стал приставать ко мне, говоря: «Ты знаешь, сколько начальников сегодня в ночь расстрелял шанцы? Нам столько не видеть...»

Однажды пьяный Голубков взял меня за руку и повел в подвал, где лежали расстрелянные, и сказал: «Эти все расстреляны Успенским, Дегтяревым и Приваловым. А ты хочешь знать, сколько завтра будут расстреливать?» и прочел мне длинный список мужчин и женщин. Потом Голубков силой ута-

лагеря не вышел — «умер от менингита» накануне освобождения. Лечение начальника лагеря было покрыто тайной и строгой конспирацией. В условиях САОНа для меня это было то же, что для золотоискателя напасть на неисчерпаемую золотую жилу.

Если наши отношения нельзя было назвать дружбой, то, во всяком случае, это были отношения связанных тайшой заговорщиков. Следует отдать должное Дмитрию Владимировичу — он был благодарный пациент. Я получил ордер на право бесплатного питания в столовой для вольнонаемных. Обеды из трех блюд на уровне лучших столовых Ленинграда! Наблюдая важного пациента, я становился свидетелем его

стремительной служебной карьеры. Он шел скачущими шагами все выше и выше. Вскоре ему подчинили четыре Северных Отделения строительства Беломорканала, назначив заместителем начальника Управления БелБаалАга.

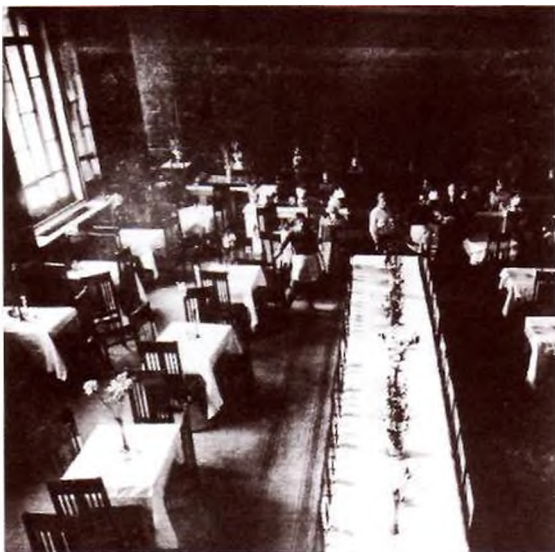
Бешеные темпы строительства канала, которых, выслуживаясь, добивался Успенский, привели к тому, что тысячи заключенных «дошли» до дистрофического состояния и мешали остальным работягам.

По указанию администрации я сам однажды готовил наряд на эвакуацию **двенадцати тысяч** ослабленных заключенных — «доходяг» из огромного строительного лагеря, возглавляемого тогда Дмитрием Успенским.

Где же люди? Не ищите их далеко, они здесь: они отдали свое лучшее, и их так много, что имена не упомянуть. Имена здесь сливаются в народ, как сливаются капли в падун (водопад).

М. Пришвин. 12 июля 1937 год

Из воспоминаний И. Зайцева

Кемь — небольшой портовый город на Белом море. Сюда доставляют во множестве лесные материалы: бревна, доски, дрова, заготовленные даровыми руками соловецких мучеников и покрытые иногда кровью соловецких каторжан. Отсюда, с причалов Попова Острова, происходит отправка арестантов на острова.

В комендантском лагункте в Кемь заключенный, имевший пропуск, мог без конвоя, или, как говорили, «без свечки», свободно войти днем в ресторан, сесть на полумягкий стул и заказать по меню обед из трех блюд и даже пиво в двухсветном зале, где на хорах играл струнный оркестр из каэров.

Н. Жилов

Из воспоминаний Н. Жилова

В 1929 году Управление Соловецкими лагерями — сокращенно УСЛОН — переселилось в Кемь. Из кирпича с отделкой под серый камень СЛОН возвел на берегу реки трехэтажное административное здание с рестораном и магазином, а рядом — двухэтажное здание гостиницы.

На окраине Кемь расположился так называемый комендантский лагункт. Здесь проживала обслуга УСЛОНа, рабочие лесопильного завода и различных мастерских — портновских, са-

пожных, столярных, слесарных и других. Эти мастерские обслуживали, главным образом, вольнонаемных, делая прекрасную мебель, шили великолепные костюмы и прочее. Попасть с Соловков на материк считалось большим счастьем. Живя на Поповом Острове, можно было и организовать более или менее хорошее общение с «Большой землей» или, как говорили заключенные, с «Большим лагерем», в отличие от островков лагерей смерти.

Далеко большому Лондону с его кучкой сытых и миллионами обездоленных до маленькой советской Кемь. Частицы общества, законом которого является: «Забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех».

Из газеты «Красная Карелия». 1932

ЦК ВКП(б) тов. Сталину
 Емкость внешнего рынка весьма ограничена. Наличие больших конкурентов делает проблему советского лесозэкспорта еще острее. Надо быть готовым к снижению цен в целях вытеснения Швеции, Норвегии и других стран. На освоение всех лесных массивов края остается менее двух лет. В столь короткий срок нельзя колонизировать край — потребуются, даже при интенсивной механизации лесозаготовок, увеличить привозную рабочую силу более чем в 10 раз, а крестьян с лопатами (спецпереселенцев) — в еще большее число раз.

24 декабря 1929 года
 Председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР С. И. Сырцов¹²³

Молотов В. М. — председатель Совета Народных Комиссаров СССР и Совета Труда и Обороны СССР

У нас 1 млн 134 тыс. человек занято на лесозаготовках, и все они работают в условиях обычного свободного труда... Однако мы никогда не думали скрывать такого факта, что труд заключенных, здоровых людей, у нас применяется на некоторых коммунальных и дорожных работах. Мы делали это и будем делать впредь. Это выгодно для общества и для... преступников.

В ряде северных районов, о которых так много пишут теперь в буржуазных газетах в связи с кампанией о «принудительном труде в СССР», у нас действительно на некоторых работах применялся и применяется труд заключенных. Но труд заключенных не имеет никакого

отношения к продуктам нашего экспорта. Могут добавить еще несколько слов об условиях труда и быта заключенных. Продолжительность рабочего дня установлена во всех лагерях заключенных по восемь часов, при получении обеспеченного пайка и, вообще, достаточного снабжения, кроме дополнительного ежемесячного получения двадцати—тридцати рублей на руки. Заключенные имеют нормы труда, не превышающие выработку вольного рабочего. Лагерь представляет собой поселение людей, свободно, без охраны, перемещающихся по территории...

Здесь развернута культурно-просветительская работа, получают книги, журналы. К позору капиталистов, многие и многие их безработные позавидуют сейчас условиям труда и жизни заключенных в наших северных районах...

Из доклада Молотова В. М. на VI Съезде Советов газета «Известия», 13 марта 1931 года

Из воспоминаний Ю. Данзас

Мы все давно привыкли к постоянной лжи, которая является основой советского режима, но заявление министра Молотова в газете «Известия», бесстыдно посмеявшегося отрицать ис-

пользование труда каторжан на лесозаготовках в Соловках и других лагерях Севера, повергло в оцепенение многие сотни тысяч заключенных от Белого моря до Урала.

Фасад трехэтажного административного здания Управления Соловецкими лагерями, возведенного силами заключенных на берегу реки Кемь в 1929 году

Хотя Управление Соловецких лагерей переехало в Кемь, так как главные огромные работы разбирались уже на материке, лагерь продолжал называться СЛОНОм, то есть Соловецкими лагерями Особого Назначения. По этому поводу ходило множество шуток. Была даже печать со слонем. А перед зданием Управления — клумба, где из белых камней тоже выложен слон.

А. Лихачев

Вырубка лесов велась очень интенсивно, в лагерном пункте Мореплав был сооружен пирс для причала морских судов, где происходила погрузка лесоматериалов на экспорт. К пирсу подвели ветку железной дороги. Лагунка Мореплав играл важную роль в экономике лагеря. Как патетически воскликнул один из начальников на производственном совещании: «Чем пахнет сосна?» — И сам ответил: «Валютной!»

Н. Жилов

Из воспоминаний К. Гурского

Многочисленные заключенные, с которыми мне пришлось встречаться в лагерях за свой длительный срок, рассказывали о том, что некоторые потерявшие надежду выжить несчастные коптали жизнь самоубийством или рубили себе пальцы рук и кровью писали на лесоматериалах (бревнах и досках), предназначенных для экспорта за границу, три буквы «SOS» — Спасите Наши Души!» или тайком закладывали в штабеля письма с описанием своей участи.

Одну такую, кровью сделанную, надпись на доске мне пришлось лично видеть на острове Вайгач. Доска эта была из штабелей леса, спасенного узниками Вайгачского лагеря с эстонского парохода «Кенник», который шел с грузом в Европу, но сел на мель у мыса Белого в Югорском проливе. Там же обнаружили два спрятанных письма на английском и немецком языках, оповещавших Запад о тяжелой участи заключенных...

**Из приказа по ОГПУ ІЗІ от 25 апреля 1930 года
«О записи добровольцев из чекистских кадров
на руководящую работу во вновь организуемые лагеря»**

...Энтузиазм и энергия чекистов создали и укрепили Соловецкие лагеря, играющие большую положительную роль в деле промышленного и культурного развития далекого Севера Европейской части нашего Союза. Новые лагеря под руководством чекистов так же, как и Соловецкие, должны сыграть преобразующую роль в хозяйстве и культуре далеких окраин.

ПРИКАЗЫВАЮ:

Открыть запись добровольцев из чекистских кадров на руководящую работу в имевшихся и вновь организуемых лагерях. Срок службы в лагерях установить 3-годовалый, после чего желающие поменять место работы будут переводиться на оперативную работу в местности по их выбору.

Раз в год добровольцам предоставлять отпуска сроком на два месяца; по истечении 3-х лет службы выдавать денежное вознаграждение, выслугу в размере 3-х месячного оклада и предоставлять дополнительный 3-х месячный отпуск.

Зам. Председателя ОГПУ Г. Ягода

Из воспоминаний В. Кичкаса

Поражение троцкистской и бухаринской оппозиции дало тысячи новых заключенных. Индустриализация страны, начавшаяся с крупных процессов работников Центрального Управления Наркомгта Путей Сообщения, «Шахтинского дела» и других, привела в концлагеря, кроме непосредственно подсудимых, уже десятки тысяч людей. Наступление социализма на деревню и сплошная коллективизация отправили в ГУЛАГ еще сотни тысяч крестьян, не желавших воспользоваться счастьем радостного труда в колхозах. Соловецкие острова переполнились

Места ссылки и каторги являлись пульсом страны: как только начинались очередные социалистические реформы, вроде, например, коллективизации, неизменно и фатально начинало расти население ГУЛАГа.

М. Никонов

до отказа. Новые этапы наряду с интеллигенцией привозили сюда хлеборобов с Украины и из Белоруссии, пастухов из Казахстана и Туркмени, крестьян из Узбекистана, Армении, Грузии и Крыма, казаков с Дона, Кубани и Терека, козачков из Якутии, цыган из Приднестровья и других «хозяев необъятной родины своей». Соловецкие лагеря, выплеснувшись на материк, заняли всю территорию Карелии, охватили Север от Мурманска до Ленинградской области, вплоть до города Ладейное Поле на юге и до города Онеги на востоке.

Этап заключенных на барже «Клара». 1928 год.

Наступление социализма на деревню, сплошная коллективизация отправили в ГУЛАГ еще сотни тысяч крестьян, не желавших воспользоваться счастьем радостного труда в колхозах.

В. Кичкас

— Посмотрите-ка в окно, какими этанами пачали слать нашего брата. — Мы бросились к окну. Большая толпа в виде ленты вилась от домов на пристани и до Северных ворот Кремля.

— Около тысячи будет народу. Разгрузили «Глеба Боккого», «Неву», баржу «Клару». И все из Донбасса. Шахтинские «вредители».

По газетам мы знали о громком процессе «вредителей» в угольной промышленности Донбасса, недавно закончившемся. Перед судом тогда прошло только шестьдесят обвиняемых. О них трубили во всему миру, рекламируя бдительность ГПУ и напряженность стройки «новой жизни».

Однако так называемому общественному вниманию был показан только совершенно ничтожный кусочек громадного внутреннего процесса. После суда над шахтинскими «вредителями», по директивным заданиям ГПУ, начались «вредительские наборы». Эти «ударные» вредительские процессы начинались и кончались в подвалах, оставаясь совершенно неизвестными вне подвальных стен. По истечении нормального карантинного срока в нашей Десятой роте появились инженеры-шахтинцы. Их невозможно было разместить в кельях, и длинные ротные коридоры оказались сплошь заселенными вновь прибывшими, из числа имеющих бааг, крупными специалистами.

Инженеры соловецкого лагерного аппарата хотели помочь своим собратям и стремились их устроить хотя бы на какую-нибудь нефизическую работу. Однако чекисты, попедшие сначала на такое использование специалистов, варуг категорически воспротивились этому и распорядились держать шахтинцев на общих работах не две недели, а четыре месяца. Впрочем, переселившиеся в Десятую роту инженеры, хотя и ходили на общие работы, но жить остались в тех же коридорах.

Наша Десятая рота стала походить на огромный вагон, забитый публикой до отказа. Первые моменты суеты и толкотни прошли, поезд идет, пассажиры как-то устроились, и вот начинается дорожная жизнь. Для всех этих сотен инженеров было характерно одно: они совершенно ошеломлены случившимся и, говоря о своем деле, недоуменно пожимали плечами.

— «Дела» нет никакого. Для какой именно цели понадобилась эта, отнюдь не веселая комедия, неизвестно, — говорили обычно они.

О размерах «Шахтинского дела» заключенные имели только приблизительное представление. По самым скромным подсчетам, арестованы были десятки тысяч. Угольная промышленность оказалась совершенно опустошенной. На места «вредителей» руководителями производства ставили молодых инженеров коммунистической школы. «Вредители», конечно, хорошо знали и молодых инженеров, и их пригодность к работе и ничуть не сомневались в глубоком и скором развале угольной промышленности в Донбассе.

— Все дело не в том, что нас поснимали с работы, — говорил пожилой инженер, — но мания поиска вредителей затомила весь аппарат промышленности и сделала невозможной работу технического надзора. Никто не хочет брать на себя ответственности даже за пустяк, чтобы не быть названным вредителем, предпочитая предоставить все самотеку, а ведь неуправляемая работа сама себя губит. Каждый советский инженер и любой специалист может быть обвинен во вредительстве.

От этого обвинения никому не оправдаться. Судите сами: всей индустрией и вообще экономической жизнью руководит коммунистическая партия. Это она дает директивы, энергично вмешивается в работу. Директивы, конечно, даются для неукоснительного исполнения без всяких рассуждений.

Работа всякого низового аппарата, будь то учреждение, фабрика, завод, регулируется только этими партийными директивами. Всякое отклонение от них есть «вредительство». Но все дело в том, что директивы партии, по своему существу, сами являются более или менее вредительскими, ибо даются они не специалистами, а «творцами новой жизни», не желающими знать, что машины имеют определенную производительность и наилучше работают при определенном, заранее рассчитанном, номинальном режиме их использования. А все эти дополнительные сверхнагрузки портят машины, расстраивают производство. Не выполнил директивы — «вредитель», выполнил точно — тоже «вредитель», ибо если машина от варварского использования пришла в негодность — виноват, конечно, инженер. Да, мы вредители, это верно, поскольку являемся соучастниками в работе общегосударственной, несомненно, вредительской системы.

Марченко Григорий Дмитриевич (1903 г.р.), студент юридического факультета МГУ, в лагере с 1929 года. Расстрелян в 1937 году.

«Я приглашен читать лекции на лагерных курсах по животноводству. Вот тебе, мамочка, и начало моей профессорской деятельности, которая мерещилась тебе при моем поступлении в университет. Называется — лучше поздно, чем никогда».

Из письма 12 февраля 1934 года

Марченко Зоя Дмитриевна (1908–2000), стенографистка. Всего – 21 год заключения и ссылки

Из воспоминаний З. Марченко

Мой брат, Григорий Марченко, был студентом юридического факультета Московского университета. Это был красивый, остроумный, подававший большие надежды в науке, любивший все новое молодой человек.

Когда в «Правде» появились «Дискуссионные Листки», то мы очень активно включились в обсуждение новых путей развития страны. Разговоры были самые откровенные, к чему и призывали эти «Листки». Никто не предполагал, что наши разговоры, после чьего-то доноса, будут названы преступлением. В февральскую ночь 1929 года был обыск, арест, и брата увели. Он пытался нас предупредить, выкрикнуть имя доносчика, но ему заткнули рот. В 1931 году арестовали и меня. Сначала я получила три года лагеря.

Муксалма — лагункт № 4. В 1932 году — около 250 заключенных. Работают в «Сельхозе», в отделении «Иодпрома», лесничестве. Имеется своя свиноферма, есть свиноводник, а также 30 коров и 40 лошадей.

Из отчета польской разведки «УСЛАГ. 1928 — 30 гг.»

Гриша подорвал свое здоровье на строительстве Беломорско-Балтийского канала и с 1932 года был вынужден ходить с палочкой.

Из писем мы знали, что сейчас он находится на Соловках, на Муксалме, заведует лагерной свинофермой. Но в этих письмах брат старательно скрывал свое тяжелое положение. Он шутил, рассказывал о своих животноводческих успехах, строил планы на будущее.

Его расстреляли в 1937 году, но только на Колыме в 1939 году я узнала из письма мамы, что он погиб. В бараке, на парах, я не могла сдерживать себя и рыдала.

— Они убили его! — Соседки затыкали мне рот и умоляли не кричать, потому что кругом было много доносчиков...

Скотные дворы на острове Большая Муксалма.

Когда там случился небольшой падеж свиней, то заведующего фермой расстреляли сразу. А дело было в том, что какой-то вор, мстя другому вору, отравил несколько свиней. Страшная история.

О. Волков

На материке в Медвежьей Горе в 1931 году было сформировано Управление нового лагеря — Белбалтлага — для строительства канала. С Соловецких островов Беломорканал выкачивал всю полноценную рабочую силу — рабсилу.

Н. Жилов

Из книги «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина»

Социалистическое соревнование и ударничество превратили дни пятндетки в героический субботник. Даже труд заключенных в социалистической стране стал трудом осмысленным, разрешающим государственной важности задачи, открывающим перспективы жизни по-новому, возвращающим или впервые включающим лагерников в ряды граждан советских республик.

В единственной на земном шаре стране свободного труда труд заключенных стал источником самоотверженной и часто энтузиастической

работы, вторично родившей десятки тысяч людей. Инициатором этой перековки был тов. Сталин. Под его руководством эта смелая идея была осуществлена чекистами. И Беломорско-Балтийский канал назван великим именем Сталина, гениального теоретика и практика большевизма, первого мастера социалистического строительства, рулевого мировой пролетарской революции.

Оргкомитет Союза советских писателей.
1932 год

Из воспоминаний М. Никонова

Наша бригада землекопов, из восемнадцати человек, первой, «лопадиной», по здоровью категории, идет к воротам лагпункта. Туда же направляются ручки людей из всех остальных палаток. У ворот мы выстраиваемся по два и подходим к самой калитке. Вахтер, молодой парень, одетый, как и все, в бундат и черную шапку, открывает калитку, считает людей и возвращает пропуск бригадиру.

Мы идем по дороге, увлекаемые потоком людей, мимо построек, разбросанных в редком лесу. Около здания электростанции, с высокой трубой и большими освещенными окнами, дорога спускается вниз, навстречу шуму водопада. Пешеходный мост, подвешенный на стальных кашатах, перекинут через реку Выг. Вода бьется между громадными замшелыми валунами, ниспадающая гривой холодной пены на отлогий берег вниз. Поток людей непрерывно течет по мосту, раскачивая его своей тяжестью.

Немного повыше всякого моста, перед самым порогом, через реку перекинут временный мост для кошней тяги. За ним у русла реки сереет громада забетонированной насыпной плотины. Это знаменитая плотина номер двадцать девять. Воды, вытекающие из озера Выг, собираются здесь в искусственный водоем с выходом в четырнадцатый шлюз. Параллельно порожиному Выгу, от четырнадцатого до пятнадцатого шлюза, в сплошном граните прокладывается канал — сто восемьдесят шестой — около двадцати двух метров шириною и четыре метра глубиною. К этому каналу, к его оконечности у шлюза пятнадцатого, и шла наша бригада. Нам задано было возить на тачках песок из карьера, расположенного в километре от канала.

По дороге к карьере рабочие вытаскивали из-под мха, из-под кустарника, из всяких нор и ям спрятанные там накануне лопаты. Бригадир награждал лопатой и меня. Песчаная выемка (ка-

рьер) с отвесными песчаными стенами наполнилась людьми разных бригад. Мы бросались к валявшимся тут же, брошенным вчера после работы тачкам, наскоро, как пошало, поправляя распатанные колеса и прибавляя камнями отлетевшие доски. Надо было спешно выполнять урок: положить и вывезти двадцать пять тачек песку, то есть сделать двадцать пять километров с грузом и столько же без груза. Пятьдесят километров марша. Это стопроцентное выполнение урока, дающее право на получение шестисот граммов хлеба. При плохом лагерном приварке потребность в питании удовлетворялась только наполовину. Кто ждал получить больше — должен был вывезти больше тачек.

В воздухе стоит сильная отборная ругань. Крепкие и привычные давно уже нагрузили тачки и катят их по проложенным доскам, а мы, новички, все еще копаемся и прилаживаемся. Я решила первый день не нажимать — ко всему присмотреться и привыкнуть.

Первая тачка стояла мне больших трудов, в неловких еще руках она шла плохо, поминутно срываясь с узких досок. Приходилось давать дорогу следующим сзади и, выждав момент, ставить тяжелую тачку на доску и снова везти, на-

Симу один. Кругом кипит работа, бодрость...
Не знаю как, но взял кирку и я,
И вдруг почувствовал, что не пропала молодость.
Что не совсем пропала жизнь моя!

Плакат Культурно-Воспитательного отдела ББК НКВД.

Для уголовников — «социально-близких» — побег был лишь пустяковым эпизодом биографии, грозившим, на худой конец, лишь прибавкой к сроку. Непудкий побег для заключенного в лагерь по 58-й статье влек за собой только расстрел — «вооруженный побег с целью поднять восстание».

О. Волков

пригавясь изо всех сил, пока она не свалится с доски. Еду мимо регистратора тачек. Счетчик насмешливо кричит:

— Что же ты, это, полтачки везешь? Я ведь только полные считаю!

Молчу и везу песок дальше по шаткому временному мосту через сооружаемый канал. Внизу под мостом, на глубине метров семи — камп. Делаю последнее усилие, сжимаю ручки тачки опемевшими руками и качу ее по пупчимся доскам. Вот и копец. По наклонным сходям быстро скатываюсь в людской муравейник, под крики и ругань сваливаю песок совсем не туда, куда надо, быстро оттаскиваю тачку в сторону и останавливаюсь, тяжело дыша, с трясущимися от усталости руками и ногами. Меня гонят, не давая отдохнуть:

— Не занимай места. Марш дальше!

Я поднимаю пустую тачку, тащу ее по мягкому песку приплюсненной насыпи и, задышав от нового напряжения, снова втягиваю ее на доску. В общем потоке, не останавливаясь, быстро иду к карьеру. Ноги дрожат и подгибаются, а перед глазами черные круги и звезды. Иду и даже не воспринимаю окружающее: вижу только узкую доску и слышу хлюпающий звук катящегося тачечного колеса.

Плакат Культурно-Воспитательного отдела ББК НКВД.

Не подлежит распространению за пределами лагеря.

Труд в СССР—дело чести, дело славы,
дело доблести и героизма!

ГОЛОС ПЕРЕКОВКИ

23 апреля 1935 г.

№ 16 (60)

Орган КВЧ и штаба

„О“ С и У

в. Соловки

Глава 9. Победа лагерного социализма

— УДАРНИКИ ОТДЕЛЕНИЯ, АПРЕЛЬСКИЙ ПЛАН — ДОЛЖЕН БЫТЬ ВЫПОЛНЕН к 25 числу!

1 мая не за горами. До этого дня осталось считанное время. Ударники-лагерники Отделения в порядке своих индивидуальных и бригадных обязательств, бригадных и труд колонных договоров взяли на себя обязательство выполнить Производственный план апреля к 25-му числу—при безукоризненных качественных показателях и при развернутой общественной работе. Месяц кончается. Как ударники выполняли свои обязательства? Какие показатели им ются? Вот вопросы, на которые ударники путем самопроверки, путем взаимного контроля должны ответить. Сейчас нужно проверить все участки работы, установить отстающие (в первую очередь—ликбез) и, путем общественного буксира, путем мобилизации всех возможностей, наверстать упущенное.

Последние оставшиеся дни необходимо использовать в полной мере для того, что бы апрельский производственный план выполнить к 25-му числу. К 1 му мая ударники Отделения должны прийти с перевыполнением не только производственных планов, но и планов по культмассовой работе. К 1 му мая нужно закончить работу школ ликбеза и малограмотных, выпустить возможно большее и, конечно, отвечающее условиям программы, количество лагерников, закончивших учебу; произвести выпуск тех кружков техминимума, которые усвоили программу. На организуемую выставку и на расширенное заседание штаба „О“ 1 го мая ударники Отделения должны выйти с действительными качественными показателями

НАЕДИНЕ С СОЛНЦЕМ

Свет у солнца прямо небывалый,
Солнцу нынче явно не везет.
Вот оно опять упало
На вечерний медный горизонт.

Нарядились сосны молодые
В иней крупный, звонкий, голубой.
Облака—дрейфующие льдины,
Накренились низко над тайгой.

Мне сегодня захотелось что то
В северной приморской тишине
После жаркой созидательной работы
С солнцем побывать наедине.

Не случайна в юном сердце радость,
Не случайно четок сердца стук
Вместе с краем, с песнями, с бригадой—
Я на славу крепну и расту.

Юность, юность и еще раз юность,
Как ты ярко нынче завила..
.. На площадке Судостроя развернулись

Круглые сосновые тела.

Мимо них иду в общезнатье,
Гвежеть Соловецкую любовь.
Расскажите, строчки, расскажите,
Как я горд за стройку и себя.

До свиданья солнце! Утром рано
Вновь придется нам с тобой сойтись.
Прасочной, как ты, и многогранной
Стала жизнь—
Ты понимаешь?—

Ж И З Н Ы..

Алексей Берегов

К СУРОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В своем выступлении на слете ударников Туломы и-к ГУЛАГ'а тов. Берман с исчерпывающей ясностью указал на цели и задачи Советской исправительно-трудовой политики: исправление исправимых путем повседневною участия их в ударном труде, культмассовой работе и точного выполнения всех требований лагерной дисциплины.

мер—лагерник Морозов Д. М., осужденный по 4 статьям к 10 г. через ВМН, бежавший из лагерей (за что получил 2 года ШИЗО), имеющий 16 приводов. Он не первый раз в лагерях, но он злостный нарушитель лагерного порядка. Дисциплина ставится им ни во что, она его просто не признает, хулиганство у него выше всего. От своего преступного

План за 20 дней апреля

по Отделению выполнен на 68,0 проц. при затрате рабочей силы на 5 проц.

Предприятия Прох. Трук.

Соловецкая газета «Голос Перекówki», 1935 год.

В Соловках также издавалась газетка «Голос Перекówki», но редактору ее совсем трудно, так как во-семьдесят процентов заключенных на островах имели более высокий культурный уровень, чем воспитатели, а «ударники» были в основном из заключенных, осужденных по 58-й статье, которых рекламировать не полагалось.

Ю. Чирков

Как-то летом 1932 года начальник Культурно-Воспитательной части Истомин поручил мне сделать отчетный доклад о работе газетной редакции. В зале Соловецкого кремлевского театра собралось около шестидесяти лагкоров — «передовиков лагерной общественности».

Впереди сидел командный состав Киевской военной школы имени Каменева в чинах командиров бригад, полков и батальонов, дальше — научные сотрудники всяких академий, пыные работающие в Соловецком Обществе Краеведения, еще дальше — технический персонал разных производств. Люди, кажется, куда образованнее, чем я. Неужели им так интересно слушать эту скучную тянучку цифр поступивших и напечатанных заметок, численности лагкоров по производствам и профессиям? Ключут носом, а сидят — не уходят. Понимают, что за эту «общественную нагрузку» им, как и мне, поставят в

«На крестах старой Карелии провода, как знамя социалистического наступления» — текст и фото из книги «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина». Коллектив авторов под руководством М. Горького. Москва, 1932

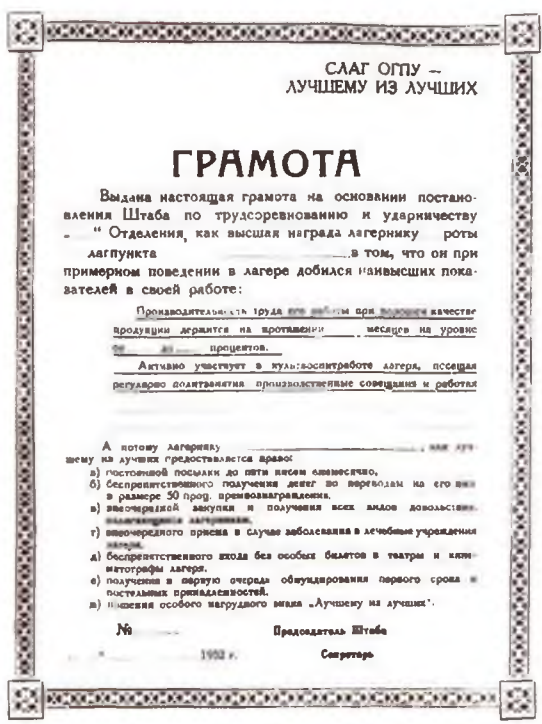
«Книжку Ударника» лишние проценты и зачтут сорок пять дней. Зато рабочих не видно: они сделали свои сто—сто двадцать процентов и плевали на всякую «общественность» — и без нее зачтут, как «ударникам».

Княжне Константиновской тоже, думаю, не ахти как приятно, почесываясь от комаров, распевать на открытой сцене всякие сентиментальные романсы вроде «В тени акации густой», а ведь поэт! И она рассчитывает на «ударный зачет». Даже батюшка Шадымов, с Урала, с которым вместе разводим счетную канитель на Морской бирже, и тот приписан к «общественникам» и второй квартал получает «ударный зачет» за то, что вечерами объявляет в рабочем бараке проценты выработки (о том, что он там же исповедовал заключенных, никто не знал).

«Книжка Ударника» давала право на 1—2 дополнительных письма в месяц, что для некоторых было дороже всего прочего. Были введены и другие преимущества ударникам, но больше пропагандного характера: внеочередное обслуживание в столовой, первоочередная выдача и обмен обмундирования, снабжение постельным бельем, лучшее (?) медицинское обслуживание. Воспитатели только и занимались тем, что улаживали всякие недоразумения на этой почве.

С января 1932 года я был техническим редактором лагерной газеты, получая за это дополнительно в «Книжку Ударника» пятьдесят процентов выработки. За основную счетную работу мне ставили сто десять процентов, таким образом, всего выходило сто шестьдесят процентов. В конце концов от начальника Соловецких лагерей Сенкевича я, как сверхударник, в числе пяти прочих рекордистов острова получил в июне 1932 года грамоту с золотым тиснением, кричаще озаглавленную: «СЛАГ (Соловецкие лагеря) ОГПУ — Лучшему из лучших!»

Если я лучший из лучших, так скорей же открывайте ворота лагеря и выпускайте меня в социалистический рай! Но этого я, разумеется, не сказал. «Лучшие» знают, где надо промолчать... Я уже достаточно видел на Соловках всяких орденноносцев Гражданской войны, чтобы чувствовать дистанцию между словом и делом, между виной и наказанием. Но тем не менее я думал, что каждый квартал передвигаю свой срок освобождения на сорок пять дней, заведя для этого программный календарь на все десять лет — 3652 дня. Чем бы, говорят, дитя ни тешилось...

Грамота о занесении в Красную трудовую книгу Беломорско-Балтийского комбината ОГПУ (НКВД)

Грамота «СААГ ОГПУ — Лучшему из лучших»

Форма поощрения — «Доска почета» — появилась на архипелаге раньше, чем на континенте

Из протокола заседания
Президиума Верховного Совета СССР
25 августа 1938 года

По поводу досрочного освобождения из лагерей ударников строительства:

— Правильно ли вы предложили представлять списки на освобождение этих заключенных? Они уходят с работы. Нельзя ли придумать какую-нибудь другую форму оценки их работы — награды и т.д.? Мы плохо делаем, что нарушаем работу лагерей. Освобождение этим людям, конечно, нужно, но с точки зрения государственного хозяйства это плохо... Будут освобождаться лучшие люди, а остаются — худшие. Нельзя ли повернуть по-другому, чтобы эти люди оставались на работе — давать ордена, может быть? А то мы их освободим, вернутся они к себе, сникнутся опять с уголовниками и пойдут опять по старой дорожке. А в лагере другая атмосфера — там трудно испортиться».

И. Сталин

Никаких настоящих политических преступников я в лагерях не встретил. «Политики», как урки называли осужденных по 58-й статье, были сплошные работяги, на них держалась вся хозяйственная часть, но администрация считала их по происхождению «социально-чуждым» элементом и всегда была склонна так или иначе, где можно, ущемить.

К уголовникам относились, как к «социально-близким» элементам, и им администрация покровительствовала и охотно доверяла, если только они работали и не становились на путь преступлений. Но настоящие, а не случайные уголовные преступники — урки — с отвращением относились к любому труду. «Трудом» они называли воровство и грабеж. К общепольному и систематическому труду урки относились презрительно, враждебно, с отвращением, всячески уклоняясь от него. Урок это отношение к работе выливалось в своего рода стройную философию, в учение, которое они не без успеха пропагандировали в лагере среди растратчиков, случайных убийц и других неустойчивых элементов.

Всех людей урки делили на «своих» — урок — и фраеров — всех тех, кто не был урками. Любимое выражение «Свой в доску», а презрительное — «фраер». Для случайных уголовников лагерь являлся университетом, где они изучали разные специальности: карманников, аферистов, грабителей-городушников и другие.

Процветала азартная игра в карты. Ставками в игре часто были посылки каэров, то есть политических заключенных. Проигравший должен был произвести «раскурочивание» посылки, а добычу принести выигравшему и пахану (старшему). Еще хуже, когда азарт в игре доходил до высоких ставок. На карту ставилась жизнь того или иного заключенного. Проигравший обязан был его убить. Пахан же блюдет воровскую мораль и поведение всей колонии жуликов. Он же организует расправу над отступниками, вплоть до убийства.

Встречаясь друг с другом, урки приветствуют друг друга, протягивая руку: «На — пять, ГПУ — даст десять!» Почти все урки имеют своих марух — любовниц из женщин-заключенных, работающих в прачечной, в портиновской, в Санчасти и других подразделениях лагпункта. Если маруха пойдет на половые сношения с фраером, то урка на это не реагирует, но если она «изменит» с другим уркой, то будет драка или, как они говорят, шухер.

Из воспоминаний Н. Жилова

Отношение к работе урок выражено в их песнях:

От развода мы прячемся под нары —
Не одна, а три-четыре пары.
Коль начальник нас поймает,
На работу посылает,
Мы же с ним заводим тары-бары.

или

Что же ты, начальникек, глядишь?
Ни фуя не говоришь.
Ты ведь знаешь, что в субботу
Мы не ходим на работу,
А суббота у нас каждый день.

Основная масса лагерного населения была поставлена в условия на грань между жизнью и смертью. Формула урок «Ты умри сегодня, а я завтра» — как нельзя лучше отражала основной моральный кодекс лагеря, крысипый кодекс.

Дело в толковании слова «ПЕРЕКОВКА». Мы понимаем ее в смысле «перековать мечи на орала», то есть, сохраняя материал, создать новую форму; во-уры понимают ПЕРЕКОВКУ, вероятно, в том смысле, как перековывают лошадей: лошадь хромала на старой подкове, а на новой она бежит. А то бывает, что перекуют обратно, и на дороге след остается, обратный истинному движению.

Из дневника писателя М. Пришвина
1 сентября 1933 года

Уголовно-преступный мир и на Соловках, как и в кагоржных тюрьмах бывшего режима, да, кажется, и всех режимов во всех странах, имеет свои неписанные, но строго исполняемые законы, свою иерархию, свои обычаи и даже свой «хороший тон».

Наверху уголовной иерархии стоят бандиты, герои «мокрого дела», не раз обагрившие руки в крови «при борьбе с капиталом», как любят похвастаться иные из них. Это уважаемые аристократы преступной среды. Каждый уголовник считает за честь быть в компании со столь заслуженными людьми, а они далеко не со всяким водятся, очень разборчивы в выборе приятелей.

За бандитами следуют жулики-профессионалы разных оттенков и специальностей. Это как бы средний класс, своеобразная «буржуазия» преступления, что ли. Как правило, люди семейные, и жульничество было для них постоянным добычным промыслом. Они с презрением смотрят на низший преступный класс — многочисленную шпану и даже всячески ее угнетают. А шпана платит им за это, как ни странно, признательностью и готовностью всегда помочь и услужить.

Шпана — самый многочисленный уголовный класс. Тут мелкие жулики, воры, работающие невооруженными и без наводки, — люди минутной удачи, скачка. Среди них нет даже ширмачей, работающих под прикрытием какого-нибудь ширма, вроде, например, чемодана, портфеля. Эти бессемейные живут минутой, заработки свои — фарт спускают в карты по притонам — шалманам. Карточная игра чрезвычайно распространена между ними, нет ни одного шпаненка, не зараженного этой страстью. Самый низший сорт шпаны — леопарды — проигрывают все, включительно до одежды. Их нередко можно встретить на Соловках в костюме Адама со своеобразным прикрытием паготы — жестяной от консервов, привязанной единственной веревочкой.

В тюрьмах и лагерях шпана продолжает заниматься тем же, чем и на свободе: воровством и жульничеством, обирая заключенных, не принадлежащих к уголовному миру, — фраеров. В отношении фраера разрешается все. В Соловках фраер держит ухо востро: ежеминутно может он лишиться последнего своего имущества.

Из воспоминаний Ф. Олехновича

Мне известен такой соловецкий случай. Уголовник И. К. проиграл свою любовницу. Будто бы для прогулки вызвал ее в лес, где в условленном месте поджидали шесть вчерашних игроков, и там все они по очереди изнасиловали девушку. Долг чести был уплачен как следует, в двадцать четыре часа. Возможно, что неудачливый игрок не был избавлен от определенных переживаний за свою приятельницу, но — долг важнее всего! А девушка, боявшись мщения, молчала, не ропсая жаловаться администрации...

Обворовать «своего» — нельзя; украсть у фраера последнюю рубашку — поступок похвальный. Таким образом, у бандитов признаются две этики: одна во взаимных отношениях среди «своих», другая, а лучше сказать — никакая, когда дело касается фраеров. Взаимные отношения между «социально-чуждыми» и «социально-близкими» всегда были враждебные. «Социально-близкие» обворовывали каэров, а те, занимая в лагере более высокое положение, мстили за это «социально-близким».

Уголовные преступники чувствуют себя в тюрьме заметно лучше, чем политические осуж-

денные. Для них тюрьма не связана с трагическим переломом в жизни, а представляет один из этапов жизни. Поэтому их никогда не покидает юмор, который проявляется каким-то диким желанием издеваться над ближними. Каждая их шутка или забава связана с издевками над своими товарищами. Чести в этом мало.

Например, тюремная игра «шохороны бабы» состоит в том, что одного заключенного кладут на пол, а другие бьют его скрученными полотенцами. Игра в «велосипед» происходит так: спящему заключенному втыкают между пальцев на ногах кусочки бумаги и поджигают их. Объект пугает от боли начинает делать ногами движения, которые напоминают движения велосипедиста во время езды. Как правило, жертву этой игры — при всеобщем смехе заключенных — везут в лазарет с обожженными ногами.

Игра, названная «выборы старосты», — более сложная. Один из участников оголяет свои руки до локтей и складывает их перед собой так, чтобы ладони и локти плотно стыковались. Между сложеными таким образом руками втыкают скрученные трубочками бумажки. «Выборщи-

кам» по очереди завязывают глаза, руки закладывают за спину, и каждый из них доходит до держащего бумажки и старается зубами вытащить трубочку. Известно, что каждая бумажка оказывается пустой. Когда приходит очередь «объекта шутки» тянуть жребий, то роль держащего бумажки между руками кончается. Он отодвигается, а на его место быстро становится другой участник игры, обнажая... заднюю часть тела. Наивный подопытный, не ожидая подвоха, долго ищет губами свою «судьбу», наконец, глаза развязывают, и он только тогда догадывается, какую шутку над ним сыграли...

Существует целый ряд других игр, но перо не имеет сил их описать, не травмируя психику

читателя, лучше о них промолчать. Чаще всего подопытными в этих издевках бывают новоприезженные заключенные. Горе новичку, когда он попадает в камеру, где большинство составляют уголовные преступники. Дорого ему обходится прием в их компанию...

Юмор проявляется и в особых названиях, которые дают смертному приговору. На тюремном языке вместо «Быть осужденным на смертную казнь» говорят «Поехать на допрос к Держкипскому», или — «Отправиться на Луну!» Даже перед лицом такой великой тайны, как смерть, тюремный юмор скалит свои трухлявые зубы, подобно юмору средневековых ведьм, которые с истеричным смехом входили в костер...

Сравниваю судьбы интеллигентных людей с долей христиан, вытолкнутых на арену цирка к хищным зверям. Только тигры и львы были милосерднее: не терзали подолгу свои жертвы.

О. Волков

Письмо из лагеря

С 12 сентября по 12 октября сидел в изоляторе на Медвежьей Горе, а 13-го приехал в Кемь, где и нахожусь сейчас. При переезде был ограблен в лагере при вооруженном нападении и сидел под тремя топорами,

но, как видишь, спасся, хотя лишился вещей и денег: впрочем, часть вещей найдена. Все это время голодал и холодал. Вообще, было гораздо хуже, чем мог себе представить... Должен был ехать в Соловки, но задержан в Кемь и занимаюсь подписыванием и заполнением учетных карточек.

Все складывается безнадежно тяжело, но не стоит писать. Никаких особых причин к моему переводу не было, просто сейчас довольно многих переводят на Север. Крепко целую всех, особенно мальчиков, которых не видел.

П. Флоренский. 1934. X.13. Кемь

Лагерная надпись, проступившая из-под осыпавшейся побелки на стене камеры штрафного изолятора в алтаре храма на Секирной горе. «Соловки — это школа, ведущая нас на путь к рецидиву и бандитизму!»

Из воспоминаний О. Лобановой

С ужасом вспоминаю этап в спецвагоне от Медвежьей Горы до Кеми осенью 1935 года. Внутреннее пространство вагона было разделено на клетки. Конвоиры ходят посередине. Меня, единственную девушку, поместили в отдельную клетку, а двадцать семь мужчин, осужденных, как и я, по 58-й статье, везли в соседнем загоне. На ходу охранники к ним пустили из другого вагона уголовников... Началось побоище, издевательства и грабеж. Я не хочу рассказывать подробно, но это были самые страшные часы в моей жизни. Потом уголовников опять отогнали и на пароходе с надписью «СЛОН» везли в лагерь отдельно...

Лагерный портрет профессора И. Х. Озерова

Здесь кражи, хищения превратились в какой-то спорт. Держали пари: украсть у такого-то, стянуть с такого-то ночью одеяло и унести... Дело доходило до того, что, например, инженер Рабиновича, на пароходе, когда нас перевозили в Соловки, а он сидел на своем чемодане, охраняя его, окружила группа урков и стала этого инженера занимать разговорами, очень мило расспрашивая, отвлекая внимание, а другие в это время взрезали под ним чемодан и вытаскивали содержимое, но чтобы чемодан не опускался, напихивая туда всякой дряни. Так он ничего и не заметил, и лишь когда они кончили эту операцию, а мы уже подъехали к острову, инженер встал, поднимая чемодан, столь им охраняемый, и вдруг понял, что обокраден.

Иногда, по-видимому, массовые кражи совершались по соглашению с некоторыми лицами из администрации. Так, когда нас перевозили из Соловков на материк, на Попов Остров, и пароход причалил, то не позволили выходить с багажом: они-де его подадут на пристань. И действительно, стали криком поднимать багаж, выбрасывая его. Но выбрасывали то на берег, то на причальную станцию, отгороженную от берега, к которой па-

Из воспоминаний М. Розанова

Я не защитник пшаны, хотя она меня трижды обкрадывала: дорогое пальто, барнаульский полурубик и целый капитал — запитые в буфете пять лагерных рублей. Но мстить им я не мстил, да и не мог, ибо такова их «профессия», а лагерь — их дом, их школа. Достаточно карает их и будет карать всякий закон, но только один большевистский закон — «Хлеб по выработке!» — карая, принуждает их красть все, что возможно, вплоть до святой, кровной пайки хлеба у соседа. С власти, а не со пшаны надо требовать ответа и расплаты. Шакалы, уголовники не сами с неба свалились на головы крестьян и каэров — их использовали для этого.

Из воспоминаний И. Озерова

роход-то пристал, и вы не знаете, где же стоять, а так как багаж был ручной, то совсем посторонние люди подбегали и брали, кто что хотел. Так масса лиц, у которых что-либо было, оказалась ограбленной. Я сам бегу на причал и вижу: мой саквояж уже кто-то тащит, я к нему, я закричал, он не отдает, и только с трудом удалось отнять свой саквояж, а другой мой мешок с чайником и съестными припасами так и пропал.

Так как питание вообще-то было очень плохое, а особенно в 1931—1933 годах, воровство и насилия принимали такие огромные размеры, что нередко отбирали даже и хлеб. Для получения этого главного продукта питания надо было выстоять очередь у окошечка, где выдавался он по списку. У меня этот хлеб толнившись у окошечка молодые сильные урки просто вырывали из рук, и я оставался без еды. Бывало срывали шапки на ходу, особенно, если кто-либо нес что-нибудь в руках. Да еще давали тумака по голове, чтобы несчастный не сразу пришел в себя.

Иногда грабили даже на глазах у нескольких лиц, открыто держа в руках нож; если кто пикнет, то сейчас же нырнут — «Мне-де нечего терять, убить человека для меня все равно, что раздавить муху!» — такие восклицания очень часто раздавались. Заключение, подвергаемые насилию, и свидетели происходящего не смели ничего предпринимать, так как ясно было, что эти ограбления происходили с согласия и не без материальной заинтересованности заведующих бараками, поэтому всякая жалоба грозила неприятностями только для заявителя.

Из воспоминаний Ю. Чиркова

...Нас перевели в Кремль и распределили по колоннам. Колонна, по лагерной терминологии того времени, не архитектурная деталь, а подразделение лагпункта.

Вторая колонна, одиннадцатая камера, бывшая Чоботная палата монастыря, — огромное сводчатое помещение, построенное еще в середине семнадцатого века, — мое обиталище. В камере стоят три ряда двухэтажных пар, называемых вагонками, которые образуют много кун, как в железнодорожном вагоне третьего класса, один общий стол, несколько табуреток и скамеек.

...На нарах копошатся, сидят, лежат серые стриженные люди. Здесь живут восемьдесят за-

ключенных, надолго или навсегда оторванных от родных и близких, от привычных условий, лишённые многих благ жизни. Это в основном старики, раздражительные или равнодушно отупевшие. Они не пригодны для тяжелой физической работы, не имеют дефицитных специальностей и предназначены для так называемых общих работ — куда пошлют. В камере преобладают гуманитарии: литераторы, историки, латинисты, доктора философии из Праги и Варшавы, журналисты, партийные работники. Представлены поны и офицеры царской и Белой армий, переквалифицировавшиеся в конторских служащих.

Чоботная палата — Вторая колонна лагеря

Из воспоминаний О. Волкова

Защиты не было: добыча — барахло и съестное — шли в некий общий котел «блатарей». Случалось, правда, и не так редко, что нас крепких и не робких, подбирались несколько человек. И тогда удавалось не только отбиться от уголовников. До сих пор с мстительным наслаждением вспоминаю эти очистительные побоища, загнанных под нары, избитых, скулящих и всхлипывающих «блатарей». Но отчаянна была участь слабых, ножиных, одиноких в лагерьях.

Из воспоминаний К. Гурского

Мужчина растерялся и запричитал:

— Что вы, ребята? Оставьте меня в покое...

Уголовники не церемонились. Один саданул мужичка с размаху кулаком в зубы и, скорчив для устрашения действительно страшную рожу, прошипел:

— Ты, пахло, раздевайся по-хорошему! И закройся! Будешь хай подымать, сука буду, пасть порву!

Его дружок сбоку выставил из рукава лезвие финки. Растерявшаяся жертва с широко раскрытыми глазами сбрасывает пиджак... Сознанные отводят глаза, зная, что вмешательство к добру не приведет.

Каждый дрожал за свою жизнь. Рядом хилый шингалет-урка заставил, притом без сопротивления, верзилу-моряка отдать добротные сапоги — «колеса».

Люди потеряли способность к сопротивлению и чувство своего достоинства.

Я с несколькими созатниками был водворен на первый ярус угрюмого каземата с толстыми стенами и причудливыми сводчатыми окнами. Здесь раньше размещалась монастырская Чоботная палата.

Вблизи от нашего жилища возвышалась угрюмая Никольская башня, охранявшая железные входные ворота с прочными запорами. Через арку — напротив, в кремлевском дворе — кухня и столовая, по-лагерному — «котлопункт».

Вскоре появились и непростые гости — благие, группами по два-три человека, полевывавшие через медные «фиксы» во рту, с неизменными воровскими челками. Их интересовали вещи прибывшего этана. Вот парочка наметила одного, довольно еще крепкого мужичка в приличном пиджаке. Один подошел, бесцеремонно пощупал материал и скомандовал:

— Ну-ка, батя, махнем френчик на телогрейку. Давай, скидайвай!

Дон! Дон! Дон!!! Частый густой звон пагнетал в душе тревогу. Стан чашек с пронзительным криком кружились над Кремлем.

Из-под самого купола Преображенского собора пробивались густые черные клубы дыма.

— Братва, вставай! Пожар в Кремле! Пожар, говорю! Всем к своим местам на лесобиржу! Там скажут, что делать!

А сам, натянув брюки, с блузкой в руках, уже хлопая дверью и с улицы еще раз кричу в окно:

— Через пять минут чтобы всем быть на бирже! Соловки горят не каждый год! Шевелитесь! Почешетесь потом!

Пожар разрастался с каждой минутой. Сильный юго-восточный ветер приминал пламя вниз и, вырвав из него горящие головни, вместе с клубами дыма бросал их через кремлевские стены, рассыпая по пути горячие искры.

В порту гудел «Аскольд». По набережной неслись пожарные. Сотрудники ИСЧ и конвоиры опрометью летели к своим постам.

Дождавшись прораба и рабочих, я оставил лесную биржу и побежал в Кремль.

Полыхали соборы: Преображенский и Успенский. В ближних к ним ротах от жары с треском лопались стекла и дымилась ставни и наличники.

Тысячная толпа бестолково перемивалась с места на место, оживленно восклицая и размахивая руками. Нарядники, ротные, начальники цехов суетливо орали, подбирая группы в помощь пожарным. Только в одном месте образцово были организованы спасательные работы: у кремлевского ларька. Быстро и бесшумно вытаскивались ящики со сляктями и папиросами, быстро и бесшумно расхватывалось содержимое. «Бражка» не дремала.

Из Преображенского собора, где размещались кустарные мастерские, удалось спасти всего-навсего около десятка станков. Оборудование, склады готовых изделий, тысячи одеял, бушлатов, обуви — все досталось огню.

С материка приехали пароходы с электрическими и паровыми помпами. Из Кеми приехала городская пожарная команда, но уже было поздно. Все, что могло гореть, — все выгорело. Помпы только остужали накаленные камни да заливали тлеющие груды материалов. Оба собо-

ра в центре Кремля и постройки вдоль восточной стены зияли черными пустотами. Потолки, полы, лестницы — все рухнуло. Каким-то чудом уцелела лишь часть собора, где хранились мощи Зосимы и Савватия...

По ночам дежурные коменданты и работники ИСЧ таскали на допрос в Управление всяких сторожей, бригадиров, начальников смен и цехов. Одни возвращались, других после допроса уводили в подвал и запирали в камеры, кишащие откормленными портовыми крысами, — Управление Соловков помещалось в бывшей монастырской гостинице, на берегу бухты.

Все соловчане были убеждены, что пожар случился от папироски, брошенной любовной парочкой. Такая версия казалась наиболее вероятной. Под куполом собора хранилась продукция «КУСПРОМА» — готовые ватные одеяла. Лагерные допжуаны, без риска и с комфортом, проводили на них приятные часы, но кто именно тогда бросил окурочек, установить так и не удалось.

Набила ИСЧ в подвалы человек двадцать, но ответа от них не получила. Возможно, некоторые знали, кто и с кем провел там ночь, но молчали. На этот раз все заключенные держались хорошего правила уголовников: «Не трепать языком о том, что тебя не касается, каждый отвечает за себя».

Так ИСЧ ничего и не добились. С материка приехал начальник Управления Соловецких лагерей Сенкевич*. Молча осмотрел обугленные руины, молча утвердил призыв «соловецкой общественности» к соловчанам — самим восстановить Кремль внеурочной работой — и молча уехал.

...Кто-то швырнул окурочек, а он всем соловчанам боком выпел — и заключенным, и вольным, вплоть до сапанных чекистов. Какой тенью мог бы предвидеть такой случай и такие последствия его! Погашный окурочек перевернул вверх дном всю лагерную жизнь. Еще через неделю нагрянула Особая Следственная комиссия из Москвы.

Не только заключенные, но и вольнонаемные совсем пали духом. Никто не знал, как и против кого повернут все дело. Само соловецкое начальство — чекисты с ромбами — и те по ночам потели в своих кабинетах, заполняя бланки следственных показаний.

* Сенкевич Э. И. (1889 г. р.), начальник Беломорско-Балтийского лагеря, расстрелян 2 сентября 1937 года.

Соловецкий кремль после пожара 19 июля 1932 года

ВНЕОЧЕРЕДНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Предварительные данные, выявленные следствием от 31 июля с.г., о причинах возникновения пожара, якобы от неосторожного обращения с огнем на чердаке здания Кустпрома со стороны отрицательного элемента, подтвердить не удалось. Не подтвердились конкретными фактами и агентурные данные о происходившей якобы карточной игре и пьянстве отрицательного элемента в ночь с 18 на 19 на том же чердаке Кустпрома. Эти сведения следствием проверяются, тем более что имеются данные о продаже политуры из Кустпрома и распитии ее заключенными на протяжении длительного периода времени и в больших размерах.

Следствием за 22 июля с.г. **УСТАНОВЛЕНА ПРЯМАЯ ПРИЧИНА ПОЖАРА** – загорание стропил на крыше деревообделочной мастерской от неисправного дымохода производственной плиты-клееварки. Как оказалось, производственная плита-клееварка по разрешению заведующего мастерскими заключенного СОЛОВОГО использовалась как кухонный очаг для приготовления пищи проживающих при мастерской заключенных: Солового, Орик, Хрипко, Солодянкина, и топились ими в любое время суток.

Естественно, что от постоянной топки днем и ночью накалялась и перегревалась дымовая труба, отчего в ней появлялись трещины... В ночь с 18 на 19 июля с.г. клееварка топилась до 0 час 30 мин., и т.к. труба уже имела трещины и дыры, затлелась обливка крыши белодеревянного цеха, загорание передалось на стропила...

Использование клееварки во внерабочее время для своих личных целей, приготовление пищи в неразрешенное время и топка плиты даже ночью рассматриваются нами не только как прямое нарушение элементарных правил противопожарной охраны, но и как определенный **ДИВЕРСИОННЫЙ АКТ**, рассчитанный на то, что в случае пожара этот акт пройдет незамеченным, так как наблюдение за противопожарными мероприятиями лежало на коменданте мастерской заключенном Солодянкине, который находился в прямом подчинении у заключенного Солового, который поощрял нарушение правил.

Соловов Михаил Александрович (1879 г.р.), зав. Кустпромом (Кустарно-промышленными мастерскими), в СЛАГ прибыл 23 ноября 1931 года, к возложенным обязанностям относится удовлетворительно. На должности заведующего Кустпромом около двух месяцев. Поведение хорошее, в общественной работе участвовал, дисциплинирован. К политзанятиям не допущен. Запретник.

Характеристика Учетно-Распределительной части

Соловов Михаил Александрович, 1879 года рождения, до революции 1917 года был механиком императорской яхты «Штандарт». Бывшая императрица Александра Федоровна была крестной матерью его сына. С 1910 года являлся главным инженером Ижорского завода с окладом 20000 рублей в год. При Временном правительстве стал помощником Начальника Управления Военно-Воздушного флота в чине полковника. В 1918 году – начальник Военно-Воздушного флота РККА.

С 1919 года работал на Урале техническим руководителем I-го Уральского трубного завода, членом правления треста «ГОРМЕТ». В 1927 году вошел в состав подпольного Уральского Инженерного Центра – контрреволюционной организации специалистов и возглавлял там всю вредительскую работу на Урале.

ВРИД Начальника СЛАГ ОГПУ Мордвинов¹⁷⁷

23 июня 1932 года

Искалеченные годы, растоптанные судьбы... Вороха горя и унижений, долгие годы издевательств, жестокости, пыток и убийств. Как поверить, что ими утверждаются высокие идеалы?

О.Волков

Из заявления старшины штрафизолятора
Покровского Я.П.

Для меня, как оперативного работника, была не совсем понятна линия начальника Отделения Мордвинова и начальника ИСЧ Федоркевича, которые своими действиями давали полную возможность и привилегии каэрам, шпионам и др. К этим врагам была проявлена с их стороны масса чуткости при устраивании на теплые административные должности.

Осенью 1931 года в Соловки прибыла партия киевских офицеров, осужденных по ст. 58 УК. Мордвиновым и Федоркевичем они были оставлены в Кремле, расселены по частям на командные должности. Среди них: инспектор части снабжения – Дроздовский, 2-й завхоз л/п № 1 – Хазов, 2-й завхоз л/п № 3 – Анников, лагстароста Кремля – Вайцух, старшина Рабочего Городка – Борисовский, старнад 4-й роты – Карпов, старнад 5-й роты – Студницын и все остальные из киевских назначены помощниками старост внутренней охраны и, наконец, бывший барон устроен заведующим складом готовых изделий, фамилия его Рюль. Из киевских белых офицеров и Колотинский – помощник заведующего радиоузлом, и заведующий радиоузлом тоже из киевских каэров, фамилию не знаю, словом, все они пристроены, как полагается. Те, которые создали свой штаб в Кремле, распускали слухи о Начальнике Киевского отдела ОГПУ товарище Иванове, что он устраивал всевозможные пытки, вырывал по одной волосинке с головы. Об этом мною сообщено Федоркевичу, но эта контра остается опять же на месте, свивая себе крепкое гнездо. Из киевских офицеров бывший полковник Козлов производит топографические съемки, а в мажбур оформляет те же съемки Акулов. Им даны пропуска для беспрепятственного хождения днем и ночью, и даже в море.

Такая же история с засилием каэров существует и в КВЧ, Отделе Снабжения, в УРЧ, заведующим которой состоит бывший полковник Тарасов. Ежедневно он устраивает «блат своим людям», в подчинении которых находятся з/х из рабочих, бывшие члены ВКП(б) и комсомольцы, а эта вся белогвардейская братия жмет и следит тех, кто стоит на их пути.

Работа сотрудников ИСЧ. Состав сотрудников ИСЧ: Озолин, Степура, Соколов Алексей, Петерсон, Яковлев, Ульяновский, Трубецкой, Старков и Вихров. Эти лица, вернее, весь поголовно состав, занимались безобразным пьянством и открытым сожительством с заключенными женщинами; по выбору и без выбора намечалась жертва, вызывавшаяся на их квартиры. Некоторые женщины постоянно участвовали в пьянках, что, безусловно, хорошо было известно и начальнику ИСЧ Федоркевичу, и начальнику Отделения Мордвинову. В лагере Соловецком, если вы возьмете и спросите любого заключенного, он наперечет назовет лагерных жен сотрудников ИСЧ. Этим они совершенно подорвали авторитет ОГПУ, им доверия в массе совершенно нет. Лучше и конспиративнее были сами уголовники, нежели сотрудники ИСЧ. Скажешь сотрудникам, а через некоторое время слышишь, как об этом болтают их «жены» на всех перекрестках, и, как результат, того, кто сообщал информацию, после избивают, загоняют на самые штрафные тяжелые работы.

Известным фактом является расшифровка секретных осведомителей: з/х Курдовской, старшего санитаря Зубкова, а также сексотов: уполномоченного ЭКО Степура, з/х Иванченко, Шаповалова, Павлюкова и Гилевского. Всех этих секретных сотрудников теперь широко знают в лагере, о чем мною своевременно сообщалось Временному Оперуполномоченному ИСЧ Пойхану...

Мне казалось странным, как это так, лагерная администрация, начиная с начальника Отделения Мордвинова и начальника ИСЧ Федоркевича и кончая помощником начальника лагпункта, совершенно не обращала внимания на все безобразия в лагере. Иногда мне, как бывшему члену ВКП(б) – командиру-комиссару РККА, даже

приходила мысль в голову: «Не казровцы ли товарищи Мордвинов и Федоркевич, проникшие в партию и ИСЧ, проводящие искривление политики Исправительно-Трудовых лагерей?» Иногда я боялся за свои мысли, думая, не ошибаюсь ли я, но когда я вспоминал расстрел начальника Особого Отдела ВЧК при 9-й Кубанской Красной армии товарища Добриса в 1921 году (гор. Екатеринодар - Кубань), то мысль вновь приходила в голову. Если Добрис - казровец - проник на должность начальника Особого Отдела Армии, то почему этого не может быть здесь, на острове? Как указывалось в моих сообщениях, весь лагерь Соловецкий в руках казровцев, они все на руководящих постах, им привилегии и уважение со стороны товарищей Мординова и Федоркевича.

С каждым днем наши начальники все больше и больше срастались с казровцами, все больше и больше, как бы умышленно, разлагали лагерь, взяв курс держаться ближе к казровцам, совершенно оттолкнув от себя «социально-близких», забыв о «социально-запущенных», дав волю и свободу действий творить беззакония несправлимым и казровцам...

Аптекарь Заманов с уполномоченным ИСЧ Озолиным были друзьями, так как Озолину он давал из аптеки спирт, а также предоставлял свою комнату в аптеке для нелегальных свиданий Озолина с Михайловой. Для этих же целей Озолин пользовался комнатой старшего санитаря Зубова. За это з/к Заманов и з/к Зубов в лице Озолина имели себе большую опору - говоря по-соловецки - блат.

Сестра лазарета з/к Соколова-Миллер, осужденная по ст. 58-6 (ярая шпионка), открыто высказывалась против советской власти, она по благу держала «больными» казровцев, близких ей по духу, как то: Гельмерсена В.В., одного инженера и сотрудника СОКа. Озолин также знал обо всем, но был с ней приятель.

Вот такова, смело заявляю в моем показании, была контрреволюционная политика, и явное искривление политики партии и советской власти в Исправительно-Трудовом лагере ОГПУ на Соловках.

Показание записано мною собственноручно, честно, искренне и правдиво, в чем и расписуюсь.

Заклученный Покровский
27/XI.32 года

Из обвинительного заключения
по делу № 877 (арх. № 586265)

Начиная с осени 1931 года, т.е. с момента, когда на должность начальника Соловецкого отделения СЛАГ ОГПУ был назначен обвиняемый Мордвинов В.А., в связи с общим разложением лагерной дисциплины начала обихотиться преступная деятельность з/к уголовников.

Нарушения лагдисциплины, кражи, грабежи, буйство, картежная игра, избиения, грабежи среди бела дня на глазах лагерников, вооруженное сопротивление уголовников охране и Надзорсоставу стали обычными явлениями, остававшимися совершенно безнаказанными.

Существовала система выкупов за краденые вещи, был налажен сбыт краденого на материк. В широком масштабе развились пьянство и проституция. Отмечено несколько случаев изнасилований. Аппарат Информационно-Следственной части (ИСЧ) целиком погряз в пьянстве, разврате с заключенными женщинами, оргиях с драками и прочее, тесно переплетаясь с уголовным элементом, получая взятки, покрывая преступления.

Отдельные сотрудники совместно с уголовниками участвовали в преступлениях, получая от них часть доходов от краж. Были случаи снабжения уголовников оружием, расхищались вещественные доказательства...

Старшая надзирательница женской роты Сидорова О.И.

Старшая надзирательница женской роты Сидорова О.И.

Бывшему с нею в связи сотруднику ИСЧ Трубецкому старшая надзирательница Сидорова оставила на память свою фотокарточку с надписью «Вспоминай жандарма Соловецкого».

Из обвинительного заключения по делу № 877

Наряду с разгулом уголовного элемента в лагере широко процветала проституция. Связь с женщинами считалась обычным явлением. Некоторые женщины занимались проституцией по таксе от пятидесяти копеек и выше. Как правило, ежедневно, по ночам, в женроте отсутствовало много женщин, отлучавшихся на свидания.

Следствием установлены факты, когда женщины, не имея средств на приобретение косметики, отлучались из роты и, возвратясь через короткое время, заявляли, что деньги ими заработаны на улице.

Проституция находилась под покровительством старших надзирательниц женроты Долотовской и Сидоровой, в свою очередь, сожительствовавших с несколькими заключенными. Кроме того, Долотовская получала от проституток взятки за выпуск из женроты, одевалась и содержала себя за счет проституток. Сидорова, сожительствуя с несколькими заключенными, поставляла женщин сотрудникам ИСЧ.

Из материалов

следственного дела № 877 (л. 88)

Сотрудники ИСЧ имели временную или постоянную связь с заключенными женщинами, устраивая оргии с лагерными проститутками, в результате Отделение потеряло свое советское лицо.

Начальнику ИСЧ
3-го Отделения СЛАГ
от пом. уполномоченного ИСЧ
Трубецкого В.С.

РАПОРТ

Донесу, что с сего числа я порываю всякую связь с заключенной О.И. Сидоровой, так как убедился в правильности Вашей установки, неоднократно повторяемой нам на инструктажах и оперативных совещаниях работников ИСЧ. Даю слово чекиста*, что подобная связь в практике моей чекистской работы имеет место в первый и, надеюсь, что в последний раз.

Трубецкой В.С.
I. IV. 32 г.

Фотокопия рапорта чекиста Трубецкого В.С.

Начальнику ИСЧ в Отделении СЛАГ
Пом. Уполномоченного во ИСЧ
Трубецкого В.С.

Рапорт

Донесу, что с сего числа я порываю всякую связь с заключенной О.И. Сидоровой, так как убедился в правильности Вашей установки, неоднократно повторяемой нам на инструктажах и оперативных совещаниях работников ИСЧ.

Даю слово чекиста, что подобная связь в практике моей чекистской работы имеет место в первый и, надеюсь, что в последний раз.

В.С. Трубецкий

*Своего «слова чекиста», согласно материалам следственного дела № 877, Трубецкой не сдержал.

**В Центральный Комитет ВКП(б)
от бывшего члена ВКП(б) Озолина А.К., партбилет № 224156,
выданный Краснопресненским райкомом Московской организации.**

В 1927 году я был осужден Коллегией ОГПУ на пять лет в Соловецкий концлагерь и по постановлению ЦК ВКП(б) исключен из партии как осужденный за должностное преступление...

С прибытием в Соловки меня, как партийца и сотрудника органов в прошлом, назначили начальником Оперативной части штаба охраны лагерей..., с 1929 года я был назначен на ответственную должность заведующего главным артиллерийским складом УСЛОН ОГПУ.

В 1930 году я был назначен начальником Внутреннего Надзора и помощником начальника острова. С 1931 по 1933 год работал Уполномоченным Особого отдела и заместителем начальника Третьей части¹⁸ Соловецкого острова. В первый раз, в 1930 году, мне увеличили срок на три года за то, что я якобы допускал сотрудников моего аппарата превышать свою власть. Во второй раз мне увеличили срок на два года... за то, что оперативный состав чекистского аппарата вел развратную жизнь в лагере, занимаясь пьянством, взяточничеством и прочее...

Оба раза мне срок добавляли по объективным причинам..., возможно, даже и то, что сам я делал массу мелких бытовых нарушений, ибо как-никак я живое существо, и ошибаться мне свойственно, как и каждому.

Но я не чуждый советской общественности элемент, которого нужно сгноить в лагерях. Я не перестал быть энтузиастом социалистической стройки... Я настолько спаян кровью с Советской властью, что иначе мыслящим стать не могу... Партия, слышишь! Я достаточно наказан... Не будь к своему бывшему бою твоей железной когорты столь бездушной и жестокой. Дай мне возможность хоть остаток своей бурной молодости принести на алтарь социализма...

Озолин А.К.¹⁹

АКТ

1933 года, марта, 4 дня. Мы, нижеподписавшиеся: Начальник I-го Отделения СЛАГ ОГПУ Солодухин и Врид Нач. 3-го Отдела УСЛАГ ОГПУ Друккер, на основании предписания Зам. Пред. ОГПУ от 27/II.33 г. за № 27/I29270 и предписаний Нач. Управления СЛАГ ОГПУ от 3 марта с/года за № I483 с приложением выписки из протокола заседания Коллегии ОГПУ от 17 февраля с.г. в присутствии представителя ГУЛАГа ОГПУ тов. Андреева, Пом. Нач. I-го Отделения СЛАГ тов. Сухова и оперуполномоченного 3-го Отдела при I-м Отделении СЛАГ тов. Минеева на пункте Секирная гора острова Соловки привели в исполнение приговор о ВМН - расстреле в отношении нижеследующих 36 человек. (Идет перечень фамилий, имен, дат рождения, срока заключения, партийности, степени грамотности.)

Приговор приведен в исполнение в 21 час 30 мин. 4 марта 1933 года. Тела расстрелянных преданы земле на пункте Секирная гора в юго-западном направлении на соответствующей глубине.

Акт составлен в 4-х экземплярах.

Начальник I-го Отделения СЛАГ ОГПУ Солодухин

Врид. Нач. 3-го Отдела УСЛАГ ОГПУ Друккер

Представитель ГУЛАГ ОГПУ Андреев

Пом. Нач. I-го Отделения СЛАГ ОГПУ Сухов

Оперуполномоченный 3-го Отдела при I-м Отделении СЛАГ ОГПУ Минеев

Нас, узников Кремля, живших на его территории, очень дожимали бесчисленные полчища огромных прожорливых соловецких чак. С отвратительным пронзительным криком бросались они на заключенного, несущего что-нибудь в руках, особенно когда это была пайка хлеба или полученный в пищеблоке завтрак или обед. Если заключенный, отмахиваясь от крылатого разбойника, печально задевал птицу, то был обеспечен тяжелым наказанием в карцере. Не дай Бог убить соловецкую чайку, пользовавшуюся особым покровительством лагерных правителей! Чайки были неприкосновенны!

К. Гурский

Из воспоминаний М. Никонова

После разгрома лагерной администрации режим содержания и охраны заключенных начал постепенно изменяться. Наступала пора «каторжного социализма» с организацией все новых и новых лагерей. Увы, верившие в эволюцию власти, наблюдая расширение сети лагерей и постоянно увеличивающийся приток заключенных, вскоре были разочарованы. Произошла не эволюция власти, а приспособление ПТУ к новым задачам заплочной работы.

Голод и непосильный рабочий урок ценко держат в лагерях каждого. Хлеб насущный выдается в зависимости от выработки урока. При этой системе для принуждения к работе нужна охрана и мало значат сексоты. Каждый изо всей мочи отстаивает право на хлеб. Убийства чекистами на старой каторге — ничто по сравнению с гибелью масс заключенных от хронического недоедания и непосильного труда, стимулируемого погоней за куском хлеба.

Из воспоминаний Ф. Олехновича

Начальник Соловков Мордвинов, как и его предшественник Зарин, попал на десять лет в концентрационный лагерь¹²⁸. Однако ничего не изменилось. Голод с каждым годом насадал все больше и больше. Когда-то, в первые года моей бытности в Соловках, работавших заключенных кормили кашей, картошкой, временами и на мясе суп варили, а теперь о картошке, горохе, гречке давно забыли, осталась одна только соленая рыба «тарань», которой кормили и на завтрак, и на обед. Из этой рыбы готовили похлебку, слегка заправленную просеянными крупами или солеными помидорами, очень редко — картошкой. Кто-то, кто не мог воровать, и не имел помощи извне, выискивали на мусорках головы от селедки, кости от «тарани» и готовили их себе, добавляя крапиву. Неудивительно, что непосредственно после ликвидации сыпного тифа

началась новая эпидемия — тифа брюшного и дизентерии (кровянки), а одновременно среди молодежи собирали свое жгиво сухотка (сильная болезненная худоба) и цинга. Кошки из лагеря исчезли: их съели. Когда захудалая сушка, которая пастала около лагеря, ища, как и заключенные, еды на мусорках, привела однажды цыган, так и те все сразу оказались в котелках оголодавших узников.

В лагерных дарьках все реже можно было увидеть съестные продукты. Иногда разойдетесь весть, что привезли на склад ящик какого-то скисшего мармелада. Сразу же перед складом выстраивается «колейка»¹²⁹, и все мигом распродается, иногда появится бочка подгнившей селедки, и она сразу находит желающих. Но хлеб выдавался только по норме, из свободной продажи он исчез.

Из воспоминаний М. Розанова

От лесного богатства Соловков остались только один дровяник и пятьдесят два занумерованных кедра. Всю ценную древесину вырубали за 1925–1929 годы. В лесу, вместо прежних тысяч работали лишь триста человек, раскиданных маленькими группками по всему острову для заготовки дров. Все, что производили Соловки, потреблялось на месте.

Лагерный пароход «Нева», затонувший в 1932 году

**KORPUS OCHRONY POGRANICZA
ODDZIAŁ
SŁUŻBY GRANICZNEJ**

Из отчета
польской разведки
«УСЛАГ.1928–1932 гг.»

Лагпункт № I – КРЕМЛЬ – в 1932 году имеет следующее деление на роты:

1-я рота – 200 заключенных, работающих в канцеляриях, бухгалтериях, в финансово-части, есть также художники и артисты.

2-я рота – 400 заключенных – Санчасть, сторожевая часть и лесозаготовки. (Сторожевая часть – это 260 заключенных, принадлежащих к III категории работоспособности, которые охраняют склады. Без оружия).

3-я рота – штрафные изоляторы (прежнее название – XI рота Отрицательного Элемента), – около 300 человек, которые выводятся на работы без конвоя.

4-я рота – 400 заключенных, работающих в «Кустпроме» на руководящих должностях, а также бухгалтеры, некоторые рабочие и сотрудники Общества Краеведения.

5-я рота – 600 заключенных, так называемая пересыльная рота, нечто вроде штабной роты. Сюда прибывают заключенные из других лагпунктов на время лечения или при пересылке в другие пункты или лагеря.

6-я рота – 150 заключенных. Прачечные и Лесхоз.

7-я рота – 70 заключенных. Артисты и музыканты.

8-я рота – 30–50 заключенных. Следственный изолятор. Выводятся на работы только под конвоем. Этим заключенным запрещается разговаривать между собой.

9-я рота – около 400 заключенных женщин, работающих во всех предприятиях. Имеется и отделение «мамок» (кормилиц).

«Городок» – это деревянные бараки, не входящие в состав Кремля, но тоже принадлежащие к лагпункту № I. Городок имеет свое собственное деление на роты. В Городке содержится около 1500 заключенных, работающих в «Кустпроме», «Йодпроме», «Рыбзверпроме», электростанции, кожзаводе и других лагерных предприятиях.

Лагпункт № I – КРЕМЛЬ – имеет 2 командировки: а) «Заяцкие острова», называемые «Зайчиками», где находятся 2 стрелка охраны и 50 заключенных, работающих в «Йодпроме», б) «Перт-озеро» – командировка, где разводят ондатру 5 монахов и 5 з/к. Всего в лагпункте № I в 1932 году находится 3–3,5 тысячи заключенных.

Из воспоминаний М. Розанова

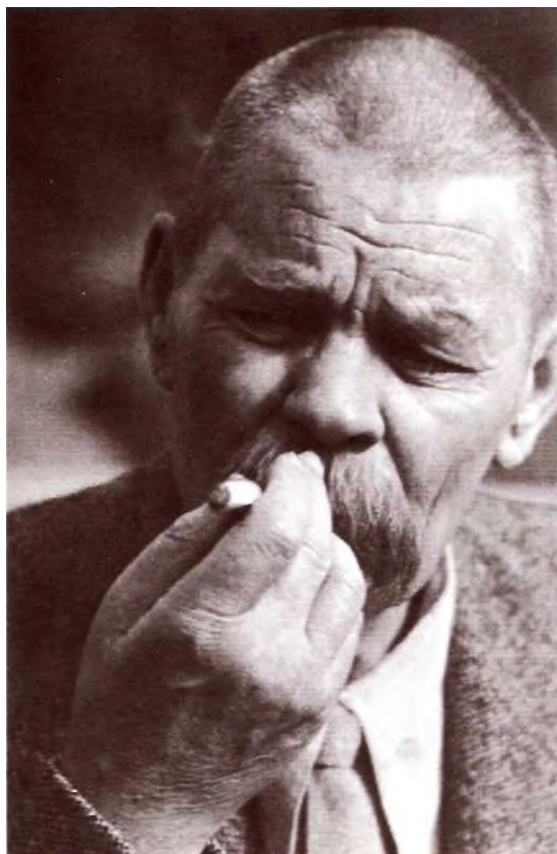
Главная масса населения лагеря жила в Кремле, а остальные – на соседних командировках: Муксалма (совхоз и пушной питомник), Савватиево (совхоз-лесхоз), Филимоново (торф и лесхоз) и Анзер. Люди помещались в кельях старинных монастырских корпусов. Вслед за «производлом» остров покинул и жилищный кризис. Трехъярусных сплошных нар, как это было в прежние годы, не стало – выбросили. Краткосрочников и «колхозников» вывезли на строительство Беломорканала. Производства, как нерентабельные, сокращались и закрывались одно за другим. В течение 1931 и 1932 годов вывезли на материк, для Беломорканала, всю узкоколейную дорогу со шпалами и подвижным составом, двухрамный лесопильный завод, чугунолитейный завод, типографию, часть живого скота... Население острова уменьшалось буквально с каждым днем. Старых соловчан – тех, кто просидел

на острове два-три года, – остались считанные единицы. Все з/к, пережившие «производл» 1928–1929 годов, либо оказались инвалидами и постановлением Разгрузочной комиссии были вывезены в ссылку на Урал и в Сибирь, либо этапированы на Беломорский канал²²... Все многолетние запасы продуктов и все овонци изъяди для Беломорканала. Предельную норму хлеба с 1300 граммов снизили до 1000. Пошли в ход молодые листья брюквы, репы и крапивы. Вскоре стали исчезать чайки. Шпана охотилась за ними, невзирая на приказ: «За убитую чайку – от шести месяцев ареста на Секирной до трех лет нового срока».

Этапов на остров больше не присылали, если не считать мелких групп по несколько десятков человек. Соловки расформировывались, готовясь к какому-то новому Специальному Назначению.

Газета «Перековка»
 Спецвыпуск

Выступление пролетарского писателя
 М. Горького на слете, посвященном
 окончанию строительства Беломорско-
 Балтийского канала

Я счастлив и потрясен! С 1928 года я при-
 сматриваюсь к тому, как ОГПУ перевоспитыва-
 ет людей, — все это не может не волновать. Ве-
 ликое дело сделано вами, крупнейшее дело!

...Я чувствую себя счастливым человеком, что
 дожил до того момента, когда могу говорить о
 таких вещах и чувствовать, что это правда.

К тому времени, когда вы будете в моем воз-
 расте, полагаю, не будет классовых врагов, а
 единственным врагом, против которого будут
 направлены все усилия людей, будет природа, а
 вы будете ее владыками. К этому вы идете, и тут
 больше нечего сказать, но до этого надо свер-
 нуть голову капитализму.

Я поздравляю вас с тем, чем вы стали. Я поз-
 дравляю сотрудников ОГПУ с их удивительной
 работой. Я поздравляю нашу мудрую партию и
 ее руководителя — железного человека товари-
 ща Сталина.

М. Горький

город Дмитров. 25 августа 1933 года

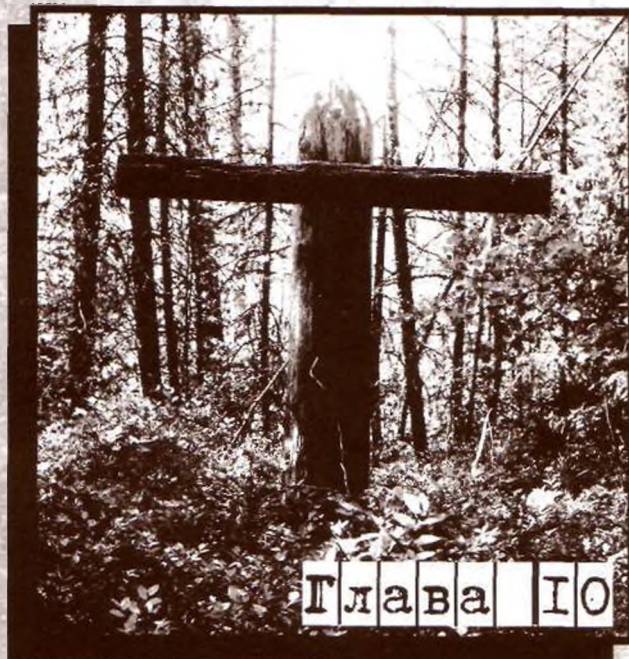
*Первый Председатель Союза Писателей СССР
 Максим Горький на слете каналармейцев*

Соцблизкие — участники слета каналармейцев в Дмитровлаге 25 августа 1933 года

**ЗАПРЕТНАЯ
ЗОНА**

По особой инструкции

Много волнений в 1932 году принес мне неожиданный вызов на Соловки для оказания там хирургической помощи жене вольнонаемного сотрудника.

Воспользовавшись пребыванием в Кремле, я совершил по нему прогулку. Все осталось по-прежнему. Здесь, как в могиле, жизнь остановилась, но в северной части Кремля произошли изменения.

Там одно из зданий бывших монашеских келий оказалось отгороженным высоким четырехметровым деревянным глухим забором, с постоянно закрытыми воротами, с отдельной вахтой и небольшой форточкой в этих воротах.

На мой вопрос: «Что это такое?» — никто толком не мог ответить. Рассказывали, что посаженных в эту таинственную тюрьму никто не видит, что даже обслуживающий их вольнонаемный фельдшер ни с кем не говорит о своих подопечных, что заключенные, попавшие в изолятор, не имеют фамилий, а только номера, что и между собой им не разрешается общение.

Как всегда в таких случаях, об узниках этого уголка Кремля ходило множество легенд, которые были настолько неправдоподобны, что я не решаюсь их пересказывать...

У всех соловчан настроение было угнетенное, безотрадное.

В 1932 — 1933 годах Соловецкий остров превратился в центр для изоляции политических преступников, а также в карцер и следственную тюрьму для лагерников, совершивших неудачные побег или другие преступления, подлежащие Особому разбирательству²¹

В. Кичкас

На острове я сразу узнал, что означает «центральный запрет», то есть содержание исключительно «на общих», самых тяжелых работах.

Д. Витковский

Из воспоминаний Д. Витковского

Следователи допрашивали по очереди, но каждый начинал с того, что я рецидивист и буду наказан особо строго. Некоторые многозначительно выкладывали на стол наган, некоторые просто предрекали расстрел, однако все требовали одного — признания в преступлениях, а в каких, не говорили, — сам знаю.

Допросы велись только по ночам, часто — всю ночь, на измор, но — сидя. Через месяц меня, «отработанного», перевели в Бутырку...

Часть заключенных спала прямо на цементном полу; некоторые без всяких подстилок. В моей камере было от шестидесяти до восьмидесяти человек; среди них несколько профессоров, преимущественно технических специальностей, не менее пятидесяти инженеров, а также военные, писатели, артисты...

Уголовников не видно совсем... Подследственные уже усвоили уроки Шахтинского и Рам-

зинского процессов: уцелеть можно, только оговорив себя и других. Кто пытается сохранить свое достоинство — погибает... Я не захотел стать на прогоренную дорожку и был наказан: получил расстрел... с заменой десятилетиями²² и «центральный запрет».

На острове я сразу узнал, что означает «центральный запрет», то есть содержание исключительно «на общих», самых тяжелых работах. Два месяца копал канавы на осушении болот, а затем был переведен на дальний конец Большого острова — «на йод».

Надо было собирать вдоль берега граблями водоросли или вытаскивать их с мелководья во время отлива, загружать в тачку и возить метров за двести к печке, на сжигание. Печь обслуживали восемь человек. Работали порознь, постоянно мокрые по пояс от брызг прибоя, были злы и матерились густо, без перерывов.

Деятельность контрреволюционной террористической группировки в школе ФЗУ Учебного комбината ВОТИ заключалась в систематических выступлениях среди учащихся школы ФЗУ против политики ВКП(б) и Советской власти, а также в призывах к учащимся бороться против правительства и Советской власти путем уничтожения членов правительства, в частности т. Сталина.

Из воспоминаний С. Щеголькова

Обвинительное заключение по следственному «делу № 221» было утверждено 13 ноября 1932 года. Все эти дяди, взрослые дяди, прекрасно знали, что имеют дело фактически с детьми из фабрично-заводского училища. Нас арестовывали, охраняли и допрашивали палачи «с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками»¹²⁵, безусловно, понимавшие, что их жертвы неповинны, но, выславиваясь, они были готовы растерзать любого. Все наши антисоветские показания написаны под их диктовку.

Меня, несовершеннолетнего мальчишку, опарашенного случившимся, допрашивали с угрозами, избиениями, обещаниями арестовать маму, если не подпишу протоколов. Истина их не интересовала, даже в биографических данных «дела» полно ошибок. Там почему-то записано, что я родился в Туле, что отец мой был вра-

гом, что, готовя покушение на Сталина, я купил пистолет, что сборища контрреволюционная террористическая группировка устраивала в нашей квартире. На самом деле я родился в Краснослободске (Мордовия), отец был рабочим, да и жили мы в Москве у дяди в переулках Арбата не в квартире, а внятером в маленькой комнатке. Из большого списка «нашей контрреволюционной организации» я знал лишь двух своих «коллег»: Серафима Архипова и Женю Перфилова (оба они погибли), с Михаилом Подетаевым познакомился только на пересылке. Других членов нашей «террористической группировки»: Константина Бархатова, Владимира Конькова и других не встречал ни до, ни после ареста. О том, что наш «руководитель» В. А. Кошьюков был сразу расстрелян в Бутырском изоляторе, я узнал только через пятьдесят восемь лет.

Владимир Коньков:
«Всеобщая коллективизация сельского хозяйства — это второе крепостничество, колхозы отобрали все имущество у крестьян, и те, которые жили раньше по-человечески, в настоящее время в колхозах голодают»

Константин Бархатов:
«Мои враждебные взгляды, в частности, против руководителя ВКП(б) товарища Сталина, сложились на почве того, что жизнь рабочих с каждым днем ухудшается, а живет хорошо только правительство»

Михаил Подетаев:
«В своих наблюдениях за жизнью окружающих людей я пришел к выводу, что политика Советской власти и партии большевиков неверна, она привела рабочий класс к нужде, к систематическому недоеданию»

Сергей Щегольков:
«Коллективизация привела к ухудшению положения трудящихся. Продовольственные затруднения, переживаемые ныне, я объясняю неверной политикой ВКП(б), которая разорила крестьян, насильно вогнав их в колхозы»

Газета «За коллективизацию»
Орган Московского Обкома ВКП(б)
22 июня 1931 года

Двенадцать героев большевистских полей

...Агроном А. П. Зимний четко организовал перестройку работы с конного на тракторный инвентарь. Он один из 12 бойцов передовой линии. Вся область должна знать имена героев большевистских полей!

Газета «Правда». Орган ЦК ВКП(б)
(№ 70/5596) 12 марта 1933 года

Дело арестованных — выходцев из буржуазных и помещичьих классов — государственных служащих в системе Наркомзема и Наркомсовхозов — по обвинению в контрреволюционной вредительской работе в области сельского хозяйства. За нанесение ущерба государству, выразившегося в порче и уничтожении тракто-

ров, поджогах МТС и прочих действиях, с целью подорвать материальное положение крестьянства... заключить в тюрьму на 10 лет...

...9. Зимнего Алексея Павловича...

Председатель Коллегии ОГПУ
В. Менжинский

Письмо из лагеря А. П. Зимнего
23 мая 1937 года

Твои последние два письма просто замечательные. Единственно, что мне не нравится, это твоя большая уверенность получить свидание. Судя по всему, от нынешнего

года я жду мало хорошего для себя. Давай лучше не питать себя напрасными надеждами, если получим свидание, примем это как выигрыш по трамвайному билету. И только.

Я уже писал тебе раз, как нужно рассматривать мою работу. Не забудь, что я прежде всего заключенный. Сегодня я допущен к своей работе по специальности, а завтра могу быть и недопущенным. Ни в какой мере не может изменить моего положения ни хорошая, ни даже сверххорошая работа. Когда я пишу тебе о своих производственных успехах и увлечениях, то пишу о своей личной жизни. Успехи меня радуют не потому, что они велики и рекордны, а лишь потому, что сохраняю уверенность в своих силах, чувствую, что за эти тяжелейшие пять лет я не опустился, остался человеком и работником. Растут основания полагать, что и последние пять лет не сломят меня.

...Написал и отправил в Медвежку статью объемом почти в печатный лист об опыте работы. В статье я не рискнул делать какие-нибудь выводы, в ней лишь ценный практический материал. Она суммирует проделанную работу... Мне удалось найти нечто новое, заслуживающее внимания... Применяемым мною методом подготовки животных удалось добиться их отличного здоровья, увеличения живого веса выше стандартов для этой породы в полтора раза и удоев выше всяких стандартов почти в два раза... А так как тут не одно животное, а целая группа, то это уже событие...

Пока живу и работаю по-прежнему, но только пока, о дальнейшем не гадаю... Целую тебя крепко, мою любимую.

Твой А.*

*Зимний Алексей Павлович, (1899 г.р.), выпускник Тимирязевской академии, агроном, в Соловках с 1933 года. Расстрелян 27 октября 1937 года по постановлению Особой Тройки УНКВД.

Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНИНГРАДСКАЯ

ПРАВДА

№ 279 (5958) Воскресенье, 2 декабря 1934 г.
ЦЕНА № 10 КОП.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ

1 декабря в 16 час. 30 мин. в гор. Ленинграде в здании Ленинградского Совета (бывший Смольный) от руки убийцы, подосланного врагами рабочего класса, погиб секретарь Центрального и Ленинградского Комитетов ВКП (большеви-ков) и член Президиума ЦИК СССР тов. **Сергей Миронович КИРОВ**. Стрелявший задержан. Личность его выясняется.

Из воспоминаний И. Левитской

Утром четвертого декабря 1934 года в газетах появился список «врагов народа — участников убийства С.М.Кирова в Ленинграде». С указанием, что все они расстреляны. Среди них и мой отец — Васильев Павел Владимирович, старый подлиткаторжанин. Днем арестовали и меня — студентку четвертого курса Московского геологоразведочного института... Двое военных вызвали из аудитории и увели пешком на Лубянку, потом арестовали маму и сестру...

Одинокая камера. Следователь Соколов потребовал оговорить отца, которого я очень любила. Конечно, ничего не подписала, да и на вопросы отвечала резко — уж совершенно невероятными были свалившиеся обвинения. Наверное, после этих допросов появился на обложке моего «дела» штамп «особо опасной» преступницы, осложнивший мою жизнь в заключении.

Второго января 1935 года вывели из лубянской одиночки «с венжами». Скороговоркой прочли приговор. Статья 58.8 — меня объявили террористкой, покушавшейся на жизнь вождей советской власти, дав пять лет лагеря. Выводят во двор. Мороз. Со мной лишь студенческий портфель, с которым арестовали. Втолкнули в черный фургон без окон. В переполненной машине стою у самой двери. Темно. Везут долго. Холодно. Наконец, остановились. Служа, ветер, часовые, собаки, гудки паровозов. Ведут к товарному составу.

— А женщина? — спрашивает конвойный.

— Там разберутся! Скорей!

По сходням толкают в темный проем. Дверь за спиной с грохотом закатывается. Состав вскоре трогается. Я олушена, нервная разрядка, слезы не останавливаются. Стою, прижавшись к вибрирующей, ледяной стенке товарного вагона.

Появляется какое-то слабое освещение. Кто-то начинает разжигать печку, как-то устраи-

ваться, а я с ужасом замечаю, что полукольцом вокруг меня собрались какие-то мужики и медленно зажимают все свободное пространство... Они уже совсем близко... И вот тогда рядом вдруг встал высокий, большой человек и, перекрывая шум поезда, громко сказал:

— Среди нас женщина! Кто тронет — убью! У кого есть совесть, прошу помочь защитить ее!

Он поднял меня, посадил на верхние пары, а сам всю ночь стоял рядом, охраняя и стараясь отвечать, тихонько рассказывал разные истории. Фамилия его была Ладейников. Ни имени, ни отчества не запомнила. В памяти осталось, что он ученый, как будто профессор, много лет работал в океанологических экспедициях, плавал в Индийском океане, еще где-то, бывал во многих странах, знает иностранные языки... Сказал, что стоящие полукругом мужики — это не 58-я статья, а 59-3, вооруженный бандитизм... На рассвете эшелон остановился. Дверь откатилась. Ладейников крикнул, что в вагоне женщина. Не поверили. Тогда он подвел и показал меня...

Два или три дня я находилась в вагоне конвоя, затем сняли с эшелона в Надвоижах, через десять дней отвезли в Кемь, а оттуда одну почему-то на самолете забросили в Соловки. Уже в поезде, видя мою городскую одежду, летчик сожалелся и бросил какую-то меховую шапку:

— Надевайте!

Сели мы на льду Святого озера, а по лагерю почему-то ползали слухи, что самолетом доставили якобы жену Николаева, убийцы Кирова...

Весной, когда началась навигация, на остров стали прибывать эшаны, скопившиеся на мате-ринке. Случайные люди пересказывали мою вагонную историю. Вот как бывает, милая. Узнала я и конец истории: Ладейникова на следующую после моего спасения ночь убили уголовники...

В 1935 году вечером пятого мая, когда я вернулся из школы, появился некто в штатском и пригласил меня «на минутку» в отделение милиции. Я удивился, но пошел, не зная, что начинию путь по лагерям и ссылкам продолжительностью девятнадцать лет...

Пятнадцатилетнего школьника, меня обвинили в терроризме и антисоветской агитации по статье 58, п. 8, 10, 11. Допрос был ложный, по Особое Совещание НКВД назначило три года лагерей. К счастью, отправили на Соловки, где я оказался преимущественно среди интеллигентной публики. Около года мне посчастливилось работать в замечательной Соловецкой библиотеке. Ее читатели были интересные, оригинальные личности. Многие из них помогли моему образованию и становлению.

Заведовал библиотекой Григорий Порфирьевич Котляревский, большевик с 1916 года, бывший заместитель начальника политотдела Черноморского флота. В лагерь на десять лет попал за то, что кто-то из свиты Сталина пашел на флагманском крейсере «Червона Украина» в старых газетах за библиотечным шкафом список Ленина с Троцким.

Иностранным отделом библиотеки заведовал Алексей Феодосьевич Вангенгейм. Был членом РСДРП с дореволюционным стажем, лично знаком с Лениным. До 1934 года начальник Гидрометеорологического Комитета при Совнарком Союзу ССР.

Он был хорошо образован, прекрасно знал французский и немецкий языки. Осужден на десять лет по статье 58, п. 7, 10, 11 — за «групповое вредительство» и «контрреволюционную агитацию». Причины для его ареста были серьезные. Вангенгейм должен был произнести на Географическом съезде приветственную речь для приехавших зарубежных ученых.

В пригласительных билетах было напечатано, что он произнесет ее по-французски, но за час до открытия съезда позвонили от Сталина и передали указание говорить только по-русски. Вангенгейм удивился и сказал, что изменять опубликованную программу недопустимо, произнес приветствие по-французски...

В 1935 году Алексей Феодосьевич уже адантировался на Соловках. Он носил серую стеганку, серые ватные брюки, обмотки и грубые кожаные ботинки...

Работал в библиотеке и профессор Пантелеймон Казаринов из Иркутского университета, очень деликатный, кроткий человек, осужденный на десять лет «за подготовку к отторжению Сибири».

На Соловках были две библиотеки. Одна, монастырская, находилась в ведении Соловецкого музея¹²⁶, а другая — лагерная для всех заключенных. Лагерная библиотека насчитывала около 30 тысяч томов и несколько тысяч переплетенных журналов. В библиотеке выписывалось более шестидесяти названий газет и около сорока названий журналов, многие из которых я раньше не видывал. Мне хотелось со всеми познакомиться. Читальным залом заведовал краснопекий старик с рыжей бородой — самарский архиепископ Петр Руднев (в миру Николай Николаевич), а кабинетом журналов и технической литературы — сотрудник Наркоминдела Веригин, худой, бледный, с вкрадываемыми манерами и глуховатым, тихим голосом.

Они работали как «активисты» (вне штата) и получали за это право посылать одно дополнительное письмо в месяц.

Я удивлял и того, и другого своими просьбами.

— Дайте мне «Ванаус» и «Дер Эмес», — просил я Руднева.

— Ты что, умеешь читать по-фински и по-еврейски? — спрашивал удивленный архипастырь.

— Я хочу посмотреть, как они выглядят, — отвечал я, смущаясь.

В числе 1800 читателей было много известных личностей. Совсем старый украинский академик Рудницкий, молодой элегантный профессор Тбилисского университета Кикоидзе. Однако пальму первенства все отдавали Павлу Александровичу Флоренскому, гениальному математику, химику, инженеру, философу и богослову. До ареста в 1933 году Флоренский сотрудничал в МГУ и ряде других институтов, преподавал в Духовной академии философию и являлся консультантом Председателя ВСНХ Серго Орджоникидзе...

Часто заходили в библиотеку молодой авиа-конструктор П. А. Ивсенен, режиссер Александр Степанович Курбас (Лесь Курбас), профессор-историки Яворский и Грушевский. В числе активных посетителей читальни были В. Н. Брусиллова; «сменовеховец» А. В. Бобринцев-Пушкин, потомок легендарного Раджи и декабристов, из-

вестный адвокат — защитник на процессе Бейлиса 1913 года. Бобрицев-Пушкин оказался в лагере, как он шутил, из-за Маршака. После своего возвращения в Россию, он прочитал маршакковского «Мистера Твистера», но по неискоренимой адвокатской привычке решил защитить несправедливо обвиненного героя и написал в защиту Твистера пародию:

Дети, не верьте, все врет вам Маршак,
Мистер Твистер совсем не дурак,
Быть не могло этой глупой истории
Ни в «Англетере» и ни в «Астории»
Остальное понятно.

Говоря о Павлике Морозове, Бобрицев-Пушкин сказал однажды:

— Я думаю со временем этот печальный феномен будет изучаться историками и психологами как характерный показатель морали общества этого времени.

Среди других посетителей библиотеки мне запомнились: Н. Я. Выгодский — профессор Московской консерватории, прекрасный пианист; врач лагерного госпиталя, «хирург Божьей милостью» — профессор А. А. Опман, сидевший в Соловках вместе с женой, дочерью-студенткой и сыном — инженером.

Завсегдагаи читальни — бывшие активисты революционных партий, такие, как секретарь Исполкома Коминтерна А.Я.Руднянский (работал сторожем на маяке в порту), заключенные эмигранты-антифашисты, даже секретари зарубежных компартий — предсказывали, что скоро режим усилится. Так оно и случилось. В начале 1937 года штат библиотеки разогнали. Вскоре лагерь преобразовали в Соловецкую Тюрьму Особого Назначения (СТОИ¹²³). Монастырская библиотека, по слухам, была вывезена на материк¹²⁴, а что стало с лагерной — неизвестно.

Часть древних рукописей и монастырского архива сохранилась после прихода большевиков и большого пожара на Соловках. Их уничтожение заняло порядочно усилий разных лиц, причем меньше всего виновато лагерное начальство. Тут главным образом поработала Школа юнг². Она уничтожила очень многое.

Д. Лихачев

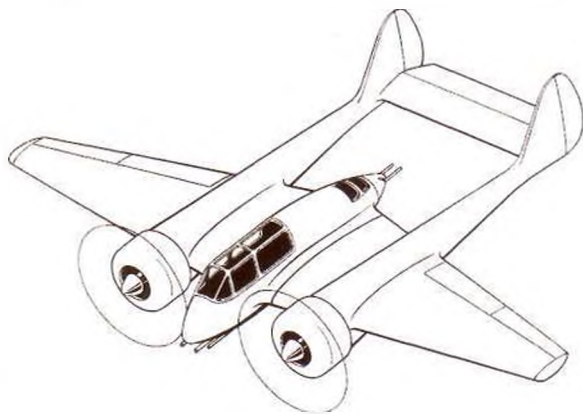
Будучи совсем молодым человеком, я разработал проект оригинального планера и послал его профессионалам с просьбой проконсультировать. Чертежи попали в жюри конкурса по самолетостроению, где их пришлось к рассмотрению и присудили премию. На эти деньги я построил свой первый летательный аппарат и поднялся на нем в небо.

Решив связать свою жизнь с конструированием самолетов, я к двадцати четырем годам уже стал специалистом «десятой категории по линии «Аэрофлота», то есть имел звание «младшего генерала», но эти звания давались тогда не пожизненно, а на время работы в зависимости от занимаемой должности.

В 1934 году мне предложили принять техническое руководство над отделом по созданию истребителя-бомбардировщика «Г-38», так как мой предшественник не смог обеспечить достижения проектной скорости даже 300 км/час, а заказчик требовал 400 км/час. Мне же удалось поднять расчетную скорость самолета до 550 км/час! Генеральным заказчиком был М. Н. Тухачевский, который понимал, что ставка Наркома обороны Ворошилова на коницу ошибочна. Он предвидел необходимость технического оснащения армии танками, машинами, самолетами.

Как раз в это время кавалерист Ворошилов сумел привлечь к борьбе против Тухачевского и его идей технического перевооружения армии палачей из НКВД. Это было не очень сложно, так как Тухачевский по происхождению — дворянин, «социально-чуждый», а на каждого такого велось досье... Арест меня в качестве шпиона

Боевой самолет — «легкий крейсер» Г-38, спроектированный в 1934—1935 гг. Рисунок Павла Ивенсена

представлялся для НКВД хорошим ударом по нашему куратору Тухачевскому.

После убийства Кирова в декабре 1934 года аресты по стране шли волнами. Майский набор, октябрьский набор, майский, октябрьский... и так по годам. Я попал в майский набор 1935 года. Два месяца на Лубянке, потом перевели в Бутырки. От меня требовали признания в шпионаже в пользу Германии... Допросы по шестнадцать часов. Особенно тяжело было, когда сутками не давали спать.

Одним из моих сокамерников оказался старый чекист. Он раскрыл нам всю технологию «пития дел»: как ингажируют, как запугивают, как, на самом деле, расстреливают. Кстати, знаете, здание КГБ — это Лубянка, дом 2, за ним «Гастроном» — Лубянка, 4, а дальше маленький особнячок в голубых тонах — под ним и расстреливали. Это все чекист знал. Он же научил брать с собой на допрос кусочек сахара и медленно его сосать. Сахар успокаивал нервную систему, придавал сил. Тогда же я придумал свой способ имитирования открытых глаз при попытке бессонницей — в полутемной камере нужно было наклеить на закрытые веки бумажные кружки, закрашенные чернильным карандашом. Это позволяло обмануть надзирателя — уснуть сидя на 10–20 минут, и сохранить силы для допроса.

Защищаясь от обвинения в шпионаже, я потребовал, чтобы следователи провели техническую экспертизу по моему делу. В тридцать седьмом они бы «провели» ее сами и быстренько расстреляли безо всяких... Но в тридцать пятом еще приглашали специалистов, а обвинение-то было абсурдное. Мне повезло, что рапо попал...

В конце копцов вызывают из камеры в Бутырках, заводят в церковь на второй этаж. Народу много... Стоим. Подошла моя очередь. Сидит за столом чин с двумя кубиками в петлицах.

— Буква «И» — Ивенсен, Павел Альбертович.
— Распишитесь.

Читаю: «За контрреволюционную деятельность приговорить... к исправительно-трудовым лагерям усиленного режима».

— Контрреволюционной деятельностью не занимался и расписываться не буду!

Он спокойно забирает бумажку и пипет на ней: «Отказался».

— Следующий! — Такова процедура осуждения. И пошла в Соловки.

Из воспоминаний О. Лобановой

Ольга Лобанова

Я закончила сельхозтехникум в городе Петропавловске, в Казахстане, и вскоре, в июле 1935 года, была арестована. Поводом для ареста оказалось письмо, которое послала мне из-за границы мой соученик, волею судеб с родителями попавший в Харбин.

НКВД в это время должно было строго выполнять план по ежемесячному раскрытию всех видов политических преступлений, перечисленных в 58-й статье Особенной части Уголовного Кодекса. Допрос велся очень жестоко. На всю жизнь на моей правой ладони остались шрамы — защищала лицо, когда следователь, начальник Третьего отделения НКВД в Петропавловске Медников бил меня рукояткой револьвера по голове, требуя признания в «связях с мировой буржуазией».

Палач грозился расстрелять отца и двадцатилетнего брата... Спасая близких мне людей, я подписала придуманное Медниковым ложное обвинение, заплатив за это пятью годами жизни в лагере на Севере. Мне еще повезло. В 1957 году, уже во время реабилитации, прокурор Б. И. Русаков сказал, что из трех тысяч моих земляков, попавших тогда в застенки НКВД, в живых осталось не более трехсот человек.

В женбараке у Кремля содержалось человек сто пятьдесят. Почти все имели, как и я, 58-ю статью, хотя настоящих политических заключенных не помню. Было несколько бытовичек и несколько монашек. Молодежь с монашками не общалась, те только молились по углам, и нам были неинтересны. Командовал женской колонной моряк из Сталинграда — Вячеслав Валерьянович Юдин, который, как мог, пытался облегчить нам горькое положение.

Запомнилась бабушка-«политическая», которая первое время ходила и причитала:

- Мне ж восемьдесят годков, а дами десять лет... Теперь прожить надо-то!..
- Бабушка, а за что тебя?
- Ой, внучка, за такое слово, что и выговорить не могу, забываю его... Длинное слово... Молодежь начинает подсказывать:

- Спекуляция? Валюта? Проституция?
- Нет, длинное-длинное слово-то.
- Наконец, кто-то произносит:
- Контрреволюция?
- Во-во, за нее-то, милье! Она у меня куда-то пропала... Весь дом перерыли, сундуки поломали, чулки даже развязывали, а она куда-то пропала. Десять лет дали-го...

Три месяца провела я на общих работах: стирала, снег чистила, мыла полы в Санчасти. Помню уважаемого хирурга — красивого профессора Опмана. Перед ним, при мне, у Кремля, на коленях упал старик. Благодарил за то, что доктор избавил его от недуга, которым тот всю жизнь мучался. Опману ассистировали: его дочь Нина, такая же, как отец, стройная и красивая, медсестра Ольга Гаибова, потом ее увезли на Анзер, и «вольная», оставленная после окончания срока, Анна Ивановна Лобанова.

Среди заключенных в Кремле выделялась грузинская большая и сплоченная колония, жившая вблизи лазарета. Мне довелось с ними общаться. Они отказывались работать, поэтому получали урезанный паек, жили совсем бедно, только посылками помогая друг другу... Сталина сильно ненавидели и, главное, что всех удивляло, не боялись говорить об этом.

Получение посылки — интересная процедура. Спирок вывешивался под аркой, ведущей из первого во второй двор. За посылками надо идти с мешками, мисками и тому подобное, так как ящики и вся тара изымаются: консервы вскрываются, с конфет сдираются обертки, от папирос отрываются мундштуки, одеколон выливается. Все это во избежание передачи нелегального и запрещенного. Ю.Чирков

Из воспоминаний И. Левитской

Женский барак — старое двухэтажное монастырское строение из бревен. Еду мы готовили себе сами, получая продукты так называемым сухим пайком. Работать меня «нарядили» в бюро, которое занималось текущим проектированием объектов строительства ББК. Контора находилась за Кремлем в таком же бараке, как наш. Я оказалась в группе разработки железобетонных конструкций, которой руководил киевский профессор, автор многих книг и учебников С. И. Шищенко. Коллектив собрали очень сильный. За полтора года я приобрела довольно высокую квалификацию, и строительное проектирование осталось моей профессией и после выхода из тюрьмы. Из коллег помню еще очень талантливого архитектора из Москвы Чистякова Валентина¹⁴. Других не запомнила, я была там, в конторе, единственной женщиной и держалась очень замкнуто.

В бараке я подружилась с Верой Вечор из Белоруссии, которая в лагере работала по специальности — ботаником на Соловецкой опытной станции. К сожалению, не удалось ничего позднее узнать о ее судьбе, а это был замечательный человек.

Вчера видел Кишкина (профессора-биолога), бывшего заключенного в Соловках, и узнал от него, что там теперь уже все переменялось, бандитов нет, только изолятор политических...

М. Пришвин. 8 марта 1934 года

Вера Михайловна Вечор (1906 г.р.) выпускница Минского университета, в Соловках с 1932 года. В лагере работала на Сортиспытательной станции. Расстреляна 1 ноября 1937 года.

Сортиспытательный пункт, опытные поля и огороды... Да... Все это в лагере имело место. У нас полярное земледелие было в большой моде. Хотя еще Фет писал: «На льдине лавр не расцветет». — но мы хотели доказать, что расцветет непременно.

О. Волков

Виктор Хорджинский (1913 г.р.), ученик восьмого класса Тринадцатой Трудовой школы города Ленинграда. Арестован пятого октября 1929 года и брошен в лагерь за создание «Партии Интеллигентов».

В Соловках 1929—1931 и вновь 1933—1936 гг.

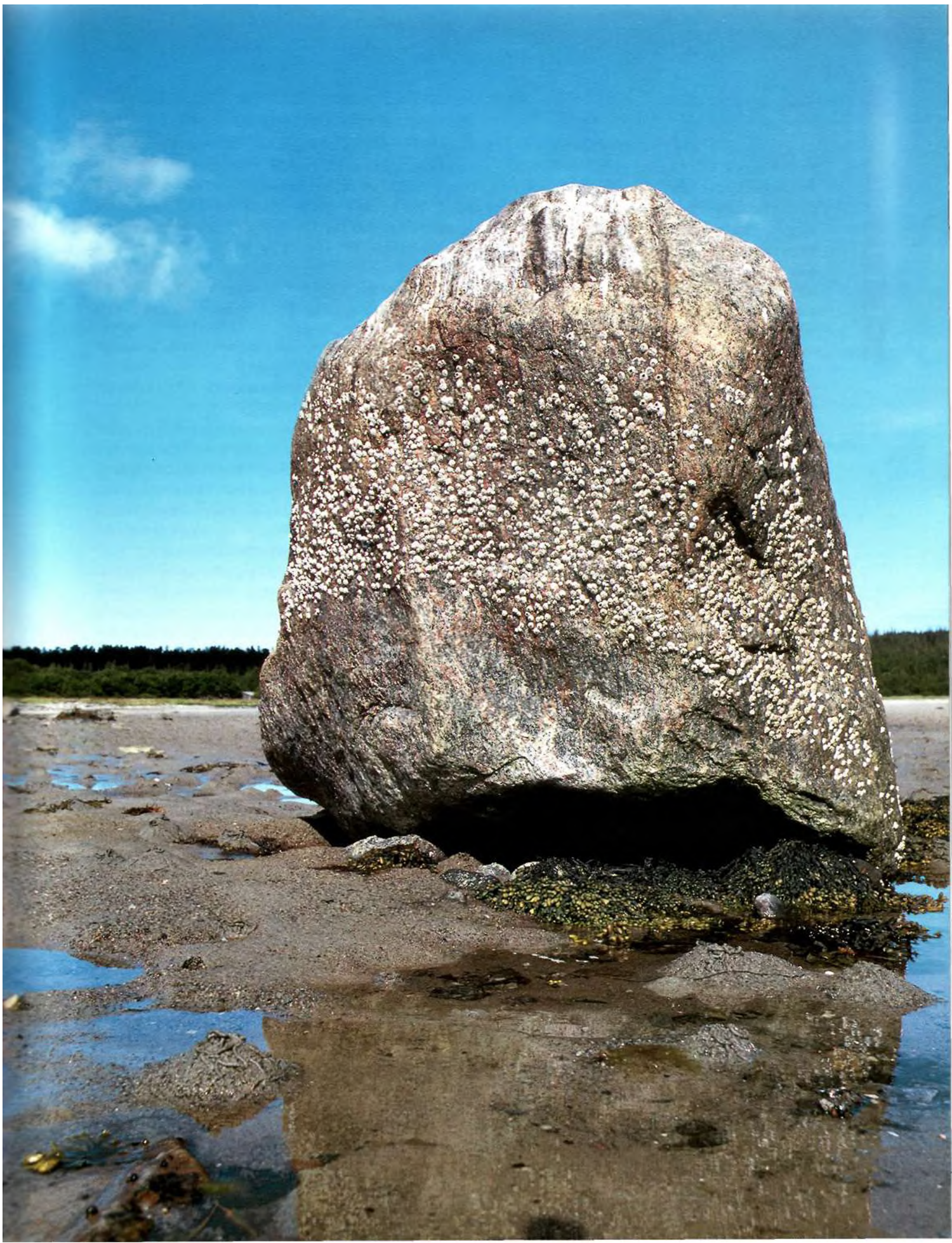
Недаром я судьбы искал
Встречаю трепетом объятий,
В ее улыбке холод скал
И соловецкие закаты.

Иду с горящей головой,
Бреду, шатаюсь, словно пьяный,
А позади идет конвой.
Уставя в спину мне наганы.

Вокруг сосновые боры.
Деревья пляшут в лунном свете.
И душистый запах камфары
Меня встречает в лазарете.

В. Хорджинский

Из дневника писателя

**Начальнику 3-й части Соловецкого Отделения
Беломорско-Балтийских лагерей Акимову**

Вечером 6 ноября арестован за отказ от участия в праздновании годовщины октября член Социалистического Союза молодежи, находившийся в 4-й роте, Анатолий Львович Гройсман. Ввиду того, что Гройсман находится в Соловках именно как член Социалистического Союза молодежи, странно требовать от него участия в праздновании годовщины Октября. Я, присутствующий при этом разговоре, категорически утверждаю, что его отказ отнюдь не носил агитационно-демонстративного характера, поэтому арест является несобоснованным. Доводя об этом до Вашего сведения, полностью солидаризируюсь с Гройсманом и надеюсь, что он немедленно будет освобожден, в противном случае я буду вынужден с 10 ноября 1933 года объявить голодовку.

Социал-демократ Хородчинский

Из воспоминаний Ю. Чиркова

В одно из ночных дежурств в перевязочной появился заведующий лазаретом Леонид Тимофеевич Титов в парадном халате и сказал, что сейчас доставят в спецпалату двух заключенных из политизолятора, а я должен закрыть дверь и никого не выпускать из отделения в коридор. Титов сбежал вниз, а я замер у лестницы за столбом. Внизу послышались шаги, и почти бесшумно стала подниматься процессия: впереди шел Титов, за ним трое тюремщиков несли человека с запрокинутой головой. Обращенное к потолку лицо с зашавшими глазами казалось безжизненным. Следом несли второго, далее виднелись фуражки начальства и седая голова профессора Тюрка Густава Адольфовича.

Леонид Тимофеевич, увидев меня, сделал страшные глаза, и я шмыгнул за дверь. Все произошло в спецпалату, перед которой поставили часового. Затем начальство ушло. Вскороости ко мне пришел Леонид Тимофеевич и, видя, что я стою от любопытства, тихо сказал:

— Они выдержали тридцать шесть суток голодовки и добились своего. Жизнь в них чуть теплится.

— Кто они? — также тихо спросил я.

— Они — люди с сильной волей. Они терпели тридцать шесть дней, пока их организм пожирал сам себя, и не сдались, хотя в любой миг могли прервать голодовку.

Титов подергал эспаньолку и добавил еще типе:

— Их не только уговаривали каждый день снять голодовку, но и подносили ко рту белые сухарики, шоколад, сыр. Они все перенесли.

Остаток ночи я думал о непреклонности этих таинственных людей и примеривал к себе

их поведение. Мне захотелось испробовать голодовку, проверить свою силу воли и выдержку. Испытывал же себя Рахметов — герой Чернышевского. Только испытания Рахметова казались мне теперь детской игрой по сравнению с тридцатипестисуточной голодовкой, по существу, с медленным самоуничтожением.

Прошло несколько дней, состояние больных в спецпалате улучшилось, их кормили через каждые три часа. Сначала молоком с сахаром и маслом, потом добавили белые сухари, затем бульон. Еду из кухни передавали тюремщику, а тот относил в палату, где первые дни почти все время дежурил профессор Тюрк. Когда у меня началась дневная смена, в режиме спецпалаты произошли изменения: поломойщику разрешили заходить в палату для уборки, выноса уток и судна, а санитару разрешили измерять температуру и вносить еду, но все это в присутствии тюремщика, с запрещением разговоров.

На шестой день после снятия голодовки я впервые увидел их в палате. Больные еще были очень истощены, но уже пытались садиться на койках. Через несколько дней часового убрали, потому что, как сказал Леонид Тимофеевич, они снова хотели возобновить голодовку, если им не ослабят режим.

Оказывается, эти политзаключенные начали голодовку из-за того, что их лишили газет. Проголодав двенадцать суток, они решили, что получение газет через голодовку — это слишком дорогая цена, и потребовали перевода из изолятора на открытый политрежим. Администрация сразу же разрешила газеты, но было уже поздно — голодовка пошла под лозунгом «Свобода или смерть!»

Надо сказать, что времена тогда были сравнительно либеральными. С политзаключенными (то есть членами революционных партий) еще считались. Многие из них в свое время участвовали в революционном движении, сидели в царских тюрьмах или отбывали ссылку вместе со Сталиным, Молотовым, Бухариным и другими руководителями ВКП(б). Поэтому, по согласованию с Москвой, власть временно уступила голодающим. Им разрешили открытый политрежим, то есть пребывание вне изолятора, без привлечения на работы, с сухим пайком, включавшим и мясо, и масло, и сыр, и другие прелести политических ссыльных, включая право посещения библиотеки.

Начальство постепенно уступало, охрану сняли, и они смогли выходить из палаты. Победители опустили подъем духа и начали быстро поправляться. Первая моя беседа с ними произошла на десятый день. Я пришел взять посуду после обеда. Пациенты спецпалаты стали спрашивать меня: как зовут, откуда, статья, срок, папа, мама и другое. Они показались мне деликатными, интеллигентными, остроумными. Тот, которого первым тащили по лестнице в ту ночь, человек с тонкими чертами лица и нервным тиком, представился:

— Виктор Хородчинский.

Ему было лет тридцать—тридцать пять. (всего двадцать два года! — Прим. авт.). Другой сокамерник — Гройсман, с резким взглядом и мефистофельским профилем — был примерно тех же лет.

Они с удовольствием беседовали со мной, рассказывали, как их угнетал режим СИЗО — специзолятора, особенно типшина. В коридорах — толстые войлочные дорожки, надзиратели ходят в войлочных туфлях, чтобы неслышно подходить к глазкам в дверях камер. Окно закрыто притом. Верхний край щита на тридцать—сорок сантиметров отступает от стены, но неба в эту щель не видно. Кроме летних месяцев, камеру круглосуточно освещает электричество. Переписка запрещена.

Единственная радость — книги и газеты. Дают одну центральную газету на два часа в день, потом отбирают. Книги из библиотеки обменивают один раз в две недели, можно заказывать по списку. Разрешают пять—шесть книг на заключенного. Прогулка продолжается один—два часа. Самые чувствительные наказания: лишение прогулки на срок десять дней, лишение га-

зеты и книг. Последнее — самое страшное. Кроме того, существует карьер, но мои собеседники это удовольствие не испытывали.

Охрана политизолятора — войска НКВД, кроме того, есть вахтеры, которые приносят и раздают еду, книги, убирают помещения и тому подобное. У них в СИЗО № 2 — вахтер Клишкин — бывший палач, садист. Он проштрафился и был послан в Соловки на «низовую» работу. Этому Клишкину пришлось выносить парашу из камеры голодающих, что его очень раздражало.

— Вот подушки на лица вам надаваю, да и задуну вас. Я вашего брата столько передунил да перестрелял. Десять лет этим делом занимаюсь, — ворчал бывший палач.

Когда Хородчинский спросил, за что палача лишили такой почетной работы, Клишкин побавровел, выругался, вышел из камеры и с тех пор, заходя к нам, не разжимал губ. Гройсман утверждал, что Клишкина держат «для надобности», которая может настать. Он оказался пророком.

Хородчинский рассказывал о голодовке как средстве борьбы за человеческое достоинство. До революции политзаключенные часто пользовались этим средством, которое тогда действовало безотказно и повергало в трепет тюремное начальство. С момента своего первого ареста в 1929 году Хородчинский объявлял голодовки несколько раз, но с каждым разом успех достигался все более дорогой ценой.

— Хотя польза в том, что проверяем себя на прочность воли, — улыбаясь, подвел итог трактату о пользе голодовок Виктор. Когда я сказал, что тоже хочу испытать себя на «прочность», Хородчинский пришел в восторг и дал ряд добрых советов, которые мне через год пригодились.

Во время одной из бесед Гройсман спросил, знаю ли я, какие революционные партии были в России до семнадцатого года. Я перечислил ряд партий и дал им краткую характеристику. Политики удивленно переглянулись.

— Здорово! — сказал Гройсман, — только, к сожалению, Юра, вы мою партию не назвали!

Я растерянно развел руки.

— Поалей Цион, — важно произнес Гройсман, а Хородчинский добавил, указывая на Гройсмана:

— Один из лидеров.

О себе Хородчинский сказал, что он социал-демократ (эсдек). Гройсман усилил впечатление, спросив:

Виктор Хородчинский. Убит в 1937 году в возрасте двадцати трех лет. Фотография из тюремного «расстрельного дела». На свободе был до пятнадцати лет и еще один год

— Кто был лидер эсдеков до двадцать третьего года?

— Кажется, Мартов, — ответил я.

— Виктор — его племянник, — веско произнес Гройсман.

— Он был с дядей

на первом заседании избранного народом Учредительного собрания, которое разогнали большевики, а когда Мартова избрали членом ВЦИК первого состава, Виктор стал его секретарем.

Мне еще не приходилось беседовать с лидерами политических партий, и я остаток дня перерабатывал эту информацию, а на другой день я

задал политикам много вопросов, в том числе, что такое «Цион»?

— «Цион» по-русски произносятся как «Сион», — оживился Гройсман, — это священный для евреев холм в Иерусалиме, где стояли храм единого Бога Яхве и дворец царя Давида. Сион — символ единства для евреев, разбросанных по всем континентам, не имеющих своего государства, гонимых тысячи лет, но уцелевших как нация и творящих мировую историю.

— Тогда не понимаю, — обратился я к Гройсману довольно дерзко, — почему же вы, один из лидеров Поалей Цион, да и другие евреи сидите в лагерях?

— Юра, вы зрите в корень! — оглушительно захохотал Хородчинский.

Верховному прокурору СССР и в Секретно-Политический отдел НКВД

Последний год моего и тов. Гройсмана пребывания в Соловках отмечен почти непрерывными насилиями по отношению к нам, нарушающими элементарную законность. Нас упорно стараются лишить наших прав, нас втягивают в голодовки, почти не скрывая намерения физически нас уничтожить. 2 апреля 1936 года я был арестован — неизвестно за что — и помещен в ШИЗО. Вслед за мной был арестован и тов. Гройсман. Причина ареста нам до сих пор неизвестна. Сперва было заявлено, что за уход из Пушхоза без пропуска (тогда как месячный пропуск был просрочен на один день, что не раз бывало и раньше и не вызывало недоразумений), затем — что за перерасход дров, пять или шесть кубометров, которые нам были выданы самой же администрацией, потом — что арест вызван голодовкой (тогда как голодовка была лишь ответом на арест), и, наконец, за то, что мы якобы вели в лагере какую-то политическую работу.

Обвинения, одно другого нелепее, выдвигаются без всяких доказательств, без составления каких-либо актов и тут же отбрасываются самой администрацией. Настоящая причина нашего ареста — лишь желание нас сломить физически и морально, лишь голый произвол.

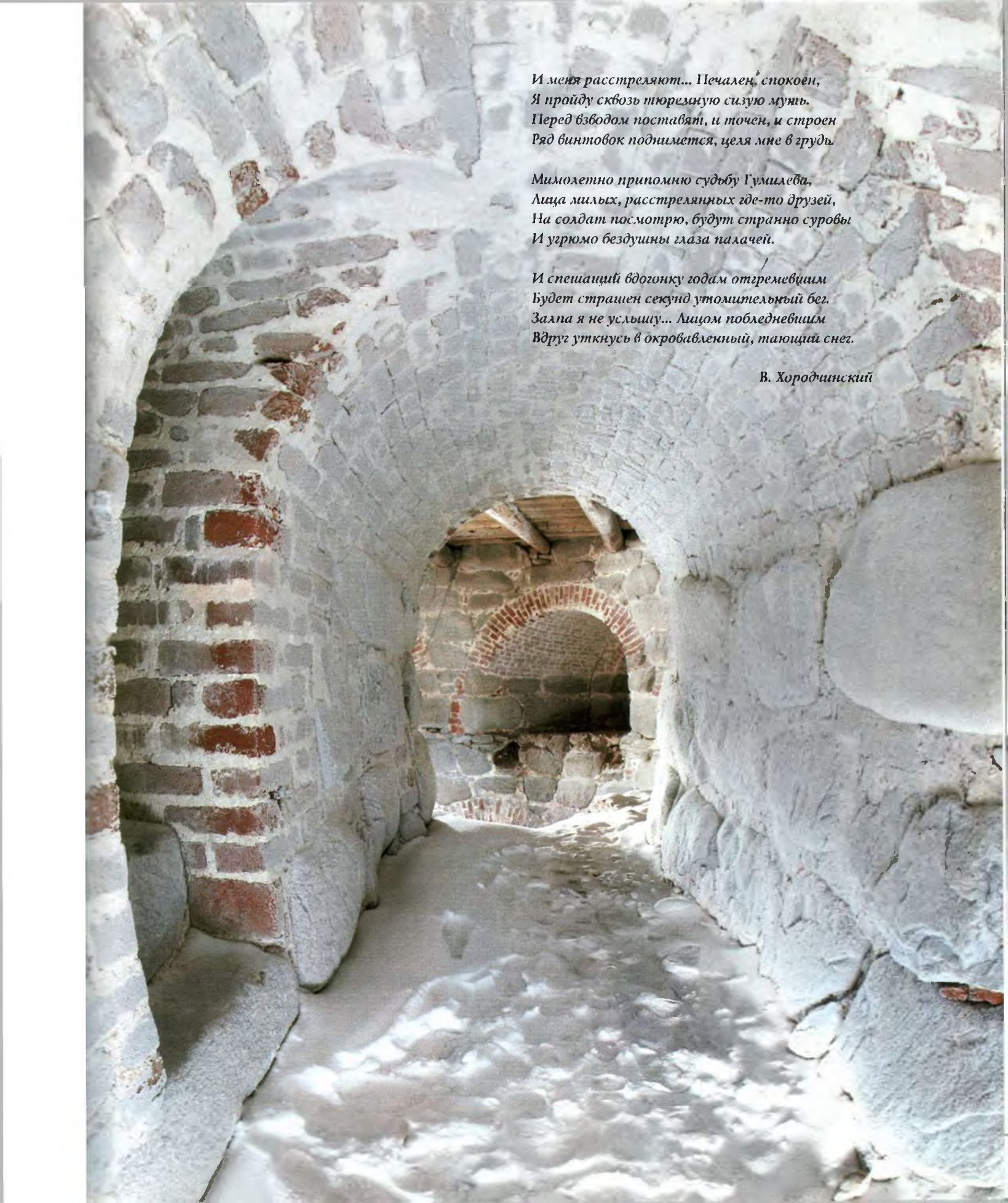
В полной солидарности с тов. Гройсманом я объявил голодовку с 2.IV.1936 года, требуя освобождения. Сейчас после двух недель голодовки ясно, что администрация нарочно заставляет нас голодать, то есть сознательно убивает нас. Подобное положение становится абсолютно невозможным. Поэтому я требую:

1. Прекращения вздорных обвинений, которые представляют ничто иное, как провокацию.
2. Полной нормализации нашего положения в отношении жилища, пропусков и твердого установления всех наших прав.

Если подобная нормализация невозможна, требую вывоза в один из политизоляторов Союза¹³¹.

Социал-демократ В. Хородчинский*

*Хородчинский В. Ф.— расстрелян пятого октября 1937 года в девятнадцать часов в Челябинской тюрьме «как активный меньшевик, сын известного меньшевика Цедербаума Ф. И. и племянник убежденного врага Советской власти Л. Мартова» — из приговора. Гройсман А. Л. — расстрелян десятого октября 1937 года в Магнитогорске «как активный борец с Советской властью» — из приговора.

A photograph of a stone tunnel. The walls are made of rough-hewn grey stones. In the center, there is a smaller, brick-lined passage that leads to a brick archway. The floor is covered in snow, suggesting a winter setting. The lighting is natural, coming from the end of the tunnel.

*И меня расстреляют... Печален, спокоен,
Я пройду сквозь тюремную сизую мусть.
Перед взводом поставят, и точен, и строен
Ряд винтовок поднимется, целя мне в грудь*

*Мимолетно припомню судьбу Гумилева,
Лица милых, расстрелянных где-то друзей,
На солдат посмотрю, будут странно суровы
И угрюмо бездушны глаза палачей.*

*И спешащий вдогонку годам отгремевшим
Будет страшен секунд утомятельный бег.
Залпа я не услышу... Лицом побледневшим
Вдруг уткнусь в окровавленный, тающий снег.*

В. Хородчинский

Из воспоминаний Ю. Чиркова

Присм больных в лагерном медпункте вела доктор Крушельницкая Владимира Антоновича. Хрупкая фигура в белом халате, печальное, одухотворенное лицо — белая лилия среди бурьяна, да и только. Она была из знаменитой семьи украинских просветителей Крушельницких. Ее

отец Антон Владиславович — известный украинский писатель с братом — историком и писателем — сидели в Соловецком политизоляторе, а в это время Саломея Крушельницкая — ее тетья, певица с мировым именем, из Венской оперы, гастролировала по всему миру.

Семья Крушельницких. Фотография сделана незадолго перед арестом.

Семья А. В. Крушельницкого, известного писателя, издателя журналов, общественного деятеля Западной Украины, в 1933 году переехала из Галиции в Харьков. В 1934 году против них начались репрессии: сыновья Иван и Тарас были расстреляны украинским НКВД, Антон Всеволодович с сыновьями Богданом, Остапом и дочерью Владимирою — этапированы на Соловки. Все погибли. Из семьи Крушельницких в Соловки и на Беломорканал было угнано десять человек

Из воспоминаний И. Викентьева

На санях, прикрытых рогожей, меня везли с приступом аппендицита из Анзера через замерзший морской пролив в лазарет Соловецкого острова, где в лагерьной больнице оперировал легендарный хирург — профессор Опман. Очередь на прием к этому доктору состояла не только из заключенных, но, больше, из «вольняшек» с материка. Нужно было только дотерпеть... не умереть в дороге... Я знал, что он спасет меня...

Видения прошлого, как реакция на большую дозу обезболивающего вещества, введенного мне перед отправкой анзерским лекпомом, оказались в воспаленной голове.

Доктор Опман предлагал мне удалить периодически воспалявшийся аппендикс еще в прошлой, вольной жизни... А я — друг его детей — ходил тогда в своей красивой форме авиатора, увлекался музыкой, совершал отчаянные туристические

тические экспедиции, был заядлым волейболистом... и серьезно просил профессора сделать шов таким, чтобы он не был заметен из-под резинки трусов, то есть не портил красоту фигуры на спортплощадке... Опшман, улыбаясь, соглашался... А на дворе стоял 1934 год, и нам уже была уготована другая судьба.

Шестидесятилетний заведующий кафедрой медицинского института в Баку, специалист по ринопластике (операциям на лице), Аркадий Александрович Опшман был приглашен в Москву в 1930 году. Семья поселилась на Арбате, в Скатертном переулке, в доме № 1, квартире № 30, на третьем этаже. На углу Мерзляковского переулка, вблизи музыкального училища имени Рубинштейна.

Стараниями Елены Игнатьевны Опшман, талантливой пианистки с консерваторским образованием, квартира Опшманов превратилась за короткое время в культурный центр.

Частыми гостями здесь были музыканты, артисты, искусствоведы. Домработницей в этой квартире оказалась красивая девушка Люба — Любовь Алексеевна Мезенцева, которая, как выяснилось, регулярно посылала в НКВД допросы на своих хозяев. Бумаги, сочиненные Мезенцевой, стали основой для репрессий многих людей.

Аресты у Опшманов начались шестнадцатого апреля 1934 года. Первыми взяли родителей и дочь Ницу, окончившую химический факультет Второго МГУ.

Старший сын Владислав, тоже химик, в это время заведовал лабораторией в одном из институтов Свердловска. Ему пришла телеграмма от домработницы: «Срочно приезжай. Мама тяжело больна. Люба».

Владислав Аркадьевич спешно бросился домой, где и попал в засаду. Бывшего премьер-министра бакинской оперы А. Ф. Привалова, близкого друга Опшманов, тоже вызвали телеграммой...

Профессор Степан Иванович Шипченко и искусствовед Ольга Апиатовна Гайбова попали в засаду...

Меня там арестовали двадцатого апреля. Всего взяли девять человек. Статья Кодекса, по которой нас отправили в Соловки, была относительно редкая «КРГ» — «контрреволюционная грушировка».

Квартира Опшманов со всем имуществом, находившимся там, досталась секретной сотруднице НКВД «домработнице» Любови Алексеевне...

По прибытии этапа в Соловки меня сразу же «выдернули» на остров Анзер, что означало более строгую степень изоляции. Старые сидельцы просчитывали четыре или пять вариантов объяснения такой повышенной жестокости, но истинная причина оставалась загадкой...

Вот о чем вспоминал я, глядя в темное зимнее небо под скрип полозьев.

Ночью анзерские сани миновали пост у кремлевских ворот. В госпиталь меня принял и уложил в палату врач Леонид Тимофеевич Титов, а утром появился сам профессор Опшман. Он склонился к моему дивану, выслушал предварительный диагноз, прощупал пульс и... пошел дальше.

Я подумал, что так надо, видимо, существует какая-нибудь подписка или спецуказание... или просто предосторожность. Значит, нельзя показывать, что мы знакомы... Но, просматривая документы вновь поступивших, Аркадий Александрович увидел мою фамилию и сразу же вернулся в палату.

— Что же вы молчали?!

— Я думал, что так надо...

— Ах, молодежь, молодежь! А ваше пожелание насчет шва остается в силе?

— Да.

Операция прошла успешно, обещание Опшман сдержал; шов был почти незаметен, а со временем совсем пропал.

Леонид Привалов рассказывал мне позднее, что супруги Опшманы не погибли на островах, а после трех лет лагерей были освобождены. Хирург Божьей милостью Аркадий Александрович во время войны спасал людей в костромском госпитале.

Разумеется, такие пожилые люди, как Опшманы, имели шанс выжить только в Соловецких лагерях, где в мое время состав заключенных был совершенно изысканный. Абсолютное большинство узников составляла интеллигенция. Шпана попадали лишь небольшими вкраплениями, и ее террора совершенно не ощущалось...

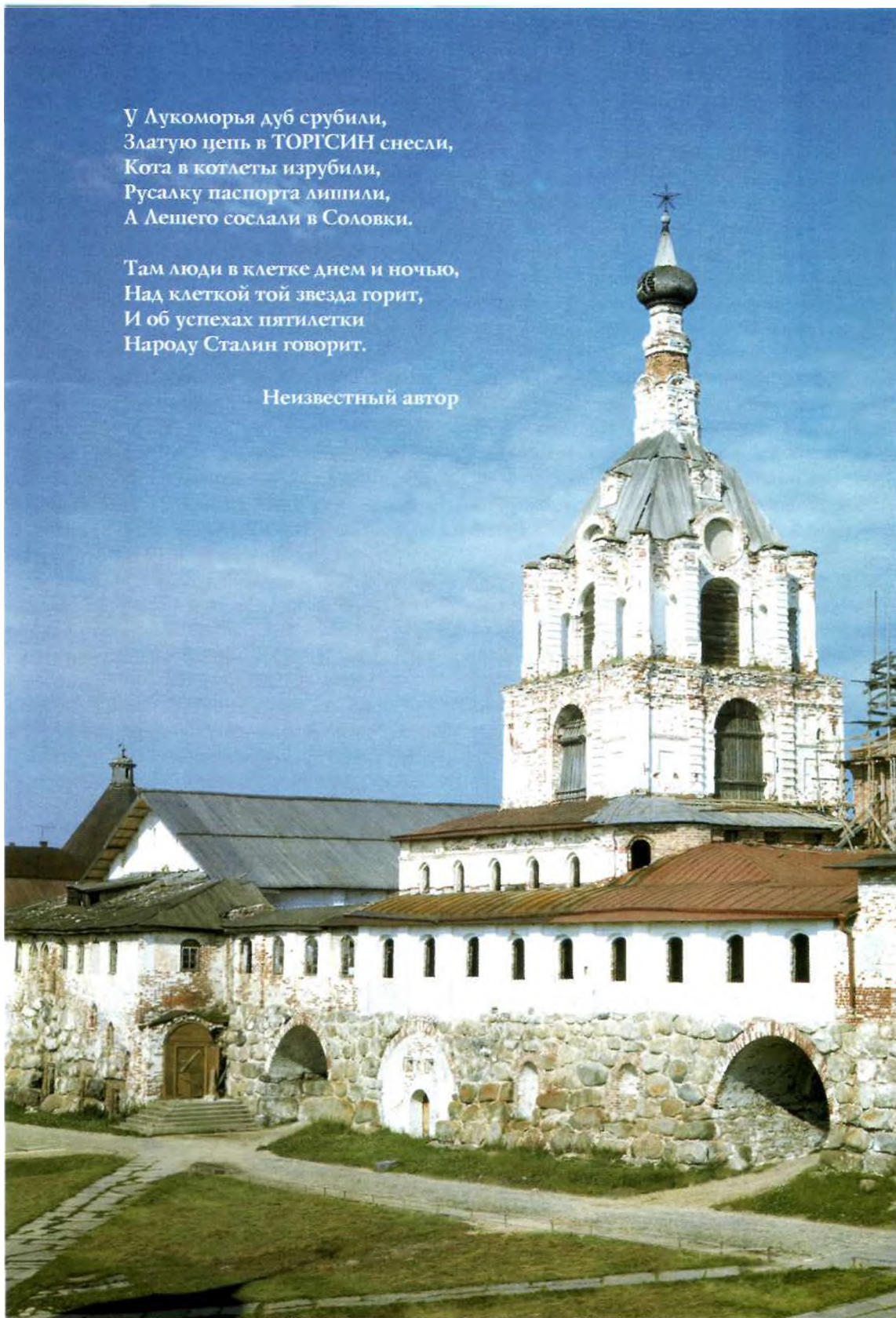
Конечно, лагерь есть лагерь. Мы страдали от произвола администрации, от неопределенности наших судеб и, конечно, голодали, так как в ларьке могли прикупить лишь толокно.

Нина Опшман умерла от болезни в 1939 году, ее брат — Владислав — остался жив. Привалов тоже выпел из лагеря, а вот его однокамерника, известного режиссера Леся Курбаса расстреляли в 1937 году.

У Лукоморья дуб срубили,
Златую цепь в ТОРГСИН снесли,
Кота в котлеты изрубили,
Русалку паспорта лишили,
А Лешего сослали в Соловки.

Там люди в клетке днем и ночью,
Над клеткой той звезда горит,
И об успехах пятилетки
Народу Сталин говорит.

Неизвестный автор

Работа КВЧ в Соловках в середине 30-х годов в основном сосредоточилась на развитии самодеятельности. Важнейшим обстоятельством, способствовавшим этому доброму делу, было изобилие профессионалов и любителей. К 1936 году Соловецкий театр был заметным явлением. В театре было две труппы: драматическая и оперно-опереточная. Кроме того, три оркестра: симфонический, струнный и духовых инструментов, затем концертная бригада, цыганский ансамбль и агитбригада. Основной состав во всех театральном подразделениях состоял из заключенных, занятых на различных работах или ненапряженных. Они репетировали по вечерам, обретая второе дыхание в любимом деле. Звезды имели поблажки. Перед постановками их освобождали от работы, они получали премблано, право на дополнительные письма домой.

Для заключенных театр был источником радости, его любили, им восхищались. Помещение, отведенное под театр, находилось в том же здании, что и библиотека. В партере было около трехсот мест, в обширном фойе устраивались иногда выставки. Хорошо оборудованная сцена, осветительные установки — все это было, как в настоящем театре. Декорации конструировались и расписывались театральными художниками. Для изготовления реквизита и костюмов существовала специальная маленькая мастерская. Начальство театр субсидировало, гордилось им. Как правило, все начальники и другие вольные непременно посещали премьеры. Вольные обычно занимали первые ряды, а большое начальство — ложи. Два раза в неделю в помещении театра показывали кинофильмы.

Драматической труппой руководил известнейший режиссер Лесь Курбас. В 1934 году его арестовали, кажется, за встречу с украинскими националистами во время зарубежных гастролей и сослали в Соловки. Я видел поставленные им спектакли: «Аристократы» Погодина (о «перекровке» в лагерях), «Интервенцию» Славина, остроумную французскую комедию «Школа налогоплательщиков», где бывшие эмигранты прекрасно играли французом начала 30-х годов, комедии Лабина «Путешествие Перриниона» и «Птички». Ставил он и Островского, и даже «Свадьбу Кречинского» Сухово-Кобылина.

Оперно-опереточной труппой руководили двое: Леонид Федосеевич Привалов — премьер Бакинской оперы, хороший тенор, друг и олю-

делец профессора Опшмана (он дожил до реабилитации) и князь Андронников, родственник известного в Петербурге авантюриста князя Андронникова — приятеля Распутина. Курбас, как режиссер, тоже помогал этой труппе. Привалов поставил оперу Рубинштейна «Демон», и сам пел в заглавной роли. Тамару пела рижанка Лилихалик, Гудала — бывший полковник Глушченко, Сиподала — инженер Равич из ЦАГИ. Андронников поставил «Периколду» и сотворил оперетту «Мирандолина» по мотивам «Хозяйки гостиницы» Гольдони, используя музыку ряда популярных оперетт. «Мирандолина» имела огромный успех. На эти спектакли приезжали даже начальники ББК из Медвежьей Горы.

Женские роли в спектаклях всех трупп исполняли: дочь профессора Самарцева, дочь профессора Опшмана — Нина, жена расстрелянного председателя Совнаркома Татарской АССР Мухтарова — Анна Вячеславовна Бриллиантова и другие. Они же участвовали в концертной бригаде, где выступали и Привалов, и другие звезды вокала. Ярким участником этой бригады был профессор Московской консерватории Николай Яковлевич Выгодский, пианист-виртуоз.

Симфоническим оркестром дирижировали Щербович и Вайн. Щербович — первая скрипка оркестра Большого театра — часто выступал и как солист. Струнным ансамблем руководил Осипов. Духовым оркестром управляли преимущественно военные дирижеры.

Агитбригаду возглавляли братья Валиевы — Рустем и Ростислав. Они писали тексты в прозе и в стихах по заказу КВЧ, отмечая в сатирической форме нарушения и нарушителей лагерного режима, хваля наши достижения. Распевали или рассказывали со сцены по этим текстам два старых одессита — Фрид и Брискин, а иногда — крупный бандит, участвовавший в ограблении ЦУМа весной 1935 года, — Арканка Зингер. Он сидел вместе со мной в камере № 68 в Бутырках.

Цыганский ансамбль был экстра-класса. Впервые, в него входили только виртуозы из Марьиной Рощи, во-вторых, руководил ансамблем сам цыганский король — Гого Парфентьевич Станеско. В начале 30-х годов правительство стало добровольно-принудительно прикреплять цыган к земле, чтобы покончить с безобразиями кочевой жизни, нарушавшей паспортный режим СССР. В Москве, в Марьиной Роще, жило много цыган, там был общесоюзный цыганский

центр, и во главе его стоял выборный старшина, который романтично назывался цыганским королем. После паспортизации в 1933 году многие тысячи цыган были арестованы за бродяжничество и высланы из Москвы, другие успешно устроились на какие-то работы, но центр был разгромлен, и король умер. Тогда цыгане тайно провели выборы нового короля, избрав Гого Станеско, огромного цыгана средних лет, довольно образованного и одаренного хорошим голосом. Станеско правил около года, но в одну зимнюю ночь был взят со своим двором и штабом. Им предъявили большой «букет» статей, в том числе шпионаж в пользу Румынии, дали кому восемь, кому десять лет и отправили в Соловки. Здесь хитрый король организовал прекрасный ансамбль цыганской песни и пляски, в котором сам пел и дирижировал. Большинство цыган жили в одной камере, где официальным старостой был их король Гого Парфентьевич.

Концерты или спектакли бывали два раза в месяц. В библиотеку всегда присылали хорошие билеты, и мы не пропускали ни одной премьеры. Особенно хороши были концерты на новые 1936 и 1937 годы. Умный, острый на язык конферансье Андреев — веселый толстячок — умело вел концерты, иногда вставляя довольно рискованные остроты в адрес начальства. Андреева в 1933 году, когда в Соловках было голодно, чуть не съели урки в подклете под Преображенским собором. Его уже загнали в подвал, сунули в рот каян и обсуждали, как лучше убить и разделать, но в это время каннибалов обнаружила опергруппа. Поэтому Андреев вошел в соловец-

кий фольклор не только как конферансье, но и как «сто обедов для людоедов»...

Новый, 1937 год мы в последний раз встретили еще в библиотеке, а накануне состоялся прекрасный новогодний концерт — последний в истории Соловецкого театра. Все исполнители, предчувствуя конец, играли так, как перед смертью, отдавая все свои силы и вдохновение залу. Как пел Привалов! Как исполнил Брамса и Рахманинова (Второй концерт) Выгодский! Все были растроганы, очарованы. (Кстати, Рахманинов, как белоэмигрант, был запрещен для исполнения, и его подали как Чайковского). Какие миниатюры новогоднего содержания разыгрывали комики-эстрадники и артисты оперетты! Конферансье Андреев сменил публику до слез, в том числе и руководство лагеря, восседавшее в «правительственной» ложе. Экспромты Андреева были весьма смелыми и острыми. Например, он передал разговор двух чашек: соловежкой, прилетевшей на зиму на юг Европы, и французской. Соловецкая чайка так хвалила Соловки, что французская захотела туда полететь весной. Соловчанке стало жалко французженку:

— Ах! Ты, болезная, да ты же иностранка, тебе же «Ле-Ша» приньют («подозрение в шпионаже») и нас «подведешь под монастырь» (под монастырем расстреливали), не придется тебе полетать над монастырем, да и кого смотреть — монахов нет, Монахов (второй начальник) есть.

Французженка огорчилась и прощбетала:

— Ну, ваши Соловки, к Монаху!

Начальство тут не смеялось. На другой день Андреев получил трое суток ШИЗО.

Из воспоминаний О. Мане

Из добрых людей, с которыми сводила меня лагерная судьба, хотела бы отметить высококого доброжелательного заместителя начальника Третьей части тюрьмы Монахова*. Он с нами разговаривал, как с людьми, советовал, как лучше держаться, а однажды вызвал меня и спросил, правдива ли моя история, которую я рассказала однокамернице, а та, видимо, передала дальше... История эта заключалась в том, что в Минске следователь, который вел мое дело, отобрал серьги и колечко с драгоценными камешками. Обещал дать расписку, да так и не дал...

Я подтвердила этот рассказ, хотя мне было уже не до драгоценностей. Через некоторое вре-

мя — опять вызов к Монахову. Он вручил мне мои серьги и колечко и еще научил, как правильно переправить их в Москву сестре, чтоб не пропали опять.

Судьба Монахова трагична. В 1937 году, уже перед закрытием навигации, прибыл большой «профессорский» этап из Ленинграда, состоявший главным образом из интеллигенции. В этом этапе находилась и женщина-профессор, бывший преподаватель Монахова. И сотрудник НКВД подал ей — врагу народа — руку на сходящих и говорил с ней, как с равной...

Конечно, кто-то донес. Монахов исчез. В лагере говорили, что его угнали на Секирку.

* Монахов А. П. (1904 г. р.), беспартийный. Последнее упоминание в служебной карточке — 1 августа 1937 года.

Дамба соединяет острова Большой Соловецкий с Большой Муксалмой.

*В лагере постоянно происходили какие-то исчезновения. В 1936 году всех женщин изолировали на острове Муксалма. Там мы содержались на общих работах. Чистили дороги, копали кюветы вдоль дорог...
И. Левитский*

*На дамбе стояли вышки. На Муксалму пройти было нельзя. Нашего брата — мужиков — там почти не было. Ну агроном, зоотехник, полевод... Я приехала туда однажды на тракторе, видела женщин, которые чистили дорогу: подсыпали землю, а потом огромным толстым бревном вручную трамбовали участок. Тяжело им было, они же не лошади. Ослабевшие были, падали...
М. Соцалиш*

Из воспоминаний А. Фаворского

Я жил в Ленинграде, работал на заводе «Центролит» электромонтером. Сидели мы как-то в мастерской с ребятами, и я сказал, зачем, мол, Сталина таким красивым рисуют, ведь он рябой. Вот и все.

На следующий день, двадцать второго марта 1936 года, меня арестовали в заводском общежитии, привезли в «Серый дом», на Шпалерку. Там предъявили обвинение по статье 58-10 и решением Особого Совещания навесили четыре года лагеря плюс два года поражения в правах за антисоветскую агитацию.

Шестого ноября наш этап, сформированный в пересыльной тюрьме на Константиноградской, загрузили в тушике Московского вокзала в вагон и повезли неизвестно куда. Через несколько дней прибыли в Кемь, где из вагона перегна-

ли в трюм парохода «СЛОН». Весь этап понал на остров Анзер, двести четыре человека, все ленинградцы. Разгрузились на пристани Кеньга, оттуда под конвоем прошли через Троицкий скит до горы Голгофы.

На самой вершине стояла церковь с колокольней, полутораэтажный дом на уклоне горы, маленькое каменное здание, где варили пищу для заключенных, и деревянное здание бывшей конюшни.

До нашего приезда Голгофа какое-то время пустовала — там никого не было. В церкви белели новые пары в два этажа, раздельные. Сюда и поселили почти весь этап, который состоял полностью из бывшего партийного начальства, только пятеро оказалось молодых — я, Саша Чеславский, Никита Рябинин, Саша Малов, Женя Сайкин, все тоже по 58-й. Но нас, беспартийных, держали отдельно, в конюшне.

На Голгофе никто не работал, лишь два повара да мы всякую уборку делали, обслуживали бывших коммунистов-начальников, но это не считалось работой. Кормили скверно: триста пятьдесят грамм хлеба, пустая баланда и малая порция сечки.

Голгофа. Бывший братский корпус

*Ленинградский этап, изолированный на Анзере, исчез осенью 1937 года. Все «убыли» в один день, и Голгофа опустела...
И. Викентьев*

Голгофа. Стены в коридоре братского корпуса. «...убыли в неизвестность...»

1/2
X/136
неформат
К. Р. и КРДТ
Устав 17.02.2015
Е. М. З. С. О. М. С. С.

Двадцати двух лет, уже переболевший ангиной, с кровотечением десен, с язвами на ногах, обмороженный и дважды опухавший от голода, этапом с Беломорканала я прибыл на Соловки.

Основной состав зэков нашей командировки Исаково в тридцать шестом году состоял из групп новой советской интеллигенции, а также партийно-советских и хозяйственных работников и небольшого числа уголовников. Хватало и молодежи. Были представлены все сословия и нации, даже колония цыган, землячество грузин... Уже при мне стали прибывать партии бывших чекистов и бывших красных командиров.

Жидкой фонд Исаково состоял из монастырских зданий и новых лагбараков, набитых до предела. Начальник командировки цеголь Иванов, лет тридцати пяти, весь в ремнях, в начищенных до блеска сапогах, не расставался с револьвером и плетью-нагайкой.

Основной производственный профиль Исаково, в мое время, был сельскохозяйственный. От монахов остались огороды, сенокосы, ирригационные системы, скотные дворы. Мы выра-

щивали картофель, капусту, турнепс и другие овощи. Всем сельхозкомплексом руководил старик Новинский, бывший управляющий какого-то помещичьего имения. Владения свои он объезжал верхом или в бричке. Вблизи Исаково жили в маленьких домиках привилегированные неработающие узники. В одном из них украинцы узники Серко — секретаря Центрального Комитета партии большевиков, а рядом жил его политический противник — вождь среднеазиатских дашнаков.

Работали мы на корчевке шней, потом ремонтировали дороги от Савватиева до Секирной и дальше до развилки на Кремль. Раскапывали вдоль дорог карьеры и по длинным трашам из досок вывозили гравий на тачках. Дожди, ранний снег при учете выработки во внимание не принимались. Ежедневно голодные вкалывали по сорок—шестьдесят часов. На дорогах со мной работали: Шабогин Дмитрий, Орлов из Сталинграда, Дизенгоф Самуил Давидович, Краснов из Одессы, Светлов Леонид Сергеевич из Москвы, Танюк с Украины...

Исаково — командировка в четырех километрах от лагункта Савватиево. В 1932 году — около 200 заключенных, 25 лошадей, 30 коров, 20 телят. Относится к Сельхозу № 2.

Из отчета польской разведки «УСЛАГ. 1928—1932 гг.»

Изобретатель Павел Ивенсен в Соловецком лагере

Заклученных, осужденных по 58-й статье, обычно держали в лагере на общих работах, ремонте дорог, на лесоповале. Все время нас перетасовывали. Камеры, как правило, были большими.

Но однажды в камере оказалось лишь трое. Польский шпион по фамилии Мороз, маскировавшийся под комсомольца, я — объект шпионажа, а также советский контрразведчик, работавший в Южной Америке и во Франции, хваставшийся тем, что вывез в Москву генерала Кутенцова в чемодане¹². Потом опять я очутился в большой камере...

В начале тридцатых годов маршал Тухачевский, курировавший мои разработки, дважды направлял меня учиться, а много позже я стал Главным ведущим конструктором космического комплекса «Протон», но жизнь сложилась так, что не удалось получить диплома о высшем образовании. Но, возможно, именно незнание общеизвестных путей решения технических задач толкало меня на принятие необычных решений, ставших открытиями.

Одной из таких первых творческих удач оказалась конструкция планера «Чайка». Фотография этого планера была опубликована в центральной газете — Никита Хрущев и члены правительства СССР на аэродроме рассматривали мое создание. Была напечатана и фамилия конструктора, но без указания, что «талантливый изобретатель» уже объявлен «врагом народа» и посажен в Соловки.

Юра Чирков, мой юный одноэтапник, волею судеб оказавшийся сотрудником в лагерной библиотеке, обнаружил именно эту газету с фотографией планера. Мы смогли показать ее начальнику лагеря.

Я предложил ему разработать способ скоростной посадки самолетов, объяснив важность решения этой задачи для военной авиации. Он позволил взять трех помощников и выделил на три месяца отдельную камеру для «конструкторского бюро».

Консультантом стал заключенный летчик Евгений Савицкий. Мы успешно работали над тех-

Из воспоминаний П. Ивенсена

ническим решением проблемы посадки самолетов на больших скоростях. Наши расчеты и чертежи через Третий отдел отправлялись в Москву. В свое время эти разработки, по-моему, опережали мировую практику самолетостроения. Все они пропали, видимо, осели в лагерном управлении Медвежьегорска, где, скорее всего, были уничтожены при отступлении Красной Армии в Финскую войну.

По истечении трех месяцев администрация, не увидев для себя лично никаких выгод в наших занятиях авиаконструированием, перебрала меня в лагерное Проектно-Сметное бюро разрабатывать конструкции для Пинтуской судовой верфи, так как Соловки в то время входили в состав Беломорско-Балтийского комбината НКВД, считаясь его Восьмым отделением.

Однажды мы получили задание спроектировать транспортную систему. Я предложил три разных конструкции. Самый красивый вариант — способ транспортировки грузов на воздушной подушке, но он требовал предварительного эксперимента.

Нужно было достать кусок трубы, просверлить отверстия, подвести сжатый воздух, сделать седло на шарнире. Когда начнет подаваться воздух, седло поднимется, под ним образуется воздушная прослойка, то есть воздушная подушка. Тогда груз можно будет легко перемещать вдоль трубы. Все довольно просто. Но как исполнить? В лагере помощь найти трудно — у всех свои заботы, каждый сам за себя...

По рекомендации профессора Р. Н. Литвинова я обратился к техническому руководителю лагерного Иодного завода профессору по кличке «Химик» — П. А. Флоренскому. Павел Александрович расспросил меня о разрабатываемом проекте транспортной системы очень подробно: как, что, зачем...

— Да, это перспективно. Я постараюсь вам помочь, — сказал он.

И действительно, помог, разыскал компрессор, переделанный из мотора. Запомнилось название мотора «Донки энджин» — «Ослиный мотор». Помог Флоренский найти сварщика и достать легкоплавкий сплав баббит. Сделали из гипса форму, получили отливку... Результат эксперимента был отличный.

То, что лагерный «Химик» — Павел Флоренский — это один из известнейших ученых я и не догадывался...

«Йодпром» занимается добычей морской травы, которую сушат и сжигают, а золь отравляют в Архангельск на химзаводы для получения йода. Работа очень тяжелая и плохо отражается на здоровье заключенных, которые болеют цингой и ревматизмом. В «Йодпроме» занято около 200 человек.

Из отчета польской разведки «УСАЛГ. 1928 — 1932 г.»

Из воспоминаний М. Сочалина

В мае и октябре—ноябре на Соловки обрушиваются шторма. Они вырывают прибрежные морские водоросли, выбрасывая их на остров. Некоторые экземпляры достигают метров пяти. На мелководье, среди валунов листья морской травы скручены волнами, запутаны между собой в валки и груды, тянущиеся вдоль береговой линии. В 1935 году меня «нарядили» в бригаду по сбору водорослей для Йодного завода. Бригада жила в бараке на мысе Толстяки, курсируя вдоль побережья от Толстяков до Сосновки и

Реболды. Помню Василия Васильевича Строилова, рябого из-под Рязани; москвича Ивана Моисеева из Кунцева; Васю Матвеева, Володю Егорова, Тунина, Сережу Слюнина — все они, как и я, из Москвы, все молоденькие, все с 58-й статьей. Всего десять человек было в бригаде. Охраняли нас двое стрелков, отвечавших и за выполнение плана, но они больше занимались изготовлением браги из ягод морошки и «подушечек» — бракованных конфет по семьдесят копеек за килограмм.

Продукты привозили нам раз в неделю. Одежда была солдатская: гимнастерка с одним карманом, брюки «галифе» и фуражка. Все, разумеется, очень ветхое, «гридцать третьего срока». На ногах — ботинки с обмотками, иногда «коты» — деревянная подошва с двумя пряжками. Своей одежды — ни-ни!

Мы вытаскивали водоросли вилами из воды, растаскивали их, расправляли и сушили на «вешалах» из колочей проволоки. Когда через несколько дней морская трава подсыхала, ее сжигали. Жгли на кованых решетках с ячейками по три-четыре сантиметра. Решетки эти таскали с собой вдоль берега, устанавливая их на валунах в новых местах сжигания. Зола для переработки увозили в «Иодпром».

Когда штормовых выбросов водорослей не было, то приходилось добывать траву из моря. В Сосновке и Реболде были карбасы с веслами. На

карбасе был установлен помост с прорезью. В эту прорезь опускался длинный шест. На одном конце — рукоятка-ворот, а на другом — кованые крюки. Вода прозрачная — все видно. Подводишь шест к водорослям и вращаешь его, наматывая листья на крюки. Крутишь... крутишь... Бывало, не хватает сил подтянуть улов наверх. Тогда подгребаешь к берегу и на мелководье очиняешь шест.

При сдаче готовой продукции, бывало, мы подбрасывали в золу камни... Зачет-то шел по весу... После одного такого случая привезли к нам подконвойного священника, по-лагерному «Христосика», начальника из «Иодпрома». Он нас инструктировал, какие водоросли сжигать, рассказывал, для чего нужна зола, и просил камней в эту золу не подкладывать. Сопровождавший священника стрелок проговорился, что этот «Христосик» — известный ученый Флоренский.

РАБОЧАЯ СВОДКА № 39

Совершенно секретно

группы СПО III-й Части 8-го Соловецкого Отделения ББК НКВД.

РЕАГИРОВАНИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ НА ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

ОТ 14 и 22 СЕНТЯБРЯ 1935 года

§ I

25 сентября с/г в помещении Кузнечного корпуса з/к Флоренский Павел Александрович (ст. 58-10-11, срок 10 лет), беседуя с з/к Брянцевым Николаем Яковлевичем и Литвиновым Романом Николаевичем на тему о введении персональных военных званий начальственному составу РККА, высказывался:

— В этом Постановлении чувствуется тенденция на проявление сходства с буржуазными армиями, в частности, с французской. В общем, все-таки не совсем понятно введение в нашей армии чинов. Ведь раньше у нас эти чины, которые вводятся, как, например, полковник и другие, были просто ругательными словами. Выходит так, что против чего раньше боролись, теперь к этому возвращаемся снова.

С/с³³³ «ХОПАНЕЛИ» — 28/IX.35 г. РС № 39-СПО 8 Отд.ФЛОРЕНСКИЙ является учетником СПО³³⁴, как АСЭ³³⁵. Агнаблюдение за ним продолжается.

Священник Павел Александрович Флоренский (1882 — 1937) — богослов, искусствовед, поэт, философ, физик, математик. «Леонардо да Винчи XX века». В Соловках — 1934 — 1937 годы.

Я. Флоренский Павел Александрович, профессор философии и специалист в области электротехнического материаловедения, по складу своих политических воззрений — романтик Средневековья, примерно XIV века. Отсюда и склонность к массивным политическим формам и неудовлетворенность настоящими...

Из показаний П. Флоренского на допросе
29 февраля 1933 года

Совершенно секретно

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

группы СПО III-й Части 8-го Соловецкого Отделения ББК НКВД

Источник: «Евгеньев». Принял: Монахов
26 декабря 1936 года

З/к Флоренский П.А. (быв. профессор): «Я Ипатьева и ... — не осуждаю и не одобряю: каждый человек является хозяином своей судьбы. Человек все взвесил и решил, что остаться там для него правильной будет, и он остался. Вопрос об измене трудно к ним применить, так как они никому не изменяли, а просто решили жить вне радиуса действий наших лагерей».

Совершенно секретно

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

группы СПО III-й Части, 8-го Соловецкого Отделения ББК НКВД

Источник: «Товарищ». Принял: Кузьмичев

З/к Флоренский разговаривал с з/к Шаш о последних известиях из-за границы. Между Флоренским и Шашем зашел спор о начале войны. Флоренский утверждал, что предположение стратега известного на весь мир, а теперь и идеолога партии Троцкого о том, что война начнется в 1937 году, оправдывается. Шаш же утверждал, что война уже началась и что она перекинется и на другие страны, с которыми Советский Союз заключил военные соглашения. Так или иначе, но СССР будет втянут в войну. Здесь же Флоренский привел довод, что периодически война вспыхивает через пятнадцать-двадцать лет.

Прятели шли к библиотеке, во весь голос разговаривая, жестикулируя. За ними шел я. По приходу в библиотеку разговор прекратился.

Письма из лагеря П. А. Флоренского¹⁶

1935.1.24 — 25

Если обществу не нужны плоды моей жизненной работы, то пусть и остаются без них; это еще вопрос, кто больше наказан — я или общество, тем, что я не прояв-

ляю того, что мог бы проявить. Но мне жаль, что я вам не могу передать своего опыта и, главное, не могу вас приласкать, как хотелось бы и как мысленно всегда ласкаю.

1935.1.30 — 31

Сейчас ночь, 2 часа. Сажу в лаборатории, так как сегодня пустили первый раз на испытание сконструированный мною аппарат для осаждения и фильтрации йода. Это большой чан с двумя фильтрами, электрически движимой мешалкой и трубой, снабженной вентилятором, а также другими приспособлениями. До сих пор осаждение велось вручную, в бутылках. Это было трудно для рабочих, а главное — очень вредно, так как выделяются обильные пары брома, окислы азота, пары кислоты, пары йода; от них невозможно дышать и здоровье сильно разрушается. А кроме того, и процесс осаждения, и фильтрации тоже ручной, не мог быть поставлен правильно. Изготовленное здесь руками наших рабочих по моему чертежу приспособление действует хорошо; запаха почти нет, усилий прилагать не надо, все идет само собою и требует лишь присмотра. Мне было жаль как порчи здоровья рабочих, так и порчи йода, и потому я занялся этим делом. Надеюсь, теперь дело пойдет хорошо.

Филипповская пустынь.

Я, вероятно, переселюсь в лабораторию, чтобы проводить там работу по использованию водорослей. Лаборатория стоит в лесу, на берегу одного из бесчисленных здешних озер. Там тихо и достаточно уединенно, так что, если мое переселение состоится, можно будет, хотя и без необходимых удобств, все же несколько поработать.

П. Флоренский. Из письма 2 февраля 1935 года

Для моего приспособления, ввиду малости помещений, пришлось сделать отверстие в потолке и часть аппаратуры распределить на чердаке и устроить люк в полу, чтобы расположить в вырытой яме под полом фильтрационную систему. Таким образом, аппарат занял, можно сказать, три этажа.

1935. II. 17

Я, наконец, перевез свои вещи на новое местожительство в Центральную лабораторию, а сегодня вечером переселился туда и отпраздновал переселение халвою, тобою присланной. Эта лаборатория в 2-х километрах от Кремля, расположена в лесу, место тихое и уединенное, так что можно будет поработать. Жилая комната помещается через коридор от лабораторных рабочих помещений, двух комнат, и, следовательно, можно сидеть в лаборатории, сколько хочешь, и проводить опыты с утра до ночи и с ночи до утра. Задача, стоящая передо мною, — проработка вопроса о водорослях. Дела очень много, но зато задача важная и полезная. Летом, вероятно, здесь красиво, среди природы, теперь же все занесено снегом, но по-своему тоже хорошо.

...мне жаль, что я вам не могу передать своего опыта и, главное, не могу вас приласкать, как хотелось бы и как мысленно всегда ласкаю.

П. Флоренский

ских предложений, и большая часть их уже освоена производством. В частности, построен по моему проекту некоторый аппарат силами наших йодопромовских рабочих.

1935.II.10

Целый день и целую ночь возился с налаживанием производства нитрита натрия, которого нам не доставили, так что производство должно остановиться. Приходится изворачиваться, совсем как на «Таинственном острове» Жюль Верна. Только нет всегда вовремя поспевающего капитана Немо, и потому промышленность без ресурсов идет не так гладко, как в романе. Трудность получения нитрита в том, что при перегреве нитрит распадается до Na_2O и дает со свинцом, основным реагентом, плумбаты, которые недопустимы в производстве йода. Поэтому надо всю систему выдерживать в течение многих часов при температуре не выше 400° , но и не давать ей охладиться до затвердевания. Работая на плите, и притом весьма скверной, сделать это весьма трудно. Приходится то подкладывать дрова, то вытаскивать горящие головни и, конечно, все время мешать и мешать смесь. Теперь я добился ничтожного содержания в продукте плумбата натрия, а раньше его было очень много.

В Йодопроме я внес ряд рационализатор-

1936.IV.8—9

Водорослей существует 13 классов, причем в Белом море из более примечательных 4-х классов 121 вид и 129 форм найдены уже в 1925 году, а число находимых видов все возрастает. В настоящее время практическое значение находят главным образом бурые водоросли (к которым относятся разные виды ламинарий и фукусов) и багряные (к которым относятся анфельция). Мне приходится работать с этими тремя родами. Из ламинарий (и отчасти фукусов) добываются йод, альгин и другие вещества, а из анфельций — агар-агар. Спрашивается, как их вылавливают. В большинстве случаев не вылавливают, а просто собирают на берегу. После штормов берег покрыт выбросами, берега Белого моря буквально завалены водорослями, и валы выбросов тянутся на много километров, при высоте в пятьдесят сантиметров и более, а ширина их от одного метра и значительно более. Ежегодно выбрасывается на одних только Соловках не менее двадцати пяти тысяч тонн, да и то это не все выбросы, а наиболее полезные — «морская капуста» (ламинарии), «тура» (фукусы), «мешок» (анфельция).

Кроме сбора, водоросли добываются и драгировкой. Драгированные водоросли свежее и выше по качеству, но драгировка нелегка. И сбор, и драгировка производятся летом, то есть с весны по осень включительно. Но так как мне понадобились свежие водоросли, то сделана попытка драгировать их не с лодок, а из-под льда, и водоросли так драгировали уже несколько раз. Требуется их, конечно, много, даже для опытов — по сто килограмм в день, а для производства — тонны и десятки тонн.

Наша водорослевая эпопея на днях кончается, чем буду заниматься далее — не знаю, может быть, лесом, то есть хотелось применить в этой области математический анализ. Окончание работ по водорослям естественно: ведь в моей жизни всегда так — раз я овладел предметом, приходится бросать его по независящим от меня причинам и начинать новое дело, опять с фундаментов, чтобы проложить пути, по которым не мне ходить. Вероятно, тут есть какой-то глубокий смысл, если это повторяется на протяжении всей жизни — наука бескорыстия, но все же это утомительно. Если бы собирался жить еще сто лет, то такая судьба всех работ была бы лишь полезна, но при краткости жизни она лишь очистительна, а не полезна. Впрочем, в Коране сказано: «Ничего не случается с человеком, что не было бы написано на небесах». Очевидно, обо мне написано быть всегда пионером, но не более. И с этим надо примириться. Пищу же об этом не столько для себя, как для детей: уроки рода должно усваивать и осознавать, чтобы использовать свою жизнь, приспособляясь к ожидаемому и наиболее вероятному. Моя мысль и забота всецело с вами, и хочется передать вам опыт жизни и размышлений.

Пока я писал это письмо, произошли изменения в моей жизни: сейчас переселяюсь в Кремль... ..Постарайся почаще выходить, если не в лес, то хотя бы в поле, ведь это так близко. Особенно гуляйте под вечер, когда солнце низко, и вспоминайте меня.

Виды здесь, если подходить к ним со спокойной душой, очень красивые, просится на картины Нестерова, но нежнее и тоньше. Однако душа моя беспокойна, и поэтому только глаз воспринимает эти красоты, а не я.

П. Флоренский

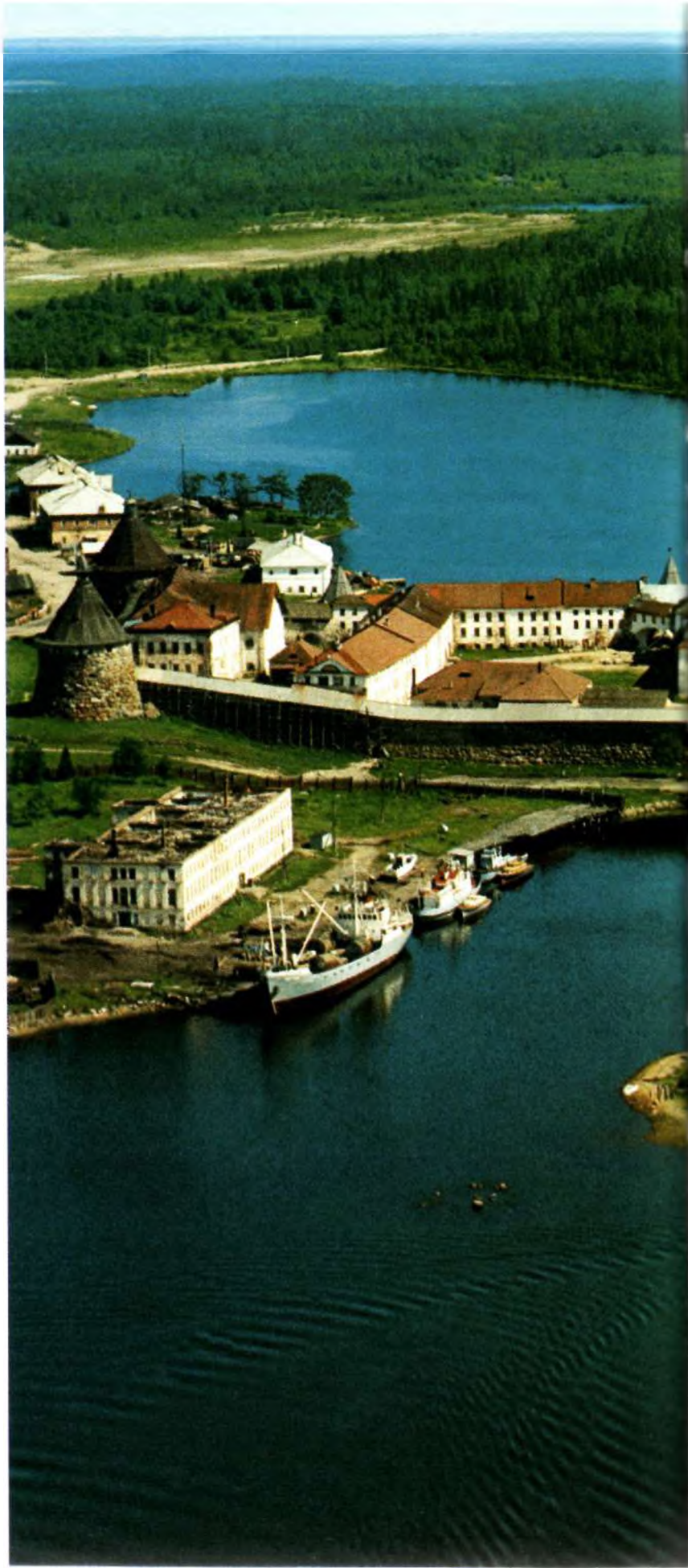

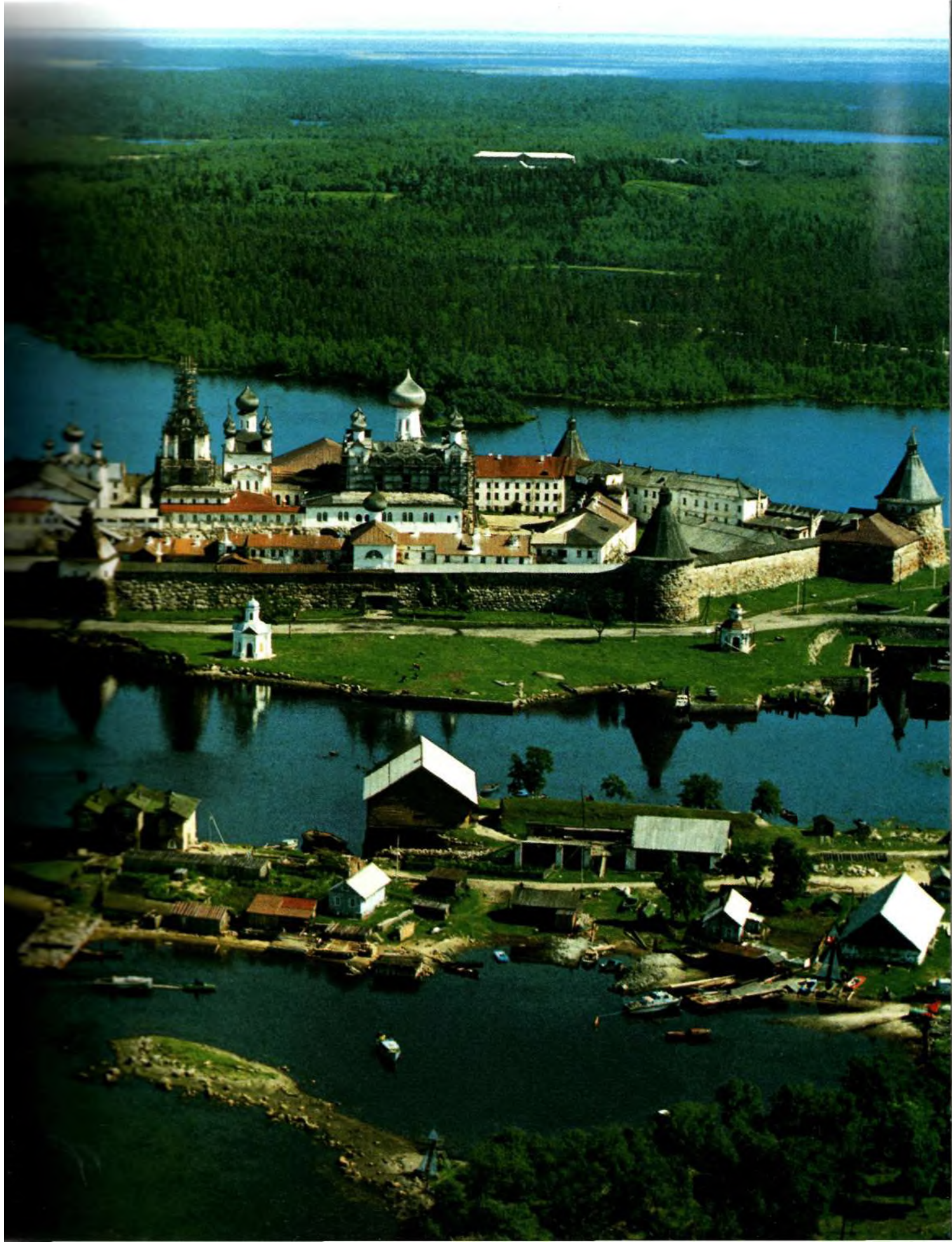

Заключенный Павел Флоренский, остров Соловки, 1935 год

Не знаю почему, с детства я не выносил Соловецкого монастыря, не хотел читать о нем, он не казался мне ни глубоким, ни содержательным, несмотря на большое значение в истории. Умом я понимаю несправедливость такого отношения, но все же оно остается и даже растет. Это первый раз в моей жизни, когда древность не вызывает во мне никакого волнения и влечения к себе.

*П. Флоренский.
Из письма
14 декабря 1934 года*

Священник Жураковский Анатолий Евгеньевич (1897-1937), «брат милосердия военного времени», богослов, проповедник, поэт.

Я всегда был связан с теми течениями церковной жизни, которые противодействовали церковному каишеству и лжи... Митрополита Сергия и связанный с ним епископат не признаю, так как считаю их отступниками от канонического строя целым рядом актов... Я убежден, что благо Церкви неразрывно связано с внутренней чистотой и свободой ее пути. Только вставши на путь безупречной аполитичности и правды. Церковь откроет людям свое лицо, и они увидят ее красоту и внутренний свет, в ней живущий.

Из показаний на допросе в 1930 году

Письма из лагеря А. Е. Жураковского¹³⁸

10 мая 1935 года

...Ведь где-то настоящее тепло, настоящая весна. Где-то распустились березы, нарциссы, сирень. Где-то солнце льет тепло золотистым трепещущим потоком... Правда, и у нас в воздухе ощущается что-то весеннее... Если поверх фуфайки, свитера и теплой рубашки надеть «бушлат», а это бывает нечасто, то, пожалуй, и не холодно... Это так непохоже на настоящую весну, как мучительное томление одиночества на жизнь настоящую, полновзвучную, пронизанную лучом и голубящей улыбкой. Но надо терпеть. Только бы не застыла, не замерзла душа и не завяла бы совсем, не обнищала бы до конца в этой суетной томительной беспраздности. И вместе с тем я знаю, что Господь близко...

Шекспир, Шиллер (в подлиннике), последний роман Белого «Маски»... все это доставляет много хороших минут. И все-таки не того нужно для души истомившейся, и не того хочется.

И этот шум и крик, и эти нары.
И тесный лагерный барак.
Блевотины хулы, неверье. мрак —
Все это только водовство и чары.

Не верит сердце тягостному сну,
И не сомнет суровый гнет насилья
Моей души трепещущие крылья,
Не победит грядущую весну.

Весна... Алеет утро... Тени
Бегут, скользят, и нежный аромат
В прозрачном воздухе струят,
Омытые росой, кусты сирени.

Весна в моей душе. Моя душа, как сад
Проснувшийся, оживший на рассвете,
В слезах омыты венчики соцветий,
Благоухают и в лучах горят.

Пусть жизнь в оковах. Дух уже расторг
Оковы тьмы. Путь неукорный к раю
Открыт. Любовь есть рай. Я знаю.
И в сердце тишина, молитва и восторг.

Учетно-статистическая карточка в деле № 2507 «служителя культуры» Жураковского А. Е.

Управление Беломорско-Валдайск. исправ. труд. лагеря НКВД
Системная в № 1 станица
УЧЕТНО-СТАТИСТИЧЕСКАЯ КАРТОЧКА
Личное дело № 2507

Имя и отчество	Улица	Профессия и занятие	Улица
1. Фамилия и инициалы	Жураковский Анатолий Евгеньевич		
2. Имя и отчество	Анатолий Евгеньевич		
3. Год рождения	1897, село Рыжово в уезде 2 Москва		
4. Специальность, образование	Священник, семинарист		
5. Состояние	Свободен		
6. Национальность	Русская		
7. Полнота	Полн		
8. Партийность	Член ВКП(б)		
9. Семейное положение	Семейное положение: холост		
10. Семейность	Семейность: холост		
11. Какие виды работ, время работы	Служил в армии, работал в редакции		
12. Служба в армии	Служил в армии: да		
13. Служба в суд. следственных органах, ГПУ и органах милиции	Служил в органах милиции: да		
14. Как, когда и где арестован	14.8.1930, Москва		
15. Профессия студента	Студент		
16. Какой раз в лагере	Первый раз		
17. Судебное решение	Исключен из партии, исключен из ВКП(б), исключен из Союза писателей, исключен из Союза журналистов, исключен из Союза работников культуры, исключен из Союза работников культуры, исключен из Союза работников культуры		
18. Поступил в исправительное учреждение в качестве	Служителя культуры		

Решено до востановления

Удостоверение или удостоверение

Служитель культуры

Об ответственности за дачу ложных сведений или обман

Подпись заключенного

Подпись инспектора

Разобратька: подпись, дата, обратный адрес

4 декабря 1935 года

Конечно, труд есть труд, и не утомлять он не может. Но во всяком случае это не то, что прошлогодние десять кубометров, о которых вспоминаю с жутью. Да и главное, у нас совсем еще тепло необычно, и безветренно... Начало зимы прекрасное. В нравственном отношении работа — отдых и успокоение. Тяжело другое — постоянная неленость барачной жизни — шум, ругань, непрерывающееся оскорбление тайны материнства, извержение целого потока испражнений, заражающих воздух, которыми дышу уже шестой год... Вот тягота...

23 января 1937 года

Я опять в бараке с двойными нарами «вагонной» системы, в лагере, который ты видела издали. Много народу, притом самого разнообразного, шумно и утомительно. Работа прежняя, только много приходится работать по вечерам, и все это вместе удручает и нервирует: новое доказательство духовной невоспитанности и слабости моей...

1 июня 1937 года

В 7—8 часов вечера иду на берег, где возжусь с деревьями, «корю», пилю, сортирую и прочее. Работа хотя физически и утомительная, но вполне в меру... Усталый, под утро возвращаюсь в барак, впрочем, только для того, чтобы поест и попить, потому что сплю я на открытом воздухе, а не в бараке. Оставляю его клопам и крысам. Так хорошо спать под открытым небом, вдыхая всей грудью вольный воздух. Много думаю, даже читать не хочется. Мне везет.

7 июня 1937 года

Работы здесь общие — лесоразработки, окорка деревьев. Должен сказать, что это в общем не трудно. Физически вполне справляюсь с работой, только с нормами пока не справляюсь. Люди здесь исключительно той же категории, как и я, того же типа «правонарушителей». Мне везет, и это радует.

24 сентября 1937 года

Брр... какой сегодня день. Мокро под ногами, воздух весь пропитан сыростью, сверху что-то брызгает, не то снег, не то дождь, небо свищовое, а ветер стонет и рвет все кругом...

Плохо было бы, если бы сегодня, как в последние дни, мне пришлось бы переправляться в утлой лодочке через озеро, прыгать по плавающим в воде бревнам, а по-

Жураковский А. Е. в августе 1937 года Третьим отделом ББК НКВД привлечен к уголовной ответственности за контрреволюционную агитацию. Постановлением Тройки НКВД СССР от 20 ноября 1937 года назначена ВМФ¹⁰

СССР
НКВД
ОТДЕЛ БЕЛБАЛГКОМВИНАТА

ДЕЛО 3739

31/ Жураковской
Жураковской, Евгении

3739

Зарегистрировано 20.09.37 г.

Том № _____

Начато " " 1937 г.

Окончено " " 1937 г.

Количество томов 1

СПРАВКА.-

451 9
По делу № 7393 на з/к. УРАКОВСКОГО
Анатолия Евгеньевича.

УРАВСКИЙ Анатолий Евгеньевич, рождения 1927 года, урож. г. Москва, С/У РАКОВСКОГО КУЛТА-ИМЕНЕЦ, образование высшее, владеет разными языками, женат - жене УРАКОВСКАЯ П.С. отбывала наказание в лагерях.

За участие в пользу Польши осужден К. ОГПУ в 1930 году по ст. 58-6-11 ВКД-10 лет.

Отбывая наказание в лагерях УРАКОВСКИЙ проводил в/с. агитацию, высказывая свои намерения БЕЖАТЬ В ПОЛЬШУ, в разговорах с з/к. з/к. говорил: "ПОДОЖДИТЕ СКОРО МЫ БУДЕМ НЕ СВЯБО-ЦЕ, БОЛЬШЕВИКИ НА КРАЕ ГИРЕЛИ, А МЫ БУДЕМ КОМУ СЛЕДУЕТ ИСТИТЬ, ЗА ПРИЧИНЫ НАМ СТРАДАНИЕ".

Распространял провокационные слухи, направленные против мероприятий партии и правительства, говоря: "БОЛЬШЕВИКИ ДУМАЮТ СПАСТИ СТРАНУ КОЛХОЗАМИ, НО ПУСТЬ ЗНАЮТ ЧТО ЭТО НЕ ВЫХОД".

Будучи на командировке Урокса в присутствии всей бригады при разводе заявил: "ВЫ ТОЛЬКО И ЗНАЕТЕ ВЫХОДИТЬ НА РАБОТУ, МЫ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫЕ ИМЕЕМ ПРАВО НЕ ВЫХОДИТЬ. НАС В ЛАГЕРЬ СОТ-НАЛИ ПОМЕРЕТЬ С ГОЛОДУ". Высказывал к/р. характере клевету о Сталинской Конституции.

Лагерной администрацией охарактеризован отрицательно. Урокса в 1940 году.

На основании изложенного и в соответствии с приказом НКВД

ПО С Т А Н О В И И:

Дело № 7393 на з/к. УРАКОВСКОГО Анатолия Евгеньевича - представить на рассмотрение Тройки НКВД Карельской АССР.

Пом. Оперуполномоченного: *Шульман* /ШУЛЬМАН/

НА СЕК" /НАЧАЛЬНИК СЕКЦИОНА: *Капустин* /КАПУСТИН/

" У Т В Е Р Ж Д А Е М "

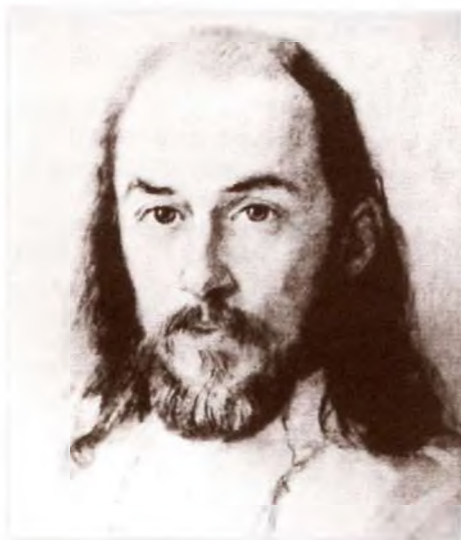
ЗАМ НАЧ УВЕДОМЛ. СЕКЦИ
НАЧАЛЬНИК РОССЕВКОМ СЕКЦИ
/САМСОНОВ/

НАЧАЛЬНИК СЕКЦИОНА БКХ НКВД
ОТ ЛЕНТРАСТА РОССЕВКОМ СЕКЦИ
/АСИРОВ/

СПРАВКА: з/к. УРАКОВСКИЙ А.Е. содержится в изоляторе 13-го
отделения.

П/Оперуполномоченного: *Шульман* /ШУЛЬМАН/

Составлена 15 ноября 1927 г.

том возиться с мокрыми деревьями, сваливая их в штабеля. Но сегодня такая удача — сегодня выходной. Я наверху, в своем мезде, и хотя в бараке нет печки, но под моей шубой тепло, закрываю глаза и кажется мне, что я на пароходе, на верхней койке... Хорошо мечтать о Кавказе в такие дни. Потому, может быть, все вспоминаю Лермонтова и повторяю его стихи.

12 октября 1937 года

Жив, здоров. В моей жизни кое-какие перемены, но, Бог даст, напишу об этом после...

28 октября 1937 года

Я жив и здоров. Теперь пока что сижу без работы. Душевное состояние спокойное. Не волнуйтесь, если в письмах будет задержка...

Заключенный А. Е. Журавковский

— Мы утверждаем, что ложь рождает только ложь, и не может она быть фундаментом Церкви.

А. Е. Журавковский

Из воззвания «К чадам Русской Церкви», 1927

Фамилия, имя, отчество Журавковский Анатолий Евгеньевич
 Дата и год рождения 1897
 Место рождения г. Москва

Сведения о партийности (в том числе № партийного билета) беспартийный

ВЫПИСКА ИЗ АКТА:
 Постановление Тройки НКВД АКСОР от 20 ноября 1937 года за № 21 в отношении Журавковского Анатолия Евгеньевича - приведено в исполнение 3 декабря 1937 г. в 1ч.15 мин.

решение по делу в августе 1937 года заделом ОП НКВД СССР привлечен к уголовной ответственности за контрреволюционную агитацию Тобановичем Тройки НКВД СССР от 20 ноября 1937 года назначена ВМН

Выписка из акта о расстреле Журавковского Анатолия Евгеньевича 3 декабря 1937 года в 01 час 15 минут

Совершенно секретно

Из протокола № 51 заседания Политбюро ЦК ВКП(б)

Г. Утвердить проект представленного НКВД оперативного приказа о репрессировании бывших кулаков, уголовников и антисоветских элементов...

...5. Отпустить из резервного фонда СНК на оперативные расходы, связанные с проведением операции, 75 миллионов рублей.

Секретарь ЦК И.В.Сталин
31 июля 1937 года

Из воспоминаний Ю. Чиркова

В конце октября неожиданно выпали всех обитателей открытых камер Кремля на генеральную проверку. На проверке зачитали огромный список — несколько сотен фамилий — отправляемых в этап. Срок подготовки — два часа. Сбор на этой же площади. Началась ужасная суета. Одни бежали укладывать вещи, другие — прощаться со знакомыми. Через два часа большая часть этаплируемых уже стояла с вещами. В это время из изоляторов вывели колонны заключенных с чемоданами и рюкзаками, которые направились не к Никольским воротам, где была проходная, а к Святым воротам, на берегу бухты Благополучия. Я подбежал к краю дороги еще до приближения колонны и видел всех проходивших мимо ряд за рядом по четыре человека в ряду. Мелькали вперемежку знакомые и незнакомые лица, у всех было одно общее выражение: собранность, настороженность, суровость и уже отчужденность. Мелькнуло лицо профессора Флоренского, вот высоко несет голову седобородый профессор Аитвинов (оба из ИСБ). Показались Котляревский (в новой кожаной ушанке) и Вангенгейм (в черном пальто и пыжико-

вой шапке). Увидели меня, кивают головами, а руки заняты чемоданами. Котляревский подмигнул и улыбнулся, но улыбка вышла невеселая. Шариком покатила бывший заведующий лазаретом А. Т. Титов. Я его окликнул. Он повернул голову, улыбнулся растерянно, узнал меня, затряс головой. И мимо, мимо идут ряды.

Более тысячи заключенных было вывезено из Соловков в этот пасмурный, октябрьский вечер. Это была уже второй этап из Соловков, названный «большим». Спустя несколько дней в Кремль пригнали несколько сотен заключенных с Анжера и других лагунктов, разбросанных по Соловкам. В начале ноября их третьим этапом отправляли на материк, добавив часть обитателей Кремля, преимущественно троцкистов. После трех этапов Кремль совсем опустел. Девятого ноября было интенсивное северное сияние. В черном небе сходились и расходились не обычные многоцветные полосы, а багрово-красные дуги, что толковалось некоторыми как грозное знамение. Все ждали: будет четвертый этап или нет. Прошел страшный шум: будто второй этап утоплен в море.

Совершенно секретно

Начальнику УНКВД Ленинградской области Комиссару ГБ т. Заковскому
В соответствии с моим приказом № 00447

ПРИКАЗЫВАЮ

1. С 25 августа начать и в 2 месячный срок закончить операцию по репрессированию наиболее активных контрреволюционных элементов, содержащихся в тюрьмах ГУГБ, осужденных за шпионскую, диверсионную, террористическую, повстанческую и бандитскую деятельность, а также осужденных членов антисоветских партий (троцкистов, эсэров, грузинских, дашнаков, иттихатистов, мусаватистов и т.д.) и прочих контрреволюционеров, ведущих в тюрьмах ГУГБ активную антисоветскую работу...

2. Все перечисленные контингенты, после рассмотрения их дел на Тройках при УНКВД, подлежат расстрелу.

3. Вам для Соловецкой тюрьмы утверждается для репрессирования 1200 человек*...

Нарком внутренних дел Союза ССР Генеральный комиссар ГБ Ежов

*Эта норма на убийство впоследствии была увеличена до 1825 человек.

Совершенно секретно. Серия «К». ТОЛЬКО ЛИЧНО

Начальнику Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД СССР
старшему майору Государственной Безопасности т. АПЕТЕР*

Направляем Вам копии протоколов за №№ 81, 82, 83, 84 и 85 от 9, 10 и 14 октября 1937 года с решением Особой Тройки УНКВД ЛО по представленным Вами материалам в порядке директивы НКВД всего на 1116 человек.

Немедленно выдайте всех 1116 человек, приговоренных к РАССТРЕЛУ, — командированному для приведения в исполнение приговоров Зам. Начальника АХУ УНКВД ЛО капитану Госбезопасности т. Матвееву М.Р. Исполнение сообщите.

Начальник Управления НКВД ЛО Комиссар ГБ I-го ранга Заховский**
Начальник III-го Отдела УГБ ст. лейтенант ГБ Егоров
16 октября 1937 года

Совершенно секретно. ТОЛЬКО ЛИЧНО

Заместителю Начальника АХУ¹⁴⁰ НКВД ЛО капитану ГБ т. МАТВЕЕВУ

ПРЕДПИСАНИЕ № 189852

Предлагается осужденных Особой Тройкой УНКВД ЛО согласно прилагаемых к нему копий протоколов Тройки за №№ 81, 82, 83, 84 и 85 от 9, 10 и 14 октября с.г. — всего в количестве 1116 человек, содержащихся в Соловецкой тюрьме ГУГБ НКВД СССР, — РАССТРЕЛЯТЬ. Для этой цели Вам надлежит немедленно выехать в г. Кемь, связаться с Начальником Соловецкой тюрьмы ГУГБ ст. майором ГБ т. Апетер, которому дано указание о выдаче осужденных, и привести приговор в исполнение согласно данных Вам лично указаний...

Начальник Управления НКВД ЛО Комиссар ГБ I-го ранга Заховский
Начальник III-го Отдела УГБ ст. лейтенант ГБ Егоров
16 октября 1937 года

Из показаний на допросе¹⁴¹

Я был привлечен осенью 1937 года в качестве рабочей силы в опербригаду, возглавляемую начальником Пятого Отделения Третьего Отдела ББК НКВД А. Шондышем, по приведению в исполнение приговоров над осужденными к ВМН. Дорога, по которой возили осужденных к месту исполнения приговоров, протяжением в 16 километров, была очень оживленной, так как по ней ходили люди, автобусы, автомашины, поэтому с целью сугубой конспирации проводимой нами операции приходилось прибегать к всевозможным ухищрениям, чтобы предотвратить возможные крики со стороны осужденных...

Для подготовки осужденных к погрузке на машину... их заводили в комнату, где снимали одежду и связывали по рукам и ногам, затем их выносили в другую комнату, где находился я со своими подчиненными: Телегиным, Купцовым, Андриенко и другими лицами, участвовавшими в операции. В нашем распоряжении находились деревянные «колодушки» в форме пивных бутылок, оставленные нам ленинградской расстрельной бригадой под командованием М. Матвеева. По приказанию А. Шондыша на каждую машину трехтонку грузили по 28-30 человек осужденных и садилось до 4-х человек конвоя. В пути следования старший конвоя тоже был вооружен «колодушкой» и железной тростью с одним заостренным концом, а на втором в конце был приделан молоток, приобретенный И. Бондаренко для усмирения заключенных...

Командир оперативного дивизиона ВОХР ББК НКВД
Мионов Николай Николаевич

* Апетер И. А. (1890 г. р.) с шестнадцати лет член Латвийской САРП. В органах ВЧК с 1918 года. Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД СССР с 4 июня 1937 года по 11 декабря 1937 года. Расстрелян 22 августа 1938 года.

** Заховский А. М. (1894 г. р.), бывший латышский стрелок, сотрудник органов ВЧК с 1917 года. Начальник Управления НКВД Ленинградской области с декабря 1934 года по январь 1938 года. Расстрелян 29 августа 1938 года.

Заместителю Начальника Управления НКВД ЛО
ст. майору Госбезопасности т.Гарину

РАПОРТ

Донесу, что на основании Предписания Начальника Управления НКВД ЛО комиссара ГБ I-го ранга тов. Заковского от 16 октября 1937 года за № 189852 приговор в отношении осужденных к ВМН, согласно протоколов №№ 81, 82, 83, 84 и 85 - всего 1116 человек, мною приведен в исполнение...

Заместитель Начальника
АХУ НКВД ЛО капитан ГБ Матвеев
10 ноября 1937 года

Совершенно секретно. ТОЛЬКО ЛИЧНО

Коменданту УНКВД ЛО
старшему лейтенанту Государственной Безопасности
т. Поликарпову

ПРЕДПИСАНИЕ № 193920

Предлагается осужденных Особой Тройкой УНКВД ЛО, согласно прилагаемых к сему копий протоколов №№ 134, 198 и 199 от 10 и 25 ноября с.г. - всего 509 человек, прибывших из Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД СССР, - РАССТРЕЛЯТЬ...

Начальник Управления НКВД ЛО комиссар ГБ I-го ранга Заковский
Начальник III-го Отдела УГБ ст. лейтенант ГБ Егоров
7 декабря 1937 года

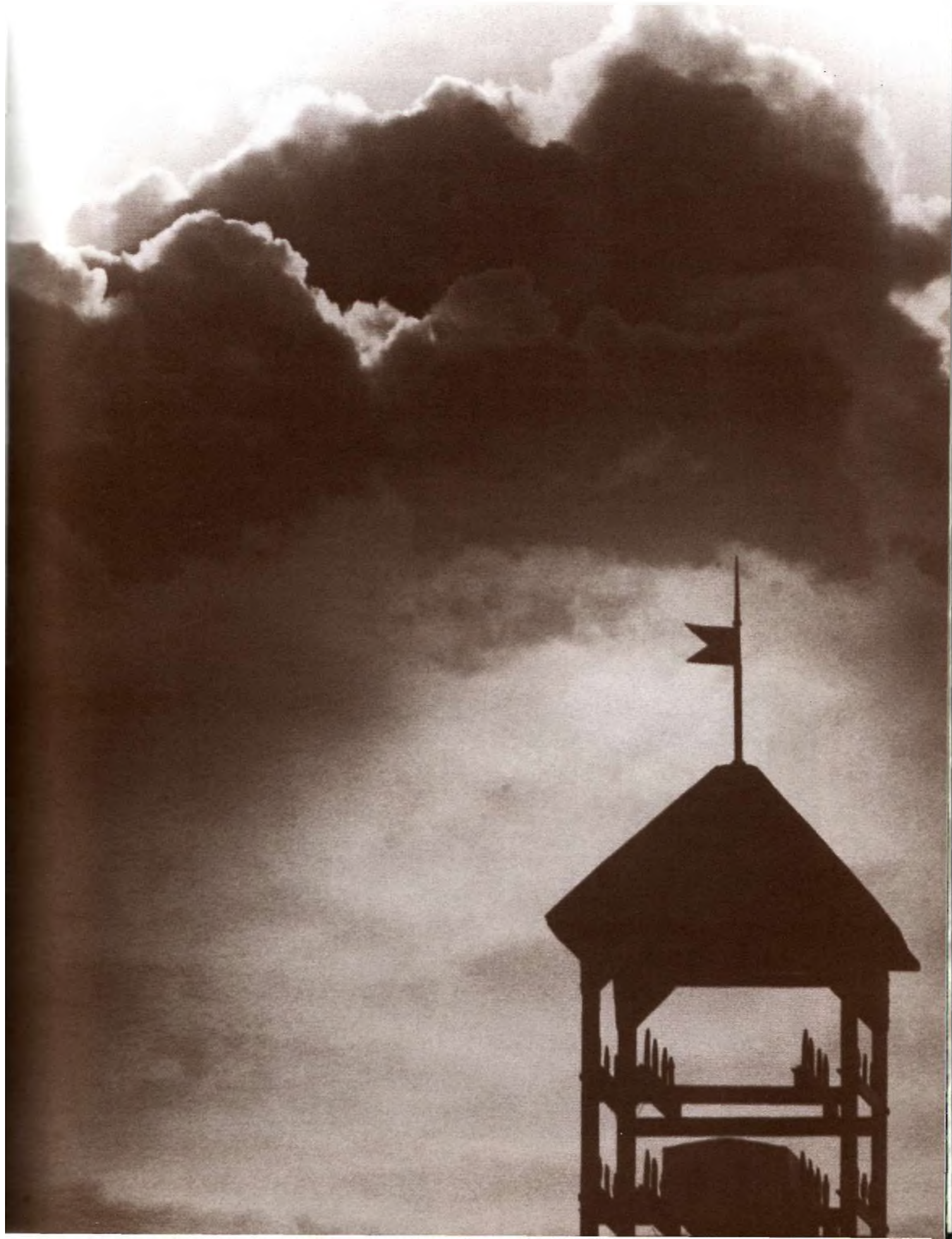
А К Т

Приговор Особой Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 199 от 25 ноября 1937 года в отношении осужденного к ВМН Флоренского Павла Александровича приведен в исполнение 8 декабря 1937 года, о чем и составлен настоящий акт.

Комендант УНКВД ЛО
ст. лейтенант Госбезопасности Поликарпов

Кавалер знака «Почетный чекист» Матвеев Михаил Родионович (1892 г. р.), образование низшее, участник взятия Зимнего Дворца — непосредственный исполнитель приговоров ВЧК—ОГПУ—НКВД, специализировавшийся на убийствах с 1918 года, после расстрела соловецких заключенных был награжден ценным подарком «За успешную борьбу с контрреволюцией», однако, когда его коллегам стали известны некоторые подробности этих акций «в обычном месте расстрелов» (урочище Сандормох вблизи карельского города Медвежьегорска), «Почетный чекист» сам оказался под следствием.

За злоупотребление властью во время расстрелов, а точнее, за «зверские издевательства над осужденными» (из приговора № 12 от 30 мая 1939 года) Военный трибунал войск НКВД Ленинградской области приговорил Матвеева М.Р. к десяти годам лагерей, а обученных им сотрудников органов Госбезопасности из карельской палаческой опербригады Шондыша А. Ф. и Бондаренко И. А. — расстреляли. После досрочного освобождения Матвеев М. Р. вновь возвращен на службу в органы советской Госбезопасности

Когда я жил в Кремле, то окна нашего корпуса выходили во внутренний двор, где находились больница и морг. Часто можно было наблюдать такую картину: приезжала лопадь, на телеге стоял ящик из досок. Вынимали трупы из морга рядом с Корожной башней в стене, бросали в ящик по четыре человека, закрывали тонкой дощатой крышечкой. Если крышка не закрывалась, то внизу залезал сверху и ногами приминал крышку. Ящик увозили, и потом он приезжал вновь. Этот «конвейер» работал беспрерывно. Хочу отметить, что в нас, многократно наблюдавших эту, в принципе, жуткую картину, не возникало реакции протеста, возмущения, даже страха. Эти чувства были как бы атрофированы. Каждый знал, что сам тоже «сыграет» в этот ящик...

В 1937 году лагерников выселили из жилых помещений Кремля в построенные неподалеку бараки. Раньше — до организации тюрьмы — лагерники жили в зданиях, где были топчаны и какое-то подобие постели, а главное, зимою относительно тепло. Новые бараки — это наспех сколоченные из досок в два ряда, с засыпанными между ними опилками, а иногда и без засыпки. В длину барак имеет метров пятьдесят. Внутри — в два ряда двухъярусные нары. Протопить такое поме-

щение невозможно. Стоят две «буржуйки», пахнет докрасна, а уже в двух метрах от них — тот же мороз, что и на улице. На верхних нарах лежат по утрам горки снега, надутого сквозь щели...

В опустевших помещениях Кремля шла «реконструкция». В «реконструкцию» зданий под тюрьму входило переделывание дверей келий: вырезали окно-«кормушку», чтобы подавать пищу, и отверстие (глазок) для наблюдения за заключенными, врезали новые петли и запоры. В окна ставили решетки, а с наружной стороны окон навешивали «намордники» — щиты в наклонном положении. Заключенному из камеры был виден лишь кусочек неба — больше не полагалось. В период организации тюрьмы перестреляли тысячи соловецких чаек, гнездившихся в Кремле, чтобы не нарушали могильную тишину.

Сваривать решетки поручили работникам электростанции, так как там генераторами вырабатывался постоянный ток, пригодный для этой работы. Изготовление решеток велось в Петровской часовне у сухого дока. Это был очень срочный и ответственный заказ. Так мы строили сами себе тюрьму.

В связи с ликвидацией лагеря и превращением его в тюрьму стали производиться аресты и «чистки» среди лагерников. Заключенных с десятилетним сроком, а также осужденных по статьям за «террор» и «шпионаж» группами увозили в сторону Секирной горы под усиленной охраной.

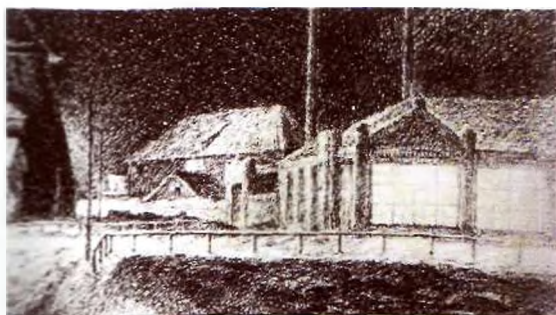
Мой «одноделец» Сима Архинов работал на Секирке до массовых расстрелов. Он рассказывал, что там, на горе, был очень большой глубины квадратный колодец, наружный сруб которого достигал двух метров в поперечнике. Учитывая, что земли, как таковой, на скальной основе на Соловках мало, чтобы похоронить тысячи заключенных, колодец этот, видимо, стал для многих братской могилой.

Замечание, найденная за дверным переплетом в латушке Савватиево.

Внимание! На Соловецком остро(ве) с 12/XI.36 г. Осужден Особ(был) Совет(а) при НКВД за троцкизм сроком на 5 лет испр(авительно-) тр(удовых) лаг(ерей) 1/III арестовали много лагерников, в том числе и меня. В чем дело, не знаем. Семья в Пскове по адресу: ул. Поземского, 21, кв.1, где живут жена, дочь и сын Володарик 12-и лет. Целую всех...

С. Федотов. 3/III.38

Внимание!
На Соловецком остр(ове) с 12/XI.36 г. Осужден Особ(был) Совет(а) при НКВД за троцкизм сроком на 5 лет испр(авительно-) тр(удовых) лаг(ерей) 1/III арестовали много лагерников, в том числе и меня. В чем дело, не знаем. Семья в Пскове по адресу: ул. Поземского, 21, кв.1, где живут жена, дочь и сын Володарик 12-и лет. Целую всех...
С. Федотов 3/III.38

Соловецкая электростанция.

К электростанции, где я работал, была пристроена деревянная баня для начальства. Работала она в определенные дни, но иногда приходило спецказание подать горячую воду глубокой ночью. Мы знали, что это отмываются убийцы после расстрелов заключенных.

С. Щегольков

Из воспоминаний О. Лобановой

Летом 1937 года заключенных выгнали из барачков, построили, и двое приехавших военных зачитали распоряжение об усилении режима. Переписка прекращалась «до особого распоряжения», раньше можно было получать одно письмо в месяц. Осужденных по пятьдесят восьмой статье снимали с «чистых» работ, заменяя бытовиками.

Острова переводились на тюремный режим. Отбирали любую «вольную» одежду. На окнах барачков, даже в Санчасти, устанавливали «намордники». В Кремле возводились высокие заборы с несколькими рядами проволоки. Потом начались аресты среди лагерников... Осенью почти каждую ночь слышалась беспорядочная стрельба...

Из воспоминаний М. Сочалина

Осенний день начался, как обычно. Подъем в шесть ноль-ноль, получение горбушки и черпака бурды, а потом на развод под крики «Давай, давай!» Но на разводе нашу бригаду «шлём-блём», то есть «куда пошлют», на работу не пустили. Пересчитали и погнали строем к выходу. Вы можете себе представить 1937 и 1938 годы в лагере? Куда могли погнать уже

ненужных бывших сборщиков водорослей? Ведь уже столько нашего брата «контриков» увели под Секирную гору. Там теперь костей больше, чем земли...

Вывели через Северные ворота. Мимо Никольской бапти — направо — к жизни, а налево — начало Дороги Смерти из Кремля на Секирную гору...

СПРАВКА

По протоколу Тройки от 14 февраля с.г. мною приведен в исполнение приговор на 198 (сто девяносто восемь) человек.

Зам. начальника 10 Отдела ГУГБ НКВД
майор ГБ Антонов
20 февраля 1938 года

Из воспоминаний О. Волкова

Откуда-то доносился глухой шум — словно со стороны Кремля. Он становился все внятнее, приближался. И вот из-за поворота дороги сверкнули птычки и показалась голова колонны. В полусотне метров от нас потянулись плотные ряды одетых в птатское людей. Напряженные лица. Чемоданы и узлы оттягивают руки, сугутят плечи.

По обе стороны колонны шли сплошной цепью стрелки. Шли с винтовками наизготовку. Командиры пагали с наганами в руках. Не было обычных криков, матюгов, команд. Зловещее молчание. Народу гнали много, вероятно, поболее двухсот. Судя по одежде, то были не лагерники, а доставляемые из тюрем.

В последнее время ходили упорные слухи о крупных партиях арестантов, сразу с пристани препровождаемых на Секирную гору. Про то, кто эти обреченные, толковали разное. Иные считали их бывшими лагерными тузами, ставшими козлами отпущения после того, как мир узнал о расправах в Соловецком лагере; другие уверяли, что был открыт заговор в недрах самого «ведомства»... Но кто бы они ни были, вели их на смерть. О том, что Секирная гора превращена в лобное место, соловчанам было известно доподлинно.

...Этап прошел. Мы углубились в лес. И все стояли перед глазами эти люди, из последних сил тащившие тяжелые вещи, в которых уже не было нужды...

Когда много лет спустя мне пришлось прочитать, как фашисты, выгрузив из вагонов партию подвозимых к лагерю уничтожения евреев, гнали их, волокущих мешки и сумки, подсаживая окриками: «Шнеллер, шнеллер!», и те, надсаживаясь, бежали к зевам смертных пещей, я вспомнил тихую лесную дорогу на Соловках, по которой палачи вели свои жертвы...

О. Волков

Нарядчик дал нам задание вынести из морга трупы заключенных и похоронить их. Место захоронения укажет конвой.

Мы вытащили из морга и погрузили в телеги двенадцать окоченевших трупов, желтых и до предела истощенных. Жутко было смотреть на них. От человека оставались лишь кожа да кости. У каждого на ноге болталась деревянная бирка с номером. Фамилии отсутствовали. Один из конвоиров приказал нам следовать за ним, прокричав обязательное:

— Шаг вправо, шаг влево будет считаться попыткой к побегу! Конвой стреляет без предупреждения!

Он шел впереди нашей печальной траурной процессии, показывая дорогу в сторону редкого малорослого леса. Другой конвой двигался позади, в некотором отдалении, держа палки на курке виштовки и не спуская с нас настороженных глаз, чем черт не шутит, вдруг кому-то из паршивых зеков придет в голову мысль бежать. Мы брели молча, увозя в последний путь никому не известных людей, закончивших свой жизненный путь в неволе. Думали об их несчастной судьбе и размышляли о своей собственной... Лопади с трудом тянули груженные телеги по кочковатой размытой колее. Вот и болото. Прозвучала команда переднего конвоира остановиться. Он указал нам на большой котлован, наполненный бурой зловонной жижей, поломанными стволами деревьев, ветками и кусками торфа.

Позже мне стало известно от стариков, людей бывалых, уже занимавшихся похоронами, что из-за отсутствия поблизости от лагеря сухого, подходящего для кладбища места, а может, для скрытия фактической смертности, лагерные бонзы дали мудрую команду взорвать для этой цели котлованы на болоте. Братские могилы, не

оставлявшие следов. Не нужно создавать похоронные команды для рытья могил. Быстро, дешево и удобно. Никто, никогда не узнает, что где-то в болотах есть массовые захоронения.

Я было, остановился в недоумении, как же мы будем без могил хоронить покойников? Но старички, люди опытные, дружно взялись за трупы и принялись их стаскивать с телеги, крикнув, чтобы я поддерживал тела за головы. Странно даже теперь вспоминать, как мы брали несчастных за окоченевшие конечности и головой вперед направляли в вошочую жижу. Покойники не желали погружаться в глубину ямы и, несмотря на наши усилия, всплывали на поверхность. Мы же при помощи длинных веток и шестов, выбиваясь из сил, пытались загнать их под коряги и высовывавшиеся из ямы стволы деревьев, а конвоиры, молодые парни с тупыми простыми лицами и ничего не выражавшими глазами, сидели на пеньках, курили, переговаривались, сочно матерясь, и отпускали в адрес покойников и наш мерзкие циничные реплики.

Поразительно, до какой деградации могло довести человека служение в лагерной системе. Если до этого он и обладал положительными чертами характера, то со временем терял все человеческое. Охранник мог, для утверждения своего превосходства, лишиться жизни любого из нас, чувствуя себя чуть ли не всемогущим Богом над несчастными, лишенными всех прав и голоса.

Наконец, папа возня конвоирам надоела. Мы получили приказ «закрывать лавочку» и закидать «шмырей» ветками, торфом и обломками деревьев.

После похорон я долго не мог прийти в себя, почаями я вновь и вновь видел это болото. Меня преследовала тлетворная вонь проклятого котлована и трупы с открытыми ртами...

Мыс Переговорный. Память о «Власти Соловецкой»

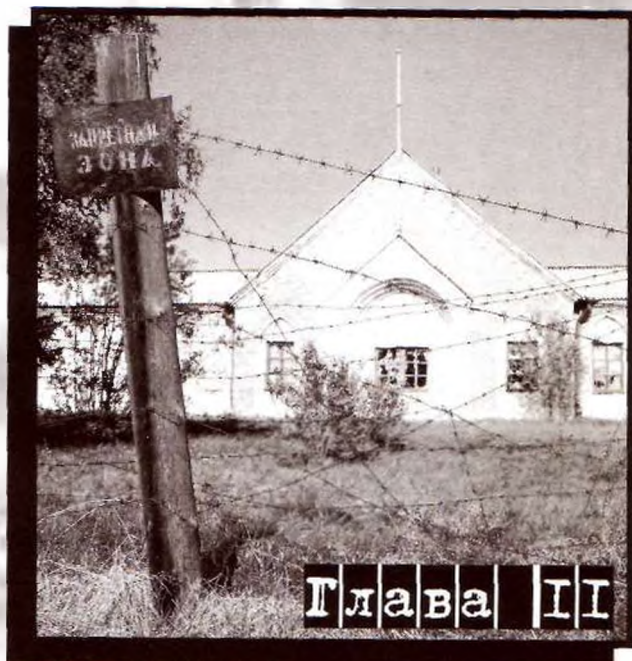

Братские могилы, не оставлявшие следов. Не нужно создавать похоронные команды для рытья могил. Быстро, дешево и удобно. Никто, никогда не узнает, что где-то в болотах есть массовые захоронения.

К. Гурский

Тюръма

Из воспоминаний Ю. Чиркова

Около одиннадцати часов за оградой раздаётся истошный крик:

— Внимание!

Сейчас же начальник КУРа¹¹² завопил:

— Внимание!

Его помощник, заключенный бытовик Хохлов, кинулся к проходной раскрывать ворота. Через проволочную ограду стало видно приближающееся начальство. Впереди четким широким шагом шел высокий толстый чин в длинном коричневом кожаном пальто и в форменной фуражке службы Госбезопасности. За ним, отставая на шаг, шли двое, дальше еще трое — все в таких

же кожаных пальто и фуражках. Позади семеняли, потеряв всю важность, начальник Соловков Агапов*, начальник Третьей части лагеря Монахов и еще кто-то из прежнего начальства. Замыкали шествие четыре стрелка. Наши прежние прозные начальники в форме ГУЛАГа и без пальто выглядели как мужики у парадного подъезда.

Вопрепятный первым сел в середине за заранее приготовленный стол и оглядел наши ряды. Вот он встал и представился:

— Я старший майор Госбезопасности Апетер — начальник Соловецкой тюрьмы. Ваше подразделение отныне именуется не КУР, а

* Агапов Н.В. — начальник 8-го (Соловецкого) Отделения Белбалткомбината НКВД с февраля 1935 года по июль 1935 года, начальник Соловецкого отделения Беломорско-Балтийского лагеря НКВД с июля 1936 года по август 1937 года. Арестован в 1938 году, но избежал репрессий.

КОН, то есть колонна Особого Назначения. Начальник КОН младший лейтенант Краюхин осуществит прием заключенных.

Апетер сел. Краюхин встал и объявил:

— Будет переключка. Каждый вызванный должен выйти на шаг из строя и четко назвать все свои фамилии, имена, отчества, года рождения, а также статьи, по которым отбывает заключение и срок наказания.

Другой чин, сидевший рядом с Агановым, пододвинул стонку папок, открыл верхнюю и произнес первую фамилию... Передача-приемка невольников прошла без инцидентов. После окончания этой процедуры Краюхин спросил для формы: — Вопросы есть?

Неожиданно из строя вышел Понов-Робонэ.

— Вопрос такой. Вот вы сказали, что теперь вместо КУРа будет КОН, а знаете ли вы, что по-французски это означает женский половой орган? Нам такое название кажется обидным. Сидеть в КОНе, каково?

Лейтенант Краюхин растерялся и молчал, но Апетер сухо сказал, указывая пальцем на Понова-Робонэ (родственника эстонского министра):

— В карцер на трое суток! — Начальство пошло к выходу. Стрелки увели эстонца-юмориста. (Понов-Робонэ В. И. расстрелян 3 ноября 1937 года. — Прим. авт.). В июле меня вызвали к начальнику корпуса и объявили постановление Особого Совещания: «...Слушали дело №... Постановили: продлить срок на 5 лет».

— Распишитесь, — сказал начальник. Я молча расписался.

— Вам понятно?

Мне было понятно. Мне давно было понятно. У всех получивших дополнительные сроки настроение было подавленным. Польский журналист Тадеуш Леонович Геллер возмущался фактом нового приговора за старое дело.

— Пся крив, — говорил он, — нарушают один из основных принципов справедливости: дважды за одно дело не отвечают.

Совершенно секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1937 года, декабря, 16 дня. Город Москва

Я, стажер Второго отделения Третьего Отдела ГУГБ НКВД, сержант Государственной Безопасности Дарбеев, рассмотрев сего числа следственное дело № 58730, архивный номер 511003, на корейца Тянь-Си-Чан, рождения 1883 года, содержатель гостиницы Санчагоу в Китае, в 1928 году Коллегией ОГПУ осужден к 10 (десяти) годам лагеря, наказание отбывает в Соловецких лагерях НКВД. Принимая во внимание, что срок содержания его в лагерях истекает, а Тянь-Си-Чан является социально-опасным элементом, и считая его нахождение на свободе нежелательным —

ПОСТАНОВИЛ:

Дело за № 58730 на Тянь-Си-Чан направить на рассмотрение лагерной тройки¹⁴³.

Стажер 2 Отделения 3 Отдела ГУГБ НКВД Сержант ГБ Дарбеев

Сергей Щегольков

Из воспоминаний С. Щеголькова

В 1938 году я уже «пересаживал» свой срок на восемь месяцев. Таких обычно вызывали в здание Управления и заставляли расписываться за новый срок. Все это без суда и следствия. Вызывали и меня, но вдруг сообщили об освобождении. Послали фотографироваться для оформления первого в жизни паспорта. До сих пор считаю возвращение из тюрьмы чудом, каким-то сбоем в машине смерти, но и после него мне еще лет тридцать снился один и тот же кошмар — вызывают и дают новый срок¹⁴⁴.

Фотостудия располагалась в поменении часовни у Корожной бабши. Я снял с себя все лагерные пимотки, даже белье. Мне дали что-то осеннее пальто, которое на время фотосъемки я надел прямо на голое тело. Карточка, сделанная тогда заключенным фотографом, сохранилась.

Мыс Кеньга, остров Анзер

Из воспоминаний О. Мане

Бурный пролив да постоянная подвижка ледяных полей надежно отрезали нас осенью 1937 года от Большого острова. Однако по первым весенним разводьям пришло судно, которое должно было забрать перезимовавших на Анзере лагерников: кого в Кремль — на тюремный режим, а кого — в мир ипой. Корабль медленно пробирался к прибрежным торосам, за которыми выстроили цепь бригаду, и остановился в нескольких метрах от причала, не сумев до конца преодолеть плотный слой шуги. Его качало и трясло, но дальше он не двигался. Тогда охранники использовали длинную доску, соединив ею борт и причал.

Первой взойшла на этот «мостик» пожилая Ольга Николаевна Римская-Корсакова — родственница известного композитора. Она соскользнула с доски и мгновенно пропала, затертая

льдинами. За ней шла ее подруга Ольга Краморова, знавшая восемь языков, но и той не удалось удержаться на обледеневшей доске, предсмертный крик сменился с шумом прибоя. Потом исчезла в воде Ольга Петровна Горохова...

Охранники, по внешнему виду люди, весело обсуждали между собой гибель заключенных. Они смеялись. Для них это было зрелище! Строй заключенных замер. Нас парализовала смерть людей и неуместный смех...

Чекисты только этого и ждали — защекали затворы: «Кто не пойдет — расстреляем! К трапу — марш!» И тогда я поползла по доске на коленях. Сколько из нас еще упало в воду — не знаю. Не было сил повернуться лицом к Анзеру. Больше я никогда его не видела. Соловки в моей памяти — это девятое апреля 1938 года и черная вода у мыса Кеньга.

Из воспоминаний П. Ивенсена

Однажды меня с обших работ «нарядили» в лагерное Проектно-Сметное бюро. В то время начиналось строительство новой тюрьмы. Завозили материалы: кирпичи, арматуру, цемент, то, другое, пятое—десятое...

— Нужно составить сводную ведомость всех строительных материалов. На работу дается неделя, если к концу срока не сделаете, то получите еще десять лет, — пообещал начальник.

Переходный период от Соловецких лагерей к тюрьме мне запомнился абсолютным производом администрации, чего раньше не было, и резким ухудшением питания. Основным продуктом стала вобла, из нее варили суп. Ну, съешь его. Все прожухешь, несъедобное выплюнешь, а потом доходяги собирают и пережевывают то, что ты выплюнул.

Питания не хватало катастрофически. Уже на грани истощения, однажды, нелегальным путем удалось достать тюленьего жира, и мы ели эту мерзость, которая в какой-то мере спасла тогда мне жизнь. Имейте в виду, что я всегда работал, не был ни доходягой, ни больным и получал паек. Неработающие по любым причинам оказывались обреченными на смерть от истощения.

В 1937 году лагерников посадили в тюремные камеры. Я там просидел около года. Особого общения между сокамерниками не возникало в силу крайне жестокого режима.

Молоденькие заключенные как-то раз, пытаясь развлечься, совершили «диверсию». Надергали из одежды ниток, привязали книгу, когда ж из норки выскочила мышь, закрыли ей обратную дорогу, опустив книгу. Мышь поймали, а на прогулке выпустили во дворик... И тут началось!

— Кто выпустил мышь?!

Никто не сознается, конечно, а живший старыми понятиями престарелый солдат-гренадер, участник Мировой войны, побывавший со своим полком в Париже, и говорит:

— Ну, а что тут такого?

Его сразу в карцер... После карцера он не очень легко двигался. Когда ж через некоторое время был обход, то гренадер осмелился спросить начальника:

— За что же меня посадили в карцер? Я же ничего такого не сделал.

Его опять водворили в карцер, а оттуда приволокли назад под руки. Самостоятельно идти этот человек уже не мог.

В нашей маленькой камере содержалось сразу девять человек. Форточку открывать не разрешалось, и влажность была такая, что к середине дня хлеб покрывался плесенью... Если вдруг не сидишь на койке, строго выпрямив спину, то, открывается «кормушка»:

— Вас посадили, что б вы сидели, а не лежали! Черо разлежя! — И это в лучшем случае.

Из воспоминаний А. Фаворского

В январе 1938 года штрафников Секирки под усиленным кошлом с собаками привели в Кремль. После сортировки часть отправили в лагерь, часть — в тюрьму, а меня и еще четверых погнали в штрафную командировку Филимоново. Через месяц за нарушение режима меня отправили в Кремль, в комендатуру и оттуда сразу в Никольскую башню возле главных ворот. Раздели до нижнего белья и в одних кальсонах запустили в этот каменный мешок. Зима, стены слизью покрыты, помещение полукруглое, доски

перегородки масляны, параша стоит, дверь металлическая, в ней отверстие — купать давали.

На следующий день нас уже одиннадцать человек стало, спали вплотную. Я был первым — карьер только открыли — обновил, значит. Еду давали раз в сутки: двести грамм хлеба и четыреста грамм воды, но в камере долго не держали. Пять суток отсидел, выпустили, передохнул три дня — и снова. Когда я вышел из этого каменного мешка, а дело было в феврале, у меня еще долго от света глаза резало и слезы текли.

При СЛОНе помещение Никольской башни использовалось как склад и считалось непригодным для обитания. С образцовцем тюрьмы там устроили огромную камеру без уборной, без настоящего отопления.

Д. Лихачев

Чуден был Кремль, освещенный слабым сентябрьским солнышком. Безлюдны чисто подметенные дворы, сияют белые стены корпусов, прогуливаются важные большие чайки (особый соловецкий вид), на клумбах еще цветут астры. В сквере между зданием Управления лагпункта Кремль (бывший Настоятельский корпус) и громадой Преображенского собора желтели старые березы и липы, краснела рябина, а над всеми деревьями и корпусами вздымался огромный серебристый тополь. Широкие, вымощенные гранитными плитами тротуары пересекали сквер по диагонали...

Ю. Чирков

Из приказа НКВД СССР
20 февраля 1937 года

«О передаче тюрем ГУЛАГа Десятому Отделу ГУГБ НКВД»

...Соловецкой тюрьме передается все имущество бывших лагерей за исключением производственного оборудования²⁴⁶.

Нарком Внутренних Дел СНК СССР
Генеральный комиссар ГБ Ежов

Из воспоминаний Ю. Чиркова

Нас привезли в Кремль и препроводили в корпус, занимавшийся ранее Первой колонной лагеря. По дороге я с великой болью увидел варварство администрации Соловецкой тюрьмы. Двор стал гол. Все деревья, образующие сквер, были вырублены и выкорчеваны. Не пожалели ни огромного серебристого тополя, ни старых лип, любовно выращенных монахами у самого Полярного круга, ни сирени, ни редких сортов роз — ничего не осталось в огромном пустом дворе. Только каре белых корпусов со слепыми окнами, прикрытыми шитами, да загородки прогулочных дворики. Не пощадили даже чудесную мраморную часовенку для водосвятия, где я любил сидеть на пушечных лафетах и читать. Все уничтожила злобная тупость тюремщиков.

...Вскоре появился новый сосед. Высокий красномордый, с лицом монгольского типа, похожий на переодетого конвоира, и с таким же грубым голосом. «Бывший лейтенант Рудометкин», срок — пять лет по статье 58-10. Он рассказывал, что заработал эту статью из-за нового портрета Сталина, который красноармеец из его команды нес в Красный уголок, но, проходя мимо уборной, решил облегчиться, а портрет прислонил к наружной стенке туалета. Полит-

рук, случайно увидевший портрет вождя в столь непочетном месте, чуть не рехнулся от такого кощунства. Красноармейца мгновенно арестовали, а потом взяли и Рудометкина, который, согласно дописке, сказал по этому поводу в нецензурных выражениях, что Сталин тоже без уборной не обходится.

Рудометкин вспомнил, как летом, после преобразования Соловков в тюрьму, были созданы бригады по уничтожению чаек, и бойцы охраны, находя гнезда, птенцов растаптывали сапогами, а во взрослых птиц стреляли. Спасшихся чаек добыли после их возвращения весной этого года. Так был уничтожен эндемический вид «Соловецкая чайка».

Взволнованный описанием истребления чаек, старый мордвин, который обычно молчал, рассказал однокамерникам о виденном им уничтожении настенных росписей в Соловецких соборах. Я знал эти удивительные изображения, повествующие о житиях Зосимы, Савватия и митрополита Филиппа. Особенно впечатляла сцена низвержения безвинного митрополита по указанию Иоанна Грозного, созвучная с событиями 1937 года. Грустно вспоминать о бессмысленно уничтоженных памятниках нашей трагической истории.

Из воспоминаний А. Мартюхина

Осенью 1937 года меня перевели из Исаково в лагерь, расположенный у стен бывшего монастыря. По сравнению с предыдущим годом это были уже другие Соловки. К северу от Кремля сплошным полукольцом радиусом в километр стояли десятки бараков с заключенными. Вокруг — собачники и вохровские городки. Условия были ужасные: клопы, голод, истощение. Каждую ночь человек по восемь—двенадцать, а то и больше заключенных уводили, как мы понимали, на расстрел. Каждый с тревогой ждал своей очереди. С материка пригонялись новые и новые партии. Среди вновь привозимых было много искалеченных на допросах во время следствия. Все было объято страхом.

К концу года в бараках скопилось около трех тысяч трехлетников-«кировцев», окончивших свой срок, но их не выпустили. Через несколько месяцев из Москвы прислали бумагу — заочный приговор Особого Совещания НКВД СССР и

всем объявили новые сроки — от пяти до десяти лет — без всякого суда, разумеется. Этих заключенных решили использовать на строительстве «Большого Соловецкого тюремного корпуса», а также спецгородка охраны при тюрьме. Руководили рабочим проектированием этих объектов, по слухам, заключенные архитекторы — братья Минихи из древнего графского рода. Главным инженером был заключенный Гусев.

Я же с весны 1938-го и до осени, до этапа на Колыму, сидел в тюрьме, в помещении одной из монастырских келий. В камере было темно и очень душно. Конденсат нашего дыхания стекал по стенкам струйками воды, не хватало воздуха. Некоторые сходили с ума, другие умирали.

На крики о помощи слышались лишь угрозы или злые окрики стражи:

- Врагов народа не лечим!
- Надо было не изменять рабочему классу!
- Чем скорее содохнете, тем лучше!

...Соловецкий кремль превратился в спецтюрьму. Снежино огородили окна железными прутьями для новых «жильцов». Скоро мы их увидели. Это были бывшие люди — «жатва Ежова».

А. Светлов. «Моя жизнь в лагере». Журнал «Вызов», июль, 1950. Нью-Йорк

Из Постановления СНК и ЦК ВКП(б)
«Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия».

17 ноября 1938 года

...Укоренился упрощенный порядок расследования, при котором следователь ограничивается получением от обвиняемого признания своей вины и совершенно не заботится о подкреплении этого признания необходимыми документальными данными...

Показания арестованного записываются следователями в виде заметок, а затем спустя продолжительное время составляется общий протокол, причем совершенно не выполняется требование о дословной, по возможности, фиксации показаний арестованного. Очень часто протокол допроса не составляется до тех пор, пока арестованный не признается в совершенных им преступлениях...

Ежов Н.И. — Генеральный комиссар Государственной Безопасности Союза Советских Социалистических Республик 1936 — 1938 гг.

Несмотря на все эти большие недостатки и промахи в моей работе, должен сказать, что при победоносном руководстве ЦК ВКП(б), НКВД погромил брагов здорово. Даю большевистское слово и обязательство перед ЦК ВКП(б) и перед товарищем Сталиным учесть все эти уроки в своей дальнейшей работе...

*Из докладной записки в Политбюро ЦК ВКП(б) от Н. Ежова
23 ноября 1938 года*

В апреле 1939 года бывший Генеральный комиссар Государственной Безопасности Союза ССР Ежов Н.И. обвинен в руководстве контрреволюционной организацией в НКВД и расстрелян

Из воспоминаний А. Фаворского

Мне довелось увидеть заключенных тюрьмы, когда я, как электрик, был послан в Кремль мепять розетки. (По инструкции я должен был отворачиваться лицом к стене, чтобы не видеть их).

Одетые в темные рубашки, на рукавах и воротниках темпо-коричневые околыши, на ногах ботинки без шнурков. Все заросшие, так как их не брили, а под машинку стригли и волосы, и бороду.

Шифром ЦК ВКП(б)

СЕКРЕТАРЯМ ОБКОМОВ, КРАЙКОМОВ, ЦК НАЦКОМПАРТИЙ,
НАРКОМАМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, НАЧАЛЬНИКАМ УНКВД

ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б) в виде исключения в отношении явных врагов народа, которые, используя гуманный метод допроса, нагло отказываются выдавать заговорщиков... Опыт показал, что такая установка дала свои результаты, намного ускорив дело разоблачения врагов народа.

Правда, впоследствии на практике метод физического воздействия был загажен мерзавцами: Заковским, Литвиным, Успенским и другими, ибо они превратили его из исключения в правило и стали применять его к случайно арестованным честным людям, за что они понесли должную кару. Но этим несколько не опорочивается сам метод, когда он правильно применяется на практике.

Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата, и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников?

ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод.

ЦК ВКП(б) требует от секретарей обкомов, крайкомов, ЦК нацпартий, чтобы они при проверке работников НКВД руководствовались настоящим разъяснением.

Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин
10 января 1939 года

3132 «посадоных» места* — лимит соловецких тюремных камер в 1939 году

Из воспоминаний С. Эпштейна

С самого раннего возраста мы были убеждены, что беспощадность к врагам народа — первое качество коммуниста или комсомольца, но, когда «врагами народа» объявили нас, то мы растерялись и не смогли найти объяснения. Покуда вокруг шли аресты, мы говорили себе, что напрасно людей не сажают, но лишь сами оказавшись за решеткой, начали постепенно кое-что соображать...

Среди заключенных нашего этажа на пароходе оказался человек, несколько похожий на Иисуса Христа, — сорокатрехлетний архиерей отец Серафим, в легком пальтице, даже без головного убора. Несмотря на резкий ветер, отец Серафим снял свое пальто и укрыл им лежащих на палубе каких-то изможденных людей. В этот момент все мои комсомольские представления о священниках рухнули.

Кажется, этот «служитель культа» — единственный человек, который не расстраивался от того, что отправлен в Соловки, потому что уме-

Меня арестовали в день моего рождения. Привезли в логово НКВД — Большой Дом. Искали камеру-одиночку, но не нашли — не было свободных мест — и засунули в бывший туалет, превращенный в камеру, к какому-то человеку с длинной бородой. Я решил, что мой сосед — поп.

— Кто ты такой? Почему не снимаешь пальто и шляпу? — спрашивает он.

— Я секретарь Ленинградской писательской организации, и меня взяли по ошибке, так как не имели права арестовывать без визы Центрального Комитета. Это во-первых, а во-вторых, как член партии, я не хочу обижаться с попами!

— Устраивайся надолго, если уж взяли, то придумают, за что. Сам придумашь! Это во-первых, а во-вторых, я не поп, а командарм Николай Беляков⁷⁷, и на допросах меня бьют по голове палками с моими воспоминаниями о Ленине! — отвечает он.

Я совсем растерялся, потому что Беляков был известный руководитель, один из военных организаторов Октябрьской революции в Петрограде, а потом в Москве; человек, лично знавший Ленина. Он был одним из тех, кто подписал Брестский мир...

— Молодой человек! Держитесь, как будто вы в плену у фашистов! Вас будут пытать, прово-

Фестиваль знаний
СОЛОВЕЦКОЙ ТЮРЬМЫ
по балансу
— 1 января 1939 г.

Церковники и сектанты пытаются отравить ядом религии наших детей. Дадим отпор враждебной работе церковников и сектантов! — Официальный лозунг ЦК ВКП(б) к майским и октябрьским праздникам в 1937—1941 гг.

реть на этих островах считал счастьем. Желание его вскоре исполнилось. В Кремле архиерей попал в башенный карцер, откуда его вынесли. Вскоре отец Серафим умер.

Из воспоминаний А. Горелова

приводить, заставляя оговорить честных людей... Но наши к власти все равно вернутся, и тогда выяснится, кто остался ленинцем, а кто стал предателем, — посоветовал Беляков, видя мое изумленное состояние. На Соловки нас везли в трюме совершенно грязной баржи, где толпою я случайно оказался прижат к своему литературному крестному отцу, который двадцать лет назад опубликовал мою первую в жизни статью, а потом выносил его с баржи мертвого... Количество людей, набитых в чрево судна, превышало все мыслимые пределы, и когда мы прибыли на остров, некоторые из заключенных оказались мертвыми, они просто задохнулись.

Над воротами монастыря, то есть тюрмы, во всю ширину висел красный плакат с искаженным пушкинским текстом: «Здравствуй, племя, молодое, незнакомое!» Мы шли в ворота под этим лозунгом и несли своих мертвецов. Это было летом 1937 года, самого страшного года моей жизни, в дни 100-летия гибели Пушкина...

В тюремной камере со мной оказались люди шестнадцати национальностей, в том числе и бойцы интербригад, которые недавно сражались в Испании. Их оттуда забрали, спасая после поражения в войне, наши корабли и вывезли в СССР... в Соловки.

Много было немецких коммунистов, бежавших из Германии, спасавшихся от фашистов. В Союзе их, увы, тоже ждали Соловки, а вскоре Сталин вернул часть этих антифашистов Гитлеру. Я подружился с членом Исполкома Коминтерна Андре Ческом, до Соловков отсидевшего три

года в тюрьме у фашистов. Его оттуда выменяли на руководителей компартии Германии, которых Гитлер вскоре уничтожил. Один из этих отданных Сталиным немецких коммунистов был вскоре обезглавлен, об этом даже в газетах появились сообщения...

Из воспоминаний А. Прохорова

В середине 1936 года группа молодых советских инженеров была командирована в Америку для изучения там правил эксплуатации мощных электровозов. Кончается срок командировки, нас спрашивают:

— Куда едете-то, в России идут сплошные аресты всех, кто когда-нибудь бывал за границей!

— Так ведь наша тюрьма лучше вашей. Ваша вроде цирка, а у нас отдельные камеры, — с молодым задором отвечаю я. Это ж надо было такой оптимизм иметь, чтобы так по-дурацки ответить! И как в воду глядел!

Начало 1937 года я встретил в Америке, а следующий Новый год — в камере на Соловках. «Узниками капитализма» таких, приехавших из-за границы, шутя называли. Суд длился пять

минут — дали десять лет тюрьмы, плюс пять — «по рогам», хотя виновным себя не признал.

И на следствии, и в Соловках сотрудниками Госбезопасности решалась одна главная задача — убить в человеке все человеческое. Морально сломить, превратить в послушных животных, которыми легко командовать вождям.

— Ты — никто, ты — дерьмо. Мы безвинных не берем! НКВД не ошибается!

— Кто давал задания? Кто вербовал? Нет, ты сыпал песок в бунксы электровоза! Признаться сам!

...Все-таки, честно говоря, сидя перед вашей камерой¹⁴⁸, у меня до сих пор не хватает силы вслух сказать о том, как конкретно чекисты нас пытали, требуя оговорить себя и других людей... Что они с нами делали...

Мне повезло, во время «следствия» я относительно легко прошел свой единственный допрос. Помог совет сокамерника, директора крупнейшего московского автозавода, который сказал мне — молодому научному работнику:

— Ничего на себя не бери. Кто не пожалеет себя, тот не пожалеет и других.

Однако следователь не очень-то и требовал моего «признания», оказалось, что «дело» уже сфабриковано, роли распределены, показания «добыты», а меня взяли позднее других, как статиста для участия в массовке.

Суд в Лефортово. Вдоль стен множество будок-боксов, где можно только стоять. Из них вытаскивают арестантов, по одному подводя к Военной Коллегии, восседающей на помосте. Все очень, очень быстро. Виновным себя не признал. Не важно! Десять лет заключения с последующим поражением в правах.

Приговор прозвучал, как выстрел. Конеч жизни. Несправедливо. Необъяснимо! До самого последнего момента я был уверен, что на суде во всем разберутся и меня отпустят домой. Уже много позднее я понял, что мне тогда еще повезло. Большая часть людей, схваченных НКВД осенью 1937 года, была расстреляна. Согласно статистике из каждых восьми арестованных — семерых уничтожили сразу.

На пароходе «СЛОН» у меня произошла интересная встреча. Еще в Бутырках я познакомился с англичанином. Это был молодой человек очень симпатичной наружности, служивший до ареста радистом в советском посольстве в Мадриде. В один прекрасный день ему поручили отнести пакет на советское судно, где пригласили в каюту и заперли, а потом радист ощутился в Бутырках...

Когда же нас везли на «СЛОНе», то трюм был перегороден одеялами, чтобы изолировать заключенных, исключить контакты между узниками, разделенными на разные группы по неизвестному нам принципу. Одеяло можно было отогнуть, что я и сделал, увидев грустного англичанина, схваченного с пересадками из Мадрида в Соловки. Что дальше с ним стало — неизвестно.

По прибытии на архипелаг наш этап погнали в тюрьму на Муксалму. Мы сидели в камен-

ном здании. Говорили, что это бывшая гостиница для богомольцев. Обширная комната с двумя окнами, теперь прикрытыми снаружи щитами-намордниками, позволявшими видеть из камер только клочок неба.

При водворении в тюрьму у нас отобрали личные вещи и выдавали соответствующие квитанции. Журналист из Ростова-на-Дону Михаил Дорошин стал возмущаться, не увидев в списке изъятых вещей своей шляпы. Начальник, наблюдавший за приемкой этапа, подошел к Дорошину.

— Зачем вам еще шляпа?

— Чтобы надеть, когда выйду на свободу.

— Отсюда не выходят.

Тюрьма являлась новым этапом во всей политике репрессий. Лагерь был еще сравнительно либеральным местом. Тюрьма стала ужесточением этого места. В частности, Соловецкую тюрьму сделали заведением с самым суровым режимом.

Для меня наиболее трудными — из тринадцати лет заключения — оказались годы, проведенные в Соловецкой тюрьме.

Мне хотелось хоть раз взглянуть в окно на удивительный, давно не виданный мир, но это опасно. Если надзиратель захватит меня в этот момент, то не миновать карцера.

*М. Дорошин**

*Дорошин М. Ф. (1910–1992). поэт и писатель. На Соловках — 1937–1939 гг. Всего — 25 лет тюрьмы, лагерей, ссылки. Публикуется по рассказу «Встреча в Соловках», газета «Вечерний Волгоград», 19 марта 1988 года

Сурен Газарян перед арестом

Под усиленной охраной этап привели к вагону. В четырехместное купе вогнали тринадцать человек. Из всего вагона только три таких купе занимали заключенные, а в остальных располагалась охрана.

Были созданы невыносимые условия.

Арестантский паек состоял из хлеба и очень соленой вонючей селедки или еще хуже, какой-то полусырой, полувяленной рыбы. Хотелось пить, но вода давалась каждый раз со скандалом... Начальник конвоя строго предупредил, что будет пускать в уборную два раза в сутки — утром и вечером. Никому никаких исключений не будет. Пошли в ход все емкости, в том числе и обувь. Ужасная вонь стояла в купе. Мы задыхались. Все это делалось, чтобы унижить наше человеческое достоинство, и каждый раз, когда мы протестовали, слышался один и тот же ответ:

— Не забывайте, что вы заключенные.

...Выводили из состава опять под усиленной охраной, в окружении служебных собак... Стоявший у трапа вагона начальник конвоя держал в руке шомпол, тыкая им каждого, подгоняя и направляя заключенных к сходням на причале, где стоял небольшой пароходик. Там нас приняла другая команда, очевидно, гюремшая. Среди

Постепенно у заключенных в тюремных камерах происходила адаптация к новым условиям существования и переоценка ценностей. Сначала были первые, робкие шаги, я бы сказал, первые попытки осмыслить окружающую обстановку. Подсознательно мы пришли к выводу, что основное сейчас — просто выжить, приспособиться к создавшейся ситуации, подавив в себе все, что этому мешает. Стремление сохранить здоровье привело к многокилометровым, до головокружения, прогулкам по тесной камере вдоль четырех стен, правда, только босиком, но с разрешения надзора. Хожение в ботинках было категорически запрещено в первый же день, ведь стуча ботинками по полу, ты можешь наладить переговоры с соседними камера-

Из воспоминаний С. Газаряна

москвичей оказалось много работников авиационной промышленности, авиационных институтов, конструкторских бюро, обвиненных в шпионаже и терроризме. Говорили, что арестован и известный авиаконструктор Андрей Туполев.

...На Соловках нас встречал Головин, бывший прежде заместителем начальника спецотдела НКВД Грузии. Мою группу заключенных, привезенных из Тбилиси, отправляли в тюрьму на остров Муксалму. Там нам велели раздеться догола, остригли, устроили тщательный обыск. Смотрели в уши, во рту, в заднем проходе, между пальцами... Затем открылась дверь в зимнюю ночь...

— Выходить по одному! Разговаривать запрещается!

Никто не спрашивал, куда поведут голыми, но каждый думал об одном. Копечно, на расстрел... Зуб на зуб не попадал. Два вооруженных конвоира сопровождали группу в темноту. Только белизна снега помогала с трудом видеть узкую тропинку, по которой нас вели гуськом. Один боец стал впереди, другой замыкал шествие. Прошли около трехсот шагов... Лишь оказавшись перед низким строением, мы поняли, что попали... на сапобработку.

Из бани группу вернули в камеру. Вопел старший вахтер со списком, каждому указал койку и предупредил, что меняться местами нельзя. Номер койки является номером заключенного. Фамилию свою можно забыть, но номер — нельзя.

Из воспоминаний Д. Сагайдака

ми, узнать, кто в них сидит. Черт ведь тебя знает, что ты там выстукиваешь ботинками, когда ходишь, может, ты выстукиваешь стовор о побеге, о бунте. Ведь мы все знакомы с азбукой Морзе!

Вера в необходимость сохранения жизни привела к ежедневной утренней гимнастике, правда, у зловошной параша, удачно поставленной в углу камеры вне поля зрения надзирателя. Если бы охранник заметил такую вольность, то немедленно водворил бы «спортсмена» в карцер, а трехдневное пребывание в холодном, абсолютно темном карцере, в одной нижней рубашке, с тремястами граммами черного хлеба и кружкой кипятка в сутки неизменно приводило к тому, что человека приносили в камеру полуживого, с зеленым лицом и блуждающими глазами.

Из воспоминаний О. Слиозберг

После ареста моего мужа, работника университета, ко мне пришел один товарищ, член партии с 1903 года. Он пытался намеками предупредить, что и меня тоже могут арестовать.

— Вы недостойны вашего партбилета, если думаете, что может быть такая несправедливость! — нахально ответила ему я. Увы, вскоре приплыли за мной... Некий Гущин, сотрудник МГУ, оклеветал свыше ста человек, будто мы хотели убить Кагановича. Этот Гущин совсем не пострадал, погубив столько народу.

В ноябре 1936 года нас привезли в Соловки. Пароходик назывался «САОН». Некоторые даже говорили, что это к счастью — слон, по поверью, приносит счастье. Но это вряд ли...

Первые месяцы моего заключения режим в тюрьме был более или менее терпимым. Мы могли получать книги из библиотеки, даже иностранные, занимались самообразованием, делали гимнастику в камере... С 1937 года содержание заключенных резко ужесточилось. Доброжелательный начальник Монахов исчез, а корпусной Виноградов, который раньше, подражая Монахову, пытался нас воспитывать, стал совершенно другим. Новые правила запрещали буквально все. Даже наш любимый прогулочный дворик изуродовали. Срубили березки, выпололи траву. Только монастырская плита гробовая осталась в нем сиротливо лежать. А как выглядят Соловки, я не знаю, хотя и отсидела в них полтора года. Привезли нас ночью. Из камеры выводили только в прогулочный дворик на пятнадцать минут, да еще в баню, но всегда по ночам. Мне помогла выжить мысль, что я нужна детям. Да еще возможность придумывать в уме стихи, потому что ничем другим, внешне заметным охране, заниматься было нельзя.

*Мы шли понуро, медленно, без слов,
Серели в сумерках цепочкой сидеть.
А на небе малиновым рассветом
Окрашивалась стайка облаков.*

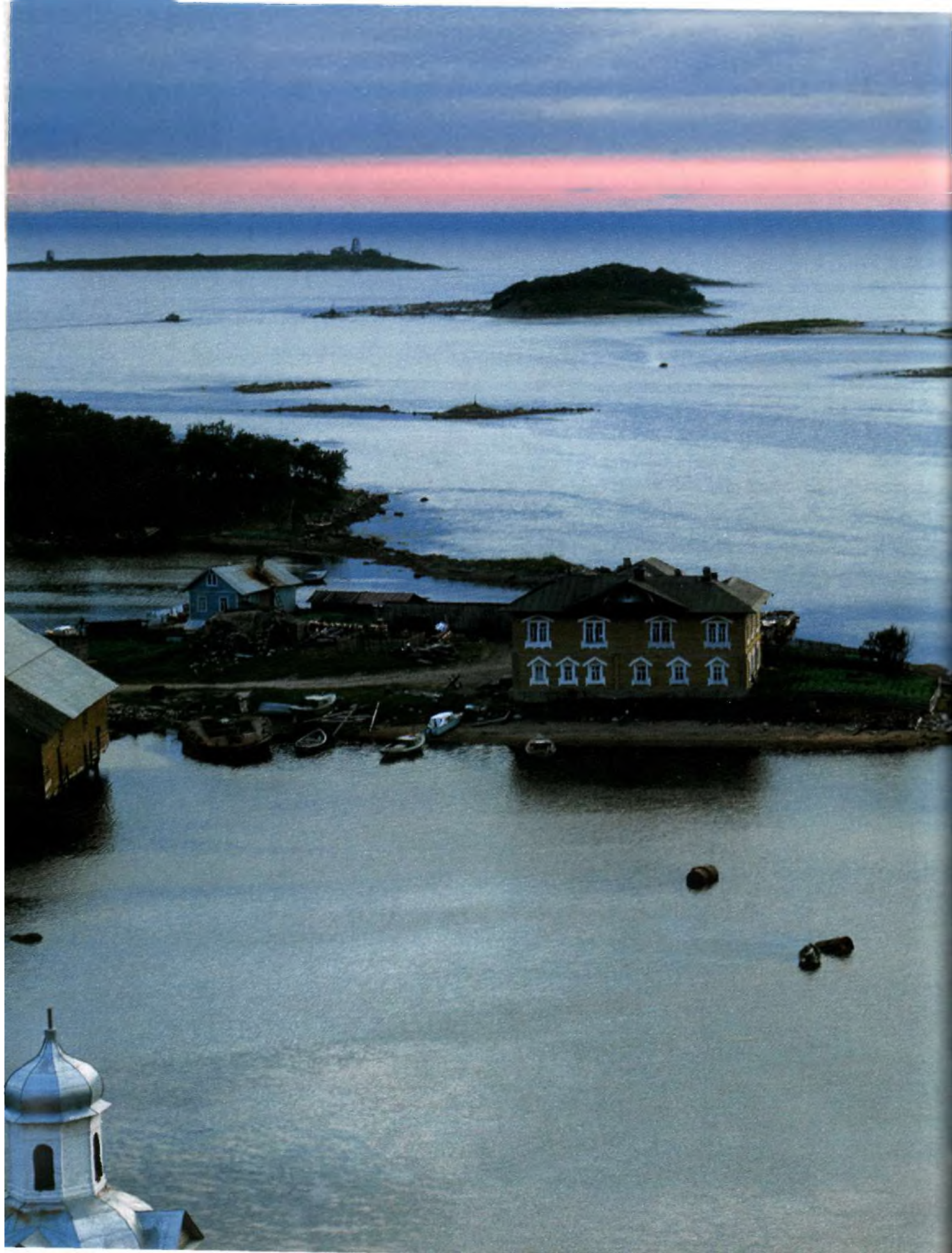
*Еще молчали сонные дома,
Был воздух тих и сладостно прозрачен,
Но безнадежно, каменно и мрачно
Стояла Соловецкая тюрьма.*

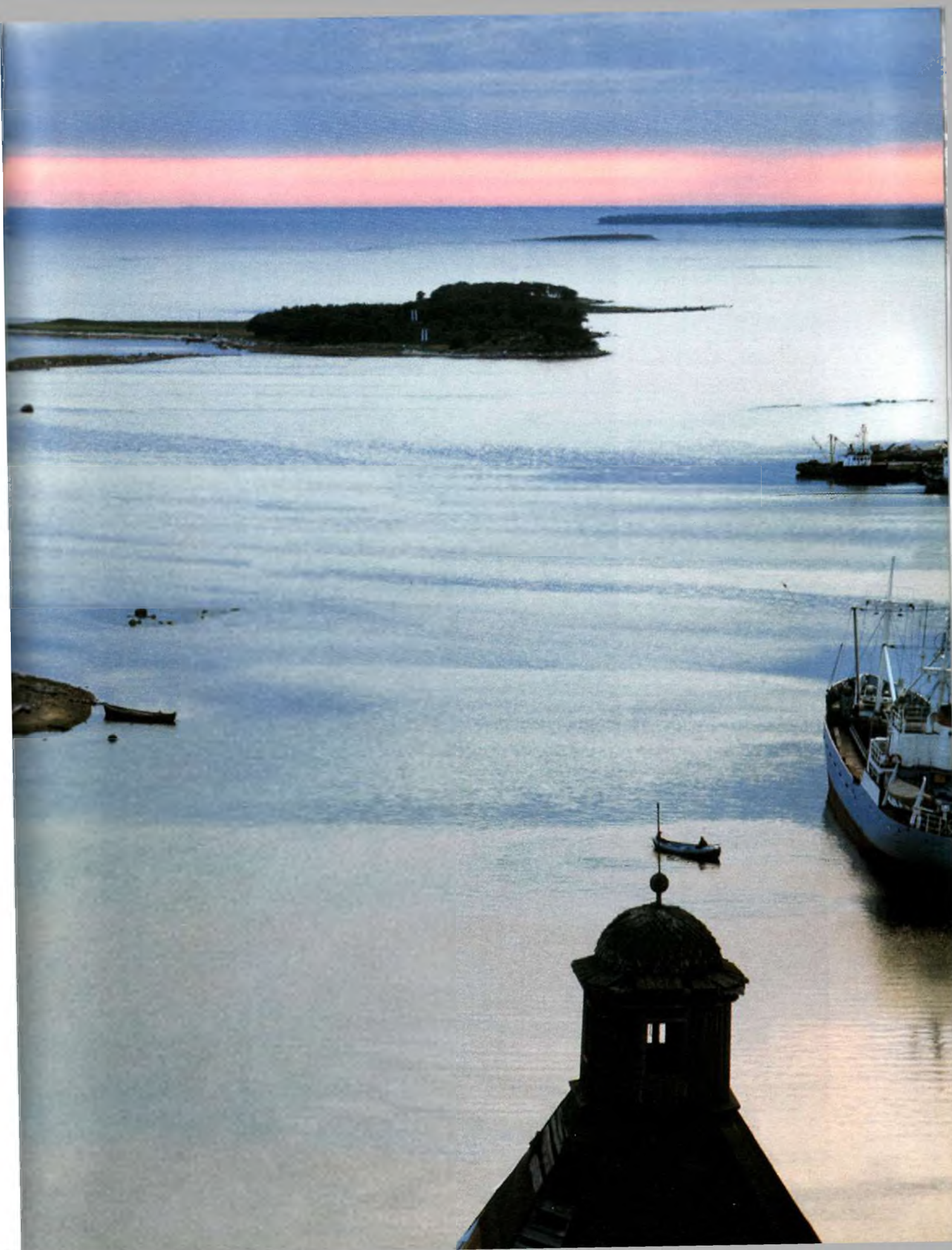
*И прежде чем войти в окошечную дверь,
Мы все взглянули в радостное небо,
Да, жизнь не понятый и не решенный ребус,
Цепь горестных ошибок и потерь.*

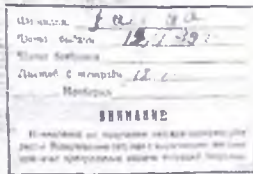
Ольга Слиозберг

Угловой регистрационный штамп на лагерной тетради заключенного «№ 2 из 79 камеры» — Александра Басва

Одним из моих сокамерников оказался молодой рабочий Пупкарев со Сталинградского тракторного завода. Его посадили вместе с другими работниками этого предприятия за участие в фашистской организации. Дело в том, что на их завод когда-то были приглашены немецкие специалисты, а НКВД придумало, будто вокруг спецов не могли не создаться фашистские организации, арестовав всех, кто так или иначе сталкивался с этими немцами. Наш сокамерник не хотел называться фашистом и протестовал, но протестовал, можно сказать, примитивно. Например: входит кто-то из администрации — все должны встать, а он не реагирует. Однажды взял и открыл форточку, к которой заключенным даже прикасаться было нельзя. Вначале юноша получил несколько карцеров возрастающей продолжительности, в самой тюрьме, а потом — башенный карцер в Кремле. После двух недель сталинградца притащили в камеру под руки, он был весь отекавший и лишенный сил. Волосы у молодого человека за это время почти все вылезли...

Большую часть своего соловецкого сидения я содержался в бывшем келейном корпусе в

В Соловках сотрудниками Госбезопасности решалась одна задача — убить в человеке все человеческое. Морально сломить, превратить в послушных животных, которыми легко командовать вождям.

А. Прохоров

Из воспоминаний А. Басва

темной камере № 79 против юго-западного угла Спасо-Преображенского собора. Чтобы выжить в такой обстановке — я имею в виду главным образом не физическое, а нравственное выживание, — у каждого человека свой путь. Нужно каким-то образом избавиться от воспоминаний и создать свой внутренний мир каких-то интересов, доступных в этой обстановке, найти занятия, которые дисциплинировали бы интеллект и эмоции.

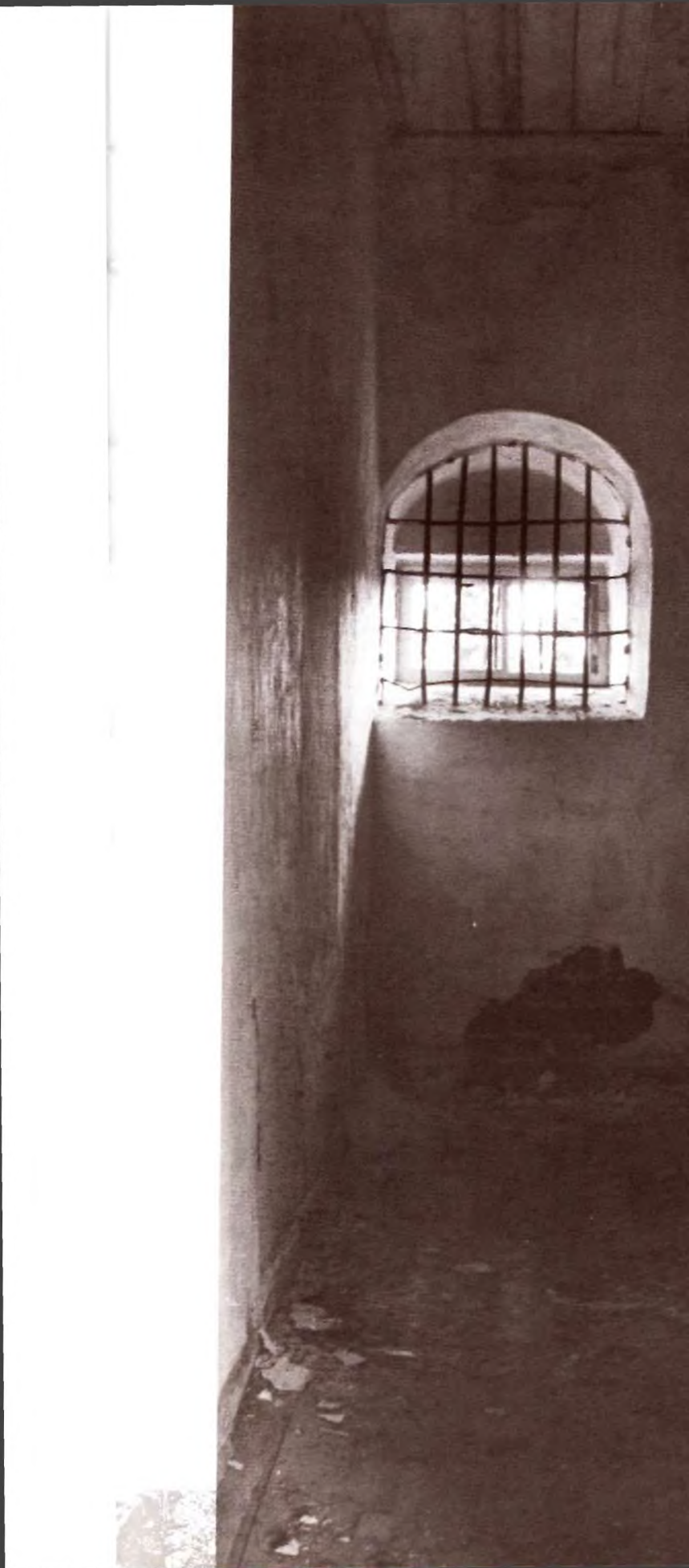
Забыть прошлое помогает, например, напряженная умственная работа, но бывает, что неожиданно воспоминания о прежней жизни врываются в сознание... Стоит лишь чуть-чуть ослабить контроль над собой, отвлечься. Нещень, например, ложку с едой ко рту, перестал загружать мозг математикой, и вдруг — прорыв — видения прошлого заполняют разум. Если не прекратить этот процесс, то может наступить распад психики.

Мне, сидящему в одиночной камере, разрешилось получать из тюремной библиотеки по две книги и иметь две тетради, зарегистрированные в канцелярии. Я заставлял себя решать задачи по высшей математике и беспрерывно зубрил иностранные слова. В одной из тетрадей завел словарь, куда выписывал английские, немецкие и французские слова, которые сам переводил по смыслу, по аналогии... Словарь этот, благодаря какому-то сбою в работе надзирателей, мне удалось спрятать.

В тюрьме был установлен очень строгий режим, нацеленный на доведение морального состояния заключенных до полного отращения ко всему, что имеет малейшее отношение к слову «жизнь».

Б. Оликер

В Соловецкой тюрьме с пятью другими соседями я очутился в камере, переделанной из кельи какого-то монаха. Здесь нас перестали называть по фамилиям, заменив их номерами. Мне был присвоен триста двенадцатый. Эта новинка была воспринята чрезвычайно тяжело...

С. Газарян

Для меня наиболее трудными — из тринадцати лет заключения — явились годы, проведенные в Соловецкой тюрьме.

А. Бабь

Дверной глазок-«волчок» 10-й камеры

ДЕСЯТЫЙ ОТДЕЛ ГУГБ НКВД СССР
в отделе

№ 53

СОВ. СЕКРЕТНО

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Исполнитель: ПЕРЕКРЕСТЕНКО Владимир Антонович

Содержание: Справка

Исполнитель: Милославский Н. Ульинов

Содержание: Справка

Секретарь: Соловки

Содержание: Справка

*Из-за двух створетов алых
И звезды, осенней шлем,
Тупо смотрят глаза шакала
Как гуляют по двору сем.*

*Как железное изваянье,
Он застыл под красной звездой.
От начальных дней мироздания
Не бывало твари такой!*

А. Милославский, Н. Ульинов
Соловки, 1937 год

ванные из армии, которым посещали службу в НКВД с красивой формой, с неплохим жалованием и не очень обременительную. Они, конечно, скучали, но, вероятно, плюсы службы перекрывали этот небольшой минус. Иногда, если форточка была открыта, из караульного помещения доносилась хоровая песня: «Человек проходит как хозяин необъятной Родины своей...» Это были отдыхающие надзиратели.

С. Эттингер

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

Я, нижеподписавшийся, сотрудник ВОХР ББК НКВД ПЕРЕКРЕСТЕНКО В.А., находясь на службе или будучи уволенным, настоящим обязуюсь хранить в строгом секрете все сведения и данные о работе НКВД и его органов, ни под каким видом не разглашать и не делиться ими даже со своими близкими родственниками и друзьями.

Неисполнение настоящего грозит мне ответственность перед Революционным народом.

4 февраля, 1937 года
Перекрестенко

Из личного дела красноармейца коммунистического Отдельного 4-го конвойного полка, I-й «Д» роты Перекрестенко Владимира Антоновича

Подписка

Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, Одесской области, Мостовского района, Кудрявцевского сельсовета, деревни Ново-Павловская, 1912 года рождения, ПЕРЕКРЕСТЕНКО Владимир Антонович, добровольно вступая в ряды Воензированной охраны, обязуюсь:

1. Охранять находящихся в лагерях ББК НКВД заключенных от побегов, а также порученное моей охране лагерное народное имущество от порчи и расхищения.
2. Беспощадно бороться со всеми действиями, направленными против Рабоче-Крестьянского Правительства и Совласти, не щадя своих сил и жизни...
4. Строго и неуклонно соблюдать революционную дисциплину и беспрекословно выполнять все приказы и распоряжения начальников и командиров...
5. Хранить в тайне все секретные приказы и распоряжения...

5 января 1937 года
Перекрестенко

ХАРАКТЕРИСТИКА

Перекрестенко Владимир Антонович, 1912 года рождения, член ВЛКСМ с 1936 года, из крестьян-бедняков, образование - 3-й группы (низшее).

Служил в РККА, в войсках НКВД в 1934-1937 годах.

Поощрения: грамота, 2-недельный отпуск, благодарность.

Взыскания: нет.

Работает надзирателем I-й категории, к работе относится хорошо, работой интересуется, в общественной жизни активный, пользуется авторитетом среди коллектива, работает агитатором и является одним из лучших агитаторов. Политическую и специальную подготовку усвоил на «отлично». Заслуживает повышения на должность старшего надзирателя.

Политрух смены Черновский

СОГЛАСЕН:

Начальник Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД капитан ГБ Коллегов*
остров Соловки ...июля 1938 года

* Коллегов И. К. (1900 г. р.), начальник Соловецкой тюрьмы НКВД СССР с 11 января 1938 года по 16 марта 1939 года, кавалер знака «Почетный чекист». Арестован 7 мая 1939 года и осужден к расстрелу. Старший надзиратель Соловецкой тюрьмы Перекрестенко В. А. арестован в апреле 1939 года, так как своевременно не сообщил, что отец его жены в первые годы Советской власти принимал участие в хлебозаготовках. Судьба Перекрестенко после ареста неизвестна.

Самые несчастные люди среди них были коммунисты. Они думали, что Сталин не знает, что делается в тюрьмах, и без конца писали ему письма.

О. Слиозберг

Из воспоминаний Б. Оликера

Замки на дверях проверялись ежедневно. Состав охранников подбирался с исключительной тщательностью. Дежурный не отходил от «водка» — он постоянно должен был контролировать, что делается в камере, а главное, видеть лица заключенных. В тюремных правилах значилось: «...Запрещается громкий разговор», но и тихий разговор, даже шепотом, преследовался. Опасаясь наказания, люди месяцами хранили молчание. В камере, бывшей келье, стояло шесть коск. Между ними был промежуток двадцать пять—тридцать сантиметров. Это была та «площадка», по которой заключенный мог ходить. Два шага вперед да два назад.

Ровно в шесть часов утра вделанная в глубине стены лампочка начинала мигать. Через две-три минуты заключенный должен был сидеть одетым на кровати. С момента подъема до отбоя, все шестнадцать часов, разрешалось сидеть, однако, без права не только ложиться, но хоть сколько-нибудь наклоняться вперед. Спину должно было держать строго в вертикальном положении, что приводило через один-два месяца к отеку ног... От непрерывного сидения после пяти—шести вечера начинало тянуть ко сну, трудно было удерживать веками, чтобы они не закрывались, по глаза нужно держать все время

открытыми, иначе — наказание... Я забылся, однажды наклонился вперед и положил ногу на ногу. Тут же был составлен акт, и меня лишили переписки на шесть месяцев.

Тюремная ночь тоже не несла заключенному много радости. Довольно часто сон нарушался. Надзиратель продолжал контролировать лица спящих узников, и стоило кому-нибудь натянуть одеяло выше плеч, как всю камеру поднимали, начинались крики, ругань, кончавшиеся наказанием одного из нас. Летом, из-за повышенной влажности, мучения еще больше усиливались. Новичок из нашей шестерки — московский студент — сразу после прибытия был наказан пятью сутками карцера.

Дело в том, что нарушать форму одежды, снимать рубашку, вытаскивать ее из штанов, засучивать рукава строго запрещалось, а этому студенту как раз выдали белье из брезентовой фланели. Лежа в кровати, москвич, страдая от духоты, снял под одеялом кальсоны. Когда он уснул, голое колено вылезло из-под одеяла, тут же вся камера была поднята на ноги, а нарушитель отправлен в карцер. Этот молодой человек вскоре получил повторно пять суток карцера за то, что, встав утром, попытался размять суставы — скрестил пальцы рук, поднял их вверх и стал потягиваться...

Перед обедом меня вызвали к дежурному начальнику корпуса и объявили приказ начальника тюрьмы:

— Пять суток карцера за невыполнение приказа надзирателя и пререкания с ним.

Я попытался объяснить, что надзиратель просто издевался надо мной, но начальник оборвал, не дав договорить:

— В правилах указано, что заключенный обязан выполнять **все** распоряжения администрации тюрьмы, то есть, если бы надзиратель сказал: «Съешь дерьмо», то следует съесть, а только потом можно обжаловать его действия в установленном порядке!

— Ну, этого вы не дождетесь, — сказал я запальчиво, и был отведен в карцер.

Каждое карцерное отделение имело «предбанник», где находился надзиратель, и две карцерные камеры.

В «предбаннике» меня раздели догола, обыскали и велели надеть верхнюю рубашку и штаны прямо на голое тело, а ботинки обуть на босые ноги. Белье, портянки и шнурки от ботинок забрали. Затем меня ввели в карцер, и дверь хлопнула на пять суток.

Карцер имел вид лежащей бетонной трубы диаметром примерно сто восемьдесят сантиметров и длиной около пяти метров, в середине вделан в бетон железный стул — стоящая торчком двутавровая балка, с приваренной сверху железной пластинкой размером с дамский носовой платок. На стене сбоку было закреплена узкая доска на шарнирах, опускаемая с двенадцати ночи до шести часов утра — время, отведенное для лежания.

Остальное время можно стоять, ходить или сидеть на железном стуле. Окна в карцере не было, а лампа над дверью светила круглые сутки. Парашу же я должен был наполнять пять суток без выноса.

Когда я вошел в карцер, меня сразу охватил влажный холод. Помещение не отапливалось, а на дворе лежали сугробы. Дыхание выходило паром, мерзли голые ноги и тело, едва прикрытое тонкой тканью.

Я решил согреться движением, но обнаружил, что мешает железный стул, острые углы пластины-сиденья зацепляют колени. Обходить стул трудно. Для этого надо подниматься на стенку трубы. Сидеть на стуле оказалось невозможно: стылое железо так холодило через

тонкие штаны, что, казалось, сидишь на глыбе льда. Попытался подкладывать под себя руки, но они тоже быстро кочевели.

Значит, только ходить, чтобы не застудиться насмерть, ходить восемнадцать часов в сутки. И я ходил, останавливаясь на несколько минут и снова ходил. Вначале я читал шепотом стихи Тютчева, Пушкина, Фета, Блока, Гейне, Гете. Потом уже перестал. И все ходил вперед и назад, спотыкаясь о проклятый стул, ударяясь об острые углы коленями. Голова кружилась, я уже несколько раз падал. Наконец, надзиратель открыл замок на доске, вделанной в пишу стены на шарнирах, и велел ложиться спать. Значит, наступила полночь, и я уже десять часов нахожусь в карцере, а всего надо пробыть сто двадцать часов!

Доска длиной сто пятьдесят сантиметров и шириной сорок сантиметров стала моим ложем. Если лежать, вытянувшись, ноги свисают. Если лечь, свернувшись, — узость доски не позволяет, да и до бетонной холодной стенки дотрагиваться страшно. Пытаюсь лежать на боку, натянув на голову рубашку, лыжа вовнутрь. Так, вроде, теплее, но короткая рубашка оголяет поясницу. Дрожу от холода, опять начинаю ходить. Мгновенно форточка в двери открывается. Надзиратель шипит:

— Лежать до шести часов.

— Я замерзаю, дайте одеться, пожалуйста.

— Не положено.

Лежу. В полусне переворачиваюсь с бока на бок. Холод. Холод. Холод. Наконец, клацает замок, входит надзиратель:

— Подъем!

Я вскакиваю с ужасного ложа, и доску запирают до полуночи. Вскороги приносят двести грамм хлеба и кружку воды. Предупреждают, что это «суточная норма». Съедаю половину хлеба, отпиваю воды и снова шагаю, шагаю, шагаю.

Длинные, длинные сутки. Кажется, что пропало уже много суток. Силы иссякают. Уже много раз я ударялся об острые углы дьявольского стула. Колени разбиты до крови, она течет по ногам, проступает сквозь штаны. Несколько раз я падал.

Все это завершилось глубоким обмороком. Надзиратель вызвал фельдшера. Меня привели в чувство и временно отправили в камеру. Я пробыл в карцере лишь первые трие суток, а казалось, больше недели...

СССР

Народный Комиссариат
Внутренних ДелГлавное Управление
Государственной БезопасностиСОЛОВЕЦКАЯ
ТЮРЬМА

21. июня 1938.

№ 01442

Соловки (огпро)

мому. В первую неделю после водворения в камеру мне пришлось провести одни сутки (хорошо, что не больше!) в карцере «за нарушение режима». Я получил монопольное право ежедневно мыть пол в камере как вознаграждение от товарищей за мои труды по повышению их грамотности. Не надо думать, что это ирония. Мыть пол рвались все, ведь это же физическая нагрузка, а она необходима каждому. Закончив уборку, я «нарушил режим» — постучал в дверь, чтобы сдать деревянную пайку с половой тряпкой, и это послужило поводом к карцерному наказанию.

В дни, когда разрешалось писать письма и заявления (в месяц один раз), тем, кто имел на депоненте деньги, выдавались бумага и конверт. Конверт заклеивать запрещалось, обратный адрес указывался не Соловки, а станция Кемь, почтовый ящик номер такой-то.

Срок для написания письма или заявления давался ровно полчаса. Писать приходилось карандашными грифелями, так как других пишущих инструментов не полагалось. Мы вставляли их в самодельные футляры из хлебного мякиша и затачивали на цементной приступке двери. Если не успел написать, надо сдавать недописанным. Лица, не имевшие депонентных

Из воспоминаний Д. Сагайдака

Встал спиной у стены камеры — трое суток карцерного содержания за «перестукивание».

В дверь стучать не разрешалось, пока надзирателю не придет в голову открыть кормушку са-

денег, автоматически лишились возможности переписки. Передача купленных конвертов и бумаги товарищам запрещалась.

При мне наша камера дважды лишилась на месяц прогулок, то есть дневного света и чистого воздуха. Первый раз — за проявление недовольства хлебом с большим количеством песка в нем, а в другой раз — за отказ от баланды, в которой плавали белые черви. Черви были тщательно собраны в спичечную коробку и переданы надзирателю.

Вскоре появился начальник тюрьмы с врачом. Врач заявил, что черви абсолютно безвредны для человека, а наши претензии вызваны злобой против советской власти.

— Говорите спасибо, что еще кормят! — добавил от себя начальник тюрьмы.

Каждые десять-одиннадцать дней по ночам водили в баню. О дне и часе бани только догадывались, но никогда не знали точно. Сопровождались эти походы побудкой всей камеры и командой через кормушку:

— Триста двенадцатый! Приготовиться в баню, взять с собой одеяло и всю одежду!

При поступлении почты заключенного конвоировали в канцелярию к старшему или дежурному надзирателю. Усаживали на табурет посреди комнаты и вручали уже распечатанное письмо для прочтения, но чаще письмо зачитывал надзиратель, не давая бумаги в руки.

Во время сопровождения командовали:

— Руки назад! Шагай вперед! — Всею дорожку традиционное постукивание большим ключом о пряжку пояса с целью предупреждения других надзирателей о следовании по коридору «триста двенадцатого» и исключения встречи с другим «номером».

В нашу камеру вошла бледная худая девушка.

— Я из карцера, — сказала она, — меня зовут Аня Бублик...

Родители Ани остались в Харбине, где она и родилась, девушка мечтала поехать в Россию. Мать на колени умоляла ее остаться, многие пугали ее тяжелыми условиями жизни в СССР, но Аня была непреклонна. Она добралась до Москвы, поступила в институт иностранных языков, жила в общежитии, а через три месяца была арестована по статье «ПШ» — подозрение в шпионаже, получив десять лет Соловков.

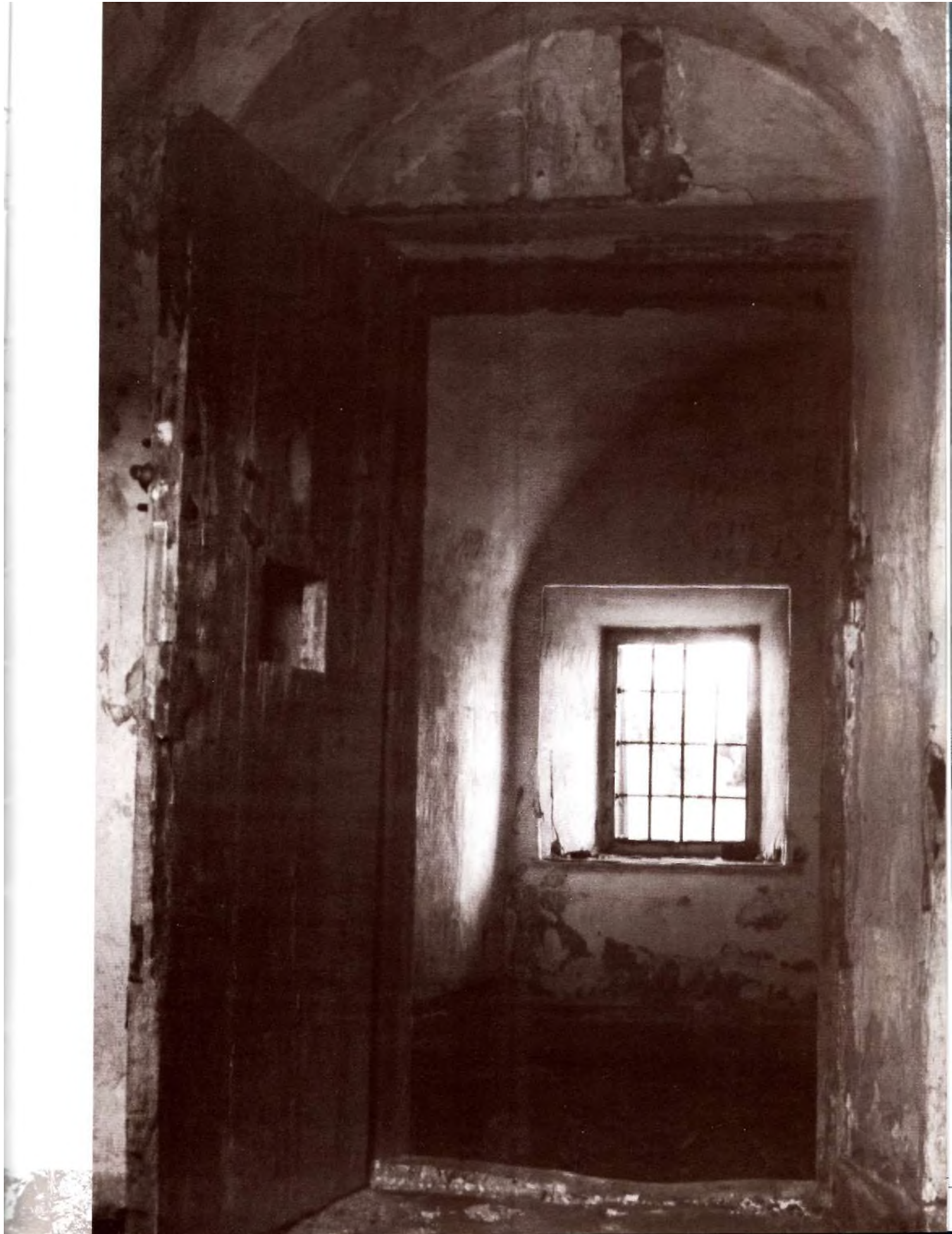
...Карцер давали на 4—5 и до 20 дней. Женский карцер представлял собою абсолютно пустую двухметровую темную комнату. Тотчас вносили на шесть часов. Остальное время нужно стоять или ходить, или сидеть на залитом водой цементном полу. Одежда — грязный тюремный халат на голое тело.

Должно быть, сильно она обидела начальника тюрьмы, что он дал этой бедной девушке 20 суток...

Обычно и после пяти дней выходили больные...

Аня провела у нас в камере месяц. Ей делалось все хуже, и в одну печальную ночь у нее открылось горловое кровотечение, и ее забрали в больницу. Умерла она через два дня. Ей был 21 год.

О. Слюзберг

Курительные принадлежности соловчан.

...Курить разрешили, но заключенный обязан был по счету вернуть все мундштуки от папирос. На каждого узника заводился индивидуальный реестр: когда и сколько папирос он получил, сколько папиросных мундштуков вернул.

Б. Оликер

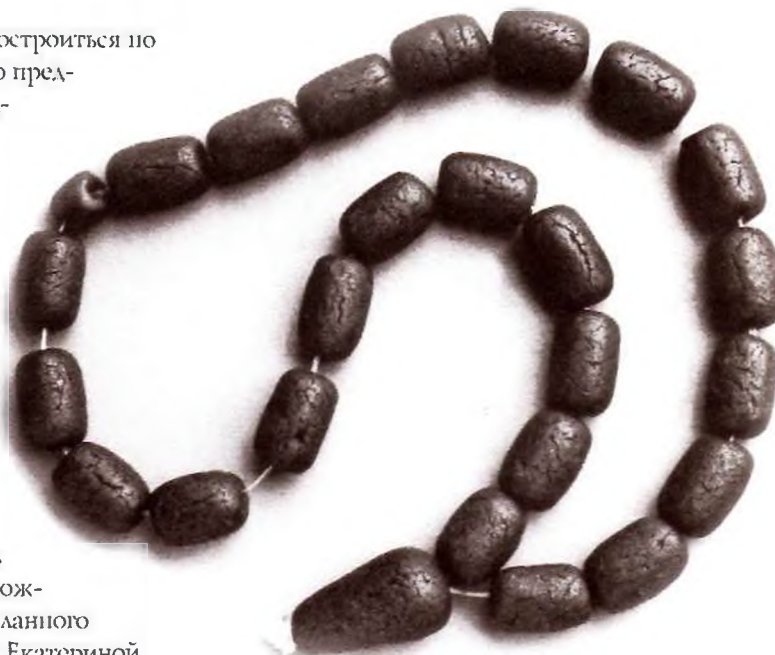
Из воспоминаний С. Газаряна

Прогулочные дворики в Кремле — высокие дощатые клетки размером приблизительно пять на пять метров. Таких двориков было четыре. Наверху, по длине всех четырех двориков, была устроен мостик. Оттуда за заключенными наблюдал вахтер. Кроме того, на дверях, ведущих в дворики, имелись «глазки», точно такие же, какие были на дверях наших камер. Второй вахтер наблюдал за прогулкой через «глазок». Мы никак не ожидали такой строгой изоляции и были очень удручены этим.

Во дворике нам приказали построиться по одному в загилок. Первому было предложено шагать медленно, а каждый последующий должен был смотреть на каблуки впереди идущего. Сбоку от маршruta лежала могильная плита. Я выдвинулся из шеренги ближе к плите, чтобы прочитать надпись. Вахтер криком велел сейчас же вернуться в строй, иначе всех липат прогулки и загонят в камеру. Но во время других прогулок я сумел-таки постепенно понять текст на камне. Это была могила атамана Запорожской Сечи Кальнишевского, сосланного в Соловки на двадцать пять лет Екатериной

Второй. Он прожил сто двенадцать лет и умер в 1803 году, захватив в своей жизни три века. По окончании ссылки ему было разрешено отбыть на родину, «но он не пожелал оставить свою обитель, где обрел смиренность христианина», как гласила надпись.

Четки из хлебного мякиша, изготовленные в тюремной камере заключенным Суреном Газаряном

Площадка, где происходила прогулка, тщательно проверялась, песок граблями разравнивался. Было запрещено даже каплять во время прогулки — предполагалось, что каплем можно передавать сигналы в соседний загон... Помню, как тяжело было сдерживать себя и не поднять голову, когда над нами пролетел самолет! Поднимать голову было строго-настрого запрещено. Сколько раз всю камеру лишили прогулки на много недель за то, что кто-нибудь один не смог сдерживать себя и тихо-тихо закаплялся...

Единственный раз за два года, когда нас вели на прогулку, вдали показались женщины из обслуживающего персонала, но сразу бросилась в какой-то сарай, ибо всем вольным было настрого запрещено видеть лица заключенных.

...Курить разрешилось, но заключенный обязан был по счету вернуть все мундштуки от папирос. На каждого узника заводился индивидуальный реестр: когда и сколько папирос он получил, сколько папиросных мундштуков вернул, причем последние должны быть целыми, не откушенными, покрытыми своей тоненькой бумажной оболочкой. Время от времени проводился переучет: требовалось указать, сколько осталось несданных мундштуков от невыкуренных папирос. Под контроль попадали также спичечные коробки и упаковки от зубного порошка. Это была сложная бухгалтерия. Сколько людей работало на регистрации мундштуков, папирос и коробочек! А сколько заключенных было наказано за кажущуюся недостачу окурков! Учет был устроен из-за страха, что бумага от мундштуков и коробочек может быть использована для переписки между заключенными.

Медицинскую помощь в тюрьме оказывал простой стрелок, который разносил порошки. Большой подставлял свой рот перед открытой в двери форточкой, и «лекарь» сыпал ему в рот лекарство, не давая в руки бумажную обертку.

Даже вывод заключенных в уборную сопровождался исключительной строгостью. Та же команда: «Руки назад!» — та же метровая дистанция, тот же конвой. Один сзади, другой спереди. При входе в туалет узник получал клочок бумаги величиной со спичечную коробку. Внутри туалета конвоиры не спускали глаз с заключенных. Горе тому, кто не продемонстрировал использованную бумажку при выходе!

Постепенно я забыл, что есть другой мир, что я имел врачебную специальность, почти забыл свою фамилию, так как в тюрьме нас окликали по номерам. Я помнил лишь свой номер и при вызове этого номера быстро отзывался...

То, что я случайно увидел через три года в зеркале, не имело никакого сходства с моими представлениями о себе...

Май 1939 года. Какой-то шум в коридоре, напряженное ожидание, хлопанье дверей других камер. Вдруг открывается дверь нашей камеры и велют выходить. Страшный был момент.

Выпнали на монастырский двор партию человек двести, похожих между собой, почти неотличимо: серые лица, одинаковая форма¹⁵¹, судьбы всех — тоже аналогичны. Зачем нас выпнали — никто не знал. Предположения были самые худшие. Под неумолкаемый лай овчарок вывели за ворота и построили вдоль стены.

— Вы сидели в казематах, а теперь будете иметь возможность подышать свежим воздухом. Вас отправят на стройку. Распорядок дня будет такой: восемь часов работы и восемь часов отдыха, потом опять восемь часов работы и так далее, — обратился к нам начальник тюрьмы.

Бригадиров вызвали в канцелярию тюрьмы и объявили нормы на земляные и строительные работы. Предупредили, что невыполнение норм будет рассматриваться как саботаж и как следствие — срок по статье за экономическую контрреволюцию.

Сначала мы строили взлетную полосу. Валили лес, корчевали пни, сложили дамбу, спланировали всю площадку. Два месяца земляных работ вымотали самых стойких. Многие, добредя до площадки будущего аэродрома, падали на песок, и даже мат майора Владимирова и угрозы охраны не могли поднять их.

Потом заключенных разбили на две колонны. Первую стали водить на старинное монастырское кладбище для проведения предваритель-

Онуфриевская церковь и соловецкое монастырско-лагерное кладбище, уничтоженные в 1939 году

Из воспоминаний С. Эпштейна

Я не могу подобрать слов, насколько омерзительной оказалась эта работа. Приказано было раскопать старое монастырское кладбище и сравнять это место с землей, а грунт вывезти на площадку, где строился аэродром. Заключенные разрывали ослабевшими в тюрьме руками холмики и бросали на тачки все, что еще сохранялось в могилах: почти истлевшие кости, черепа с длинными волосами...

Вскоре мне досталась еще одна довольно жуткая работа. Уничтожали кладбищенскую церковь, и велено было, начиная с самой верхушки звонницы, отламывать лопаткой кирпичи, сбрасывая их вниз. Голова у меня постоянно кружилась, падение казалось неизбежным... Но в конце концов колокольню разрушили, кладбище расчистили.

Из воспоминаний Д. Сагайдака

Бригадиров вызвали в канцелярию тюрьмы и объявили нормы на земляные и строительные работы. Предупредили, что невыполнение норм будет рассматриваться как саботаж и как следствие — срок по статье за экономическую контрреволюцию.

Сначала мы строили взлетную полосу. Валили лес, корчевали пни, сложили дамбу, спланировали всю площадку. Два месяца земляных работ вымотали самых стойких. Многие, добредя до площадки будущего аэродрома, падали на песок, и даже мат майора Владимирова и угрозы охраны не могли поднять их.

Потом заключенных разбили на две колонны. Первую стали водить на старинное монастырское кладбище для проведения предваритель-

ных земляных работ — копания котлованов для фундаментов будущих зданий. На месте кладбища намечалось построить детский сад и ясли для детей тюремного надзора. Проект и рабочие чертежи этих зданий сделали заключенные инженеры в одной из камер, где вместо косяк поставили чертежные доски. Против детских учреждений возражать нельзя — дело, несомненно, нужное, а вот почему для этого выбрали площадку кладбища, зачем надо было сносить старинную церковь и колокольню? Свободных площадей вокруг было хоть отбавляй...

Нашу вторую колонну водили в лес на дренажные работы вокруг недавно выстроенных корпусов большой тюрьмы. Грунтовые воды залили подвал этого здания, мешая окончанию работ. На дренаже мы очень интенсивно работали две недели. У многих возникла мысль, а не для себя ли стараемся. Вот закончим строить тюрьму, а потом нас в нее и опустят.

Около тюрьмы располагались крошечные квадратные прогулочные дворики, отделенные друг от друга сплошными металлическими стенками в два ряда, с полуметровым промежутком между ними. Над стенками была натянута колючая проволока, а сверху нависал мостик для часовых. Надо полагать, что в функции часовых было заложено не только наблюдение за заключенными, но и за надзирателями, приводящими заключенных на прогулку. Не разговаривают ли последние с врагами народа...

Летом 1939 года нас неожиданно стали выводить на работы. Достройка большого тюремного корпуса оказалась одним из рабочих пунктов. Новые камеры были устроены безо всякого дерева — цемент и железо; койки пристегнуты к стене, стальные табуретки вмонтированы в пол. Тюрьму строили интенсивно, видимо, в НКВД считали, что политика репрессий будет продолжаться, и для этой цели усовершенствовали организацию тюремного дела.

А. Бабев

Из воспоминаний А. Фаворского

На Кирпичном заводе возводилось новое здание тюрьмы. Сам-то кирпичный завод давно не работал, место так называлось — «Кирпичный завод». Там и построили. Все каменное, камеры двухместные, койки убирались в ниши по разные стороны, а механизм выведен в коридор, это чтоб дежурному в камеру вообще заходить не надо было.

Мне пришлось делать в тюрьме этажную сигнализацию да еще рядом в административном здании электропроводку.

По пути на Кирпичный завод — заросли березы. Я там прятался несколько раз с тетрадкой стихов Есенина.

Говорили, что туда раньше в траншеи умерших и расстрелянных свозили.

Из воспоминаний А. Прохорова

Пятого августа 1939 года команда:

— Со с вещей!

С вещами, значит. Вывели нас в коридор, раздели догола.

— Раздвиньте ваши ягодицы! Покажите рот!

Так, вместо нормальной бани мы получили «сухую баню». Искали записочки, лезвия, чтобы мы, значит, не кончили жизнь самоубийством раньше времени... Повели за Кремль. Многие

ожидали самого худшего. Меня спасал мой оптимизм, юмор, вернее.

— Что плачень, виноват что ли? — Спрашиваю там у одного. Он, бедняга, улыбаться начал...

Выходим, а у причала стоит огромный корабль «Семен Буденный». Погнали нас на этот грязный лесовоз. В трюме новые многоэтажные деревянные яры. А посредине стоит огромная 40-ведерная бочка, она же параша...

Большой тюремный корпус. 1939 год. Единственное капитальное сооружение НКВД на Соловках

Из Приказа по НКВД СССР от 02 ноября 1939 года
«О закрытии тюрьмы на острове Соловки»

- ...Соловецкую тюрьму закрыть.
- ...Заключенных тюрьмы перевести во Владимирскую и Орловскую тюрьмы.
- ...Лагерный контингент тюрьмы передать в распоряжение ГУЛАГа НКВД СССР.
- ...Все материальные ценности, здания и сооружения, электростанцию, подсобное хозяйство, незавершенное строительство, самолеты, пароходы, радиостанции, баржи и т.д. передать Наркомату Военно-Морского флота.
- ...Этапирование всех заключенных¹⁰¹, перемещение личного состава тюрьмы и вывоз материальных ценностей закончить 15 декабря 1939 года.

Народный комиссар Внутренних Дел Союза ССР,
комиссар Государственной Безопасности I-го ранга Л. Берия

Обыск остался позади. У каждого в руках вещи — у одних чемоданы, у других рюкзаки, а у большинства мешки или рубахи с завязанными рукавами и воротом, набитые немудреными вещами, еще пахнущими домом, несмотря на плесень, покрывающую их. Построили в колонну по четыре, раскрыли двойные железные ворота и по ярко освещенному коридору между двух рядов конвоиров попали четверку за четверкой. Перед командой «Марш!» нам объявили традиционную «молитву»:

— Заключенные! Шаг влево, шаг вправо — конвой стреляет без предупреждения!

— Конвой! При попытке к бегству стрелять по врагам народа без команды!

— Марш! Подтянитесь! Не отставай! Быстро вперед! — Почти бегом гнали до пристани, где прищвартовал океанский лесовоз...

Быстро по одному человеку взбегаем по трапу к докам, которые окружены конвоирами с пистолетами в руках. Между ними свободный проход для одного человека. У самых доков по два конвоира без оружия. Они вырывают из рук рюкзаки или сумки с вещами и бросают в темную глубь колодца. Трюм — это какая-то глубоко уходящая вниз яма, дна ее не видно. Опускаюсь по вертикальной лестнице, наступая на чьи-то руки. Все ниже и ниже, на самое дно.

Не я один, многие подумали в эти минуты, что мы находимся в глубокой могиле, заживо погребенные¹². По всему телу пробегает холод ужаса, полной обреченности. В крошечной тьме с руганью и стонами ищем свой немудреный «багаж» и, кому посчастливилось найти его, оступившись отыскивает себе место. А место необходимо. Этот трюм не на час, не на день. Ведь не зря выдали по три килограмма сухарей, как никак, это десятидневная норма.

Кое-где мелькают жалкие огоньки зажженных спичек... Постепенно все нашли себе место на нарах, стихают ругань, шум и крики.

— Прощай, Соловки!

..Волны с яростью диких зверей бросились на борта лесовоза. Судно дрожит всеми переборками, стонет, скрипит и, непрерывно кланяясь этим волнам, тяжело взбирается на них. Вот уже на гребне волны, переваливается с борта на борт и вдруг скользит, проваливаясь в пропасть.

В трюме уже не слышно ни одного человеческого голоса. Стоны, проклятия, ругань подавля-

Сообщение о переводе заключенного в другой лагерь

ны грохотом бури. Силы покинули нас. Мы уже не встаем, мы не в силах даже сидеть... Вентиляции никакой: все люки, ведущие с палубы в трюм, наглухо задраены от попадания воды, давно уже перекатывающейся через палубу. Мы дышим часто, разинув рты, как рыбы, выброшенные на берег. Воды нет, а жажда становится нестерпимой. Густой, спертый, горячий воздух пробирается внутрь, сунит легкие, горло... В ушах шумит, давит виски. Голова разламывается на части, время точно остановилось.

Шторм бушевал несколько дней! На десятые сутки мы вопли в устье Енисея и через некоторое время прищвартовались у причалов Дудинки.

Из воспоминаний Б. Оликера

Наконец, выгрузка. Ноги отекли, больно и неловко становится на них.

Нас встречает целая стая овчарок. Каждый ряд из пяти заключенных сопровождают по два конвоира с двумя собаками. Как хорошо выдрессированы эти собаки, с какой силой рвутся к нам! Стоит такой овчарке вырваться из рук про-

водника, как она мгновенно разорвет человека. Куда нас ведут, никто не знает. У всех одно желание — в ЛАГЕРЬ! Многие из нас еще не испытали лагерей, но после пережитого в Соловецкой тюрьме лагерь представляется нам расм.

Но попадем ли мы в лагерь? Какое это было бы счастье...

Уже тогда я смутно предчувствовал, что Соловки станут зарубкой, вехой в истории России. Символом ее мученических путей.

Много лет спустя, в начале шестидесятых годов, несколько знакомых ученых усиленно уговаривали меня примкнуть к их туристической поездке на Соловки. Я отказался. Из-за ощущения, что этот остров можно посещать, лишь совершая паломничество. Как посещают святыню или памятник скорбных событий, национальных тяжелых дат. Как Освенцим или Бухенвальд. Суетность туристической развлекательной поездки

Огороженные ржавой колючей проволокой, повисшие на стивших кольях, площадки — не следы военных складов; обвалившиеся деревянные постройки — не бехи триангуляционной сети, а вышки, с которых стреляли в людей.

казалась мне оскорбительной даже для моих пустыковых испытаний... Или следовало поехать? И указывать своим спутникам:

— Здесь агонизировали мусавитисты... А тут зарыты трупы с простреленными черепами...

— Недалеко отсюда в срубе без крыши сидели зимой босые люди. Босые и в одном белье. А в летние месяцы ставили на комары...

— А вот тут, под берегом, заключенные черпали воду из одной проруби и бегом неслись выливать ее в другую... Часами, под лихую команду: «Черпать, досуха!» — и предрые зуботычины...

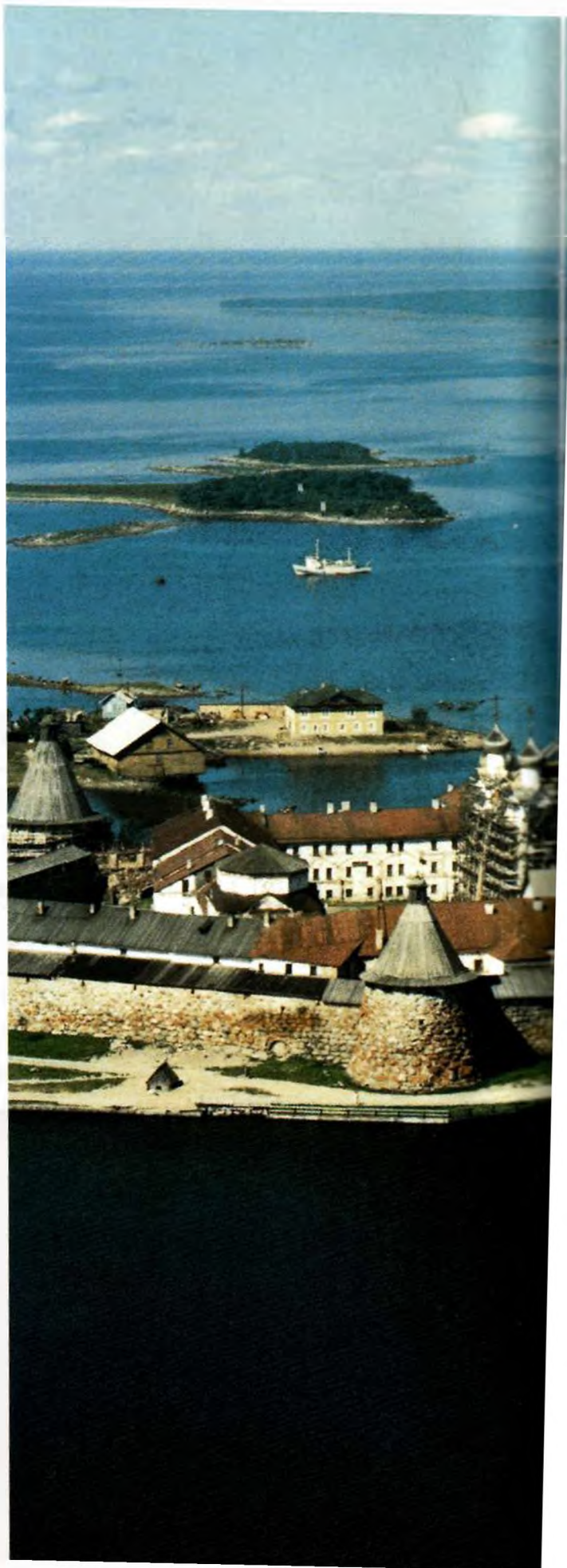

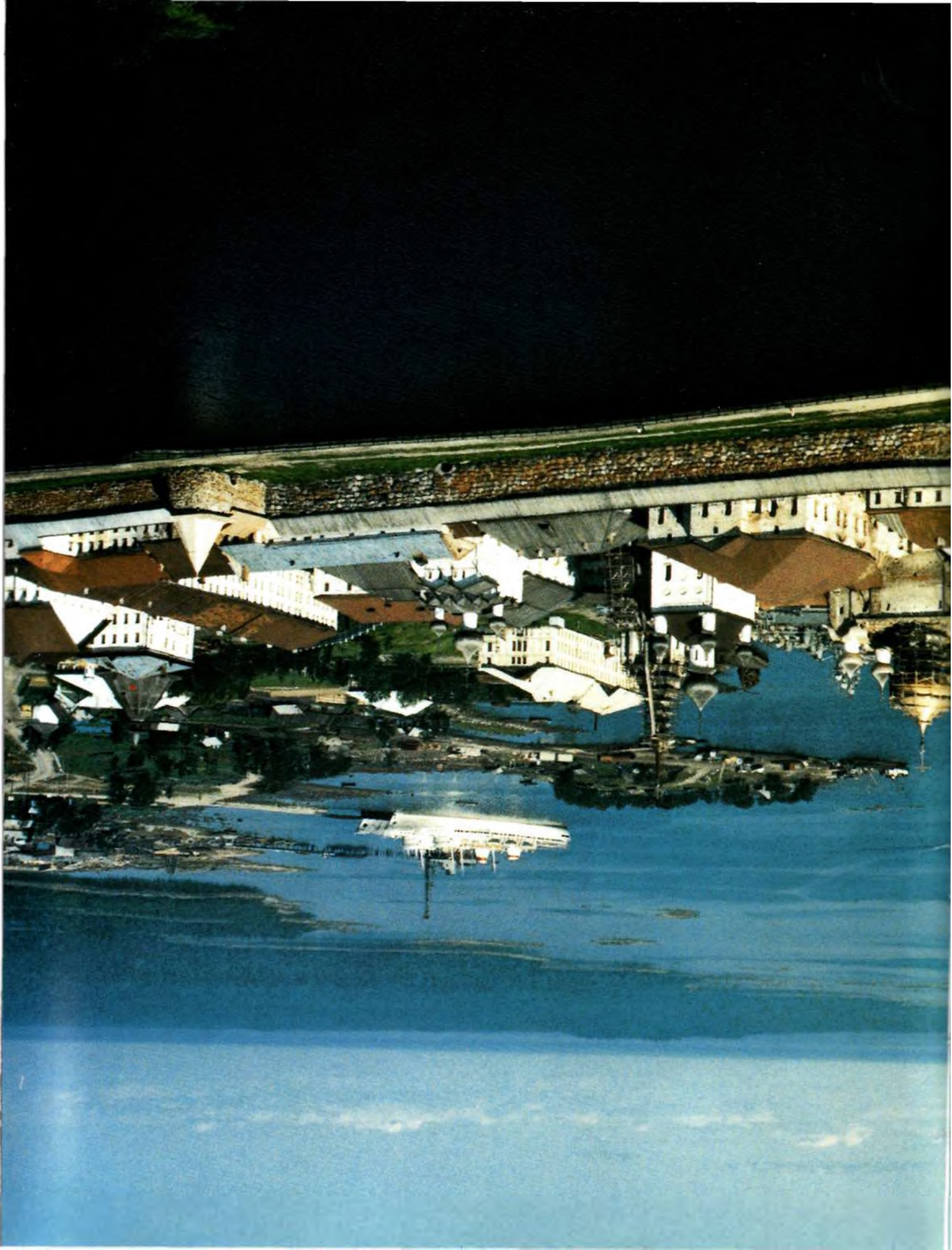
Журнал «Социалистический вестник»
15 февраля 1946 года
Нью-Йорк

**Конец Соловецкого концлагеря —
рассказ моряка-невозвращенца**

Под нашу школу низшего комсостава Военно-Морского флота отвели Соловецкий монастырь, куда я прибыл с первой партией курсантов в декабре 1939 года...

Монастырь и весь главный остров были пусты... Заключенных уже никого не было.

Юрию Бродскому

1—2

Не надо, не беги из Соловков.
Ты знаешь, чем кончатся побеги —
Еще теснее будет гнет оков
И дальше от свободы и победы.

Тут главная победа над собой,
А не над духом времени и места,
Где в камни упирается прибой,
Не зная выхода, не ведая протеста.

2—3

Тут главная победа над собой,
А не над духом времени и места,
Где в камни упирается прибой,
Не зная выхода, не ведая протеста.

Где солона вода и горек хлеб,
И склеп распахнут тяжело и слепо
Горит свеча над книгою судеб,
Молчат, как судьи, своды склепа.

3—4

Где солона вода и горек хлеб,
И склеп распахнут тяжело и слепо
Горит свеча над книгою судеб,
Молчат, как судьи, своды склепа.

Над Белым морем белым облакам
Вольно парить, как вознесенным душам.
Не надо, не тоскуй по Соловкам,
Закроем книгу и свечу потушим.

4—1

Над Белым морем белым облакам
Вольно парить, как вознесенным душам.
Не надо, не тоскуй по Соловкам,
Закроем книгу и свечу потушим.

Но только не беги из Соловков.
Ты знаешь, чем кончатся побеги —
Еще теснее будет гнет оков
И дальше от свободы и победы...

¹ Вскоре на Соловки по приказу Архангельского губисполкома прибыл отряд Красной гвардии для реквизиции продовольствия и ценностей. Однако полный разгром монастыря не состоялся, так как летом 1918 года большевики утратили власть над Беломорьем вплоть до начала 1920 года.

² ГААО, ф.352, оп. 1, д.168, л.13 и 48.

³ ЦГА респ. Карелия, ф.351, оп.1, л.1/23, л.48.

⁴ ЦГА, респ. Карелия, ф.205, оп.1, д.4/76.

⁵ ГААО, ф.286, оп.1, ед.хр.168, л.7–8.

⁶ Общежитие – общежитейский монастырь.

⁷ Барановский П. А. (1892–1984), архитектор-реставратор, историк. Инициатор создания государственного музея (май, 1922) на Соловецких островах. Буров В. А., Черновол В. А. «Соловецкий монастырь». Из архива архитектора-реставратора П. А. Барановского». Москва, 2000.

⁸ Фрагмент, ГААО, ф.352, оп.1, ед.хр.168, л.26.

⁹ Фрагмент, ЦГАОР, ф.40–42, оп.1, д.4, л.3–4.

¹⁰ Фрагмент, ГААО, ф.352, оп.3, ед.хр.4, л.8.

¹¹ Фрагмент, ЦГАОР, ф.5446, оп.1, д.2, л.43.

¹² Александровский П. Ф., управляющий совхозом Соловки, назначенный на эту должность в мае 1922 года.

¹³ Телефонограмма была вручена старосте анархистов Браверману И. С. (1897 г. р.).

¹⁴ Иваницкий А. А. (1885 г. р.) – член Центрального Бюро партии социалистов-революционеров. Старый каторжник, приговоренный до революции к смертной казни. В 1923–1924 гг. – староста фракции эсеров в Савватиево.

¹⁵ Грошев А. П. (1894 г. р.).

¹⁶ Лебедев А. Я. (1880 г. р.).

¹⁷ Двухэтажный корпус из красного кирпича, где содержались социалисты.

¹⁸ СОБРАНИЕ ЗАКОНОВ И РАСПОРЯЖЕНИЙ Рабоче-Крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик, издаваемое Управлением Делами Совета Народных Комиссаров СССР. № 38 от 29 июня 1925 года.

¹⁹ Кайенна – во Французской Гвиане – место ссылки и массовой гибели участников Парижской Коммуны, так называемая сухая гильотина для заключенных.

²⁰ «Культ» – лагерный термин – сокр. от Культпросвет – здание клуба в бывшей монастырской трапезной для богомольцев.

²¹ На 1 ноября 1928 года в САОИ ле содержались 20244 заключенных.

²² Возле Онуфриевской церкви, уничтоженной в 1939 году.

²³ РЦХИДНИ, ф.17, оп.85, д.492, л.31.

²⁴ 1 фунт = 409,5 грамма.

²⁵ Паровозы были привезены на остров не монахами, а администрацией лагеря летом 1924 года; осенью 1931 года их вместе с рельсами и шпалами железной дороги перевезли на строительство Беломорканала.

²⁶ Сказин В. И. – в лагере – бухгалтер Управления железной дороги.

²⁷ Пароход «Соловецкий», построенный в Финляндии в 1881 году на заводе Крейтон и К., после революции переименован в «Жижгин». В 1922 году пароход списан и слан на корабельное кладбище, но в июле 1923 года по просьбе ОГПУ передан Управлению лагерей на правах бессрочной и бесплатной аренды. После ремонта в Соловецком доке пароход «Жижгин» спущен на воду в первых числах июля 1924 года под новым названием «Глеб Боккий» – в честь начальника Спецотдела при ОГПУ, куратора САОНа. В 1931 году переименован в «САОН». Погиб, очевидно, в Мурманске в 1941 году после ареста всей команды во главе с бессменным капитаном Каулином Я. Я.

²⁸ Пробная реставрационная расценка 1993 года. Реставратор Пашкрот В. В.

²⁹ Головачев Н. П. (1889 г.р.), уроженец г. Киева, арестован в Севастополе, моряк-подводник. Осужден в январе 1927 года Коллегией ОГПУ к 10 годам концлагеря. Умер 6 октября 1928 года.

³⁰ ГАРФ, ф.941, оп.1, д.2818.

³¹ Иван Божо Девич, 29 лет.

³² Бырсан Стефан Стефанович в 1927 году выслан из Соловков в Вологодскую область на 3 года.

³³ Батиров Мир Джафар Аббасович – первый секретарь ЦК ВКП(б) Азербайджана, кавалер пяти орденов Ленина. «Почетный чекист». В 1921–1930 гг. – председатель Азербайджанской ЧК–ГПУ, нарком внутренних дел, заместитель председателя Совпаркома Азербайджана.

³⁴ «Лагерные придурки» – заключенные, работающие в службе, в копторах, по продовольственной части и т. д.

³⁵ Во время обороны монастыря от английской эскадры в 1854 году.

³⁶ Типовой акт, запоминая карандашом.

³⁷ Псевдоним Утка выбран автором не случайно. В журналистике слово «утка» означает ложный слух.

³⁸ Второй лагерь – производственный лагерь «Морсилав» в системе Соловецких лагерей на Поповом Острове – обслуживал лесопильный завод, занимался погрузкой пиломатериалов на иностранные суда.

³⁹ Пицальников А. П. (1897–1962), в Соловках 1937–1939 гг, всего 20 лет лагерей и тюрем. Фрагмент из письма дочери.

⁴⁰ Белое озеро — самое большое озеро Соловецкого архипелага. В настоящее время называется Красным озером, согласно решению лагерной комиссии по изменению географических названий.

⁴¹ Большое Лесное — лагерное название монастырского скита Исаево, когда там располагался центр лесозаготовок.

⁴² Кухаренок Э. Э. (1892 г.р.), в Соловках 1927–1930 гг. После освобождения выехал в г. Иваново.

⁴³ 3/4 фунта — 300 грамм.

⁴⁴ По отчетам лагерной администрации в 1926–1927 гг. продовольственные пайки выписывались для 116 бывших соловецких монахов.

⁴⁵ На 1 октября 1927 года из 12896 заключенных СЛОИа лиц духовного звания различных религиозных конфессий было 119 человек, то есть около 1% от общего числа заключенных.

⁴⁶ Отец Николай (Пискановский).

⁴⁷ Стеблин-Каменский И. Е. (1887 г.р.) — в СЛОИе — 1924–1927 гг. и повторно — 1929–1930 гг. Расстрелян 2 августа 1930 года.

⁴⁸ Оток — стар. от обтекать — остров, напр., «в Соловках, на отоке» (В. Даль. Слб. — Москва, 1911).

⁴⁹ Митрополит Московский Святитель Филипп (Колычев Ф. С., 1507–1569) — строитель первых каменных сооружений Соловецкого монастыря, а позже глава Русской Православной Церкви, по указанию царя Ивана Грозного был ложно обвинен в колдовстве и сослан в Тарскую Опочку монастырь, где тайно лишился жизни.

⁵⁰ Рукопись хранится в ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 73.

⁵¹ Серафим (Самоилович С. Н., 1881 г.р.) — архиепископ, в 1926–1927 гг. — заместитель Патриаршего Местоблюстителя. В Соловках — 1928–1932 гг. Расстрелян в 1937 году.

⁵² Троицкая — бывшая монастырская спасательная станция для кораблей, терпящих бедствие, у входа в залив Троицкая Губа на острове Анжер.

⁵³ Анжер (здесь) — главный лагпункт острова Анжер, расположенный в бывшем Троицком скиту.

⁵⁴ Кустарка — кустарная мастерская по производству детских игрушек и сувениров.

⁵⁵ Мысльцин А. И. — заключенный, прапорщик царской армии, однополчанин М. Никонова, волею судеб оказавшийся в лагерной охране.

⁵⁶ Ярославский А. Б. (1891 г.р.) — лидер Петроградской Северной Группы поэтов биокосмистов, редактор журнала «Бесмертие», автор десяти поэтических сборников и фантастического романа «Аргонавты Вселенной» (М.-Л. Изд-во «Биокосмисты»). В СЛОИе с 1928 года, расстрелян 10 декабря 1930 года.

⁵⁷ Постановлением выездной сессии ОГПУ от 14 августа 1931 года Остальскому А. И., 42-х лет, русскому, духовного звания, по профессии служителю религиозного культа, епископу, беспартийному, ранее священнику-миссионеру, ранее осужденному за контрреволюцию в 1922 году на пять

лет концлагеря и в 1928 году еще на пять лет, срок заключения увеличен еще на пять лет. Савченко М. Д. и другим священникам добавлено по два года заключения, миряне получили по шесть месяцев штрафователя.

⁵⁸ Борин М. С. (1870–1938) — в Соловках с осени 1924 по лето 1926 года.

⁵⁹ Невзров И. Г. — начальник Воспитательно-Трудового отдела (ВТО).

⁶⁰ Коган А. Я. — заключенный, помощник начальника Воспитательно-Трудового отдела, бывший подпольщик и теоретик марксизма, считавшийся конкурентом С. Кирова и С. Орджоникидзе.

⁶¹ За первые 15 месяцев поставлено 55 пьес, дано 112 представлений. Борин М. С. осуществил 22 постановки: Арманов И. А. — 9. Кроме них, режиссерами спектаклей были это время Вечерин, Любохонский, Станиславский, Станкевич.

⁶² Глубоковский Б. А. (1895–1935) — актер Камерного театра Таирова, поэт, журналист, главный режиссер Соловецкого театра, сменивший на этом посту Борина М. С.

⁶³ ХЛАМ — Художники, Антериторы, Артисты, Музыканты — один из театральных коллективов Первого Отделения СЛОИа.

⁶⁴ Культура и досуг должны повседневно находиться под жестким идеологическим контролем партии. Фокстрот — танец деградирующей буржуазии — кровный брат кокаина и рудетки. (Журнал «Советское искусство», № 10, 1926).

⁶⁵ Вальдгар П. П. — бывший, если память не изменяет, до Соловков дирижер Одесского, а после Соловков — Свердловского оперного театра. Он руководил симфоническим оркестром нормального состава, человек в это. Гордон Г. О., который играл в этом оркестре на рояле партии недостаточных арф, чести и других редких инструментов, отзывался о Вальдгаре и с теплотой, и с большим уважением. (По Гордону Г. Г.).

⁶⁶ Глава из книги И. Солоневича «Россия в концлагере».

⁶⁷ Пойкан И. А. — начальник ИСЧ 3-го Отделения СААГ ОГПУ.

⁶⁸ Под видом организации лагерной спартакиады был подготовлен и успешно осуществлен побег в Финляндию. Иван Солоневич и его сын Юрий скрылись из барака в Медвежьей Горе 28 июля 1934 года, а младший брат Ивана Борис Солоневич в этот же день исчез из лагеря в Лодейном Поле. Компасные стрелки, надевшие на острия булавок, указывали безледам путь к границе.

⁶⁹ Сменовеховец — участник круга авторов сборника статей «Смена веж», изданного группой видных русских эмигрантов летом 1921 года и журналов «Смена веж» (осень 1921 — весна 1922, Париж). Оставившись антикоммунистами, эти люди поверили в НЭП, поверили в эволюцию режима, в возможность перехода России к нормальной демократии. Судьба сменовеховцев, вернувшихся в Россию по приглашению советского правительства, трагична. Профессор Устрюжов Н. В. был убит чекистами, профессор Лукьянов С. С. попал в Ухт-Печерский лагерь, где и умер. Профессор Ключников Ю. В. бесследно исчез в концлагере, писатель Георгий Венус умер в тюрьме в Сыррани.

⁷⁰ «Одновременно был раскрыт в стрелковой дивизии в Замоксворенье белогвардейско-офицерско-меньшевистский заговор. По подозрению в этом заговоре снят командирский войсками Московского военного округа бывший артиллерийский поручик и личный ставленник Троцкого Петряев.»

Из стенографического отчета по делу антисоветского «Правотроцкистского блока», 13 марта 1938 года.

⁷¹ Тираж газеты колебался от 300 до 1200 экземпляров.

⁷² Цена с пересылкой на литерник — 7 копеек.

⁷³ В 1925 году были попытки выпуска приложенной к «Новым Соловкам» в виде газет «Соловецкий безбожник», «Радио — Соловки», «Соловецкий крокодил».

⁷⁴ Летом 1930 года все шесть отделений СЛОНа на островах объединили в IV Отделение Управления Соловецкими и Карело-Мурманскими Исправительно-трудовыми лагерями (IV Отделение УСИКМИГА). С этого времени на архипелаге издавался только маленький «Соловецкий листок», сменившийся в ноябре 1930 года газетой «Трудовик», вскоре переименованной в «Трудовой путь». В середине 30-х годов на Соловках недолго издается «Голос Перековки». Все газеты 30-х годов имели гриф «Без права вывоза на материк».

⁷⁵ Петряев П. А. (1892 г. р.). В Соловках — с 19 июня 1925 года по 2 декабря 1927 года.

⁷⁶ Покровский М. И. (1868—1932), член партии большевиков с 1905 года, историк, работавший под непосредственным руководством Ленина, автор первых попыток дать «марксистское освещение всего исторического процесса», сторонник партийности в науке, а особенно в истории — «самой политической науке».

⁷⁷ Доцент И-й — Приказовский А. П.

⁷⁸ «Индийская гробница» — камера-келья в Новобратском корпусе Соловецкого кремля, где жил в 1925—1926 гг. подданный Великобритании индус Набу-Кореиша, коммерческий представитель бомбейской фирмы по торговле джутом, обвиненный в шпионаже.

⁷⁹ Щипов А. И. — погиб на Соловках в 1926 году.

⁸⁰ В 1926 году в фондах лагерного музея было свыше 2500 икон.

⁸¹ Конфронтация Соловецкого монастыря с Москвой, вылившаяся сначала в отказе сдать старые богослужебные книги (1657), а затем в восстание (1668—1676), когда «воины Царя Небесного сражались с воинами царя земного». Монастырь прекратил молельные за царя и его семью. «Замышление» было необычайно жестоким, даже для сурового XVII века. Почти все соловчане погибли. Их жгли огнем, подвешивали за ребра, замораживали живыми в ледяной воде Белого моря.

⁸² 12093 объекта охраны зафиксировано в «Сводном обзоре материалов обследования, учета и описаний памятников старины, искусства и культуры на Соловецких островах». Часть из них признавалась сектором науки Главкомпрокса РСФСР «памятниками высшей категории». «Обзор» составлен «под руководством» начальника КВЧ Головаева А. В. и «утвержден» 30 апреля 1935 года начальником Соловецкого

Отделения ББК НКВД П. В. Агаповым (образование — 4 класса и ремесленное училище). Авторы «Обзора» — заключенные научные сотрудники Евлевич А. А. и Казаринов П. К. через два года были расстреляны. При эвакуации тюрьмы в 1939 году часть ценных экспонатов в 28 ящиках была отправлена в Наркомпрос РСФСР для дележа между музеями. Работу возглавил и акт передачи подписал 22 августа 1939 года последний (с 25 апреля по 30 декабря 1939 года) начальник Соловецкой тюрьмы капитан Гоебезопасности Чечев А. А. (образование — 4 класса сельской школы). По этому акту ГИМ (Государственный Исторический музей) получил 307 предметов (вкладыши книги), а ЦАМ (Центральный Антирелигиозный музей) — 302. Предметом спора неожиданно стали и хоругви — вкладка князя Ивана Голынина (конец XVI века), бывшего воеводой в Калани, по прозвищу Шлык. На хоругвях — изображения Филиппа Кольчева, почти прижизненные, весьма близкие по портретному сходству. В споре победила ГИМ. Парные светиляники венецианской работы, упомянутые Б. Ширяевым, музей мирно разделили между собой.

⁸³ Крест, изготовленный в 1657 году по заказу Патриарха Всея Руси Никона, в прошлом соловецкого школа, перевезен в 1939 году после закрытия Соловецкой тюрьмы ГУПВ СССР в Центральный Антирелигиозный музей.

⁸⁴ Видимо, профессор Озеров И. X.

⁸⁵ Кривош-Неманца В. И., кроме докладов в библиотеке, активно сотрудничал в Обществе Краеведения и читал лекции в «Школе проф. обучения». На шестимесячных курсах стенографии в женском баряке он вел занятия по своей системе и по своим учебникам. Универсальная система стенографии профессора Кривош-Неманца одобрена на Международном съезде стенографистов в Лейпциге.

⁸⁶ Некрасов М. И. прибыл на Соловки в июле 1924 года.

⁸⁷ Известно свыше трехсот подобных изображений древних лабиринтов, из них на территории России — около ста. На Соловках обнаружено тридцать четыре каменные выкладки в форме лабиринтов, в том числе и самая большая в мире. Возраст лабиринтов, называвшихся в Поморье еще Вавилонами, — около четырех тысяч лет, это одна из наиболее древних соловецких загадок. Вклад в исследования лабиринтов внесли и сотрудники Соловецкого музея: заключенные Виноградов Н. Н., Казаринов П. К. и Евлевич А. А.

⁸⁸ Приказ о создании Бюсада в скиту Живоносный. Источник подписан 13 марта 1925 года, заведующим являлся Некрасов М. И.

⁸⁹ Юниат — юный натуралист.

⁹⁰ Дополнение к телеграмме № 348 от 15 октября 1929 года. Фрагмент, ГАОПДФАО, ф.290, оп.1, д.440.

⁹¹ К январю 1930 года навигация еще не прекратилась. По всей стране шли аресты противников сплошной коллективизации. Количество заключенных на островах Соловецкого архипелага достигло небывалой цифры — двадцать пять тысяч человек.

⁹² Согласно отчету лагерной администрации, по всем отделениям СЛОНа за зиму 1929—1930 гг. тифом переболело 25552 человека.

⁹⁴Безответное письмо писателю М. Горькому от поэта Казариновского Ю. А. (1905–1954). ГАРФ Фонд Политического Красного Креста. (Е. П. Пеншковой). Оп.8409. д.520, л.305–306.

⁹⁵Ризабейли Насур Улаи Оглы (1898 г.р.) из Баку. Осужден Коллегией ОГПУ 28 февраля 1927 года по статье 58-2.10 на 10 лет. Бежал из лагеря 12 июня 1930 года. Дальнейшая судьба неизвестна.

⁹⁶Приписка Максима Горького к тексту начальника Спецотдела при ОГПУ в журнале на Секирной горе была сообщена в ЦК ВКП(б) Сталину специальной телеграммой.

⁹⁷Газз Ф. П. (1780–1853), старший врач Московской тюрьменной больницы, изво дпя в дельце словом и делом борющийся против взысканной жестокости и унижения личности в местах заключения.

⁹⁸58/4 – статья 58 УК РСФСР 1926 года. Часть 4 – «Оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая стремится к уничтожению коммунистической системы».

⁹⁹«Соловецкий Патерик» (1873, Сиб.). Жизнеописание перомонаха Иова – основателя Голгофо-Распятского скита.

¹⁰⁰Четверть аршина – 17,5 сантиметра.

¹⁰¹Согласно отчетам лагерной администрации, в САОИе, включая Соловецкие командировки на материке, содержалось: в 1926 году – 9830 заключенных, в ноябре 1928 года – 20244, в апреле 1930 года – 57323, а в мае 1931 года – 71957.

¹⁰²ГАРФ, ф.Р9414, оп.1, д.8, лл.83–84.

¹⁰³Кожевников И. С. (1879–1931), член партии большевиков с 1917 года, в 1919 году – командир XIII Армии.

¹⁰⁴Решение о создании «Трудколони» для малолетних заключенных САОИа принято в январе 1929 года. 12 марта состоялось открытие. Первая партия в 50 человек была размещена в двух бараках к юго-востоку от Кремля, на территории так называемого Рабочего Городка.

¹⁰⁵Б п – беспартийный.

¹⁰⁶Пятьдесят два обвиненных в заговоре с целью захвата парохода и побега в Финляндию были приговорены к смертной казни, но для пятнадцати из них расстрел заменили десятилетней прибавкой к сроку, а тридцать шесть человек убили в ночь на 29 октября 1929 года. Все они реабилитированы в 1989 году «за отсутствием состава преступления».

¹⁰⁷По книге Гомпфана С. М. «Записки уцелевшего» («Орбита», Москва, 1990).

¹⁰⁸Председатель ОГПУ Г. Ягода рассказал руководителю Политического Красного Креста Пеншковой Е. П. о расстреле участников «Соловецкого заговора».

¹⁰⁹Аксакова-Сивере Т. А. (1892–1982). «Семейная хроника» (Париж, 1988).

¹¹⁰Ветеракна – финск. «Жинские вельм» – отделение лагеря вблизи Кемпи.

¹¹¹Полифем – циклон-подвод в поэме Гомера «Одиссея», запертый в своей пещере спутников Одиссея и постепенно их поедавший.

¹¹²Решением Коллегии ОГПУ от 20 июня 1930 года Зарин В. Г. за контрреволюционный саботаж заключен в концлагерь сроком на десять лет.

¹¹³После М. Горького вся советская пропаганда называла работников ГПУ–НКВД чекистами (Жак Росси. «Справочник по ГУЛАГу», Москва, «Прогресс», 1991).

¹¹⁴Воспоминания бывшего сотрудника ОГПУ Моисеева С. А. (1902–1990) воспроизводятся в сокращенном, по магнитофонной записи, сделанной председателем карельского научно-просветительного общества «Мемориал» Чухинным И. И. (1947–1997).

¹¹⁵Криминологический кабинет – место работы Лихачева Д. С. в САОИе располагался в середине здания на втором этаже, окнами на север.

¹¹⁶ГАОПДФАО, ф.290, оп.1, д.42, л.2–4, фрагмент.

¹¹⁷ЦГАОР СССР, ф.5446, оп.1, д.176, л.275 об.

¹¹⁸Мордвинов В. А. (1900 г. р.), русский, член ВКП(б) с 1919 года, в органах ВЧК – ОГПУ с 1918 года. Через месяц после отправления «Внеочередного донесения» о пожаре арестован на 15 суток приказом Начальника ГУЛАГа вместе со своими помощниками Федоркевичем Я. Г. и Пойканом И. А. «за полное разложение дисциплины и за допущения на должности воспитателей контрреволюционеров и шпионов».

¹¹⁹3-я часть – ИССО – Информационно-Следственный отдел – внутрилагерное ГПУ.

¹²⁰Озолин А. К., имевший общий срок заключения 10 лет за различные преступления, из лагеря освобожден досрочно 7 апреля 1935 года решением ЦИКа СССР.

¹²¹Начальник Соловецкого отделения СЛАГ ОГПУ Мордвинов В. А. приговорен 17 февраля 1933 года Коллегией ОГПУ к 10 годам лишения свободы «за потерю партийного и чекистского чутья, приведение лагеря в состояние полного разложения и систематическое откровенничество». ГАРФ, ф.9414, оп.1, д.3, л.56.

¹²²Колейка – очередь (польск.).

¹²³В связи с массовым вывозом «рабсилы» на строительство Беломорканала «население» Соловецких островов сократилось к январю 1932 года до 4032 человек, но уже к концу года вновь выросло за счет притока штрафников до 15800 человек.

¹²⁴По данным Центрального архива КГБ СССР, в 1933 году в Соловецком лагере находилось 19287 заключенных.

¹²⁵Расстрел с заменой десятилетиями концлагерей – «баранка через вышку» – по соловецкой терминологии.

¹²⁶Часто публиковавшаяся коммунистической пропагандой притата основателя ВЧК Ф. Дзержинского о главных качествах чекистов.

¹²⁷Научная библиотека, находившаяся в ведении Соловецкого музея, насчитывала к 1935 году 10085 экземпляров книг и рукописей, в том числе ряд уникальных. Кроме того,

в этой библиотеке хранился и исторический архив с значительным количеством документов (по Отчету начальника КВЧ Соловецкого отделения ББК НКВД Головлева Л. В.).

¹²⁷ СТОП (жарг.) — официальное название «Соловецкая тюрьма 10-го Главного Управления Государственной Безопасности».

¹²⁸ В августе 1939 года 183 книги и 110 рукописей, то есть менее трех процентов научной библиотеки Соловецкого лагерного музея, были спасены — отправлены в Москву вместе с частью экспонатов музея; 82 книги поступили в библиотеку ГИМа. В акте на передачу ценностей из Соловецкой тюрьмы в Наркомпрос РСФСР было отмечено: «Оставшиеся книги могут быть использованы на месте, кроме книг религиозного содержания, которые могут быть использованы как закрытый фонд».

¹²⁹ Школа юнг или «Школа юнгов Северного флота» — на Соловках 1942—1944 гг. — курсы по подготовке малолетних подростков к участию в боевых действиях в составе Военно-Морского флота СССР.

¹³⁰ Чистяков В. И. — расстрелян 1 ноября 1937 года.

¹³¹ В сентябре 1936 года Хородчинский В. Ф., двенадцати двух лет, переведен в Челябинский подгизологатор, а Гройсман А. А., двенадцати семи лет, — в Верхнеуральскую тюрьму ГУГБ НКВД.

¹³² Арапов П. С., вернувшийся в Москву в 1930 году после похищения в Париже последнего командира лейбгвардейского Преображенского полка генерала Кутепова А. П. Арапов убит на Соловках в 1937 году.

¹³³ С/с — сексот — секретный сотрудник.

¹³⁴ СПО — Секретно-политический отдел.

¹³⁵ АСЭ — агитсоветский элемент.

¹³⁶ Фрагменты из писем о Павла Флоренского цитируются по публикации «Письма из Соловков» в журнале «Наше наследие» (№ 4, 1988), подготовленной Флоренским П. В.

¹³⁷ По книге Осиповой И. И. «Сквозь огонь мучений и воды слез...» (Москва, Серебряные нити, 1999).

¹³⁸ Фрагменты из писем о Анатолия цитируются по книге Проценко П. А. «Священник Анатолий Жураковский. Материалы к житию» (Париж, ИМКА-Пресс, 1984).

¹³⁹ ВМН — высшая мера наказания, то есть в расстрел.

¹⁴⁰ АХУ НКВД ЛО — Административно-хозяйственное Управление НКВД по Ленинградской области.

¹⁴¹ Архив УФСБ РФ по Республике Карелия. А. № 17/51. арх. № 11602, т. 4, с. 346—348.

¹⁴² КУР — Колония усиленного режима.

¹⁴³ Тянь-Си-Чан, прошедший даже штрафной изолятор на Секриной горе, о чем оставил в 1934 году там между рамами окон карандашную надпись, расстрелян в феврале 1938 года.

¹⁴⁴ В архивном деле № 591367 есть документ, составленный оперуполномоченным младшим лейтенантом Государственной Безопасности Клыковым 4 января 1938 года. Он констатирует, что Щегольков С. В. являлся активным участником контрреволюционной организации, состоявшей из шести учеников фабрично-заводского училища, ставивших своей задачей физическое уничтожение руководителей ВКП(б). Принимая во внимание, что срок наказания Щеголькову С. В. истекает, но так как он является активным террористом, младший лейтенант Государственной Безопасности Клыков постановил: «Дело Щеголькова С. В. направить на пересмотр Особого Совещания при НКВД СССР для продления ему срока наказания». Документ этот уже согласовали начальники Клыкова Березин и Никитин. Но что-то спасло юного Сережу Щеголькова...

¹⁴⁵ Согласно секретному приказу № 00487, штат персонала Соловецкой тюрьмы, состоящей из пяти отделений: Центр, Муксламы, Саввинцево, Анзер и Пересыльское отделение в Кемь, был утвержден в количестве 1005 человек. Только парикмахеров восемь человек.

¹⁴⁶ ГАРФ, ф. 9413, оп. 1, д. 7.

¹⁴⁷ Беляков Н. К. (1882—1937), полный Георгиевский кавалер, член ВКП(б) с 1907 года. Один из главных военных организаторов захвата власти большевиками в Петербурге и Москве осенью 1917 года, командарм 4-й армии. На Брест-Литовских переговорах от имени правительства подписал мирный договор с Германией.

¹⁴⁸ Имеется в виду кинокамера Годовской М. Е. — оператора и режиссера фильма «Власть Соловецкая» («Мосфильм», 1988).

¹⁴⁹ Пародия на поэму Гумилева Н. С. «Аризон» цитируется по публикации Ю. В. Линника в альманахе «Словохи» (Архангельск, 1992).

¹⁵⁰ Темно-синего цвета куртки и штаны, слегка подбитые ватой (на любой сезон), матерчатые бесформенные шинки. Края куртки и штанов обшиты желтой полосой. Такая же четырехсантиметровая желтая полоса и вдоль брюк. По этой тюремной форме узнавали, позднее, соловчан в Норильске.

¹⁵¹ 5 августа 1939 года из Соловков вывезли 1440 узников тюрьмы и 685 лагерников. ГАРФ, ф. 9413, оп. 1, д. 7.

¹⁵² На 1 ноября 1939 года на Соловках оставалось 1522 узника тюрьмы и 855 заключенных, содержащихся на лагерном режиме. ГАРФ, ф. 9413, оп. 1, д. 7.

¹⁵³ Листов В. С. — автор сценария кинофильма «Власть Соловецкая», доктор исторических наук.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издателя.....	3
Соловецкие парадоксы.....	7
Введение.....	33
Глава 1 «ОТРЕЧЕМСЯ ОТ СТАРОГО МИРА!».....	37
Глава 2 ПОЛИТСКИТЫ.....	57
Глава 3 КЕМПЕРПУНКТ— ВОРОТА СОЛОВКОВ.....	77
Глава 4 ПОИСКИ ЖАНРА.....	99
Глава 5 ЧЕРЕЗ ТРУД — К СВОБОДЕ!.....	167
Глава 6 СЛУЖИТЕЛИ КУЛЬТА.....	209
Глава 7 КРЕПОСТНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ.....	257
Глава 8 ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОД.....	313
Глава 9 ПОБЕДА КАТОРЖНОГО СОЦИАЛИЗМА.....	391
Глава 10 ПО ОСОБОЙ ИНСТРУКЦИИ.....	435
Глава 11 ТЮРЬМА.....	483
Примечания.....	522

**Бродский
Юрий Аркадьевич**

**СОЛОВКИ.
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ**

Художественное оформление *Расковская А. А.*

Техническое редактирование
и компьютерная верстка *Расковская А. А.*

Корректоры
Кондрашова Т. И.
Севастьянова З. В.

Сканирование и цветоделение
Быкадоров С. В.
Хорошилов В. А.

Формат 84x108 1/16. Бумага мелованная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 55,4. Тираж 2500 экз.
Заказ № 2651

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

129256, Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 2
Тел. (095)181-01-71 (дирекция)
Тел./факс (095)181-34-57 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

